3 1761 08821405 1

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso03koro

LR
K8467

Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Polnoe sobranie sochineniy

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
В. Г. КОРОЛЕНКО

v. 3

ТОМЪ ТРЕТІЙ

74cv

489676
12.4.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1914

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(этюдъ).

отъ автора.

(Къ шестому изданію).

Чувствую, что пересмотръ и дополненія въ повѣсти, выдержавшей уже нѣсколько изданій, являются неожиданными и требуютъ нѣкотораго объясненія. Основной психологическій мотивъ этюда составляетъ инстинктивное, органическое влеченіе къ свѣту. Отсюда душевный кризисъ моего героя и его разрѣшеніе. И въ устныхъ, и въ печатныхъ критическихъ замѣчаніяхъ мнѣ приходилось встрѣчать возраженіе, повидимому, очень основательное: по мнѣнію возражающихъ, этотъ мотивъ отсутствуетъ у слѣпорожденныхъ, которые никогда не видѣли свѣта и потому не должны чувствовать лишенія въ томъ, чего совсѣмъ не знаютъ. Это соображеніе мнѣ не кажется правильнымъ: мы никогда не летали, какъ птицы, однако, всѣ знаютъ, какъ долго ощущеніе полета сопровождаетъ дѣтскіе и юношескіе сны. Долженъ, однако, признаться, что этотъ мотивъ вошелъ въ мою работу, какъ апріорный, подсказанный лишь воображеніемъ. Только уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ мой этюдъ сталъ выходить въ отдѣльныхъ изданіяхъ, счастливый случай доставилъ мнѣ во время одной изъ моихъ экскурсій возможность прямого наблюденія. Фигуры двухъ звонарей (слѣпой и слѣпорожденный), которыя читатель найдетъ въ гл. VI, разница ихъ настроеній, сцена съ дѣтьми, слова Егора о снахъ—все это я занесъ въ

*) Въ этомъ изданіи были сдѣланы значительныя дополненія (Авт.).

свою записную книжку прямо съ натуры, на вышкѣ колокольни Саровскаго монастыря Тамбовской епархіи, гдѣ оба слѣпые звонаря, быть можетъ, и теперь еще водятъ посѣтителей на колокольню. Съ тѣхъ поръ этотъ эпизодъ, — по моему мнѣнію, рѣшающій въ указанномъ вопросѣ, — лежалъ на моей совѣсти при каждомъ новомъ изданіи моего этюда, и только трудность браться снова за старую тему мѣшала мнѣ ввести его раньше. Теперь онъ составилъ самую существенную часть добавленій, вошедшихъ въ это изданіе. Остальное явилось попутно, такъ какъ, — разъ тронувъ прежнюю тему,—я уже не могъ ограничиться механической вставкой, и работа воображенія, попавшаго въ прежнюю колею, естественно отразилась и на прилегающихъ частяхъ повѣсти.

25 февраля 1898 г.

ГЛАВА I.

I.

Ребенокъ родился въ богатой семьѣ юго-западнаго края, въ глухую полночь. Молодая мать лежала въ глубокомъ забытьи, но, когда въ комнатѣ раздался первый крикъ новорожденнаго, тихій и жалобный, она заметалась съ закрытыми глазами въ своей постели. Ея губы шептали что-то, и на блѣдномъ лицѣ, съ мягкими, почти дѣтскими еще чертами, появилась гримаса нетерпѣливаго страданія, какъ у балованнаго ребенка, испытывающаго непривычное горе.

Бабка наклонилась ухомъ къ ея что-то тихо шептавшимъ губамъ.

— Отчего... отчего это онъ? — спрашивала больная едва слышно.

Бабка не поняла вопроса. Ребенокъ опять закричалъ. По лицу больной пробѣжало отраженіе остраго страданія, и изъ закрытыхъ глазъ скользнула крупная слеза.

— Отчего, отчего?—по прежнему тихо шептали ея губы.

На этотъ разъ бабка поняла вопросъ и спокойно отвѣтила:

— Вы спрашиваете, отчего ребенокъ плачетъ? Это всегда такъ бываетъ, успокойтесь.

Но мать не могла успокоиться. Она вздрагивала каждый разъ при новомъ крикѣ ребенка и все повторяла съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ:

— Отчего... такъ... такъ ужасно?

Бабка не слыхала въ крикѣ ребенка ничего особеннаго и, видя, что мать говоритъ точно въ смутномъ забытьи и, вѣроятно, просто бредитъ, оставила ее и занялась ребенкомъ.

Юная мать смолкла, и только по временамъ какое-то тя-

желое страданіе, которое не могло прорваться наружу движеніями или словами, выдавливало изъ ея глазъ крупныя слезы. Онѣ просачивались сквозь густыя рѣсницы и тихо катились по блѣднымъ, какъ мраморъ, щекамъ.

Быть можетъ, сердце матери почуяло, что вмѣстѣ съ новорожденнымъ ребенкомъ явилось на свѣтъ темное, неисходное горе, которое нависло надъ колыбелью, чтобы сопровождать новую жизнь до самой могилы.

Можетъ быть, впрочемъ, что это былъ и дѣйствительный бредъ. Какъ бы то ни было, ребенокъ родился слѣпымъ.

II.

Сначала никто этого не замѣтилъ. Мальчикъ глядѣлъ тѣмъ тусклымъ и неопредѣленнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ до извѣстнаго возраста всѣ новорожденныя дѣти. Дни уходили за днями, жизнь новаго человѣка считалась уже недѣлями. Его глаза прояснились, съ нихъ сошла мутная поволока, зрачокъ опредѣлился. Но дитя не поворачивало головы за свѣтлымъ лучомъ, проникавшимъ въ комнату вмѣстѣ съ веселымъ щебетаньемъ птицъ и съ шелестомъ зеленыхъ буковъ, которые покачивались у самыхъ оконъ въ густомъ деревенскомъ саду. Мать, успѣвшая оправиться, первая съ безпокойствомъ замѣтила странное выраженіе дѣтскаго лица, остававшагося неподвижнымъ и какъ-то не по-дѣтски серьезнымъ.

Молодая женщина смотрѣла на людей, какъ испуганная горлица, и спрашивала:

— Скажите же мнѣ, отчего онъ такой?

— Какой? — равнодушно переспрашивали посторонніе. — Онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ дѣтей такого возраста.

— Посмотрите, какъ странно ищетъ онъ что-то руками...

— Дитя не можетъ еще координировать движеній рукъ съ зрительными впечатлѣніями,—отвѣтилъ докторъ.

— Отчего же онъ смотритъ все въ одномъ направленіи?.. Онъ... онъ слѣпъ?—вырвалась вдругъ изъ груди матери страшная догадка, и никто не могъ ее успокоить.

Докторъ взялъ ребенка на руки, быстро повернулъ къ свѣту и заглянулъ въ глаза. Онъ слегка смутился и, сказавъ нѣсколько незначущихъ фразъ, уѣхалъ, обѣщая вернуться дня черезъ два.

Мать плакала и билась, какъ подстрѣленная птица, при-

жимая ребенка къ своей груди, между тѣмъ какъ глаза мальчика глядѣли все тѣмъ же неподвижнымъ и суровымъ взглядомъ.

Докторъ, дѣйствительно, вернулся дня черезъ два, захвативъ съ собой офтальмоскопъ. Онъ зажегъ свѣчку, приближалъ и удалялъ ее отъ дѣтскаго глаза, заглядывалъ въ него и, наконецъ, сказалъ съ смущеннымъ видомъ:

— Къ сожалѣнію, сударыня, вы не ошиблись... Мальчикъ, дѣйствительно, слѣпъ и, при томъ, безнадежно...

Мать выслушала это извѣстіе съ спокойной грустью.

— Я знала давно,—сказала она тихо.

III.

Семейство, въ которомъ родился слѣпой мальчикъ, было немногочисленно. Кромѣ названныхъ уже лицъ, оно состояло еще изъ отца и „дяди Максима“, какъ звали его всѣ безъ исключенія домочадцы и даже посторонніе. Отецъ былъ похожъ на тысячу другихъ деревенскихъ помѣщиковъ юго-западнаго края: онъ былъ добродушенъ, даже, пожалуй, добръ, хорошо смотрѣлъ за рабочими и очень любилъ строить и перестраивать мельницы. Это занятіе поглощало почти все его время, и потому голосъ его раздавался въ домѣ только въ извѣстные, опредѣленные часы дня, совпадавшіе съ обѣдомъ, завтракомъ и другими событіями въ томъ же родѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда произносилъ неизмѣнную фразу: „здорова ли ты, моя голубка?“ — послѣ чего усаживался за столъ и уже почти ничего не говорилъ, развѣ изрѣдка сообщалъ что-либо о дубовыхъ валахъ и шестерняхъ. Понятно, что его мирное и незатѣйливое существованіе мало отражалось на душевномъ складѣ его сына.

За то дядя Максимъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Лѣтъ за десять до описываемыхъ событій дядя Максимъ былъ извѣстенъ за самаго опаснаго забіяку не только въ окрестностяхъ его имѣнія, но даже въ Кіевѣ „на Контрактахъ“ *). Всѣ удивлялись, какъ это въ такомъ почтенномъ во всѣхъ отношеніяхъ семействѣ, каково было семейство пани Попельской, урожденной Яценко, могъ выдаться такой ужасный братецъ. Никто не зналъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ держаться и чѣмъ ему угодить. На любезности пановъ онъ отвѣчалъ дерзостями, а мужикамъ спускалъ своеволіе и грубости, на которыя самый смирный изъ „шляхтичей“ непремѣнно бы отвѣчалъ оплеухами. Наконецъ, къ великой радости всѣхъ

*) „Контракты“—мѣстное названіе нѣкогда славной кіевской ярмарки.

благомыслящихъ людей, дядя Максимъ за что-то сильно осердился на австрійцевъ и уѣхалъ въ Италію: тамъ онъ примкнулъ къ такому же забіякѣ и еретику — Гарибальди, который, какъ съ ужасомъ передавали паны-помѣщики, побратался съ чертомъ и въ грошъ не ставитъ самого папу. Конечно, такимъ образомъ Максимъ навѣки погубилъ свою безпокойную схизматическую душу, за то „Контракты“ проходили съ меньшими скандалами, и многія благородныя мамаши перестали безпокоиться за участь своихъ сыновей.

Должно быть, австрійцы тоже крѣпко осердились на дядю Максима. По временамъ въ *Курьеркѣ*, изстари любимой газетѣ пановъ-помѣщиковъ, упоминалось въ реляціяхъ его имя въ числѣ отчаянныхъ гарибальдійскихъ сподвижниковъ, пока однажды изъ того же *Курьерка* паны не узнали, что Максимъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью на полѣ сраженія. Разъяренные австрійцы, давно уже, очевидно, точившіе зубы на заядлаго волынца (которымъ, чуть ли не однимъ, по мнѣнію его соотечественниковъ, держался еще Гарибальди), изрубили его, какъ капусту.

— Плохо кончилъ Максимъ,—сказали себѣ паны и приписали это спеціальному заступничеству св. Петра за своего намѣстника. Максима считали умершимъ.

Оказалось, однако, что австрійскія сабли не сумѣли выгнать изъ Максима его упрямую душу, и она осталась, хотя и въ сильно попорченномъ тѣлѣ. Гарибальдійскіе забіяки вынесли своего достойнаго товарища изъ свалки, отдали его куда-то въ госпиталь, и вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Максимъ неожиданно явился въ домъ своей сестры, гдѣ и остался.

Теперь ему было уже не до дуэлей. Правую ногу ему совсѣмъ отрѣзали, и потому онъ ходилъ на костылѣ, а лѣвая рука была повреждена и годилась только на то, чтобы коскакъ опираться на палку. Да и вообще онъ сталъ серьезнѣе, угомонился, и только по временамъ его острый языкъ дѣйствовалъ такъ же мѣтко, какъ нѣкогда сабля. Онъ пересталъ ѣздить на „Контракты“, рѣдко являлся въ общество и большую часть времени проводилъ въ своей библіотекѣ за чтеніемъ какихъ-то книгъ, о которыхъ никто ничего не зналъ, за исключеніемъ предположенія, что книги совершенно безбожныя. Онъ также писалъ что-то, но такъ какъ его работы никогда не являлись въ *Курьеркѣ*, то никто не придавалъ имъ серьезнаго значенія.

Въ то время, когда въ деревенскомъ домикѣ появилось и стало расти новое существо, въ коротко остриженныхъ волосахъ дяди Максима уже пробивалась серебристая просѣдь.

Плечи отъ постояннаго упора костылей поднялись, туловище приняло квадратную форму. Странная наружность, угрюмо сдвинутыя брови, стукъ костылей и клубы табачнаго дыма, которыми онъ постоянно окружалъ себя, не выпуская изо рта трубки, — все это пугало постороннихъ, и только близкіе къ инвалиду люди знали, что въ изрубленномъ тѣлѣ бьется горячее и доброе сердце, а въ большой квадратной головѣ, покрытой щетиной густыхъ волосъ, работаетъ неугомонная мысль.

Но даже и близкіе люди не знали, надъ какимъ вопросомъ работала эта мысль въ то время. Они видѣли только, что дядя Максимъ, окруженный синимъ дымомъ, просиживаетъ по временамъ цѣлые часы неподвижно, съ отуманеннымъ взглядомъ и угрюмо сдвинутыми густыми бровями. Между тѣмъ, изувѣченный боецъ думалъ о томъ, что жизнь—борьба, и что въ ней нѣтъ мѣста для инвалидовъ. Ему приходило въ голову, что онъ навсегда выбылъ уже изъ рядовъ и теперь напрасно загружаетъ собою фурштатъ; ему казалось, что онъ рыцарь, выбитый изъ сѣдла жизнью и поверженный въ прахъ. Не малодушно ли извиваться въ пыли, подобно раздавленному червяку; не малодушно ли хвататься за стремя побѣдителя, вымаливая у него жалкіе остатки собственнаго существованія?

Пока дядя Максимъ съ холоднымъ мужествомъ обсуждалъ эту жгучую мысль, соображая и сопоставляя доводы *за* и *противъ*, передъ его глазами стало мелькать новое существо, которому судьба судила явиться на свѣтъ уже инвалидомъ. Сначала онъ не обращалъ вниманія на слѣпого ребенка, но потомъ странное сходство судьбы мальчика съ его собственною заинтересовало дядю Максима.

— Гм... да,—задумчиво сказалъ онъ однажды, искоса поглядывая на мальчишку,—этотъ малый тоже инвалидъ. Если сложить насъ обоихъ вмѣстѣ, пожалуй, вышелъ бы одинъ лядащій человѣчишко.

Съ тѣхъ поръ его взглядъ сталъ останавливаться на ребенкѣ все чаще и чаще.

IV.

Ребенокъ родился слѣпымъ. Кто виноватъ въ его несчастіи? Никто! Тутъ не только не было и тѣни чьей-либо „злой воли“, но даже самая причина несчастія скрыта гдѣ-то въ глубинѣ таинственныхъ и сложныхъ процессовъ жизни. А, между тѣмъ при всякомъ взглядѣ на слѣпого мальчика сердце матери сжималось отъ острой боли. Конечно, она страдала

въ этомъ случаѣ, какъ мать, отраженіемъ сыновняго недуга и мрачнымъ предчувствіемъ тяжелаго будущаго, которое ожидало ея ребенка; но, кромѣ этихъ чувствъ, въ глубинѣ сердца молодой женщины щемило также сознаніе, что *причина* несчастія лежала въ видѣ грозной *возможности* въ тѣхъ, кто далъ ему жизнь... Этого было достаточно, чтобы маленькое существо съ прекрасными, но незрячими глазами стало центромъ семьи, безсознательнымъ деспотомъ, съ малѣйшей прихотью котораго сообразовалось все въ домѣ.

Неизвѣстно, что вышло бы со временемъ изъ мальчика, предрасположеннаго къ безпредметной озлобленности своимъ несчастіемъ и въ которомъ все окружающее стремилось развить эгоизмъ, если бы странная судьба и австрійскія сабли не заставили дядю Максима поселиться въ деревнѣ, въ семьѣ сестры.

Присутствіе въ домѣ слѣпого мальчика постепенно и нечувствительно дало дѣятельной мысли изувѣченнаго бойца другое направленіе. Онъ все такъ же просиживалъ цѣлые часы, дымя трубкой, но въ глазахъ, вмѣсто глубокой и тупой боли, виднѣлось теперь вдумчивое выраженіе заинтересованнаго наблюдателя. И, чѣмъ болѣе присматривался дядя Максимъ, тѣмъ чаще хмурились его густыя брови, и онъ все усиленнѣе пыхтѣлъ своею трубкой. Наконецъ, однажды онъ рѣшился на вмѣшательство:

— Этотъ малый, — сказалъ онъ, пуская кольцо за кольцомъ,—будетъ еще гораздо несчастнѣе меня. Лучше бы ему не родиться.

Молодая женщина низко опустила голову, и слеза упала на ея работу.

— Жестоко напоминать мнѣ объ этомъ, Максъ, — сказала она тихо,—напоминать безъ цѣли...

— Я говорю только правду,—отвѣтилъ Максимъ.—У меня нѣтъ ноги и руки, но есть глаза. У малаго нѣтъ глазъ, со временемъ не будетъ ни рукъ, ни ногъ, ни воли...

— Отчего же?

— Пойми меня, Анна, — сказалъ Максимъ мягче. — Я не сталъ бы напрасно говорить тебѣ жестокія вещи. У мальчика тонкая нервная организація. У него пока есть всѣ шансы развить остальныя свои способности до такой степени, чтобы хотя отчасти вознаградить его слѣпоту. Но для этого нужно упражненіе, а упражненіе вызывается только необходимостью. Глупая заботливость, устраняющая отъ него необходимость усилій, убиваетъ въ немъ всѣ шансы на болѣе полную жизнь.

Мать была умна и потому сумѣла побѣдить въ себѣ не-

посредственное побужденіе, заставлявшее ее кидаться, сломя голову, при каждомъ жалобномъ крикѣ ребенка. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора, мальчикъ свободно и быстро ползалъ по комнатамъ, настораживая слухъ навстрѣчу всякому звуку и, съ какою-то необычною въ другихъ дѣтяхъ живостью, ощупывалъ всякій предметъ, попадавшій въ руки.

V.

Мать онъ скоро научился узнавать по походкѣ, по шелесту платья, по какимъ-то еще, ему одному доступнымъ, неуловимымъ для другихъ признакамъ: сколько бы ни было въ комнатѣ людей, какъ бы они ни передвигались, онъ всегда направлялся безошибочно въ ту сторону, гдѣ она сидѣла. Когда она неожиданно брала его на руки, онъ все же сразу узнавалъ, что сидитъ у матери. Когда же его брали другіе, онъ быстро начиналъ ощупывать своими рученками лицо взявшаго его человѣка, и тоже скоро узнавалъ няньку, дядю Максима, отца. Но если онъ попадалъ къ человѣку незнакомому, тогда движенія маленькихъ рукъ становились медленнѣе: мальчикъ осторожно и внимательно проводилъ ими по незнакомому лицу, и его черты выражали напряженное вниманіе; онъ какъ будто „вглядывался“ кончиками своихъ пальцевъ.

По натурѣ онъ былъ очень живымъ и подвижнымъ ребенкомъ, но мѣсяцы шли за мѣсяцами, и слѣпота все болѣе налагала свой отпечатокъ на темпераментъ мальчика, начинавшій опредѣляться. Живость движеній понемногу терялась; онъ сталъ забиваться въ укромные уголки и сидѣлъ тамъ по цѣлымъ часамъ смирно, съ застывшими чертами лица, какъ будто къ чему-то прислушиваясь. Когда въ комнатѣ бывало тихо, и смѣна разнообразныхъ звуковъ не развлекала его вниманія, ребенокъ, казалось, думалъ о чемъ-то съ недоумѣлымъ и удивленнымъ выраженіемъ на красивомъ и не по-дѣтски серьезномъ лицѣ.

Дядя Максимъ угадалъ: тонкая и богатая нервная организація мальчика брала свое и воспріимчивостью къ ощущеніямъ осязанія и слуха какъ бы стремилась возстановить до извѣстной степени полноту своихъ воспріятій. Всѣхъ удивляла поразительная тонкость его осязанія. По временамъ казалось даже, что онъ не чуждъ ощущенія цвѣтовъ; когда ему въ руки попадали ярко окрашенные лоскутья, онъ дольше останавливалъ на нихъ свои тонкіе пальцы, и по лицу его проходило выраженіе удивительнаго вниманія. Однако, со вре-

менемъ стало выясняться все болѣе и болѣе, что развитіе воспріимчивости идетъ, главнымъ образомъ, въ сторону слуха.

Вскорѣ онъ изучилъ въ совершенствѣ комнаты по ихъ звукамъ: различалъ походку домашнихъ, скрипъ стула подъ инвалидомъ дядей, сухое, размѣренное шорканіе нитки въ рукахъ матери, ровное тиканіе стѣнныхъ часовъ. Иногда, ползая вдоль стѣны, онъ чутко прислушивался къ легкому, неслышному для другихъ шороху и, поднявъ руку, тянулся ею за бѣгавшею по обоямъ мухой. Когда испуганное насѣкомое снималось съ мѣста и улетало, на лицѣ слѣпого являлось выраженіе болѣзненнаго недоумѣнія. Онъ не могъ отдать себѣ отчета въ таинственномъ исчезновеніи мухи. Но впослѣдствіи и въ такихъ случаяхъ лицо его сохраняло выраженіе осмысленнаго вниманія; онъ поворачивалъ голову въ ту сторону, куда улетала муха,—изощренный слухъ улавливалъ въ воздухѣ тонкій звонъ ея крыльевъ.

Міръ, сверкавшій, двигавшійся и звучавшій вокругъ, въ маленькую головку слѣпого проникалъ главнымъ образомъ въ формѣ звуковъ, и въ эти формы отливались его представленія. На лицѣ застывало особенное вниманіе къ звукамъ: нижняя челюсть слегка оттягивалась впередъ на тонкой и удлинившейся шеѣ. Брови пріобрѣтали особенную подвижность, а красивые, но неподвижные глаза придавали лицу слѣпого какой-то суровый и вмѣстѣ трогательный отпечатокъ.

VI.

Третья зима его жизни приходила къ концу. На дворѣ уже таялъ снѣгъ, звенѣли весенніе потоки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, здоровье мальчика, который зимой все прихварывалъ и потому всю ее провелъ въ комнатахъ, не выходя на воздухъ, стало поправляться.

Вынули вторыя рамы, и весна ворвалась въ комнату съ удвоенной силой. Въ залитыя свѣтомъ окна глядѣло смѣющееся весеннее солнце, качались голыя еще вѣтки буковъ, вдали чернѣли нивы, по которымъ мѣстами лежали бѣлыя пятна тающихъ снѣговъ, мѣстами же пробивалась чуть замѣтною зеленью молодая трава. Всѣмъ дышалось вольнѣе и лучше, на всѣхъ весна отражалась приливомъ обновленной и бодрой жизненной силы.

Для слѣпого мальчика она врывалась въ комнату только своимъ торопливымъ шумомъ. Онъ слышалъ, какъ бѣгутъ потоки весенней воды, точно вдогонку другъ за другомъ, прыгая по камнямъ, прорѣзаясь въ глубину размякшей земли; вѣтки буковъ шептались за окнами, сталкиваясь и звеня

легкими ударами по стекламъ. А торопливая весенняя капель отъ нависшихъ на крышѣ сосулекъ, прихваченныхъ утреннимъ морозомъ и теперь разогрѣтыхъ солнцемъ, стучала тысячью звонкихъ ударовъ. Эти звуки падали въ комнату, подобно яркимъ и звонкимъ камешкамъ, быстро отбивавшимъ переливчатую дробь. По временамъ сквозь этотъ звонъ и шумъ окрики журавлей плавно проносились съ далекой высоты и постепенно смолкали, точно тихо тая въ воздухѣ.

На лицѣ мальчика это оживленіе природы сказывалось болѣзненнымъ недоумѣніемъ. Онъ съ усиліемъ сдвигалъ свои брови, вытягивалъ шею, прислушивался и затѣмъ, какъ будто встревоженный непонятною суетой звуковъ, вдругъ протягивалъ руки, разыскивая мать, и кидался къ ней, крѣпко прижимаясь къ ея груди.

— Что это съ нимъ? — спрашивала мать себя и другихъ.

Дядя Максимъ внимательно вглядывался въ лицо мальчика и не могъ объяснить его непонятной тревоги.

— Онъ... не можетъ понять,—догадывалась мать, улавливая на лицѣ сына выраженіе болѣзненнаго недоумѣнія и вопроса.

Дѣйствительно, ребенокъ былъ встревоженъ и безпокоенъ: онъ то улавливалъ новые звуки, то удивлялся тому, что прежніе, къ которымъ онъ уже началъ привыкать, вдругъ смолкали и куда-то терялись.

VII.

Хаосъ весенней неурядицы смолкъ. Подъ жаркими лучами солнца работа природы входила все больше и больше въ свою колею, жизнь какъ будто напрягалась, ея поступательный ходъ становился стремительнѣе, точно бѣгъ разошедшагося поѣзда. Въ лугахъ зазеленѣла молодая травка, въ воздухѣ носился запахъ березовыхъ почекъ.

Мальчика рѣшили вывести въ поле, на берегъ ближней рѣки.

Мать вела его за руку. Рядомъ на своихъ костыляхъ шелъ дядя Максимъ, и всѣ они направлялись къ береговому холмику, который достаточно уже высушили солнце и вѣтеръ Онъ зеленѣлъ густой муравой, и съ него открывался видъ на далекое пространство.

Яркій день ударилъ по глазамъ матери и Максима. Солнечные лучи согрѣвали ихъ лица, весенній вѣтеръ, какъ будто взмахивая невидимыми крыльями, сгонялъ эту теплоту, замѣняя ее свѣжею прохладой. Въ воздухѣ носилось что-то опьяняющее до нѣги, до истомы.

Мать почувствовала, что въ ея рукѣ крѣпко сжалась ма-

ленькая ручка ребенка, но опьяняющее вѣяніе весны сдѣлало ее менѣе чувствительной къ этому проявленію дѣтской тревоги. Она вздыхала полною грудью и шла впередъ, не оборачиваясь; если бы она сдѣлала это, то увидѣла бы странное выраженіе на лицѣ мальчика. Онъ поворачивалъ открытые глаза къ солнцу съ нѣмымъ удивленіемъ. Губы его раскрылись; онъ вдыхалъ въ себя воздухъ быстрыми глотками, точно рыба, которую вынули изъ воды; выраженіе болѣзненнаго восторга пробивалось по временамъ на безпомощно-растерянномъ личикѣ, пробѣгало по немъ какими-то нервными ударами, освѣщая его на мгновеніе, и тотчасъ же смѣнялось опять выраженіемъ удивленія, доходящаго до испуга и недоумѣлаго вопроса. Только одни глаза глядѣли все тѣмъ же ровнымъ и неподвижнымъ незрячимъ взглядомъ.

Дойдя до холмика, они усѣлись на немъ всѣ трое. Когда мать приподняла мальчика съ земли, чтобы посадить его поудобнѣе, онъ опять судорожно схватился за ея платье; казалось, онъ боялся, что упадетъ куда-то, какъ будто не чувствуя подъ собой земли. Но мать и на этотъ разъ не замѣтила тревожнаго движенія, потому что ея глаза и вниманіе были прикованы къ чудной весенней картинѣ.

Былъ полдень. Солнце тихо катилось по синему небу. Съ холма, на которомъ они сидѣли, виднѣлась широко разлившаяся рѣка. Она пронесла уже свои льдины, и только по временамъ на ея поверхности плыли и таяли кое-гдѣ послѣднія изъ нихъ, выдѣляясь бѣлыми пятнышками. На поемныхъ лугахъ стояла вода широкими лиманами; бѣлыя облачка, отражаясь въ нихъ вмѣстѣ съ опрокинутымъ лазурнымъ сводомъ, тихо плыли въ глубинѣ и исчезали, какъ будто и они таяли, подобно льдинамъ. Временами пробѣгала отъ вѣтра легкая рябь, сверкая на солнцѣ. Дальше за рѣкой чернѣли разопрѣвшія нивы и парили, застилая рѣющею, колеблющеюся дымкой и дальнія лачуги, крытыя соломой, и смутно зарисовавшуюся синюю полоску лѣса. Земля какъ будто вздыхала, и что-то подымалось отъ нея къ небу, какъ клубы жертвеннаго ѳиміама.

Природа раскинулась кругомъ, точно великій храмъ, приготовленный къ празднику. Но для слѣпого это была только необъятная тьма, которая необычно волновалась вокругъ, шевелилась, рокотала и звенѣла, протягиваясь къ нему, прикасаясь къ его душѣ со всѣхъ сторонъ неизвѣданными еще, необычными впечатлѣніями, отъ наплыва которыхъ болѣзненно билось дѣтское сердце.

Съ первыхъ же шаговъ, когда лучи теплаго дня ударили

ему въ лицо, согрѣли нѣжную кожу, онъ инстинктивно поворачивалъ къ солнцу свои незрячіе глаза, какъ будто чувствуя, къ какому центру тяготѣетъ все окружающее. Для него не было ни этой прозрачной дали, ни лазурнаго свода, ни широко раздвинутаго горизонта. Онъ чувствовалъ только, какъ что-то матеріальное, ласкающее и теплое касается его лица нѣжнымъ, согрѣвающимъ прикосновеніемъ. Потомъ кто-то прохладный и легкій, хотя и менѣе легкій, чѣмъ тепло солнечныхъ лучей, снимаетъ съ его лица эту нѣгу и пробѣгаетъ по немъ ощущеніемъ свѣжей прохлады. Въ комнатахъ мальчикъ привыкъ двигаться свободно, чувствуя вокругъ себя пустоту. Здѣсь же его охватили какія-то странно смѣнявшіяся волны, то нѣжно ласкающія, то щекочущія и опьяняющія. Теплыя прикосновенія солнца быстро обмахивались кѣмъ-то, и струя вѣтра, звеня въ уши, охватывая лицо, виски, голову до самаго затылка, тянулась вокругъ, какъ будто стараясь подхватить мальчика, увлечь его куда-то въ пространство, котораго онъ не могъ видѣть, унося сознаніе, навѣвая забывчивую истому. Тогда-то рука мальчика крѣпче сжимала руку матери, а его сердце замирало и, казалось, вотъ-вотъ совсѣмъ перестанетъ биться.

Когда его усадили, онъ какъ будто нѣсколько успокоился. Теперь, не смотря на странное ощущеніе, переполнившее все его существо, онъ все же сталъ было различать отдѣльные звуки. Темныя ласковыя волны неслись по прежнему неудержимо, и ему казалось, что онѣ проникаютъ внутрь его тѣла, такъ какъ удары его всколыхавшейся крови подымались и опускались вмѣстѣ съ ударами этихъ волнъ. Но теперь онѣ приносили съ собой то яркую трель жаворонка, то тихій шелестъ распустившейся березки, то чуть слышные всплески рѣки. Ласточка свистѣла легкимъ крыломъ, описывая невдалекѣ причудливые круги, звенѣли мошки, и надъ всѣмъ этимъ проносился порой протяжный и печальный окрикъ пахаря на равнинѣ, понукавшаго воловъ надъ распахиваемой полоской.

Но мальчикъ не могъ схватить этихъ звуковъ въ ихъ цѣломъ, не могъ соединить ихъ, расположить въ перспективу. Они какъ будто падали, проникая въ темную головку, одинъ за другимъ, то тихіе, неясные, то громкіе, яркіе, оглушающіе. По временамъ они толпились одновременно, непріятно смѣшиваясь въ непонятную дисгармонію. А вѣтеръ съ поля все свистѣлъ въ уши, и мальчику казалось, что волны бѣгутъ быстрѣе и ихъ рокотъ застилаетъ всѣ остальные звуки, которые несутся теперь откуда-то съ другого міра, точно воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ. И по мѣрѣ того, какъ звуки

тускнѣли, въ грудь мальчика вливалось ощущеніе какой-то щекочущей истомы. Лицо подергивалось ритмически пробѣгавшими по немъ переливами; глаза то закрывались, то открывались опять, брови тревожно двигались, и во всѣхъ чертахъ пробивался вопросъ, тяжелое усиліе мысли и воображенія. Не окрѣпшее еще и переполненное новыми ощущеніями сознаніе начинало изнемогать: оно еще боролось съ нахлынувшими со всѣхъ сторонъ впечатлѣніями, стремясь устоять среди нихъ, слить ихъ въ одно цѣлое и такимъ образомъ овладѣть ими, побѣдить ихъ. Но задача была не по силамъ темному мозгу ребенка, которому недоставало для этой работы зрительныхъ представленій.

И звуки летѣли и падали одинъ за другимъ, все еще слишкомъ пестрые, слишкомъ звонкіе... Охватившія мальчика волны вздымались все напряженнѣе, налетая изъ окружающаго звенѣвшаго и рокотавшаго мрака и уходя въ тотъ же мракъ, смѣняясь новыми волнами, новыми звуками... быстрѣе, выше, мучительнѣе подымали онѣ его, укачивали, баюкали... Еще разъ пролетѣла надъ этимъ тускнѣющимъ хаосомъ длинная и печальная нота человѣческаго окрика, и затѣмъ все сразу смолкло.

Мальчикъ тихо застоналъ и откинулся назадъ на траву. Мать быстро повернулась къ нему и тоже вскрикнула: онъ лежалъ на травѣ, блѣдный, въ глубокомъ обморокѣ.

VIII.

Дядя Максимъ былъ очень встревоженъ этимъ случаемъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ выписывать книги по физіологіи, психологіи и педагогикѣ и съ обычною своей энергіей занялся изученіемъ всего, что даетъ наука по отношенію къ таинственному росту и развитію дѣтской души.

Эта работа завлекала его все больше и больше, и поэтому мрачныя мысли о непригодности къ житейской борьбѣ, о „червякѣ, пресмыкающемся въ пыли“, и о „фурштатѣ“, давно уже незамѣтно улетучились изъ квадратной головы ветерана. На ихъ мѣстѣ воцарилось въ этой головѣ вдумчивое вниманіе, по временамъ даже розовыя мечты согрѣвали старѣющее сердце. Дядя Максимъ убѣждался все болѣе и болѣе, что природа, отказавшая мальчику въ зрѣніи, не обидѣла его въ другихъ отношеніяхъ; это было существо, которое отзывалось на доступныя ему внѣшнія впечатлѣнія съ замѣчательною полнотой и силой. И дядѣ Максиму казалось, что онъ призванъ къ тому, чтобы развить присущіе мальчику задатки, чтобъ усиліемъ своей мысли и своего вліянія уравновѣсить не-

справедливость слѣпой судьбы, чтобы вмѣсто себя поставить въ ряды бойцовъ за дѣло жизни новаго рекрута, на котораго, безъ его вліянія, никто не могъ бы разсчитывать.

„Кто знаетъ,—думалъ старый гарибальдіецъ,—вѣдь бороться можно не только копьемъ и саблей. Быть можетъ, несправедливо обиженный судьбою подыметъ со временемъ доступное ему оружіе въ защиту другихъ, обездоленныхъ жизнью, и тогда я не даромъ проживу на свѣтѣ, изувѣченный старый солдатъ“...

Даже свободнымъ мыслителямъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не было чуждо суевѣрное представленіе о „таинственныхъ предначертаніяхъ“ природы. Немудрено поэтому, что, по мѣрѣ развитія ребенка, выказывавшаго недюжинныя способности, дядя Максимъ утвердился окончательно въ убѣжденіи, что самая слѣпота есть лишь одно изъ проявленій этихъ „таинственныхъ предначертаній“. „Обездоленный за обиженныхъ“—вотъ девизъ, который онъ выставилъ заранѣе на боевомъ знамени своего питомца.

IX.

Послѣ первой весенней прогулки мальчикъ пролежалъ нѣсколько дней въ бреду. Онъ то лежалъ неподвижно и безмолвно въ своей постели, то бормоталъ что-то и къ чему-то прислушивался. И во все это время съ его лица не сходило характерное выраженіе недоумѣнія.

— Право, онъ глядитъ такъ, какъ будто старается понять что-то и не можетъ,—говорила молодая мать.

Максимъ задумывался и кивалъ головой. Онъ понялъ, что странная тревога мальчика и внезапный обморокъ объяснялись обиліемъ впечатлѣній, съ которыми не могло справиться сознаніе, и рѣшился допускать къ выздоравливавшему мальчику эти впечатлѣнія постепенно, такъ сказать, расчлененными на составныя части. Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, окна были плотно закрыты. Потомъ, по мѣрѣ выздоровленія, ихъ открывали на время, затѣмъ его водили по комнатамъ, выводили на крыльцо, на дворъ, въ садъ. И каждый разъ, какъ на лицѣ слѣпого являлось тревожное выраженіе, мать объясняла ему поражавшіе его звуки.

— Рожокъ пастуха слышенъ за лѣсомъ,—говорила она.— А это изъ-за щебетанія воробьиной стаи слышенъ голосъ малиновки. Аистъ клекочетъ на своемъ колесѣ *). Онъ при-

*) Въ Малороссіи и Польшѣ для аистовъ ставятъ высокіе столбы и надѣваютъ на нихъ старыя колеса, на которыхъ птица завиваетъ гнѣздо.

летѣлъ на дняхъ изъ далекихъ краевъ и строитъ гнѣздо на старомъ мѣстѣ.

И мальчикъ поворачивалъ къ ней свое лицо, свѣтившееся благодарностью, бралъ ея руку и кивалъ головой, продолжая прислушиваться съ вдумчивымъ и осмысленнымъ вниманіемъ.

X.

Онъ начиналъ разспрашивать обо всемъ, что привлекало его вниманіе, и мать или, еще чаще, дядя Максимъ разсказывали ему о разныхъ предметахъ и существахъ, издававшихъ тѣ или другіе звуки. Разсказы матери, болѣе живые и яркіе, производили на мальчика большее впечатлѣніе, но по временамъ впечатлѣніе это бывало слишкомъ болѣзненно. Молодая женщина, страдая сама, съ растроганнымъ лицомъ, съ глазами, глядѣвшими съ безпомощною жалобой и болью, старалась дать своему ребенку понятіе о формахъ и цвѣтахъ. Мальчикъ напрягалъ вниманіе, сдвигалъ брови, на лбу его являлись даже легкія морщинки. Видимо, дѣтская головка работала надъ непосильною задачей, темное воображеніе билось, стремясь создать изъ косвенныхъ данныхъ новое представленіе, но изъ этого ничего не выходило. Дядя Максимъ всегда недовольно хмурился въ такихъ случаяхъ, и, когда на глазахъ матери являлись слезы, а лицо ребенка блѣднѣло отъ сосредоточенныхъ усилій, тогда Максимъ вмѣшивался въ разговоръ, отстранялъ сестру и начиналъ свои разсказы, въ которыхъ, по возможности, прибѣгалъ только къ пространственнымъ и звуковымъ представленіямъ. Лицо слѣпого становилось спокойнѣе.

— Ну, а какой онъ? большой? — спрашивалъ онъ про аиста, отбивавшаго на своемъ столбѣ лѣнивую барабанную дробь.

И при этомъ мальчикъ раздвигалъ руки. Онъ дѣлалъ это обыкновенно при подобныхъ вопросахъ, а дядя Максимъ указывалъ ему, когда слѣдовало остановиться. Теперь онъ совсѣмъ раздвинулъ свои маленькія рученки, но дядя Максимъ сказалъ:

— Нѣтъ, онъ еще гораздо больше. Если бы привести его въ комнату и поставить на полу, то голова его была бы выше спинки стула.

— Большой... — задумчиво произнесъ мальчикъ.—А малиновка—вотъ!—и онъ чуть-чуть развелъ сложенныя вмѣстѣ ладони.

— Да, малиновка такая... За то большія птицы никогда не поютъ такъ хорошо, какъ маленькія. Малиновка старается,

чтобы всѣмъ было пріятно ее слушать. А аистъ — серьезная птица, стоитъ себѣ на одной ногѣ въ гнѣздѣ, озирается кругомъ, точно сердитый хозяинъ на работниковъ, и громко ворчитъ, не заботясь о томъ, что голосъ у него хриплый, и его могутъ слышать посторонніе.

Мальчикъ смѣялся, слушая эти описанія, и забывалъ на время о своихъ тяжелыхъ попыткахъ понять разсказы матери. Но все же эти разсказы привлекали его сильнѣе, и онъ предпочиталъ обращаться съ разспросами къ ней, а не къ дядѣ Максиму.

ГЛАВА II.

I.

Темная голова ребенка обогащалась новыми представленіями; посредствомъ сильно изощреннаго слуха онъ проникалъ все дальше въ окружавшую его природу. Надъ нимъ и вокругъ него по прежнему стоялъ глубокій, непроницаемый мракъ; мракъ этотъ нависъ надъ его мозгомъ тяжелою тучей и, хотя онъ залегъ надъ нимъ со дня рожденія, хотя, повидимому, мальчикъ долженъ былъ свыкнуться съ своимъ несчастіемъ, однако дѣтская природа по какому-то инстинкту безпрестанно силилась освободиться отъ темной завѣсы. Эти, не оставлявшіе ребенка ни на минуту, безсознательные порывы къ незнакомому ему свѣту отпечатлѣвались на его лицѣ все глубже и глубже выраженіемъ смутнаго страдающаго усилія.

Тѣмъ не менѣе бывали и для него минуты яснаго довольства, яркихъ дѣтскихъ восторговъ, и это случалось тогда, когда доступныя для него внѣшнія впечатлѣнія доставляли ему новое сильное ощущеніе, знакомили съ новыми явленіями невидимаго міра. Великая и могучая природа не оставалась для слѣпого совершенно закрытою. Такъ, однажды, когда его свели на высокій утесъ, надъ рѣкой, онъ съ особеннымъ выраженіемъ прислушивался къ тихимъ всплескамъ рѣки далеко подъ ногами и съ замираніемъ сердца хватался за платье матери, слушая, какъ катились внизъ обрывавшіеся изъ-подъ ноги его камни. Съ тѣхъ поръ онъ представлялъ себѣ глубину въ видѣ тихаго ропота воды у подножья утеса или въ видѣ испуганнаго шороха падавшихъ внизъ камешковъ.

Даль звучала въ его ушахъ смутно замиравшею пѣсней; когда же по небу гулко перекатывался весенній громъ, заполняя собою пространство и съ сердитымъ рокотомъ теряясь

за тучами, слѣпой мальчикъ прислушивался къ этому рокоту съ благоговѣйнымъ испугомъ, и сердце его расширялось, а въ головѣ возникало величавое представленіе о просторѣ поднебесныхъ высотъ.

Такимъ образомъ, звуки были для него главнымъ непосредственнымъ выраженіемъ внѣшняго міра; остальныя впечатлѣнія служили только дополненіемъ къ впечатлѣніямъ слуха, въ которыя отливались его представленія, какъ въ формы.

По временамъ, въ жаркій полдень, когда вокругъ все смолкало, когда затихало людское движеніе, и въ природѣ устанавливалась та особенная тишина, подъ которой чуется только непрерывный, безшумный бѣгъ жизненной силы, на лицѣ слѣпого мальчика являлось характерное выраженіе. Казалось, подъ вліяніемъ внѣшней тишины изъ глубины его души подымались какіе-то ему одному доступные звуки, къ которымъ онъ будто прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ. Можно было подумать, глядя на него въ такія минуты, что зарождающаяся неясная мысль начинаетъ звучать въ его сердцѣ, какъ смутная мелодія пѣсни.

II.

Ему шелъ уже пятый годъ. Онъ былъ тонокъ и слабъ, но ходилъ и даже бѣгалъ свободно по всему дому. Кто смотрѣлъ на него, какъ онъ увѣренно выступалъ въ комнатахъ, поворачивая именно тамъ, гдѣ надо, и свободно разыскивая нужные ему предметы, тотъ могъ бы подумать, если это былъ незнакомый человѣкъ, что передъ нимъ не слѣпой, а только странно сосредоточенный ребенокъ съ задумчивыми и глядѣвшими въ неопредѣленную даль глазами. Но уже по двору онъ ходилъ съ бо̀льшимъ трудомъ, постукивая передъ собой палкой. Если же въ рукахъ у него не было палки, то онъ предпочиталъ ползать по землѣ, быстро изслѣдуя руками попадавшіеся на пути предметы.

III.

Былъ тихій лѣтній вечеръ. Дядя Максимъ сидѣлъ въ саду. Отецъ, по обыкновенію, захлопотался гдѣ-то въ дальнемъ полѣ. На дворѣ и кругомъ было тихо; селеніе засыпало, въ людской тоже смолкъ говоръ работниковъ и прислуги. Мальчика уже съ полчаса уложили въ постель.

Онъ лежалъ въ полудремотѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ у него съ этимъ тихимъ часомъ стало связываться странное воспоминаніе. Онъ, конечно, не видѣлъ, какъ темнѣло синее небо,

какъ черныя верхушки деревьевъ качались, рисуясь на звѣздной лазури, какъ хмурились лохматыя „стрѣхи“ стоявшихъ кругомъ двора строеній, какъ синяя мгла разливалась по землѣ вмѣстѣ съ тонкимъ золотомъ луннаго и звѣзднаго свѣта. Но вотъ уже нѣсколько дней онъ засыпалъ подъ какимъ-то особеннымъ, чарующимъ впечатлѣніемъ, въ которомъ на другой день не могъ дать себѣ отчета.

Когда дремота все гуще застилала его сознаніе, когда смутный шелестъ буковъ совсѣмъ стихалъ, и онъ переставалъ уже различать и дальній лай деревенскихъ собакъ, и щелканье соловья за рѣкой, и меланхолическое позвякиваніе бубенчиковъ, подвязанныхъ къ пасшемуся на лугу жеребенку, — когда всѣ отдѣльные звуки стушевывались и терялись, ему начинало казаться, что всѣ они, слившись въ одну стройную гармонію, тихо влетаютъ въ окно и долго кружатся надъ его постелью, навѣвая неопредѣленныя, но удивительно пріятныя грезы. На утро онъ просыпался разнѣженный и обращался къ матери съ живымъ вопросомъ:

— Что это было... вчера? Что это такое?..

Мать не знала, въ чемъ дѣло, и думала, что ребенка волнуютъ сны. Она сама укладывала его въ постель, заботливо крестила и уходила, когда онъ начиналъ дремать, не замѣчая при этомъ ничего особеннаго. Но на другой день мальчикъ опять говорилъ ей о чемъ-то, пріятно-тревожившемъ его съ вечера.

— Такъ хорошо, мама, такъ хорошо! Что же это такое?

Въ этотъ вечеръ она рѣшилась остаться у постели ребенка подольше, чтобы разъяснить себѣ странную загадку. Она сидѣла на стулѣ, рядомъ съ его кроваткой, машинально перебирая петли вязанья и прислушиваясь къ ровному дыханію своего Петруся. Казалось, онъ совсѣмъ уже заснулъ, какъ вдругъ въ темнотѣ послышался его тихій голосъ:

— Мама, ты здѣсь?

— Да, да, мой мальчикъ...

— Уйди, пожалуйста, *оно* боится тебя и до сихъ поръ *его* нѣтъ. Я уже совсѣмъ было заснулъ, а этого все нѣтъ...

Удивленная мать съ какимъ-то страннымъ чувствомъ слушала этотъ полусонный, жалобный шопотъ... Ребенокъ говорилъ о своихъ сонныхъ грезахъ съ такою увѣренностью, какъ будто это что-то реальное. Тѣмъ не менѣе, мать встала, наклонилась къ мальчику, чтобы поцѣловать его, и тихо вышла, рѣшившись незамѣтно подойти къ открытому окну со стороны сада.

Не успѣла она сдѣлать своего обхода, какъ загадка разъ-

яснилась. Она услышала вдругъ тихіе, переливчатые тоны свирѣли, которые неслись изъ конюшни, смѣшиваясь съ шорохомъ южнаго вечера. Она сразу поняла, что именно эти нехитрые переливы простой мелодіи, совпадавшіе съ фантастическимъ часомъ дремоты, такъ пріятно настраивали воспоминанія мальчика.

Она сама остановилась, постояла съ минуту, прислушиваясь къ задушевнымъ напѣвамъ малорусской пѣсни, и, совершенно успокоенная, ушла въ темную аллею сада къ дядѣ Максиму.

— Хорошо играетъ Іохимъ, — подумала она. — Странно, сколько тонкаго чувства въ этомъ грубоватомъ на видъ „хлопѣ“.

IV.

А Іохимъ дѣйствительно игралъ хорошо. Ему ни почемъ была даже и хитрая скрипка, и было время, когда въ корчмѣ, по воскресеньямъ, никто лучше не могъ сыграть „казака“ или веселаго польскаго „краковяка“. Когда, бывало, онъ, усѣвшись на лавкѣ въ углу, крѣпко притиснувъ скрипку бритымъ подбородкомъ и ухарски заломивъ высокую смушковую шапку на затылокъ, ударялъ кривымъ смычкомъ по упругимъ струнамъ, тогда рѣдко кто въ корчмѣ могъ усидѣть на мѣстѣ. Даже старый одноглазый еврей, аккомпанировавшій Іохиму на контрабасѣ, одушевлялся до послѣдней степени. Его неуклюжій „струментъ“, казалось, надрывается отъ усилій, чтобы поспѣть своими тяжелыми басовыми нотами за легкими, пѣвучими и прыгающими тонами Іохимовой скрипки, а самъ старый Янкель, высоко подергивая плечами, вертѣлъ лысой головой въ ермолкѣ и весь подпрыгивалъ въ тактъ шаловливой и бойкой мелодіи. Что же говорить о крещеномъ народѣ, у котораго ноги устроены изстари такимъ образомъ, что при первыхъ звукахъ веселаго плясового напѣва сами начинаютъ подгибаться и притопывать.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Іохиму полюбилась Марья, дворовая дѣвка сосѣдняго пана, онъ что-то не залюбилъ веселую скрипку. Правда, что скрипка не помогла ему побѣдить сердце вострой дѣвки, и Марья предпочла безусую нѣмецкую физіономію барскаго камердинера усатой „пыкѣ“ *) хохла-музыканта. Съ тѣхъ поръ его скрипки не слыхали болѣе въ корчмѣ и на вечерницахъ. Онъ повѣсилъ ее на колышкѣ въ конюшнѣ и не обращалъ вниманія на то, что отъ сырости и

*) Пыка“—по-малорусски ироническое названіе лица, физіономіи.

его нерадѣнія на любимомъ прежде инструментѣ то и дѣло одна за другой лопались струны. А онѣ лопались съ такимъ громкимъ и жалобнымъ предсмертнымъ звономъ, что даже лошади сочувственно ржали и удивленно поворачивали головы къ ожесточившемуся хозяину.

На мѣсто скрипки Іохимъ купилъ у прохожаго карпатскаго горца деревянную дудку. Онъ, повидимому, находилъ, что ея тихіе, задушевные переливы больше соотвѣтствуютъ его горькой судьбѣ, лучше выразятъ печаль его отвергнутаго сердца. Однако, горская дудка обманула его ожиданія. Онъ перебралъ ихъ до десятка, пробовалъ на всѣ лады, обрѣзалъ, мочилъ въ водѣ и сушилъ на солнцѣ, подвѣшивалъ на тонкой бичевочкѣ подъ крышей, чтобы ее обдувало вѣтромъ, но ничто не помогало: горская дудка не слушалась хохлацкаго сердца. Она свистѣла тамъ, гдѣ нужно было пѣть, взвизгивала тогда, когда онъ ждалъ отъ нея томнаго дрожанія, и вообще никакъ не поддавалась его настроенію. Наконецъ онъ осердился на всѣхъ бродячихъ горцевъ, убѣдившись окончательно, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи сдѣлать хорошую дудку, и затѣмъ рѣшился сдѣлать ее своими руками. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ бродилъ съ насупленными бровями по полямъ и болотамъ, подходилъ къ каждому кустику ивы, перебиралъ ея вѣтки, срѣзалъ нѣкоторыя изъ нихъ, но, повидимому, все не находилъ того, что ему было нужно. Его брови были по прежнему угрюмо сдвинуты, и онъ шелъ дальше, продолжая розыски. Наконецъ, онъ попалъ на одно мѣсто, надъ лѣниво струившеюся рѣчкой. Вода чуть-чуть шевелила въ этой заводи бѣлыя головки кувшинокъ, вѣтеръ не долеталъ сюда изъ-за густо-разросшихся ивъ, которыя тихо и задумчиво склонились къ темной, спокойной глубинѣ. Іохимъ, раздвинувъ кусты, подошелъ къ рѣчкѣ, постоялъ съ минуту и какъ-то вдругъ убѣдился, что именно здѣсь онъ найдетъ то, что ему нужно. Морщины на его лбу разгладились. Онъ вынулъ изъ-за голенища привязанный на ремешкѣ складной ножикъ и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ задумчиво шептавшіеся кусты ивняка, рѣшительно подошелъ къ тонкому, прямому стволу, качавшемуся надъ размытою кручей. Онъ зачѣмъ-то щелкнулъ по немъ пальцемъ, посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, какъ онъ упруго закачался въ воздухѣ, прислушался къ шопоту его листьевъ и мотнулъ головой.

— Отъ-жъ воно самесенькое, — пробормоталъ Іохимъ съ удовольствіемъ и выбросилъ въ рѣчку всѣ срѣзанные ранѣе прутья.

Дудка вышла на славу. Высушивъ иву, онъ выжегъ ей

сердце раскаленною проволокой, прожегъ шесть круглыхъ отверстій, прорѣзалъ наискось седьмое и плотно заткнулъ одинъ конецъ деревянною затычкой, оставивъ въ ней косую узенькую щелку. Затѣмъ она цѣлую недѣлю висѣла на бичевкѣ, при чемъ ее грѣло солнцемъ и обдавало звонкимъ вѣтромъ. Послѣ этого онъ старательно выстругалъ ее ножомъ, почистилъ стекломъ и крѣпко обтеръ кускомъ грубаго сукна. Верхушка у нея была круглая, отъ середины шли ровныя, точно отполированныя грани, по которымъ онъ выжегъ съ помощью изогнутыхъ кусочковъ желѣза разные хитрые узоры. Попробовавъ ее нѣсколькими быстрыми переливами гаммы, онъ взволнованно мотнулъ головой, крякнулъ и торопливо спряталъ въ укромное мѣстечко, около своей постели. Онъ не хотѣлъ дѣлать перваго музыкальнаго опыта среди дневной суеты. За то въ тотъ же вечеръ изъ конюшни полились нѣжныя, задумчивыя, переливчатыя и дрожащія трели. Іохимъ былъ совершенно доволенъ своей дудкой. Казалось, она была частью его самого; звуки, которые она издавала, лились будто изъ собственной его согрѣтой и разнѣженной груди, и каждый изгибъ его чувства, каждый оттѣнокъ его скорби тотчасъ же дрожалъ въ чудесной дудкѣ, тихо срывался съ нея и звучно несся вслѣдъ за другими, среди чутко слушавшаго вечера.

V.

Теперь Іохимъ былъ влюбленъ въ свою дудку и праздновалъ съ ней свой медовый мѣсяцъ. Днемъ онъ аккуратно справлялъ обязанности конюха, водилъ лошадей на водопой, запрягалъ ихъ, выѣзжалъ съ „паней“ или съ Максимомъ. По временамъ, когда онъ заглядывалъ въ сторону сосѣдняго села, гдѣ жила жестокая Марья, тоска начинала сосать его сердце. Но съ наступленіемъ вечера онъ забывалъ обо всемъ мірѣ и даже образъ чернобровой дѣвушки застилался будто туманомъ. Этотъ образъ терялъ свою жгучую опредѣленность, рисовался передъ нимъ въ какомъ-то смутномъ фонѣ и лишь настолько, чтобы придавать задумчиво-грустный характеръ напѣвамъ чудесной дудки.

Въ такомъ музыкальномъ экстазѣ, весь изливаясь въ дрожащихъ мелодіяхъ, лежалъ Іохимъ въ конюшнѣ и въ тотъ вечеръ. Музыкантъ успѣлъ совершенно забыть не только жестокую красавицу, но даже потерялъ изъ вида собственное свое существованіе, какъ вдругъ онъ вздрогнулъ и приподнялся на своей постели. Въ самомъ патетическомъ мѣстѣ онъ почувствовалъ, какъ чья-то маленькая рука быстро про-

бѣжала легкими пальцами по его лицу, скользнула по рукамъ и затѣмъ стала какъ-то торопливо ощупывать дудку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ услышалъ возлѣ себя чье-то быстрое, взволнованное, короткое дыханіе.

— Цуръ тобі, пекъ тобі!—произнесъ онъ обычное заклинаніе и тутъ же прибавилъ вопросъ:—чортове, чи боже?—желая узнать, не имѣетъ ли онъ дѣла съ нечистою силой.

Но тотчасъ же скользнувшій въ открытыя ворота конюшни лучъ мѣсяца показалъ ему, что онъ ошибся. У его койки стоялъ слѣпой паничъ и жадно тянулся къ нему своими рученками.

Черезъ часъ мать, пожелавшая взглянуть на спящаго Петруся, не нашла его въ постели. Она испугалась сначала, но вскорѣ материнская сметка подсказала ей, гдѣ нужно искать пропавшаго мальчика. Іохимъ очень сконфузился, когда, остановившись, чтобы сдѣлать передышку, онъ неожиданно увидѣлъ въ дверяхъ конюшни „милостивую пани“. Она, повидимому, уже нѣсколько минутъ стояла на этомъ мѣстѣ, слушая его игру и глядя на своего мальчика, который сидѣлъ на койкѣ, укутанный въ полушубокъ Іохима, и все еще жадно прислушивался къ оборванной пѣснѣ.

VI.

Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ мальчикъ являлся къ Іохиму въ конюшню. Ему не приходило и въ голову просить Іохима сыграть что-нибудь днемъ. Казалось, дневная суета и движеніе исключали въ его представленіи возможность этихъ тихихъ мелодій. Но какъ только на землю опускался вечеръ, Петрусь испытывалъ лихорадочное нетерпѣніе. Вечерній чай и ужинъ служили для него лишь указаніемъ, что желанная минута близка, и мать, которой какъ-то инстинктивно не нравились эти музыкальные сеансы, все же не могла запретить своему любимцу бѣжать къ дударю и просиживать у него въ конюшнѣ часа два передъ сномъ. Эти часы стали теперь для мальчика самымъ счастливымъ временемъ, и мать съ жгучею ревностью видѣла, что вечернія впечатлѣнія владѣютъ ребенкомъ даже въ теченіе слѣдующаго дня, что даже на ея ласки онъ не отвѣчаетъ съ прежнею безраздѣльностью, что, сидя у нея на рукахъ и обнимая ее, онъ съ задумчивымъ видомъ вспоминаетъ вчерашнюю пѣсню Іохима.

Тогда она вспомнила, что нѣсколько лѣтъ назадъ, обучаясь въ кіевскомъ пансіонѣ пани Радецкой, она, между прочими „пріятными искусствами“, изучала также и музыку. Правда, само по себѣ, это воспоминаніе было не изъ особенно слад-

кихъ, потому что связывалось съ представленіемъ объ учительницѣ, старой нѣмецкой дѣвицѣ Клапсъ, очень тощей, очень прозаичной и, главное, очень сердитой. Эта чрезвычайно желчная дѣва, очень искусно „выламывавшая“ пальцы своихъ ученицъ, чтобы придать имъ необходимую гибкость, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ замѣчательнымъ успѣхомъ убивала въ своихъ питомицахъ всякіе признаки чувства музыкальной поэзіи. Это пугливое чувство не могло вынести уже одного присутствія дѣвицы Клапсъ, не говоря объ ея педагогическихъ пріемахъ. Поэтому, выйдя изъ пансіона и даже замужемъ, Анна Михайловна и не подумала о возобновленіи своихъ музыкальныхъ упражненій. Но теперь, слушая хохла-дударя, она чувствовала, что вмѣстѣ съ ревностью къ нему въ ея душѣ постепенно пробуждается ощущеніе живой мелодіи, а образъ нѣмецкой дѣвицы тускнѣетъ. Въ результатѣ этого процесса явилась просьба пани Попельской къ мужу выписать изъ города піанино.

— Какъ хочешь, моя голубка,—отвѣтилъ образцовый супругъ.—Ты, кажется, не особенно любила музыку.

Въ тотъ же день послано было письмо въ городъ, но пока инструментъ былъ купленъ и привезенъ изъ города въ деревню, должно было пройти не менѣе двухъ-трехъ недѣль.

А, между тѣмъ, изъ конюшни каждый вечеръ звучали мелодическіе призывы, и мальчикъ кидался туда, даже не спрашивая уже позволенія матери.

Специфическій запахъ конюшни смѣшивался съ ароматомъ сухой травы и острымъ запахомъ сыромятныхъ ремней. Лошади тихо жевали, шурша добываемыми изъ-за рѣшетки клочьями сѣна; когда дударь останавливался для передышки, въ конюшню явственно доносился шопотъ зеленыхъ буковъ изъ сада. Петрикъ сидѣлъ, какъ очарованный, и слушалъ.

Онъ никогда не прерывалъ музыканта, и только когда тотъ самъ останавливался и проходило двѣ-три минуты въ молчаніи, нѣмое очарованіе смѣнялось въ мальчикѣ какою-то странною жадностью. Онъ тянулся за дудкой, бралъ ее дрожащими руками и прикладывалъ къ губамъ. Такъ какъ при этомъ въ груди мальчика захватывало дыханіе, то первые звуки выходили у него какіе-то дрожащіе и тихіе. Но потомъ онъ понемногу сталъ овладѣвать немудренымъ инструментомъ. Іохимъ располагалъ его пальцы по отверстіямъ, и хотя маленькая рученка едва могла захватить эти отверстія, но все же онъ скоро свыкся съ звуками гаммы. При этомъ каждая нота имѣла для него какъ бы свою особенную физіономію, свой индивидуальный характеръ; онъ зналъ уже, въ какомъ

отверстіи живетъ каждый изъ этихъ тоновъ, откуда его нужно выпустить, и порой, когда Іохимъ тихо перебиралъ пальцами какой-нибудь несложный напѣвъ, пальцы мальчика тоже начинали шевелиться. Онъ съ полною ясностью представлялъ себѣ послѣдовательные тоны, расположенными по ихъ обычнымъ мѣстамъ.

VII.

Наконецъ, ровно черезъ три недѣли, изъ города привезли піанино. Петя стоялъ на дворѣ и внимательно слушалъ, какъ суетившіеся работники готовились нести въ комнату привозную „музыку". Она была, очевидно, очень тяжелая, такъ какъ, когда ее стали подымать, телѣга трещала, а люди кряхтѣли и глубоко дышали. Вотъ они двинулись размѣренными, тяжелыми шагами, и при каждомъ такомъ шагѣ надъ ихъ головами что-то странно гудѣло, ворчало и позванивало. Когда странную музыку ставили на полъ въ гостиной, она опять отозвалась глухимъ гуломъ, точно угрожая кому-то въ сильномъ гнѣвѣ.

Все это наводило на мальчика чувство близкое къ испугу, и не располагало въ пользу новаго неодушевленнаго, но вмѣстѣ сердитаго гостя. Онъ ушелъ въ садъ и не слышалъ, какъ установили инструментъ на ножкахъ, какъ пріѣзжій изъ города настройщикъ заводилъ его ключемъ, пробовалъ клавиши и настраивалъ проволочныя струны. Только когда все было кончено, мать велѣла позвать въ комнату Петю.

Теперь, вооружившись вѣнскимъ инструментомъ лучшаго мастера, Анна Михайловна заранѣе торжествовала побѣду надъ нехитрою деревенскою дудкой. Она была увѣрена, что ея Петя забудетъ теперь конюшню и дударя и что всѣ свои радости будетъ получать отъ нея. Она взглянула смѣющимися глазами на робко вошедшаго вмѣстѣ съ Максимомъ мальчика и на Іохима, который просилъ позволенія послушать заморскую музыку и теперь стоялъ у двери, застѣнчиво потупивъ глаза и свѣсивъ чуприну. Когда дядя Максимъ и Петя усѣлись на кушеткѣ, она вдругъ ударила по клавишамъ піанино.

Она играла пьесу, которую въ пансіонѣ пани Радецкой и подъ руководствомъ дѣвицы Клапсъ изучила въ совершенствѣ. Это было что-то особенно шумное, но довольно хитрое, требовавшее значительной гибкости пальцевъ; на публичномъ экзаменѣ Анна Михайловна стяжала этой пьесой обильныя похвалы и себѣ, и особенно своей учительницѣ. Никто не могъ сказать этого навѣрное, но многіе догадывались, что

молчаливый панъ Попельскій плѣнился панной Яценко именно въ ту короткую четверть часа, когда она исполняла трудную пьесу. Теперь молодая женщина играла ее съ сознательнымъ разсчетомъ на другую побѣду: она желала сильнѣе привлечь къ себѣ маленькое сердце своего сына, увлеченнаго хохлацкою дудкой.

Однако, на этотъ разъ ея ожиданія были обмануты: вѣнскому инструменту оказалось не по силамъ бороться съ кускомъ украинской вербы. Правда у вѣнскаго піанино были могучія средства: дорогое дерево, превосходныя струны, отличная работа вѣнскаго мастера, богатство обширнаго регистра. За то и у украинской дудки нашлись союзники, такъ какъ она была у себя дома, среди родственной украинской природы.

Прежде, чѣмъ Іохимъ срѣзалъ ее своимъ ножомъ и выжегъ ей сердце раскаленнымъ желѣзомъ, она качалась здѣсь, надъ знакомою мальчику родною рѣчкой, ее ласкало украинское солнце, которое согрѣвало и его, и тотъ же обдавалъ ее украинскій вѣтеръ, пока зоркій глазъ украинца-дударя подмѣтилъ ее надъ размытою кручей. И теперь трудно было иностранному пришельцу бороться съ простою мѣстною дудкой, потому что она явилась слѣпому мальчику въ тихій часъ дремоты, среди таинственнаго вечерняго шороха, подъ шелестъ засыпавшихъ буковъ, въ сопровожденіи всей родственной украинской природы.

Да и пани Попельской далеко было до Іохима. Правда, ея тонкіе пальцы были и быстрѣе, и гибче; мелодія, которую она играла, сложнѣе и богаче, и много трудовъ положила дѣвица Клапсъ, чтобы выучить свою ученицу владѣть труднымъ инструментомъ. За то у Іохима было непосредственное музыкальное чувство, онъ любилъ и грустилъ и съ любовью своей, и съ тоскою обращался къ родной природѣ. Его учила несложнымъ напѣвамъ эта природа, шумъ ея лѣса, тихій шопотъ степной травы, задумчивая, родная, старинная пѣсня, которую онъ слышалъ еще надъ своею дѣтскою колыбелью.

Да, трудно оказалось вѣнскому инструменту побѣдить хохлацкую дудку. Не прошло и одной минуты, какъ дядя Максимъ вдругъ рѣзко застучалъ объ полъ своимъ костылемъ. Когда Анна Михайловна повернулась въ ту сторону, она увидѣла на поблѣднѣвшемъ лицѣ Петрика то самое выраженіе, съ какимъ въ памятный для нея день первой несенней прогулки мальчикъ лежалъ на травѣ.

Іохимъ участливо посмотрѣлъ на мальчика, потомъ кинулъ пренебрежительный взглядъ на нѣмецкую музыку и удалился, стукая по полу гостиной своими неуклюжими „чоботьями“.

VIII.

Много слезъ стоила бѣдной матери эта неудача,— слезъ и стыда. Ей, „милостивой пани“ Попельской, слышавшей громъ рукоплесканій „избранной публики“, сознавать себя такъ жестоко пораженной, и кѣмъ же?—простымъ конюхомъ Іохимомъ съ его глупою свистѣлкой! Когда она вспомнила исполненный пренебреженія взглядъ хохла послѣ ея неудачнаго концерта, краска гнѣва заливала ея лицо, и она искренно ненавидѣла „противнаго хлопа“.

И, однако, каждый вечеръ, когда ея мальчикъ убѣгалъ въ конюшню, она открывала окно, облокачивалась на него и жадно прислушивалась. Сначала слушала она съ чувствомъ гнѣвнаго пренебреженія, стараясь лишь уловить смѣшныя стороны въ этомъ „глупомъ чириканьи“; но мало-по-малу— она и сама не отдавала себѣ отчета, какъ это могло случиться,—глупое чириканье стало овладѣвать ея вниманіемъ, и она уже съ жадностью ловила задумчиво-грустные напѣвы. Спохватившись, она задала себѣ вопросъ, въ чемъ же ихъ привлекательность, ихъ чарующая тайна, и понемногу эти синіе вечера, неопредѣленныя вечернія тѣни и удивительная гармонія пѣсни съ природой разрѣшила ей этотъ вопросъ.

„Да,—думала она про себя, побѣжденная и завоеванная въ свою очередь, — тутъ есть какое-то совсѣмъ особенное, истинное чувство... чарующая поэзія, которую не выучишь по нотамъ“.

И это была правда. Тайна этой поэзіи состояла въ удивительной связи между давно умершимъ прошлымъ и вѣчно живущей, и вѣчно говорящею человѣческому сердцу природой, свидѣтельницей этого прошлаго. А онъ, грубый мужикъ въ смазныхъ сапогахъ и съ мозолистыми руками, носилъ въ себѣ эту гармонію, это живое чувство природы.

И она сознавала, что гордая „пани“ смиряется въ ней передъ конюхомъ-хлопомъ. Она забывала его грубую одежду и запахъ дегтя, и сквозь тихіе переливы пѣсни вспоминалось ей добродушное лицо, съ мягкимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ и застѣнчиво-юмористическою улыбкой изъ-подъ длинныхъ усовъ. По временамъ краска гнѣва опять приливала къ лицу и вискамъ молодой женщины: она чувствовала, что въ борьбѣ изъ-за вниманія ея ребенка она стала съ этимъ мужикомъ на одну арену, на равной ногѣ, и онъ, „хлопъ“, побѣдилъ.

А деревья въ саду шептались у нея надъ головой, ночь разгоралась огнями въ синемъ небѣ и разливалась по землѣ синею тьмой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душу молодой женщины

лилась горячая грусть отъ Іохимовыхъ пѣсенъ. Она все больше смирялась и все больше училась постигать нехитрую тайну непосредственной и чистой безыскусственной поэзіи.

IX.

Да, у мужика Іохима истинное, живое чувство! А у нея? Неужели у нея нѣтъ ни капли этого чувства? Отчего же такъ жарко въ груди и такъ тревожно бьется въ ней сердце и слезы поневолѣ подступаютъ къ глазамъ?

Развѣ это не чувство, не жгучее чувство любви къ ея обездоленному, слѣпому ребенку, который убѣгаетъ отъ нея къ Іохиму, и которому она не умѣетъ доставить такого же живого наслажденія?

Ей вспомнилось выраженіе боли, вызванное ея игрой на лицѣ мальчика, и жгучія слезы лились у нея изъ глазъ, и по временамъ она съ трудомъ сдерживала подступавшія къ горлу и готовыя вырваться рыданія.

Бѣдная мать! Слѣпота ея ребенка стала и ея вѣчнымъ, неизлѣчимымъ недугомъ. Онъ сказался и въ болѣзненно-преувеличенной нѣжности, и въ этомъ всю ее поглотившемъ чувствѣ, связавшемъ тысячью невидимыхъ струнъ ея изболѣвшее сердце съ каждымъ проявленіемъ дѣтскаго страданія. По этой причинѣ то, что въ другой вызвало бы только досаду, — это странное соперничество съ хохломъ-дударемъ,— стало для нея источникомъ сильнѣйшихъ, преувеличенно-жгучихъ страданій.

Такъ шло время, не принося ей облегченія, но за то и не безъ пользы: она начала сознавать въ себѣ приливы того же живого ощущенія мелодіи и поэзіи, которое такъ очаровало ее въ игрѣ хохла. Тогда въ ней ожила и надежда. Подъ вліяніемъ внезапныхъ приливовъ самоувѣренности она нѣсколько разъ подходила къ своему инструменту и открывала крышку съ намѣреніемъ заглушить пѣвучими ударами клавишей тихую дудку. Но каждый разъ чувство нерѣшимости и стыдливаго страха удерживало ее отъ этихъ попытокъ. Ей вспоминалось лицо ея страдающаго мальчика и пренебрежительный взглядъ хохла, и щеки пылали въ темнотѣ отъ стыда, а рука только пробѣгала въ воздухѣ надъ клавіатурой съ боязливою жадностью...

Тѣмъ не менѣе, изо дня въ день какое-то внутреннее сознаніе своей силы въ ней все возрастало, и выбирая время, когда мальчикъ игралъ передъ вечеромъ въ дальней аллеѣ или уходилъ гулять, она садилась за піанино. Первыми опытами она осталась не особенно довольна; руки не повинова-

лись ея внутреннему пониманію, звуки инструмента казались сначала чуждыми овладѣвшему ею настроенію. Но постепенно это настроеніе переливалось въ нихъ съ большею полнотой и легкостью; уроки хохла не прошли даромъ, а горячая любовь матери и чуткое пониманіе того, что именно захватывало такъ сильно сердце ребенка, дали ей возможность такъ быстро усвоить эти уроки. Теперь изъ-подъ рукъ выходили уже не трескучія мудреныя „пьесы", а тихая пѣсня, грустная украинская думка звенѣла и плакала въ темныхъ комнатахъ, размягчая материнское сердце.

Наконецъ, она пріобрѣла достаточно смѣлости, чтобы выступить въ открытую борьбу, и вотъ, по вечерамъ, между барскимъ домомъ и Іохимовой конюшней началось странное состязаніе. Изъ затѣненнаго сарая съ нависшею соломенною стрѣхой тихо вылетали переливчатыя трели дудки, а на встрѣчу имъ изъ открытыхъ оконъ усадьбы, сверкавшей сквозь листву буковъ отраженіемъ луннаго свѣта, неслись пѣвучіе, полные аккорды фортепіано.

Сначала ни мальчикъ, ни Іохимъ не хотѣли обращать вниманія на „хитрую" музыку усадьбы, къ которой они питали предубѣжденіе. Мальчикъ даже хмурилъ брови и нетерпѣливо понукалъ Іохима, когда тотъ останавливался.

— Э! играй же, играй!

Но не прошло и трехъ дней, какъ эти остановки стали все чаще и чаще. Іохимъ то и дѣло откладывалъ дудку и начиналъ прислушиваться съ возрастающимъ интересомъ, а во время этихъ паузъ и мальчикъ тоже заслушивался и забывалъ понукать пріятеля. Наконецъ, Іохимъ произнесъ съ задумчивымъ видомъ:

— Ото-жъ якъ гарно... Бачъ, яка воно штука...

И затѣмъ, съ тѣмъ же задумчиво-разсѣяннымъ видомъ прислушивающагося человѣка, онъ взялъ мальчика на руки и пошелъ съ нимъ черезъ садъ къ открытому окну гостиной.

Онъ думалъ, что „милостивая пани" играетъ для собственнаго своего удовольствія и не обращаетъ на нихъ вниманія. Но Анна Михайловна слышала въ промежуткахъ, какъ смолкла ея соперница-дудка, видѣла свою побѣду, и ея сердце билось отъ радости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ея гнѣвное чувство къ Іохиму улеглось окончательно. Она была счастлива и сознавала, что обязана этимъ счастьемъ ему: онъ научилъ ее, какъ опять привлечь къ себѣ ребенка, и если теперь ея мальчикъ получитъ отъ нея цѣлыя сокровища новыхъ впечатлѣній, то за это оба они должны быть благодарны ему, мужику-дударю, ихъ общему учителю.

X.

Ледъ былъ сломанъ. Мальчикъ на слѣдующій день съ робкимъ любопытствомъ вошелъ въ гостиную, въ которой не бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ въ ней поселился странный городской гость, показавшійся ему такимъ сердито-крикливымъ. Теперь вчерашнія пѣсни этого гостя подкупили слухъ мальчика и измѣнили его отношеніе къ инструменту. Съ послѣдними слѣдами прежней робости онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло піанино, остановился на нѣкоторомъ разстояніи и прислушался. Въ гостиной никого не было. Мать сидѣла съ работой въ другой комнатѣ на диванѣ и, притаивъ дыханіе, смотрѣла на него, любуясь каждымъ его движеніемъ, каждою смѣною выраженія на нервномъ лицѣ ребенка.

Протянувъ издали руки, онъ коснулся полированной поверхности инструмента и тотчасъ же робко отодвинулся. Повторивъ раза два этотъ опытъ, онъ подошелъ поближе и сталъ внимательно изслѣдовать инструментъ, наклоняясь до земли, чтобы ощупать ножки, обходя кругомъ по свободнымъ сторонамъ. Наконецъ, его рука попала на гладкія клавиши.

Тихій звукъ струны неувѣренно дрогнулъ въ воздухѣ. Мальчикъ долго прислушивался къ исчезнувшимъ уже для слуха матери вибраціямъ и затѣмъ, съ выраженіемъ полнаго вниманія, тронулъ другую клавишу. Проведя послѣ этого рукой по всей клавіатурѣ, онъ попалъ на ноту верхняго регистра. Каждому тону онъ давалъ достаточно времени, и они, одинъ за другимъ, колыхаясь, дрожали и замирали въ воздухѣ. Лицо слѣпого, вмѣстѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, выражало удовольствіе; онъ, видимо, любовался каждымъ отдѣльнымъ тономъ, и уже въ этой чуткой внимательности къ элементарнымъ звукамъ, составнымъ частямъ будущей мелодіи, сказывались задатки артиста.

Но при этомъ казалось, что слѣпой придавалъ еще какія-то особенныя свойства каждому звуку: когда изъ-подъ его руки вылетала веселая и яркая нота высокаго регистра, онъ подымалъ оживленное лицо, будто провожая кверху эту звонкую летучую ноту. Наоборотъ, при густомъ, чуть слышномъ и глухомъ дрожаніи баса онъ наклонялъ ухо; ему казалось, что этотъ тяжелый тонъ долженъ непремѣнно низко раскатиться надъ землею, разсыпаясь по полу и теряясь въ дальнихъ углахъ.

XI.

Дядя Максимъ относился ко всѣмъ этимъ музыкальнымъ экспериментамъ только терпимо. Какъ это ни странно, но такъ явно обнаружившіяся склонности мальчика порождали

въ инвалидѣ двойственное чувство. Съ одной стороны, страстное влеченіе къ музыкѣ указывало на несомнѣнно присущія мальчику музыкальныя способности и, такимъ образомъ, опредѣляло отчасти возможное для него будущее. Съ другой—къ этому сознанію примѣшивалось въ сердцѣ стараго солдата неопредѣленное чувство разочарованія.

„Конечно, — разсуждалъ Максимъ, — музыка тоже великая сила, дающая возможность владѣть сердцемъ толпы. Онъ, слѣпой, будетъ собирать сотни разряженныхъ франтовъ и барынь, будетъ имъ разыгрывать разные тамъ... вальсы и ноктюрны (правду сказать, дальше этихъ „вальсовъ“ и „ноктюрновъ“ не шли музыкальныя познанія Максима), а они будутъ утирать слезы платочками. Эхъ, чертъ возьми, не того бы мнѣ хотѣлось, да что же дѣлать! Малый слѣпъ, такъ пусть же станетъ въ жизни тѣмъ, чѣмъ можетъ. Только все же лучше бы ужъ пѣсня, что ли? Пѣсня говоритъ не одному неопредѣленно разнѣживающемуся слуху. Она даетъ образы, будитъ мысль въ головѣ и мужество въ сердцѣ“.

— Эй, Іохимъ,—сказалъ онъ однимъ вечеромъ, входя вслѣдъ за мальчикомъ къ Іохиму.—Брось ты хоть одинъ разъ свою свистѣлку! Это хорошо мальчишкамъ на улицѣ или подпаску въ полѣ, а ты все же таки взрослый мужикъ, хоть эта глупая Марья и сдѣлала изъ тебя настоящаго теленка. Тьфу, даже стыдно за тебя, право! Дѣвка отвернулась, а ты и раскисъ. Свистишь, точно перепелъ въ клѣткѣ!

Іохимъ, слушая эту длинную рацею раздосадованнаго пана, ухмылялся въ темнотѣ надъ его безпричиннымъ гнѣвомъ. Только упоминаніе о мальчишкахъ и подпаскѣ нѣсколько расшевелило въ немъ чувство легкой обиды.

— Не скажите, пане, — заговорилъ онъ. — Такую дуду не найти вамъ ни у одного пастуха въ Украйнѣ, не то что у подпаска... То все свистѣлки, а эта... вы вотъ послушайте.

Онъ закрылъ пальцами всѣ отверстія и взялъ на дудкѣ два тона въ октаву, любуясь полнымъ звукомъ. Максимъ плюнулъ.

— Тьфу, прости Боже! совсѣмъ поглупѣлъ парубокъ! Что мнѣ твоя дуда? Всѣ онѣ одинаковы — и дудки, и бабы, съ твоей Марьей на придачу. Вотъ лучше спѣлъ бы ты намъ пѣсню, коли умѣешь,—хорошую старую пѣсню.

Максимъ Яценко, самъ малороссъ, былъ человѣкъ простой съ мужиками и дворней. Онъ часто кричалъ и ругался, но какъ-то необидно, и потому къ нему относились люди почтительно, но свободно.

— А что-жъ? — отвѣтилъ Іохимъ на предложеніе пана. — Пѣлъ когда-то и я не хуже людей. Только, можетъ, и наша

мужицкая пѣсня тоже вамъ не по вкусу придется, пане? — уязвилъ онъ слегка собесѣдника.

— Ну, не бреши по пустому,—сказалъ Максимъ. — Пѣсня хорошая—не дудкѣ чета, если только человѣкъ умѣетъ пѣть какъ слѣдуетъ. Вотъ послушаемъ, Петрусю, Іохимову пѣсню. Поймешь ли ты только, малый?

— А это будетъ „хлопская“ пѣсня?—спросилъ мальчикъ.— Я понимаю „по-хлопски“.

Максимъ вздохнулъ. Онъ былъ романтикъ и когда-то мечталъ о новой сѣчи.

— Эхъ, малый! Это не хлопскія пѣсни... Это пѣсни сильнаго, вольнаго народа. Твои дѣды по мате и пѣли ихъ на степяхъ по Днѣпру, и по Дунаю, и на Черномъ морѣ... Ну, да ты поймешь это когда-нибудь, а теперь,—прибавилъ онъ задумчиво,—боюсь я другого...

Дѣйствительно, Максимъ боялся другого непониманія. Онъ думалъ, что яркіе образы пѣсеннаго эпоса требуютъ непремѣнно зрительныхъ представленій, чтобы говорить сердцу. Онъ боялся, что темная голова ребенка не въ состояніи будетъ усвоить картиннаго языка народной поэзіи. Онъ забылъ, что древніе баяны, что украинскіе кобзари и бандуристы были, по большей части, слѣпые. Правда, тяжкая доля, увѣчье заставляли нерѣдко брать въ руки лиру или бандуру, чтобы просить съ нею подаянія. Но не все же это были только нищіе и ремесленники съ гнусавыми голосами, и не всѣ они лишились зрѣнія только подъ старость. Слѣпота застилаетъ видимый міръ темною завѣсой, которая, конечно, ложится на мозгъ, затрудняя и угнетая его работу, но все же изъ наслѣдственныхъ представленій и изъ впечатлѣній, получаемыхъ другими путями, мозгъ творитъ въ темнотѣ свой собственный міръ, грустный, печальный и сумрачный, но не лишенный своеобразной, смутной поэзіи.

XII.

Максимъ съ мальчикомъ усѣлись на сѣнѣ, а Іохимъ прилегъ на свою лавку (эта поза наиболѣе соотвѣтствовала его артистическому настроенію) и, подумавъ съ минуту, запѣлъ. Случайно или по чуткому инстинкту выборъ его оказался очень удачнымъ. Онъ остановился на исторической картинѣ:

Ой, тамъ на горі, тай женці жнуть.

Всякому, кто слышалъ эту прекрасную народную пѣсню въ надлежащемъ исполненіи, навѣрное врѣзался въ памяти ея старинный мотивъ, высокій, протяжный, будто подерну-

тый грустью историческаго воспоминанія. Въ ней нѣтъ событій, кровавыхъ сѣчъ и подвиговъ. Это и не прощаніе казака съ милой, не удалой набѣгъ, не экспедиція въ чайкахъ по синему морю и Дунаю. Это только одна мимолетная картина, всплывшая мгновенно въ воспоминаніи украинца какъ смутная греза, какъ отрывокъ изъ сна объ историческомъ прошломъ. Среди будничнаго и сѣраго настоящаго дня въ его воображеніи встала вдругъ эта картина, смутная, туманная, подернутая тою особенною грустью, которая вѣетъ отъ исчезнувшей уже родной старины. Исчезнувшей, но еще не безслѣдно! О ней говорятъ еще высокіе могилы-курганы, гдѣ лежатъ казацкія кости, гдѣ въ полночь загораются огни, откуда слышатся по ночамъ тяжелые стоны. О ней говоритъ и народное преданіе, и смолкающая все болѣе и болѣе народная пѣсня:

Ой, тамъ на горі, тай женці жнуть,
А по-підъ горою, по-підъ зеленою
Козаки идуть!..
Козаки идуть!..

На зеленой горѣ жнецы жнутъ хлѣбъ. А подъ горой, внизу, идетъ казачье войско.

Максимъ Яценко заслушался грустнаго напѣва. Въ его воображеніи, вызванная чудеснымъ мотивомъ, удивительно сливающимся съ содержаніемъ пѣсни, всплыла эта картина, будто освѣщенная меланхолическимъ отблескомъ заката. Въ мирныхъ поляхъ, на горѣ, беззвучно наклоняясь надъ нивами, виднѣются фигуры жнецовъ. А внизу безшумно проходятъ отряды, одинъ за другимъ, сливаясь съ вечерними тѣнями долины.

По переду Дорошенко
Веде свое військо, військо запорожське,
Хорошенько.

И протяжная нота пѣсни о прошломъ колышется, звенитъ и смолкаетъ въ воздухѣ, чтобы зазвенѣть опять и вызвать изъ сумрака все новыя и новыя фигуры.

XIII.

Мальчикъ слушалъ съ омраченнымъ и грустнымъ лицомъ. Когда пѣвецъ пѣлъ о горѣ, на которой жнутъ жнецы, воображеніе тотчасъ же переносило Петруся на высоту знакомаго ему утеса. Онъ узналъ его потому, что внизу плещется рѣчка чуть слышными ударами волны о камень. Онъ уже знаетъ также, что такое жнецы, онъ слышитъ позвякиваніе серповъ и шорохъ падающихъ колосьевъ.

Когда же пѣсня переходила къ тому, что дѣлается подъ горой, воображеніе слѣпого слушателя тотчасъ же удаляло его отъ вершинъ въ долину...

Звонъ серповъ смолкъ, но мальчикъ знаетъ, что жнецы тамъ, на горѣ, что они остались, но они не слышны, потому что они высоко, такъ же высоко, какъ сосны, шумъ которыхъ онъ слышалъ, стоя подъ утесомъ. А внизу, надъ рѣкой, раздается частый, ровный топотъ конскихъ копытъ... Ихъ много, отъ нихъ стоитъ неясный гулъ тамъ, въ темнотѣ, подъ горой. Это „идутъ козаки“.

Онъ знаетъ также, что значитъ козакъ. Старика „Хведька“, который заходитъ по временамъ въ усадьбу, всѣ зовутъ „старымъ козакомъ“. Онъ не разъ бралъ Петруся къ себѣ на колѣни, гладилъ его волосы своею дрожащею рукой. Когда же мальчикъ, по своему обыкновенію, ощупывалъ его лицо, то осязалъ своими чуткими пальцами глубокія морщины, большіе обвисшіе внизъ усы, впалыя щеки и на щекахъ старческія слезы. Такихъ же козаковъ представлялъ себѣ мальчикъ подъ протяжные звуки пѣсни тамъ, внизу, подъ горой. Они сидятъ на лошадяхъ, такіе же, какъ „Хведько“, усатые, такіе же сгорбленные, такіе же старые. Они тихо подвигаются безформенными тѣнями въ темнотѣ и такъ же, какъ „Хведько“, о чемъ-то плачутъ, быть можетъ, оттого, что и надъ горой, и надъ долиной стоятъ эти печальные, протяжные стоны Іохимовой пѣсни,—пѣсни о „необачномъ козачинѣ“, что промѣнялъ молодую жонку на походную трубку и на боевыя невзгоды.

Максиму достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что чуткая натура мальчика способна откликнуться, не смотря на слѣпоту, на поэтическіе образы пѣсни.

ГЛАВА III.

I.

Благодаря режиму, который былъ заведенъ по плану Максима, слѣпой во всемъ, гдѣ это было возможно, былъ предоставленъ собственнымъ усиліямъ, и это принесло самые лучшіе результаты. Въ домѣ онъ не казался вовсе безпомощнымъ, ходилъ всюду очень увѣренно, самъ убиралъ свою комнату, держалъ въ извѣстномъ порядкѣ свои игрушки и вещи. Кромѣ того, насколько это было ему доступно, Максимъ обращалъ вниманіе на физическія упражненія: у мальчика была своя гимнастика, а на шестомъ году Максимъ подарилъ племян-

нику небольшую и смирную лошадку. Мать сначала не могла себѣ представить, чтобъ ея слѣпой ребенокъ могъ ѣздить верхомъ, и она называла затѣю брата чистымъ безуміемъ. Но инвалидъ пустилъ въ дѣло все свое вліяніе, и черезъ два-три мѣсяца мальчикъ весело скакалъ въ сѣдлѣ рядомъ съ Іохимомъ, который командовалъ только на поворотахъ.

Такимъ образомъ, слѣпота не помѣшала правильному физическому развитію, и вліяніе ея на нравственный складъ ребенка было по возможности ослаблено. Для своего возраста онъ былъ высокъ и строенъ; лицо его было нѣсколько блѣдно, черты тонки и выразительны. Черные волосы оттѣняли еще болѣе бѣлизну лица, а большіе, темные, мало подвижные глаза придавали ему своеобразное выраженіе, какъ-то сразу приковывавшее вниманіе. Легкая складка надъ бровями, привычка нѣсколько подаваться головой впередъ и выраженіе грусти, по временамъ пробѣгавшее какими-то облаками по красивому лицу, — это все, чѣмъ сказалась слѣпота въ его наружности. Его движенія въ знакомомъ мѣстѣ были увѣренны, но все же было замѣтно, что природная живость подавлена и проявляется по временамъ довольно рѣзкими нервными порывами.

II.

Теперь впечатлѣнія слуха окончательно получили въ жизни слѣпого преобладающее значеніе, звуковыя формы стали главными формами его мысли, центромъ умственной работы. Онъ запомнилъ пѣсни, вслушиваясь въ ихъ чарующіе мотивы, знакомился съ ихъ содержаніемъ, окрашивая его грустью, весельемъ или раздумчивостью мелодіи. Онъ еще внимательнѣе ловилъ голоса окружающей природы и, сливая смутныя ощущенія съ привычными родными мотивами, по временамъ умѣлъ обобщить ихъ свободною импровизаціей, въ которой трудно было отличить, гдѣ кончается народный, привычный уху мотивъ и гдѣ начинается личное творчество. Онъ и самъ не могъ отдѣлить въ своихъ пѣсняхъ этихъ двухъ элементовъ: такъ цѣльно слились въ немъ они оба. Онъ быстро заучивалъ все, что передавала ему мать, учившая его игрѣ на фортепіано, но любилъ также и Іохимову дудку. Фортепіано было богаче, звучнѣе и полнѣе, но оно стояло въ комнатѣ, тогда какъ дудку можно было брать съ собой въ поле, и ея переливы такъ нераздѣльно сливались съ тихими вздохами степи, что порой Петрусь самъ не могъ отдать себѣ отчета, вѣтеръ ли навѣваетъ издалека смутныя думы, или это онъ самъ извлекаетъ ихъ изъ своей свирѣли.

Это увлеченіе музыкой стало центромъ его умственнаго роста; оно заполняло и разнообразило его существованіе. Максимъ пользовался имъ, чтобы знакомить мальчика съ исторіей его страны, и вся она прошла передъ воображеніемъ слѣпого, сплетенная изъ звуковъ. Заинтересованный пѣсней, онъ знакомился съ ея героями, съ ихъ судьбой, съ судьбой своей родины. Отсюда начался интересъ къ литературѣ, и на девятомъ году Максимъ приступилъ къ первымъ урокамъ. Умѣлые уроки Максима (которому пришлось изучить для этого спеціальные пріемы обученія слѣпыхъ) очень нравились мальчику. Они вносили въ его настроеніе новый элементъ—опредѣленность и ясность, уравновѣшивавшія смутныя ощущенія музыки.

Такимъ образомъ, день мальчика былъ заполненъ, нельзя было пожаловаться на скудость получаемыхъ имъ впечатлѣній. Казалось, онъ жилъ полною жизнью, насколько это возможно для ребенка. Казалось также, что онъ не сознаетъ и своей слѣпоты.

А, между тѣмъ, какая-то странная, недѣтская грусть, все-таки, сквозила въ его характерѣ. Максимъ приписывалъ это недостатку дѣтскаго общества и старался пополнить этотъ недостатокъ.

Деревенскіе мальчики, которыхъ приглашали въ усадьбу, дичились и не могли свободно развернуться. Кромѣ непривычной обстановки, ихъ не мало смущала также и слѣпота „панича“. Они пугливо посматривали на него и, сбившись въ кучу, молчали или робко перешептывались другъ съ другомъ. Когда же дѣтей оставляли однихъ въ саду или въ полѣ, они становились развязнѣе и затѣвали игры, но при этомъ оказывалось, что слѣпой какъ-то оставался въ сторонѣ и грустно прислушивался къ веселой вознѣ товарищей.

По временамъ Іохимъ собиралъ ребятъ вокругъ себя въ кучу и начиналъ разсказывать имъ веселыя присказки и сказки. Деревенскіе ребята, отлично знакомые и съ глуповатымъ хохлацкимъ чертомъ, и съ плутовками-вѣдьмами, пополняли эти разсказы изъ собственнаго запаса, и вообще эти бесѣды шли очень оживленно. Слѣпой слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, но самъ смѣялся рѣдко. Повидимому, юморъ живой рѣчи въ значительной степени оставался для него недоступнымъ и не мудрено: онъ не могъ видѣть ни лукавыхъ огоньковъ въ глазахъ разсказчика, ни смѣющихся морщинъ, ни подергиванія длинными усами.

III.

Незадолго до описываемаго времени въ небольшомъ сосѣднемъ имѣніи перемѣнился „поссесоръ“ *). На мѣсто прежняго, безпокойнаго сосѣда, у котораго даже съ молчаливымъ паномъ Попельскимъ вышла тяжба изъ-за какой-то потравы, теперь въ ближней усадьбѣ поселился старикъ Яскульскій съ женою. Не смотря на то, что обоимъ супругамъ въ общей сложности было не менѣе ста лѣтъ, они поженились сравнительно недавно, такъ какъ панъ Якубъ долго не могъ сколотить нужной для аренды суммы и потому мыкался, въ качествѣ „эконома“, по чужимъ людямъ, а пани Агнешка, въ ожиданіи счастливой минуты, жила въ качествѣ почетной „покоювки“ у графини Потоцкой. Когда, наконецъ, счастливая минута настала, и женихъ съ невѣстой стали рука объ руку въ костелѣ, то въ устахъ и въ чубѣ молодцоватаго жениха половина волосъ были совершенно сѣдые, а покрытое стыдливымъ румянцемъ лицо невѣсты было также обрамлено серебристыми локонами.

Это обстоятельство не помѣшало, однако, супружескому счастію, и плодомъ этой поздней любви явилась единственная дочь, которая была почти ровесницей слѣпому мальчику. Устроивъ подъ старость свой уголъ, въ которомъ они, хотя и условно, могли считать себя полными хозяевами, старики зажили въ немъ тихо и скромно, какъ бы вознаграждая себя этою тишиной и уединеніемъ за суетливые годы тяжелой жизни „въ чужихъ людяхъ“. Первая ихъ аренда оказалась не совсѣмъ удачной, и теперь они нѣсколько сузили дѣло. Но и на новомъ мѣстѣ они тотчасъ же устроились по своему. Въ углу, занятомъ иконами, перевитыми плющомъ, у Яскульскои, вмѣстѣ съ вербой и „громницей“ **), хранились какіе-то мѣшочки съ травами и корнями, которыми она лѣчила мужа и приходившихъ къ ней деревенскихъ бабъ и мужиковъ. Эти травы наполняли всю избу особеннымъ специфическимъ благоуханіемъ, которое неразрывно связывалось въ памяти всякаго посѣтителя съ воспоминаніемъ объ этомъ чистомъ маленькомъ домикѣ, объ его тишинѣ и порядкѣ и о двухъ старикахъ, жившихъ въ немъ какою-то необычною въ наши дни тихою жизнью.

---

*) Въ юго-западномъ краѣ довольно развита система арендованій имѣній: арендаторъ (по мѣстному „поссесоръ“) является какъ бы управителемъ имѣнія. Онъ выплачиваетъ владѣльцу извѣстную сумму, а затѣмъ отъ его предпріимчивости зависитъ извлеченіе большаго или меньшаго дохода.

**) „Громницей“ называется восковая свѣча, которую зажигаютъ въ сильныя бури, а также даютъ въ руки умирающимъ.

Въ обществѣ этихъ стариковъ росла ихъ единственная дочь, небольшая дѣвочка, съ длинною русой косой и голубыми глазами, поражавшая всѣхъ при первомъ же знакомствѣ какою-то странною солидностью, разлитою во всей ея фигурѣ. Казалось, спокойствіе поздней любви родителей отразилось въ характерѣ дочери этою недѣтскою разсудительностью, плавнымъ спокойствіемъ движеній, задумчивостью и глубиной голубыхъ глазъ. Она никогда не дичилась постороннихъ, не уклонялась отъ знакомства съ дѣтьми и принимала участіе въ ихъ играхъ. Но все это дѣлалось съ такою искреннею снисходительностью, какъ будто для нея лично это было вовсе не нужно. Дѣйствительно, она отлично довольствовалась своимъ собственнымъ обществомъ, гуляя, собирая цвѣты, бесѣдуя со своею куклой, и все это съ видомъ такой солидности, что по временамъ казалось, будто передъ вами не ребенокъ, а крохотная взрослая женщина.

IV.

Однажды Петрикъ былъ одинъ на холмикѣ надъ рѣкой. Солнце садилось, въ воздухѣ стояла тишина, только мычаніе возвращавшагося изъ деревни стада долетало сюда, смягченное разстояніемъ. Мальчикъ только-что пересталъ играть и откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истомѣ лѣтняго вечера. Онъ забылся на минуту, какъ вдругъ чьи-то легкіе шаги вывели его изъ дремоты. Онъ съ неудовольствіемъ приподнялся на локоть и прислушался. Шаги остановились у подножія холмика. Походка была ему незнакома.

— Мальчикъ! — услышалъ онъ вдругъ возгласъ дѣтскаго голоса.—Не знаешь ли, кто это тутъ сейчасъ игралъ?

Слѣпой не любилъ, когда нарушали его одиночество. Поэтому онъ отвѣтилъ на вопросъ не особенно любезнымъ тономъ:

— Это я...

Легкій удивленный возгласъ былъ отвѣтомъ на это заявленіе, и тотчасъ же голосъ дѣвочки прибавилъ тономъ простодушнаго одобренія:

— Какъ хорошо!

Слѣпой промолчалъ.

— Что же вы не уходите?—спросилъ онъ затѣмъ, слыша, что непрошенная собесѣдница продолжаетъ стоять на мѣстѣ.

— Зачѣмъ же ты меня гонишь? — спросила дѣвочка своимъ чистымъ и простодушно-удивленнымъ голосомъ.

Звуки этого спокойнаго дѣтскаго голоса пріятно дѣйствовали на слухъ слѣпого; тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ въ прежнемъ тонѣ:

— Я не люблю, когда ко мнѣ приходятъ...

Дѣвочка засмѣялась.

— Вотъ еще!.. Смотрите-ка! Развѣ вся земля твоя и ты можешь кому-нибудь запретить ходить по землѣ?

— Мама приказала всѣмъ, чтобы сюда ко мнѣ не ходили.

— Мама?—переспросила задумчиво дѣвочка.—А моя мама позволила мнѣ ходить надъ рѣкой...

Мальчикъ, нѣсколько избалованный всеобщею уступчивостью, не привыкъ къ такимъ настойчивымъ возраженіямъ. Вспышка гнѣва прошла по его лицу нервною волной; онъ приподнялся и заговорилъ быстро и возбужденно:

— Уйдите, уйдите, уйдите!..

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, но въ это время отъ усадьбы послышался голосъ Іохима, звавшаго мальчика къ чаю. Онъ быстро сбѣжалъ съ холмика.

— Ахъ, какой гадкій мальчикъ!—услышалъ онъ за собою искренно негодующее замѣчаніе.

V.

На слѣдующій день, сидя на томъ же мѣстѣ, мальчикъ вспомнилъ о вчерашнемъ столкновеніи. Въ этомъ воспоминаніи теперь не было досады. Напротивъ, ему даже захотѣлось, чтобъ опять пришла эта дѣвочка съ такимъ пріятнымъ, спокойнымъ голосомъ, какого онъ никогда еще не слыхалъ. Знакомыя ему дѣти громко кричали, смѣялись, дрались и плакали, но ни одинъ изъ нихъ не говорилъ такъ пріятно. Ему стало жаль, что онъ обидѣлъ незнакомку, которая, вѣроятно, никогда болѣе не вернется.

Дѣйствительно, дня три дѣвочка совсѣмъ не приходила. Но на четвертый Петрусь услышалъ ея шаги внизу, на берегу рѣки. Она шла тихо; береговая галька легко шуршала подъ ея ногами; и она напѣвала въ полголоса польскую пѣсенку.

— Послушайте! — окликнулъ онъ, когда она съ нимъ поровнялась.—Это опять вы?

Дѣвочка не отвѣтила. Камешки по прежнему шуршали подъ ея ногами. Въ дѣланной беззаботности ея голоса, напѣвавшаго пѣсню, мальчику слышалась еще не забытая обида.

Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, незнакомка остановилась. Двѣ-три секунды прошло въ молчаніи. Она перебирала въ это время букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который держала въ рукахъ, а онъ ждалъ отвѣта. Въ этой остановкѣ и послѣдовавшемъ за нею молчаніи онъ уловилъ оттѣнокъ умышленнаго пренебреженія.

— Развѣ вы не видите, что это я? — спросила она, нако-

нецъ, съ большимъ достоинствомъ, покончивъ съ цвѣтами.

Этотъ простой вопросъ больно отозвался въ сердцѣ слѣпого. Онъ ничего не отвѣтилъ, и только его руки, которыми онъ упирался въ землю, какъ-то судорожно схватились за траву. Но разговоръ уже начался, и дѣвочка, все стоя на томъ же мѣстѣ и занимаясь своимъ букетомъ, опять спросила:

— Кто тебя выучилъ такъ хорошо играть на дудкѣ?

— Іохимъ выучилъ,—отвѣтилъ Петрусь.

— Очень хорошо! А отчего ты такой сердитый?

— Я... не сержусь на васъ,—сказалъ мальчикъ тихо.

— Ну, такъ и я не сержусь... Давай играть вмѣстѣ.

— Я не умѣю играть съ вами, — отвѣтилъ онъ, потупившись.

— Не умѣешь играть?.. Почему?

— Такъ.

— Нѣтъ, почему же?

— Такъ,—отвѣтилъ онъ чуть слышно и еще болѣе потупился.

Ему не приходилось еще никогда говорить съ кѣмъ-нибудь о своей слѣпотѣ, и простодушный тонъ дѣвочки, предлагавшей съ наивною настойчивостью этотъ вопросъ, отозвался въ немъ опять тупою болью.

Незнакомка поднялась на холмикъ.

— Какой ты смѣшной,—заговорила она съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, усаживаясь рядомъ съ нимъ на травѣ.— Это ты, вѣрно, оттого, что еще со мной незнакомъ. Вотъ узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Она говорила это съ безпечной ясностью, и мальчикъ услышалъ, какъ она бросила къ себѣ въ передникъ груду цвѣтовъ.

— Гдѣ вы взяли цвѣты?—спросилъ онъ.

— Тамъ,—мотнула она головой, указывая назадъ.

— На лугу?

— Нѣтъ, тамъ.

— Значитъ въ рощѣ. А какіе это цвѣты?

— Развѣ ты не знаешь цвѣтовъ?.. Ахъ, какой ты странный... право, ты очень странный...

Мальчикъ взялъ въ руку цвѣтокъ. Его пальцы быстро и легко тронули листья и вѣнчикъ.

— Это лютикъ,—сказалъ онъ,—а вотъ это фіалка.

Потомъ онъ захотѣлъ тѣмъ же способомъ ознакомиться и со своею собесѣдницею: взявъ лѣвою рукой дѣвочку за плечо, онъ правой сталъ ощупывать ея волосы, потомъ вѣки, и

быстро пробѣжалъ пальцами по лицу, кое-гдѣ останавливаясь и внимательно изучая незнакомыя черты.

Все это было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что дѣвочка, пораженная удивленіемъ, не могла сказать ни слова; она только глядѣла на него широко открытыми глазами, въ которыхъ отражалось чувство, близкое къ ужасу. Только теперь она замѣтила, что въ лицѣ ея новаго знакомаго есть что-то необычайное. Блѣдныя и тонкія черты застыли на выраженіи напряженнаго вниманія, какъ-то не гармонировавшаго съ его неподвижнымъ взглядомъ. Глаза мальчика глядѣли куда-то, безъ всякаго отношенія къ тому, что онъ дѣлалъ, и въ нихъ странно переливался отблескъ закатывавшагося солнца. Все это показалось дѣвочкѣ на одну минуту просто тяжелымъ кошмаромъ.

Высвободивъ свое плечо изъ руки мальчика, она вдругъ вскочила на ноги и заплакала.

— Зачѣмъ ты пугаешь меня, гадкій мальчишка? — заговорила она гнѣвно, сквозь слезы. — Что я тебѣ сдѣлала?.. Зачѣмъ?..

Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, озадаченный, съ низко опущенною головой, и странное чувство, — смѣсь досады и униженія, наполнило болью его сердце. Въ первый разъ еще пришлось ему испытать униженіе калѣки; въ первый разъ узналъ онъ, что его физическій недостатокъ можетъ внушать не одно сожалѣніе, но и испугъ. Конечно, онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ угнетавшемъ его тяжеломъ чувствѣ, но оттого, что сознаніе это было неясно и смутно, оно доставляло не меньше страданія.

Чувство жгучей боли и обиды подступило къ его горлу; онъ упалъ на траву и заплакалъ. Плачъ этотъ становился все сильнѣе, судорожныя рыданія потрясали все его маленькое тѣло, тѣмъ болѣе, что какая-то врожденная гордость заставляла его подавлять эту вспышку.

Дѣвочка, которая сбѣжала уже съ холмика, услышала эти глухія рыданія и съ удивленіемъ повернулась. Видя, что ея новый знакомый лежитъ лицомъ къ землѣ и горько плачетъ, она почувствовала участіе, тихо взошла на холмикъ и остановилась надъ плачущимъ.

— Послушай,—заговорила она тихо,—о чемъ ты плачешь? Ты, вѣрно, думаешь, что я нажалуюсь? Ну, не плачь, я никому не скажу.

Слово участія и ласковый тонъ вызвали въ мальчикѣ еще большую нервную вспышку плача. Тогда дѣвочка присѣла около него на корточки; просидѣвъ такъ съ полминуты, она

тихо тронула его волосы, погладила его голову и затѣмъ, съ мягкою настойчивостью матери, которая успокаиваетъ наказаннаго ребенка, приподняла его голову и стала вытирать платкомъ заплаканные глаза.

— Ну, ну, перестань же! — заговорила она тономъ взрослой женщины.—Я давно не сержусь. Я вижу, ты жалѣешь, что напугалъ меня...

— Я не хотѣлъ напугать тебя, — отвѣтилъ онъ, глубоко вздыхая, чтобы подавить нервные приступы.

— Хорошо, хорошо! Я не сержусь!.. Ты вѣдь больше не будешь.—Она приподняла его съ земли и старалась усадить рядомъ съ собою.

Онъ повиновался. Теперь онъ сидѣлъ, какъ прежде, лицомъ къ сторонѣ заката, и когда дѣвочка опять взглянула на это лицо, освѣщенное красноватыми лучами, оно опять показалось ей страннымъ. Въ глазахъ мальчика еще стояли слезы, но глаза эти были по прежнему неподвижны; черты лица то и дѣло передергивались отъ нервныхъ спазмовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ виднѣлось недѣтское, глубокое и тяжелое горе.

— А, всетаки, ты очень странный,—сказала она съ задумчивымъ участіемъ.

— Я не странный,—отвѣтилъ мальчикъ съ жалобною гримасой.—Нѣтъ, я не странный... Я... я—слѣпой!

— Слѣпо-ой?—протянула она нараспѣвъ, и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто это грустное слово, тихо произнесенное мальчикомъ, нанесло неизгладимый ударъ въ ея маленькое женственное сердце. — Слѣпо-ой? — повторила она еще болѣе дрогнувшимъ голосомъ и, какъ будто ища защиты отъ охватившаго всю ее неодолимаго чувства жалости, она вдругъ обвила шею мальчика руками и прислонилась къ нему лицомъ.

Пораженная внезапностью печальнаго открытія, маленькая женщина не удержалась на высотѣ своей солидности и, превратившись вдругъ въ огорченнаго и безпомощнаго въ своемъ огорченіи ребенка, она, въ свою очередь, горько и неутѣшно заплакала.

VI.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

Дѣвочка перестала плакать и только по временамъ еще всхлипывала, перемогаясь. Полными слезъ глазами она смотрѣла, какъ солнце, будто вращаясь въ раскаленной атмосферѣ заката, погружалось за темную черту горизонта. Мелькнулъ еще разъ золотой обрѣзъ огненнаго шара, потомъ

брызнули двѣ-три горячія искры, и темныя очертанія дальняго лѣса всплыли вдругъ непрерывной синеватою чертой.

Съ рѣки потянуло прохладой, и тихій миръ наступающаго вечера отразился на лицѣ слѣпого; онъ сидѣлъ съ опущенною головой, видимо, удивленный этимъ выраженіемъ горячаго сочувствія.

— Мнѣ жалко... — все еще всхлипывая, вымолвила, наконецъ, дѣвочка въ объясненіе своей слабости.

Потомъ, нѣсколько овладѣвъ собой, она сдѣлала попытку перевести разговоръ на посторонній предметъ, къ которому они оба могли отнестись равнодушно.

— Солнышко сѣло, — произнесла она задумчиво.

— Я не знаю, какое оно, — былъ печальный отвѣтъ. — Я его только... чувствую...

— Не знаешь солнышка?

— Да.

— А... а свою маму... тоже не знаешь?

— Мать знаю. Я всегда издалека узнаю ея походку.

— Да, да, это правда. И я съ закрытыми глазами узнаю свою мать.

Разговоръ принялъ болѣе спокойный характеръ.

— Знаешь, — заговорилъ слѣпой съ нѣкоторымъ оживленіемъ, — я вѣдь чувствую солнце и знаю, когда оно закатилось.

— Почему ты знаешь?

— Потому что... видишь ли... Я самъ не знаю почему...

— А-а! — протянула дѣвочка, повидимому совершенно удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, и они оба помолчали.

— Я могу читать, — первый заговорилъ опять Петрусь, — и скоро выучусь писать перомъ.

— А какъ же ты?.. — начала было она и вдругъ застѣнчиво смолкла, не желая продолжать щекотливаго допроса. Но онъ ее понялъ.

— Я читаю въ своей книжкѣ, — пояснилъ онъ, — пальцами.

— Пальцами? Я бы никогда не выучилась читать пальцами... Я и глазами плохо читаю. Отецъ говоритъ, что женщины плохо понимаютъ науку.

— А я могу читать даже по-французски.

— По-французски!.. И пальцами... какой ты умный! — искренно восхитилась она. — Однако, я боюсь, какъ бы ты не простудился. Вонъ надъ рѣкой какой туманъ.

— А ты сама?

— Я не боюсь; что мнѣ сдѣлается.

— Ну, и я не боюсь. Развѣ можетъ быть, чтобы мужчина

простудился скорѣе женщины? Дядя Максимъ говоритъ, что мужчина не долженъ ничего бояться: ни холода, ни голода, ни грома, ни тучи.

— Максимъ?.. Это который на костыляхъ?.. Я его видѣла. Онъ страшный!

— Нѣтъ, онъ нисколько не страшный. Онъ — добрый.

— Нѣтъ, страшный! — убѣжденно повторила она. — Ты не знаешь, потому что не видалъ его.

— Какъ же я его не знаю, когда онъ меня всему учитъ.

— Бьетъ?

— Никогда не бьетъ и не кричитъ на меня... Никогда...

— Это хорошо. Развѣ можно бить слѣпого мальчика? Это было бы грѣшно.

— Да вѣдь онъ и никого не бьетъ, — сказалъ Петрусь нѣсколько разсѣянно, такъ какъ его чуткое ухо заслышало шаги Іохима.

Дѣйствительно, рослая фигура хохла зарисовалась черезъ минуту на холмистомъ гребнѣ, отдѣлявшемъ усадьбу отъ берега, и его голосъ далеко раскатился въ тишинѣ вечера:

— Па-ны-чу-у-у!

— Тебя зовутъ, — сказала дѣвочка, поднимаясь.

— Да. Но мнѣ не хотѣлось бы идти.

— Иди, иди! Я къ тебѣ завтра приду. Теперь тебя ждутъ и меня тоже.

VII.

Дѣвочка точно исполнила свое обѣщаніе и даже раньше, чѣмъ Петрусь могъ на это разсчитывать. На слѣдующій же день, сидя въ своей комнатѣ за обычнымъ урокомъ съ Максимомъ, онъ вдругъ поднялъ голову, прислушался и сказалъ съ оживленіемъ:

— Отпусти меня на минуту. Тамъ пришла дѣвочка.

— Какая еще дѣвочка? — удивился Максимъ и пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ къ выходной двери.

Дѣйствительно, вчерашняя знакомка Петруся въ эту самую минуту вошла въ ворота усадьбы и, увидя проходившую по двору Анну Михайловну, свободно направилась прямо къ ней.

— Что тебѣ, милая дѣвочка, нужно? — спросила та, думая, что ее прислали по дѣлу.

Маленькая женщина солидно протянула ей руку и спросила:

— Это у васъ есть слѣпой мальчикъ?.. Да?

— У меня, милая, да, у меня, — отвѣтила пани Попельская, любуясь ея ясными глазами и свободой ея обращенія.

— Вотъ, видите ли... Моя мама отпустила меня къ нему. Могу я его видѣть?

Но въ эту минуту Петрусь самъ подбѣжалъ къ ней, а на крыльцѣ показалась фигура Максима.

— Это вчерашняя дѣвочка, мама! Я тебѣ говорилъ, — сказалъ мальчикъ, здороваясь. — Только у меня теперь урокъ.

— Ну, на этотъ разъ дядя Максимъ отпуститъ тебя, — сказала Анна Михайловна, — я у него попрошу.

Между тѣмъ, крохотная женщина, чувствовавшая себя, повидимому, совсѣмъ какъ дома, отправилась на встрѣчу подходившему къ нимъ на своихъ костыляхъ Максиму и, протянувъ ему руку, сказала тономъ снисходительнаго одобренія:

— Это хорошо, что вы не бьете слѣпого мальчика. Онъ мнѣ говорилъ.

— Неужели, сударыня? — спросилъ Максимъ съ комическою важностью, принимая въ свою широкую руку маленькую ручку дѣвочки. — Какъ я благодаренъ моему питомцу, что онъ сумѣлъ расположить въ мою пользу такую прелестную особу.

И Максимъ разсмѣялся, поглаживая ея руку, которую держалъ въ своей. Между тѣмъ, дѣвочка продолжала смотрѣть на него своимъ открытымъ взглядомъ, сразу завоевавшимъ его жено-ненавистническое сердце.

— Смотри-ка, Ануся, — обратился онъ къ сестрѣ съ странною улыбкой, — нашъ Петръ начинаетъ заводить самостоятельныя знакомства. И вѣдь согласись, Аня... не смотря на то, что онъ слѣпъ, онъ все же сумѣлъ сдѣлать недурной выборъ, не правда ли?

— Что ты хочешь этимъ сказать, Максъ? — спросила молодая женщина строго, и горячая краска залила все ея лицо.

— Шучу! — отвѣтилъ братъ лаконически, видя, что своей шуткой онъ тронулъ больную струну, вскрылъ тайную мысль, зашевелившуюся въ предусмотрительномъ материнскомъ сердцѣ.

Анна Михайловна еще болѣе покраснѣла и, быстро наклонившись, съ порывомъ страстной нѣжности обняла дѣвочку; послѣдняя приняла неожиданно-бурную ласку все съ тѣмъ же яснымъ, хотя и нѣсколько удивленнымъ взглядомъ.

VIII.

Съ этого дня между поссесорскимъ домикомъ и усадьбой Попельскихъ завязались ближайшія отношенія. Дѣвочка, которую звали Эвелиной, приходила ежедневно въ усадьбу, а черезъ нѣкоторое время она тоже поступила ученицей къ

Максиму. Сначала этотъ планъ совмѣстнаго обученія не очень понравился пану Яскульскому. Во-первыхъ, онъ полагалъ, что, если женщина умѣетъ записать бѣлье и вести домашнюю расходную книгу, то этого совершенно достаточно; во-вторыхъ, онъ былъ добрый католикъ и считалъ, что Максиму не слѣдовало воевать съ австрійцами, вопреки ясно выраженной волѣ „отца-папежа“. Наконецъ, его твердое убѣжденіе состояло въ томъ, что на небѣ есть Богъ, а Вольтеръ и вольтеріанцы кипятъ въ адской смолѣ, каковая судьба, по мнѣнію многихъ, была уготована и пану Максиму. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ, онъ долженъ былъ сознаться, что этотъ еретикъ и забіяка — человѣкъ очень пріятнаго нрава и большого ума, и вслѣдствіе этого поссесоръ пошелъ на компромиссъ.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторое безпокойство шевелилось въ глубинѣ души стараго шляхтича, и потому, приведя дѣвочку для перваго урока, онъ счелъ умѣстнымъ обратиться къ ней съ торжественною и напыщенною рѣчью, которая, впрочемъ, больше назначалась для слуха Максима.

— Вотъ, что, Веля... — сказалъ онъ, взявъ дочь за плечо и посматривая на ея будущаго учителя.—Помни всегда, что на небѣ есть Богъ, а въ Римѣ святой его „папежъ“. Это тебѣ говорю я, Валентинъ Яскульскій, и ты должна мнѣ вѣрить, потому, что я твой отецъ, — это *primo*.

При этомъ послѣдовалъ новый внушительный взглядъ въ сторону Максима; панъ Яскульскій подчеркивалъ свою латынь, давая понять, что и онъ не чуждъ наукѣ и, въ случаѣ чего, его провести трудно.

— *Secundo*, я — шляхтичъ славнаго герба, въ которомъ вмѣстѣ съ „копной и вороной“ не даромъ обозначается крестъ въ синемъ полѣ. Яскульскіе, будучи хорошими рыцарями, не разъ мѣняли мечи на требники и всегда смыслили кое-что въ дѣлахъ неба, поэтому ты должна мнѣ вѣрить. Ну, а въ остальномъ, что касается *orbis terrarum*, т.-е. всего земного, слушай, что тебѣ скажетъ панъ Максимъ Яценко, и учись хорошо.

— Не бойтесь, панъ Валентинъ, — улыбаясь, отвѣтилъ на эту рѣчь Максимъ, — мы не вербуемъ паненокъ для отряда Гарибальди.

IX.

Совмѣстное обученіе оказалось очень полезнымъ для обоихъ. Петрусь шелъ, конечно, впереди, но это не исключало нѣкотораго соревнованія. Кромѣ того, онъ помогалъ ей часто вы-

учивать уроки, а она находила иногда очень удачные пріемы, чтобы объяснить мальчику что-либо трудно понятное для него, слѣпого. Кромѣ того, ея общество вносило въ его занятія нѣчто своеобразное, придавало его умственной работѣ особый тонъ пріятнаго возбужденія.

Вообще, эта дружба была настоящимъ даромъ благосклонной судьбы. Теперь мальчикъ не искалъ уже полнаго уединенія; онъ нашелъ то общеніе, котораго не могла ему дать любовь взрослыхъ, и въ минуту чуткаго душевнаго затишья ему пріятна была ея близость. На утесъ или на рѣку они всегда отправлялись вдвоемъ. Когда онъ игралъ, она слушала его съ наивнымъ восхищеніемъ. Когда же онъ откладывалъ дудку, она начинала передавать ему свои дѣтски-живыя впечатлѣнія отъ окружающей природы; конечно, она не умѣла выражать ихъ съ достаточной полнотой подходящими словами, но за то въ ея несложныхъ разсказахъ, въ ихъ тонѣ онъ улавливалъ характерный колоритъ каждаго описываемаго явленія. Такъ, когда она говорила, напримѣръ, о темнотѣ раскинувшейся надъ землею сырой и черной ночи, онъ будто слышалъ эту темноту въ сдержанно звучащихъ тонахъ ея робѣющаго голоса. Когда же, поднявъ кверху задумчивое лицо, она сообщала ему: „Ахъ, какая туча идетъ, какая туча темная, претемная!“ — онъ ощущалъ сразу будто холодное дуновеніе и слышалъ въ ея голосѣ пугающій шорохъ ползущаго по небу, гдѣ-то въ далекой высотѣ, чудовища.

ГЛАВА IV.

I.

Есть натуры, будто заранѣе предназначенныя для тихаго подвига любви, соединенной съ печалью и заботой,—натуры, для которыхъ эти заботы о чужомъ горѣ составляютъ какъ бы атмосферу, органическую потребность. Природа заранѣе надѣлила ихъ спокойствіемъ, безъ котораго немыслимъ будничный подвигъ жизни, она предусмотрительно смягчила въ нихъ личные порывы, запросы личной жизни, подчинивъ эти порывы и эти запросы господствующей чертѣ характера. Такія натуры кажутся нерѣдко слишкомъ холодными, слишкомъ разсудительными, лишенными чувства. Онѣ глухи на страстные призывы грѣшной жизни и идутъ по грустному пути долга такъ же спокойно, какъ и по пути самаго яркаго личнаго счастія. Онѣ кажутся холодными, какъ снѣжныя вершины, и такъ же,

какъ онѣ, величавы. Житейская пошлость стелется у ихъ ногъ; даже клевета и сплетни скатываются по ихъ бѣлоснѣжной одеждѣ, точно грязные брызги съ крыльевъ лебедя...

Маленькая знакомка Петра представляла въ себѣ всѣ черты этого типа, который рѣдко вырабатывается жизнью и воспитаніемъ; онъ какъ талантъ, какъ геній, дается въ удѣлъ избраннымъ натурамъ и проявляется рано. Мать слѣпого мальчика понимала, какое счастье случай послалъ ея сыну въ этой дѣтской дружбѣ. Понималъ это и старый Максимъ, которому казалось, что теперь у его питомца есть все, чего ему еще не доставало, что теперь душевное развитіе слѣпого пойдетъ тихимъ и ровнымъ, ничѣмъ не смущаемымъ ходомъ...

Но это была горькая ошибка.

II.

Въ первые годы жизни ребенка Максимъ думалъ, что онъ совершенно овладѣлъ душевнымъ ростомъ мальчика, что этотъ ростъ совершается если не подъ прямымъ его вліяніемъ, то, во всякомъ случаѣ, ни одна новая сторона его, ни одно новое пріобрѣтеніе въ этой области не избѣгнетъ его наблюденія и контроля. Но когда насталъ въ жизни ребенка періодъ, который является переходною гранью между дѣтствомъ и отрочествомъ, Максимъ увидѣлъ, какъ неосновательны эти гордыя педагогическія мечтанія. Чуть не каждая недѣля приносила съ собой что-нибудь новое, по временамъ совершенно неожиданное по отношенію къ слѣпому, и когда Максимъ старался найти источники иной новой идеи или новаго представленія, появлявшихся у ребенка, то ему приходилось теряться. Какая-то невѣдомая сила работала въ глубинѣ дѣтской души, выдвигая изъ этой глубины неожиданныя проявленія самостоятельнаго душевнаго роста, и Максиму приходилось останавливаться съ чувствомъ благоговѣнія передъ таинственными процессами жизни, которые вмѣшивались такимъ образомъ въ его педагогическую работу. Эти толчки природы, ея даровыя откровенія, казалось, доставляли ребенку такія представленія, которыя не могли быть пріобрѣтены личнымъ опытомъ слѣпого, и Максимъ угадывалъ здѣсь неразрывную связь жизненныхъ явленій, которая проходитъ, дробясь въ тысячѣ процессовъ, черезъ послѣдовательный рядъ отдѣльныхъ жизней.

Сначала это наблюденіе испугало Максима. Видя, что не онъ одинъ владѣетъ умственнымъ строемъ ребенка, что въ этомъ строѣ сказывается что-то, отъ него не зависящее и выходящее изъ-подъ его вліянія, онъ испугался за участь своего питомца, испугался возможности такихъ запросовъ,

которые могли бы послужить для слѣпого только причиной неутолимыхъ страданій. И онъ пытался разыскать источники этихъ, откуда-то пробивающихся, родниковъ, чтобъ... навсегда закрыть ихъ для блага слѣпого ребенка.

Не ускользнули эти неожиданные проблески и отъ вниманія матери. Однажды утромъ Петрикъ прибѣжалъ къ ней въ необыкновенномъ волненіи.

— Мама, мама!—закричалъ онъ.—Я *видѣлъ* сонъ.

— Что же ты *видѣлъ*, мой мальчикъ?—спросила она съ печальнымъ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Я видѣлъ во снѣ, что... я вижу тебя и Максима, и еще... что я все вижу... Такъ хорошо, такъ хорошо, мамочка!

— Что же еще ты видѣлъ, мой мальчикъ?

— Я не помню.

— А меня помнишь?

— Нѣтъ,—сказалъ мальчикъ въ раздумьи.—Я забылъ все... А всетаки я видѣлъ, право же, видѣлъ...—добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и его лицо сразу омрачилось. На незрячихъ глазахъ блеснула слеза...

Это повторялось еще нѣсколько разъ, и всякій разъ мальчикъ становился грустнѣе и тревожнѣе.

III.

Однажды, проходя по двору, Максимъ услышалъ въ гостиной, гдѣ обыкновенно происходили уроки музыки, какія-то странныя музыкальныя упражненія. Они состояли изъ двухъ нотъ. Сначала отъ быстрыхъ, послѣдовательныхъ, почти слившихся ударовъ по клавишѣ дрожала самая высокая яркая нота верхняго регистра, затѣмъ она рѣзко смѣнялась низкимъ раскатомъ баса. Полюбопытствовавъ узнать, что могли означать эти странныя экзерциціи, Максимъ заковылялъ по двору и черезъ минуту вошелъ въ гостиную. Въ дверяхъ онъ остановился, какъ вкопанный, передъ неожиданною картиной.

Мальчикъ, которому шелъ уже десятый годъ, сидѣлъ у ногъ матери на низенькомъ стулѣ. Рядомъ съ нимъ, вытянувъ шею и поводя по сторонамъ длиннымъ клювомъ, стоялъ молодой прирученный аистъ, котораго Іохимъ подарилъ паничу. Мальчикъ каждое утро кормилъ его изъ своихъ рукъ, и птица всюду сопровождала своего новаго друга-хозяина. Теперь Петрусь придерживалъ аиста одною рукой, а другою тихо проводилъ вдоль его шеи и затѣмъ по туловищу съ выраженіемъ усиленнаго вниманія на лицѣ. Въ это самое время мать, съ пылающимъ, возбужденнымъ лицомъ и печальными глазами, быстро ударяла пальцемъ по клавишѣ, вызывая изъ

инструмента непрерывно звенѣвшую высокую ноту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка перегнувшись на своемъ стулѣ, она съ болѣзненной внимательностью вглядывалась въ лицо ребенка. Когда же рука мальчика, скользя по ярко-бѣлымъ перьямъ, доходила до того мѣста, гдѣ эти перья рѣзко смѣняются черными на концахъ крыльевъ, Анна Михайловна сразу переносила руку на другую клавишу, и низкая басовая нота глухо раскатывалась по комнатѣ.

Оба, и мать и сынъ, такъ были поглощены своимъ занятіемъ, что не замѣтили прихода Максима, пока онъ, въ свою очередь, очнувшись отъ удивленія, не прервалъ сеансъ вопросомъ:

— Аннуся! что это значитъ?

Молодая женщина, встрѣтивъ испытующій взглядъ брата, застыдилась, точно застигнутая строгимъ учителемъ на мѣстѣ преступленія.

— Вотъ видишь ли,—заговорила она смущенно, — онъ говоритъ, что различаетъ нѣкоторую разницу въ окраскѣ аиста, только не можетъ ясно понять, въ чемъ эта разница... Право, онъ самъ первый заговорилъ объ этомъ, и мнѣ кажется, что это правда...

— Ну, такъ что же?

— Ничего, я только хотѣла ему... немножко... объяснить эту разницу различіемъ звуковъ... Не сердись, Максъ, но, право, я думаю, что это очень похоже...

Эта неожиданная идея поразила Максима такимъ удивленіемъ, что онъ въ первую минуту не зналъ, что сказать сестрѣ. Онъ заставилъ ее повторить свои опыты и, присмотрѣвшись къ напряженному выраженію лица слѣпого, покачалъ головой.

— Послушай меня, Анна,—сказалъ онъ, оставшись наединѣ съ сестрою.—Не слѣдуетъ будить въ мальчикѣ вопросовъ, на которые ты никогда, никогда не въ состояніи будешь дать полнаго отвѣта.

— Но вѣдь это онъ самъ заговорилъ первый, право...— прервала Анна Михайловна.

— Все равно. Мальчику остается только свыкнуться со своей слѣпотой, а намъ надо стремиться къ тому, чтобъ онъ забылъ о свѣтѣ. Я стараюсь, чтобы никакіе внѣшніе вызовы не наводили его на безплодные вопросы, и если бъ удалось устранить эти вызовы, то мальчикъ не сознавалъ бы недостатка въ своихъ чувствахъ, какъ и мы, обладающіе всѣми пятью органами, не грустимъ о томъ, что у насъ нѣтъ шестого.

— Мы грустимъ,—тихо возразила молодая женщина.

— Аня!

— Мы грустимъ, — отвѣтила она упрямо... — Мы часто грустимъ о невозможномъ...

Впрочемъ, сестра подчинилась доводамъ брата, но на этотъ разъ онъ ошибался: заботясь объ устраненіи внѣшнихъ вызововъ, Максимъ забывалъ тѣ могучія побужденія, которыя были заложены въ дѣтскую душу самою природою.

IV.

„Глаза, — сказалъ кто-то, — зеркало души". Быть можетъ, вѣрнѣе было бы сравнить ихъ съ окнами, которыми вливаются въ душу впечатлѣнія яркаго, сверкающаго цвѣтного міра. Кто можетъ сказать, какая часть нашего душевнаго склада зависитъ отъ ощущеній свѣта?

Человѣкъ—одно звено въ безконечной цѣпи жизней, которая тянется черезъ него изъ глубины прошедшаго къ безконечному будущему. И вотъ, въ одномъ изъ такихъ звеньевъ, слѣпомъ мальчикѣ, роковая случайность закрыла эти окна: жизнь должна пройти вся въ темнотѣ. Но значитъ ли это, что въ его душѣ порвались навѣки тѣ струны, которыми душа откликается на свѣтовыя впечатлѣнія? Нѣтъ, и черезъ это темное существованіе должна была протянуться и передаться послѣдующимъ поколѣніямъ внутренняя воспріимчивость къ свѣту. Его душа была цѣльная человѣческая душа, со всѣми ея способностями, а такъ какъ всякая способность носитъ въ самой себѣ стремленіе къ удовлетворенію, то и въ темной душѣ мальчика жило неутолимое стремленіе къ свѣту.

Нетронутыми лежали гдѣ-то въ таинственной глубинѣ полученныя по наслѣдству и дремавшія въ неясномъ существованіи „возможностей", силы, съ первымъ свѣтлымъ лучомъ готовыя подняться ему на встрѣчу. Но окна остаются закрытыми: судьба мальчика рѣшена: ему не видать никогда этого луча, его жизнь вся пройдетъ въ темнотѣ!..

И темнота эта была полна призраковъ.

Если бы жизнь ребенка проходила среди нужды и горя — это, быть можетъ, отвлекло бы его мысль къ внѣшнимъ причинамъ страданія. Но близкіе люди устранили отъ него все, что могло бы его огорчать. Ему доставили полное спокойствіе и миръ, и теперь самая тишина, царившая въ его душѣ, способствовала тому, что внутренняя неудовлетворенность слышалась яснѣе. Среди тишины и мрака, его окружавшихъ, вставало смутное неумолкающее сознаніе какой-то потребности, искавшей удовлетворенія, являлось стремленіе оформить

дремлющія въ душевной глубинѣ, не находившія исхода, силы.

Отсюда—какія-то смутныя предчувствія и порывы, въ родѣ того стремленія къ полету, которое каждый испытывалъ въ дѣтствѣ и которое сказывается въ этомъ возрастѣ своими чудными снами.

Отсюда, наконецъ, вытекали инстинктивные потуги дѣтской мысли, отражавшіеся на лицѣ болѣзненнымъ вопросомъ. Эти наслѣдственныя, но не тронутыя въ личной жизни „возможности“ свѣтовыхъ представленій вставали, точно призраки, въ дѣтской головкѣ, безформенныя, неясныя и темныя, вызывая мучительныя и смутныя усилія.

Природа подымалась безсознательнымъ протестомъ противъ индивидуальнаго „случая“ за нарушенный общій законъ.

V.

Такимъ образомъ, сколько бы ни старался Максимъ устранять всѣ внѣшніе вызовы, онъ никогда не могъ уничтожить внутренняго давленія неудовлетворенной потребности. Самое большее, что онъ могъ достигнуть своею осмотрительностью, это—не будить ее раньше времени, не усиливать страданій слѣпого. Въ остальномъ тяжелая судьба ребенка должна была идти своимъ чередомъ, со всѣми ея суровыми послѣдствіями.

И она надвигалась темною тучей. Природная живость мальчика съ годами все болѣе и болѣе исчезала, подобно убывающей волнѣ, между тѣмъ какъ смутно, но безпрерывно звучавшее въ душѣ его грустное настроеніе усиливалось, сказываясь на его темпераментѣ. Смѣхъ, который можно было слышать во время его дѣтства при каждомъ особенно яркомъ новомъ впечатлѣніи, теперь раздавался все рѣже и рѣже. Все смѣющееся, веселое, отмѣченное печатью юмора, было ему мало доступно; но за то все смутное, неопредѣленно-грустное и туманно-меланхолическое, что слышится въ южной природѣ и отражается въ народной пѣснѣ, онъ улавливалъ съ замѣчательною полнотой. Слезы являлись у него каждый разъ на глазахъ, когда онъ слушалъ, какъ „въ полі могыла зъ вітромъ говорила“, и онъ самъ любилъ ходить въ поле слушать этотъ говоръ. Въ немъ все больше и больше вырабатывалась склонность къ уединенію, и, когда въ часы, свободные отъ занятій, онъ уходилъ одинъ на свою одинокую прогулку, домашніе старались не ходить въ ту сторону, чтобы не нарушить его уединенія. Усѣвшись гдѣ-нибудь на курганѣ въ степи, или на холмикѣ надъ рѣкой, или, наконецъ, на хорошо знакомомъ утесѣ, онъ слушалъ лишь шелестъ листьевъ,

да шопотъ травы или неопредѣленные вздохи степного вѣтра. Все это особеннымъ образомъ гармонировало съ глубиной его душевнаго настроенія. Насколько онъ могъ понимать природу, тутъ онъ понималъ ее вполнѣ и до конца. Тутъ она не тревожила его никакими опредѣленными и неразрѣшимыми вопросами; тутъ этотъ вѣтеръ вливался ему прямо въ душу, а трава, казалось, шептала ему тихія слова сожалѣнія, и, когда душа юноши, настроившись въ ладъ съ окружающею тихою гармоніей, размягчалась отъ теплой ласки природы, онъ чувствовалъ, какъ что-то подымается въ груди, прибывая и разливаясь по всему его существу. Онъ припадалъ тогда къ сыроватой, прохладной травѣ и тихо плакалъ, но въ этихъ слезахъ не было горечи. Иногда же онъ бралъ дудку и совершенно забывался, подбирая задумчивыя мелодіи къ своему настроенію и въ ладъ съ тихою гармоніей степи.

Понятно, что всякій человѣческій звукъ, неожиданно врывавшійся въ это настроеніе, дѣйствовалъ на него болѣзненнымъ, рѣзкимъ диссонансомъ. Общеніе въ подобныя минуты возможно только съ очень близкою, дружескою душой, а у мальчика былъ только одинъ такой другъ его возраста, именно—бѣлокурая дѣвочка изъ поссесорской усадьбы...

И эта дружба крѣпла все больше, отличаясь полною взаимностью. Если Эвелина вносила въ ихъ взаимныя отношенія свое спокойствіе, свою тихую радость, сообщала слѣпому новые оттѣнки окружающей жизни, то и онъ, въ свою очередь, давалъ ей... свое горе. Казалось, первое знакомство съ нимъ нанесло чуткому сердцу маленькой женщины кровавую рану: выньте изъ раны кинжалъ, нанесшій ударъ, и она истечетъ кровью. Впервые познакомившись на холмикѣ въ степи со слѣпымъ мальчикомъ, маленькая женщина ощутила острое страданіе сочувствія, и теперь его присутствіе становилось для нея все болѣе необходимымъ. Въ разлукѣ съ нимъ рана будто раскрывалась вновь, боль оживала, и она стремилась къ своему маленькому другу, чтобы неустанною заботой утолить свое собственное страданіе.

VI.

Однажды въ теплый осенній вечеръ оба семейства сидѣли на площадкѣ передъ домомъ, любуясь звѣзднымъ небомъ, синѣвшимъ глубокою лазурью и горѣвшимъ огнями. Слѣпой, по обыкновенію, сидѣлъ рядомъ съ своею подругой около матери.

Всѣ на минуту смолкли. Около усадьбы было совсѣмъ тихо; только листья по временамъ, чутко встрепенувшись, бормотали что-то невнятное и тотчасъ же смолкали.

Въ эту минуту блестящій метеоръ, сорвавшись откуда-то изъ глубины темной лазури, пронесся яркою полосой по небу, оставивъ за собой фосфорическій слѣдъ, угасшій медленно и незамѣтно. Всѣ подняли глаза. Мать, сидѣвшая объ руку съ Петрикомъ, почувствовала, какъ онъ встрепенулся и вздрогнулъ.

— Что это... было?—повернулся онъ къ ней взволнованнымъ лицомъ.

— Это звѣзда упала, дитя мое.

— Да, звѣзда, — прибавилъ онъ задумчиво. — Я такъ и зналъ.

— Откуда же ты могъ знать, мой мальчикъ?—переспросила мать съ печальнымъ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, это онъ говоритъ правду,—вмѣшалась Эвелина.— Онъ многое знаетъ... „такъ“...

Уже эта все развивавшаяся чуткость указывала, что мальчикъ замѣтно близится къ критическому возрасту между отрочествомъ и юношествомъ. Но пока его ростъ совершался довольно спокойно. Казалось даже, будто онъ свыкся съ своей долей, и странно-уравновѣшенная грусть безъ просвѣта, но и безъ острыхъ порываній, которая стала обычнымъ фономъ его жизни, теперь нѣсколько смягчилась. Но это былъ лишь періодъ временнаго затишья. Эти роздыхи природа даетъ какъ будто нарочно; въ нихъ молодой организмъ устаивается и крѣпнетъ для новой бури. Во время этихъ затишій незамѣтно набираются и зрѣютъ новые вопросы. Одинъ толчекъ— и все душевное спокойствіе всколеблется до глубины, какъ море подъ ударомъ внезапно налетѣвшаго шквала.

ГЛАВА V.

I.

Такъ прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Ничто не измѣнилось въ тихой усадьбѣ. По прежнему шумѣли буки въ саду, только ихъ листва будто потемнѣла, сдѣлалась еще гуще; по прежнему бѣлѣли привѣтливыя стѣны, только онѣ чуть-чуть покривились и осѣли; по прежнему хмурились соломенныя стѣны, и даже свирѣль Іохима слышалась въ тѣ же часы изъ конюшни; только теперь уже и самъ Іохимъ, остававшійся холостымъ конюхомъ въ усадьбѣ, предпочиталъ слушать игру слѣпого панича на дудкѣ или на фортепіано—безразлично.

Максимъ посѣдѣлъ еще больше. У Попельскихъ не было

другихъ дѣтей, и потому слѣпой первенецъ по прежнему остался центромъ, около котораго группировалась вся жизнь усадьбы. Для него усадьба замкнулась въ своемъ тѣсномъ кругу, довольствуясь своею собственною тихою жизнью, къ которой примыкала не менѣе тихая жизнь поссесорской „хатки". Такимъ образомъ, Петръ, ставшій уже юношей, выросъ, какъ тепличный цвѣтокъ, огражденный отъ рѣзкихъ стороннихъ вліяній далекой жизни.

Онъ, какъ и прежде, стоялъ въ центрѣ громаднаго темнаго міра. Надъ нимъ, вокругъ него, всюду протянулась тьма безъ конца и предѣловъ: чуткая тонкая организація подымалась, какъ упруго-натянутая струна, на встрѣчу всякому впечатлѣнію, готовая задрожать отвѣтными звуками. Въ настроеніи слѣпого замѣтно сказывалось это чуткое ожиданіе: ему казалось, что вотъ-вотъ эта тьма протянется къ нему своими невидимыми руками и тронетъ въ немъ что-то такое, что такъ томительно дремлетъ въ душѣ и ждетъ пробужденія.

Но знакомая добрая и скучная тьма усадьбы шумѣла только ласковымъ шопотомъ стараго сада, навѣвая смутную, баюкающую, успокоительную думу. О далекомъ мірѣ слѣпой зналъ только изъ пѣсенъ, изъ исторіи, изъ книгъ. Подъ задумчивый шопотъ сада, среди тихихъ будней усадьбы, онъ узнавалъ лишь по разсказамъ о буряхъ и волненіяхъ далекой жизни. И все это рисовалось ему сквозь какую-то волшебную дымку, какъ пѣсня, какъ былина, какъ сказка.

Казалось, такъ было хорошо. Мать видѣла, что огражденная будто стѣной душа ея сына дремлетъ въ какомъ-то заколдованномъ полуснѣ, искусственномъ, но спокойномъ. И она не хотѣла нарушать этого равновѣсія, боялась его нарушить.

Эвелина, выросшая и сложившаяся какъ-то совершенно незамѣтно, глядѣла на эту заколдованную тишь своими ясными глазами, въ которыхъ можно было по временамъ подмѣтить что-то въ родѣ недоумѣнія, вопроса о будущемъ, но никогда не было и тѣни нетерпѣнія. Попельскій-отецъ привелъ имѣніе въ образцовый порядокъ, но до вопросовъ о будущемъ его сына доброму человѣку, конечно, не было ни малѣйшаго дѣла. Онъ привыкъ, что все дѣлается само собой. Одинъ только Максимъ, по своей натурѣ, съ трудомъ выносилъ эту тишь, и то, какъ нѣчто временное, входившее поневолѣ въ его планы. Онъ считалъ необходимымъ дать душѣ юноши устояться, окрѣпнуть, чтобы быть въ состояніи встрѣтить рѣзкое прикосновеніе жизни.

Между тѣмъ, тамъ, за чертой этого заколдованнаго круга, жизнь кипѣла, волновалась, бурлила. И вотъ, наконецъ, на-

ступило время, когда старый наставникъ рѣшился разорвать этотъ кругъ, отворить дверь теплицы, чтобы въ нее могла ворваться свѣжая струя наружнаго воздуха.

II.

Для перваго случая онъ пригласилъ къ себѣ стараго товарища, который жилъ верстахъ въ 70-ти отъ усадьбы Попельскихъ. Максимъ иногда бывалъ у него и прежде, но теперь онъ зналъ, что у Ставрученки гоститъ пріѣзжая молодежь, и написалъ ему письмо, приглашая всю компанію. Приглашеніе это было охотно принято. Старики были связаны давнею дружбой, а молодежь помнила довольно громкое нѣкогда имя Максима Яценка, съ которымъ связывались извѣстныя традиціи. Одинъ изъ сыновей Ставрученка былъ студентъ кіевскаго университета по модному тогда филологическому факультету. Другой изучалъ музыку въ петербургской консерваторіи. Съ ними пріѣхалъ еще юный кадетъ, сынъ одного изъ ближайшихъ помѣщиковъ.

Ставрученко былъ крѣпкій старикъ, сѣдой, съ длинными казацкими усами и въ широкихъ казацкихъ шароварахъ. Онъ носилъ кисетъ съ табакомъ и трубку привязанными у пояса, говорилъ не иначе, какъ по-малорусски, и рядомъ съ двумя сыновьями, одѣтыми въ бѣлыя свитки и расшитыя малороссійскія сорочки, очень напоминалъ гоголевскаго Бульбу съ сыновьями. Однако, въ немъ не было и слѣдовъ романтизма, отличавшаго гоголевскаго героя. Наоборотъ, онъ былъ отличный практикъ-помѣщикъ, всю жизнь превосходно ладившій съ крѣпостными отношеніями, а теперь, когда эта „неволя“ была уничтожена, сумѣвшій хорошо приноровиться и къ новымъ условіямъ. Онъ зналъ народъ, какъ знали его помѣщики, т. е. онъ зналъ каждаго мужика своей деревни, и у каждаго мужика зналъ каждую корову и чуть не каждый лишній карбованецъ въ мужицкой мошнѣ.

За то, если онъ и не дрался съ своими сыновьями на кулачки, какъ Бульба, то все же между ними происходили постоянныя и очень свирѣпыя стычки, которыя не ограничивались ни временемъ, ни мѣстомъ. Всюду, дома и въ гостяхъ, по самому ничтожному поводу между старикомъ и молодежью вспыхивали нескончаемые споры. Начиналось обыкновенно съ того, что старикъ, посмѣиваясь, дразнилъ „идеальныхъ паничей“; тѣ горячились, старикъ тоже разгорячался, и тогда подымался самый невообразимый галдежъ, въ которомъ обѣимъ сторонамъ доставалось не на шутку.

Это было отраженіе извѣстной розни „отцовъ и дѣтей“;

только здѣсь это явленіе сказывалось въ значительно смягченной формѣ. Молодежь, съ дѣтства отданная въ школы, деревню видѣла только въ короткое каникулярное время, и потому у ней не было того конкретнаго знанія народа, какимъ отличались отцы-помѣщики. Когда поднялась въ обществѣ волна „народолюбія“, заставшая юношей въ высшихъ классахъ гимназіи, они обратились къ изученію родного народа, но начали это изученіе съ книжекъ. Второй шагъ привелъ ихъ къ непосредственному изученію проявленій „народнаго духа“ въ его творчествѣ. Хожденіе въ народъ паничей въ бѣлыхъ свиткахъ и расшитыхъ сорочкахъ было тогда сильно распространено въ юго-западномъ краѣ. На изученіе экономическихъ условій не обращалось особеннаго вниманія. Молодые люди записывали слова и музыку народныхъ думокъ и пѣсенъ, изучали преданія, свѣряли историческіе факты съ ихъ отраженіемъ въ народной памяти, вообще смотрѣли на мужика сквозь поэтическую призму національнаго романтизма. Отъ этого, пожалуй, не прочь были и старики, но все же они никогда не могли договориться съ молодежью до какого-либо соглашенія.

— Вотъ, послушай ты его,—говорилъ Ставрученко Максиму, лукаво подталкивая его локтемъ, когда студентъ ораторствовалъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и сверкающими глазами.— Вотъ, собачій сынъ, говоритъ, какъ пишетъ!.. Подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ голова! А разскажи ты намъ, ученый человѣкъ, какъ тебя мой Нечипоръ надулъ, а?

Старикъ поводилъ усами и хохоталъ, разсказывая съ чисто-хохлацкимъ юморомъ соотвѣтствующій случай. Юноши краснѣли, но, въ свою очередь, не оставались въ долгу. „Если они не знаютъ Нечипора и Хведька изъ такой-то деревни, за то они изучаютъ весь народъ въ его общихъ проявленіяхъ; они смотрятъ съ высшей точки зрѣнія, при которой только и возможны выводы и широкія обобщенія. Они обнимаютъ однимъ взглядомъ далекія перспективы, тогда какъ старые и заматерѣлые въ рутинѣ практики изъ-за деревьевъ не видятъ всего лѣса“.

Старику не было непріятно слушать мудреныя рѣчи сыновей.

— Таки видно, что не даромъ въ школѣ учились, — говаривалъ онъ, самодовольно поглядывая на слушателей. — А все же, я вамъ скажу, мой Хведько васъ обоихъ и введетъ, и выведетъ, какъ телятъ на веревочкѣ, вотъ что!.. Ну, а я и самъ его, шельму, въ свой кисетъ уложу и въ карманъ спрячу. Вотъ и значитъ, что вы передо мною все равно, что щенята передъ старымъ псомъ.

III.

Въ данную минуту одинъ изъ подобныхъ споровъ только-что затихъ. Старшее поколѣніе удалилось въ домъ, и сквозь открытыя окна слышно было по временамъ, какъ Ставрученко съ торжествомъ разсказывалъ разные комическіе эпизоды, и слушатели весело хохотали.

Молодые люди оставались въ саду. Студентъ, подостлавъ подъ себя свитку и заломивъ смушковую шапку, разлегся на травѣ съ нѣсколько тенденціозною непринужденностью. Его старшій братъ сидѣлъ на заваленкѣ рядомъ съ Эвелиной. Кадетъ въ аккуратно застегнутомъ мундирѣ помѣщался съ нимъ рядомъ, а нѣсколько въ сторонѣ, опершись на подоконникъ, сидѣлъ, опустивъ голову, слѣпой; онъ обдумывалъ только-что смолкшіе и глубоко взволновавшіе его споры.

— Что вы думаете обо всемъ, что здѣсь говорилось, панна Эвелина?—обратился къ своей сосѣдкѣ молодой Ставрученко.— Вы, кажется, не проронили ни одного слова.

— Все это очень хорошо, то-есть то, что вы говорили отцу. Но...

— Но... что же?

Дѣвушка отвѣтила не сразу. Она положила къ себѣ на колѣни свою работу, разгладила ее руками и, слегка наклонивъ голову, стала разсматривать ее съ задумчивымъ видомъ. Трудно было разобрать, думала ли она о томъ, что ей слѣдовало взять для вышивки канву покрупнѣе, или же обдумывала свой отвѣтъ.

Между тѣмъ, молодые люди съ нетерпѣніемъ ждали этого отвѣта. Студентъ приподнялся на локтѣ и повернулъ къ дѣвушкѣ лицо, оживленное любопытствомъ. Ея сосѣдъ уставился на нее спокойнымъ, пытливымъ взглядомъ. Слѣпой перемѣнилъ свою непринужденную позу, выпрямился и потомъ вытянулъ голову, отвернувшись лицомъ отъ остальныхъ собесѣдниковъ.

— Но, — проговорила она тихо, все продолжая разглаживать рукой свою вышивку, — у всякаго человѣка, господа, своя дорога въ жизни.

— Господи! — рѣзко воскликнулъ студентъ, — какое благоразуміе! Да вамъ, моя панночка, сколько лѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Семнадцать,—отвѣтила Эвелина просто, но тотчасъ же прибавила съ наивно-торжествующимъ любопытствомъ: — а вѣдь вы думали, гораздо больше, не правда ли?

Молодые люди засмѣялись.

— Если-бъ у меня спросили мнѣніе насчетъ вашего воз-

раста, — сказалъ ея сосѣдъ, — я сильно колебался бы между тринадцатью и двадцатью тремя. Правда, иногда вы кажетесь совсѣмъ-таки ребенкомъ, а разсуждаете порой, какъ опытная старушка.

— Въ серьезныхъ дѣлахъ, Гаврило Петровичъ, нужно и разсуждать серьезно,—произнесла маленькая женщина докторальнымъ тономъ, опять принимаясь за работу.

Всѣ на минуту смолкли. Иголка Эвелины опять мѣрно заходила по вышивкѣ, а молодые люди оглядывали съ любопытствомъ миніатюрную фигуру благоразумной особы.

IV.

Эвелина, конечно, значительно выросла и развилась со времени первой встрѣчи съ Петромъ, но замѣчаніе студента насчетъ ея вида было совершенно справедливо. При первомъ взглядѣ на это небольшое, худощавое созданьице казалось, что это еще дѣвочка, но въ ея неторопливыхъ, размѣренныхъ движеніяхъ сказывалась нерѣдко солидность женщины. То же впечатлѣніе производило и ея лицо. Такія лица бываютъ, кажется, только у славянокъ. Правильныя красивыя черты зарисованы плавными, холодными линіями; голубые глаза глядятъ ровно, спокойно; румянецъ рѣдко является на этихъ блѣдныхъ щекахъ, но это не та обычная блѣдность, которая ежеминутно готова вспыхнуть пламенемъ жгучей страсти; это скорѣе холодная бѣлизна снѣга. Прямые свѣтлые волосы Эвелины чуть-чуть оттѣнялись на мраморныхъ вискахъ и спадали тяжелою косой, какъ будто оттягивавшей назадъ ея голову при походкѣ.

Слѣпой тоже выросъ и возмужалъ. Всякому, кто посмотрѣлъ бы на него въ ту минуту, когда онъ сидѣлъ поодаль отъ описанной группы, блѣдный, взволнованный и красивый, сразу бросилось бы въ глаза это своеобразное лицо, на которомъ такъ рѣзко отражалось всякое душевное движеніе. Черные волосы красивою волной склонялись надъ выпуклымъ лбомъ, по которому прошли раннія морщинки. На щекахъ быстро вспыхивалъ густой румянецъ, и такъ же быстро разливалась матовая блѣдность. Нижняя губа, чуть-чуть оттянутая углами внизъ, по временамъ какъ-то напряженно вздрагивала, брови чутко настораживались и шевелились, а большіе красивые глаза, глядѣвшіе ровнымъ и неподвижнымъ взглядомъ, придавали лицу молодого человѣка какой-то не совсѣмъ обычный мрачный оттѣнокъ.

— Итакъ, — насмѣшливо заговорилъ студентъ послѣ нѣкотораго молчанія,—панна Эвелина полагаетъ, что все, о чемъ

мы говорили, недоступно женскому уму, что удѣлъ женщины— узкая сфера дѣтской и кухни.

Въ голосѣ молодого человѣка слышалось самодовольство (тогда эти словечки были совсѣмъ новенькія) и вызывающая иронія; на нѣсколько секундъ всѣ смолкли, и на лицѣ дѣвушки проступилъ нервный румянецъ.

— Вы слишкомъ торопитесь со своими заключеніями, — сказала она. — Я понимаю все, о чемъ здѣсь говорилось, — значитъ, женскому уму это доступно. Я говорила только о себѣ лично.

Она смолкла и наклонилась надъ шитьемъ съ такимъ вниманіемъ къ работѣ, что у молодого человѣка не хватило рѣшимости продолжать дальнѣйшій допросъ.

— Странно, — пробормоталъ онъ. — Можно подумать, что вы распланировали уже свою жизнь до самой могилы.

— Что же тутъ страннаго, Гаврило Петровичъ? — тихо возразила дѣвушка. — Я думаю, даже Илья Ивановичъ (имя кадета) намѣтилъ уже свою дорогу, а вѣдь онъ моложе меня.

— Это правда, — сказалъ кадетъ, довольный этимъ вызовомъ.—Я недавно читалъ біографію N. N. Онъ тоже поступалъ по ясному плану: въ двадцать лѣтъ женился, а въ тридцать пять командовалъ частью.

Студентъ ехидно засмѣялся, дѣвушка слегка покраснѣла.

— Ну, вотъ видите, — сказала она черезъ минуту съ какою-то холодною рѣзкостью въ голосѣ,—у всякаго своя дорога.

Никто не возражалъ больше. Среди молодой компаніи водворилась серьезная тишина, подъ которою чувствуется такъ ясно недоумѣлый испугъ: всѣ смутно поняли, что разговоръ перешелъ на деликатную личную почву, что подъ простыми словами зазвучала гдѣ-то чутко натянутая струна...

И среди этого молчанія слышался только шорохъ темнѣющаго и будто чѣмъ-то недовольнаго стараго сада.

V.

Всѣ эти бесѣды, эти споры, эта волна кипучихъ молодыхъ запросовъ, надеждъ, ожиданій и мнѣній,—все это нахлынуло на слѣпого неожиданно и бурно. Сначала онъ прислушивался къ нимъ съ выраженіемъ восторженнаго изумленія, но вскорѣ онъ не могъ не замѣтить, что эта живая волна катится мимо него, что ей до него нѣтъ дѣла. Къ нему не обращались съ вопросами, у него не спрашивали мнѣній, и скоро оказалось, что онъ стоитъ особнякомъ, въ какомъ-то грустномъ уединеніи, тѣмъ болѣе грустномъ, чѣмъ шумнѣе была теперь жизнь усадьбы.

Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ прислушиваться ко всему, что для него было такъ ново, и его крѣпко сдвинутыя брови, поблѣднѣвшее лицо выказывали усиленное вниманіе. Но это вниманіе было мрачно, подъ нимъ таилась тяжелая и горькая работа мысли.

Мать смотрѣла на сына съ печалью въ глазахъ. Глаза Эвелины выражали сочувствіе и безпокойство. Одинъ Максимъ будто не замѣчалъ, какое дѣйствіе производитъ шумное общество на слѣпого, и радушно приглашалъ гостей навѣдываться почаще въ усадьбу, обѣщая молодымъ людямъ обильный этнографическій матеріалъ къ слѣдующему пріѣзду.

Гости обѣщали вернуться и уѣхали. Прощаясь, молодые люди радушно пожимали руки Петра. Онъ порывисто отвѣчалъ на эти пожатія и долго прислушивался, какъ стучали по дорогѣ колеса ихъ брички. Затѣмъ онъ быстро повернулся и ушелъ въ садъ.

Съ отъѣздомъ гостей въ усадьбѣ все стихло, но эта тишина показалась слѣпому какою-то особенной, необычной и странной. Въ ней слышалось какъ будто признаніе, что здѣсь произошло что-то особенно важное. Въ смолкшихъ аллеяхъ, отзывавшихся только шопотомъ буковъ и сирени, слѣпому чуялись отголоски недавнихъ разговоровъ. Онъ слышалъ также въ открытое окно, какъ мать и Эвелина о чемъ-то спорили съ Максимомъ въ гостиной. Въ голосѣ матери онъ замѣтилъ мольбу и страданіе, голосъ Эвелины звучалъ негодованіемъ, а Максимъ, казалось, страстно, но твердо отражалъ нападеніе женщинъ. Съ приближеніемъ Петра эти разговоры мгновенно смолкали.

Максимъ сознательно, безпощадною рукой пробилъ первую брешь въ стѣнѣ, окружавшей до сихъ поръ міръ слѣпого. Гулкая безпокойная первая волна уже хлынула въ проломъ, и душевное равновѣсіе юноши дрогнуло подъ этимъ первымъ ударомъ.

Теперь ему казалось уже тѣсно въ его заколдованномъ кругѣ. Его тяготила спокойная тишь усадьбы, лѣнивый шопотъ и шорохъ стараго сада, однообразіе юнаго душевнаго сна. Тьма заговорила съ нимъ своими новыми обольстительными голосами, заколыхалась новыми смутными образами, тѣснясь съ тоскливою суетой заманчиваго оживленія.

Она звала его, манила, будила дремавшіе въ душѣ запросы, и уже эти первые призывы сказались въ его лицѣ блѣдностью, а въ душѣ—тупымъ, хотя еще смутнымъ страданіемъ.

Отъ женщинъ не ускользнули эти тревожные признаки. Мы, зрячіе, видимъ отраженіе душевныхъ движеній на чужихъ лицахъ и потому пріучаемся скрывать свои собственныя. Слѣ-

ные въ этомъ отношеніи совершенно беззащитны, и потому на поблѣднѣвшемъ лицѣ Петра можно было читать, какъ въ интимномъ дневникѣ, оставленномъ открытымъ въ гостиной... На немъ была написана мучительная тревога. Женщины видѣли, что Максимъ тоже замѣчаетъ все это, но это входитъ въ какіе-то планы старика. Обѣ онѣ считали это жестокостью, и мать хотѣла бы своими руками оградить сына. „Теплица?— что-жъ такое, если ея ребенку до сихъ поръ было хорошо въ теплицѣ? Пусть будетъ такъ и дальше, навсегда... Спокойно, тихо, невозмутимо“... Эвелина не высказывала, повидимому, всего, что было у нея на душѣ, но съ нѣкоторыхъ поръ она перемѣнилась къ Максиму и стала возражать противъ нѣкоторыхъ, иногда совсѣмъ незначительныхъ его предложеній съ небывалою рѣзкостью.

Старикъ смотрѣлъ на нее изъ-подъ бровей пытливыми глазами, которые встрѣчались порой съ гнѣвнымъ, сверкающимъ взглядомъ молодой дѣвушки. Максимъ покачивалъ головой, бормоталъ что-то и окружалъ себя особенно густыми клубами дыма, что было признакомъ усиленной работы мысли; но онъ твердо стоялъ на своемъ и порой, ни къ кому не обращаясь, отпускалъ презрительныя сентенціи насчетъ неразумной женской любви и короткаго бабьяго ума, который, какъ извѣстно, гораздо короче волоса; поэтому женщина не можетъ видѣть дальше минутнаго страданія и минутной радости. Онъ мечталъ для Петра не о спокойствіи, а о возможной полнотѣ жизни. Говорятъ, всякій воспитатель стремится сдѣлать изъ питомца свое подобіе. Максимъ мечталъ о томъ, что пережилъ самъ и чего такъ рано лишился: о кипучихъ кризисахъ и о борьбѣ. Въ какой формѣ, — онъ не зналъ и самъ, но упорно стремился расширить для Петра кругъ живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, доступныхъ слѣпому, рискуя даже потрясеніями и душевными переворотами. Онъ чувствовалъ, что обѣ женщины хотятъ совсѣмъ другого...

— Насѣдка!—говорилъ онъ иногда сестрѣ, сердито стуча по комнатѣ своими костылями... Но онъ сердился рѣдко: большею же частью на доводы сестры онъ возражалъ мягко и съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, тѣмъ болѣе, что она каждый разъ уступала въ спорѣ, когда оставалась наединѣ съ братомъ; это, впрочемъ, не мѣшало ей вскорѣ опять возобновлять разговоръ. Но когда при этомъ присутствовала Эвелина, дѣло становилось серьезнѣе; въ этихъ случаяхъ старикъ предпочиталъ отмалчиваться. Казалось, между нимъ и молодою дѣвушкой завязывалась какая-то борьба, и оба они еще только изучали противника, тщательно скрывая свои карты.

IV.

Когда, черезъ двѣ недѣли молодые люди опять вернулись вмѣстѣ съ отцомъ, Эвелина встрѣтила ихъ съ холодною сдержанностью. Однако, ей было трудно устоять противъ обаятельнаго молодого оживленія. Цѣлые дни молодежь шаталась по деревнѣ, охотилась, записывала въ поляхъ пѣсни жницъ и жнецовъ, а вечеромъ вся компанія собиралась на заваленкѣ усадьбы, въ саду.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Эвелина не успѣла спохватиться, какъ разговоръ опять перешелъ на щекотливыя темы. Какъ это случилось, кто началъ первый, — ни она, да и никто не могъ бы сказать. Это вышло такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно потухла заря и по саду расползлись вечернія тѣни, какъ незамѣтно завелъ соловей въ кустахъ свою вечернюю пѣсню.

Студентъ говорилъ пылко, съ тою особенною юношескою страстью, которая кидается навстрѣчу неизвѣстному будущему безразсчетно и безразсудно. Была въ этой вѣрѣ въ будущее съ его чудесами какая-то особенная чарующая сила, почти неодолимая сила привычки...

Молодая дѣвушка вспыхнула, понявъ, что этотъ вызовъ, быть можетъ, безъ сознательнаго разсчета, былъ обращенъ теперь прямо къ ней.

Она слушала, низко наклонясь надъ работой. Ея глаза заискрились, щеки загорѣлись румянцемъ, сердце стучало... Потомъ блескъ глазъ потухъ, губы сжались, а сердце застучало еще сильнѣе, и на поблѣднѣвшемъ лицѣ появилось выраженіе испуга.

Она испугалась оттого, что передъ ея глазами будто раздвинулась темная стѣна, и въ этотъ просвѣтъ блеснули далекія перспективы обширнаго, кипучаго и дѣятельнаго міра.

Да, онъ манитъ ее уже давно. Она не сознавала этого раньше, но въ тѣни стараго сада, на уединенной скамейкѣ, она нерѣдко просиживала цѣлые часы, отдаваясь небывалымъ мечтамъ. Воображеніе рисовало ей яркія далекія картины, и въ нихъ не было мѣста слѣпому...

Теперь этотъ міръ приблизился къ ней: онъ не только манитъ ее, онъ предъявляетъ на нее какое-то право.

Она кинула быстрый взглядъ въ сторону Петра, и что-то кольнуло ей сердце. Онъ сидѣлъ неподвижный, задумчивый: вся его фигура казалась отяжелѣвшей и осталась въ ея памяти мрачнымъ пятномъ. „Онъ понимаетъ... все“, — мелькнула у нея мысль, быстрая, какъ молнія, и дѣвушка почувствовала

какой-то холодъ. Кровь отлила къ сердцу, а на лицѣ она сама ощутила внезапную блѣдность. Ей представилось на мгновеніе, что она уже тамъ, въ этомъ далекомъ мірѣ, а онъ сидитъ вотъ здѣсь одинъ, съ опущенною головой, или нѣтъ... Онъ тамъ, на холмикѣ, надъ рѣчкой, этотъ слѣпой мальчикъ, надъ которымъ она плакала въ тотъ вечеръ...

И ей стало страшно. Ей показалось, что кто-то готовится вынуть ножъ изъ ея давнишней раны.

Она вспомнила долгіе взгляды Максима. Такъ вотъ что значили эти молчаливые взгляды! Онъ лучше ея самой зналъ ея настроеніе, онъ угадалъ, что въ ея сердцѣ возможна еще борьба и выборъ, что она въ себѣ не увѣрена... Но нѣтъ,— онъ ошибается! Она знаетъ свой первый шагъ, а тамъ она посмотритъ, что можно будетъ взять у жизни еще...

Она вздохнула трудно и тяжело, какъ бы переводя дыханіе послѣ тяжелой работы, и оглянулась кругомъ. Она не могла бы сказать, долго ли длилось молчаніе, давно ли смолкъ студентъ, говорилъ ли онъ еще что-нибудь... Она посмотрѣла туда, гдѣ за минуту сидѣлъ Петръ...

Его не было на прежнемъ мѣстѣ.

VII.

Тогда, спокойно сложивъ работу, она тоже поднялась.

— Извините, господа, — сказала она, обращаясь къ гостямъ.—Я васъ на время оставлю однихъ.

И она пошла вдоль темной аллеи.

Этотъ вечеръ былъ исполненъ тревоги не для одной Эвелины. На поворотѣ аллеи, гдѣ стояла скамейка, дѣвушка услыхала взволнованные голоса. Максимъ разговаривалъ съ сестрой.

— Да, о ней я думалъ въ этомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ о немъ,—говорилъ старикъ сурово.—Подумай, вѣдь она еще ребенокъ, не знающій жизни! Я не хочу вѣрить, что ты желала бы воспользоваться невѣдѣніемъ ребенка.

Въ голосѣ Анны Михайловны, когда она отвѣтила, слышались слезы.

— А что же, Максъ, если... если она... Что же будетъ тогда съ моимъ мальчикомъ?

— Будь, что будетъ!—твердо и угрюмо отвѣтилъ старый солдатъ.—Тогда посмотримъ; во всякомъ случаѣ, на немъ не должно тяготѣть сознаніе чужой, испорченной жизни... Да и на нашей совѣсти тоже... Подумай объ этомъ, Аня, — добавилъ онъ мягче.

Старикъ взялъ руку сестры и нѣжно поцѣловалъ ее. Анна Михайловна склонила голову.

— Мой бѣдный мальчикъ, бѣдный... Лучше бы ему никогда не встрѣчаться съ нею...

Дѣвушка скорѣе угадала эти слова, чѣмъ разслышала: такъ тихо вырвался этотъ стонъ изъ устъ матери.

Краска залила лицо Эвелины. Она невольно остановилась на поворотѣ аллеи... Теперь, когда она выйдетъ, оба они увидятъ, что она подслушала ихъ тайныя мысли...

Но черезъ нѣсколько мгновеній она гордо подняла голову. Она не хотѣла подслушивать, и, во всякомъ случаѣ, не ложный стыдъ можетъ остановить ее на ея дорогѣ. Къ тому же, этотъ старикъ беретъ на себя слишкомъ много. Она сама сумѣетъ распорядиться своею жизнью.

Она вышла изъ-за поворота дорожки и прошла мимо обоихъ говорившихъ, спокойно и съ высоко поднятою головой. Максимъ съ невольной торопливостью подобралъ свой костыль, чтобы дать ей дорогу, а Анна Михайловна посмотрѣла на нее съ какимъ-то подавленнымъ выраженіемъ любви, почти обожанія и страха.

Мать будто чувствовала, что эта гордая и бѣлокурая дѣвушка, которая только-что прошла съ такимъ гнѣвно-вызывающимъ видомъ, пронесла съ собой счастье или несчастье всей жизни ея ребенка.

VIII.

Въ дальнемъ концѣ сада стояла старая, заброшенная мельница. Колеса давно уже не вертѣлись, валы обросли мхомъ, и сквозь старые шлюзы просачивалась вода нѣсколькими тонкими, неумолчно звенѣвшими струйками. Это было любимое мѣсто слѣпого. Здѣсь онъ просиживалъ цѣлые часы на парапетѣ плотины, прислушиваясь къ говору сочившейся воды, и умѣлъ прекрасно передавать на фортепіано этотъ говоръ. Но теперь ему было не до того... Теперь онъ быстро ходилъ по дорожкѣ съ переполненнымъ горечью сердцемъ, съ искаженнымъ отъ внутренней боли лицомъ.

Заслышавъ легкіе шаги дѣвушки, онъ остановился; Эвелина положила ему на плечо руку и спросила серьезно:

— Скажи мнѣ, Петръ, что это съ тобой? Отчего ты такой грустный?

Быстро повернувшись, онъ опять зашагалъ по дорожкѣ. Дѣвушка пошла съ нимъ рядомъ.

Она поняла его рѣзкое движеніе и его молчаніе и на минуту опустила голову. Отъ усадьбы слышалась пѣсня:

Зъ за крутоі горы
Выліталы орлы,

Выліталы, гуркоталы,
Роскоши шукалы...

Смягченный разстояніемъ, молодой, сильный голосъ пѣлъ о любви, о счастіи, о просторѣ, и эти звуки неслись въ тишинѣ ночи, покрывая лѣнивый шопотъ сада...

Тамъ были счастливые люди, которые говорили объ яркой и полной жизни; она еще нѣсколько минутъ назадъ была съ ними, опьяненная мечтами объ этой жизни, въ которой *ему* не было мѣста. Она даже не замѣтила его ухода, а кто знаетъ, какими долгими показались ему эти минуты одинокаго горя...

Эти мысли прошли въ головѣ молодой дѣвушки, пока она ходила рядомъ съ Петромъ по аллеѣ. Никогда еще не было такъ трудно заговорить съ нимъ, овладѣть его настроеніемъ. Однако, она чувствовала, что ея присутствіе понемногу смягчаетъ его мрачное раздумье.

Дѣйствительно, его походка стала тише, лицо спокойнѣе. Онъ слышалъ рядомъ ея шаги, и понемногу острая душевная боль стихала, уступая мѣсто другому чувству. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ чувствѣ, но оно было ему знакомо, и онъ легко подчинялся его благотворному вліянію.

— Что съ тобой?—повторила она свой вопросъ.

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ онъ съ горечью.—Мнѣ только кажется, что я совсѣмъ лишній на свѣтѣ.

Пѣсня около дома на время смолкла, и черезъ минуту послышалась другая. Она доносилась чуть слышно; теперь студентъ пѣлъ старую „думу“, подражая тихому напѣву бандуристовъ. Иногда голосъ, казалось, совсѣлъ смолкалъ, воображеніемъ овладѣвала смутная мечта, и затѣмъ тихая мелодія опять пробивалась сквозь шорохъ листьевъ...

Петръ невольно остановился, прислушиваясь.

— Знаешь,—заговорилъ онъ грустно,—мнѣ кажется иногда, что старики правы, когда говорятъ, что на свѣтѣ становится съ годами все хуже. Въ старые годы было лучше даже слѣпымъ. Вмѣсто фортепіано, тогда бы я выучился играть на бандурѣ и ходилъ бы по городамъ и селамъ... Ко мнѣ собирались бы толпы людей, и я пѣлъ бы имъ о дѣлахъ ихъ отцовъ, о подвигахъ и славѣ. Тогда и я былъ бы чѣмъ-нибудь въ жизни. А теперь? Даже этотъ кадетикъ съ такимъ рѣзкимъ голосомъ, и тотъ,—ты слышала?—говоритъ: жениться и командовать частью. Надъ нимъ смѣялись, а я... а мнѣ даже и это недоступно.

Голубые глаза дѣвушки широко открылись отъ испуга, и въ нихъ сверкнула слеза.

— Это ты наслушался рѣчей молодого Ставрученка,—ска

зала она въ смущеніи, стараясь придать голосу тонъ беззаботной шутки.

— Да,—задумчиво отвѣтилъ Петръ и прибавилъ:—у него очень пріятный голосъ. Красивъ онъ?

— Да, онъ хорошій,—задумчиво подтвердила Эвелина, но вдругъ, какъ-то гнѣвно спохватившись, прибавила рѣзко:—Нѣтъ, онъ мнѣ вовсе не нравится! Онъ слишкомъ самоувѣренъ, и голосъ у него непріятный и рѣзкій.

Петръ выслушалъ съ удивленіемъ эту гнѣвную вспышку. Дѣвушка топнула ногой и продолжала:

— И все это глупости! Это все, я знаю, подстраиваетъ Максимъ. О, какъ я ненавижу теперь этого Максима!

— Что ты это, Веля?—спросилъ удивленно слѣпой.—Что подстраиваетъ?

— Ненавижу, ненавижу Максима!—упрямо повторяла дѣвушка.—Онъ со своими разсчетами истребилъ въ себѣ всякіе признаки сердца... Не говори, не говори мнѣ о нихъ... И откуда они присвоили себѣ право распоряжаться чужою судьбой?

Она вдругъ порывисто остановилась, сжала свои тонкія руки, такъ что на нихъ хрустнули пальцы, и какъ-то по-дѣтски заплакала.

Слѣпой взялъ ее за руки съ удивленіемъ и участіемъ. Эта вспышка со стороны его спокойной и всегда выдержанной подруги была такъ неожиданна и необъяснима! Онъ прислушивался одновременно къ ея плачу и къ тому странному отголоску, какимъ отзывался этотъ плачъ въ его собственномъ сердцѣ. Ему вспомнились давніе годы. Онъ сидѣлъ на холмѣ съ такою же грустью, а она плакала надъ нимъ такъ же, какъ и теперь...

Но вдругъ она высвободила руку, и слѣпой опять удивился: дѣвушка смѣялась.

— Какая я, однако, глупая! И о чемъ это я плачу?

Она вытерла глаза и потомъ заговорила растроганнымъ и добрымъ голосомъ:

— Нѣтъ, будемъ справедливы: оба они хорошіе!.. И то, что онъ говорилъ сейчасъ,—хорошо. Но вѣдь это же не для всѣхъ.

— Для всѣхъ, кто можетъ,—сказать слѣпой.

— Какіе пустяки!—отвѣтила она ясно, хотя въ ея голосѣ вмѣстѣ съ улыбкой слышались еще недавнія слезы.—Вѣдь вотъ и Максимъ воевалъ, пока могъ, а теперь живетъ, какъ можетъ. Ну, и мы...

— Не говори: *мы!* Ты—совсѣмъ другое дѣло...

— Нѣтъ, не другое.

— Почему?

— Потому что... Ну да потому, что вѣдь ты на мнѣ женишься, и, значитъ, наша жизнь будетъ одинакова.

Петръ остановился въ изумленіи.

— Я?.. На тебѣ?.. Значитъ, ты за меня... замужъ?

— Ну да, ну да, конечно!—отвѣтила она съ торопливымъ волненіемъ.—Какой ты глупый! Неужели тебѣ никогда не приходило это въ голову? Вѣдь это же такъ просто! На комъ же тебѣ и жениться, какъ не на мнѣ?

— Конечно,—согласился онъ съ какимъ-то страннымъ эгоизмомъ, но тотчасъ спохватился.

— Послушай, Веля,—заговорилъ онъ, взявъ ее за руку.—Тамъ сейчасъ говорили: въ большихъ городахъ дѣвушки учатся всему, передъ тобой тоже могла бы открыться широкая дорога... А я...

— Что же ты?

— А я... слѣпой!—закончилъ онъ совершенно нелогично.

И опять ему вспомнилось дѣтство, тихій плескъ рѣки, первое знакомство съ Эвелиной и ея горькія слезы при словѣ „слѣпой"... Инстинктивно почувствовалъ онъ, что теперь опять причиняетъ ей такую же рану, и остановился. Нѣсколько секундъ стояла тишина, только вода тихо и ласково звенѣла въ шлюзахъ. Эвелины совсѣмъ не было слышно, какъ будто она исчезла. По ея лицу, дѣйствительно, пробѣжала судорога, но дѣвушка овладѣла собой, и, когда она заговорила, голосъ ея звучалъ безпечно и шутливо:

— Такъ что же, что слѣпой?—сказала она,—но вѣдь если дѣвушка полюбитъ слѣпого, такъ и выходить надо за слѣпого... Это ужъ всегда такъ бываетъ, что же намъ дѣлать?

— Полюбитъ...—сосредоточенно повторилъ онъ, и брови его сдвинулись,—онъ вслушивался въ новые для него звуки знакомаго слова...—Полюбитъ?—переспросилъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ...

— Ну да! Ты и я, мы оба любимъ другъ друга... Какой ты глупый! Ну, подумай самъ: могъ ли бы ты остаться здѣсь одинъ, безъ меня?..

Лицо его сразу поблѣднѣло, и незрячіе глаза остановились, большіе и неподвижные.

Было тихо: только вода все говорила о чемъ-то, журча и звеня. Временами казалось, что этотъ говоръ ослабѣваетъ и вотъ-вотъ стихнетъ; но тотчасъ же онъ опять повышался и опять звенѣлъ безъ конца и перерыва. Густая черемуха шептала темною листвой; пѣсня около дома смолкла, но за то надъ прудомъ соловей заводилъ свою...

— Я бы умеръ,—сказалъ онъ глухо.

Ея губы задрожали, какъ въ тотъ день ихъ перваго знакомства, и она сказала съ трудомъ, слабымъ, дѣтскимъ голосомъ:

— И я тоже... Безъ тебя, одна... въ далекомъ свѣтѣ...

Онъ сжалъ ея маленькую руку въ своей. Ему казалось страннымъ, что ея тихое отвѣтное пожатіе такъ непохоже на прежнія: слабое движеніе ея маленькихъ пальцевъ отражалось теперь въ глубинѣ его сердца. Вообще, кромѣ прежней Эвелины, друга его дѣтства, теперь онъ чувствовалъ въ ней еще какую-то другую, новую дѣвушку. Самъ онъ показался себѣ могучимъ и сильнымъ, а она представилась плачущей и слабой. Тогда, подъ вліяніемъ глубокой нѣжности, онъ привлекъ ее одною рукой, а другою сталъ гладить ея шелковистые волосы.

И ему казалось, что все горе смолкло въ глубинѣ сердца и что у него нѣтъ никакихъ порывовъ и желаній, а есть только настоящая минута.

Соловей, нѣкоторое время пробовавшій свой голосъ, защелкалъ и разсыпался по молчаливому саду неистовою трелью. Дѣвушка встрепенулась и застѣнчиво отвела руку Петра.

Онъ не противился и, отпустивъ ее, вздохнулъ полною грудью. Онъ слышалъ, какъ она оправляетъ свои волосы. Его сердце билось сильно, но ровно и пріятно; онъ чувствовалъ, какъ горячая кровь разноситъ по всему тѣлу какую-то новую сосредоточенную силу. Когда черезъ минуту она сказала ему обычнымъ тономъ: „Ну, теперь вернемся къ гостямъ“, онъ съ удивленіемъ вслушивался въ этотъ милый голосъ, въ которомъ звучали совершенно новыя ноты.

IX.

Гости и хозяева собрались въ маленькой гостиной; недоставало только Петра и Эвелины. Максимъ разговаривалъ со своимъ старымъ товарищемъ, молодые люди сидѣли молча у открытыхъ оконъ; въ небольшомъ обществѣ господствовало то особенное тихое настроеніе, въ глубинѣ котораго ощущается какая-то, не для всѣхъ ясная, но всѣми сознаваемая драма. Отсутствіе Эвелины и Петра было какъ-то особенно замѣтно. Максимъ среди разговора кидалъ короткіе выжидающіе взгляды по направленію къ дверямъ. Анна Михайловна съ грустнымъ и какъ будто виноватымъ лицомъ явно старалась быть внимательною и любезною хозяйкой, и только одинъ панъ Попельскій, значительно округлѣвшій и, какъ всегда, благодушный, дремалъ на своемъ стулѣ въ ожиданіи ужина.

Когда на террасѣ, которая вела изъ сада въ гостиную, раздались шаги, всѣ глаза повернулись туда. Въ темномъ четыреугольникѣ широкихъ дверей показалась фигура Эвелины, а за нею тихо подымался по ступенькамъ слѣпой.

Молодая дѣвушка почувствовала на себѣ эти сосредоточенные, внимательные взгляды, однако, это ее не смутило. Она прошла черезъ комнату своею обычною ровною поступью, и только на одно мгновеніе, встрѣтивъ короткій изъ-подъ бровей взглядъ Максима, она чуть-чуть улыбнулась, и ея глаза сверкнули вызовомъ и усмѣшкой. Пани Попельская вглядывалась въ своего сына.

Молодой человѣкъ, казалось, шелъ вслѣдъ за дѣвушкой, не сознавая хорошо, куда она ведетъ его. Когда въ дверяхъ показалось его блѣдное лицо и тонкая фигура, онъ вдругъ пріостановился на порогѣ этой освѣщенной комнаты. Но затѣмъ онъ перешагнулъ черезъ порогъ и быстро, хотя съ тѣмъ же полуразсѣяннымъ, полусосредоточеннымъ видомъ подошелъ къ фортепіано.

Хотя музыка была обычнымъ элементомъ въ жизни тихой усадьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ элементъ интимный, такъ сказать, чисто домашній. Въ тѣ дни, когда усадьба наполнялась говоромъ и пѣніемъ пріѣзжей молодежи, Петръ ни разу не подходилъ къ фортепіано, на которомъ игралъ лишь старшій изъ сыновей Ставрученко, музыкантъ по профессіи. Это воздержаніе дѣлало слѣпого еще болѣе незамѣтнымъ въ оживленномъ обществѣ, и мать съ сердечной болью слѣдила за темной фигурой сына, терявшагося среди общаго блеска и оживленія. Теперь, въ первый еще разъ Петръ смѣло и какъ будто даже не вполнѣ сознательно подходилъ къ своему обычному мѣсту... Казалось, онъ забылъ о присутствіи чужихъ. Впрочемъ, при входѣ молодыхъ людей въ гостиной стояла такая тишина, что слѣпой могъ считать комнату пустою...

Открывъ крышку, онъ слегка тронулъ клавиши и пробѣжалъ по нимъ нѣсколькими быстрыми, легкими аккордами. Казалось, онъ о чемъ-то спрашивалъ не то у инструмента, не то у собственнаго настроенія.

Потомъ, вытянувъ на клавишахъ руки, онъ глубоко задумался, и тишина въ маленькой гостиной стала еще глубже.

Ночь глядѣла въ черныя отверстія оконъ; кое-гдѣ изъ сада заглядывали съ любопытствомъ зеленыя группы листьевъ, освѣщенныхъ свѣтомъ лампы. Гости, подготовленные только-что смолкшимъ смутнымъ рокотомъ піанино, отчасти охваченные вѣяніемъ страннаго вдохновенія, витавшаго надъ блѣднымъ лицомъ слѣпого, сидѣли въ молчаливомъ ожиданіи.

А Петръ все молчалъ, приподнявъ кверху слѣпые глаза, и все будто прислушивался къ чему-то. Въ его душѣ подымались, какъ расколыхавшіяся волны, самыя разнообразныя ощущенія. Приливъ невѣдомой жизни подхватывалъ его, какъ подхватываетъ волна на морскомъ берегу долго и мирно стоявшую на пескѣ лодку... На лицѣ виднѣлось удивленіе, вопросъ, и еще какое-то особенное возбужденіе проходило по немъ быстрыми тѣнями. Слѣпые глаза казались глубокими и темными.

Одну минуту можно было подумать, что онъ не находитъ въ своей душѣ того, къ чему прислушивается съ такимъ жаднымъ вниманіемъ. Но потомъ, хотя все съ тѣмъ же удивленнымъ видомъ и все какъ будто не дождавшись чего-то, онъ дрогнулъ, тронулъ клавиши и, подхваченный новой волной нахлынувшаго чувства, отдался весь плавнымъ, зконкимъ и пѣвучимъ аккордамъ...

X.

Пользоваться нотами слѣпому вообще трудно. Онѣ отдавливаются, какъ и буквы, рельефомъ, при чемъ тоны обозначаются отдѣльными знаками и ставятся въ одинъ рядъ, какъ строчки книги. Чтобы обозначить тоны, соединенные въ аккордъ, между ними ставятся восклицательные знаки. Понятно, что слѣпому приходится заучивать ихъ наизусть, при томъ отдѣльно для каждой руки. Такимъ образомъ, это—очень сложная и трудная работа; однако, Петру и въ этомъ случаѣ помогала любовь къ отдѣльнымъ составнымъ частямъ этой работы. Заучивъ на память по нѣсколько аккордовъ для каждой руки, онъ садился за фортепіано, и, когда изъ соединенія этихъ выпуклыхъ іероглифовъ вдругъ неожиданно для него самого складывались стройныя созвучія, это доставляло ему такое наслажденіе и представляло столько живого интереса, что этимъ сухая работа скрашивалась и даже завлекала.

Тѣмъ не менѣе, между изображенною на бумагѣ пьесой и ея исполненіемъ ложилось въ этомъ случаѣ слишкомъ много промежуточныхъ процессовъ. Пока знакъ воплощался въ мелодію, онъ долженъ былъ пройти черезъ руки, закрѣпиться въ памяти и затѣмъ совершить обратный путь къ концамъ играющихъ пальцевъ. При томъ сильно развитое музыкальное воображеніе слѣпого вмѣшивалось въ сложную работу заучиванія и налагало на чужую пьесу замѣтный личный отпечатокъ. Формы, въ какія успѣло отлиться музыкальное чувство Петра, были именно тѣ, въ какихъ ему впервые явилась мелодія, въ какія отливалась затѣмъ игра его матери. Это были

формы народной музыки, которыя звучали постоянно въ его душѣ, которыми говорила этой душѣ родная природа.

И теперь, когда онъ игралъ какую-то итальянскую пьесу съ трепещущимъ сердцемъ и переполненною душой, въ его игрѣ съ первыхъ же аккордовъ сказалось что-то до такой степени своеобразное, что на лицахъ постороннихъ слушателей появилось удивленіе. Однако, черезъ нѣсколько минутъ очарованіе овладѣло всѣми безраздѣльно, и только старшій изъ сыновей Ставрученка, музыкантъ по профессіи, долго еще вслушивался въ игру, стараясь уловить знакомую пьесу и анализируя своеобразную манеру піаниста.

Струны звенѣли и рокотали, наполняя гостиную и разносясь по смолкшему саду... Глаза молодежи сверкали оживленіемъ и любопытствомъ. Ставрученко-отецъ сидѣлъ, свѣсивъ голову, и молчаливо слушалъ, но потомъ сталъ воодушевляться все больше и больше, поталкивалъ Максима локтемъ и шепталъ:

— Вотъ этотъ играетъ, такъ ужъ играетъ. Что? Не правду я говорю?

По мѣрѣ того, какъ звуки росли, старый спорщикъ сталъ вспоминать что-то, должно быть, свою молодость, потому что глаза его заискрились, лицо покраснѣло, весь онъ выпрямился и, приподнявъ руку, хотѣлъ даже ударить кулакомъ по столу, но удержался и опустилъ кулакъ безъ всякаго звука. Оглядѣвъ своихъ молодцовъ быстрымъ взглядомъ, онъ погладилъ усы и, наклонившись къ Максиму, прошепталъ:

— Хотятъ стариковъ въ архивъ... Брешутъ!.. Въ свое время и мы съ тобой, братику, тоже... Да и теперь еще... Правду я говорю или нѣтъ?

Максимъ, довольно равнодушный къ музыкѣ, на этотъ разъ чувствовалъ что-то новое въ игрѣ своего питомца и, окруживъ себя клубами дыма, слушалъ, качалъ головой и переводилъ глаза съ Петра на Эвелину. Еще разъ какой-то порывъ непосредственной жизненной силы врывался въ его систему совсѣмъ не такъ, какъ онъ думалъ... Анна Михайловна тоже кидала на дѣвушку вопросительные взгляды, спрашивая себя: что это,—счастіе или горе звучитъ въ игрѣ ея сына... Эвелина сидѣла въ тѣни отъ абажура, и только ея глаза, большіе и потемнѣвшіе, выдѣлялись въ полумракѣ. Она одна понимала эти звуки по своему: ей слышался въ нихъ звонъ воды въ старыхъ шлюзахъ и шопотъ черемухи въ потемнѣвшей аллеѣ.

XI.

Мотивъ давно уже измѣнился. Оставивъ итальянскую пьесу, Петръ отдался своему воображенію. Тутъ было все, что тѣснилось въ его воспоминаніи, когда онъ, за минуту передъ тѣмъ, молча и опустивъ голову, прислушивался къ впечатлѣніямъ изъ пережитаго прошлаго. Тутъ были голоса природы, шумъ вѣтра, шопотъ лѣса, плескъ рѣки и смутный говоръ, смолкающій въ безвѣстной дали. Все это сплеталось и звенѣло на фонѣ того особеннаго глубокаго и расширяющаго сердце ощущенія, которое вызывается въ душѣ таинственнымъ говоромъ природы и которому такъ трудно подыскать настоящее опредѣленіе... Тоска?... Но отчего же она такъ пріятна?.. Радость?.. Но зачѣмъ же она такъ глубоко, такъ безконечно грустна?

По временамъ звуки усиливались, выростали, крѣпли. Лицо музыканта дѣлалось странно суровымъ. Онъ какъ будто самъ удивлялся новой и для него силѣ этихъ неожиданныхъ мелодій и ждалъ еще чего-то... Казалось, вотъ-вотъ нѣсколькими ударами все это сольется въ стройный потокъ могучей и прекрасной гармоніи, и въ такія минуты слушатели замирали отъ ожиданія. Но, не успѣвъ подняться, мелодія вдругъ падала съ какимъ-то жалобнымъ ропотомъ, точно волна, разсыпавшаяся въ пѣну и брызги, и еще долго звучали, замирая, ноты горькаго недоумѣнія и вопроса.

Слѣпой смолкалъ на минуту, и опять въ гостиной стояла тишина, нарушаемая только шопотомъ листьевъ въ саду. Обаяніе, овладѣвавшее слушателями и уносившее ихъ далеко за эти скромныя стѣны, разрушалось, и маленькая комната сдвигалась вокругъ нихъ, и ночь глядѣла къ нимъ въ темныя окна, пока, собравшись съ силами, музыкантъ не ударялъ вновь по клавишамъ.

И опять звуки крѣпли и искали чего-то, подымаясь въ своей полнотѣ, выше, сильнѣе... Въ неопредѣленный перезвонъ и говоръ аккордовъ вплетались мелодіи народной пѣсни, звучавшей то любовью и грустью, то воспоминаніемъ о минувшихъ страданіяхъ и славѣ, то молодою удалью разгула и надежды. Это слѣпой пробовалъ вылить свое чувство въ готовыя и хорошо знакомыя формы.

Но и пѣсня смолкала, дрожа въ тишинѣ маленькой гостиной тою же жалобною нотой неразрѣшеннаго вопроса.

XII.

Когда послѣднія ноты дрогнули смутнымъ недовольствомъ и жалобой, Анна Михайловна, взглянувъ въ лицо сына, увидала на немъ выраженіе, которое показалось ей знакомымъ;

въ ея памяти всталъ солнечный день давней весны, когда ея ребенокъ лежалъ на берегу рѣки, подавленный слишкомъ яркими впечатлѣніями отъ возбуждающей весенней природы.

Но это выраженіе замѣтила только она. Въ гостиной поднялся шумный говоръ. Ставрученко-отецъ что-то громко кричалъ Максиму, молодые люди, еще взволнованные и возбужденные, пожимали руки музыканта, предсказывали ему широкую извѣстность артиста.

— Да, это вѣрно!—подтвердилъ старшій братъ.—Вамъ удалось удивительно усвоить самый характеръ народной мелодіи. Вы сжились съ нею и овладѣли ею въ совершенствѣ. Но, скажите, пожалуйста, какую это пьесу играли вы вначалѣ?

Петръ назвалъ итальянскую пьесу.

— Я такъ и думалъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Мнѣ она нѣсколько знакома... У васъ удивительно своеобразная манера... Многіе играютъ лучше вашего, но такъ, какъ вы, ее не исполнялъ еще никто. Это... какъ будто переводъ съ итальянскаго музыкальнаго языка на малорусскій. Вамъ нужна серьезная школа, и тогда...

Слѣпой слушалъ внимательно. Впервые еще онъ сталъ центромъ оживленныхъ разговоровъ, и въ его душѣ зарождалось гордое сознаніе своей силы. Неужели эти звуки, доставившіе ему на этотъ разъ столько неудовлетворенности и страданія, какъ еще никогда въ жизни, могутъ производить на другихъ такое дѣйствіе? Итакъ, онъ можетъ тоже что-нибудь сдѣлать въ жизни. Онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, съ рукой, еще вытянутой на клавіатурѣ, и подъ шумъ разговоровъ внезапно почувствовалъ на этой рукѣ чье-то горячее прикосновеніе. Это Эвелина подошла къ нему и, незамѣтно сжимая его пальцы, прошептала съ радостнымъ возбужденіемъ:

— Ты слышалъ? У тебя тоже будетъ своя работа. Если бы ты видѣлъ, если бы зналъ, что ты можешь сдѣлать со всѣми нами...

Слѣпой вздрогнулъ и выпрямился.

Никто не замѣтилъ этой короткой сцены, кромѣ матери. Ея лицо вспыхнуло, какъ будто это ей былъ данъ первый поцѣлуй молодой любви.

Слѣпой все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ. Онъ боролся съ нахлынувшими на него впечатлѣніями новаго счастія, а можетъ быть, ощущалъ также приближеніе грозы, которая вставала уже безформенною и тяжелою тучей откуда-то изъ глубины мозга.

ГЛАВА VI.

I.

На другой день Петръ проснулся рано. Въ комнатѣ было тихо, въ домѣ тоже не начиналось еще движеніе дня. Въ окно, которое оставалось открытымъ на ночь, вливалась изъ сада свѣжесть ранняго утра. Не смотря на свою слѣпоту, Петръ отлично чувствовалъ природу. Онъ зналъ, что еще рано, что его окно открыто — шорохъ вѣтвей раздавался отчетливо и близко, ничѣмъ не отдаленный и не прикрытый. Сегодня Петръ чувствовалъ все это особенно ясно: онъ зналъ даже, что въ комнату смотритъ солнце, и что если онъ протянетъ руку въ окно, то съ кустовъ посыплется роса. Кромѣ того, онъ чувствовалъ еще, что все его существо переполнено какимъ-то новымъ, неизвѣданнымъ ощущеніемъ.

Нѣсколько минутъ онъ лежалъ въ постели, прислушиваясь къ тихому щебетанью какой-то пташки въ саду и къ странному чувству, нароставшему въ его сердцѣ.

„Что это было со мной?—подумалъ онъ, и въ то же мгновеніе въ его памяти прозвучали слова, которыя она сказала вчера, въ сумерки, у старой мельницы: „Неужели ты никогда не думалъ объ этомъ?.. Какой ты глупый!..“

Да, онъ никогда объ этомъ не думалъ. Ея близость доставляла ему наслажденіе, но до вчерашняго дня онъ не сознавалъ этого, какъ мы не ощущаемъ воздуха, которымъ дышимъ. Эти простыя слова упали вчера въ его душу, какъ падаетъ съ высоты камень на зеркальную поверхность воды: еще за минуту она была ровна и спокойно отражала свѣтъ солнца и синее небо... одинъ ударъ—и она всколебалась до самаго дна.

Теперь онъ проснулся съ обновленною душой, и она, его давняя подруга, являлась ему въ новомъ свѣтѣ. Вспоминая все, что произошло вчера, до малѣйшихъ подробностей, онъ прислушивался съ удивленіемъ къ тону ея „новаго“ голоса, который возстановило въ его памяти воображеніе. „Полюбила“... „Какой ты глупый!..“

Онъ быстро вскочилъ, одѣлся и по росистымъ дорожкамъ сада побѣжалъ къ старой мельницѣ. Вода журчала, какъ вчера, и такъ же шептались кусты черемухи, только вчера было темно, а теперь стояло яркое солнечное утро. И никогда еще онъ не „чувствовалъ“ свѣта такъ ясно. Казалось, вмѣстѣ съ душистою сыростью, съ ощущеніемъ утренней свѣжести въ него проникли эти смѣющіеся лучи веселаго дня, щекотавшіе его нервы.

II.

Во всей усадьбѣ стало какъ-то свѣтлѣе и радостнѣе. Анна Михайловна какъ будто помолодѣла сама, Максимъ чаще шутилъ, хотя все же по временамъ изъ облаковъ дыма, точно раскаты проходящей стороною грозы, раздавалось его ворчаніе. Онъ говорилъ о томъ, что многіе, повидимому, считаютъ жизнь чѣмъ-то въ родѣ плохого романа, кончающагося свадьбой, и что есть на свѣтѣ много такого, о чемъ инымъ людямъ не мѣшало бы подумать. Панъ Попельскій, ставшій очень интереснымъ круглымъ человѣкомъ, съ ровно и красиво сѣдѣющими волосами и румянымъ лицомъ, всегда въ этихъ случаяхъ соглашался съ Максимомъ, вѣроятно, принимая эти слова на свой счетъ, и тотчасъ же отправлялся по хозяйству, которое у него, впрочемъ, шло отлично. Молодые люди усмѣхались и строили какіе-то планы. Петру предстояло доканчивать серьезно свое музыкальное образованіе

Однажды, осенью, когда жнива были уже закончены, и надъ полями, сверкая золотыми нитками на солнцѣ, лѣниво и томно носилось „бабье лѣто“, Попельскіе всей семьей отправились къ Ставрученкамъ. Имѣніе Ставруково лежало верстахъ въ 70 отъ Попельскихъ, но мѣстность на этомъ разстояніи сильно мѣнялась: послѣдніе отроги Карпатъ, еще видные на Волыни и въ Прибужьи, исчезли, и мѣстность переходила въ степную Украйну. На этихъ равнинахъ, перерѣзанныхъ кое-гдѣ оврагами, лежали, утопая въ садахъ и левадахъ, села, и кое-гдѣ по горизонту, давно запаханныя и охваченныя желтыми жнивами, рисовались высокія могилы.

Такія далекія путешествія были вообще не въ обычаѣ семьи. За предѣлами знакомаго села и ближайшихъ полей, которыя онъ изучилъ въ совершенствѣ, Петръ терялся, больше чувствовалъ свою слѣпоту и становился раздражителенъ и безпокоенъ. Теперь, впрочемъ, онъ охотно принялъ приглашеніе. Послѣ памятнаго вечера, когда онъ созналъ сразу свое чувство и просыпающуюся силу таланта, онъ какъ-то смѣлѣе относился къ темной и неопредѣленной дали, которою охватывалъ его внѣшній міръ. Она начинала тянуть его, все расширяясь въ его воображеніи.

Нѣсколько дней промелькнули очень живо. Петръ чувствовалъ себя теперь гораздо свободнѣе въ молодомъ обществѣ. Онъ съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ умѣлую игру старшаго Ставрученка и разсказы о консерваторіи, о столичныхъ концертахъ. Его лицо вспыхивало каждый разъ, когда молодой хозяинъ переходилъ къ восторженнымъ похваламъ его

собственному, необработанному, но сильному музыкальному чувству. Теперь онъ уже не стушевывался въ дальнихъ углахъ, а, какъ равный, хотя и нѣсколько сдержанно, вмѣшивался въ общіе разговоры. Недавняя еще холодная сдержанность и какъ бы настороженность Эвелины тоже исчезла. Она держала себя весело и непринужденно, восхищая всѣхъ небывалыми прежде вспышками неожиданнаго и яркаго веселья.

Верстахъ въ десяти отъ имѣнія находился старый N—скій монастырь, очень извѣстный въ томъ краѣ. Когда-то онъ игралъ значительную роль въ мѣстной исторіи; не разъ его осаждали, какъ саранча, загоны татаръ, посылавшихъ черезъ стѣны тучи своихъ стрѣлъ, порой пестрые отряды поляковъ отчаянно лѣзли на стѣны, или, наоборотъ, казаки бурно кидались на приступъ, чтобы отбить твердыню у завладѣвшихъ ею королевскихъ жолнеровъ... Теперь старыя башни осыпались, стѣны кое-гдѣ замѣнились простымъ частоколомъ, защищавшимъ лишь монастырскіе огороды отъ нашествія предпріимчивой мужицкой скотины, а въ глубинѣ широкихъ рвовъ росло просо.

Однажды, въ ясный день ласковой и поздней осени хозяева и гости отправились въ этотъ монастырь. Максимъ и женщины ѣхали въ широкой старинной коляскѣ, качавшейся, точно большая ладья, на своихъ высокихъ рессорахъ. Молодые люди и Петръ въ томъ числѣ—отправились верхами.

Слѣпой ѣздилъ ловко и свободно, привыкнувъ прислушиваться къ топоту другихъ коней и къ шуршанію колесъ ѣдущаго впереди экипажа. Глядя на его свободную, смѣлую посадку, трудно было бы угадать, что этотъ всадникъ не видитъ дороги и лишь привыкъ такъ смѣло отдаваться инстинкту лошади. Анна Михайловна сначала робко оглядывалась, боясь чужой лошади и незнакомыхъ дорогъ, Максимъ посматривалъ искоса съ гордостью ментора и съ насмѣшкой мужчины надъ бабьими страхами.

— Знаете ли...—сказалъ, подъѣзжая къ коляскѣ, студентъ.— Мнѣ вотъ сейчасъ вспомнилась очень интересная могила, исторію которой мы узнали, роясь въ монастырскомъ архивѣ. Если хотите, мы свернемъ туда. Это недалеко, на краю села.

— Отчего же это вамъ приходятъ въ нашемъ обществѣ такія грустныя воспоминанія?—весело засмѣялась Эвелина.

— На этотъ вопросъ отвѣчу послѣ! Сворачивай къ Колоднѣ, къ левадѣ Остапа; тутъ у перелаза остановишься,— крикнулъ онъ кучеру и, повернувъ лошадь, поскакалъ къ своимъ отставшимъ товарищамъ.

Черезъ минуту, когда рыдванъ, шурша колесами въ мяг-

кой пыли и колыхаясь, ѣхалъ узкимъ проселкомъ, молодые люди пронеслись мимо него и спѣшились впереди, привязавъ лошадей у плетня. Двое изъ нихъ пошли навстрѣчу, чтобы помочь дамамъ, а Петръ стоялъ, опершись на луку сѣдла и, по обыкновенію, склонивъ голову, прислушивался, стараясь по возможности опредѣлить свое положеніе въ незнакомомъ мѣстѣ.

Для него этотъ свѣтлый осенній день былъ темною ночью, только оживленною яркими звуками дня. Онъ слышалъ на дорогѣ шуршаніе приближающейся кареты и веселыя шутки встрѣчавшей ее молодежи. Около него лошади, звеня стальными наборами уздечекъ, тянули головы за плетень, къ высокому бурьяну огорода... Гдѣ-то, недалеко, вѣроятно надъ грядами, слышалась тихая пѣсня, лѣниво и задумчиво вѣявшая по легкому вѣтру. Шелестѣли листья сада, гдѣ-то скрипѣлъ аистъ, слышалось хлопанье крыльевъ и крикъ какъ будто внезапно о чемъ-то вспомнившаго пѣтуха, легкій визгъ „журавля“ надъ колодцемъ,—во всемъ этомъ сказывалась близость деревенскаго рабочаго дня.

И дѣйствительно, они остановились у плетня крайняго сада... Изъ болѣе отдаленныхъ звуковъ господствующимъ былъ размѣренный звонъ монастырскаго колокола, высокій и тонкій. По звуку ли этого колокола, по тому ли, какъ тянулъ вѣтеръ, или еще по какимъ-то, можетъ быть, и ему самому неизвѣстнымъ, признакамъ, Петръ чувствовалъ, что гдѣ-то въ той сторонѣ, за монастыремъ, мѣстность внезапно обрывается, быть можетъ, надъ берегомъ рѣчки, за которой далеко раскинулась равнина съ неопредѣленными, трудно уловимыми звуками тихой жизни. Звуки эти долетали до него отрывочно и слабо, давая ему слуховое ощущеніе дали, въ которой мелькаетъ что-то затянутое, неясное, какъ для насъ мелькаютъ очертанія далей въ вечернемъ туманѣ...

Вѣтеръ шевелилъ прядь волосъ, свѣсившуюся изъ-подъ его шляпы, и тянулся мимо его уха, какъ протяжный звонъ эоловой арфы. Какія-то смутныя воспоминанія бродили въ его памяти; минуты изъ далекаго дѣтства, которыя воображеніе выхватывало изъ забвенія прошлаго, оживали въ видѣ вѣяній, прикосновеній и звуковъ... Ему казалось, что этотъ вѣтеръ, смѣшанный съ дальнимъ звономъ и обрывками пѣсни, говоритъ ему какую-то грустную старую сказку о прошломъ этой земли или о его собственномъ прошломъ, или о его будущемъ, неопредѣленномъ и темномъ.

Черезъ минуту подъѣхала коляска, всѣ вышли и, переступивъ черезъ перелазъ въ плетнѣ, пошли въ леваду. Здѣсь,

въ углу, заросшая травой и бурьяномъ, лежала широкая, почти вросшая въ землю каменная плита. Зеленые листья репейника съ пламенно-розовыми головками цвѣтовъ, широкій лопухъ, высокій куколь на тонкихъ стебляхъ, выдѣлялись изъ травы и тихо качались отъ вѣтра, и Петру былъ слышенъ ихъ смутный шопотъ надъ заросшею могилой.

— Мы только недавно узнали о существованіи этого памятника, — сказалъ молодой Ставрученко, — а между тѣмъ, знаете ли, кто лежитъ подъ нимъ? — Славный когда-то „лыцарь“, старый ватажко Игнатъ Карый...

— Такъ вотъ ты гдѣ успокоился, старый разбойникъ? — сказалъ Максимъ задумчиво. — Какъ онъ попалъ сюда въ Колодню?

— Въ 17... году казаки съ татарами осаждали этотъ монастырь, занятый польскими войсками... Вы знаете, татары были всегда опасными союзниками... Вѣроятно, осажденнымъ удалось какъ-нибудь подкупить мирзу, и ночью татары кинулись на казаковъ, одновременно съ поляками. Здѣсь, около Колодни, произошла въ темнотѣ жестокая сѣча. Кажется, что татары были разбиты, и монастырь всетаки взятъ, но казаки потеряли въ ночномъ бою своего атамана.

— Въ этой исторіи, — продолжалъ молодой человѣкъ задумчиво, — есть еще другое лицо, хоть мы напрасно искали здѣсь другой плиты. Судя по старой записи, которую мы нашли въ монастырѣ, рядомъ съ Каримъ похороненъ молодой бандуристъ... слѣпой, сопровождавшій атамана въ походахъ...

— Слѣпой? въ походахъ? — испуганно произнесла Анна Михайловна, которой сейчасъ же представился ея мальчикъ въ страшной ночной сѣчѣ.

— Да, слѣпой. Повидимому, это былъ славный на Запорожьи пѣвецъ... такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ о немъ запись, излагающая на своеобразномъ польско-малорусско-церковномъ языкѣ всю эту исторію. Позвольте, я, кажется, помню ее на память: „А съ нимъ славетный поэта козацкій, Юрко, нигды ни оставлявшій Караго и отъ щирого сердца онымъ любимый. Котораго убивши сила поганьская и того Юрка посѣкла нечестно, обычаемъ своей поганьской вѣры, не маючи зваги на калѣцтво и великій талентъ до складу пѣсеннаго и до гры струннои, одъ якои даже и волцы на степу размягчиться могли-бъ, но поганьцы не пошановали въ ночномъ нападѣ. И ту положены рядомъ пѣвецъ и рыцарь, конмъ по честнымъ концѣ незаводная и вѣчная слава вовѣки аминь“...

— Плита довольно широкая, — сказалъ кто-то. — Можетъ быть, они лежатъ здѣсь оба...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, но надписи съѣдены мхами... Посмотрите, вотъ вверху булава и бунчукъ. А дальше все зелено отъ лишаевъ.

— Постойте, — сказалъ Петръ, слушавшій весь разсказъ съ захватывающимъ волненіемъ.

Онъ подошелъ къ плитѣ, нагнулся надъ нею, и его тонкіе пальцы впились въ зеленый слой лишайниковъ на поверхности плиты. Сквозь него онъ прощупывалъ твердые выступы камня.

Такъ онъ сидѣлъ съ минуту, съ поднятымъ лицомъ и сдвинутыми бровями. Потомъ онъ началъ читать:

...„Игнатій прозваніемъ Карій... року божого... пострѣленъ изъ сайдака стрѣлою татарскою“...

— Это и мы могли еще разобрать, — сказалъ студентъ.— Пальцы слѣпого, нервно напряженные и изогнутые въ суставахъ, спускались все ниже.

— „Котораго убивши“...

— „Сила поганьская“... — живо подхватилъ студентъ, — эти слова стояли въ описаніи смерти Юрка... значитъ, правда: и онъ тутъ же подъ одной плитой...

— Да, — „сила поганьская“,—прочиталъ Петръ, — дальше все исчезло... постойте, вотъ еще: „порубанъ шаблями татарскими“... кажется, еще какое-то слово... но нѣтъ, больше ничего не сохранилось.

Дѣйствительно, дальше всякая память о бандуристѣ терялась въ широкой язвѣ полуторастолѣтней плиты...

Нѣсколько секундъ стояло глубокое молчаніе, нарушаемое только шорохомъ листьевъ. Оно было прервано протяжнымъ, благоговѣйнымъ вздохомъ. Это Остапъ, хозяинъ левады и собственникъ по праву давности послѣдняго жилища стараго атамана, подошелъ къ господамъ и съ великимъ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ молодой человѣкъ съ неподвижными глазами, устремленными кверху, разбиралъ ощупью слова, скрытыя отъ зрячихъ сотнями годовъ, дождями и непогодами.

— Сыла господняя, — сказалъ онъ, глядя на Петра съ благоговѣніемъ. — Сыла божая открывае сліпенькому, чего зрячіи не бачуть очіма.

— Понимаетъ ли теперь, панночка, почему мнѣ вспомнился этотъ Юрко-бандуристъ, — спросилъ студентъ, когда старая коляска опять тихо двигалась по пыльной дорогѣ, направляясь къ монастырю. — Мы съ братомъ удивлялись, какъ могъ слѣпой сопровождать Караго съ его летучими отрядами. Допустимъ, что въ то время онъ былъ уже не кошевой, а простой ватажко. Извѣстно, однако, что онъ всегда началь-

ствовалъ отрядомъ конныхъ казаковъ-охотниковъ, а не простыми гайдамаками. Обыкновенно бандуристы были старцы нищіе, ходившіе отъ села къ селу съ сумой и пѣсней... Только сегодня, при взглядѣ на вашего Петра, въ моемъ воображеніи какъ-то сразу встала фигура слѣпого Юрка, съ бандурой, вмѣсто рушницы за спиной, и верхомъ на лошади...

— И, можетъ быть, онъ участвовалъ въ битвахъ... Въ походахъ во всякомъ случаѣ, и въ опасностяхъ также...—продолжалъ молодой человѣкъ задумчиво. — Какія бывали времена на нашей Украйнѣ!

— Какъ это ужасно, — вздохнула Анна Михайловна.

— Какъ это было хорошо, — возразилъ молодой человѣкъ...

— Теперь ничего подобнаго не бываетъ, — рѣзко сказалъ Петръ, подъѣхавшій тоже къ экипажу. Поднявъ брови и насторожившись къ топоту сосѣднихъ лошадей, онъ заставилъ свою лошадь идти рядомъ съ коляской... Его лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, выдавая глубокое внутреннее волненіе... — Теперь все это уже исчезло, — повторилъ онъ.

— Что должно было исчезнуть — исчезло, — сказалъ Максимъ какъ-то холодно... — Они жили по своему, вы ищите своего...

— Вамъ хорошо говорить, — отвѣтилъ студентъ,—вы взяли свое у жизни...

— Ну, и жизнь взяла у меня мое, — усмѣхнулся старый гарибальдіецъ, глядя на свои костыли.

Потомъ, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Вздыхалъ и я когда-то о сѣчи, объ ея бурной поэзіи и волѣ... Былъ даже у Садыка въ Турціи *).

— И что же? — спросили молодые люди живо.

— Вылѣчился, когда увидѣлъ ваше „вольное казачество“ на службѣ у турецкаго деспотизма... Историческій маскарадъ и шарлатанство!.. Я понялъ, что исторія выкинула уже всю эту ветошь на задворки, и что главное не въ этихъ красивыхъ формахъ, а въ цѣляхъ... Тогда-то я и отправился въ Италію. Даже не зная языка этихъ людей, я былъ готовъ умереть за ихъ стремленія.

Максимъ говорилъ серьезно и съ какою-то искренней важностью. Въ бурныхъ спорахъ, которые происходили у отца Ставрученка съ сыновьями, онъ обыкновенно не принималъ участія и только посмѣивался, благодушно улыбаясь на

---

*) Чайковскій, украинецъ-романтикъ, извѣстный подъ именемъ Садыка-паши, мечталъ организовать казачество, какъ самостоятельную политическую силу въ Турціи...

апелляціи къ нему молодежи, считавшей его своимъ союзникомъ. Теперь, самъ затронутый отголосками этой трогательной драмы, такъ внезапно ожившей для всѣхъ надъ старымъ мшистымъ камнемъ, онъ чувствовалъ, кромѣ того, что этотъ эпизодъ изъ прошлаго страннымъ образомъ коснулся въ лицѣ Петра близкаго имъ всѣмъ настоящаго.

На этотъ разъ молодые люди не возражали, — можетъ быть, подъ вліяніемъ живого ощущенія, пережитаго за нѣсколько минутъ въ левадѣ Остапа, — могильная плита такъ ясно говорила о смерти прошлаго, — а быть можетъ, подъ вліяніемъ импонирующей искренности стараго ветерана...

— Что же остается намъ? — спросилъ студентъ послѣ минутнаго молчанія.

— Та же вѣчная борьба.

— Гдѣ? Въ какихъ формахъ?

— Ищите, — отвѣтилъ Максимъ кратко.

Разъ оставивъ свой обычный, слегка насмѣшливый тонъ, Максимъ, очевидно, былъ расположенъ говорить серьезно. А для серьезнаго разговора на эту тему теперь уже не оставалось времени... Коляска подъѣхала къ воротамъ монастыря, и студентъ, наклонясь, придержалъ за поводъ лошадь Петра, на лицѣ котораго, какъ въ открытой книгѣ, виднѣлось глубокое волненіе.

III.

Въ монастырѣ обыкновенно смотрѣли старинную церковь и взбирались на колокольню, откуда открывался далекій видъ. Въ ясную погоду старались увидѣть бѣлыя пятнышки губернскаго города и излучины Днѣпра на горизонтѣ.

Солнце уже склонялось, когда маленькое общество подошло къ запертой двери колокольни, оставивъ Максима на крыльцѣ одной изъ монашескихъ келій. Молодой, тонкій послушникъ, въ рясѣ и остроконечной шапкѣ, стоялъ подъ сводомъ, держась одной рукой за замокъ запертой двери... Невдалекѣ, точно распуганная стая птицъ, стояла кучка дѣтей; было видно, что между молодымъ послушникомъ и этой стайкой рѣзвыхъ ребятъ происходило недавно какое-то столкновеніе. По его нѣсколько воинственной позѣ и по тому, какъ онъ держался за замокъ, можно было заключить, что дѣти хотѣли проникнуть на колокольню, вслѣдъ за господами, а послушникъ отгонялъ ихъ. Его лицо было сердито и блѣдно, только на щекахъ пятнами выдѣлялся румянецъ.

Глаза молодого послушника были какъ-то странно неподвижны... Анна Михайловна первая замѣтила выраженіе этого лица и глазъ и нервно схватила за руку Эвелину.

— Слѣпой, — прошептала дѣвушка съ легкимъ испугомъ.

— Тише, — отвѣтила мать, — и еще... Ты замѣчаешь?

— Да...

Трудно было не замѣтить въ лицѣ послушника страннаго сходства съ Петромъ. Та же нервная блѣдность, тѣ же чистые, но неподвижные зрачки, то же безпокойное движеніе бровей, настораживавшихся при каждомъ новомъ звукѣ и бѣгавшихъ надъ глазами, точно щупальцы у испуганнаго насѣкомаго... Его черты были грубѣе, вся фигура угловатѣе, — но тѣмъ рѣзче выступало сходство. Когда онъ глухо закашлялся, схватившись руками за впалую грудь, — Анна Михайловна смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, точно передъ ней вдругъ появился призракъ...

Переставъ кашлять, онъ отперъ дверь и, остановясь на порогѣ, спросилъ нѣсколько надтреснутымъ голосомъ:

— Ребятъ нѣтъ? Кышь, проклятые! — мотнулся онъ въ ихъ сторону всѣмъ тѣломъ и потомъ, пропуская впередъ молодыхъ людей, сказалъ голосомъ, въ которомъ слышалась какая-то вкрадчивость и жадность:

— Звонарю пожертвуете сколько-нибудь?.. Идите осторожно, — темно...

Все общество стало подыматься по ступенямъ. Анна Михайловна, которая прежде колебалась передъ неудобнымъ и крутымъ подъемомъ, теперь съ какою-то покорностью пошла за другими.

Слѣпой звонарь заперъ дверь... Свѣтъ исчезъ, и лишь черезъ нѣкоторое время Анна Михайловна, робко стоявшая внизу, пока молодежь, толкаясь, подымалась по извилинамъ лѣстницы, — могла разглядѣть тусклую струйку сумеречнаго свѣта, лившуюся изъ какого-то косого пролета въ толстой каменной кладкѣ. Противъ этого луча слабо свѣтилось нѣсколько пыльныхъ, неправильной формы камней.

— Дядько, дядюшка, пустить, — раздались изъ-за двери тонкіе голоса дѣтей. — Пустить, дядюшка, хорошій!

Звонарь сердито кинулся къ двери и неистово застучалъ кулаками по желѣзной обшивкѣ.

— Пошли, пошли, проклятые... Чтобъ васъ громомъ убило, — кричалъ онъ, хрипя и какъ-то захлебываясь отъ злости...

— Слѣпой чортъ, — отвѣтили вдругъ нѣсколько звонкихъ голосовъ, и за дверью раздался быстрый топотъ десятка босыхъ ногъ...

Звонарь прислушался и перевелъ духъ.

— Погибели на васъ нѣтъ... на проклятыхъ... чтобъ васъ

всѣхъ передушила хвороба... Охъ, Господи! Господи ты Боже мой! Вскую мя оставилъ еси... — сказалъ онъ вдругъ совершенно другимъ голосомъ, въ которомъ слышалось отчаяніе изстрадавшагося и глубоко измученнаго человѣка.

— Кто здѣсь?.. Зачѣмъ остался? — рѣзко спросилъ онъ, наткнувшись на Анну Михайловну, застывшую у первыхъ ступенекъ.

— Идите, идите. Ничего, — прибавилъ онъ мягче. — Постойте, держитесь за меня... Пожертвованіе съ вашей стороны звонарю будетъ? — опять спросилъ онъ прежнимъ непріятно вкрадчивымъ тономъ.

Анна Михайловна вынула изъ кошелька и въ темнотѣ подала ему бумажку. Слѣпой быстро выхватилъ ее изъ протянутой къ нему руки и, подъ тусклымъ лучомъ, къ которому они уже успѣли подняться, она видѣла, какъ онъ приложилъ бумажку къ щекѣ и сталъ водить по ней пальцемъ. Странно освѣщенное и блѣдное лицо, такъ похожее на лицо ея сына, исказилось вдругъ выраженіемъ наивной и жадной радости.

— Вотъ за это спасибо, вотъ спасибо. Столбовка настоящая... Я думалъ — вы на смѣхъ... посмѣяться надъ слѣпенькимъ... Другіе, бываетъ, смѣются...

Все лицо бѣдной женщины было залито слезами. Она быстро отерла ихъ и пошла кверху, гдѣ, точно паденіе воды за стѣной, слышались гулкіе шаги и смѣшанные голоса опередившей ее компаніи.

На одномъ изъ поворотовъ молодые люди остановились. Они поднялись уже довольно высоко, и въ узкое окно, вмѣстѣ съ болѣе свѣжимъ воздухомъ, проникла болѣе чистая, хотя и разсѣянная струйка свѣта. Подъ ней, на стѣнѣ, довольно гладкой въ этомъ мѣстѣ, роились какія-то надписи. Это были по большей части имена посѣтителей.

Обмѣниваясь веселыми замѣчаніями, молодые люди находили фамиліи своихъ знакомыхъ.

— А вотъ и сентенція, — замѣтилъ студентъ и прочиталъ съ нѣкоторымъ трудомъ: „Мнози суть начинающіи, кончающіи же вмалѣ“... — Очевидно, дѣло идетъ объ этомъ восхожденіи, — прибавилъ онъ шутливо.

— Понимай, какъ хочешь, — грубо отвѣтилъ звонарь, поворачиваясь къ нему ухомъ, и его брови заходили быстро и тревожно. — Тутъ еще стихъ есть, пониже. Вотъ бы тебѣ прочитать...

— Гдѣ стихъ? Нѣтъ никакого стиха.

— Ты вотъ знаешь, что нѣтъ, а я тебѣ говорю, что есть. Отъ васъ, зрячихъ, тоже сокрыто многое...

Онъ спустился на двѣ ступеньки внизъ и, пошаривъ рукой въ темнотѣ, гдѣ уже терялись послѣдніе слабые отблески дневного луча, сказалъ:

— Вотъ тутъ. Хорошій стихъ, да безъ фонаря не прочитаете...

Петръ поднялся къ нему и, проведя рукой по стѣнѣ, легко разыскалъ суровый афоризмъ, врѣзанный въ стѣну какимъ-то, можетъ быть, болѣе столѣтія уже умершимъ человѣкомъ:

Помни смертный часъ,
Помни трубный гласъ,
Помни съ жизнію разлуку,
Помни вѣчную муку...

— Тоже сентенція,—попробовалъ пошутить студентъ Ставрученко, но шутка какъ-то не вышла.

— Не нравится,—ехидно сказалъ звонарь.—Конечно, ты еще человѣкъ молодой, а тоже... кто знаетъ. Смертный часъ приходитъ, яко тать въ нощи... — Хорошій стихъ, — прибавилъ онъ опять, какъ-то по другому... — „Помни смертный часъ, помни трубный гласъ...“ Да, что-то вотъ тамъ будетъ,— закончилъ онъ опять довольно злобно.

Еще нѣсколько ступеней, и они всѣ вышли на первую площадку колокольни. Здѣсь было уже довольно высоко, но отверстіе въ стѣнѣ вело еще болѣе неудобнымъ проходомъ выше. Съ послѣдней площадки видъ открылся широкій и восхитительный. Солнце склонилось на западъ къ горизонту, по низинѣ легла длинная тѣнь, на востокѣ лежала тяжелая туча, даль терялась въ вечерней дымкѣ, и только кое-гдѣ косые лучи выхватывали у синихъ тѣней то бѣлую стѣну мазаной хатки, то загорѣвшееся рубиномъ оконце, то живую искорку на крестѣ дальней колокольни.

Всѣ притихли. Высокій вѣтеръ, чистый и свободный отъ испареній земли, тянулся въ пролеты, шевеля веревки, и, заходя въ самые колокола, вызывалъ по временамъ протяжные отголоски. Они тихо шумѣли глубокимъ металлическимъ шумомъ, за которымъ ухо ловило что-то еще, точно отдаленную невнятную музыку или глубокіе вздохи мѣди. Отъ всей разстилавшейся внизу картины вѣяло тихимъ спокойствіемъ и глубокимъ миромъ.

Но тишина, водворившаяся среди небольшого общества, имѣла еще другую причину. По какому-то общему побужденію, вѣроятно вытекавшему изъ ощущенія высоты и своей безпомощности, оба слѣпые подошли къ угламъ пролетовъ и стали, опершись на нихъ обѣими руками, повернувъ лица на встрѣчу тихому вечернему вѣтру.

Теперь ни отъ кого уже не ускользнуло странное сходство. Звонарь былъ нѣсколько старше; широкая ряса висѣла складками на тощемъ тѣлѣ, черты лица были грубѣе и рѣзче. При внимательномъ взглядѣ въ нихъ проступали и различія: звонарь былъ блондинъ, носъ у него былъ нѣсколько горбатый, губы тоньше, чѣмъ у Петра. Надъ губами пробивались усы и кудрявая бородка окаймляла подбородокъ. Но въ жестахъ, въ нервныхъ складкахъ губъ, въ постоянномъ движеніи бровей было то удивительное, какъ бы родственное сходство, вслѣдствіе котораго многіе горбуны тоже напоминаютъ другъ друга лицомъ, какъ братья.

Лицо Петра было нѣсколько спокойнѣе. Въ немъ виднѣлась привычная грусть, которая у звонаря усиливалась острою желчностью и порой озлобленіемъ. Впрочемъ, теперь и онъ видимо успокаивался. Ровное вѣяніе вѣтра какъ бы разглаживало на его лицѣ всѣ морщины, разливая по немъ тихій миръ, лежавшій на всей скрытой отъ незрячихъ взоровъ картинѣ... Брови шевелились все тише и тише.

Но вотъ, онѣ опять дрогнули, одновременно у обоихъ, какъ будто оба заслышали внизу какой-то звукъ изъ долины, неслышный никому другому.

— Звонятъ, — сказалъ Петръ.

— Это у Егорья за пятнадцать верстъ, — пояснилъ звонарь.—У нихъ всегда на полчаса раньше нашего вечерня... А ты слышишь? Я тоже слышу,—другіе не слышатъ...

— Хорошо тутъ,—продолжалъ онъ мечтательно.—Особливо въ праздникъ. Слышали вы, какъ я звоню?

Въ вопросѣ звучало наивное тщеславіе.

— Пріѣзжайте послушать. Отецъ Памфилій... Вы не знаете отца Памфилія? Онъ для меня нарочито эти два подголоска выписалъ.

Онъ отдѣлился отъ стѣны и любовно погладилъ рукой два небольшихъ колокола, еще не успѣвшихъ потемнѣть, какъ другіе.

— Славные подголоски... Такъ тебѣ и поютъ, такъ и поютъ... Особливо подъ Пасху.

Онъ взялъ въ руки веревки и быстрыми движеніями пальцевъ заставилъ задрожать оба колокола мелкою мелодическою дробью; прикосновенія языковъ были такъ слабы и вмѣстѣ такъ отчетливы, что перезвонъ былъ слышенъ всѣмъ, но звукъ навѣрное не распространялся дальше площадки колокольни.

— А тутъ тебѣ вотъ этотъ—бу-ухъ, бу-ухъ, бу-ухъ...

Теперь его лицо освѣтилось дѣтскою радостью, въ которой, однако, было что-то жалкое и больное.

— Колокола-то вотъ выписалъ,—сказалъ онъ со вздохомъ,— а шубу новую не сошьетъ. Скупой! Простылъ я на колокольнѣ... Осенью всего хуже... Холодно...

Онъ остановился и, прислушавшись, сказалъ:

— Хромой васъ кличетъ снизу. Ступайте, пора вамъ.

— Пойдемъ, — первая поднялась Эвелина, до тѣхъ поръ неподвижно глядѣвшая на звонаря, точно завороженная.

Молодые люди двинулись къ выходу, звонарь остался наверху. Петръ, шагнувшій было вслѣдъ за матерью, круто остановился.

— Идите, — сказалъ онъ ей повелительно. — Я сейчасъ.

Шаги стихли, только Эвелина, пропустившая впередъ Анну Михайловну, осталась, прижавшись къ стѣнѣ и затаивъ дыханіе.

Слѣпые считали себя одинокими на вышкѣ. Нѣсколько секундъ они стояли, неловкіе и неподвижные, къ чему-то прислушиваясь.

— Кто здѣсь? — спросилъ затѣмъ звонарь.

— Я...

— Ты тоже слѣпой?

— Слѣпой. А ты давно ослѣпъ? — спросилъ Петръ.

— Родился такимъ, — отвѣтилъ звонарь. — Вотъ другой, есть у насъ, Романъ — тотъ семи лѣтъ ослѣпъ... А ты ночь ото дня отличить можешь ли?

— Могу.

— И я могу. Чувствую, брезжитъ. Романъ не можетъ, а ему всетаки легче.

— Почему легче? — живо спросилъ Петръ.

— Почему? Не знаешь почему? Онъ свѣтъ видалъ, свою матку помнитъ. Понялъ ты: заснетъ ночью, она къ нему во снѣ и приходитъ... Только она старая теперь, а снится ему все молодая... А тебѣ снится ли?

— Нѣтъ, — глухо отвѣтилъ Петръ.

— То-то нѣтъ. Это дѣло бываетъ, когда кто ослѣпъ. А кто ужъ такъ родился!..

Петръ стоялъ сумрачный и потемнѣвшій, точно на лицо его надвинулась туча. Брови звонаря тоже вдругъ поднялись высоко надъ глазами, въ которыхъ виднѣлось такъ знакомое Эвелинѣ выраженіе слѣпого страданія...

— И то согрѣшаешь не однажды... Господи, Создателю, Божья матерь, Пречистая!.. Дайте вы мнѣ хоть во снѣ одинъ разъ свѣтъ-радость увидать...

Лицо его передернулось судорогой, и онъ сказалъ съ прежнимъ желчнымъ выраженіемъ:

— Такъ нѣтъ, не даютъ... Приснится что-то, забрезжитъ, а встанешь, не помнишь...

Онъ вдругъ остановился и прислушался. Лицо его поблѣднѣло, и какое-то судорожное выраженіе исказило всѣ черты.

— Чертенятъ впустили,—сказалъ онъ со злостію въ голосѣ.

Дѣйствительно, снизу изъ узкаго прохода, точно шумъ наводненія, неслись шаги и крики дѣтей. На одно мгновеніе все стихло, вѣроятно толпа выбѣжала на среднюю площадку, и шумъ выливался наружу. Но затѣмъ темный проходъ загудѣлъ, какъ труба, и мимо Эвелины, перегоняя другъ друга, пронеслась веселая гурьба дѣтей. У верхней ступеньки они остановились на мгновеніе, но затѣмъ одинъ за другимъ стали шмыгать мимо слѣпого звонаря, который съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ совалъ наудачу сжатыми кулаками, стараясь попасть въ кого-нибудь изъ бѣжавшихъ.

Въ проходѣ вынырнуло вдругъ изъ темноты новое лицо. Это былъ, очевидно, Романъ. Лицо его было широко, изрыто оспой и чрезвычайно добродушно. Закрытыя вѣки скрывали впадины глазъ, на губахъ играла добродушная улыбка. Пройдя мимо прижавшейся къ стѣнѣ дѣвушки, онъ поднялся на площадку. Размахнувшаяся рука его товарища попала ему сбоку въ шею.

— Братъ! — окликнулъ онъ пріятнымъ, груднымъ голосомъ. — Егорій, — опять воюешь?

Они столкнулись и ощупали другъ друга.

— Зачѣмъ бісенятъ впустивъ?—спросилъ Егорій по-малорусски, все еще со злостью въ голосѣ.

— Нехай собі,—благодушно отвѣтилъ Романъ...—Пташки божіи. Ось якъ ты ихъ налякавъ. Де вы тутъ, бісенята...

Дѣти сидѣли по угламъ у рѣшотокъ, притаившись, и ихъ глаза сверкали лукавствомъ, а отчасти страхомъ.

Эвелина, неслышно ступая въ темнотѣ, сошла уже до половины перваго прохода, когда за ней раздались увѣренные шаги обоихъ слѣпыхъ, а сверху донесся радостный визгъ и крики ребятъ, кинувшихся цѣлою стаей на оставшагося съ ними Романа.

Компанія тихо выѣзжала изъ монастырскихъ воротъ, когда съ колокольни раздался первый ударъ. Это Романъ зазвонилъ къ вечернѣ.

Солнце сѣло, коляска катилась по потемнѣвшимъ полямъ, провожаемая ровными меланхолическими ударами, замиравшими въ синихъ сумеркахъ вечера.

Всѣ молчали всю дорогу до самаго дома. Вечеромъ долго

не было видно Петра. Онъ сидѣлъ гдѣ-то въ темномъ углу сада, не откликаясь на призывы даже Эвелины, и прошелъ ощупью въ комнату, когда всѣ легли...

IV.

Попельскіе прожили еще нѣсколько дней у Ставрученковъ. Къ Петру по временамъ возвращалось его недавнее настроеніе, онъ бывалъ оживленъ и по своему веселъ, пробовалъ играть на новыхъ для него инструментахъ, коллекція которыхъ у старшаго изъ сыновей Ставрученка была довольно обширна и которые очень занимали Петра—каждый со своимъ особеннымъ голосомъ, способнымъ выражать особенные оттѣнки чувства. Но все же въ немъ была замѣтна какая-то омраченность, и минуты обычнаго состоянія духа казались вспышками на общемъ все болѣе темнѣющемъ фонѣ.

Точно по безмолвному уговору, никто не возвращался къ эпизоду въ монастырѣ, и вся эта поѣздка какъ будто выпала у всѣхъ изъ памяти и забылась. Однако, было замѣтно, что она запала глубоко въ сердце слѣпого. Всякій разъ, оставшись наединѣ или въ минуты общаго молчанія, когда его не развлекали разговоры окружающихъ, Петръ глубоко задумывался, и на лицѣ его ложилось выраженіе какой-то горечи. Это было знакомое всѣмъ выраженіе, но теперь оно казалось болѣе рѣзкимъ и... сильно напоминало слѣпого звонаря.

За фортепіано, въ минуты наибольшей непосредственности, въ его игру часто вплетался теперь мелкій перезвонъ колоколовъ и протяжные вздохи мѣди на высокой колокольнѣ... И то, о чемъ никто не рѣшался заговорить, ясно вставало у всѣхъ въ воображеніи: мрачные переходы, тонкая фигура звонаря съ чахоточнымъ румянцемъ, его злые окрики и желчный ропотъ на судьбу... А затѣмъ оба слѣпца въ одинаковыхъ позахъ на вышкѣ, съ одинаковымъ выраженіемъ лицъ, съ одинаковыми движеніями чуткихъ бровей... То, что близкіе до сихъ поръ считали личной особенностью Петра, теперь являлось общей печатью темной стихіи, простиравшей свою таинственную власть одинаково на всѣхъ своихъ жертвъ.

— Послушай, Аня,—спросилъ Максимъ у сестры по возвращеніи домой.—Не знаешь ли ты, что случилось во время нашей поѣздки? Я вижу, что мальчикъ измѣнился именно съ этого дня.

— Ахъ, это все изъ-за встрѣчи со слѣпымъ,—отвѣтила Анна Михайловна со вздохомъ.

Она недавно еще отослала въ монастырь двѣ теплыхъ ба-

раньи шубы и деньги съ письмомъ къ отцу Памфилію, прося его облегчить по возможности участь обоихъ слѣпцовъ. У нея, вообще, было доброе сердце, но сначала она забыла о Романѣ, и только Эвелина напомнила ей, что слѣдовало позаботиться объ обоихъ. „Ахъ, да, да, конечно",—отвѣтила Анна Михайловна, но было видно, что ея мысли заняты однимъ. Къ ея жгучей жалости примѣшивалось отчасти суевѣрное чувство: ей казалось, что этой жертвой она умилостивитъ какую-то темную силу, уже надвигающуюся мрачною тѣнью надъ головой ея ребенка.

— Съ какимъ слѣпымъ?—переспросилъ Максимъ съ удивленіемъ.

— Да съ этимъ... на колокольнѣ...

Максимъ сердито стукнулъ костылемъ.

— Какое проклятье—быть безногимъ чурбаномъ! Ты забываешь, что я не лазаю по колокольнямъ, а отъ бабъ видно не добьешься толку. Эвелина, попробуй хоть ты сказать разумно, что же такое было на колокольнѣ?

— Тамъ,—тихо отвѣтила тоже поблѣднѣвшая за эти дни дѣвушка,—есть слѣпой звонарь... И онъ...

Она остановилась. Анна Михайловна закрыла ладонями пылающее лицо, по которому текли слезы.

— И онъ очень похожъ на Петра.

— И вы мнѣ ничего не сказали! Ну, что же дальше? Это еще не достаточная причина для трагедій, Аня,—прибавилъ онъ съ мягкимъ укоромъ.

— Ахъ, это такъ ужасно,—отвѣтила Анна Михайловна тихо.

— Что же ужасно? Что онъ похожъ на твоего сына?

Эвелина многозначительно посмотрѣла на старика, и онъ смолкъ. Черезъ нѣсколько минутъ Анна Михайловна вышла, а Эвелина осталась со своей всегдашней работой въ рукахъ.

— Ты сказала не все?—спросилъ Максимъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да. Когда всѣ сошли внизъ, Петръ остался. Онъ велѣлъ тетѣ Анѣ (она такъ называла Попельскую съ дѣтства) уйти за всѣми, а самъ остался со слѣпымъ. И я... тоже осталась.

— Подслушивать?—сказалъ старый педагогъ почти машинально.

— Я не могла... уйти...—отвѣтила Эвелина тихо.—Они разговаривали другъ съ другомъ, какъ,..

— Какъ товарищи по несчастію?

— Да, какъ слѣпые... Потомъ Егоръ спросилъ у Петра,

видитъ ли онъ во снѣ мать? Петръ говоритъ: „не вижу“. И тотъ тоже не видитъ. А другой слѣпецъ, Романъ, видитъ во снѣ свою мать молодою, хотя она уже старая...

— Такъ! Что же дальше?

Эвелина задумалась и потомъ, поднимая на старика свои синіе глаза, въ которыхъ теперь виднѣлась борьба и страданіе, сказала:

— Тотъ, Романъ, добрый и спокойный. Лицо у него грустное, но не злое... Онъ родился зрячимъ... А другой... Онъ очень страдаетъ,—вдругъ свернула она.

— Говори, пожалуйста, прямо,—нетерпѣливо перебилъ Максимъ,—другой озлобленъ?..

— Да. Онъ хотѣлъ прибить дѣтей и проклиналъ ихъ. А Романа дѣти любятъ...

— Золъ и похожъ на Петра... понимаю,—задумчиво сказалъ Максимъ.

Эвелина еще помолчала и затѣмъ, какъ будто эти слова стоили ей тяжелой внутренней борьбы, проговорила совсѣмъ тихо:

— Лицомъ оба не похожи... черты другія. Но въ выраженіи... Мнѣ казалось, что прежде у Петра бывало выраженіе немножко, какъ у Романа, а теперь все чаще виденъ тотъ, другой... и еще... Я боюсь, я думаю...

— Чего ты боишься? Поди сюда, моя умная крошка,—сказалъ Максимъ съ необычной нѣжностью. И, когда она, ослабѣвая отъ этой ласки, подошла къ нему со слезами на глазахъ, онъ погладилъ ея шелковистые волосы своей большой рукой и сказалъ:

— Что же ты думаешь? Скажи. Ты, я вижу, умѣешь думать.

— Я думаю, что... онъ считаетъ теперь, что... всѣ слѣпорожденные злые... И онъ увѣрилъ себя, что онъ тоже... непремѣнно.

— Да, вотъ что...—проговорилъ Максимъ, вдругъ отнимая руку...—Дай мнѣ мою трубку, голубушка... Вонъ она тамъ, на окнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ его головой взвилось синее облако дыма.

— Гм... да... плохо, — ворчалъ онъ про себя... — Я ошибся. Аня была права: можно грустить и страдать о томъ, чего не испыталъ ни разу. А теперь къ инстинкту присоединилось сознаніе, и оба пойдутъ въ одномъ направленіи. Проклятый случай... А впрочемъ, шила, какъ говорится, въ мѣшкѣ не спрячешь... Все гдѣ-нибудь выставится...

Онъ совсѣмъ потонулъ въ сизыхъ облакахъ... Въ квадратной головѣ старика кипѣли какія-то мысли и новыя рѣшенія.

V.

Пришла зима. Выпалъ глубокій снѣгъ и покрылъ дороги, поля, деревни. Усадьба стояла вся бѣлая, на деревьяхъ лежали пушистые хлопья, точно садъ опять распустился бѣлыми листьями... Въ большомъ каминѣ потрескивалъ огонь, каждый входящій со двора вносилъ съ собою свѣжесть и запахъ мягкаго снѣга...

Поэзія перваго зимняго дня была по своему доступна слѣпому. Просыпаясь утромъ, онъ ощущалъ всегда особенную бодрость и узнавалъ приходъ зимы по топанью людей, входящихъ въ кухню, по скрипу дверей, по острымъ едва уловимымъ струйкамъ, разбѣгавшимся по всему дому, по скрипу шаговъ на дворѣ, по особенной „холодности“ всѣхъ наружныхъ звуковъ. И когда онъ выѣзжалъ съ Іохимомъ по первопутку въ поле, то слушалъ съ наслажденіемъ звонкій скрипъ саней и какія-то гулкія щелканья, которыми лѣсъ изъ-за рѣчки обмѣнивался съ дорогой и полемъ.

На этотъ разъ первый бѣлый день повѣялъ на него только большею грустью. Надѣвъ съ утра высокіе сапоги, онъ пошелъ, прокладывая рыхлый слѣдъ по дѣвственнымъ еще дорожкамъ, къ мельницѣ.

Въ саду было совершенно тихо. Смерзшаяся земля, покрытая пушистымъ мягкимъ слоемъ, совершенно смолкла, не отдавая звуковъ: за то воздухъ сталъ какъ-то особенно чутокъ, отчетливо и полно перенося на далекія разстоянія и крикъ вороны, и ударъ топора, и легкій трескъ обломавшейся вѣтки... По временамъ слышался странный звонъ, точно отъ стекла, переходившій на самыя высокія ноты и замиравшій какъ будто въ огромномъ удаленіи. Это мальчишки кидали камни на деревенскомъ пруду, покрывшемся къ утру тонкой пленкой перваго льда.

Въ усадьбѣ прудъ тоже замерзъ, но рѣчка у мельницы, отяжелѣвшая и темная, все еще сочилась въ своихъ пушистыхъ берегахъ и шумѣла на шлюзахъ.

Петръ подошелъ къ плотинѣ и остановился, прислушиваясь. Звонъ воды былъ другой—тяжелѣе и безъ мелодіи. Въ немъ какъ будто чувствовался холодъ помертвѣвшихъ окрестностей...

Въ душѣ Петра тоже было холодно и сумрачно. Темное чувство, которое еще въ тотъ счастливый вечеръ поднималось изъ глубины души какимъ-то опасеніемъ, неудовлетворенностью и вопросомъ, теперь разрослось и заняло въ душѣ мѣсто, принадлежавшее ощущеніямъ радости и счастья.

Эвелины въ усадьбѣ не было. Яскульскіе собрались съ

осени къ „благодѣтельницѣ“, старой графинѣ Потоцкой, которая непремѣнно требовала, чтобы старики привезли также дочь. Эвелина сначала противилась, но потомъ уступила настояніямъ отца, къ которымъ очень энергично присоединился и Максимъ.

Теперь Петръ, стоя у мельницы, вспоминалъ свои прежнія ощущенія, старался возстановить ихъ прежнюю полноту и цѣльность и спрашивалъ себя, чувствуетъ ли онъ ея отсутствіе. Онъ его чувствовалъ, но сознавалъ также, что и присутствіе ея не даетъ ему счастія, а приноситъ особенное страданіе, которое безъ нея нѣсколько притупилось.

Еще такъ недавно въ его ушахъ звучали ея слова, вставали всѣ подробности перваго объясненія, онъ чувствовалъ подъ руками ея шелковистые волосы, слышалъ у своей груди удары ея сердца. И изъ всего этого складывался какой-то образъ, наполнявшій его радостью. Теперь что-то безформенное, какъ тѣ призраки, которые населяли его темное воображеніе, ударило въ этотъ образъ мертвящимъ дуновеніемъ, и онъ разлетѣлся. Онъ уже не могъ соединить свои воспоминанія въ ту гармоничную цѣльность чувства, которая переполняла его въ первое время. Ужъ съ самаго начала на днѣ этого чувства лежало зернышко чего-то другого, и теперь это „другое“ разстилалось надъ нимъ, какъ стелется грозовая туча по горизонту.

Звуки ея голоса угасли, и на мѣстѣ яркихъ впечатлѣній счастливаго вечера зіяла пустота. А на встрѣчу этой пустотѣ изъ самой глубины души слѣпого подымалось что-то съ тяжелымъ усиліемъ, чтобы ее заполнить.

Онъ хотѣлъ ее видѣть!

Прежде онъ только чувствовалъ тупое душевное страданіе, но оно откладывалось въ душѣ неясно, тревожило смутно, какъ ноющая зубная боль, на которую мы еще не обращаемъ вниманія.

Встрѣча съ слѣпымъ звонаремъ придала этой боли остроту сознаннаго страданія...

Онъ ее полюбилъ и хотѣлъ ее видѣть!

Такъ шли дни за днями въ притихшей и занесенной снѣгомъ усадьбѣ.

По временамъ, когда мгновенія счастья вставали передъ нимъ, живыя и яркія, Петръ нѣсколько оживлялся, и лицо его прояснялось. Но это бывало не надолго, а со временемъ даже эти свѣтлыя минуты приняли какой-то безпокойный характеръ: казалось, слѣпой боялся, что онѣ улетятъ и никогда уже не вернутся. Это дѣлало его обращеніе неровнымъ:

минуты порывистой нѣжности и сильнаго нервнаго возбужденія смѣнялись днями подавленной безпросвѣтной печали. Въ темной гостиной по вечерамъ рояль плакала и надрывалась глубокою и болѣзненною грустью, и каждый ея звукъ отзывался болью въ сердцѣ Анны Михайловны. Наконецъ, худшія ея опасенія сбылись: къ юношѣ вернулись тревожные сны его дѣтства.

Однимъ утромъ Анна Михайловна вошла въ комнату сына. Онъ еще спалъ, но его сонъ былъ какъ-то странно тревоженъ: глаза полуоткрылись и тускло глядѣли изъ-подъ приподнятыхъ вѣкъ, лицо было блѣдно, и на немъ виднѣлось выраженіе безпокойства.

Мать остановилась, окидывая сына внимательнымъ взглядомъ, стараясь открыть причину странной тревоги. Но она видѣла только, что эта тревога все выростаетъ, и на лицѣ спящаго обозначается все яснѣе выраженіе напряженнаго усилія.

Вдругъ ей почудилось надъ постелью какое-то едва уловимое движеніе. Яркій лучъ ослѣпительнаго зимняго солнца, ударявшій въ стѣну надъ самымъ изголовьемъ, будто дрогнулъ и слегка скользнулъ внизъ. Еще и еще... свѣтлая полоска тихо прокрадывалась къ полуоткрытымъ глазамъ, и по мѣрѣ ея приближенія безпокойство спящаго все возрастало.

Анна Михайловна стояла неподвижно, въ состояніи, близкомъ къ кошмару, и не могла оторвать испуганнаго взгляда отъ огненной полосы, которая, казалось ей, легкими, но все же замѣтными толчками все ближе надвигается къ лицу ея сына. И это лицо все больше блѣднѣло, вытягивалось, застывало въ выраженіи тяжелаго усилія. Вотъ желтоватый отблескъ заигралъ въ волосахъ, затеплился на лбу юноши. Мать вся подалась впередъ, въ инстинктивномъ стремленіи защитить его, но ноги ея не двигались, точно въ настоящемъ кошмарѣ. Между тѣмъ, вѣки спящаго совсѣмъ приподнялись, въ неподвижныхъ зрачкахъ заискрились лучи, и голова замѣтно отдѣлилась отъ подушки, на встрѣчу свѣта. Что-то въ родѣ улыбки или плача пробѣжало судорожною вспышкой по губамъ, и все лицо опять застыло въ неподвижномъ порывѣ.

Наконецъ, мать побѣдила оковавшую ея члены неподвижность и, подойдя къ постели, положила руку на голову сына. Онъ вздрогнулъ и проснулся.

— Ты, мама?—спросилъ онъ.

— Да, это я.

Онъ приподнялся. Казалось, тяжелый туманъ застилалъ его сознаніе. Но черезъ минуту онъ сказалъ:

— Я опять видѣлъ сонъ... Я теперь часто вижу сны, но... ничего не помню...

VI.

Безпросвѣтная грусть смѣнялась въ настроеніи юноши раздражительною нервностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастала замѣчательная тонкость его ощущеніи. Слухъ его чрезвычайно обострился; свѣтъ онъ ощущалъ всѣмъ своимъ организмомъ, и это было замѣтно даже ночью: онъ могъ отличать лунныя ночи отъ темныхъ и нерѣдко долго ходилъ по двору, когда всѣ въ домѣ спали, молчаливый и грустный, отдаваясь странному дѣйствію мечтательнаго и фантастическаго луннаго свѣта. При этомъ его блѣдное лицо всегда поворачивалось за плывшимъ по синему небу огненнымъ шаромъ, и глаза отражали искристый отблескъ холодныхъ лучей.

Когда же этотъ шаръ, все выроставшій по мѣрѣ приближенія къ землѣ, подергивался тяжелымъ краснымъ туманомъ и тихо скрывался за снѣжнымъ горизонтомъ, лицо слѣпого становилось спокойнѣе и мягче, и онъ уходилъ въ свою комнату.

О чемъ онъ думалъ въ эти долгія ночи, трудно сказать. Въ извѣстномъ возрастѣ каждый, кто только извѣдалъ радости и муки вполнѣ сознательнаго существованія, переживаетъ въ большей или меньшей степени состояніе душевнаго кризиса. Останавливаясь на рубежѣ дѣятельной жизни, человѣкъ старается опредѣлить свое мѣсто въ природѣ, свое значеніе, свои отношенія къ окружающему міру. Это своего рода „мертвая точка“, и благо тому, кого размахъ жизненной силы проведетъ черезъ нее безъ крупной ломки. У Петра этотъ душевный кризисъ еще осложнялся; къ вопросу: „зачѣмъ жить на свѣтѣ?“—онъ прибавлялъ: „зачѣмъ жить именно слѣпому?“ Наконецъ, въ самую эту работу нерадостной мысли вдвигалось еще что-то постороннее, какое-то почти физическое давленіе неутоленной потребности, и это отражалось на складѣ его характера.

Передъ Рождествомъ Яскульскіе вернулись, и Эвелина, живая и радостная, со снѣгомъ въ волосахъ и вся обвѣянная свѣжестью и холодомъ, прибѣжала изъ поссесорскаго хутора въ усадьбу и кинулась обнимать Анну Михайловну, Петра и Максима. Въ первыя минуты лицо Петра освѣтилось неожиданною радостію, но затѣмъ на немъ появилось опять выраженіе какой-то упрямой грусти.

— Ты думаешь, я люблю тебя?—рѣзко спросилъ онъ въ тотъ же день, оставшись наединѣ съ Эвелиной.

— Я въ этомъ увѣрена,—отвѣтила дѣвушка.

— Ну, а я не знаю,—угрюмо возразилъ слѣпой.—Да, я

не знаю. Прежде и я былъ увѣренъ, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ, но теперь не знаю. Оставь меня, послушайся тѣхъ, кто зоветъ тебя къ жизни, пока не поздно.

— Зачѣмъ ты мучишь меня?—вырвалась у нея тихая жалоба.

— Мучу?—переспросилъ юноша, и опять на его лицѣ появилось выраженіе упрямаго эгоизма.

— Ну да, мучу. И буду мучить такимъ образомъ всю жизнь, и не могу не мучить. Я самъ не зналъ этого, а теперь знаю. И я не виноватъ. Та самая рука, которая лишила меня зрѣнія, когда я еще не родился, вложила въ меня эту злобу... Мы всѣ такіе, рожденные слѣпыми. Оставь меня... бросьте меня всѣ, потому что я могу дать одно страданіе взамѣнъ любви... Я хочу видѣть—понимаешь? хочу видѣть и не могу освободиться отъ этого желанія. Если бъ я могъ увидѣть такимъ образомъ мать, отца, тебя и Максима, я былъ бы доволенъ... Я запомнилъ бы, унесъ бы это воспоминаніе въ темноту всей остальной жизни...

И онъ съ замѣчательнымъ упорствомъ возвращался къ этой идеѣ. Оставаясь наединѣ, онъ бралъ въ руки различные предметы, ощупывалъ ихъ съ небывалою внимательностью и потомъ, отложивъ ихъ въ сторону, старался вдумываться въ изученныя формы. Точно такъ же вдумывался онъ въ тѣ различія яркихъ цвѣтныхъ поверхностей, которыя, при напряженной чуткости нервной системы, онъ смутно улавливалъ посредствомъ осязанія. Но все это проникало въ его сознаніе именно только какъ различія, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но безъ опредѣленнаго чувственнаго содержанія. Теперь даже солнечный день онъ отличалъ отъ ночной темноты лишь потому, что дѣйствіе яркаго свѣта, проникавшаго къ мозгу недоступными сознанію путями, только сильнѣе раздражало его мучительные порывы.

VII.

Однажды, войдя въ гостиную, Максимъ засталъ тамъ Эвелину и Петра. Дѣвушка казалась смущенной. Лицо юноши было мрачно. Казалось, разыскивать новыя причины страданія и мучить ими себя и другихъ стало для него чѣмъ-то въ родѣ потребности.

— Вотъ онъ спрашиваетъ,—сказала Эвелина Максиму,— что можетъ означать выраженіе „красный звонъ“? Я не могу ему объяснить.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Максимъ коротко, обращаясь къ Петру.

Тотъ пожалъ плечами.

— Ничего особеннаго. Но если у звуковъ есть цвѣта, и я ихъ не вижу, то, значитъ, даже звуки недоступны мнѣ во всей полнотѣ.

— Пустяки и ребячество,— отвѣтилъ Максимъ рѣзко.—И ты самъ хорошо знаешь, что это неправда. Звуки доступны тебѣ въ большей полнотѣ, чѣмъ намъ.

— Но что же значитъ это выраженіе?.. Вѣдь должно же оно обозначать что-нибудь?

Максимъ задумался.

— Это простое сравненіе, — сказалъ онъ.—Такъ какъ и звукъ, и свѣтъ, въ сущности, сводятся къ движенію, то у нихъ должно быть много общихъ свойствъ.

— Какія же тутъ разумѣются свойства?—продолжалъ упрямо допрашивать слѣпой.—„Красный“ звонъ... какой онъ именно?

Максимъ задумался.

Ему пришло въ голову объясненіе, сводящееся къ относительнымъ цифрамъ колебаній, но онъ зналъ, что юношѣ нужно не это. При томъ же, тотъ, кто первый употребилъ свѣтовой эпитетъ въ примѣненіи къ звуку, навѣрное не зналъ физики, а, между тѣмъ, уловилъ какое-то сходство. Въ чемъ же оно заключается?

Въ умѣ старика зародилось нѣкоторое представленіе.

— Погоди,—сказалъ онъ.—Не знаю, впрочемъ, удастся ли мнѣ объяснить тебѣ, какъ слѣдуетъ... Что такое красный звонъ, ты можешь узнать не хуже меня: ты слышалъ его не разъ въ городахъ, въ большіе праздники, только въ нашемъ краю не принято это выраженіе...

— Да, да, погоди, — сказалъ Петръ, быстро открывая піанино.

Онъ ударилъ своею умѣлою рукой по клавишамъ, подражая праздничному колокольному трезвону. Иллюзія была полная. Аккордъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ тоновъ составлялъ какъ бы фонъ поглубже, а на немъ выдѣлялись, прыгая и колеблясь, высшія ноты, болѣе подвижныя и яркія. Въ общемъ это былъ именно тотъ высокій и возбужденно-радостный гулъ, который заполняетъ собою праздничный воздухъ.

— Да,—сказалъ Максимъ,—это очень похоже, и мы, съ открытыми глазами, не сумѣли бы усвоить это лучше тебя. Вотъ, видишь ли... когда я смотрю на большую красную поверхность, она производитъ на мой глазъ такое же безпокойное впечатлѣніе чего-то упруго-волнующагося. Кажется, будто эта краснота мѣняется: оставляя подъ собой болѣе глубокій, темный фонъ, она кое-гдѣ выдѣляется болѣе свѣт-

лыми, быстро всплывающими и такъ же быстро упадающими взмахами, волнами, которыя очень сильно дѣйствуютъ на глазъ,—по крайней мѣрѣ, на мой глазъ.

— Это вѣрно, вѣрно!—живо сказала Эвелина.—Я чувствую то же самое и не могу долго смотрѣть на красную суконную скатерть...

— Такъ же, какъ иные не выносятъ праздничнаго трезвона. Пожалуй, что мое сравненіе и вѣрно, и мнѣ даже приходитъ въ голову дальнѣйшее сопоставленіе: существуетъ также „малиновый“ звонъ, какъ и малиновый цвѣтъ. Оба они очень близки къ красному, но только глубже, ровнѣе и мягче. Когда колокольчикъ долго былъ въ употребленіи, то онъ, какъ говорятъ любители, вызванивается. Въ его звукѣ исчезаютъ неровности, рѣжущія ухо, и тогда-то звонъ этотъ зовутъ малиновымъ. Того же эффекта достигаютъ умѣлымъ подборомъ нѣсколькихъ подголосковъ.

Подъ руками Петра піанино зазвенѣло взмахами почтовыхъ колокольчиковъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Максимъ.—Я бы сказалъ, что это слишкомъ красно...

— А, помню!

И инструментъ зазвенѣлъ ровнѣе. Начавшись высоко, оживленно и ярко, звуки становились все глубже и мягче. Такъ звонитъ наборъ колокольцовъ подъ дугой русской тройки, удаляющейся по пыльной дорогѣ въ вечернюю безвѣстную даль, тихо, ровно, безъ громкихъ взмаховъ, все тише и тише, пока послѣднія ноты не замрутъ въ молчаніи спокойныхъ полей.

— Вотъ-вотъ!—сказалъ Максимъ.—Ты понялъ разницу. Когда-то,—ты былъ еще ребенкомъ,—мать пыталась объяснить тебѣ звуками краски.

— Да, я помню... Зачѣмъ ты запретилъ намъ тогда продолжать? Можетъ быть, мнѣ удалось бы понять.

— Нѣтъ,—задумчиво отвѣтилъ старикъ,—ничего бы не вышло. Впрочемъ, я думаю, что вообще на извѣстной душевной глубинѣ впечатлѣнія отъ цвѣтовъ и отъ звуковъ откладываются уже, какъ однородныя. Мы говоримъ: онъ видитъ все въ розовомъ свѣтѣ. Это значитъ, что человѣкъ настроенъ радостно. То же настроеніе можетъ быть вызвано извѣстнымъ сочетаніемъ звуковъ. Вообще, звуки и цвѣта являются символами одинаковыхъ душевныхъ движеній.

Старикъ закурилъ свою трубку и внимательно посмотрѣлъ на Петра. Слѣпой сидѣлъ неподвижно и, очевидно, жадно ловилъ слова Максима. „Продолжать ли?“—подумалъ ста-

рикъ, но черезъ минуту началъ какъ-то задумчиво, будто невольно отдаваясь странному направленію своихъ мыслей:

— Да, да! Странныя мысли приходятъ мнѣ въ голову... Случайность это или нѣтъ, что кровь у насъ красная. Видишь ли... когда въ головѣ твоей рождается мысль, когда ты видишь свои сны, отъ которыхъ, проснувшись, дрожишь и плачешь, когда человѣкъ весь вспыхиваетъ отъ страсти,—это значитъ, что кровь бьетъ изъ сердца сильнѣе и приливаетъ алыми ручьями къ мозгу. Ну, и она у насъ красная...

— Красная... горячая...—сказалъ юноша вдумчиво...

— Именно—красная и горячая. И вотъ, красный цвѣтъ, какъ и „красные“ звуки, оставляютъ въ нашей душѣ свѣтъ, возбужденіе и представленія о страсти, которую такъ и называютъ „горячею“, кипучею, жаркою. Замѣчательно, что и художники считаютъ красноватые тоны „горячими“.

Затянувшись и окруживъ себя клубами дыма, Максимъ продолжалъ:

— Если ты взмахнешь рукой надъ своею головою, ты очертишь надъ ней полукругъ. Теперь представь себѣ, что рука у тебя безконечно длинна. Если бы ты могъ тогда взмахнуть ею, то очертилъ бы полукругъ въ безконечномъ отдаленіи... Такъ же далеко видимъ мы надъ собой полушаровой сводъ неба; оно ровно, безконечно и сине... Когда мы видимъ его такимъ, въ душѣ является ощущеніе спокойствія и ясности. Когда же небо закроютъ тучи взволнованными и мутными очертаніями, тогда и наша душевная ясность возмущается неопредѣленнымъ волненіемъ. Ты вѣдь чувствуешь, когда приближается грозовая туча...

— Да, я чувствую, какъ будто что-то смущаетъ душу...

— Это вѣрно. Мы ждемъ, когда изъ-за тучъ проглянетъ опять эта глубокая синева. Гроза пройдетъ, а небо надъ нею останется все то же: мы это знаемъ и потому спокойно переживаемъ грозу. Такъ вотъ, небо сине... Море тоже сине, когда спокойно. У твоей матери синіе глаза, у Эвелины тоже.

— Какъ небо...—сказалъ слѣпой съ внезапно проснувшейся нѣжностью.

— Да. Голубые глаза считаются признакомъ ясной души. Теперь я скажу тебѣ о зеленомъ цвѣтѣ. Земля сама по себѣ черна, черны или сѣры стволы деревьевъ весной; но какъ только теплые и свѣтлые лучи разогрѣютъ темныя поверхности, изъ нихъ ползутъ кверху зеленая трава, зеленые листья. Для зелени нужны свѣтъ и тепло, но только не слишкомъ много тепла и свѣта. Оттого зелень такъ пріятна для глаза. Зелень—это какъ будто тепло въ смѣшеніи съ сырою прохла-

дой: она возбуждаетъ представленіе о спокойномъ довольствѣ, здоровьи, но не о страсти и не о томъ, что люди называютъ счастіемъ... Понялъ ли ты?

— Н-нѣтъ... не ясно... но все же, пожалуйста, говори дальше.

— Ну, что же дѣлать!.. Слушай дальше. Когда лѣто разгорается всё жарче, зелень какъ будто изнемогаетъ отъ избытка жизненной силы, листья въ истомѣ опускаются книзу и, если солнечный зной не умѣряется сырою прохладой дождя, зелень можетъ совсѣмъ поблекнуть. За то къ осени, среди усталой листвы наливается и алѣетъ плодъ. Плодъ краснѣе на той сторонѣ, гдѣ больше свѣта; въ немъ какъ будто сосредоточена вся сила жизни, вся страсть растительной природы. Ты видишь, что красный цвѣтъ и здѣсь—цвѣтъ страсти, и онъ служитъ ея символомъ. Это цвѣтъ упоенія, грѣха, ярости, гнѣва и мести. Народныя массы во времена мятежей ищутъ выраженія общаго чувства въ красномъ знамени, которое развѣвается надъ ними, какъ пламя... Но вѣдь ты опять не понимаешь?..

— Все равно, продолжай!

— Наступаетъ поздняя осень. Плодъ отяжелѣлъ; онъ срывается и падаетъ на землю... Онъ умираетъ, но въ немъ живетъ сѣмя, а въ этомъ сѣмени живетъ въ „возможности“ и все будущее растеніе, съ его будущею роскошной листвой и съ его новымъ плодомъ. Сѣмя падетъ на землю; а надъ землей низко подымается уже холодное солнце, бѣжитъ холодный вѣтеръ, несутся холодныя тучи... Не только страсть, но и самая жизнь замираютъ тихо, незамѣтно... Земля все больше проступаетъ изъ-подъ зелени своей чернотой, въ небѣ господствуютъ холодные тоны... И вотъ наступаетъ день, когда на эту смирившуюся и притихшую, будто овдовѣвшую землю падаютъ милліоны снѣжинокъ, и вся она становится ровна, одноцвѣтна и бѣла... Бѣлый цвѣтъ — это цвѣтъ холоднаго снѣга, цвѣтъ высочайшихъ облаковъ, которыя плывутъ въ недосягаемомъ холодѣ поднебесныхъ высотъ,—цвѣтъ величавыхъ и безплодныхъ горныхъ вершинъ... Это — эмблема безстрастія и холодной, высокой святости, эмблема будущей безплотной жизни. Что же касается чернаго цвѣта...

— Знаю, — перебилъ слѣпой. — Это — нѣтъ звуковъ, нѣтъ движеній... ночь...

— Да, и потому это—эмблема печали и смерти...

Петръ вздрогнулъ и сказалъ глухо:

— Ты самъ сказалъ: смерти. А вѣдь для меня все черно... всегда и всюду черно!

— Неправда,—рѣзко отвѣтилъ Максимъ,—для тебя существуютъ звуки, тепло, движеніе... ты окруженъ любовью... Многіе отдали бы свѣтъ очей за то, чѣмъ ты пренебрегаешь, какъ безумецъ... Но ты слишкомъ эгоистично носишься со своимъ горемъ...

— Да!—воскликнулъ Петръ страстно,—я ношусь съ нимъ поневолѣ: куда же мнѣ уйти отъ него, когда оно всюду со мной?

— Если бы ты могъ понять, что на свѣтѣ есть горе во сто разъ больше твоего, такое горе, въ сравненіи съ которымъ твоя жизнь, обезпеченная и окруженная участіемъ, можетъ быть названа блаженствомъ,—тогда...

— Неправда, неправда!—гнѣвно перебилъ слѣпой тѣмъ же тономъ страстнаго возбужденія.—Я помѣнялся бы съ послѣднимъ нищимъ, потому что онъ счастливѣе меня. Да и слѣпыхъ вовсе не нужно окружать заботой: это большая ошибка... Слѣпыхъ нужно выводить на дорогу и оставлять тамъ,—пусть просятъ милостыню. Если-бъ я былъ просто нищимъ, я былъ бы менѣе несчастенъ. Съ утра я думалъ бы о томъ, чтобы достать обѣдъ, считалъ бы подаваемыя копѣйки и боялся бы, что ихъ мало. Потомъ радовался бы удачному сбору, потомъ старался бы собрать на ночлегъ. А если-бъ это не удалось, я страдалъ бы отъ голода и холода... и все это не оставляло бы мнѣ ни минуты и... и... отъ лишеній я страдалъ бы менѣе, чѣмъ страдаю теперь...

— Ты думаешь?—спросилъ Максимъ холодно и посмотрѣлъ въ сторону Эвелины. Во взглядѣ старика мелькнуло сожалѣніе и участіе. Дѣвушка сидѣла серьезная и блѣдная.

— Увѣренъ,—отвѣтилъ Петръ упрямо и жестко.—Я теперь часто завидую Егору, тому, что на колокольнѣ. Часто, просыпаясь подъ утро, особенно, когда на дворѣ метель и вьюга, я вспоминаю Егора: вотъ онъ подымается на свою вышку...

— Ему холодно,—подсказалъ Максимъ.

— Да, ему холодно, онъ дрожитъ и кашляетъ. И онъ проклинаетъ Памфилія, который не заведетъ ему шубы. Потомъ онъ беретъ иззябшими руками веревки и звонитъ къ заутренѣ. И забываетъ, что онъ слѣпой... Потому что тутъ было бы холодно и не слѣпому... А я не забываю, и мнѣ...

— И тебѣ не за что проклинать!..

— Да! мнѣ не за что проклинать! Моя жизнь наполнена одной слѣпотой. Никто не виноватъ, но я несчастнѣе всякаго нищаго...

— Не стану спорить,—холодно сказалъ старикъ.—Можетъ быть, это и правда. Во всякомъ случаѣ, если тебѣ и было бы хуже, то, можетъ быть, самъ ты былъ бы лучше.

Онъ еще разъ бросилъ взглядъ сожалѣнія въ сторону дѣвушки и вышелъ изъ комнаты, стуча костылями.

Душевное состояніе Петра послѣ этого разговора еще обострилось, и онъ еще болѣе погрузился въ свою мучительную работу.

Иногда ему удавалось: онъ находилъ на мгновеніе тѣ ощущенія, о которыхъ говорилъ Максимъ, и они присоединялись къ его пространственнымъ представленіямъ. Темная и грустная земля уходила куда-то вдаль: онъ мѣрялъ ее и не находилъ ей конца. А надъ нею было что-то другое... Въ воспоминаніи прокатывался гулкій громъ, вставало представленіе о шири и небесномъ просторѣ. Потомъ громъ смолкалъ, но что-то тамъ, вверху, оставалось—что-то, рождавшее въ душѣ ощущеніе величія и ясности. Порой это ощущеніе опредѣлялось: къ нему присоединялся голосъ Эвелины и матери, „у которыхъ глаза, какъ небо“; тогда возникающій образъ, выплывшій изъ далекой глубины воображенія и слишкомъ опредѣлившійся, вдругъ исчезалъ, переходя въ другую область.

Всѣ эти темныя представленія мучили и не удовлетворяли. Они стоили большихъ усилій и были такъ неясны, что въ общемъ онъ чувствовалъ лишь неудовлетворенность и тупую душевную боль, которая сопровождала всѣ потуги больной души, тщетно стремившейся возстановить полноту своихъ ощущеній.

VIII.

Подошла весна.

Верстахъ въ шестидесяти отъ усадьбы Попельскихъ въ сторону, противоположную отъ Ставрученковъ, въ небольшомъ городишкѣ, была чудотворная католическая икона. Знатоки дѣла опредѣлили съ полною точностью ея чудодѣйственную силу: всякій, кто приходилъ къ иконѣ въ день ея праздника пѣшкомъ, пользовался „двадцатью днями отпущенія“, т. е. всѣ его беззаконія, совершенныя въ теченіе двадцати дней, должны были идти на томъ свѣтѣ на смарку. Поэтому каждый годъ, ранней весной, въ извѣстный день небольшой городокъ оживлялся и становился неузнаваемъ. Старая церковка принаряжалась къ своему празднику первою зеленью и первыми весенними цвѣтами, надъ городомъ стоялъ радостный звонъ колокола, грохотали „брички“ пановъ, и богомольцы располагались густыми толпами по улицамъ, на площадяхъ и даже далеко въ полѣ. Тутъ были не одни католики. Слава N—ской иконы гремѣла далеко, и къ ней приходили также недугующіе и огорченные православные, преимущественно изъ городского класса.

Въ самый день праздника по обѣ стороны „каплицы“ народъ вытянулся по дорогѣ несмѣтною пестрою вереницей. Тому, кто посмотрѣлъ бы на это зрѣлище съ вершины одного изъ холмовъ, окружавшихъ мѣстечко, могло бы показаться, что это гигантскій звѣрь растянулся по дорогѣ около часовни и лежитъ тутъ неподвижно, по временамъ только пошевеливая матовою чешуей разныхъ цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ занятой народомъ дороги въ два ряда вытянулось цѣлое полчище нищихъ, протягивавшихъ руки за подаяніемъ.

Максимъ на своихъ костыляхъ и рядомъ съ нимъ Петръ объ руку съ Іохимомъ тихо двигались вдоль улицы, которая вела къ выходу въ поле.

Говоръ многоголосной толпы, выкрикиванія евреевъ-факторовъ, стукъ экипажей,—весь этотъ грохотъ, катившійся какою-то гигантскою волной, остался сзади, сливаясь въ одно безпрерывное, колыхавшееся, подобно волнѣ, рокотаніе. Но и здѣсь, хотя толпа была рѣже, все же то и дѣло слышался топотъ пѣшеходовъ, шуршаніе колесъ, людской говоръ. Цѣлый обозъ чумаковъ выѣзжалъ со стороны поля и, поскрипывая, грузно сворачивалъ въ ближайшій переулокъ.

Петръ разсѣянно прислушивался къ этому живому шуму, послушно слѣдуя за Максимомъ; онъ то и дѣло запахивалъ пальто, такъ какъ было холодно, и продолжалъ на ходу ворочать въ головѣ свои тяжелыя мысли.

Но вдругъ, среди этой эгоистической сосредоточенности, что-то поразило его вниманіе такъ сильно, что онъ вздрогнулъ и внезапно остановился.

Послѣдніе ряды городскихъ зданій кончились здѣсь, и широкая трактовая дорога входила въ городъ среди заборовъ и пустырей. У самаго выхода въ поле благочестивыя руки воздвигли когда-то каменный столбъ съ иконой и фонаремъ, который, впрочемъ, скрипѣлъ только вверху отъ вѣтра, но никогда не зажигался. У самаго подножія этого столба расположились кучкой слѣпые нищіе, оттертые своими зрячими конкурентами съ болѣе выгодныхъ мѣстъ. Они сидѣли съ деревянными чашками въ рукахъ и по временамъ кто-нибудь затягивалъ жалобную пѣсню:

— Под-дайте сліпенькимъ... ра-а-ди Христа...

День былъ холодный, нищіе сидѣли здѣсь съ утра, открытые свѣжему вѣтру, налетавшему съ поля. Они не могли двигаться среди этой толпы, чтобы согрѣться, и въ ихъ голосахъ, тянувшихъ по очереди унылую пѣсню, слышалась безотчетная жалоба физическаго страданія и полной безпомощности. Первыя ноты слышались еще довольно отчетливо, но затѣмъ изъ сда-

вленныхъ грудей вырывался только жалобный ропотъ, замиравшій тихою дрожью озноба. Тѣмъ не менѣе, даже послѣдніе, самые тихіе звуки пѣсни, почти терявшіеся среди уличнаго шума, достигая человѣческаго слуха, поражали всякаго громадностью заключеннаго въ нихъ непосредственнаго страданія.

Петръ остановился, и его лицо исказилось, точно какой-то слуховой призракъ явился передъ нимъ въ видѣ этого страдальческаго вопля.

— Что же ты испугался? — спросилъ Максимъ. — Это тѣ самые счастливцы, которымъ ты недавно завидовалъ,—слѣпые нищіе, которые просятъ здѣсь милостыню... Имъ немного холодно, конечно. Но вѣдь отъ этого, по твоему, имъ только лучше.

— Уйдемъ!—сказалъ Петръ, хватая его за руку.

— А, ты хочешь уйти! У тебя въ душѣ не найдется другого побужденія при видѣ чужихъ страданій! Постой, я хочу поговорить съ тобой серьезно и радъ, что это будетъ именно здѣсь. Ты вотъ сердишься, что времена измѣнились, что теперь слѣпыхъ не рубятъ въ ночныхъ сѣчахъ, какъ Юрка-бандуриста, ты досадуешь, что тебѣ некого проклинать, какъ Егору, а самъ проклинаешь въ душѣ своихъ близкихъ за то, что они отняли у тебя счастливую долю этихъ слѣпыхъ. Клянусь честью, ты, можетъ быть, правъ! Да, клянусь честью стараго солдата, всякій человѣкъ имѣетъ право располагать своей судьбой, а ты уже человѣкъ. Слушай же теперь, что я скажу тебѣ: если ты захочешь исправить нашу ошибку, если ты швырнешь судьбѣ въ глаза всѣ преимущества, которыми жизнь окружила тебя съ колыбели, и захочешь испытать участь вотъ этихъ несчастныхъ... я, Максимъ Яценко, обѣщаю тебѣ свое уваженіе, помощь и содѣйствіе... Слышишь ты меня, Петръ Яценко? Я былъ немногимъ старше тебя, когда понесъ свою голову въ огонь и сѣчу... Обо мнѣ тоже плакала мать, какъ будетъ плакать о тебѣ. Но, чортъ возьми! я полагаю, что былъ въ своемъ правѣ, какъ и ты теперь въ своемъ!.. Разъ въ жизни къ каждому человѣку приходитъ судьба и говоритъ: выбирай! Итакъ, тебѣ стоитъ захотѣть... Хведоръ Кандыба, ты здѣсь?—крикнулъ онъ по направленію къ слѣпымъ.

Одинъ голосъ отдѣлился отъ скрипучаго хора и отвѣтилъ:

— Тутъ я... Это вы кличете, Максимъ Михайловичъ?

— Я! Приходи черезъ недѣлю, куда я сказалъ.

— Приду, паночку. — И голосъ слѣпца опять примкнулъ къ хору.

— Вотъ, ты увидишь человѣка, — сказалъ, сверкая гла-

зами, Максимъ, — который вправѣ роптать на судьбу и на людей. Поучись у него переносить свою долю... А ты...

— Пойдемъ, паничу,—сказалъ Іохимъ, кидая на старика сердитый взглядъ.

— Нѣтъ, постой!—гнѣвно крикнулъ Максимъ.—Никто еще не прошелъ мимо слѣпыхъ, не кинувъ имъ хоть пятака. Неужели ты убѣжишь, не сдѣлавъ даже этого? Ты умѣешь только кощунствовать, со своею сытою завистью къ чужому голоду!..

Петръ поднялъ голову, точно отъ удара кнутомъ. Вынувъ изъ кармана свой кошелекъ, онъ пошелъ по направленію къ слѣпымъ. Нащупавъ палкою передняго, онъ разыскалъ рукой деревянную чашку съ мѣдью и бережно положилъ туда свои деньги. Нѣсколько прохожихъ остановились и смотрѣли съ удивленіемъ на богато одѣтаго и красиваго панича, который ощупью подавалъ милостыню слѣпому, принимавшему ее также ощупью.

Между тѣмъ, Максимъ круто повернулся и заковылялъ по улицѣ. Его лицо было красно, глаза горѣли... Съ нимъ была, очевидно, одна изъ тѣхъ вспышекъ, которыя были хорошо извѣстны всѣмъ, знавшимъ его въ молодости. И теперь это былъ уже не педагогъ, взвѣшивающій каждое слово, а страстный человѣкъ, давшій волю гнѣвному чувству. Только кинувъ искоса взглядъ на Петра, старикъ какъ будто смягчился. Петръ былъ блѣденъ, какъ бумага, но брови его были сжаты, а лицо глубоко взволнованно.

Холодный вѣтеръ взметалъ за ними пыль на улицахъ мѣстечка. Сзади, среди слѣпыхъ поднялся говоръ и ссоры изъ-за данныхъ Петромъ денегъ...

IX.

Было ли это слѣдствіемъ простуды, или разрѣшеніемъ долгаго душевнаго кризиса, или, наконецъ, то и другое соединилось вмѣстѣ, но только на другой день Петръ лежалъ въ своей комнатѣ въ нервной горячкѣ. Онъ метался въ постели съ искаженнымъ лицомъ, по временамъ къ чему-то прислушиваясь, и куда-то порывался бѣжать. Старый докторъ изъ мѣстечка щупалъ пульсъ и говорилъ о холодномъ осеннемъ вѣтрѣ; Максимъ хмурилъ брови и не глядѣлъ на сестру.

Болѣзнь была упорна. Когда наступилъ кризисъ, больной лежалъ нѣсколько дней почти безъ движенія. Наконецъ, молодой организмъ побѣдилъ.

Разъ, свѣтлымъ осеннимъ утромъ, яркій лучъ прорвался въ окно и упалъ къ изголовью больного. Замѣтивъ это, Анна Михайловна обратилась къ Эвелинѣ:

— Задерни занавѣску... Я такъ боюсь этого свѣта...

Дѣвушка поднялась, чтобъ исполнить приказаніе, но неожиданно раздавшійся, въ первый разъ, голосъ больного остановилъ ее:

— Нѣтъ, ничего. Пожалуйста... оставьте такъ...

Обѣ женщины радостно склонились надъ нимъ.

— Ты слышишь?.. Я здѣсь!..—сказала мать.

— Да! — отвѣтилъ онъ и потомъ смолкъ, будто стараясь что-то припомнить.

— Ахъ, да!.. — заговорилъ онъ тихо и вдругъ попытался подняться.—Тотъ... Ѳедоръ приходилъ уже? — спросилъ онъ.

Эвелина переглянулась съ Анной Михайловной, и та закрыла ему ротъ рукой.

— Тише, тише! Не говори; тебѣ вредно.

Онъ прижалъ руку матери къ губамъ и покрылъ ее поцѣлуями. На его глазахъ стояли слезы. Онъ долго плакалъ, и это его облегчило.

Нѣсколько дней онъ былъ какъ-то кротко задумчивъ, и на лицѣ его появлялось выраженіе тревоги всякій разъ, когда мимо комнаты проходилъ Максимъ. Женщины замѣтили это и просили Максима держаться подальше. Но однажды Петръ самъ попросилъ позвать его и оставить ихъ вдвоемъ.

Войдя въ комнату, Максимъ взялъ его за руку и ласково погладилъ ее.

— Ну-ну, мой мальчикъ,—сказалъ онъ.—Я, кажется, долженъ попросить у тебя прощенія...

— Я понимаю, — тихо сказалъ Петръ, отвѣчая на пожатіе.—Ты далъ мнѣ урокъ, и я тебѣ за него благодаренъ.

— Къ чорту уроки! — отвѣтилъ Максимъ съ гримасой нетерпѣнія. — Слишкомъ долго оставаться педагогомъ, — это ужасно оглупляетъ. Нѣтъ, этотъ разъ я не думалъ ни о какихъ урокахъ, а просто очень разсердился на тебя и на себя...

— Значитъ, ты, дѣйствительно, хотѣлъ, чтобы?..

— Хотѣлъ, хотѣлъ!.. Кто знаетъ, чего хочетъ человѣкъ, когда взбѣсится... Я хотѣлъ, чтобы ты почувствовалъ чужое горе и пересталъ такъ носиться со своимъ...

Оба замолчали...

— Эта пѣсня,—черезъ минуту сказалъ Петръ,—я помнилъ ее даже во время бреда... А кто этотъ Ѳедоръ, котораго ты звалъ?

— Ѳедоръ Кандыба, мой старый знакомый.

— Онъ тоже... родился слѣпымъ?

— Хуже: ему выжгло глаза на войнѣ.

— И онъ ходитъ по свѣту и поетъ эту пѣсню?

— Да, и кормитъ ею цѣлый выводокъ сиротъ племянниковъ. И еще находитъ для каждаго веселое слово и шутку...

— Да? — задумчиво переспросилъ Петръ. — Какъ хочешь, въ этомъ есть какая-то тайна. И я хотѣлъ бы...

— Что ты хотѣлъ бы, мой мальчикъ?..

Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги, и Анна Михайловна вошла въ комнату, тревожно вглядываясь въ ихъ лица, видимо взволнованныя разговоромъ, который оборвался съ ея приходомъ.

Молодой организмъ, разъ побѣдивъ болѣзнь, быстро справлялся съ ея остатками. Недѣли черезъ двѣ Петръ былъ уже на ногахъ.

Онъ сильно измѣнился, измѣнились даже черты лица,—въ нихъ не было замѣтно прежнихъ припадковъ остраго внутренняго страданія. Рѣзкое нравственное потрясеніе перешло теперь въ тихую задумчивость и спокойную грусть.

Максимъ боялся, что это только временная перемѣна, вызванная тѣмъ, что нервная напряженность ослаблена болѣзнью. Однажды, въ сумерки, подойдя въ первый разъ послѣ болѣзни къ фортепіано, Петръ сталъ по обыкновенію фантазировать. Мелодіи звучали грустныя и ровныя, какъ его настроеніе. Но вотъ, внезапно, среди звуковъ, полныхъ тихой печали, прорвались первыя ноты пѣсни слѣпыхъ. Мелодія сразу распалась... Петръ быстро поднялся, его лицо было искажено, и на глазахъ стояли слезы. Видимо, онъ не могъ еще справиться съ сильнымъ впечатлѣніемъ жизненнаго диссонанса, явившагося ему въ формѣ этой скрипучей и тяжкой жалобы.

Въ этотъ вечеръ Максимъ опять долго говорилъ съ Петромъ наединѣ. Послѣ этого проходили недѣли, и настроеніе слѣпого оставалось все тѣмъ же. Казалось, слишкомъ острое и эгоистическое сознаніе личнаго горя, вносившее въ душу пассивность и угнетавшее врожденную энергію, теперь дрогнуло и уступило мѣсто чему-то другому. Онъ опять ставилъ себѣ цѣли, строилъ планы; жизнь зарождалась въ немъ, надломленная душа давала побѣги, какъ захирѣвшее деревцо, на которое весна пахнула живительнымъ дыханіемъ... Было. между прочимъ, рѣшено, что еще этимъ лѣтомъ Петръ поѣдетъ въ Кіевъ, чтобы съ осени начать уроки у извѣстнаго піаниста. При этомъ оба они съ Максимомъ настояли, что они поѣдутъ только вдвоемъ.

X.

Теплою іюльскою ночью, бричка, запряженная парою лошадей, остановилась на ночлегъ въ полѣ, у опушки лѣса. Утромъ, на самой зарѣ, двое слѣпыхъ прошли шляхомъ. Одинъ вертѣлъ рукоятку примитивнаго инструмента: деревянный валикъ

кружился въ отверстіи пустого ящика и терся о туго натянутыя струны, издававшія однотонное и печальное жужжаніе. Нѣсколько гнусавый, но пріятный старческій голосъ пѣлъ утреннюю молитву.

Проѣзжавшіе дорогой хохлы съ таранью видѣли, какъ слѣпцовъ подозвали къ бричкѣ, около которой, на разостланномъ коврѣ, сидѣли ночевавшіе въ степи господа. Когда черезъ нѣкоторое время обозчики остановились на водопой у криницы, то мимо нихъ опять прошли слѣпцы, но на этотъ разъ ихъ ужъ было трое. Впереди, постукивая передъ собою длинной палкой, шелъ старикъ съ развѣвающимися сѣдыми волосами и длинными бѣлыми усами. Лобъ его былъ покрытъ старыми язвами, какъ будто отъ обжога; вмѣсто глазъ, были только впадины. Черезъ плечо у него была надѣта широкая тесьма, привязанная къ поясу слѣдующаго. Второй былъ рослый дѣтина, съ желчнымъ лицомъ, сильно изрытымъ оспой. Оба они шли привычнымъ шагомъ, поднявъ незрячія лица кверху, какъ будто разыскивая тамъ свою дорогу. Третій былъ совсѣмъ юноша, въ новой крестьянской одеждѣ, съ блѣднымъ и какъ будто слегка испуганнымъ лицомъ; его шаги были неувѣренны и по временамъ онъ останавливался, какъ будто прислушиваясь къ чему-то назади и мѣшая движенію товарищей.

Часамъ къ десяти они ушли далеко. Лѣсъ остался синей полосой на горизонтѣ. Кругомъ была степь, и впереди слышался звонъ разогрѣваемой солнцемъ проволоки на шоссе, пересѣкавшемъ пыльный шляхъ. Слѣпцы вышли на него и повернули вправо, когда сзади послышался топотъ лошадей и сухой стукъ кованныхъ колесъ по щебню. Слѣпцы выстроились у края дороги. Опять зажужжало деревянное кольцо по струнамъ, и старческій голосъ затянулъ:

— Под-дайте слі-пенькимъ... — Къ жужжанію колеса присоединился тихій переборъ струнъ подъ пальцами юноши.

Монета зазвенѣла у самыхъ ногъ стараго Кандыбы. Стукъ колесъ смолкъ, видимо проѣзжающіе остановились, чтобы посмотрѣть, найдутъ ли слѣпые монету. Кандыба сразу нашелъ ее, и на лицѣ появилось довольное выраженіе.

— Богъ спасетъ,—сказалъ онъ по направленію къ бричкѣ, въ сидѣньи которой виднѣлась квадратная фигура сѣдого господина, и два костыля торчали сбоку.

Старикъ внимательно смотрѣлъ на юношу слѣпца... Тотъ стоялъ блѣдный, но уже успокоившійся. При первыхъ же звукахъ пѣсни, его руки нервно забѣгали по струнамъ, какъ будто покрывая ихъ звономъ ея рѣзкія ноты... Бричка опять тронулась, но старикъ долго оглядывался назадъ.

Вскорѣ стукъ колесъ замолкъ въ отдаленіи. Слѣпцы опять вытянулись въ линію и пошли по шоссе...

— У тебя, Юрій, легкая рука, — сказалъ старикъ. — И играешь славно...

Черезъ нѣсколько минутъ средній слѣпецъ спросилъ:

— По обѣщанію идешь въ Почаевъ?.. Для Бога?

— Да,—тихо отвѣтилъ юноша.

— Думаешь, прозришь?..—спросилъ тотъ опять съ горькой улыбкой...

— Бываетъ, — мягко сказалъ старикъ.

— Давно хожу, а не встрѣчалъ,—угрюмо возразилъ рябой, и они опять пошли молча. Солнце подымалось все выше, виднѣлась только бѣлая линія шоссе, прямого, какъ стрѣла, темныя фигуры слѣпыхъ и впереди черная точка проѣхавшаго экипажа. Затѣмъ дорога раздѣлилась. Бричка направилась къ Кіеву, слѣпцы опять свернули проселками на Почаевъ.

Вскорѣ изъ Кіева пришло въ усадьбу письмо отъ Максима. Онъ писалъ, что оба они здоровы и что все устраивается хорошо.

А въ это время трое слѣпыхъ двигались все дальше. Теперь всѣ шли уже согласно. Впереди, все такъ же постукивая палкой, шелъ Кандыба, отлично знавшій дороги и поспѣвавшій въ большія села къ праздникамъ и базарамъ. Народъ собирался на стройные звуки маленькаго оркестра, и въ шапкѣ Кандыбы то и дѣло звякали монеты.

Волненіе и испугъ на лицѣ юноши давно исчезли, уступая мѣсто другому выраженію. Съ каждымъ новымъ шагомъ на встрѣчу ему лились новые звуки невѣдомаго, широкаго, необъятнаго міра, смѣнившаго теперь лѣнивый и убаюкивающій шорохъ тихой усадьбы... Незрячіе глаза расширялись, ширилась грудь, слухъ еще обострялся; онъ узнавалъ своихъ спутниковъ, добродушнаго Кандыбу и желчнаго Кузьму, долго брелъ за скрипучими возами чумаковъ, ночевалъ въ степи у огней, слушалъ гомонъ ярмарокъ и базаровъ, узнавалъ горе, слѣпое и зрячее, отъ котораго не разъ больно сжималось его сердце... И странное дѣло — теперь онъ находилъ въ своей душѣ мѣсто для всѣхъ этихъ ощущеній. Онъ совершенно одолѣлъ пѣсню слѣпыхъ, и день за днемъ подъ гулъ этого великаго моря все болѣе стихали на днѣ души личныя порыванія къ невозможному... Чуткая память ловила всякую новую пѣсню и мелодію, а когда дорогой онъ начиналъ перебирать свои струны, то даже на лицѣ желчнаго Кузьмы появлялось спокойное умиленіе. По мѣрѣ приближенія къ Почаеву, банда слѣпыхъ все росла.

Позднею осенью, по дорогѣ, занесенной снѣгами, къ великому удивленію всѣхъ въ усадьбѣ, паничъ неожиданно вернулся съ двумя слѣпцами въ нищенской одеждѣ. Кругомъ говорили, что онъ ходилъ въ Почаевъ по обѣту, чтобы вымолить у Почаевской Богоматери исцѣленіе.

Впрочемъ, глаза его оставались попрежнему чистыми и по прежнему незрячими. Но душа, несомнѣнно, исцѣлилась. Какъ будто страшный кошмаръ навсегда исчезъ изъ усадьбы... Когда Максимъ, продолжавшій писать изъ Кіева, наконецъ, вернулся тоже, Анна Михайловна встрѣтила его фразой: „Я никогда, никогда не прощу тебѣ этого“. Но лицо ея противорѣчило суровымъ словамъ...

Долгими вечерами Петръ разсказывалъ о своихъ странствіяхъ, и въ сумерки фортепіано звучало новыми мелодіями, какихъ никто не слышалъ у него раньше... Поѣздка въ Кіевъ была отложена на годъ, вся семья жила надеждами и планами Петра...

ГЛАВА VII.

I.

Въ ту же осень Эвелина объявила старикамъ Яскульскимъ свое неизмѣнное рѣшеніе выйти за слѣпого „изъ усадьбы“. Старушка мать заплакала, а отецъ, помолившись передъ иконами, объявилъ, что, по его мнѣнію, именно такова воля Божія относительно даннаго случая.

Сыграли свадьбу. Для Петра началось молодое тихое счастье, но сквозь это счастье все же пробивалась какая-то тревога: въ самыя свѣтлыя минуты онъ улыбался такъ, что сквозь эту улыбку виднѣлось грустное сомнѣніе, какъ будто онъ не считалъ этого счастья законнымъ и прочнымъ. Когда же ему сообщили, что, быть можетъ, онъ станетъ отцомъ, онъ встрѣтилъ это сообщеніе съ выраженіемъ испуга.

Тѣмъ не менѣе, настоящая его жизнь, проходившая въ серьезной работѣ надъ собой, въ тревожныхъ думахъ о женѣ и будущемъ ребенкѣ, не позволяла ему сосредоточиваться на прежнихъ безплодныхъ потугахъ. По временамъ также, среди этихъ заботъ, въ его душѣ поднимались воспоминанія о жалобномъ воплѣ слѣпыхъ. Тогда онъ отправлялся въ село, гдѣ на краю стояла теперь новая изба Ѳедора Кандыбы и его рябого племянника. Ѳедоръ бралъ свою кобзу, или они долго разговаривали, и мысли Петра принимали спокойное направленіе, а его планы опять крѣпли.

Теперь онъ сталъ менѣе чувствителенъ къ внѣшнимъ свѣтовымъ побужденіямъ, а прежняя внутренняя работа улеглась. Тревожныя органическія силы уснули: онъ не будилъ ихъ сознательнымъ стремленіемъ воли—слить въ одно цѣлое разнородныя ощущенія. На мѣстѣ этихъ безплодныхъ потугъ стояли живыя воспоминанія и надежды. Но, кто знаетъ,—быть можетъ, душевное затишье только способствовало безсознательной органической работѣ, и эти смутныя, разрозненныя ощущенія тѣмъ успѣшнѣе прокладывали въ его мозгу пути по направленію другъ къ другу. Такъ, во снѣ мозгъ часто свободно творитъ идеи и образы, которыхъ ему никогда бы не создать при участіи воли.

II.

Въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда родился Петръ, стояла тишина, среди которой раздавался только всхлипывающій плачъ ребенка. Со времени его рожденія прошло уже нѣсколько дней, и Эвелина быстро поправлялась. Но за то Петръ всѣ эти дни казался подавленнымъ сознаніемъ какого-то близкаго несчастія.

Пріѣхалъ докторъ. Взявъ ребенка на руки, онъ перенесъ и уложилъ его поближе къ окну. Быстро отдернувъ занавѣску, онъ пропустилъ въ комнату лучъ яркаго свѣта и наклонился надъ мальчикомъ съ своими инструментами. Петръ сидѣлъ тутъ же съ опущенной головой, все такой же подавленный и безучастный. Казалось, онъ не придавалъ дѣйствіямъ доктора ни малѣйшаго значенія, предвидя впередъ результаты.

— Онъ, навѣрное, слѣпъ,—твердилъ онъ.—Ему не слѣдовало бы родиться.

Молодой докторъ не отвѣчалъ и молча продолжалъ свои наблюденія. Наконецъ, онъ положилъ офтальмоскопъ, и въ комнатѣ раздался его увѣренный, спокойный голосъ:

— Зрачокъ сокращается. Ребенокъ видитъ несомнѣнно.

Петръ вздрогнулъ и быстро сталъ на ноги. Это движеніе показывало, что онъ слышалъ слова доктора, но, судя по выраженію его лица, онъ какъ будто не понялъ ихъ значенія. Опершись дрожащею рукой на подоконникъ, онъ застылъ на мѣстѣ съ блѣднымъ, приподнятымъ кверху лицомъ и неподвижными чертами.

До этой минуты онъ находился въ состояніи страннаго возбужденія. Онъ будто не чувствовалъ себя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ фибры въ немъ жили и трепетали, отъ ожиданія.

Онъ сознавалъ темноту, которая его окружала. Онъ ее вы-

дѣлилъ, чувствовалъ ее внѣ себя, во всей ея необъятности. Она надвигалась на него, онъ охватывалъ ее воображеніемъ, какъ будто мѣряясь съ нею. Онъ вставалъ ей на встрѣчу, желая защитить своего ребенка отъ этого необъятнаго, колеблющагося океана непроницаемой тьмы.

И, пока докторъ въ молчаніи дѣлалъ свои приготовленія, онъ все находился въ этомъ состояніи. Онъ боялся и прежде, но прежде въ его душѣ жили еще признаки надежды. Теперь страхъ, томительный и ужасный, достигъ крайняго напряженія, овладѣвъ возбужденными до послѣдней степени нервами, а надежда замерла, скрывшись гдѣ-то въ глубокихъ тайникахъ его сердца. И вдругъ эти два слова: „ребенокъ видитъ!“— перевернули его настроеніе. Страхъ мгновенно схлынулъ, надежда также мгновенно превратилась въ увѣренность, освѣтивъ чутко приподнятый душевный строй слѣпого. Это былъ внезапный переворотъ, настоящій ударъ, ворвавшійся въ темную душу поражающимъ, яркимъ, какъ молнія, лучомъ. Два слова доктора будто прожгли въ его мозгу огненную дорогу... Будто искра вспыхнула гдѣ-то внутри и освѣтила послѣдніе тайники его организма... все въ немъ дрогнуло, и самъ онъ задрожалъ, какъ дрожитъ туго натянутая струна подъ внезапнымъ ударомъ.

И вслѣдъ за этой молніей передъ его потухшими еще до рожденія глазами вдругъ зажглись странные призраки. Были ли это лучи, или звуки, онъ не отдавалъ себѣ отчета. Это были звуки, которые оживали, принимали формы и двигались лучами. Они сіяли, какъ куполъ небеснаго свода, они катились, какъ яркое солнце по небу, они волновались, какъ волнуется шопотъ и шелестъ зеленой степи, они качались, какъ вѣтви задумчивыхъ буковъ.

Это было только первое мгновеніе, и только смѣшанныя ощущенія этого мгновенія остались у него въ памяти. Все остальное онъ впослѣдствіи забылъ. Онъ только упорно утверждалъ, что въ эти нѣсколько мгновеній онъ видѣлъ.

Что именно онъ видѣлъ, и какъ видѣлъ, и видѣлъ ли дѣйствительно, — осталось совершенно неизвѣстнымъ. Многіе говорили ему, что это невозможно, но онъ стоялъ на своемъ, увѣряя, что видѣлъ небо и землю, мать, жену и Максима.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ стоялъ съ приподнятымъ кверху и просвѣтлѣвшимъ лицомъ. Онъ былъ такъ страненъ, что всѣ невольно обратились къ нему, и кругомъ все смолкло. Всѣмъ казалось, что человѣкъ, стоявшій среди комнаты, былъ не тотъ, котораго они такъ хорошо знали, а

какой-то другой, незнакомый. А тотъ прежній исчезъ, окруженный внезапно опустившеюся на него тайной.

И онъ былъ съ этою тайной наединѣ нѣсколько краткихъ мгновеній... Впослѣдствіи отъ нихъ осталось только чувство какого-то удовлетворенія и странная увѣренность, что тогда онъ видѣлъ.

Могло ли это быть на самомъ дѣлѣ?

Могло ли быть, чтобы смутныя и неясныя свѣтовыя ощущенія, пробивавшіяся къ темному мозгу неизвѣстными путями въ тѣ минуты, когда слѣпой весь трепеталъ и напрягался на встрѣчу солнечному дню, — теперь, въ минуту внезапнаго экстаза, всплыли въ мозгу, какъ проявляющійся туманный негативъ?...

И передъ незрячими глазами встало синее небо и яркое солнце, и прозрачная рѣка съ холмикомъ, на которомъ онъ пережилъ такъ много и такъ часто плакалъ еще ребенкомъ... И потомъ и мельница, и звѣздныя ночи, въ которыя онъ такъ мучился, и молчаливая, грустная луна... И пыльный шляхъ, и линія шоссе, и обозы съ сверкающими шинами колесъ, и пестрая толпа, среди которой онъ самъ пѣлъ пѣсню слѣпыхъ...

Или въ его мозгу зароились фантастическими призраками невѣдомыя горы, и легли вдаль невѣдомыя равнины, и чудныя призрачныя деревья качались надъ гладью невѣдомыхъ рѣкъ, и прозрачное солнце заливало эту картину яркимъ свѣтомъ,— солнце, на которое смотрѣли безчисленныя поколѣнія его предковъ?

Или все это роилось безформенными ощущеніями въ той глубинѣ темнаго мозга, о которой говорилъ Максимъ, и гдѣ лучи и звуки откладываются одинаково весельемъ или грустью, радостью или тоской?...

И онъ только вспоминалъ впослѣдствіи стройный аккордъ, прозвучавшій на мгновеніе въ его душѣ,—аккордъ, въ которомъ сплелись въ одно цѣлое всѣ впечатлѣнія его жизни, ощущенія природы и живая любовь.

Кто знаетъ?

Онъ помнилъ только, какъ на него спустилась эта тайна, и какъ она его оставила. Въ это послѣднее мгновеніе образы-звуки сплелись и смѣшались, звеня и колеблясь, дрожа и смолкая, какъ дрожитъ и смолкаетъ упругая струна: сначала выше и громче, потомъ все тише, чуть слышно... казалось, что-то скатывается по гигантскому радіусу въ безпросвѣтную тьму...

Вотъ оно скатилось и смолкло.

Тьма и молчаніе... Какіе-то смутные призраки пытаются еще возродиться изъ глубокаго мрака, но они не имѣютъ уже ни формы, ни тона, ни цвѣта... Только гдѣ-то далеко, внизу зазвенѣли переливы гаммы, пестрыми рядами прорѣзали тьму и тоже скатились въ пространство. . . . . .

Тогда вдругъ внѣшніе звуки достигли его слуха въ своей обычной формѣ. Онъ будто проснулся, но все еще стоялъ, озаренный и радостный, сжимая руки матери и Максима.

— Что это съ тобой?—спросила мать встревоженнымъ голосомъ.

— Ничего... мнѣ кажется, что я... видѣлъ васъ всѣхъ. Я вѣдь... не сплю?

— А теперь?—взволнованно спросила она.—Помнишь ли ты, будешь ли помнить?

Слѣпой глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ съ усиліемъ.—Но это ничего, потому что... Я отдалъ все это... ему... ребенку и... и всѣмъ...

Онъ пошатнулся и потерялъ сознаніе. Его лицо поблѣднѣло, но на немъ все еще блуждалъ отблескъ радостнаго удовлетворенія.

Эпилогъ.

Прошло три года.

Многочисленная публика собралась въ Кіевѣ, во время „Контрактовъ“ *), слушать оригинальнаго музыканта. Онъ былъ слѣпъ, но молва передавала чудеса объ его музыкальномъ талантѣ и о его личной судьбѣ. Говорили, будто въ дѣтствѣ онъ былъ похищенъ изъ зажиточной семьи бандой слѣпцовъ, съ которыми бродилъ, пока извѣстный профессоръ не обратилъ вниманія на его замѣчательный музыкальный талантъ. Другіе передавали, что онъ самъ ушелъ изъ семьи къ нищимъ изъ какихъ-то романтическихъ побужденій. Какъ бы то ни было, контрактовая зала была набита биткомъ, и сборъ (имѣвшій неизвѣстное публикѣ благотворительное назначеніе) былъ полный.

Въ залѣ настала глубокая тишина, когда на эстрадѣ появился молодой человѣкъ съ красивыми большими глазами и блѣднымъ лицомъ. Никто не призналъ бы его слѣпымъ, если-бъ эти глаза не были такъ неподвижны и если-бъ его не вела молодая бѣлокурая дама, какъ говорили, жена музыканта.

---

*) Напомнимъ, что „Контрактами“ называютъ кіевскую ярмарку.

— Немудрено, что онъ производитъ такое потрясающее впечатлѣніе,—говорилъ въ толпѣ какой-то зоилъ своему сосѣду.—У него замѣчательно драматическая наружность.

Дѣйствительно, и это блѣдное лицо съ выраженіемъ вдумчиваго вниманія, и неподвижные глаза, и вся его фигура предрасполагали къ чему-то особенному, непривычному.

Южно-русская публика вообще любитъ и цѣнитъ свои родныя мелодіи, но здѣсь даже разношерстная „контрактовая“ толпа была сразу захвачена глубокой искренностью выраженія. Живое чувство родной природы, чуткая оригинальная связь съ непосредственными источниками народной мелодіи сказывались въ импровизаціи, которая лилась изъ-подъ рукъ слѣпого музыканта. Богатая красками, гибкая и пѣвучая, она бѣжала звонкою струею, то поднимаясь торжественнымъ гимномъ, то разливаясь задушевнымъ грустнымъ напѣвомъ. Казалось по временамъ: то буря гулко гремитъ въ небесахъ, раскатываясь въ безконечномъ просторѣ, то лишь степной вѣтеръ звенитъ въ травѣ, на курганѣ, навѣвая смутныя грезы о минувшемъ.

Когда онъ смолкъ, громъ рукоплесканій охваченной восторгомъ толпы наполнилъ громадную залу. Слѣпой сидѣлъ съ опущенною головой, удивленно прислушиваясь къ этому грохоту. Но вотъ онъ опять поднялъ руки и ударилъ по клавишамъ. Многолюдная зала мгновенно притихла.

Въ эту минуту вошелъ Максимъ. Онъ внимательно оглядѣлъ эту толпу, охваченную однимъ чувствомъ, направившую на слѣпого жадные, горящіе взгляды.

Старикъ слушалъ и ждалъ. Онъ больше, чѣмъ кто-нибудь другой въ этой толпѣ, понималъ живую драму этихъ звуковъ. Ему казалось, что эта могучая импровизація, такъ свободно льющаяся изъ души музыканта, вдругъ оборвется, какъ прежде, тревожнымъ, болѣзненнымъ вопросомъ, который откроетъ новую рану въ душѣ его слѣпого питомца. Но звуки росли, крѣпли, полнѣли, становились все болѣе и болѣе властными, захватывали сердце объединенной и замиравшей толпы.

И чѣмъ больше прислушивался Максимъ, тѣмъ яснѣе звучалъ для него въ игрѣ слѣпого знакомый мотивъ.

Да, это она, шумная улица. Свѣтлая, гремучая, полная жизни волна катится, дробясь, сверкая и разсыпаясь тысячью звуковъ. Она то поднимается, возрастаетъ, то падаетъ опять къ отдаленному, но неумолчному рокоту, оставаясь все время спокойной, красиво-безстрастной, холодной и безучастной.

И вдругъ сердце Максима упало. Изъ-подъ рукъ музыканта опять, какъ и нѣкогда, вырвался стонъ.

Вырвался, прозвенѣлъ и замеръ. И опять живой рокотъ, все ярче и сильнѣе, сверкающій и подвижный, счастливый и свѣтлый.

Это уже не одни стоны личнаго горя, не одно слѣпое страданіе. На глазахъ старика появились слезы. Слезы были и на глазахъ его сосѣдей.

— Онъ прозрѣлъ, да, это правда,—онъ прозрѣлъ,—думалъ Максимъ.

Среди яркой и оживленной мелодіи, счастливой и свободной, какъ степной вѣтеръ, и, какъ онъ, беззаботной, среди пестраго и широкаго гула жизни, среди то грустнаго, то величаваго напѣва народной пѣсни, все чаще, все настойчивѣе и сильнѣе прорывалась какая-то за душу хватающая нота.

— Такъ-такъ, мой мальчикъ,—мысленно ободрялъ Максимъ,—настигай ихъ среди веселья и счастія...

Черезъ минуту надъ заколдованной толпой въ огромной залѣ, властная и захватывающая, стояла уже одна только пѣсня слѣпыхъ...

— Подайте сліпенькимъ... р-ради Христа.

Но это уже была не просьба о милостынѣ и не жалкій вопль, заглушаемый шумомъ улицы. Въ ней было все то, что было и прежде, когда, подъ его вліяніемъ, лицо Петра искажалось, и онъ бѣжалъ отъ фортепіано, не въ силахъ бороться съ ея разъѣдающей болью. Теперь онъ одолѣлъ ее въ своей душѣ и побѣждалъ души этой толпы глубиной и ужасомъ жизненной правды... Это была тьма на фонѣ яркаго свѣта, напоминаніе о горѣ среди полноты счастливой жизни...

Казалось, будто ударъ разразился надъ толпою, и каждое сердце дрожало, какъ будто онъ касался его своими быстро бѣгающими руками. Онъ давно уже смолкъ, но толпа хранила гробовое молчаніе.

Максимъ опустилъ голову и думалъ:

„Да, онъ прозрѣлъ... На мѣсто слѣпого и неутолимаго эгоистическаго страданія онъ носитъ въ душѣ ощущеніе жизни, онъ чувствуетъ и людское горе, и людскую радость, онъ прозрѣлъ и сумѣетъ напомнить счастливымъ о несчастныхъ“...

И старый солдатъ все ниже опускалъ голову. Вотъ и онъ сдѣлалъ свое дѣло, и онъ не даромъ прожилъ на свѣтѣ, ему говорили объ этомъ полные силы властные звуки, стоявшіе въ залѣ, царившіе надъ толпой. . . . . .

. . . . . .

Такъ дебютировалъ слѣпой музыкантъ.

СМИРЕННЫЕ.

(Деревенскій пейзажъ).

I.

Верстахъ въ 30-ти отъ большого губернскаго города N. есть станція Чернолѣсье, любимое дачное мѣсто губернскихъ жителей, надъ Окой. Нѣсколько поѣздовъ соединяетъ его съ городомъ, что позволяетъ даже сильно занятымъ людямъ пріѣзжать сюда по окончаніи занятій, чтобы провести вечеръ съ семьей, погулять при лунѣ, полюбоваться горами отдаленнаго берега и причудливыми излучинами рѣки, а на утро, къ началу службы, поспѣвать опять въ N-скъ. Къ приходу каждаго поѣзда на дебаркадеръ скромнаго вокзала собирается самая изящная публика, пестрятъ дамскіе костюмы, вызываютъ восторгъ и зависть шляпки послѣдняго фасона, у стволовъ ближней рощи дожидается всегда нѣсколько прислоненныхъ къ деревьямъ велосипедовъ, и почта каждый день выбрасываетъ здѣсь цѣлыя кипы газетъ.

Однимъ словомъ, мѣсто совсѣмъ культурное, напоминающее дачныя мѣста гдѣ-нибудь подъ Петербургомъ или Москвой.

Но, если вы захотите нанять, копѣекъ за 40, одну изъ таратаекъ, тѣсно запружающихъ небольшой дворикъ вокзала, то она доставитъ васъ, такъ сказать, „вглубь страны“. Это будетъ прежде всего Раскатово, пріютившееся въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, стѣсненная горами, дѣлаетъ крутой поворотъ. Раскатово уже значительно отзывается деревней. Изъ дачниковъ здѣсь устраивается публика попроще, желающая хоть на лѣто избавиться отъ конкуренціи костюмовъ и шляпокъ, и поэтому установившая свои собственные лѣтніе законы: барышни гуляютъ здѣсь безъ зонтиковъ, въ бѣлыхъ платочкахъ на головѣ и часто босыя, и купаются прямо съ берега, вступая

иногда въ препирательства съ деревенскими мальчишками, не признающими демаркаціонной полосы. Раскатовцы въ большинствѣ „волгарятъ“, то-есть ходятъ лѣтомъ въ лоцманахъ, водоливахъ, помощникахъ капитановъ или даже капитанами на буксирныхъ пароходахъ... Когда, въ праздникъ, здѣсь заведутъ пѣсни и хороводы, то вы можете порой увидѣть мѣстнаго кавалера, въ пиджакѣ и шляпѣ котелкомъ, въ глянцовитыхъ новенькихъ калошахъ, надѣтыхъ на сапоги бураками,—а вокругъ него дѣвицы въ шелковыхъ кофтахъ и съ зонтиками чинно ходятъ съ пѣсней и величаніемъ.

Однимъ словомъ, и здѣсь еще не мало культуры, хотя нѣкоторая часть раскатовцевъ сѣютъ и пашутъ, снимая для этого земли „волгарей“. Но если, пройдя по широкой улицѣ Раскатова, вы выйдете за околицу въ противоположной сторонѣ, то увидите поля, съ колыхающейся рожью, перелѣски и кусты, потомъ сосновый лѣсокъ по песчанымъ буграмъ,— а за нимъ сплошныя нивы, покорно сгибающіяся подъ вѣтромъ. Среди этихъ нивъ, надъ широкимъ прудомъ, засѣла деревенька Колотилово, съ кореннымъ пахаремъ, „крестьяниномъ“, какъ его зовутъ раскатовцы, нанимающіе его на свои покосы. Себя, въ отличіе отъ пахарей, они называютъ „хозяевами“ и „жителями“.

II.

Въ Раскатовѣ проводилъ лѣто Иванъ Семеновичъ Бухвостовъ, сотрудникъ одной мѣстной и корреспондентъ нѣсколькихъ столичныхъ газетъ. Онъ удалился сюда еще въ первый разъ по требованію докторовъ, такъ какъ начинало пошаливать сердце. Человѣкъ онъ былъ городской по всѣмъ привычкамъ и вкусамъ, и деревня, даже такая, дачная, была для него новостью. Пока эта вся новизна была ему интересна, но особенно интересовали его „дали“, съ которыми онъ не успѣлъ ознакомиться: убогія хаты Колотилова за околицей и перелѣсками... а за рѣкой, на высокомъ берегу, среди безпорядочной зелени заманчиво выглядывавшія постройки почти запустѣлаго монастыря. По праздникамъ оттуда доносился впрочемъ надтреснутый звонъ, а на перевозѣ можно было видѣть простодушныхъ и не всегда трезвыхъ монаховъ. И Бухвостову казалось, что все это,—и околица, и перелѣски, и бѣлыя пятна монастырскихъ зданій, и перевозъ, нагруженный телѣгами и мужиками, и монахи, въ потертыхъ рясахъ, отъ которыхъ одновременно несло ладаномъ и сивухой,—все проникнуто какимъ-то однимъ общимъ выраженіемъ... И это выраженіе было ново, загадочно и интересно. Хотѣлось раз-

гадать его, какъ иногда хочется понять физіономію встрѣченнаго на большой дорогѣ оригинальнаго человѣка.

Лѣто стояло ведреное и знойное. Однажды, въ самый полдень жаркаго іюльскаго дня, Иванъ Семеновичъ сидѣлъ на скамейкѣ у своей дачки, какъ вдругъ надъ сосновымъ лѣсомъ въ направленіи деревни Колотилова показалась струя дыма. Она поднялась какъ-то внезапно, и Иванъ Семеновичъ не успѣлъ еще отдать себѣ яснаго отчета въ ея значеніи, какъ огромный столбъ уже вился и клубился, казалось, совсѣмъ близко, вплоть за лѣсомъ, поднимаясь все выше и выше въ раскаленной синевѣ неба и какъ будто заглядывая изъ-за лѣса въ тихую улицу Раскатова.

Мирная деревенька закопошилась: вытащили изъ-подъ навѣса пожарную „машину“, мальчишки понеслись на выгонъ за пожарными лошадьми, какой-то бутузъ бѣжалъ и падалъ, путаясь въ хомутѣ и возжахъ... Предполагалось, что пожаръ въ Колотиловѣ, а по нѣкоторой между-деревенской конвенціи у Раскатова съ Колотиловымъ существовала, такъ сказать, пожарная взаимность. Минутъ черезъ двадцать пожарная тройка уже лихо катила по дорогѣ, обгоняя торопившихся бабъ. День былъ праздничный, нерабочій, бабы и дѣвки разбрелись по осиннику за ягодами и грибами, и теперь зловѣщій столбъ выгонялъ ихъ всѣхъ на дорогу. Онѣ бѣжали, спотыкались, причитали и крестились, не зная еще, точно ли надъ ними разразилась бѣда, или Господь „посѣтилъ“ кого-нибудь изъ сосѣдей.

Бухвостовъ тоже, разумѣется, встрепенулся: нужно было посмотрѣть деревенскій пожаръ и, можетъ быть, сообщить о немъ въ газету; да и вообще людямъ съ пошаливающими сердцами не сидится, когда невдалекѣ происшествіе. Онъ попытался было пристроиться къ „машинѣ“, но она ускакала раньше, чѣмъ онъ добѣжалъ до нея. Къ счастію, въ это самое время съ вокзала вернулся Гаврилъ Пименовичъ, хозяинъ его дачи, не успѣвшій распречь лошадь, когда произошла тревога,—и черезъ нѣсколько минутъ оба трусили по дорогѣ вслѣдъ за машиной.

Однако, по мѣрѣ того, какъ телѣжка подвигалась къ Колотилову, столбъ точно удалялся. Когда же они въѣхали въ околицу, которую открыла для нихъ цѣлая стая деревенскихъ ребятъ, то уже не было сомнѣнія, что въ Колотиловѣ все благополучно. Въ деревнѣ было тихо и пусто, а темный столбъ все такъ же медленно, молчаливо и зловѣще клубился впереди, надъ зубчатою линіей какъ будто приникшаго къ землѣ и поблѣднѣвшаго бора... Колокольцы раскатовской ма-

шины тренькали уже подъ самымъ лѣсомъ, но какъ-то нерѣшительно и вяло. Очевидно, машина была уже у предѣловъ пожарной взаимности и помышляла о возвращеніи...

Улицы Колотилова будто вымело. Только изъ ближайшей избы, высунувшись въ окно, глядѣла по направленію къ пожару молодая баба, прикрывъ глаза ладонью отъ солнца. Когда телѣжка поровнялась съ нею, замедляя ходъ тяжеловатой лошади,—Ивана Семеновича поразили странные звуки, несшіеся въ открытое окно: какое-то ворчаніе, дикій ревъ, звѣриный вой, обрывки пѣсни, грязныя ругательства, и все это въ сопровожденіи металлическаго лязганія, какъ будто отъ цѣпи... Казалось, за этой бревенчатой стѣной кто-то доходилъ до послѣдней степени изступленія, неистовствовалъ и рвался, лязгая желѣзомъ... А между тѣмъ баба совершенно спокойно глядѣла на далекій пожаръ, какъ будто у нея за спиной не происходило ничего, заслуживающаго вниманія.

— Что это такое?—спросилъ Бухвостовъ у Гаврилъ Пименовича, еще не отдавая себѣ яснаго отчета, почему эта волна непонятныхъ звуковъ прошла по немъ такой острой дрожью... Мужикъ боязливо оглянулся и хлестнулъ лошаденку, торопясь поскорѣе проѣхать мимо.

— Гараська это... Не дай Богъ, сорвется еще. Видно пожаръ зачуялъ... Помилуй, Господи, какъ ежели сорвется.

— Кто сорвется, откуда?

— Да Гараська. Кому болѣе! На чепи вѣдь онъ у нихъ, Герасимъ-те.

Отъѣхавъ нѣсколько саженей, онъ видимо успокоился и, вытянувъ лошаденку кнутомъ по заду, пояснилъ:

— На чепи, какъ же! Потому что, видите ли, онъ, Герасимъ то-есть не въ себѣ, не въ формальнымъ, значитъ, разсудкѣ...

И, опять отъѣхавъ нѣсколько саженей, онъ прибавилъ уже совсѣмъ спокойно, какъ о темѣ, исчерпанной до конца:

— Лѣтъ, никакъ, уже десять...

III.

Темная полоса дыма, тихо клубившаяся за лѣсомъ, вдругъ потеряла для Бухвостова прежній интересъ и перестала казаться такой зловѣщей и значительной. Что значитъ пожаръ какой-нибудь избы, да еще среди бѣлаго дня и лѣтомъ,—когда вотъ тутъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ, въ такой же деревенской избѣ много лѣтъ мечется на цѣпи живой человѣкъ,—и никому это не кажется страннымъ... И никто не спѣшитъ на помощь, и баба, прикрывая рукой глаза от

солнца, съ лѣнивымъ любопытствомъ слѣдитъ за дальнимъ пожаромъ и за фигурой случайнаго проѣзжаго, даже не оборачиваясь на бѣснованіе прикованнаго человѣка. Сердце у него забилось тѣмъ особеннымъ тревожнымъ боемъ, который звалъ на немедленное вмѣшательство: выскочить изъ телѣги, кого-то позвать, на кого-то накинуться, кого-то непремѣнно обвинить и сразу, сію минуту, немедленно прекратить этотъ ужасъ...

Онъ протянулъ руку и тронулъ Гаврилъ Пименовича за плечо. Лошаденка перестала мѣсить пыль, а старикъ повернулъ къ нему свои густыя нависшія брови, изъ-подъ которыхъ вопросительно и недовольно глянули маленькіе колющіе глаза...

— Что такое?—спросилъ онъ...

Спокойная улица Колотиловки, казалось, тоже спрашивала у Бухвостова: „Что такое?“—и уже однимъ своимъ будничноравнодушнымъ видомъ производила на газетчика отрезвляющее впечатлѣніе... Кого онъ позоветъ и на кого накинется со своей новостью? Передъ нимъ, въ непосредственной близости, была спина раскатовца, запыленная, съ пропотѣвшими пятнами на лопаткахъ... Далѣе мотался въ пыли крупъ лошади, по сторонамъ въ два порядка стояли новыя бревенчатыя избы (Колотиловка недавно горѣла); между ними—блѣдныя кудрявыя ветлы и солидные темные осокори. Сзади въ окнѣ женщина провожала его равнодушнымъ взглядомъ, и въ промежутки между домами и ивами, съ холмика, на которомъ лежало Колотилово,—виднѣлись ржаныя поля, покорно склонявшіяся подъ вѣтромъ...

Сердце у Бухвостова продолжало тревожно биться и звало на что-то, но обычные рефлексы во все вмѣшивающагося человѣка были какъ будто парализованы... Бухвостовъ съ недоумѣніемъ оглянулся, точно растерявшись и утративъ какую-то руководящую нить къ собственнымъ ощущеніямъ... И ему показалось, что на него глядитъ то самое, загадочное и затаенное, что онъ старался уловить въ выраженіи всего этого пейзажа... Глядитъ, и подъ этимъ взглядомъ точно цѣпенѣютъ его привычныя чувства.

Между тѣмъ, треньканье колокольцовъ становилось сильнѣе... Это раскатовцы возвращались изъ лѣсу съ пожарной машиной, на своей тройкѣ, со звономъ своихъ колокольцовъ и бубенцовъ. Скоро знойный воздухъ весь переполнился этими суетливыми и крикливыми звуками до такой степени, что Бухвостову хотѣлось заткнуть уши, а деревенька, казалось, еще смиреннѣе приникла къ землѣ. Машина бойко промча-

лась по улицамъ Колотиловки, и хозяинъ Бухвостова тоже сталъ повертывать свою лошадь.

— Въ Гнилицахъ горитъ, не иначе, — сказалъ онъ, — верстъ будетъ еще съ десятокъ. Это изъ-за лѣсу кажетъ такъ, что близко... А оно, видишь ты, далеко!

Бухвостовъ не отвѣтилъ, какъ будто не слыша въ тонѣ Гаврилъ Пименовича нерѣшительнаго полувопроса. Онъ, пожалуй, не прочь былъ бы доставить барина и въ Гнилицы, разумѣется, за приличное вознагражденіе. Но Бухвостовъ молча глядѣлъ на окно, въ которомъ все еще виднѣлась женская фигура. „Машина“ какъ разъ поравнялась съ этой избой. Дюжій парень изъ раскатовцевъ, правившій тройкой, повернулъ къ ней потное лоснившееся лицо и кинулъ какую-то шутку („непремѣнно сальность“ — подумалъ, пожимаясь, Бухвостовъ). Баба засмѣялась. Она была красивая, по деревенски — „гладкая“, но Бухвостову было непріятно видѣть, какъ на ея крѣпко-загорѣломъ лицѣ сверкнули бѣлые зубы... А когда грохотъ и звонъ машины нѣсколько удалился, на Бухвостова опять хлынула волна прежнихъ звуковъ: лязганіе цѣпи, вой, хохотъ и выкрикиваніе прикованнаго человѣка. Спина Гаврилъ Пименовича опять сжалась, и онъ поднялъ кнутъ, съ очевиднымъ желаніемъ нахлестать лошадь.

— Постой,—сказалъ вдругъ сѣдокъ, останавливая его руку...

— Что еще?

— Подожди здѣсь.

Бухвостовъ и не замѣтилъ, что говоритъ Гаврилъ Пименовичу „ты“, чего, вообще говоря, не позволялъ себѣ ранѣе ни съ кѣмъ. Въ голосѣ его, кромѣ того, звучала какая-то чуждая, почти начальственная нота... Отъ раздражающаго ли звона колокольцовъ, или отъ чего другого, только настроеніе Бухвостова рѣзко измѣнилось: гипнотизирующее вліяніе смиреннаго „порядка“ и волнующихся нивъ исчезло, онъ опять какъ будто нашелъ руководящую нить въ своихъ ощущеніяхъ. И прежде всего очень разсердился...

На кого? На Гаврилъ Пименовича, не сразу остановившаго лошадь, на глупаго парня, съ его лоснящимся лицомъ и навѣрное сальной остротой, на бабу, которая непріятно и вызывающе улыбалась парню на фонѣ этого ужаса, на тихую улицу, которая цѣлые годы слушаетъ вопли и скрежетъ прикованнаго человѣка... Ему казалось вообще, что онъ нашелъ или сейчасъ найдетъ виноватыхъ и, значитъ, дастъ исходъ томительному и гнетущему ощущенію, болѣвшему въ душѣ и заставлявшему биться сердце.

Спрыгнувъ съ телѣги, онъ быстро обошелъ стѣну избы

вошелъ во дворъ и поднялся на лѣстницу. Съ улицы его провожалъ удивленный взоръ раскатовца.

Если бы Бухвостову пришлось сейчасъ же описывать для газеты то, что онъ увидѣлъ, то описаніе вышло бы очень неточно. Съ первой же минуты, какъ онъ вошелъ, что-то какъ будто ограничило поле его зрѣнія, и въ памяти сохранился только мутный фонъ съ обычной обстановкой избы, рѣжущій свѣтъ изъ окна и безумное лицо мужика съ дикимъ и точно насмѣшливымъ взглядомъ. Бухвостову казалось, что безумецъ протягивалъ руки ему на встрѣчу. Впрочемъ, онъ замѣтилъ, что кромѣ цѣпи, охватившей прикованнаго человѣка въ поясѣ, — руки за спиной стянуты веревкой, такъ что могли двигаться только въ локтяхъ. Онъ глядѣлъ на Бухвостова острымъ, ироническимъ и пронзительнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась злая радость и какое-то особенное, *свое* сознаніе гордое, страдающее и торжествующее: казалось, сумасшедшій ждалъ его давно, цѣлые годы, и теперь знаетъ, зачѣмъ онъ пришелъ и... что съ нимъ нужно сдѣлать... И то, что онъ сдѣлаетъ, будетъ ужасно...

— Не подходи, господинъ, — испуганно крикнула баба, повернувшаяся отъ окна, быстро соскакивая со скамьи... Сумасшедшій съ отвратительнымъ рычаньемъ и лязгомъ цѣпи кинулся къ ней, но она ловко увернулась и опять засмѣялась... Больной вдругъ остановился, посмотрѣлъ на нее и на Бухвостова, сдѣлалъ циничное предложеніе и опять забился на цѣпи, весь напрягаясь, съ искаженнымъ лицомъ и выпученными глазами...

Въ это время вошла другая женщина съ охабкой дровъ. Бухвостовъ далъ ей дорогу, точно оба расходились на краю пропасти. Одинъ неосторожный шагъ, и сумасшедшій могъ схватить ее за руку, за складку платья... Женщина бросила дрова у печки и выпрямилась.

Бухвостовъ понялъ сразу, что эта высокая, статная старуха — мать больного. И тутъ же онъ замѣтилъ, что на безумномъ надѣта чистая рубаха, волосы расчесаны и даже смочены квасомъ (день былъ праздничный).

— Давно это у васъ? — спросилъ Бухвостовъ, опять почувствовавшій растерянность и чтобы сказать что-нибудь.

— Десятый годъ маемся эдакъ... На Миколу зимняго будетъ десять.

Она говорила просто и спокойно. Въ глазахъ, окруженныхъ сѣтью морщинокъ, но живыхъ и выразительныхъ, видѣлось то глубокое и спокойное, давнее и давно побѣжденное страданіе, какое бываетъ удѣломъ только сильныхъ душъ. Бухво-

стовъ внезапно почувствовалъ къ ней уваженіе, и въ то же время весь его гнѣвъ обратился на него самого.

— О, ч-чортъ... — подумалъ онъ съ приливомъ этой злобы... — Ворвался въ чужой домъ, неизвѣстно зачѣмъ... Какъ будто изъ простого любопытства... Точно, въ самомъ дѣлѣ, въ деревнѣ все можно...

— Извините, — сказалъ онъ и, рѣзко повернувшись, вышелъ изъ избы съ крѣпко сжатыми губами и морщиной на лбу. Его проводили удивленные взгляды женщинъ и рѣзкій хохотъ сумасшедшаго. Онъ бился особенно сильно, и дробный, порывистый лязгъ желѣза точно гнался за Бухвостовымъ...

А на улицѣ его опять встрѣтилъ тотъ же особенный „взглядъ пейзажа“, пристальный, затаенный и загадочный... Онъ провожалъ его до дому и потомъ продолжалъ заглядывать въ его окна сверху, черезъ верхушки лѣса — бѣленькой часовенкой съ заокской горы...

IV.

Вечеръ послѣ того дня былъ чудесный. Ущербленная луна стояла, задумчивая, надъ обрѣзомъ сосноваго бора, кинувшаго съ холма густую черную тѣнь на половину раскатовской улицы. Очертанія домовъ терялись на темномъ фонѣ лѣса, и лишь кое-гдѣ смутную темную массу пронизывали освѣщенныя оконца... Лунный свѣтъ пересыпалъ все тонкой золотой пылью, скрадывавшей всѣ рѣзкія очертанія, и въ этой смѣси робкаго свѣта и черныхъ тѣней утопала деревенская улица и рядъ лѣтнихъ досчатыхъ кухонокъ, тянувшихся „для опасности отъ пожару“ по самой ея серединѣ, и кучки раскатовскихъ обывателей, сидѣвшихъ на скамейкахъ у домовъ. И даже самые разговоры, журчавшіе подъ покровомъ этого теплаго золотистаго сумрака, казалось, какъ-то расплывались и стушевывались. Чуялись гдѣ-то и говоръ, и движеніе, но гдѣ именно движущіеся и что именно говорятъ,— разбирать не хотѣлось...

Бухвостовъ сидѣлъ на бревнѣ у своей дачи... Невдалекѣ отъ него помѣстились тоже на бревнахъ нѣсколько раскатовскихъ жителей, которые вели здѣсь свои раскатовскіе разговоры. Передъ мужиками, не смѣя присѣсть въ рядъ съ хозяевами, стояли двѣ женскія фигуры, въ темныхъ сарафанахъ. На Раскатовѣ, какъ на большинствѣ приволжскихъ селъ, лежитъ печать стариннаго уклада. Баба беретъ свое въ моленной и въ домѣ; но на улицѣ—обѣ женщины стояли, подперевъ щеки руками, точно изваянія, облитыя скользящимъ и неопредѣленнымъ луннымъ свѣтомъ, и ни словомъ не вмѣ-

шивались въ бесѣду... Впрочемъ, даже въ самомъ молчаніи чувствовался глухой бабій протестъ противъ какихъ-то мужицкихъ рѣчей и предполагаемыхъ или уже состоявшихся мужицкихъ рѣшеній.

Бухвостовъ тоже съ нетерпѣніемъ и досадой ждалъ конца этихъ разговоровъ.—„О, чортъ“,—то и дѣло ворчалъ онъ про себя. Онъ собирался „хорошенько поговорить съ господами раскатовскими мірянами“.

Злобой раскатовскаго дня служилъ покосъ и разсчеты по сѣнному дѣлу, еще недавно очень интересовавшіе Бухвостова. Обыкновенно раскатовскіе луга за Окой сдавались своимъ же „крестьянамъ“, которые еще не бросили землю „для рѣки“. Они частью косили сами, частью нанимали косцовъ „изъ числа золотой роты“. Золотая рота портила луга неряшливой и поздней косьбой, и на этотъ разъ „хозяева“ наняли сами настоящихъ косцовъ изъ сосѣднихъ деревень. Это обстоятельство вызывало необходимость новыхъ сложныхъ разсчетовъ. Рабочихъ въ лугахъ кормили „по череду“... Иванъ Максимовъ далъ „своихъ“ три рубля на задатокъ, Максимъ Ивановъ покупалъ въ городѣ двѣ косы да брусокъ. Все это теперь клалось на счеты, разверстывалось по извѣстному деревенскому „равненію“.

Пока дачники и дачницы гуляли, купались и играли въ крокетъ,—коренное Раскатово, казалось, превратилось въ одну огромную счетную машину, тупо, съ скрипомъ и со всякими задержками подвигавшую къ концу процессъ „разсчета“. Два умные мужика, оба служившіе не разъ старостами и судьями, по цѣлымъ часамъ, сидя на скамейкѣ около единственной мѣстной лавочки, прозванной дачниками „Мюръ и Мерилизомъ“ за свою универсальность,—щелкали счетами и выписывали каждому хозяину его разсчетъ на особой бумажкѣ. Получивъ листки, „хозяева“ тотчасъ же уходили съ ними въ дома и тамъ обмозговывали ихъ совмѣстно съ бабами. Потомъ они возвращались опять къ счетоводамъ, тыкали въ бумажки заскорузлыми пальцами и предъявляли свои возраженія. Счетная машина скрипѣла и порой, вмѣсто цифръ, изъ нея вылетали совершенно неожиданные сюрпризы, не исключая даже упоминовенія родителей.

Такъ это дѣло тянулось уже нѣсколько дней. Сегодня разсчеты кончались. Всѣ болѣе или менѣе поняли главное, болѣе или менѣе подчинились „міру“, болѣе или менѣе считали себя обиженными или прикидывались таковыми въ мелочахъ. Въ этотъ вечеръ только еще одинъ старичекъ съ рѣзкимъ протестующимъ голосомъ все бултыхался среди общаго спокойствія,

не признавая себя побѣжденнымъ и убѣжденнымъ. А такъ какъ сегодня онъ какъ разъ былъ караульщикомъ, то среди тишины спокойнаго вечера—то и дѣло, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ длинной улицы, вслѣдъ за стуканьемъ колотушки, закипали громкіе споры.

— Да пойми ты, наконецъ, садовая голова!..

— Чего понимать? Мы и то понимаемъ, небось... Вы-то понимаете ли?

— Да вѣдь онъ своихъ два съ полтиной давалъ!

— Ну далъ... Мы, значитъ, не споримъ, что не далъ. А трюшница-те отколь влетѣла?

— Опять двадцать пять! Тебѣ было говорёно.

— Затвердила сорока Якова одно про всякова...

Старику отвѣчали лѣниво и неохотно: мнѣніе „міра“ сложилось и на единственнаго спорщика махнули рукой. Поэтому онъ отчаянно загрохоталъ колотушкой и понесъ свой протестъ вдоль порядка на другой конецъ деревни.

Какъ только строптивый старикъ окончательно удалился, Бухвостовъ подвинулся къ сидѣвшимъ на бревнѣ раскатовцамъ и сказалъ:

— Кончили, господа?

— Кончили, слава-те Господи, Иванъ Семенычъ...

— Въ чистую. Раздѣлились до остатняго.

— Можно теперь о другомъ поговорить?

— Поговори, Иванъ Семенычъ, ничего, — сказалъ Савелій Ивановъ, одинъ изъ счетчиковъ, — мужикъ спокойный, уважающій себя и умный.

— Мы рады, — прибавилъ Гаврилъ Пименовичъ, — умный человѣкъ слово скажетъ, — намъ, дуракамъ, польза... Вотъ только, — прибавилъ онъ полузаискивающе, полушутливо: — чертыхаетесь вы... Это мы не любимъ...

— Ну, такъ скажите мнѣ, господа жители,—не обративъ вниманія на слова своего хозяина, сказалъ Бухвостовъ,— зачѣмъ это у васъ человѣкъ на цѣпи сидитъ?

— На чепи?—переспросилъ Савелій Ивановъ.—Кто у насъ на чепи, братцы? Кажись этакого не бывало...

— Какъ можно, чтобы на чепи?

— Что вы это, Иванъ Семенычъ,—укоризненно прибавилъ Савелій Ивановъ, — еще, не дай Богъ, въ газету напишете. Острамите нашу мѣстность.

— А! это вотъ что, братцы,—торопливо смекнулъ Гаврилъ Пименовичъ,—это онъ, значитъ, про колотиловскаго, Гараську...

— А! вотъ объ комъ!—засмѣялся Савелій.—Такъ это въ Колотиловѣ. То-то я думаю: кто бы у насъ на чепи... Будто никого нѣту...

— Такъ это же онъ не въ себѣ...

— Не въ полномъ разумѣ.

Бухвостовъ и не замѣтилъ, что онъ ставитъ въ вину Раскатову то, что происходитъ въ Колотиловѣ. Какъ городскому жителю, деревня представлялась ему чѣмъ-то однимъ, общемужицкимъ. Но для раскатовцевъ колотиловскій Гараська былъ чужой... Ихъ вниманіе лѣниво отрывалось отъ только-что законченныхъ „своихъ“ дѣлъ...

— Да онъ теперь развѣ опять на чепи?—спросилъ кто-то, позѣвывая.

— Прежде ходилъ будто. Только развѣ когда заблажитъ.

— Эва! ходилъ! Когда это было,—еще до холеры!—сказалъ Савелій Иванычъ.

Савелій бывалъ въ волостныхъ судьяхъ и зналъ, что дѣлается въ волости.

— Да, годовъ восемь, гляди!

— Спохватился!—засмѣялся Гаврилъ Пименычъ.

— Этакой же Чамра былъ еще въ Гнилицахъ,—прибавилъ Савелій Иванычъ,—да въ Ивановкѣ Ѳедотка.

— Мало ли...

— Отчего въ больницу не отправляете?—желчно спросилъ Бухвостовъ.

— А кто платить за него станетъ?—спросилъ чей-то голосъ задорно.

— Первое дѣло—насчетъ платежу,—спокойно и съ обычной разумной дѣловитостью пояснилъ Савелій.—А второе дѣло... Да вонъ, кажись, Григорій Семенычъ дорогой ѣдетъ. Онъ это все можетъ объяснить въ точности. Самъ колотиловскій... Григорій Семенычъ, ты это?..

— Я!—отвѣтилъ мужикъ съ воза. Оставивъ смирную лошадь на серединѣ широкой улицы, онъ подошелъ къ бревнамъ и поклонился.

— Миръ бесѣдѣ... Надо что, аль такъ окликнули?

Бухвостовъ узналъ его. Это былъ мясникъ, каждое утро объѣзжавшій раскатовскія дачи,—мужикъ солидный, державшійся съ большимъ достоинствомъ по отношенію къ господамъ, и вслѣдствіе своей торговой практики выработавшій себѣ особенный, не совсѣмъ мужицкій языкъ.

— Вотъ господинъ антиресуется насчетъ Герасима,—сказалъ Савелій,—какъ показалось Бухвостову, съ оттѣнкомъ легкой насмѣшки.

Григорій Семенычъ повернулся и, вглядѣвшись въ Бухвостова, протянулъ ему руку:

— Что же именно можетъ быть? Какой антиресъ?.. Не въ

своемъ разумѣ человѣкъ или сказать: одержимый. Больше ничего...

— Да вотъ, говорятъ: какъ можете вы, колотиловскіе, на чепи человѣка держать?..

Въ голосѣ Савелія Иваныча насмѣшка пробилась яснѣе.

— Въ газету они напишутъ,—такъ молъ какъ бы и намъ, раскатовскимъ, за васъ не влетѣло...

— Насчетъ этого я вамъ могу отвѣтъ дать, потому что это дѣло мнѣ извѣстно. А насчетъ уголовной, напримѣръ, отвѣтственности или штрафу, то на этотъ счетъ не имѣемъ безпокойства, потому что посадили его неисходно, безъ отпуску по приказанію начальства. Какъ, значитъ, находитъ на него по внезапности и невозможно упредить...

— Значитъ, сейчасъ и на цѣпь? На всю жизнь? „Потому что находитъ по внезапности“...—желчно спросилъ Бухвостовъ. Его нѣсколько раздражалъ насмѣшливый тонъ Савелія Ивановича, и, кромѣ того, ему показалось, что въ лицѣ колотиловца-мясника онъ нашелъ отвѣтчика.

— Зачѣмъ сейчасъ? терпѣли не малое время. Меня самого, какъ я старостой ходилъ, разовъ, какъ вамъ сказать... да разовъ съ пять такъ колошматилъ, что не чаялъ я своей жизни сохранить. Грезиться мнѣ по ночамъ сталъ, право.

Среди раскатовцевъ на бревнѣ раздался благодушный смѣхъ, еще болѣе раздражившій Бухвостова.

— Пригрезится, какъ разъ...

— Ежели, говоришь, колачивалъ, какъ не пригрезиться.

— Да какъ же! Потомъ на людей сталъ безперечь кидаться. На перевозѣ было дудинскаго мужика чурбакомъ ушибъ. Ну, все это мы, значитъ, терпѣли...

— Что подѣлаешь?

— Ничего не подѣлаешь, конечно. Онъ вѣдь тоже не повиненъ тому дѣлу. Сколько разъ міромъ толковали. Молъ, онъ на малыхъ дѣтей не кидается, все только на большихъ. Ну, большой-то какъ ужъ нибудь постоитъ самъ за себя, не подастся... Потерпимъ... А ужъ это послѣ, значитъ, онъ непорядокъ сдѣлалъ: къ церкви верхомъ на чурбакѣ прикатилъ, да къ самому крестному ходу. Народъ за иконами идетъ, а онъ давай попа ругать скверно, да пѣсни похабныя запѣлъ. А на тотъ случай въ церкви становой. Вы бы, говоритъ, какъ-нибудь... Чтобы этого безобразія больше не было... Ну, и посадили. Міромъ и ковать довелось.

— Мі-ромъ?—язвительно переспросилъ Бухвостовъ.

— Да, дѣло такое, сами понимаете, кому охота! Ну, міромъ-то оно складнѣе... Этакъ вотъ на поясъ обручъ желѣзной на-

били, кузнецъ сковалъ, потомъ, значитъ, за кольцо, да цепью къ стѣнѣ... На грѣхъ онъ въ ту пору опамятовался, значитъ отошло отъ него... Плачетъ, не дается, бабы за нимъ... Ну, что дѣлать станешь... Заковали. Такъ, съ этихъ мѣстъ и живетъ неисходно... Когда, бывало, оклемается и опять ничего: сидитъ, работаетъ, сапоги тачаетъ. Даже еще хозяинъ въ дому. Ну, только теперь рѣдко... Такъ и не расковываемъ...

— Ужъ и хлыщутъ же его бабы-те... Бат-тюшки свѣты!— сказалъ новый голосъ, съ конца бревна.

Это говорилъ рыжій портной, человѣкъ въ Раскатовѣ пришлый. Родомъ онъ былъ изъ Владимірской губ., живалъ во многихъ мѣстахъ, много шатался по свѣту и, наконецъ, попавъ въ Раскатово, женился здѣсь и остался. Но чувствовалъ себя здѣсь всетаки чужимъ и о раскатовскихъ явленіяхъ судилъ объективно, какъ бы со стороны. Бухвостову казалось, что этотъ рыжій пришлецъ, высокій, худой и желчный, сочувствуетъ его обличительному настроенію.

— Страсть какъ колотятъ... Жена съ матерью возьмутъ по веревкѣ, да съ обѣихъ сторонъ давай хлыстать... А онъ на цепи-те вертится, ничего не можетъ сдѣлать...

Бухвостовъ вздрогнулъ. Ему вспомнилась высокая старуха съ печально-спокойными глазами... Разсказъ на всѣхъ тоже произвелъ впечатлѣніе.

— Да ужъ имъ попадись, подлымъ,—сказалъ кто-то...

— Онѣ рады надъ мужикомъ сердце-то отвести.

— Эхъ — сорвался бы хоть разъ, да хар-рошенько бы...

Но тутъ внезапно ожили два изваянія, въ темныхъ сарафанахъ, стоявшія, какъ было сказано, невдалекѣ и до сихъ поръ не принимавшія участія въ общемъ разговорѣ. Видно, однако, и въ нихъ тоже накипало, и когда разговоръ коснулся бабьяго дѣла, изваянія вдругъ заговорили.

— Бабы, вишь, виноваты!—сказала одна, слегка отворачиваясь и какъ будто выражая желаніе уйти, чтобы не слушать глупыхъ и несправедливыхъ мужичьихъ рѣчей.

— А то нѣтъ?—послышалось съ бревна.

— Кого и обвиноватить вамъ, ежели не бабу,—задорно и звонко сказала другая и тоже выразила готовность удалиться, очевидно не надѣясь переубѣдить мужиковъ. Но Бухвостовъ остановилъ обѣихъ.

— Постойте,—сказалъ онъ.—По вашему, значитъ, это хорошо: бить связаннаго беззащитнаго человѣка.

— Да вѣдь онѣ когда его бьютъ-то, ты спроси... Нѣшто станутъ зря. Чай одна-те мать ему родная.

— Вѣдь онъ заблажитъ,—горячо подхватила другая, вы-

ступая впередъ,—дни, мотри, на два, на три. А то и на недѣлю. Спокою нѣтъ никому, рычитъ, кидается, чепью брязчитъ, то и гляди сорвется. Тутъ онѣ и похлыщутъ, конечно...

— Нахлыщутъ, нахлыщутъ,—тогда ужъ онъ спать. Спитъ сутки, а то и двои,—опять ничего... А то нѣшто стали бы зря...

Бабы говорили горячо съ нотами женскаго сочувствія своему бабьему горю. Онѣ, очевидно, ближе мужчинъ знали это дѣло, и ихъ горячій протестъ произвелъ впечатлѣніе.

— Пожалуй вѣрно, Иванъ Семенычъ,—сказалъ Савелій.— Потому, иначе онъ не перестанетъ...

— Свезли бы въ больницу,—сказалъ Бухвостовъ.—Тамъ хоть не бьютъ...

— Гдѣ, поди, не бьютъ,—отвѣтилъ Савелій съ глубокимъ сомнѣніемъ.

— Невозможно это...

— Насчетъ больницы, позвольте вамъ сказать,—какъ, значитъ, я былъ старостой,—сказалъ Григорій Семенычъ своимъ убѣдительнымъ голосомъ,—былъ онъ въ больницѣ, въ называемомъ старомъ корпусѣ. Такъ нѣшто же это можно сравнить, что, напримѣръ, дома! Слыхали мы, конечно, что въ баракахъ хорошо. Ну, что касающее мужика, то его въ бараки не помѣстятъ... Тамъ городскіе...

— Глупости!—сказалъ Бухвостовъ рѣзко.

— Нѣтъ, не глупости. Былъ онъ, говорю, въ старомъ корпусѣ, да онѣ его взяли обратно. Это вѣрно. Пожалѣли, какъ свое, значитъ, какъ бы то ни было, родное. Потому что видѣли своими глазами, какъ ихъ тамъ щелучàтъ.—Не надо этого, говорятъ, какъ ни биться намъ, а не дадимъ этакое тиранство дѣлать.—Привезли обратно, я сейчасъ къ нимъ, потому что не порядокъ, самоволство, конечно... — „Ежели, говорю, вы стѣсняетесь насчетъ платежу, такъ еще, пожалуй, и не взыщутъ. А ежели станутъ взыскивать, я склоню общество, такъ чтобы міромъ платить. Потому что можетъ онъ надъ вами что-нибудь сдѣлать“...—„На это,—онѣ говорятъ,— есть Божія воля“. — Божія воля, это, говорю, конечно, справедливо. Ну, только за эту Божію волю въ отвѣтѣ никто, а только староста! Онъ вотъ, какъ Чамра въ Гнилицахъ, срубитъ тебя топоромъ, а старостѣ это припишется къ несмотрѣнію... Ну, однако, не отдали...

Водворилось молчаніе...

— А то—бабы!—нараспѣвъ и какимъ-то особеннымъ голосомъ заговорила опять одна изъ женщинъ... Голосъ у нея сталъ вдругъ звонкимъ, нервнымъ, „истошнымъ“. Въ немъ слышалось причитаніе, закипало изболѣвшее бабье нутро...

— Она, Акулина-то—кака моло-одка была!.. Краса-авица, кровь съ молокомъ... Ей бы за какимъ соколомъ быть... Насильно вѣдь за Герасима-те отдавали... Ужъ выла, выла, болѣзная...

— Всѣ вы воете,—послышалось угрюмо и зло изъ кучи мужиковъ.—А чего ей выть-то было? Чай, онъ тогда здоровый былъ,—на свадьбѣ испортили... Тоже отъ вашей же сестры, отъ полюбовницы, пакость эта пошла...

— Ну, чего тамъ на свадьбѣ... Чего говорить-то по пустому,—вступилъ Савелій...—На сговорѣ и то уже было примѣтно, что не въ себѣ.

— Да онъ парнишкой еще блажилъ, родъ у нихъ такой...

— Зачѣмъ же она пошла?—спросилъ Бухвостовъ и сразу понялъ, что сказалъ наивную глупость...

— Да вѣдь выдали, родимый, какъ не пойдешь,—сказала баба.

— За кого сироту и выдать-то,—подхватила другая тѣмъ же болѣзненно звенящимъ голосомъ...

— Послѣ сговору корову я ночью по лѣсу гнала, корова у меня потерялась... Только на вырубку-те вышла, батюшки свѣты!.. Сидитъ кто-то на полянкѣ, на пенькѣ—воетъ... Съ нами крестная сила. Глядь, анъ это она, Акулина!—Что ты, говорю, дѣвонька, Христосъ съ тобою!.. — „Пропадай, говоритъ, моя головушка! Что за Гараську, что въ омутъ“...

— Да, сирота была, вѣрно...

— По принужденію, значитъ, опекуновъ и тому прочее подобное,—пояснилъ Бухвостову мясникъ, Григорій Семеновичъ,—у насъ, вѣдь, не какъ въ городахъ... Ну, однако, по домамъ пора. Прощайте когда...

Его телѣга расплылась мутнымъ пятномъ въ дальней перспективѣ улицы. Среди оставшихся нѣкоторое время стояла тишина, полная мыслей, смутныхъ и неясныхъ, какъ эта ночь съ ущербленной луной...

— И вѣрно,—сказала баба, продолжая, очевидно, думать вслухъ о бабьей долѣ...—Кабы вѣра другая,—въ омутъ головой много лучше...

— Что ужъ за жизнь... Много хуже Гараськиной. Потому—онъ безъ понятія...

— Къ печкѣ пойдетъ,—не остерегется, онъ ужъ наровитъ ее сгрести...

— А ночи-те... Господи, страсти какія. Зимой ночи темныя, долгія... Не все керосинъ жечь...

Опять водворилось молчаніе...

— Ну, будемъ такъ говорить: съизмалѣтства!..—заговорилъ

тоже, очевидно продолжая нить своихъ мыслей, мужской голосъ.—А въ роду отчего: все то же самое, порча!

— Вотъ какіе люди есть... Что надо: портютъ человѣка...

— Даже до седьмого колѣна.

— Да-а, есть это, ес ь,—съ убѣжденіемъ сказалъ Савелій Ивановичъ, поворачиваясь къ Бухвостову... И затѣмъ прибавилъ:

— Прощайте, однако. Дома съ ужиномъ заждались...

Скоро на бревнахъ осталась одинокая фигура Бухвостова.

— О, ч-ч-чортъ!—вырвалось у него изъ переполненной груди...

V.

Онъ зналъ, что ему не будетъ покоя. Хотя ночь была чудесная, такая, которая способна взять у человѣка всѣ его невзгоды и заботы, усмирить тревогу въ душѣ, покрыть всякую душевную боль дыханіемъ своей спокойной красоты, но онъ чувствовалъ, что даже ей не побѣдить неопредѣленной тревоги, которая торчала въ немъ настоящей занозой...

Онъ былъ встревоженъ и недоволенъ собой... Утромъ онъ видѣлъ этотъ ужасъ. А къ вечеру... Дѣло было даже не въ томъ, что онъ ничего еще не сдѣлалъ. Но... что осталось отъ его недавняго опредѣленнаго и остраго чувства... Что-то неясное и смутное, какъ эта ночь съ ея пугливыми шорохами. И въ концѣ концовъ—закончилось „таинственной“, безличной и неуловимой „порчей“...

Разумѣется, если бы что-нибудь подобное онъ замѣтилъ въ городѣ... Тогда бы онъ зналъ не только, что ему думать, но и что дѣлать. Онъ поднялъ бы весь городъ на ноги. Телеграмма въ столичныя газеты... подхватывается всей печатью... „Человѣкъ на цѣпи!“ „Человѣкъ на цѣпи въ губернскомъ городѣ!“ „Человѣкъ, прикованный десять лѣтъ въ концѣ XIX столѣтія!“ Да, во всѣхъ этихъ фразахъ была какая-то ясная, опредѣленная сила, „будящая активные рефлексы“... Бухвостову представилась у соотвѣтствующаго дома толпа народа. Расторопные околодочные приглашаютъ съ тревожной сдержанностью:

— Расходитесь, господа, расходитесь... Ничего особеннаго...

Но даже по ихъ лицамъ видно, что случилось именно особенное, небывалое, неблагополучное...

А здѣсь?.. Бухвостовъ сознавалъ, что здѣсь даже онъ чувствуетъ какъ-то по иному...

Прежде всего—„десять лѣтъ!“.

Если десять лѣтъ человѣкъ сидитъ на цѣпи, почему скакать съ этимъ извѣстіемъ именно сегодня, а не днемъ, не двумя, не недѣлею позже?.. „Что это? Бухвостовъ точно и самъ съ цѣпи сорвался“... Онъ видѣлъ ироническую умную улыбку, съ какой редакторъ газеты произноситъ эту фразу.

Да, будь это въ городѣ,—о, тогда другое дѣло... Его набатъ былъ бы именно непосредственнымъ, негодующимъ, безпокоящимъ, звонкимъ. И редакторъ не сказалъ бы иронической фразы: торопиться пришлось бы уже затѣмъ, чтобы другія газеты не перехватили сенсаціоннаго извѣстія... Замѣтка сдается въ цензуру... Въ редакцію, конечно, послѣдуетъ запросъ...

— Его превосходительство проситъ сотрудника NN, написавшаго замѣтку, пожаловать къ нему для объясненій.

— „Человѣкъ на цѣпи! Что? Какъ? Гдѣ? На какомъ основаніи? Мы сейчасъ! Сію минуту! Мгновенно,—по телефону! Въ какой части? Участка? Кварталъ“...

— Не въ кварталѣ... Въ деревнѣ Колотиловѣ...

— А! Въ деревнѣ!. Такъ бы и говорили сразу. Вы говорите, всетаки, десятый годъ?

Бухвостову представилась зѣвающая, успокоенная физіономія.

— Петръ Ивановичъ, нельзя ли, всетаки, навести справки? Они говорятъ: десять лѣтъ!

— Очень можетъ быть,—сдержанно говоритъ Петръ Ивановичъ.—Губернская больница переполнена. Кромѣ того, неизлѣчимыхъ не принимаютъ и по закону... Можно, пожалуй, написать исправнику запросъ...

— Да, да, напишите, пожалуйста. Что тамъ у нихъ такое?

Потомъ... Бухвостову представилась сѣрая дорога, звонъ колокольцовъ. Запыленная фигура въ телѣгѣ и поля съ лѣнивымъ шорохомъ хлѣбовъ. Дальше все какъ-то терялось, и воображеніе не подсказывало Бухвостову ничего болѣе...

Все это онъ думалъ уже не на бревнахъ, въ Раскатовѣ, а далеко за деревней, среди спящихъ полей... Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ вышелъ за околицу, какъ пошелъ по дорогѣ и спохватился только у другой околицы.

Куда онъ пришелъ? Передъ нимъ, выдѣляясь на темной травѣ, рѣзко отсвѣчивалъ свѣжій срубъ, съ разбросанными кругомъ щепками. За околицей виднѣлась узкая улица... Надъ тесовыми крышами тихо колыхалась темная зелень старыхъ высокихъ осокорей. Верхушка одного изъ нихъ была совсѣмъ сухая, на ней виднѣлись грачиныя гнѣзда. Въ листвѣ стоялъ ласковый, тихій, баюкающій шорохъ.

Деревня уже спала, только въ одномъ оконцѣ, налѣво, виднѣлся огонь. Бухвостовъ вдругъ узналъ эту улицу, и срубъ, и грачиныя гнѣзда. Все это онъ уже видѣлъ сегодня утромъ, только не обратилъ вниманія на эти мелочи, занятый тѣмъ, что его болѣе поразило. А вотъ это свѣтящееся окно...

Онъ узналъ его и рѣзко остановился. Потомъ почти инстинктивно подошелъ ближе и сталъ въ тѣни толстаго осокоря.

Рама была отодвинута. Свѣтъ ярко и ровно падалъ на кусты въ палисадничкѣ... Сначала въ избѣ стояла странная тишина. Потомъ тихо брякнула цѣпь, и усталый мужской голосъ сказалъ:

— Дай водицы испить... Господи, батюшка, царь небесный. Хоть бы ужъ смерть пришла, что ли...

— Молись, Гарася, молись, сынокъ... Нагрѣшилъ за день-то. Можетъ, и впрямь услышитъ, смерть пошлетъ...

И, помолчавъ, женщина прибавила голосомъ, въ которомъ слышались страданіе и слезы:

— И меня бы заодно съ тобою, сынокъ... На вотъ, испей кваску.

— А Акулина гдѣ? — спросилъ мужчина, глубоко вздыхая...

Въ это время изъ-за угла избы выбѣжала женская фигура, прислушалась, перевела дыханіе послѣ торопливаго бѣга и, постоявъ немного, пошла въ избу...

Цѣпь забрязчала безпокойно, и злой голосъ, въ которомъ опять исчезли сознательныя ноты, заревѣлъ:

— Гдѣ была?.. Сказывай сичасъ... Сука! Сука, су-ка!

— Гдѣ была, тамъ нѣту, — отвѣтила женщина съ невольнымъ задоромъ... — Собирать ужинъ, что ли?

— Сука, сука... — говорилъ Герасимъ, почти задыхаясь, и слышно было, какъ онъ опять начинаетъ метаться...

— Молчи, а ты, Гараня, — заговорила старуха... — Молчи ужо!.. А ты подь, Акулина, корову посмотри, заскучала что-то...

— И то пойти!..

Женщина опять выбѣжала на улицу. Насторожилась, прислушалась и нырнула въ тѣнь...

Бухвостовъ спохватился, что подслушиваетъ у окна, и быстро отошелъ... За околицу его проводила собачонка, долго и жалобно залаивавшаяся, пока фигура незнакомаго человѣка не потонула среди перелѣсковъ...

VI.

Ночной караульщикъ, тотъ самый, который остался недоволенъ міромъ, долго и ожесточенно стучалъ колотушкой передъ дачей Гаврилъ Пименовича, напоминая жильцу, что деревня давно спитъ, а у него въ мезонинѣ огонь. И Гав-

рилъ Пименовичъ тоже долго не засыпалъ, тревожно прислушиваясь, какъ жилецъ мечется наверху, по своей комнатѣ...

— Вотъ навязался чадушко, прости Господи, — ворчалъ онъ. — До всего вишь ему дѣло... Народъ спитъ, а онъ нà поди! Ох-хо-хо... И все, гляди, чертыхается, всеё ноченьку... Безстрашной...

Онъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и наконецъ задремалъ. На улицѣ передъ разсвѣтомъ сгустился сумракъ. Караульщикъ усѣлся на лавочкѣ у палисадника Гаврила Пименовича, вытянулъ ноги и тоже задремалъ, не выпуская изъ рукъ трещотки.

Не спалъ одинъ Бухвостовъ...

— Кто же, наконецъ, виноватъ?—спрашивалъ онъ себя въ тоскѣ, шагая изъ угла къ уголъ и чувствуя, какъ его обступаетъ кругомъ сплошная невинность... Невиновна деревня, міромъ приковавшая на цѣпь больного... Не все же Григорію Семеновичу терпѣть побои и нести отвѣтственность... Не виновата мать, у ней самой изболѣло сердце. Не виновата Акулина, — „дѣло ея молодое... и горькое...“ Не виноваты врачи, земство, поля, перелѣски, боръ, обступившій Раскатово, рѣка, перевозъ, мужики съ телѣгами, монахи...

— О, ч-чортъ!

Онъ чувствовалъ, что эта ночь особенно для него мучительна, и что ему никакъ не заснуть...

За окнами между тѣмъ становилось все свѣтлѣе. Тихо загорѣлись верхушки бора, косые лучи побѣжали вдоль широкой росистой улицы, поблескивая на закрытыхъ окнахъ. Деревня еще спала, только какая-то баба, зѣвая, гнала тоже будто дремлющую корову. Было спокойно, безмятежно и тихо. Монастырская башенка точно благодушно хмурилась подъ красноватыми лучами и заглядывала съ горы на раскатовскую улицу и на спящаго караульщика...

Вдругъ караульщикъ вскочилъ. Надъ его головой раздался легкій трескъ внезапно открытаго въ мезонинѣ окна. Въ окно, какъ въ рамѣ, выглянуло желтое лицо страннаго пименовскаго жильца. Лицо было усталое, взъерошенное и злое. Онъ какъ-то пытливо посмотрѣлъ на улицу, на сосновый боръ, на избушки съ тихо загорающимися окнами, на гору съ башенками въ зелени...

— О, ч-чортъ! — простоналъ онъ. — Смиренье проклятое...

Ему показалось, что онъ понялъ, наконецъ, загадочное выраженіе раскатовскаго пейзажа.

Караульщикъ испуганно ударилъ въ трещотку, но сейчасъ

оборвалъ... Спохватившись, что уже бѣлый день и стучитъ онъ „безъ дѣла“,—онъ угрюмо пошелъ вдоль порядка.

На другомъ концѣ пастухъ заигралъ въ рожокъ и медленно сталъ приближаться, гоня все увеличивающееся стадо. На серединѣ улицы къ нему подошелъ караульщикъ. Къ нимъ присоединилась баба, гнавшая корову. Стадо тихо побрело впередъ, подымая легкую золотистую пыль, а трое людей стояли темнымъ пятномъ среди улицы. Караульщикъ жаловался, слушатели часто оглядывались на окно Бухвостова съ робкой тревогой.

1899.

СТАРЫЙ ЗВОНАРЬ.

(Весенняя идиллія).

Стемнѣло.

Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальнею рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія звѣздныя ночи, когда тонкій туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ тѣни лѣсовъ и застилаетъ открытыя пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; изрѣдка скрипнутъ ворота; залаетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня—старая, высокая, темная—тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, виснетъ въ пространствѣ.

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, поизносился онъ самъ, плохо видятъ глаза... Пора ужъ, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело!.. Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ привелъ Богъ опять...

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу вокругъ церкви маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старые кресты какъ будто охраняли ихъ распростертыми руками. Кое-гдѣ склонялись надъ ними березы, еще не покрытыя листьями... Оттуда, снизу, несся къ Михеичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взберется ли онъ опять сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко-дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ готовъ, а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. „Слава-те, Господи!“ — шепчутъ старческія уста привычную формулу, и Михеичъ смотритъ вверхъ на горящее милліонами огней звѣздное небо и крестится...

— Михеичъ, а Михеичъ!—зоветъ его снизу дребезжащій, тоже старческій голосъ. Древній годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михеича.

— Что тебѣ? здѣсь я!—отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни.—Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему какъ?

Оба смотрятъ на звѣзды. Тысячи Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. Пламенный „Возъ“ поднялся уже высоко... Михеичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало... Знаю вѣдь...

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и плескъ невидной во мракѣ рѣчки—все это ему знакомо, все это ему родное... Не даромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь...

Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое... Онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ онъ съ тятькой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, какъ это давно и... какъ недавно!.. Онъ видитъ себя бѣлокурымъ мальчонкомъ; глаза его разгорѣлись; вѣтеръ,—но не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, а какой-то особенный, высоко надъ землей машущій своими безшумными крыльями,—развѣваетъ его волосенки... Внизу далеко-далеко ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такою громадною, почти безграничною.

— Анъ вонъ она, вся тутъ! — улыбнулся сѣдой старикъ, взглянувъ на небольшую полянку.

Такъ вотъ—и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала и до самой вонъ той могилки, что облюбовалъ онъ себѣ въ углу кладбища... И что-жъ,—слава-те, Господи!—пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля—ему мать... Скоро, ужъ скоро!..

Однако, пора. Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михеичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкаго удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ наполняли чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михеичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу, у дверей, чтобы молиться и слушать пѣніе. Но теперь онъ остался на своей вышкѣ. Трудно ему; при томъ же онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ?—онъ самъ едва ли могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ. Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. „Тропарь поютъ!“ — думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ; старенькій священникъ, покойный отецъ Наумъ, „возглашаетъ“ дрожащимъ голосомъ возгласы; сотни мужичьихъ головъ, какъ спѣлые колосья отъ вѣтру, нагибаются и вновь подымаются... Мужики крестятся... Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ и старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтущій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастіе, на радости жизни... Гдѣ оно, это счастіе?.. Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, забота... Гдѣ оно, это счастіе? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому

лицу, согнетъ могучую спину, научитъ вздыхать, какъ и старшаго брата...

Но вотъ налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склонивъ голову, стоитъ его „молодица“. Добрая была баба, царствіе небесное! И много же приняла муки, сердешная... Нужда да работа, да неисходное бабье горе изсушатъ красивую бабу; потускнѣютъ глаза и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнитъ величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастье?.. Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ, богатый ворогъ, бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни, и стукаетъ лбомъ... И кипитъ-разгорается у Михеича сердце, а темные лики иконъ сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для него—эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками... „Богъ васъ суди, Богъ суди!“—шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головой, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звонаря...

— Михеичъ, а Михеичъ!.. Что̀ жъ ты, али заснулъ?—кричатъ ему снизу.

— Ась?—откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги.—Господи! Неужто и вправду заснулъ? Не было еще экаго сраму!..

И Михеичъ быстро, привычною рукой, хватаетъ веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья толпа: хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистою парчой... Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, и до Михеича доносится радостный кличъ:

— Христо-о-съ воскресе изъ мерт-выхъ...

И отдается этотъ кличъ волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа, и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливаясь съ громкимъ торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли, трепетали, смѣялись и

плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, и звуки дрожали и лились, и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской...

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: „Христосъ воскресе!“

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: „Христосъ воскресе!“

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: „Христосъ воскресе!“

И казалось, старая колокольня дрожитъ и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторитъ: „Христосъ воскресе!“

И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ старый пень, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ, какъ эти звуки поютъ и плачутъ, летятъ къ горнему небу и припадаютъ къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастіе и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...

А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михеичъ...

Но вдругъ большой колоколъ неувѣренно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли неоконченною трелью и тоже оборвали ее, какъ будто вслушиваясь въ печально-гудящую долгую ноту, которая дрожитъ и льется, и плачетъ, постепенно стихая въ воздухѣ...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и двѣ послѣднія слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ.

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...

1885 г.

РѢКА ИГРАЕТЪ.

(Эскизы изъ дорожнаго альбома).

I.

Проснувшись, я долго не могъ сообразить, гдѣ я.

Надо мной разстилалось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинувъ нѣсколько голову, я могъ видѣть въ вышинѣ темную деревянную церковку, наивно глядѣвшую на меня изъ-за зеленыхъ деревьевъ, съ высокой кручи. Вправо, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня, стоялъ какой-то незнакомый шалашъ, влѣво—сѣрый неуклюжій столбъ съ широкою досчатою крышей, съ кружкой и съ доской, на которой было написано:

„Пожертвуйте проходящіи
на колоколо господне".

А у самыхъ моихъ ногъ плескалась рѣка.

Этотъ-то плескъ и разбудилъ меня отъ сладкаго сна. Давно уже онъ прорывался къ моему сознанію безпокоящимъ шопотомъ, точно ласкающій, но вмѣстѣ безпощадный голосъ, который подымаетъ на зарѣ для неизбѣжнаго трудового дня. А вставать такъ не хочется...

Я опять закрылъ глаза, чтобъ отдать себѣ, не двигаясь, отчетъ въ томъ, какъ это я очутился здѣсь, подъ открытымъ небомъ, на берегу плещущей рѣчки, въ сосѣдствѣ этого шалаша и этого столба съ простодушнымъ обращеніемъ къ проходящимъ.

Понемногу въ умѣ моемъ возстановились предшествующія обстоятельства. Предыдущія сутки я провелъ на „Святомъ озерѣ", у невидимаго града Китежа, толкаясь между народомъ, слушая гнусавое пѣніе нищихъ слѣпцовъ, останавливаясь у импровизованныхъ алтарей подъ развѣсистыми де-

ревьями, гдѣ безпоповцы, скитники и скитницы разныхъ толковъ пѣли свои службы, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, въ густыхъ кучкахъ народа, кипѣли страстные религіозные споры. Ночь я простоялъ всю на ногахъ, сжатый въ густой толпѣ у старой часовни. Мнѣ вспомнились утомленныя лица миссіонера и двухъ священниковъ, кучи книгъ на аналоѣ, огни восковыхъ свѣчей, при помощи которыхъ спорившіе разыскивали нужные тексты въ толстыхъ фоліантахъ, возбужденныя лица „раскольниковъ“ и „церковныхъ“, встрѣчавшихъ многоголосымъ говоромъ каждое удачное возраженіе. Вспомнилась старая часовня, съ раскрытыми дверями, въ которыя виднѣлись желтые огоньки у иконъ, между тѣмъ какъ по синему небу ясная луна тихо плыла и надъ часовней, и надъ темными, спокойно шептавшимися деревьями. На зарѣ я съ трудомъ протолкался изъ толпы на просторъ и, усталый, съ головой, отяжелѣвшей отъ безплодной схоластики этихъ споровъ, съ сердцемъ, сжимавшимся отъ безотчетной тоски и разочарованія, — поплелся полевыми дорогами по направленію къ синей полосѣ приветлужскихъ лѣсовъ, вслѣдъ за вереницами расходившихся богомольцевъ. Тяжелыя, нерадостныя впечатлѣнія уносилъ я отъ береговъ Святого озера, отъ невидимаго, но страстно взыскуемаго народомъ града... Точно въ душномъ склепѣ, при тускломъ свѣтѣ угасающей лампадки, провелъ я всю эту безсонную ночь, прислушиваясь, какъ гдѣ-то за стѣной кто-то читаетъ мѣрнымъ голосомъ заупокойныя молитвы надъ заснувшей навѣки народною мыслью.

Солнце встало уже надъ лѣсами и водами Ветлуги, когда я, пройдя около 15 верстъ лѣсными тропами, вышелъ къ рѣкѣ и тотчасъ же свалился на песокъ, точно мертвый, отъ усталости и вынесенныхъ съ озера суровыхъ впечатлѣній.

Вспомнивъ, что я уже далеко отъ нихъ, я бодро отряхнулся отъ остатковъ дремоты и привсталъ на своемъ песчаномъ ложѣ.

II.

Дружескій шопотъ рѣки оказалъ мнѣ настоящую услугу. Когда, часа три назадъ, я укладывался на берегу, въ ожиданіи ветлужскаго парохода, вода была далеко, за старою лодкой, которая лежала на берегу кверху днищемъ; теперь ее уже взмывало и покачивало приливомъ. Вся рѣка торопилась куда-то, пѣнилась по всей своей ширинѣ и приплескивала почти къ самымъ моимъ ногамъ. Еще полчаса,—будь мой сонъ еще нѣсколько крѣпче,—и я очутился бы въ водѣ, какъ и эта опрокинутая лодка.

Ветлуга, очевидно, взыграла. Нѣсколько дней назадъ шли сильные дожди: теперь изъ лѣсныхъ дебрей выкатился наводокъ, и вотъ рѣка вздулась, заливая свои веселые зеленые берега. Рѣзвыя струи бѣжали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бѣжали дальше, отчего по всей рѣкѣ въ перегонку неслись клочья желтовато-бѣлой пѣны. По берегамъ зеленый лопухъ, схваченный водою, тянулся изъ нея, тревожно размахивая не потонувшими еще верхушками, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ, на большой глубинѣ, и лопухъ, и мать-мачиха, и вся зеленая братія стояли уже безропотно и тихо... Молодой ивнякъ, съ зелеными нависшими вѣтвями, вздрагивалъ отъ ударовъ зыби.

На томъ берегу весело кудрявились ракиты, молодой дубнячокъ и ветлы. За ними темныя ели рисовались зубчатою чертой; далѣе высились красивые осокори и величавыя сосны. Въ одномъ мѣстѣ, на вырубкѣ, бѣлѣли клади досокъ, свѣжія бревна и срубы, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ торчала изъ воды верхушка затонувшихъ перевозныхъ мостковъ... И весь этотъ мирный пейзажъ на моихъ глазахъ какъ будто оживалъ, переполняясь шорохомъ, плескомъ и звономъ буйной рѣки. Плескались шаловливыя струи на стрежнѣ, звенѣла зыбь, ударяя въ борта старой лодки, а шорохъ стоялъ по всей рѣкѣ отъ лопавшихся то и дѣло пушистыхъ клочьевъ пѣны, или, какъ ее называютъ на Ветлугѣ, рѣчного „цвѣту“.

И казалось мнѣ, что все это когда-то я уже видѣлъ, что все это такое родное, близкое, знакомое: рѣка съ кудрявыми берегами, и простая сельская церковка надъ кручей, и шалашъ, даже приглашеніе къ пожертвованію на „колоколо господне“, такими наивными каракулями глядѣвшее со столба...

Все это было когда-то,
Но только не помню когда...

невольно вспомнились мнѣ слова поэта.

III.

— Гляжу я, братецъ, вовсе тебя заплескиваетъ рѣка-те. Этто домой ходилъ. Иду назадъ, а самъ думаю: чай, проходящаго-те у меня поняла ужъ Ветлуга. Крѣпко же спалъ ты, добрый человѣкъ!

Говоритъ сидящій у шалаша, на скамеечкѣ, мужикъ среднихъ лѣтъ, и звуки его голоса тоже мнѣ какъ-то пріятно знакомы. Голосъ басистый, грудной, немного осипшій, будто съ сильнаго похмѣлья, но въ немъ слышатся ноты такія же непосредственныя и наивныя, какъ и эта церковь, и этотъ столбъ и на столбѣ надпись.

— И чего только дѣлаетъ, гляди-ко-ся, чего только дѣлаетъ Ветлуга-те наша... Ахъ ты! Бѣды, вѣдь, это, право бѣды...

Это перевозчикъ Тюлинъ. Онъ сидитъ у своего шалаша, понуривъ голову и какъ-то весь опустившись. Одѣтъ онъ въ ситцевой грязной рубахѣ и синихъ пестрядиныхъ портахъ. На босу ногу надѣты старые отопки. Лицо моложавое, почти безъ бороды и усовъ, съ выразительными чертами, на которыхъ очень ясно выдѣляется особая ветлужская складка, а теперь, кромѣ того, видна сосредоточенная угрюмость добродушнаго, но душевно угнетеннаго человѣка...

— Унесетъ у меня лодку-те...—говоритъ онъ, не двигаясь и взглядомъ знатока изучая положеніе дѣла. — Безпремѣнно утащитъ.

— А тебѣ бы,—говорю я, разминаясь,—вытащить надо.

— Коли не надо. Не миновать, что не вытащить. Вишь, чего дѣлатъ, вишь, вишь... Н-ну!

Лодка вздрагиваетъ, приподнимается, дѣлаетъ какое-то судорожное движеніе и опять безпомощно ложится по прежнему.

— Тю-ю-ю-ли-инъ! — доносится съ другого берега призывной кличъ какого-то путника. На вырубкѣ, у съѣзда къ рѣкѣ, виднѣется маленькая-маленькая лошаденка, и маленькій мужикъ, спустившись къ самой водѣ, отчаянно машетъ руками и вопитъ тончайшею фистулой:

— Тю-ю-ю-ли-инъ!..

Тюлинъ все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ смотритъ на вздрагивающую лодку и качаетъ головой.

— Вишь, вишь ты — опять!.. А вечоръ еще, глико-ся, дальше мостковъ была вода-те... Погляди, за ночь чего еще надѣлатъ. Бѣды озорная рѣчушка! Этто учнетъ играть и учнетъ играть, братецъ ты мой...

— Тю-ю-ю-ли-инъ, лѣш-ша-ай! — звенитъ и обрывается на томъ берегу голосъ путника, но на Тюлина этотъ призывъ не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Точно этотъ отчаянный вопль — такая же обычная принадлежность рѣки, какъ игривые всплески зыби, шелестъ деревьевъ и шорохъ рѣчного „цвѣту“.

— Тебя, вѣдь, это зовутъ! — говорю я Тюлину.

— Зовутъ, — отвѣчаетъ онъ невозмутимо, тѣмъ же философски-объективнымъ тономъ, какимъ говорилъ о лодкѣ и проказахъ рѣки. — Иванко, а Иванко! Иванко-о-о!

Иванко, свѣтловолосый парнишка лѣтъ десяти, копаетъ червей подъ крутояромъ и такъ же мало обращаетъ вниманія на зовъ отца, какъ тотъ — на вопли мужика съ того берега.

Въ это время по крутой тропинкѣ отъ церкви спускается

баба съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ кричитъ, завернутый съ головой въ тряпки. Другой — дѣвочка лѣтъ пяти — бѣжитъ рядомъ, хватаясь за платье. Лицо у бабы озабоченное и сердитое. Тюлинъ становится сразу какъ-то еще угрюмѣе и серьезнѣе.

— Баба идетъ, — говоритъ онъ мнѣ, глядя въ другую сторону.

— Ну? — говоритъ баба злобно, подходя вплоть къ Тюлину и глядя на него презрительнымъ и сердитымъ взглядомъ. Отношенія, очевидно, опредѣлились уже давно: для меня ясно, что безпечный Тюлинъ и озабоченная, усталая баба съ двумя дѣтьми — двѣ воюющія стороны.

— Чё еще нукашь? Что тебѣ, бабѣ, нужно? — спрашиваетъ Тюлинъ.

— Чё-инò, спрашиватъ еще... Лодку давай! Чай, черезъ рѣку ходу-то нѣту мнѣ, а то бы не стала съ тобой, съ путанникомъ, и баять...

— Ну-ну! — съ негодованіемъ возражаетъ перевозчикъ. — Что ты какà сильна пришла. Разговаривашь...

— А что мнѣ не разговаривать! Залилъ шары-те... Чего только міръ смотритъ, пьяницы-те наши, давно бы тебя, нѐгодя пьянаго, съ перевозу шугнуть надо. Давай, слышь, лодку-те!

— Лодку? Эвонъ парень тебя перемахнетъ... Иванко, а Иванко, слышь? Иванко-ò!.. А вотъ я сейчасъ вицей его, подлеца, вытяну. Слышь, проходящій!..

Тюлинъ поворачивается ко мнѣ.

— Ну-ко ты мнѣ, проходящій, вицю дай, хар-ро-шую!

И онъ, съ тяжелымъ усиліемъ, дѣлаетъ видъ, что хочетъ приподняться. Иванко мгновенно кидается въ лодку и хватаетъ весла.

— Двѣ копѣйки съ нее. Дѣвку такъ! — командуетъ Тюлинъ лѣниво и опять обращается ко мнѣ:

— Бѣда моя: голову всеё разломило.

— Тю-ю-ли-инъ!—стонетъ опять противоположный берегъ.— Перево-о-òзъ!..

— Тятька, а тятька! Паромъ кричатъ, вить, — говоритъ Иванко, у котораго, очевидно, явилась надежда на освобожденіе отъ обязанности везти бабу.

— Слышу. Давно ужъ зѣватъ, — спокойно констатируетъ Тюлинъ. — Сговорись тамъ. Можетъ, еще и не надо ему... Можетъ, еще и не поѣдетъ... Отчего бы такое голову ломитъ?— обращается онъ опять ко мнѣ тономъ самаго трогательнаго довѣрія.

Угадать причину не трудно: отъ бѣдняги Тюлина водкой несетъ, точно изъ полуштофа, и даже до меня, на разстояніи двухъ саженъ, то и дѣло доносятся острыя струйки перегару, смѣшиваясь съ запахомъ рѣки и береговой зелени.

— Кабы выпилъ я, — говоритъ Тюлинъ въ раздумьи, — а то не пилъ.

Голова его опускается еще ниже.

— Давно не пью я... Положимъ, вчера выпилъ...

И опять Тюлинъ погружается въ глубокое раздумье.

— Кабы много... Положимъ, довольно я выпилъ вчера... Такъ, вѣдь, сегодня не пилъ!

— Такъ это у тебя, видно, съ похмѣлья, — пробую я вывести его на настоящую дорогу.

Тюлинъ смотритъ на меня долго, серьезно и чрезвычайно вдумчиво. Догадка, очевидно, показалась ему не лишенною основанія.

— Развѣ-либо отъ этого. Ноньче немного же выпилъ я.

Пока, такимъ образомъ, Тюлинъ медленнымъ, мучительнымъ, но за то вѣрнымъ путемъ подходилъ къ истинной причинѣ своихъ страданій, мужикъ на той сторонѣ окончательно лишился голоса.

— Тю-ю-ю... — чуть слышно летѣло оттуда, изъ-за шороха рѣчныхъ струекъ.

— Развѣ-либо отъ этого. Это ты, братецъ, должно быть, вѣрно сказалъ. Пью я винище это, лакаю, братецъ, лакаю...

IV.

Между тѣмъ, тщетно вопившій мужикъ смолкаетъ и, оставивъ лошадь съ телѣгой на томъ берегу, переправляется къ намъ вмѣстѣ съ Иванкомъ, для личныхъ переговоровъ. Къ удивленію моему, онъ самымъ благодушнымъ образомъ здоровается съ Тюлинымъ и садится рядомъ на скамейку. Онъ значительно старше Тюлина, у него сѣдая борода, голубые, выцвѣтшіе, какъ и у Тюлина, глаза, на головѣ грешневикъ, а на лицѣ, гдѣ-то около губъ, ютится та же ветлужская складка.

— Страдаешь? — спрашиваетъ онъ у перевозчика съ улыбкой почти сатирическою.

— Голову, братецъ, всеё разломило. И отъ чего бы?

— Винища поменьше пей.

— Развѣ-либо отъ этого. Вотъ и проходящій то же баетъ.

— А лодку у тея, гляди, унесетъ.

— Какъ не унести. Просто-таки и унесетъ.

Оба смотрятъ нѣсколько времени, какъ вздрагиваетъ, точно въ агоніи, опрокинутая лодка.

— Давай паромъ, што ли, — ѣхать надо.

— Да тебѣ надо ли еще ѣхать-то? Чай, въ Красиху пьянствовать?..

— А ты ужъ накрасился...

— Выпито. Голову всеё разломило, бѣды! А ты, можетъ, лучше не ѣздій.

— Чудакъ! Чай, у меня дочка тамъ выдана. Звали къ празднику. И баба со мной.

— Ну, баба, такъ, стало быть, не миновать, ѣхать видно. Э-эхъ, шестовъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Чё хлопаешь зря? Эвона шесты-те!

— Коротки. Двадцати четвертей надо. Чать, видишь: приплескиватъ Ветлуга-те.

— А ты что же, чудакъ, шестовъ не запасъ, коли видишь, что приплескиватъ?.. Иванко, сгоняй за шестами-те, парень!

— Сходилъ бы самъ, — говоритъ Тюлинъ, — тяжелы, вить.

— Ты сходи, — твое дѣло!

— Не мнѣ ѣхать, — тебѣ!

И оба мужика, да и Иванко третій, спокойно остаются на мѣстахъ.

— Ну-ко я его, подлеца, вицей вытяну... — опять произноситъ Тюлинъ, дѣлая новый опытъ примѣрнаго вставанья.— Проходящій, да-ко ты мнѣ вицю...

Иванко съ громкимъ, гнусавымъ ревомъ снимается съ мѣста и бѣжитъ трусцой на гору, къ селу.

— Не донесетъ, — говоритъ мужикъ.

— Тяжелы, вить! — подтверждаетъ Тюлинъ.

— А ты бы добѣжалъ хоть встрѣчу-те, — совѣтуетъ мужикъ, глядя на усилія муравья Иванка, появляющагося на верху угора съ длинными шестами.

— И то хотѣлъ сказать тебѣ: добѣги-ко-съ.

Оба сидятъ и глядятъ.

— Евстигнѣ-ѣ-й! Лѣшай!.. — слышится съ той стороны пронзительный и желчный бабій голосъ.

— Баба кричитъ, — говоритъ мужикъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Тюлинъ сохраняетъ равнодушіе: баба далеко.

— А какъ у меня меринъ сорвется, да мальченку съ бабой ушибетъ... — говоритъ Евстигнѣй.

— А рѣзва лошадь-то?

— Бѣды.

— Ну, такъ очень просто можетъ ушибить. Да ты бы, послушай, тово... назадъ бы. Что тебѣ ѣхать-то, кака надобность?

— Ахъ, чудакъ! Да нешто не видишь: съ бабой собрался. Какъ можно, что не ѣхать!

Иванко, выбиваясь изъ силъ, приволакиваетъ, наконецъ, шесты и съ ревомъ кидаетъ ихъ на берегъ. Все готово. Тюлину приходится приниматься за работу.

— Эй, проходящій! — обращается онъ ко мнѣ какъ-то одобрительно.—Ну-ко, послушай, и ты съ нами на паромъ! А то, видишь вотъ, больно ужъ рѣка-те наша рѣзва.

Мы всѣ взошли на скрипучій досчатый паромъ; Тюлинъ— послѣдній. Повидимому, онъ размышлялъ нѣсколько секундъ, поддаваясь соблазну; ужъ не достаточно ли народу и безъ него. Однако, все-таки взошелъ, шлепая по водѣ, потомъ съ глубокою грустью посмотрѣлъ на колья, за которые были зачалены чалки, и сказалъ съ кроткой укоризной, обращенной ко всѣмъ вообще:

— Э-эхъ! Чалки-те, чалки никто и не отвязалъ. Н-ну!

— Да, вѣдь, ты, Тюлинъ, послѣдній взошелъ на паромъ. Тебѣ бы и надо отвязать,—протестую я.

Онъ не отвѣчаетъ, косвенно признавая, быть можетъ, всю справедливость этого замѣчанія, и такъ же лѣниво, съ тою же безпросвѣтною скорбью, спускается въ воду, чтобъ отвязать чалки.

Паромъ заскрипѣлъ, закачался и поплылъ отъ берега. Перевозный шалашъ, опрокинутая лодка, холмикъ съ церковью мгновенно, будто подхваченные невѣдомою силой, уносятся отъ насъ, а мысокъ съ зеленою подмытою ивой летитъ намъ на-встрѣчу. Тюлинъ поглядѣлъ на мелькающій берегъ, почесалъ густую шапку своихъ волосъ и пересталъ пихаться шестомъ.

— Несетъ, вить.

— Несетъ,—отвѣтилъ мужикъ, съ натугой налегая на чегѣнь правымъ плечомъ.

— Пылко несетъ.

— Да ты что сталъ? Что не пхаешься?

— Поди пхнись. Съ лѣваго-те борту не маячитъ.

— Ну?

— То-то и ну!

Мужикъ ожесточенно сунулъ свой шестъ и чуть не бултыхнулся въ воду,—его чегѣнь тоже не досталъ до дна. Евстигнѣй остановился и сказалъ выразительно:

— Подлецъ ты, Тюлинъ!

— Самъ такой! Пошто лаешься?

— За што тебѣ деньги плочены, подлая фигура?

— Поговори!

— Пошто длинныхъ шестовъ не завелъ?

— Заведёны.

— Да што нѣту ихъ?

— Дома. Нешто мальченко приволокетъ... двадцати-то четвертей?

— Говорю: подлой ты человѣкъ.

— Ну-ну! Не скажешь ли еще чего? Поговори со мной!

Спокойствіе Тюлина, видимо, смиряетъ возмущеннаго Евстигнѣя. Онъ снимаетъ грешневникъ и скребетъ голову.

— Куда-жъ мы теперича? Къ Козьмѣ Демьяну (въ Козьмодемьянскъ) сплывемъ, аль ужъ какъ?..

V.

Дѣйствительно, рѣзвое теченіе, будто шутя и насмѣхаясь надъ нашимъ паромомъ, уноситъ неуклюжее сооруженіе все дальше и дальше. Кругомъ, обгоняя насъ, бѣгутъ, лопаются и пузырятся хлопья цвѣту. Передъ глазами мелькаетъ мысокъ съ подмытою ивой и остается назади. Назади, далеко, осталась вырубка съ новенькою избушкой изъ свѣжаго лѣсу, съ маленькою телѣгой, которая теперь стала еще меньше, и съ бабой, которая стоитъ на самомъ берегу, кричитъ что-то и машетъ руками.

— Куда-жъ мы теперича? Эхъ бѣды, право, бѣды,—безнадежно, глядя на бабу, говоритъ Евстигнѣй.

Положеніе, дѣйствительно, довольно критическое. Шестъ уходитъ вглубь, не маяча, т-е. не доставая дна.

Тюлинъ, не обращая вниманія на причитанія Евстигнѣя, серьезно смотритъ на рѣку. Для него опасность—всѣхъ больше, потому что придется непремѣнно подымать паромъ противъ теченія. Онъ, видимо, подтянулся, его взглядъ становится разумнѣе, тверже.

— Иванко, держи по плёсу!—командуетъ онъ сыну.

Мальчишка на этотъ разъ быстро исполняетъ приказъ.

— Садись въ грѐби, Евстигнѣй!

— Да у тебя еще есть ли грѐби-то? — сомнѣвается тотъ.

— Поговори со мной!

На этотъ разъ слова Тюлина звучатъ такъ твердо, что Евстигнѣй покорно лѣзетъ съ помоста и прилаживается къ весламъ, которыя оказываются лежащими на днѣ.

— Проходящій, лѣзь и ты... въ тую-жъ фигуру.

Я сажусь „въ тую-жъ фигуру“, т.-е. прилаживаюсь къ правому веслу такъ же, какъ Евстигнѣй у лѣваго. Команда нашего судна, такимъ образомъ, готова. Иванко, на лицѣ котораго совершенно исчезло выраженіе нѣсколько гнусавой безпечности, смотритъ на отца заискрившимися, внимательными

глазами. Тюлинъ суетъ шестъ въ воду и ободряетъ сына: „Держи, Иванко, не зѣвай мотри“. На мое предложеніе—замѣнить мальчика у руля—онъ совершенно не обращаетъ вниманія. Очевидно, они полагаются другъ на друга.

Паромъ начинаетъ какъ-то вздрагивать... Вдругъ шестъ Тюлина касается дна. Небольшой „огрудокъ“ даетъ возможность „пихаться“ на разстояніи десятка саженъ.

— Вались на перевалъ, Иванко, вали-йсь на перевалъ!—быстро, сдавленнымъ голосомъ командуетъ Тюлинъ, ложась плечомъ на круглую головку шеста.

Иванко, упираясь ногами, тянетъ руль на себя. Паромъ дѣлаетъ оборотъ, но вдругъ рулевое весло взмахиваетъ въ воздухѣ, и Иванко падаетъ на дно. Судно „рыскнуло“, но черезъ секунду Иванко, со страхомъ глядя на отца, сидитъ на мѣстѣ.

— Крѣпй!—командуетъ Тюлинъ.

Иванко завязываетъ руль бичевкой, паромъ окончательно „ложится на перевалъ“, мы налегаемъ на весла. Тюлинъ могучимъ толчкомъ подаетъ паромъ на перерѣзъ теченію, и черезъ нѣсколько мгновеній мы ясно чувствуемъ ослабѣвшій напоръ воды. Паромъ „ходомъ“ подается кверху.

Глаза Иванка сверкаютъ отъ восторга. Евстигнѣй смотритъ на Тюлина съ видимымъ уваженіемъ.

— Эхъ, парень,—говоритъ онъ, мотая головой,—кабы на тебя да не винище,—цѣны бы не было. Винище тебя обманыватъ...

Но глаза Тюлина опять потухли, и весь онъ размякъ.

— Греби, греби... Загребывай, проходящій, поглубже, не спи!—говоритъ онъ лѣниво, а самъ вяло тычетъ шестомъ, съ разстановкой и съ прежнимъ уныло-апатичнымъ видомъ. По ходу парома мы чувствуемъ, что теперь его шестъ мало помогаетъ нашимъ весламъ. Критическая минута, когда Тюлинъ былъ на высотѣ своего признаннаго перевозническаго таланта, миновала, и искра въ глазахъ Тюлина угасла вмѣстѣ съ опасностью.

Около двухъ часовъ поднимались мы, всетаки, кверху, а если бы Тюлинъ не воспользовался послѣднимъ „огрудкомъ“, паромъ унесло бы на узкій прямой плесъ, и его не достать бы оттуда въ двое сутокъ. Такъ какъ пристать въ обычномъ мѣстѣ было невозможно,—мостки давно затопило,—то Тюлинъ пристаетъ къ глинистому крутояру, зачаливая за ветлы. Начинается спускъ телѣги. Мы съ Евстигнѣемъ хлопочемъ около этого дѣла. Тюлинъ равнодушно смотритъ на наши хлопоты, а баба, давно истратившая на вѣтеръ всѣ негодующія слова,

сидитъ, не двигаясь, на возу, точно окаменѣлая, и старается не смотрѣть на насъ, какъ будто всѣ мы опостылѣли ей до самой послѣдней крайности. Она точно застыла въ своемъ злобномъ презрѣніи къ „нѐгодямъ-мужикамъ“ и даже не даетъ себѣ труда сойти съ ребенкомъ съ телѣги.

Лошадь пугается, закидываетъ уши и пятится назадъ.

— Ну-ко, ну-ко, хлесни ее, рѣзвую, по заду,—совѣтуетъ Тюлинъ, нѣсколько оживляясь.

Горячая лошадь подбираетъ задъ и прыгаетъ съ берега. Минута треска, стукотни и грохота, какъ будто все проваливается сквозь землю. Что-то стукнуло, что-то застонало, что-то треснуло, лошадь чуть не сорвалась въ рѣку, изломавъ тонкую загородку, но, наконецъ, возъ установленъ на качающемся и дрожащемъ паромѣ.

— Что, цѣла?—спрашиваетъ Тюлинъ у Евстигнѣя, озабоченно разсматривающаго телѣгу.

— Цѣла!—съ радостнымъ изумленіемъ отвѣчаетъ тотъ.

Баба сидитъ, какъ изваяніе.

— Ну?—недоумѣваетъ и Тюлинъ.—А думалъ я: безпремѣнно бы ей надо сломаться.

— И то... вишь, какà крутоярина.

— Чё ино! Самая такà круча, что ей бы сломаться надо... Э-эхъ, а чалки-те опять никто не отвязалъ!—кончаетъ Тюлинъ съ тою же унылой укоризной и лѣниво ступаетъ на берегъ, чтобъ отвязать чалки.—Ну, загребывай, проходящій, загребывай, не спи!

Черезъ полчаса тяжелой работы веслами, криковъ: „навались“, „ложись въ перевалъ“ и „крѣпи“,—мы, наконецъ, подходимъ къ шалашу. Съ меня потъ льетъ, отъ непривычки, градомъ.

— Проси съ Тюлина косушку, — говоритъ, полушутя, Евстигнѣй.

Но Тюлинъ, видимо, не расположенъ къ шуткамъ. Долговременное пребываніе на берегу безлюдной рѣки, продолжительныя унылыя размышленія о причинахъ никогда не прекращающейся тяжелой похмѣльной хворости—все это, очевидно, располагаетъ къ серьезному взгляду на вещи. Поэтому онъ уставился въ меня своими тусклыми глазами, въ которыхъ начинаетъ медленно проблескивать что-то въ родѣ глубокаго размышленія, и сказалъ радушно:

— Причалимъ,—поднесу... И не одну, слышь, поднесу,—добавляетъ онъ конфиденціально, понижая голосъ, при чемъ въ лицѣ его явственно проступаетъ если не удовольствіе, то, во всякомъ случаѣ, мгновенное забвеніе тяжелыхъ похмѣльныхъ страданій.

А съ горы, по неудобной дорогѣ, уже сползаютъ два воза.

— Ѣдутъ...—скорбно говоритъ перевозчикъ.

— Да еще, можетъ быть, не поѣдутъ, — утѣшаю я. — можетъ быть, у нихъ не важное дѣло.

Я иронизирую, но Тюлинъ не понимаетъ ироніи, быть можетъ, потому, что самъ онъ весь проникнутъ какимъ-то особеннымъ безсознательнымъ юморомъ. Онъ, какъ будто, раздѣляетъ его съ этими простодушными кудрявыми березами, съ этими корявыми ветлами, со взыгравшею рѣкой, съ деревянною церковкой на пригоркѣ, съ надписью на столбѣ, со всею этой наивною ветлужскою природой, которая все улыбается мнѣ своею милою, простодушною и, какъ будто, давно знакомою улыбкой...

Какъ бы то ни было, но на мое насмѣшливое замѣчаніе Тюлинъ отвѣчаетъ совершенно серьезно:

— Ежели безъ товару, само собой обождутъ. Неужто повезу?—голову всеё разломило...

VI.

Парохода все нѣтъ. Говорятъ, за часъ до прихода онъ будетъ еще „кричать“ гдѣ-то, на одной изъ вышележащихъ пристаней, но когда, часа черезъ три, пошатавшись по селу и напившись чаю, я подхожу опять къ берегу, о пароходѣ ничего неизвѣстно. Рѣка продолжаетъ играть и даже разыгралась совсѣмъ не на шутку. Тюлинъ тащится къ своему шалашу по колѣни въ водѣ, лѣниво шлепая босыми ногами по зеленой потопшей травѣ; онъ весь мокрый, широкіе штаны липнутъ къ его ногамъ, мѣшая идти; сзади, на чалкѣ, тащится за Тюлинымъ давешняя старая лодка, которую, согласно предсказанію знатока перевозчика, унесло-таки теченіемъ.

— Что, Тюлинъ, здоровъ ли?

— Слава Богу. Не крѣпко чтой-то. Давай на ту сторону поѣдемъ.

— Зачѣмъ?

— Вишь, склёка вышла. Плоты Ивахински рѣка разметывать хочетъ.

— Тебѣ-то что же?.. Развѣ забота?

— А гляди-ко, Ивахинъ четвертуху волокетъ. Да что четвертуха! Тутъ, братъ, и полуведромъ поступишься...

Къ берегу торопливою походкой приближался со стороны села мужчина лѣтъ сорока-пяти, въ костюмѣ деревенскаго торговца, съ острыми, безпокойными глазами. Вѣтеръ развѣвалъ полу его чуйки, въ рукѣ сверкала посудина съ водкой. Подойдя къ намъ, онъ прямо обратился къ Тюлину:

— Что, приплескиватъ?

— Бѣды!—отвѣтилъ Тюлинъ.—Чай, самъ видишь.

— А плотишки у меня понялà ужъ?

— Подхватыватъ, да еще не подъ силу. А, гляди, подыметъ. Лодку у меня даве слизнула,—въ силу, въ силу бѣгомъ догналъ за перелѣскомъ...

— Ну?

— То-то. Вишь, вымокъ весь до нитки.

— Ахъ ты!—отчаянно сказалъ купецъ, ударивъ себя по бедру свободною рукой.—Не оглянешься,—плоты у меня размечетъ. Что убытку-то, что убытку! Ну, и подлецъ народъ у насъ живетъ!—обратился онъ ко мнѣ.

— Чего бы я напрасно лаялъ православныхъ,—заступился за своихъ Тюлинъ.—Чай, у васъ ряда была...

— Была.

— На песокъ возить?

— То-то, на песокъ.

— Ну-къ на пескѣ и есть, не въ другимъ мѣстѣ.

— Да, вѣдь, подлецы вы этакіе, рѣка песокъ-то ужъ покрываетъ!

— Какъ не покрыть,—покроетъ. Къ утру, что есть, слѣду не оставитъ.

— Вотъ видишь! А имъ бы, подлецамъ, только пѣсни горланить. Ишь орутъ! Имъ горюшка мало, что хозяину убытокъ...

Обà смолкли. Съ того берега, съ вырубки, отъ новаго домика неслись нестройныя пѣсни. Это артель васюхинцевъ куражилась надъ мелкимъ лѣсоторговцемъ-хозяиномъ. Вчера у нихъ былъ разсчетъ, при чемъ Ивахинъ обсчиталъ ихъ рублей на двадцать. Сегодня Ветлуга заступилась за своихъ дѣтокъ и взыграла на руку артели. Теперь хозяинъ униженно кланялся, а артель не ломила шапокъ и куражилась.

— Ни за сто рублевъ! Узнаешь, какъ жить съ артелью! Мы тя научимъ...

Рѣка прибывала. Ивахинъ струсилъ. Кинувшись въ село, онъ наскоро добылъ четверть и поклонился артели. Онъ не ставилъ при этомъ никакихъ условій, не упоминалъ о плотахъ, а только кланялся и умолялъ, чтобъ артель не попомнила на немъ своей обиды и согласилась испить „даровую“.

— Да ты, такой-сякой, не финти,—говорили артельщики.—Не заманишь!

— Ни за сто рублевъ не полѣземъ въ рѣку.

— Пущай она, матушка, порѣзвится, да поиграетъ на своей волюшкѣ.

— Пущай покидатъ бревнушки, пущай поразмечетъ. Поди собирай!

Но четверть, всетаки, выпили и завели пѣсни. Голоса неслись изъ-за рѣки нестройные, дикіе, разудалые, и къ нимъ примѣшивался плескъ и говоръ буйной рѣки.

— Важно поютъ! — сказалъ Тюлинъ съ восторгомъ и завистью

Ивахину, кажется, пѣсня нравилась меньше. Онъ слушалъ безпокойно, и глаза его смотрѣли растерянно и тоскливо. Пѣсня шумѣла бурей и, казалось, не обѣщала ничего хорошаго.

— Много ли не додалъ вчера?—спросилъ Тюлинъ просто.

Ивахинъ почесался и, не отрывая безпокойнаго взгляда съ того мѣста, откуда неслись нестройные звуки, отвѣтилъ такъ же просто:

— Объ двухъ красныхъ спорились.

— Много же, мотри! Какъ бы, слушай, бока не намяли.

По лицу Ивахина было видно, что предположеніе не кажется ему невѣроятнымъ.

— Хошь бы плоты-те повыволокли, — сказалъ онъ съ глубокою тоской.

— Чать, выволокутъ,—успокоилъ Тюлинъ.

— Поговори имъ,—заискивающе сказалъ торговецъ.—Молъ, болѣ не приплескиватъ, назадъ, молъ, къ ночи пойдетъ.

Тюлинъ отвѣтилъ не сразу; взглядъ его приковался къ посудинѣ и, помолчавъ, онъ сказалъ сластолюбиво:

— Другую четверть волокешь?

— Другую.

— Споишь и третью. Перевезти, что-ль?

— Вези!

Лодка была на серединѣ, когда ее замѣтили съ того берега. Пѣсня сразу грянула еще сильнѣе, еще нестройнѣе, отражаясь отъ зеленой стѣны, крупнаго лѣса, къ которому вплоть подошла вырубка. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, пѣсня прекратилась, и съ вырубки слышался только громкій и такой же нестройный говоръ. Вскорѣ Ивахинъ опять стрѣлой летѣлъ къ нашему берегу и опять устремился съ новою посудиной на ту сторону. Лицо у него было злое, но, всетаки, въ глазахъ проглядывала радость.

Къ закату солнца вся артель „убилась“ за ивахинскими плотами. Подъ звуки унылой дубинушки бревна выкатывали на берегъ и руками втаскивали на подъемы. Скоро весь ивахинскій лѣсъ высился въ клади на крутоярѣ, недоступный для шаловливой рѣки

Потомъ опять загремѣла пѣсня. Мокрые, усталые артельщики допивали послѣднюю четверть. Ивахинъ, потный, злой, но, всетаки, еще болѣе довольный, переправился въ послѣдній разъ на нашу сторону и умчался къ селу; вѣтеръ размахивалъ полами его сибирки, а въ обѣихъ рукахъ были посудины, на этотъ разъ пустыя.

Тюлинъ, еще болѣе унылый, провожалъ его долгимъ взглядомъ.

— Ну, что, побили?—спросилъ я у него.

Онъ перевелъ взглядъ на меня и спросилъ:

— Кого?

— Да Ивахина.

— Нѣ, что его бить...

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Тюлина, и въ моемъ умѣ блеснула внезапная и неожиданная догадка: физіономія Тюлина припухла, а подъ глазомъ стоялъ фонарь, очевидно, новѣйшаго происхожденія.

— Тюлинъ, голубчикъ!

— Ну, что?

— Отчего у тебя синякъ?

— Синякъ... Да отчего ему быть, синяку?

— Да, вѣдь, тебя, Тюлинъ, должно быть, били.

— Кто меня билъ?

— Артельщики.

Тюлинъ задумчиво посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и сказалъ:

— Развѣ либо отъ этого... Да, слышь, и били-то не очень шибко.

Пауза, взглядъ на меня и во взглядѣ мелькающая догадка:

— Развѣ либо не Парѳенъ ли это меня саданулъ?..

— Пожалуй, что и Парѳенъ,—опять помогаю я медленному процессу новаго приближенія къ истинѣ.

— Безпремѣнно Парѳенъ. Такой, скажу тебѣ, вредный мужичишко, — завсегда поровитъ какъ бы нибудь человѣка испортить...

Вопросъ оказался достаточно разъясненнымъ. Мнѣ, правда, очень хотѣлось еще разузнать, какимъ образомъ гнѣвъ артели такъ неожиданно измѣнилъ свое направленіе, и артельная гроза, вмѣсто Ивахина, обрушилась на совершенно нейтральную тюлинскую физіономію, но въ это время съ другого берега опять послышался призывъ:

— Тю-ю-юли-инъ!..

Тюлинъ не повернулъ даже головы и лѣниво направился къ шалашу, сказавъ мнѣ на ходу:

— Кличутъ. Смахать бы тебѣ, а? Живымъ бы духомъ.

Но вдругъ онъ насторожился, повернулся и ожилъ. На берегу, не смотря на сумерки, можно было разглядѣть красныя рубахи. Это артельщики звали Тюлина и, кажется, самымъ заманчивымъ образомъ махали руками.

— Зовутъ, вѣдь? — радостно сказалъ онъ, вопросительно глядя на меня.

— Разумѣется, зовутъ. Опять побьютъ, пожалуй...

— Нѣ, што ты, Богъ съ тобой. Не можетъ быть! Угостить меня артели желательно, вотъ што! На мировую, значитъ...

И Тюлинъ съ удивительною живостью кинулся къ берегу. Связавъ зачѣмъ-то двѣ лодки, — носъ къ кормѣ, — онъ сѣлъ въ переднюю и быстро отпихнулся отъ берега, не оставивъ на этой сторонѣ ни одной.

VII.

Я понялъ эту невинную хитрость, когда услышалъ въ сумеркахъ скрипъ воза, съѣзжавшаго съ горы. Возъ неторопливо подъѣхалъ къ рѣкѣ. Лошадь фыркнула нѣсколько разъ и, откинувъ уши, уставилась съ удивленнымъ видомъ на измѣнившуюся до неузнаваемости смиренницу Ветлугу.

Отъ воза отдѣлился мужикъ, подошелъ къ самой водѣ, посмотрѣлъ, почесался и обратился ко мнѣ:

— Перевозчикъ гдѣ?

— Вонъ... — указалъ я на свѣтлую полоску, взрѣзавшую темную поверхность рѣки уже на срединѣ.

Онъ вглядѣлся туда, опять помоталъ головой, прислушался къ пѣснямъ васюхинцевъ и сталъ поворачивать возъ:

— И подлый же мужичекъ здѣшній перевозчикъ живетъ, — сказалъ онъ, впрочемъ, довольно спокойно. — Гляди, вѣдь и лодки всѣ уволокъ... Всю ночь его теперь оттеда не достанешь.

Отведя лошадь, онъ подошелъ ко мнѣ и поклонился.

— Проходящіе будете?

— Проходящій.

— Не съ озера ли?

— Съ озера.

— Такъ. Много теперича народу идетъ. Завтра, что-есть, и то еще пойдутъ... Эхъ, какъ рѣка-то пылитъ, бѣды! Ежели, теперь, намъ съ вами на паромъ... да нѣтъ, не управиться... Ночевать, видно. А вы не къ пароходу ли?

— Къ пароходу

— Ну, на зарѣ, раньше не будетъ. Ночевать, видно, и вамъ.

Онъ поставилъ за шалашомъ телѣгу и пустилъ на берего

вой откосъ стреноженную лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ за шалашомъ закурился дымъ.

Тюлинъ, очевидно, пріучилъ свою публику къ терпѣнію.

Солнце давно спряталось за горами и лѣсами, надъ Ветлугой опустились сумерки, синія, теплыя, тихія. Нашъ огонекъ разгорался, дымъ подымался прямо кверху. Было какъ-то даже странно это спокойствіе воздуха, на-ряду съ торопливымъ и буйнымъ движеніемъ на рѣкѣ, которая все продолжала приплескивать. Съ того берега все неслись пѣсни, и мнѣ казалось, что я различаю фистулу Тюлина въ общей разноголосицѣ. На одномъ изъ недальнихъ холмовъ, одинъ за другимъ, вспыхивали огни сосѣдней деревеньки. Днемъ я не замѣчалъ ее,—такъ ея сѣрыя избы и темныя крыши сливались съ общими тонами пейзажа... Теперь она выступила красивой стайкой огоньковъ на темной верхушкѣ холма и кое-гдѣ четыреугольники крышъ вырѣзывались въ синевѣ неба.

Это—деревня Соловьиха. Мой новый знакомый, отъ нечего дѣлать, разсказалъ мнѣ нѣкоторыя небезынтересныя черты изъ жизни ея обитателей. Народъ въ Соловьихѣ живетъ предпріимчивый и гордый; въ окрестностяхъ соловьихинцы слывутъ „воришканами“. Случилось моему новому знакомому остановиться въ селѣ Благовѣщеніи, у дьячка. Дѣло было зимой, къ вечеру. Сидятъ за столомъ. Вдругъ кто-то стукъ-стукъ въ оконце. Выглянулъ дьячокъ: стоитъ за окномъ Иванъ Семеновъ, сосѣдъ старичокъ, и на ночлегъ просится. „Да что ты, чай тебѣ до дому всего съ версту?“ — „Съ версту, молъ, съ версту, да мимо Соловьихи идти. Какъ бы опять къ пролуби не свели“.

Оказалось, что между этимъ старичкомъ и соловьихинцами установились совершенно своеобразныя отношенія. Какъ только старикъ разживется деньгами, такъ непремѣнно напьется на селѣ, а какъ напьется, такъ и начнетъ хвастать: имѣю у себя „катеньку“ въ карманѣ. Пойдетъ послѣ этого домой, его соловьихинцы и переймутъ на рѣкѣ, да прямо къ проруби.

— Хошь въ пролубь?

Ну, разумѣется, не хочетъ. Они и не неволятъ, — отдай только имъ „катеньку“. Онъ отдаетъ, дѣлать нечего. Они опять:

— Хошь въ пролубь?

— Не желаю, братцы.

— Такъ никому, гляди, не бай. Не скажешь, что ли?

— Не скажу!

— Заклянись!

— Чтобъ мнѣ, говоритъ, на симъ мѣстѣ провалиться, коли скажу единой душѣ.

И не говоритъ. Сколько разъ этакъ его ловили, — надоѣло ему, пересталъ вечеромъ мимо Соловьихи ходить, особливо когда выпивши, а не сказалъ никому. „Водили, говоритъ, къ пролуби соловьихинцы“, а кто именно — ни за что не скажетъ.

Послѣ этого разсказа я съ особымъ любопытствомъ взглянулъ на деревеньку „воришкановъ“. Ну, гдѣ, думалось мнѣ, кромѣ Ветлуги, встрѣтите вы такую непосредственность и простоту пріемовъ, и такое благородное довѣріе къ чужому слову, и такую простодушную увѣренность въ возможности „провалиться на симъ мѣстѣ“, въ случаѣ нарушенія клятвы?.. Мой новый знакомый, самъ „ветлугай“, увѣрялъ, что другой этакой деревни нѣтъ нигдѣ больше по всей рѣкѣ. Въ Марьинѣ промышляли года три назадъ „красноярками“ *), — ну, это дѣло другое. А положите въ незапертой избѣ деньги и уходите на сутки, — никто не тронетъ.

— Какъ же, всетаки, соловьихинцы?

— Такой у нихъ, позвольте сказать, обычай...

Ну, гдѣ еще, думалось мнѣ опять, найдется такая терпимость къ чужимъ обычаямъ?.. И огоньки Соловьихи мигали мнѣ привѣтливо и простодушно: „нигдѣ, нигдѣ“...

— Вотъ и у Тюлина,—сказалъ я, улыбаясь,—тоже обычай.

— Вѣрно! Подлецъ мужичокъ, будь онъ проклятъ! А и то надо сказать: дѣло свое знаетъ. Вотъ пойдетъ осень или опять весна: тутъ онъ себя покажетъ... Другому бы ни за что въ водополь съ перевозомъ не управиться. Для этого случая больше и держимъ...

— Миръ бесѣдѣ!

— Милости просимъ:

Къ нашему огоньку съ берестяными кошолками за спиной, съ посошками въ рукахъ, подошли два странника. Одинъ изъ нихъ, скинувъ котомку, внимательно поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— Этого мы человѣка видѣли.

— Не мудрено, — отвѣтилъ я.

— На Люндѣ были?

— Былъ.

— Тамъ и видѣли. По усердію или обѣтъ былъ даденъ Владычицѣ?

— По усердію. А вы?

— Мы къ празднику ходили, стало-быть, къ сродникамъ.

— Что-жъ, садитесь къ огоньку.

---

*) „Красноярками“ называютъ фальшивыя „бумажки“.

— Да намъ бы на перевозъ,—до дому недалече. Къ утру и дошелъ бы я.

— Да, на перевозъ!..—вмѣшался мой знакомый.—Тюлинъ послѣднюю лодью уволокъ. На паромѣ развѣ?..

— Гдѣ!.. Больно рѣка взыграла.

— Да и шестовъ длинныхъ нѣтъ.

Другой изъ новоприбывшихъ подошелъ усталымъ шагомъ къ берегу, и тотчасъ же надъ рѣкой раздалось громко, протяжно:

— Тю-ю-ли-йнъ! Лодку дава-а-ай!

Откликъ покатился по рѣкѣ, будто подхваченный быстрымъ теченіемъ. Игривая рѣка, казалось, несетъ его съ собой, перекидывая съ одной стороны на другую межъ заснувшими во мглѣ берегами. Отголоски убѣгали куда-то въ вечернюю даль и замирали тихо, задумчиво, даже грустно,—такъ грустно, что, прислушавшись, странникъ не рѣшился въ другой разъ потревожить это отдаленное вечернее эхо.

— Шабашъ!—сказалъ онъ и, махнувъ рукой, вернулся къ нашему огоньку.

— А парню-то и до дому рукой подать,—сказалъ первый изъ моихъ знакомыхъ,—и всего-то версты четыре, изъ Песошной! Слыхали про песочинцевъ?—спросилъ онъ съ лукавою усмѣшкой.

— Нѣтъ, я въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывалъ.

— У нихъ, у песочинцевъ, тоже опять свой нравъ. Что ни городъ, то, говорятъ люди, норовъ, что ни деревня, то обычай. Соловьихинцы,—я вотъ разсказывалъ,—любятъ такъ, чтобъ чужое взять, а ужъ песочинцы — тѣ свое беречь мастера. Этто годовъ можетъ пять назадъ, пошли семеро песочинцевъ въ село Благовѣщеніе желѣзо чинить: лемеха тамъ, сошники, серпы и прочее деревенское орудіе. Ну, починили, идутъ назадъ къ рѣкѣ и сумы съ желѣзомъ въ рукахъ несутъ. А рѣка, какъ вотъ и теперь же, приплескиваетъ сильно, играетъ, да еще вѣтеръ по рѣкѣ ходитъ, волну раскачалъ. А лодка-то, извѣстно, верткая. „А что, братцы вы мое,—говоритъ одинъ,—какъ лодку у насъ ковырнетъ, вѣдь желѣзо-то, пожалуй, утопнетъ. Давай, робяты, кошели къ себѣ привяжемъ, кабы желѣзо не потопить“. — „И то, молъ, дѣло!“ Такъ и сдѣлали. Къ рѣкѣ шли—желѣзо въ рукахъ несли; въ лодку садиться—давай на себя навязывать. Выѣхали на середину, рѣка лодку-те и начни заливать, лодка и опрокинься. Ну, желѣзо-то крѣпко къ спинамъ привязано,—не потерялось. Такъ вмѣстѣ съ желѣзомъ хозяевы ко дну и пошли, всѣ семеро!.. Что, парень, аль не правду я баю?

Песочинецъ не возражалъ, и, при свѣтѣ огонька, на всѣхъ трехъ лицахъ моихъ собесѣдниковъ лежала одна и та же

добродушно-насмѣшливая улыбка, съ особенною ветлужскою складкой, живо напоминавшею мнѣ Тюлина.

— Ну, а вы-то откуда? — просилъ я у старика, который видѣлъ меня на Люндѣ.

— А я, господинъ, самъ по себѣ. Безъ роду-племени, бездомный человѣкъ, солдатская кость.

— А, всетаки, родомъ съ Ветлуги?

— Съ нее матушки. Не одну путину сгонялъ по ней смолоду. Да и послѣ царской службы вотъ ужъ пятнадцатый годъ околачиваюсь.

Солдатскаго въ этомъ старикѣ было очень мало: только развѣ нѣкоторая спокойная увѣренность рѣчи, да еще старый засаленный картузъ съ какими-то едва замѣтными кантами и большимъ надорваннымъ козыремъ. Изъ-подъ козыря глядѣли и искрились порой сѣрые глаза, а около усовъ ютилась чуть замѣтная улыбка. Голосъ у стараго солдата былъ очень пріятный, грудной, съ „перекатцемъ", выдававшимъ прежняго лихого пѣсельника, но теперь уже значительно осипшимъ отъ старости, отъ рѣчной сырости, а можетъ и отъ „винища". Какъ бы то ни было, слушать этотъ голосъ съ юмористическою ноткой и глядѣть на ветлужскую усмѣшку стараго солдата было очень пріятно, и я вспомнилъ теперь, что, дѣйствительно, мы встрѣчались съ нимъ на озерѣ. Въ разгаръ самаго горячаго спора на тему: „съ татемъ, съ разбойникомъ, кольми паче съ еретикомъ не общайся",—когда обѣ стороны засыпали другъ друга текстами и разными тонкостями начетчицкой діалектики, — этотъ старичокъ, съ надорваннымъ козыремъ и искрящимися глазами, вынырнувъ внезапно въ самой серединѣ, испортилъ всю бесѣду, разсказавъ очень просто и безъ всякихъ текстовъ простой житейскій случай. Разсказъ произвелъ на большинство сильное отрезвляющее впечатлѣніе: начетчики отнеслись къ нему съ явнымъ пренебреженіемъ. Какъ бы то ни было, бесѣда была совершенно испорчена, и толпа разошлась, унося, быть можетъ, не одно проснувшееся сомнѣніе...

— Помилуйте, бабій разговоръ, просторѣчіе!—сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ одинъ изъ начетчиковъ.—Нешто это отъ писанія?

— Да это кто такой, не Ефимъ ли?—спросилъ другой, подошедшій къ концу разговора.

— Онъ.

— Пустой мужичонко, ветлугай. Въ работникахъ у насъ живалъ. Писанія не знаетъ. Евангеліе одно читалъ,—и говорившій махнулъ рукой.

Ефимъ-ветлугай только улыбался своею особенною улыбкой, неизвѣстно къ чему относящеюся: къ предмету ли разговора, къ слушателямъ, или, быть можетъ, къ самому ему, пустому мужичонку, бездомнику, солдатской косточкѣ... Какъ бы то ни было, мнѣ казалось, что въ разсказѣ ветлугая я слышалъ первое еще на Свѣтлоярѣ живое слово.

Теперь мы опять завели разговоръ на ту же тему: о Люндѣ, о Свѣтлоярѣ и Китежѣ, объ уреневцахъ. Среди многочисленныхъ и разновѣрныхъ группъ, собирающихся на Свѣтлоярѣ, приносящихъ туда, каждая, свои книги, свои напѣвы и свою вѣру, въ особенности выдѣляются уреневскіе начетчики, устраивающіе каждый годъ свой импровизированный алтарь подъ однимъ и тѣмъ же старымъ дубомъ, на склонѣ холма. Въ то время, какъ около австрійскаго священника, въ полуманатейкѣ и съ длинными косами впереди ушей, едва-едва набирается десятокъ молящихся,—около уреневскаго дуба стоитъ тѣсная большая толпа. Меня поразили суровыя, надменныя лица этихъ начетчиковъ. Тутъ были женщины, въ темныхъ скитскихъ платьяхъ, какой-то очень длинный субъектъ съ рѣзкими чертами, молодой мальчишка съ сумой нищаго, съ лицомъ, покрытымъ оспой, и лохматый юродивый... Они читали и пѣли по очереди, однообразными, гнусавыми голосами, совершенно, при томъ, не обращая вниманія на все окружающее. Между тѣмъ какъ представители другихъ толковъ охотно вступали въ споры,—уреневцы держались свысока, пренебрежительно, и на вопросы совсѣмъ не отвѣчали. Казалось, для нихъ во всемъ мірѣ не существовало уже ничего заслуживающаго хотя бы малѣйшаго снисхожденія, и вся святость сосредоточивалась на этомъ небольшомъ островкѣ, занятомъ ихъ тѣсно сомкнутыми „стрижеными гуменцами" и оглашаемомъ ихъ унылыми напѣвами.

— Очень ужъ высоко сами себя держатъ, — говорилъ Ефимъ.—Народъ, нечего сказать, просужій, трезвый народъ, а только нашему брату у нихъ неловко.

— Почему это?

— Тоскливо. Наша вѣра, прямо сказать, много веселѣе,— отвѣтилъ за Ефима хозяинъ воза.

Молчавшій до сихъ поръ песочинецъ при этихъ словахъ улыбнулся какъ-то весело и сказалъ:

— Бывалъ, вѣдь, я у нихъ. Больно, братцы, чудно!

— А что?

— Да такъ. Этто нанялся я у нихъ зимусь къ одному: брусу изъ лѣсу выволокчи. Пріѣхали мы съ молодымъ хозяиномъ на моей лошадѣ ночью. На-утро проснулся я, а темно

еще—дѣло зимнее. Гляжу: старуха свѣтецъ засѣчаетъ, потомъ молиться хочетъ образамъ. Образа-те хорошіе, крашоные. Ну, думаю, и мнѣ пора: помолюсь, дай-ка, и я, да лошадь пойду снаряжать. Лѣзу тихонько съ полатей, сталъ за ей, давай себѣ креститьця. Какъ тутъ она обернись. Увидѣла меня и руками замахала: „Ты,—говоритъ,—что это дѣлаешь?“— „А что, молъ, — молитьця, было, похотѣлъ“. — „Погоди“, говоритъ.—„Чего годить? — самая пора“.—„Погоди, молъ, послѣ“. Ну, послѣ, дакъ и послѣ, опять я полѣзъ на полати. Отмолилась она, свѣчки погасила, убрала; гляжу опять: малое время погодя, старче съ печки лѣзетъ, свою икону тащитъ на божницю, свою и свѣчку зажигатъ. Я опять съ полатей. Думаю, теперь и мнѣ можно. Только нацѣлился лобъ перекрестить, старичишка меня за руку лапъ! „Ты што это?“— „На вотъ!.. да я, молъ, было молитьця цѣлился“.—„Погоди,— говоритъ,—не годится тебѣ“. Вотъ оказія! Опять, видно, на полати лѣзть. Ну, чего будетъ!.. Тутъ опять молодица слѣзатъ, съ молодымъ хозяиномъ въ боковушкѣ свѣчку затеплили. У тѣхъ иконъ нѣту,—одно распятьё. Я живымъ духомъ къ нимъ, опять себѣ нацѣливаюсь. Давай, думаю, хоть на распятьё помолюсь.

— Ну, допустили, что-ль? - спросилъ одинъ изъ заинтересованныхъ слушателей, видя, что разсказчикъ остановился.

— Нѣ! Што вы думаете?—и тутъ не допустили! Отмолились сами, потомъ зовутъ: теперь, говорятъ, иди, молись себѣ. Взошелъ я въ боковушку, а тамъ голыя стѣны. Они и распятьё-то уволокли... Ахъ ты, шутъ васъ задави! Что мнѣ тутъ съ вами грѣшить, думаю себѣ, Не надо! Я лучше, коли такъ, дорогой поѣду, на солнушко Господне помолюсь.

— Три вѣры въ однымъ дому!—замѣтилъ солдатъ.

— Три и есть. Обѣдать время пришло. Ну, посадили меня, добраго молодця, честь-честью. Опять старики съ дочкой вмѣстѣ, намъ съ молодымъ хозяиномъ на особицю, да еще, слышь, обоимъ чашки-те разныя. Тутъ ужъ мнѣ за бѣду стало. Ахъ вы, говорю, такіе не эдакіе. Вы не то што меня бракуете, вы и своего-то мужика бракуете. „А потому,—старуха баетъ,—и бракуемъ, што онъ по Русѣ ходитъ, съ вашимъ братомъ, со всякимъ поганымъ народомъ нахлебается“... Вотъ и поди ты, какъ они объ насъ понимаютъ!

— Д-да,—подтвердилъ хозяинъ воза, лежавшій уже съ руками, заложенными за голову.—Видишь ты, какѐ грозны живутъ... А сами-те, безстыдники! Теперичe у насъ, поблизу, въ деревнѣ два брата; одинъ, стало быть, въ солдаты ушелъ, другой его бабу къ себѣ взялъ. Это невѣстку-то, стало быть,

да еще чижолую. Другой со службы вернулся, тоже долго не думалъ: родну-те сестру прежней жены къ себѣ. Да слышь: два брата на двухъ сестрахъ женаты, да мальчонкѣ-то солдатъ и дядей роднымъ, да чуть ли и тятькой не приходится. Такъ вотъ этимъ не брезгуютъ. Охо-хо-хо-о... Не спать ли пора?

Водворилось не надолго молчаніе.

— Смѣшиця по Русѣ пошла, — раздался черезъ минуту простодушный голосъ песочинца.

— Давно ужъ это, — сказалъ, укладываясь, солдатъ, — не со вчерашняго дни.

— Чё не давно? Вотъ теперича молокàна опять...

— Ну, эти иная статья, другого роду. Спи-ложись, пустого не бай!

Но песочинецъ, объятый размышленіемъ о „смѣшицѣ", которая пошла „по святой Русѣ", долго еще не могъ улечься. Онъ сидѣлъ, ковырялъ вѣткой въ огнѣ и, увидя, что я тоже не сплю, кивнулъ лукаво въ сторону Ефима и произнесъ:

— Особа статья, говоритъ... Чего не особа статья! Самъ съ ними водитця, богамъ нашимъ молитьця не сталъ, молоко по пятницамъ жретъ. Самъ видывалъ, а то бы и баять не надо...

И онъ тоже сталъ прилаживаться на песочкѣ.

VIII.

Я поднялся и посмотрѣлъ кругомъ.

Рѣка скрылась въ темной синевѣ вечера. Луна еще не подымалась, звѣзды тихо, задумчиво мигали надъ Ветлугой. Берега стояли во мглѣ, неясные, таинственные, какъ будто прислушиваясь къ немолчному шороху все прибывающей рѣки. Поверхность ея была темна, не видно было даже „цвѣту", только кое-гдѣ мерцали, растягивались и тотчасъ исчезали на бѣгущихъ струяхъ дрожащія отраженія звѣздъ, да порой игривая волна вскакивала на берегъ и бѣжала къ намъ, сверкая въ темнотѣ пѣной, точно животное, которое рѣзвится, пробѣгая мимо человѣка...

Артель все еще бушевала на другомъ берегу, но пѣсня, видимо, угасала, какъ нашъ костеръ, въ который никто не подбрасывалъ больше хворосту. Голосовъ становилось все меньше и меньше: очевидно, не одна ужъ удалая головушка полегла на вырубкѣ и въ кустарникѣ. Порой какой-нибудь дикій голосина выносился удалѣе и громче, но ему не удавалось уже воспламенить остальныхъ, и пѣсня гасла.

Я тоже улегся рядомъ со спящими ветлугаями, любуясь звѣзднымъ небомъ, начинавшимъ загораться золотыми отбле-

скрипывая, спускался опять запоздалый возъ, подходили пѣшеходы и, постоявъ на берегу, или безнадежно выкрикнувъ раза два лодку, безропотно присоединялись къ нашему табору, задержанному военною хитростью перевозчика Тюлина.

Огни въ деревушкѣ на холмѣ давно погасли одинъ за другимъ. Столбъ съ надписью то выдѣлялся, окрашенный огнемъ костра, то утопалъ въ темнотѣ.

На той сторонѣ, за рѣкой, запѣвалъ соловей.

. . . . . .

— Перево-ò зъ!

— Перевозъ, перевозъ, перрево-ò-озъ!

— Эй, перевоз-чикъ, живѣй—э-эй!

— Го-го-го-го-о-о!..

Громкіе крики, раздавшіеся шумно, внезапно, рѣзко и звонко, точно труба на зарѣ, разбудили меня и весь нашъ таборъ, пріютившійся у огонька. Крики наполняли, казалось, землю и небо, отдаваясь въ мирно-спавшихъ лощинахъ и заводяхъ Ветлуги. Ночные странники просыпались и протирали глаза: песочинецъ, котораго вчера такъ сконфузилъ его собственный скромный окликъ заснувшей рѣки, теперь глядѣлъ съ какимъ-то испугомъ и спрашивалъ:

— Что такое? Съ нами крестная сила, что такое?

Начинало свѣтать, рѣка туманилась, нашъ костеръ потухъ. Въ сумеркахъ по берегу виднѣлись странныя группы какихъ-то людей. Одни стояли вокругъ насъ, другіе у самой воды кричали перевозчика. Невдалекѣ стояла телѣга, запряженная круглою сытою лошадью, спокойно ждавшею перевоза.

Я тотчасъ же узналъ уреневцевъ... Тутъ были и третьеводнишнія скитницы въ темныхъ одеждахъ, и длинный субъектъ съ мрачнымъ лицомъ, и рябой нищій, и лохматый „юродъ“, и еще какія-то личности въ томъ же родѣ.

Теперь они стояли вокругъ нашего, лежавшаго въ повалку, табора, глядя на насъ съ безцеремоннымъ любопытствомъ и явнымъ пренебреженіемъ. Мои спутники какъ-то сконфуженно пожимались и, въ свою очередь, глядѣли на новоприбывшихъ не безъ робости. Мнѣ почему-то вдругъ вспомнились англійскіе пуритане и индепенденты временъ Кромвеля. Вѣроятно, эти святые также надменно смотрѣли на простодушныхъ грѣшниковъ своей страны, а тѣ отвѣчали имъ такими же сконфуженными и безотвѣтными взглядами.

— Эй, вы, ветлугаи-водохлёбы! гдѣ перевозчикъ?

— Перевозъ, перевозъ, перре-во-ò зъ!..

Можно было подумать, что цѣлая армія вторглась въ мир-

ныя владѣнія безпечнаго перевозчика. Голоса уреневцевъ гремѣли и раскатывались надъ рѣкой, которая теперь, казалось, быстро и сконфуженно убѣгала отъ погрома, вся опять желтовато-бѣлая отъ цвѣту. Эхо долго и далеко перекатывало эти крики.

„Ну-ка,—думалось мнѣ,—устоитъ ли и теперь тюлинскій стоицизмъ?“

Къ моему удивленію, взглянувъ на рѣку, я увидѣлъ въ утренней мглѣ лодочку Тюлина уже на срединѣ. Очевидно, философъ-перевозчикъ тоже находился подъ обаяніемъ грозныхъ уреневскихъ богатырей и теперь гребъ изо всѣхъ силъ. Когда онъ присталъ къ берегу, то на лицѣ его виднѣлась сугубая угнетенность и похмѣльная скорбь: это не помѣшало ему, однако, быстро побѣжать на гору за длинными шестами.

Нашъ таборъ тоже зашевелился. Хозяева ночевавшихъ возовъ вели за чолки лошадей и торопливо запрягали, боясь, очевидно, что уреневцы не станутъ дожидаться, и они опять останутся на жертву тюлинскаго самовластія.

Черезъ полчаса нагруженный паромъ отвалилъ отъ берега.

У потухшаго костра мы остались вдвоемъ съ Ефимомъ, который разгребалъ пальцами золу, чтобы закурить уголькомъ носогрѣйку.

— А вы что же не переправились заодно?

— Ну ихъ, не люблю, — отвѣтилъ онъ, раскуривая. — Мнѣ не къ спѣху, — пойду себѣ по росѣ... А вотъ вамъ такъ, пожалуй, пора собираться: слышите, пароходъ сверху бѣжитъ.

Черезъ минуту и я могъ уже различить гулкіе удары пароходныхъ колесъ, а черезъ четверть часа надъ мысомъ появился бѣлый флагъ, и „Николай“ плавно выбѣжалъ на плёсо, мигая блѣднѣющими на разсвѣтѣ огнями и ведя зачаленную сбоку большую баржу.

Солдатъ услужливо подалъ меня въ тюлинской лодочкѣ на бортъ парохода, и тотчасъ же самъ вынырнулъ въ ней изъ-за кормы, направляясь къ тому берегу, гдѣ грузный паромъ высаживалъ уреневцевъ.

Солнце давно золотило верхушки приветлужскихъ лѣсовъ, а я, безсонный, сидѣлъ на верхней палубѣ и любовался все новыми и новыми уголками, которые съ каждымъ поворотомъ щедро открывала красавица-рѣка, еще окутанная кое-гдѣ синеватою мглой.

И я думалъ: отчего же это такъ тяжело было мнѣ тамъ, на озерѣ, среди книжныхъ народныхъ разговоровъ, среди „умственныхъ“ мужиковъ и начетчиковъ, и такъ легко, такъ

вободно на этой тихой рѣкѣ, съ этимъ стихійнымъ, безалаберным, распущеннымъ и вѣчно страждущимъ отъ похмѣльнаго недуга перевозчикомъ Тюлинымъ? Откуда это чувство тяготы и разочарованія, съ одной стороны, и облегченія—съ другой? Отчего на меня, тоже книжнаго человѣка, отъ *тѣхъ* вѣетъ такимъ холодомъ и отчужденностью, а этотъ кажется такимъ близкимъ и такъ хорошо знакомымъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ

Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

Милый Тюлинъ, милая, веселая, шаловливая взыгравшая Ветлуга! Гдѣ же это и когда я видѣлъ васъ раньше?

1891 г.

ЗА ИКОНОЙ.

I.

Нѣсколько дней стояло ненастье. Еще въ ночь на девятнадцатое іюня выпалъ обильный дождь, а утромъ облака висѣли по небу сѣрыми клочьями. Но къ полудню свѣжимъ вѣтромъ ихъ сбило въ сплошную тучу и понесло на сѣверъ. Небо расчищалось, синѣло, солнечные лучи играли въ лужахъ, на освѣженной зелени висѣли капли, срывались и сверкали въ воздухѣ.

— Порадѣла Владычица, — вѐдро у Бога выпросила, — говорили богомольцы, кучками расположившіеся на улицахъ и на площади у собора, откуда въ 12 часовъ должна была выйти икона.

— Пожалѣла православныхъ. Гляди, и народу поприбавится... О-охъ-хо-хо... На дождикъ-то, мы не больно усердны...

Было еще рано. Пройдя бойкими улицами, миновавъ затѣмъ овраги, я углубился въ кривые, грязные переулки на окраинѣ города и подошелъ къ окну, на которомъ къ стеклу было приклеено изображеніе сапога. Хозяинъ, Андрей Ивановичъ, выражавшій вчера желаніе идти за иконой вмѣстѣ со мною, сидѣлъ одинъ за своимъ верстакомъ и угрюмо стучалъ по сапогу.

— Андрей Ивановичъ! — окликнулъ я въ окно. — Что же вы не собираетесь? Пора!

Онъ встрепенулся, но тотчасъ же скрылъ движеніе радости, отложилъ сапогъ, открылъ раму и потянулся въ окно своимъ сухопарымъ туловищемъ. Внимательно вглядѣвшись въ клочки чистаго неба и въ облака, уносимыя вѣтромъ, какъ будто его рѣшеніе зависитъ всецѣло отъ этого осмотра, а не отъ Матрены Степановны, которая начинаетъ сильно ворчать въ сосѣдней комнатѣ, — онъ рѣшительнымъ движеніемъ стаскиваетъ со лба ремень, придерживающій волосы, и говоритъ:

— Иду!

Затѣмъ я присутствую при супружескомъ діалогѣ, для меня до извѣстной степени одностороннемъ, такъ какъ ясно слышны мнѣ только отвѣты Андрея Ивановича, а голосъ Матрены Степановны доносится лишь въ видѣ бурнаго рокотанія.

— Чортъ его бей! — говоритъ, во-первыхъ, мой пріятель, торопливо укладывая свои инструменты. Потомъ, надѣвая чистую рубашку, прибавляетъ:

— Подождетъ! Что мнѣ изъ-за него и Богу не молиться!

— Нашла тоже благодѣтеля... Вонъ пару шью, — полтины за работу не очистится.

— Жила онъ, да! А ты какъ думала? Жила, сквалыга, скнипа!..

Голосъ Матрены Степановны подымается, при этихъ кощунствахъ супруга противъ „давальцевъ", на самыя высокія ноты, но Андрей Ивановичъ упорствуетъ.

— И никогда еще не прировняю,—говоритъ онъ уже другимъ тономъ, — тономъ защиты, затягивая въ то же время поясъ.—Нашла къ кому прировнять: по крайней мѣрѣ, какъ бы то ни было, всетаки образованный человѣкъ, книги сочиняетъ... не имъ, живодерамъ, чета!

Такъ какъ въ этой рѣчи моего друга, хотя и снабженной столь многочисленными оговорками („по крайней мѣрѣ", „какъ бы то ни было" и „всетаки"), дѣло, очевидно, идетъ обо мнѣ, то, изъ понятнаго чувства скромности, я нѣсколько удаляюсь отъ окна. Звуки супружеской перепалки усиливаются, но все же черезъ минуту Андрей Ивановичъ выбѣгаетъ изъ калитки. Онъ нѣсколько красенъ, нѣсколько взволнованъ, но во всей его фигурѣ видно оживленіе и торжество. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что минуты подобнаго торжества въ супружеской жизни Андрея Ивановича далеко не часты... Какъ бы то ни было, мы быстро шагаемъ по городскимъ улицамъ. Андрей Ивановичъ впереди, и мнѣ видно, какъ у него нервно подергивается спина, какъ будто на ней есть глаза, и эти глаза видятъ оставленный назади домъ и у дверей фигуру Матрены Степановны, и какъ она стоитъ, упершись руками въ бока и посылая намъ въ догонку не христіанскія пожеланія...

Между тѣмъ, по улицамъ двигались уже кучи разряженныхъ обывателей и обывательницъ. Деревенскій людъ, богомольцы и „поклонники", собравшіеся къ проводамъ иконы изъ окрестностей, а иные изъ отдаленныхъ селъ и городовъ: изъ Балахны, Городца, Василя,—сидѣли на панеляхъ, подъ стѣнами домовъ, разложивъ вокругъ узлы, кошели и котомки. Многіе тянулись уже къ монастырю, гдѣ передъ выходомъ

изъ города служатъ молебенъ. Лавки на попутныхъ улицахъ закрывались, торговля прекращалась, колокола гудѣли вдали, и звонъ разливался надъ городомъ, какъ море, захватывая одну за другой церкви, все ближе и ближе.

Когда мы вышли на улицу, ведущую къ дѣвичьему монастырю, пестрыя передовыя толпы уже заливали ее почти сплошными массами. Кое-гдѣ, ближе къ концу города, у воротъ и калитокъ стояли ведра или небольшіе ушаты съ квасомъ. Богомольцы подходили къ нимъ, снимали шапки, крестились и испивали.

— Спаси васъ Господи, Царица Небесная, радѣтели...

У монастырскихъ воротъ конные и пѣшіе городовые сдерживаютъ напоръ толпы. Они сортируютъ публику, пропуская однихъ, „которые почище“, а „чернядь“ отгоняя прочь. Насъ пропустили, хотя съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

Противъ входа, на дворѣ, темнымъ пятномъ среди пестро наряженныхъ горожанъ, выдѣляется отрядъ монастырскихъ клирошанокъ. Впереди игуменья, среди рясофорныхъ старицъ, радушно раскланивается съ именитыми горожанами. Въ заднихъ рядахъ молодыя послушницы, въ коническихъ шлыкахъ, потупляютъ глаза передъ любопытными взорами мірской толпы. По временамъ изъ-подъ шлыка сверкнетъ молодой взглядъ, заиграетъ лукавая улыбка. И потомъ голова наклоняется, потупляются глаза, и черная тѣнь надвигается на лицо, оставляя на виду только губы и подбородокъ... Становится какъ-то жутко. Чуется невольно въ этой тѣни и трепетаніе молодой жизни, и быть можетъ порывъ, и быть можетъ протестъ, и быть можетъ глухая борьба...

Впрочемъ, стоитъ перевести взглядъ на первые ряды, и тревожныя фантазіи разсѣются: здѣсь, въ тихой обители, годамъ къ шестидесяти, приходитъ, вмѣстѣ съ тѣлесною полнотою, душевный міръ и то незлобивое спокойствіе, съ какимъ въ ту самую минуту почтенная предводительница клира привѣтствовала стараго, но очень любезнаго полицейскаго генерала.

Андрей Ивановичъ дернулъ меня за рукавъ.

— Идемъ! Что намъ здѣсь смотрѣть?.. Чернохвостыя!—добавилъ онъ, кидая сердитый взглядъ исподлобья.

Однако, уходить уже было поздно. У входа образовалась давка, такъ какъ икона приближалась къ монастырю. Черницы съ трудомъ проталкиваются за ворота, и черезъ минуту надъ гуломъ идущей суетливо толпы слышенъ хоръ женскихъ голосовъ, поющихъ тропарь:

„Днесь свѣтлѣ красуется Нижній Новградъ, яко зарю солнечную воспріимше“...

Черезъ нѣсколько минутъ процессія появляется въ воротахъ. Наклоняясь надъ густой толпой, проносятся хоругви, парча волнуется и сверкаетъ, тонкое рѣзное серебро дрожитъ въ синемъ воздухѣ. Кресты, сіянія, фонари, затѣмъ золоченая риза иконы съ темными ликами Богородицы и Младенца— все это будто плыветъ надъ обнаженными головами народа. Еще минута—и желѣзныя ворота, точно по волшебству, разрѣзаютъ живой потокъ, смыкаются и сдерживаютъ толпу. Нѣсколько пѣшихъ городовыхъ, навалившись изо всѣхъ силъ, подпираютъ ворота своими дюжими фигурами; сквозь рѣшетки видно пять конныхъ молодцовъ, тѣсно сомнувшихся стремя у стремени. Лошади подтягиваютъ морды, играютъ и топчутся на мѣстѣ, отжимая толпу. Толпа ропщетъ, кто-то кричитъ, кто-то ругается, два клира наполняютъ воздухъ пѣніемъ, вверху гудятъ колокола и шумятъ деревья... Икона вносится въ церковь.

II.

Черезъ полчаса, послѣ молебна, икону проносятъ изъ монастыря къ лагерю. Войска отгородили широкій квадратъ у подножія церкви. Музыка играетъ „Коль славенъ“, раздается команда „на молитву“, въ ясномъ воздухѣ гудитъ и дребезжитъ басъ діакона, чуть-чуть слышится пѣніе хора, относимое вѣтромъ. Послѣ молебна икону, поставленную въ кіотъ, на длинныхъ дрогахъ подымаютъ на плечи; трогаются впередъ хоругви.

— Баринъ, вы видно до Оранокъ? — спрашиваетъ, трогая меня за рукавъ, какая-то старушка.

— До Оранокъ, матушка.

— Владычицѣ... свѣчку за меня грѣшную.—Морщинистая рука тянется ко мнѣ съ пятакомъ.

— И отъ меня возьми, баринъ.

— И отъ меня.

Я принимаю порученія и кладу набранную сумму особо.

Невдалекѣ, уже на тракту, служатъ прощальный молебенъ. Здѣсь толпа начинаетъ раздѣляться. Зонтики, шляпки съ цвѣтами, щегольскія мужскія шляпы отдѣляются по направленію къ городу. Рыжіе мужицкіе гречневики, котомки, лапти, красные сарафаны деревенскихъ молодухъ, кое-гдѣ мѣщанскій ситецъ, бѣлые платочки — все это отливаетъ по тракту впередъ. Нищіе стоятъ по сторонамъ, протягивая руки. Дурачокъ Митька выкрикиваетъ, стоя на холмѣ, командныя слова, какой-то долговязый юродивый размахиваетъ палкой, бормочетъ что-то и бѣжитъ за толпой. Позванивая ко-

локольцами, съ трудомъ пробираются межъ народомъ три или четыре почтовыя повозки, въ которыхъ сидятъ два толстыхъ монаха, съ лоснящимися и довольными лицами.

— Казну везутъ въ монастырь, — говорятъ около насъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, выбравшись на болѣе просторное мѣсто, ямщики трогаютъ возжи, колокольцы заливаются, и повозки, минуя быстро идущую толпу, несутся на горку и исчезаютъ изъ виду.

Впереди — пологій красивый подъемъ. Широкою лентой, окаймленная четырьмя рядами развѣсистыхъ, старыхъ березъ, лежитъ дорога, вся пестрая, вся живая, усыпанная народомъ...

Но вотъ, въ половинѣ подъема, оказывается задержка. Торопливо пройдя полями, наперерѣзъ, изъ ближней деревни вышла на трактъ кучка крестьянъ и стала въ рядъ, на-встрѣчу приближающейся иконѣ... И тотчасъ же около нея начинаетъ какъ-то густѣть и завиваться прегражденное теченіе людского потока.

Мы прибавляемъ шагу и слышимъ все яснѣе пронзительныя причитанія. Молодой женскій голосъ, то изступленный, то жалобный, страдающій и молящій, разносится въ воздухѣ, между тѣмъ какъ сзади, надвигаясь все ближе, растетъ торжественный напѣвъ тропаря.

— Кличетъ... — сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Кликуша... порченая... Подъ икону класть привели, — говорятъ кругомъ въ толпѣ съ живымъ интересомъ.

— Пока до Митина дойдемъ, штукъ десять выведутъ, — прибавилъ равнодушно какой-то немолодой мѣщанинъ.

— Баловство одно! — кидаетъ Андрей Ивановичъ.

— Баловство и есть... Поучить бы хорошенько...

— Поучи-ить? — язвительно и звонко подхватываетъ какая-то бабенка. — Чѣмъ она виновата? Иная отъ васъ и закличетъ, отъ ученія вашего...

— Да, говори!.. Стоятъ этакія же вотъ двѣ сороки. Одна и спрашиваетъ у другой: „Ты нонѣ, Аниська, станешь выкликать, что ли? — Нѣтъ, молъ, не стану, сыро! — Ну такъ погляди у меня калачи, я покличу маленько“...

Въ толпѣ смѣхъ.

— А ты это самъ слыхалъ, что ли? — заступаются опять обиженныя бабы.

Между тѣмъ, около кликуши степенно и грустно стоятъ ея однодеревенцы, а родные держатъ молодую женщину подъ руки. Толпа все приливаетъ... Рѣзкій крикъ... по временамъ плавное причитаніе, смѣняющееся стонами и неистовымъ,

надрывающемися воплемъ... Легкое облако пыли, пронизанное солнцемъ, колеблется между рядами березъ... Глухой шумъ, будто отъ прорвавшагося потока, мѣрный топотъ десятитысячной толпы и волны клирнаго пѣнія, объединяющаго весь этотъ нестройный гулъ въ одно могучее, захватывающее движеніе, — все это близится, выростаетъ, охватываетъ и подымаетъ за собой, между тѣмъ какъ впереди, споря съ общею гармоніей, бьется какое-то одно жалкое, страдающее и непокорное существо съ этимъ испуганнымъ, надрывающимся голосомъ...

Мнѣ становится жутко. Андрей Ивановичъ хмурится. Мы стоимъ въ густой давкѣ, на откосѣ тракта, а мимо насъ, точно рѣка, сжатая берегами, густо, величаво и плавно несется уже сплошная толпа, давно охватившая группу съ кликушей, которая неистово вырывается изъ рукъ, мечется, кидается въ стороны...

Икона близко... Рѣзкій, не человѣческій вопль покрываетъ и смѣшиваетъ на мгновеніе пѣніе хора.

Изъ толпы, головой выше всѣхъ, выдѣляется фигура странника съ длинными волосами, опаленнымъ лицомъ и мрачнымъ взглядомъ. Огромный, сухой, странно равнодушный, онъ легко прокладываетъ себѣ дорогу въ толпѣ, наклоняется, подымаетъ на плечи „порченую", которая судорожно бьется у него въ рукахъ, и, раздвигая потокъ человѣческихъ тѣлъ, несетъ ее на-встрѣчу иконѣ... Пронеся нѣсколько саженей, онъ кидаетъ свою ношу на землю, склоняется надъ нею, и живой потокъ смыкается, покрывая обоихъ...

Еще одинъ подавленный крикъ... Ряды фонарей, крестовъ, хоругвей уже далеко впереди... Кругомъ только мѣрный топотъ и гулъ неудержимаго, какъ стихія, человѣческаго потока. Въ клубахъ кадильнаго дыма, въ волнѣ торжественнаго пѣнія, колыхаясь и сверкая на солнцѣ, икона плыветъ въ воздухѣ надъ этихъ океановъ обнаженныхъ головъ, — надъ подавленнымъ, строптивымъ воплемъ „одержимой"... Пѣніе, все такое же стройное, все тише, все мягче расплывается въ воздухѣ, и сквозь рѣдѣющій топотъ уже вновь пробивается ласковый шорохъ и шелестъ придорожныхъ березъ...

Молодая женщина лежитъ въ пыли, на дорогѣ. Она тихо вздрагиваетъ и какъ-то по-дѣтски плачетъ... Любопытные заглядываютъ черезъ плечи родственниковъ, сомкнувшихся вокругъ „порченой", а странникъ, такой же равнодушный и мрачный, опять прокладываетъ себѣ путь впередъ, ближе къ иконѣ...

Жарко... Какъ-то сразу я чувствую и зной, и то, что ко-

томка невыносимо отдавила мнѣ плечи, и всю трудность пути за этою быстро-уносящеюся толпой. Андрей Ивановичъ остановился и смотрѣлъ вправо. Тамъ, съ крутого обрыва, виднѣется гладкая излучина Оки. Рѣка лежитъ среди сырыхъ и парящихъ отъ зноя луговъ, свѣтлая, ровная. Оттуда, снизу, такъ и манитъ, такъ и вѣетъ свѣжестью и прохладой.

— Вотъ что,—рѣшаетъ Андрей Ивановичъ,—надо купаться!

— Далеко, милые, отстанете, — дружелюбно говоритъ какая-то богомолка, торопливо пробѣгающая мимо насъ, но мы рѣшаемся и быстро спускаемся по обрыву, поросшему орѣшникомъ.

Тихій берегъ. Гребень обрыва скрылъ отъ насъ толпу съ ея говоромъ и движеніемъ. По временамъ на этомъ гребнѣ мелькаютъ цвѣтныя фигуры, въ одиночку и парами, все рѣже и рѣже. Рѣка плещетъ въ каменистый берегъ. Вправо, верстахъ въ десяти, изъ-за рѣющаго тумана виднѣются строенія и церкви Канавина. На нашей сторонѣ, дымя высокими трубами, безшумно работаетъ заводъ. Послѣ суетливаго рѣчного движенія Волги, ея сосѣдка Ока производитъ странное впечатлѣніе. Какъ здѣсь тихо! Далеко на той сторонѣ, вдоль песковъ, скользитъ парусная лодка. Подъ горой („яромъ“ какъ здѣсь называютъ) по берегу движется темное пятно. Это бурлаки, которыхъ вы почти уже не встрѣтите по Волгѣ, ведутъ бичевой небольшую барку. Пятно будто стоитъ на мѣстѣ, и только послѣ долгихъ промежутковъ видно, что оно становится меньше, все удаляясь вверхъ по рѣкѣ. Дрянной окскій пароходишко пробѣгаетъ изъ Нижняго, гулко шлепая колесами среди пустынныхъ береговъ. На палубѣ никого не видно, даже на трапѣ пусто. Только, затерявшись у штурвала, виднѣется одинокая фигура лоцмана.

III.

Когда, выкупавшись, мы опять поднялись на гору,—дорога совсѣмъ опустѣла. У „мызы“, на свѣжемъ воздухѣ, семья хозяина благодушествовала за самоваромъ. Нѣсколько переселенческихъ телѣгъ стояли тутъ же съ подвязанными кверху оглоблями. По всей дорогѣ, взбѣгающей на горку, не было видно никакихъ слѣдовъ крестнаго хода. Кое-гдѣ только по сторонамъ шли намъ на-встрѣчу увлеченные общимъ теченіемъ и теперь возвращавшіеся обратно горожане.

— Далеко икона?

— Въ Новой деревнѣ молебенъ отслужили.

Прибавивъ шагу, мы быстро миновали Новую деревню. Тутъ попадались уже отсталые. Пьяный мужикъ плелся по

вѣрнымъ шагомъ, грустно помахивая изъ стороны въ сторону своею кудрявою головушкой.

— Н-не догнать будетъ, мил-лаи... Н-и-й. Она, Владычица-те, чай, ужъ куда улетѣла. Въ Борисовѣ теперь. А мы, по грѣхамъ-те нашимъ, отстали вотъ... Ахъ, мил-лаи!..

И мужикъ долго качалъ сзади насъ побѣдною головушкой, объятый глубокою скорбью. Наконецъ, вѣроятно, изнемогая въ неравной борьбѣ съ своею грѣховностью, онъ присѣлъ у дорожной канавы. Оглянувшись, мы увидѣли бѣднаго человѣка съ запрокинутою головой, и что-то вродѣ бутылки сверкало въ его рукахъ на солнцѣ. Вскорѣ только красное пятнышко, лежавшее на зеленомъ фонѣ придорожной муравы, обозначало мѣсто побѣды грѣха надъ благочестивымъ стремленіемъ...

Впрочемъ, кудрявый мужикъ не одинъ испыталъ эту горькую участь. Въ тѣни березокъ, а иногда и въ грязи канавъ, то и дѣло попадались намъ тѣла другихъ павшихъ.

А вотъ, на свалившемся и полусгнившемъ деревѣ, отдыхаетъ какая-то компанія. Сѣдой еврей въ солдатской шинели, съ громадною лохматою бородой и бѣлыми кудрями, да еще три-четыре мрачныхъ субъекта, болѣе или менѣе сомнительной наружности... Сѣдой старикъ, очевидно, присталъ къ нимъ сейчасъ. Одинъ изъ компаніи наклоняется къ его уху и кричитъ:

— Ступай ты, служивый, отъ насъ. Не рука намъ, значитъ... Иди, иди!

— А-яй! Глухой я, ничего не слышу... А прежде на бубенъ игралъ... Ай-ай, какъ я игралъ на бубенъ...

Долговязый, черный золоторотецъ флегматично поднимается съ бревна, беретъ старика за шиворотъ и ставитъ на дорогу. Порядочный толчокъ сильной руки показываетъ служивому, что отъ него требуютъ. Подхвативъ котомку и тревожно оглядываясь, старикъ суетливо бѣжитъ по тропинкѣ. Повидимому, только теперь онъ сообразилъ, что имѣетъ дѣло не съ праздными дорожными зѣваками, которымъ любопытно знать, какъ онъ игралъ на бубнѣ, а съ людьми, которые заняты дѣломъ. Рать богомольцевъ имѣетъ своихъ отсталыхъ и павшихъ, а это мародеры. Они смотрятъ на насъ, сидя на своемъ бревнѣ, какъ коршуны изъ-подъ насупленныхъ бровей. Только одинъ, съ толстою физіономіей, одѣтый въ женскую кургузую кацавейку, глядитъ веселѣе и даже не безъ юмора.

— Что, отстали, господа?—спрашиваетъ онъ.

— А вотъ, — угрюмо отвѣчаетъ мой спутникъ, шагая мимо,—смотримъ, не попадется ли гдѣ работишка...

— Какая?

— Грузчики мы, карманы выгружаемъ,—отвѣчаетъ Андрей Ивановичъ невозмутимо.

— Ишь, журавль долговязый!

— Что ты ругаешься?

Андрей Ивановичъ мгновенно поворачивается. Его странные, глубоко-сидящіе глаза сверкаютъ изъ-подъ шапки рыжихъ волосъ (картузъ у него спрятанъ въ котомкѣ). Онъ большой любитель кулачнаго боя и считаетъ ниже своего достоинства справляться о числѣ противниковъ. Несмотря на долговязость и сухощавость, его фигура обличаетъ незаурядную силу. Длинныя сухія руки заканчиваются громадными красными кулаками. Сомнительные субъекты мрачно оглядываютъ его, производя безмолвную оцѣнку. Только кацавейка, повидимому, готова принять вызовъ.

— Сиди ты, „машка“!—останавливаютъ его.—А вы, господа, идите себѣ своей дорогой.

— И то идемъ. А ты не моги намъ указывать... — горячится Андрей Ивановичъ.

— А ты не горячись,—выскакиваетъ кацавейка,—я, братъ, и самъ съ усамъ. Ка-акъ махну...

— Ты?

— Я.

— Меня?

Андрей Ивановичъ, отставивъ кулакъ назадъ, подходитъ грудью къ кацавейкѣ, великодушно подставляя подъ ударъ не защищенную физіономію. Я знаю, что въ эту минуту самое горячее желаніе Андрея Ивановича состоитъ въ томъ, чтобы кацавейка осмѣлилась его ударить. Въ груди у него кипитъ и подымается что-то такое, что можетъ получить естественный исходъ лишь въ случаѣ оплеухи со стороны противника. А ужъ тогда послѣдуютъ со стороны Андрея Ивановича истинныя чудеса неустрашимости.

Однако, бой не состоялся. Съ одной стороны, я усиленно удерживаю Андрея Ивановича. Это очень трудно. Его желѣзная рука легко отмахивается отъ меня.

— Уд-ди! Не трогъ! — кидаетъ онъ въ мою сторону довольно грубо. Съ другой стороны, черный золоторотецъ отталкиваетъ кацавейку. Мрачный субъектъ, повидимому, человѣкъ серьезный, и весь эпизодъ сердитъ его, какъ глупая шалость, мѣшающая „работѣ“.

Какъ бы то ни было, поле остается безспорно за Андреемъ Ивановичемъ. Отставивъ правую руку назадъ, приподнявъ лѣвое плечо кверху и весь подавшись впередъ, онъ гордо

стоитъ на мѣстѣ, между тѣмъ какъ противники, огрызаясь, уходятъ въ томъ направленіи, гдѣ на травкѣ алѣетъ кумачная рубаха скорбѣвшаго о грѣхахъ мужика.

Черезъ минуту, круто повернувшись и не говоря болѣе ни слова о происшедшемъ, Андрей Ивановичъ шагаетъ по дорогѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

IV.

У небольшого поселка Ольгина дорога раздѣлилась. По старому Московскому тракту, протянувшемуся на Горбатовъ и далѣе на Муромъ, разсыпаны пестрыя кучки крестьянъ, которые выходили на-встрѣчу иконѣ изъ ближнихъ деревень и теперь возвращаются обратно. Арзамасскій трактъ ушелъ влѣво.

Отсталыхъ все больше и больше, но главной массы богомольцевъ не видно вовсе. Деревни, черезъ которыя приходится идти, точно вымело, — жители провожаютъ икону до слѣдующихъ деревень, а иные присоединяются къ богомольцамъ до Оранокъ. Только квасники-лавочники еще не убрались и считаютъ подъ навѣсами мѣдяки, оставшіеся въ выручкахъ послѣ только-что отлившей людской волны.

— Кваску, господа, не угодно ли?

Мы пьемъ вездѣ, гдѣ только возможно. „Для ходу человѣку квасъ очень пользителенъ, — философствуетъ Андрей Ивановичъ.— А для отдыху, замѣтьте себѣ, квасу не кушайте, а болѣе чай“.

— Что, хорошо ли торговали? — спрашиваю я у торговца, отирающаго платкомъ потное, красное лицо.

— Ухъ, господинъ, чистая бѣда! Главное дѣло—безобразно очень: все деньги впередъ надо спрашивать. Не доглядишь— *онъ* выпьетъ, потомъ идетъ себѣ, болѣе ничего.

— Или теперь со сдачей... — меланхолически добавляетъ торговка. — Дастъ гривенникъ, а сдачи проситъ съ пятиалтыннаго.

Андрея Ивановича почему-то оскорбляютъ эти обвиненія.

— Не грѣхъ богомольцу и даромъ кваску поднести,—сообщаетъ онъ свое рѣшительное мнѣніе.

— Наше дѣло торговое,—холодно отвѣчаетъ лавочникъ.

— Живодеры вы, вотъ что! — говоритъ мой пріятель уже на ходу, но его замѣчаніе, повидимому, не доходитъ по назначенію.

— Назадъ пойдете, можетъ, ночевать къ намъ не зайдете ли!—звонко и привѣтливо кричитъ торговка въ догонку.

— Вотъ они, торгаши, — ты ему плюнь въ глаза, а онъ говоритъ: „божья роса!“ Ничтожный народъ.

Андрей Ивановичъ имѣетъ обыкновеніе выражаться рѣзко и опредѣленно; его симпатіи и антипатіи, какъ и всѣ поступки, отличаются быстротой, рѣшительностью и нѣкоторою парадоксальностью. Онъ—отличный работникъ и примѣрный семьянинъ. Въ молодости года три онъ сильно пьянствовалъ и даже валялся въ лужахъ, но потомъ вдругъ остепенился. Чтобы закрѣпить это обращеніе на путь истины, отецъ рѣшилъ женить его на Матренѣ Степановнѣ, немолодой и некрасивой дѣвушкѣ, обладавшей рѣзкимъ голосомъ и очень твердымъ характеромъ. Андрей Ивановичъ не вышелъ изъ родительской воли, и съ тѣхъ поръ жизнь его пошла ровно. Матрена Степановна держала его круто, но, впрочемъ, и самъ онъ понималъ свои обязанности. Работникъ онъ былъ примѣрный, пользовался нераздѣльно довѣріемъ заказчиковъ на Ярилѣ и Новой Стройкѣ (окраинныхъ частяхъ города), трудился съ утра до вечера, съ „давальцами“ обращался очень почтительно. Только когда на время „снималъ хомутъ“, какъ самъ онъ выражался, тогда сразу становился другимъ человѣкомъ. Въ немъ проявлялся строптивый демократизмъ и наклонность къ отрицанію. „Давальцевъ“ онъ начиналъ разсматривать какъ своихъ личныхъ враговъ, духовенство обвинялъ въ стяжательствѣ и въ чревоугодіи, полицію — въ томъ, что она слишкомъ величается надъ народомъ и, кромѣ того, у пьяныхъ, ночующихъ въ части, шаритъ по карманамъ (это онъ испыталъ горестнымъ опытомъ во время своего запивойства). Но больше всего доставалось купцамъ.

— За что вы его обругали?—спросилъ я на этотъ разъ.

— А вамъ жалко?—и онъ кинулъ на меня короткій взглядъ исподлобья.—Я такъ объ нихъ полагаю, что будь я министръ, всѣхъ бы ихъ запретилъ.

— Какъ же тогда городъ остался бы безъ лавокъ, безъ товару?.. Кто бы сталъ заказывать вамъ сапоги?..

— Какъ-нибудь иначе придумали бы. Мало ли способовъ!..

— Какъ же бы вы придумали? Интересно.

— Да что вы ко мнѣ пристали: какъ, да какъ? Ежели я сапожникъ, то, стало быть, это не мое дѣло. Что я знаю?—шило да подметку, товаръ да колодку, больше ничего. А, можетъ, дайте вы мнѣ большія тысячи, чтобы мнѣ книжки читать, да всякія тамъ бумаги, — я бы придумалъ. Ужъ это вѣрно, что придумалъ бы. А что вы насчетъ заказчиковъ говорили, на это я вамъ вполнѣ могу отвѣтить. Вы вотъ о чемъ разсудите: мой отецъ двѣнадцать работниковъ держалъ, а я только двухъ, и тѣхъ еще по времю отпускаешь. Почему такъ?

— Можетъ быть, сами работники въ хозяева выходятъ?

— Не туда гнёте: въ хозяева! Вотъ недавно еще было дѣло: сталъ я пьянствовать, отецъ меня прогналъ. И сейчасъ меня, пьяницу, три хозяина зовутъ. А теперь вонъ сколько подмастерьевъ шатается, изъ хлѣба одного готовы работать,— никто не беретъ. Это вы можете понимать, стало-быть, какъ они въ хозяева выходятъ. Нѣтъ, что ужъ...

Андрей Ивановичъ машетъ рукой и многозначительно замолкаетъ. Вся его фигура въ эту минуту показываетъ, что если дѣла такъ пойдутъ дальше, то за послѣдствія онъ отвѣчать не возьмется.

Въ это время, сзади, насъ нагоняетъ тарантасъ, запряженный тройкой. Мужикъ въ кумачовой рубахѣ погоняетъ лошадей. Въ телѣгѣ сидитъ молодой, хорошо упитанный купеческій сынокъ съ бутылкой въ рукѣ. Чьи-то ноги свѣсились изъ-за переплета. На купцѣ надѣтъ рыжій картузъ, возница щеголяетъ въ касторовой шляпѣ. Вся компанія, очевидно, сильно подъ хмѣлькомъ. Купчикъ наклоняется съ сидѣнья, чтобъ ущипнуть одну изъ трехъ мимоидущихъ богомолокъ. Дѣвушки визжатъ, компанія хохочетъ, лошади, испуганныя шумомъ, трогаютъ быстрѣе. Андрей Ивановичъ останавливается въ негодованіи.

— Вотъ вы ихъ защищаете. Смотрите сами: тоже, вѣдь, на богомолье собрался! Мы вотъ съ вами идемъ пѣшкомъ, изустанемъ,—неужто намъ это озорство пойдетъ на умъ? А въ немъ сила играетъ, потому что легкія деньги, вотъ что! Легкій хлѣбъ это играетъ... Н-ну, попадись мнѣ этотъ богомолецъ гдѣ-нибудь, что я надъ нимъ сдѣлаю!..

Андрей Ивановичъ злобно сжимаетъ кулаки, грозитъ во слѣдъ тарантасу, неистово раскачивающемуся на ухабахъ, и затѣмъ прибавляетъ съ горечью:

— Дуракъ ѣдетъ на скотинѣ, умный вѣкъ пѣшкомъ идетъ!.. Стихъ такъ говорится... И вѣрно!

V.

Пройдя еще съ полверсты, Андрей Ивановичъ толкнулъ меня локтемъ и круто остановился.

— Гляди-ка, старушка-то... ай-ай-ай!

Въ сторонѣ, по тропинкѣ, опираясь на палку и сгорбившись, плелась какая-то старуха. Очевидно, каждый шагъ давался ей очень трудно. Сгорбленная спина качалась, голова, опущенная внизъ, дрожала, ноги передвигались съ трудомъ. Она не поднимала глазъ и сосредоточенно смотрѣла только

подъ ноги, отмѣривая шагъ за шагомъ своего многотруднаго пути.

— Матушка, а матушка!—окликнулъ ее Андрей Ивановичъ.

— Что тебѣ, касатикъ?

Въ голосѣ старушки слышалось усиліе. Она подняла сморщенное лицо съ потускнѣвшимъ взглядомъ и посмотрѣла на Андрея Ивановича, продолжая шагать попрежнему.

— Ты какъ же это, а?—недоумѣвалъ мой впечатлительный спутникъ.—Чай, вѣдь, трудно?

— Трудно, родимый, трудно! Главное дѣло — ноги вотъ, ноги не ходятъ,—стара.

Слеза выкатилась изъ моргающаго глаза и упала на песокъ дорожки. Андрей Ивановичъ дѣлалъ какія-то нелѣпыя движенія, что у него служило признакомъ внутренняго волненія.

— Нешто этакъ возможно? Вѣдь тебѣ никакъ не дойти.

— Авось Матушка Владычица донесетъ. Порадѣть хочется Матушкѣ... Стара... Помирать скоро, — порадѣть хочется. А что, далеко ли еще до Каменки, до ночлегу?

— Верстъ еще двѣнадцать.

— Охъ, батюшки, далеко!.. Иди, иди, касатикъ. Не смотри на меня, старую... Негоже вамъ глядѣть-то... Ноженьки-то у васъ рѣзвыя, а я, вишь, измучилась... Не замай, проходите, родимые...

Мы двинулись дальше и оба долго молчали. Наконецъ, остановившись, по обыкновенію, неожиданно, Андрей Ивановичъ посмотрѣлъ на меня долгимъ, укоризненнымъ взглядомъ.

— Неужели это она напрасно?.. Думаете, не зачтется? Не можетъ быть, враки!..

И хотя я и не думалъ даже возражать, Андрей Ивановичъ крѣпко ударилъ палкой по стволу ближайшей березы и быстро пошелъ впередъ.

Вскорѣ мы обогнали трехъ богомолокъ, которыхъ недавно задѣвала пьяная компанія. Одна была не молода, двѣ—молодыя дѣвушки, повидимому, мѣщанки или горничныя. Всѣ онѣ быстро шлепали босыми ногами. Когда мы поровнялись съ ними, онѣ прибавили шагу и шли вровень, хихикая и жеманясь. Андрей Ивановичъ, не обращая вниманія, шагалъ своею журавлиною походкой: я едва поспѣвалъ за нимъ. Это безмолвное состязаніе какъ будто сблизило насъ съ женщинами.

— И что это, право, какіе кавалеры, — сказала старшая изъ нихъ, запыхавшись и отирая потъ ситцевымъ рукавомъ,— замучили вовсе...

— А вамъ какая надобность гоняться?—спросилъ Андрей Ивановичъ. Я замѣтилъ, что его брови хмурятся, и глаза

будто уходятъ глубже. Но дѣвушки приняли его отвѣтъ за вызовъ на дальнѣйшій разговоръ.

— Да, вѣдь, чай въ компаніи-то веселѣе, — бойко сказала ближайшая. — Мы видимъ, что вы кавалеры обходительные, не сиволапые мужики...

— Конечно, веселѣй, — кинула другая, — что въ пути, что на ночлегѣ...

Всѣ онѣ засмѣялись. Но Андрей Ивановичъ, еще не освободившійся отъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ обоихъ старухой, внезапно остановился, вперилъ на дѣвушку свои колющіе впалые глаза и спросилъ:

— Вы какое это слово сказали, а? Нѣтъ, вы какое слово сказали?

Озадаченныя мѣщанки удивленно посмотрѣли на него и быстро бросились въ сторону, такъ какъ Андрей Ивановичъ вдругъ впалъ въ тонъ обличителя. Онъ поднялъ руку и, потрясая ладонью надъ головой, называлъ дѣвушекъ сороками и срамницами, между тѣмъ какъ онѣ быстро шлепали по тропинкѣ босыми ногами. Догнавъ первую кучку богомольцевъ, онѣ принялись что-то оживленно разсказывать имъ, указывая назадъ.

— Сороки короткохвостыя, право, сороки!—говорилъ Андрей Ивановичъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ.—Нѣту въ этомъ народѣ никакого понятія...

— Это вы насчетъ горничныхъ?

— Вопче, женщины.

— А Матрена Степановна?

— Ну, что такое Матрена Степановна?—та же баба! Не даромъ еще Пушкинъ сказалъ: всѣ, говоритъ, одинаковы и имя имъ ничтожество. А ужъ на что сочинитель былъ извѣстный.

— Андрей Ивановичъ! Пушкинъ этого не говорилъ.

— Ну, вотъ не говорилъ!.. Когда бы не самъ я читалъ... Конечно,—прибавилъ онъ черезъ минуту, не безъ меланхоліи,—въ прежніе года, когда я былъ холостъ, тогда и самому лестно было. А то, вишь, къ женатому человѣку...

— Да имъ почемъ знать, что вы женаты?

— Знаютъ... А не знали, такъ теперь будутъ знать.

VI.

Пройдя село Митино, мы увидѣли толпу у Вязовки. Только часть богомольцевъ вошла съ иконой въ деревню, другая сворачивала ближайшимъ путемъ, подъ высокими мельницами, выходя подъ угломъ на боковую дорогу, которая вела въ Каменку. Оставалось пройти еще десять верстъ до ночлега.

Когда мы подошли къ мельницамъ, процессія выходила изъ

села. Лучи заката играли на серебрѣ хоругвей. Фіолетовыя облачка стягивались и густѣли на холодѣвшемъ вечернемъ небѣ, жаворонки припадали къ нивамъ, крикъ перепеловъ несся мягкими переливами, смѣшиваясь съ приближавшимся пѣніемъ хора. Человѣческіе голоса звучали среди полей, подъ тихимъ дыханіемъ угасающаго дня, какъ-то особенно гармонично и мягко.

По бокамъ дороги высокая рожь стояла двумя ровными стѣнками. Изъ Каменки, навстрѣчу иконѣ выходили крестьяне. Въ одномъ мѣстѣ, на полосѣ, среди хлѣбовъ, стояла цѣлая семья: сѣдой старикъ со старухой впереди, рядомъ сынъ большакъ, поодаль молодуха. Двѣ или три дѣтскихъ головки чуть виднѣлись среди колосьевъ. Сзади угасало за горой солнце, и фигуры крестьянъ рисовались ясно и торжественно надъ колыхавшеюся рожью.

— Насчетъ хлѣбушка прибѣгаютъ къ Владычицѣ. Мало ли что можетъ случиться?—градъ, засуха, червякъ...

— Благодать!—говоритъ Андрей Ивановичъ. — И складно же поютъ, ахъ, братцы мои!

— Женщина тамъ одна... тоже выводитъ.

Дѣйствительно, молодой женскій голосъ, вырываясь высокими нотами, развѣвается съ вечернимъ вѣтромъ надъ полями, сверкаетъ, какъ лучи закатывающагося солнца, и гаснетъ гдѣ-то въ ясной вышинѣ, вмѣстѣ съ этими лучами.

Однако, идти трудно. „Богоносы“, наклоняясь, будто готовые упасть подъ тяжестью хоругвей, несутся двумя рядами впередъ, понукая передовую толпу.

— Пятки, пятки!—покрикиваютъ они то и дѣло.

Высокая рожь мѣшаетъ сойти въ сторону, и мы почти бѣжимъ впереди. Урядникъ, выѣхавшій на-встрѣчу, гарцуетъ среди женщинъ и ребятъ, гордо красуясь на славной сѣрой лошадкѣ. На небѣ зарисовывается гребень холма, и черныя крыши выступаютъ на немъ правильными очертаніями.

Тѣмъ не менѣе, еще далеко. Вечеръ спустился на землю. Луна яркимъ серпомъ повисла надъ мглистою тучей: надъ полями залегъ синій, неопредѣленный, таинственный сумракъ, наполненный сыростью и золотистымъ сіяніемъ, которое такъ скрадываетъ всѣ очертанія. Оглянувшись назадъ, я вижу, что мы оставили процессію далеко позади. Огни фонарей тянутся искристою лентой въ долинѣ, вьются, изгибаются, вытягиваются и по временамъ освѣщаютъ золотую ризу иконы, которая то выступаетъ изъ мрака фосфорическимъ сіяніемъ, то исчезаетъ опять среди темноты.

Вотъ и первыя избы селенія. Мы сдѣлали съ четырехъ

часовъ тридцать верстъ. Плечи отдавила котомка, ноги подкашиваются, я почти падаю отъ усталости.

— А что-то наша старушка?—сосредоточенно произноситъ Андрей Ивановичъ, когда мы проходимъ по деревнѣ, среди освѣщенныхъ оконъ, гдѣ видны на столахъ самовары и отдыхающіе богомольцы. Въ моемъ воображеніи рисуется старая сгорбленная фигура, все такъ же бредущая среди темноты. Теперь никто уже не смутитъ непрошеннымъ сожалѣніемъ ея тяжелаго добровольнаго подвига. Только рожь шепчетъ по сторонамъ, да луна смотритъ съ неба на выбивающагося изъ силъ стараго, отжившаго человѣка...

VII.

— Чай, что ли, пить? Къ намъ заходите, къ намъ!

Андрей Ивановичъ, не слушая этихъ зазываній, твердымъ шагомъ направляется къ другому концу улицы, подальше отъ церкви. Здѣсь также свѣтятся окна, видны ярко вычищенные самовары на столахъ, но народу не такъ еще много.

— Дядя Иванъ!.. Эй, дядя Иванъ!..

Бѣлая борода дяди Ивана наклоняется къ окошку.

— Богомольцевъ пускаешь, что ли?

— Знакомыхъ, другъ, пускаемъ... Потому заняты мѣста-те у насъ.

— Что, ай не узналъ?

— Богату быть, Андрей Ивановичъ, богату быть... Ну-ну, полѣзай, полѣзай въ избу-те.

За столомъ сидятъ уже нѣсколько человѣкъ, все публика почище. Женщины въ городскихъ мѣщанскихъ платьяхъ, мужчины въ пиджакахъ, повидимому ремесленники. Хозяинъ только-что убралъ одинъ самоваръ и поставилъ другой. Чай пили богомольцы свой; каждая компанія получала въ свое распоряженіе чайникъ.

Я повалился на скамью, опершись спиной на стѣну. Не хотѣлось ни двигаться, ни развязывать котомку. Чувство особеннаго наслажденія, когда усталые члены можжатъ и ноютъ, но за то все тѣло отдается ощущенію отдыха и покоя, охватило меня всего. Андрей Ивановичъ раздѣлся, развязалъ котомку и даже снялъ сапоги.

— А ночевать куда положишь?—спросилъ онъ у хозяина.

Дядя Иванъ, благообразный старикъ съ мягкими манерами и старчески-лукавымъ лицомъ, озабоченно почесалъ затылокъ.

— Вотъ ужъ не знаю. На дворѣ развѣ. Крытый дворъ у насъ.

— А въ задней избѣ?

— Заднюю проѣзжающіе заняли. Степанъ Ерофеича, изъ города, не знаете ли?

— Толстомордый?

— Ну-ну!

Андрей Ивановичъ толкнулъ меня локтемъ.—Это которыхъ мы видѣли, безобразники-то... По шеѣ ихъ гнать, а ты въ избу пущаешь!..

Старикъ озабоченно оглянулся и закашлялъ. Напившись чаю, богомолки и богомольцы выходили изъ-за стола и уходили изъ избы. Мы съ Андреемъ Ивановичемъ, захвативъ большую охапку сѣна, расположились на дворѣ, подъ навѣсомъ, у стѣны задней избы. Фонарь кидалъ колеблющійся свѣтъ, выпугивая воробьевъ изъ-подъ высокой соломенной крыши. Гдѣ-то въ темныхъ углахъ чавкали лошади, коровы жевали жвачку, похрюкивала свинья. Гдѣ-то еще слышались голоса богомольцевъ, улегшихся на соломѣ, кто-то копошился въ кузовѣ стараго тарантаса. Свѣтъ луны прорывался сквозь щели плетеныхъ стѣнъ. Съ улицы доносились шаги прибывающихъ странниковъ. Они то и дѣло стучали въ окна и усталыми голосами спрашивали:

— Ночевать, ночевать, родимые, не пустите ли?

Я не замѣтилъ, какъ заснулъ, и опять проснулся отъ страннаго шума. Казалось, что-то громадное, стуча, всхрапывая и шелестя, надвигалось на меня, заполняя неопредѣленную тьму. Понемногу, однако, я сталъ освоиваться съ этимъ шумомъ: это, во-первыхъ, Андрей Ивановичъ жестоко храпѣлъ рядомъ. Во-вторыхъ, пѣтухъ, обезпокоенный необычными звуками, сошелъ съ нашести и, осторожно шурша по соломѣ, пробирается у самаго моего уха, почти касаясь головы своими крыльями. Вотъ онъ вышелъ на середину двора, и шуршаніе его легкихъ шаговъ теперь принимаетъ въ моемъ сознаніи настоящіе размѣры... Я вижу, хотя и не ясно, его небольшую фигурку, вижу, какъ онъ расправляетъ крылья и вытягиваетъ шею.

— Ку-ка-ре-ку! — раздался вдругъ рѣзкій, будто слегка охрипшій отъ ночной сырости, голосъ.

Другой пѣтухъ зашевелился и пробормоталъ что-то сонно и сердито. Повидимому, онъ находилъ, что еще рано.

Вслѣдъ за только-что смолкшими переговорами пѣтуховъ я услыхалъ въ темнотѣ двора еще какіе-то звуки. Въ старомъ кузовѣ тарантаса шептались два голоса—одинъ мужской, другой женскій. Изъ-за стѣны съ нѣкоторыхъ поръ несся какой-то топотъ, стукотня, пѣсни и гулъ пьяныхъ голосовъ. Влѣво отъ насъ кто-то невидимый быстро зашевелился, и молодой сонный женскій голосъ испуганно спросилъ:

— Кто тутъ? Ай, тетка Ѳедосья, тетка Ѳедосья!

— Что тебѣ?—говоритъ недовольно старуха.—Эй ты, чего подкатился, озорникъ. Мало, что-ль, мѣста тебѣ? У меня живо откатишься...

Озорникъ громко и тенденціозно всхрапываетъ, очевидно, прикидываясь спящимъ. Однако, встревоженное стрекотаніе проснувшихся деревенскихъ дѣвушекъ вскорѣ заставляетъ озорника ретироваться. Въ это время Андрей Ивановичъ, даже въ сонномъ состояніи не теряющій порывистости движеній, завозился на сѣнѣ такъ внезапно и сильно, что даже у меня мелькнуло сомнѣніе: неужели это онъ сейчасъ юркнулъ на свою постель... Впрочемъ, нѣтъ. Не говоря уже о непоколебимой добродѣтели моего спутника, я все время слышалъ около себя его храпъ.

— Что это вы разстрекотались, сороки? — проснувшись, спросилъ онъ, съ обычнымъ пренебреженіемъ къ женскому сословію.

— А-а, проснулся небось... Озорникъ! — сказала тетка Ѳедосья.

— Ишь, гдѣ очутился! Туда же храпитъ... Нешто сонный этакъ откатится?

— Да это кто такой?—спросилъ еще чей-то голосъ.

— Сапожникъ это изъ городу. Въ Ивановомъ домѣ живетъ.

— О? Да я и бабу его знаю.

— Ахъ, озорники эти сапожники! Супротивъ сапожниковъ другихъ такихъ и нѣту! Охъ-хо-хо! Только, вѣдь, засыпать начала...

— Къ намъ по дорогѣ приставалъ!—бойко выносится изъ тарантаса звонкій и лукавый дѣвичій голосъ. Я узнаю по этому голосу одну изъ мѣщанокъ, которымъ Андрей Ивановичъ читалъ мораль. — И до такой степени приставалъ, то-есть до такой степени, что и сказать невозможно...

— Мамынька! Я тятькѣ на него скажу, — плаксиво говоритъ испуганная дѣвушка.

— Нишкни. Ужо мы евойной бабѣ все разскажемъ...

— О, ш-штобъ вв-васъ! — тихо и злобно шипитъ Андрей Ивановичъ, видя, какой опасный оборотъ принимаетъ дѣло. Упоминаніе о супругѣ при такомъ подавляющемъ стеченіи уликъ окончательно лишаетъ его самоувѣренности, и потому онъ дѣлаетъ самое худшее, что могъ бы сдѣлать въ своемъ положеніи, а именно—вытягивается на постели и пускаетъ притворное сопѣніе, прикидываясь заснувшимъ.

— Храпитъ... здѣсь вотъ этакъ же храпѣлъ, притворщикъ... Охъ-хо-хо! Грѣхи, грѣхи...

Вскорѣ подъ навѣсомъ водворяется тишина.

Притаившіеся на время голоса въ кузовѣ тарантаса опять возобновляютъ тихую и мирную бесѣду. Изъ-за стѣны слышатся визгъ и хохотъ. Андрей Ивановичъ ворочается, бормочетъ что-то и по временамъ кого-то тихо ругаетъ. Я начинаю забываться. Мнѣ опять видится одинокая старушка. Она все еще плетется по опустѣвшей дорогѣ, между побѣлѣвшими отъ росы ржаными полями. Андрей Ивановичъ идетъ впереди ея, размахивая руками, и кому-то угрожаетъ: „Что-о... не зачтется ей?.. Нѣтъ, враки, не туда гнёте!..“

— Не туда гнёте! — слышу я уже на яву крикъ Андрея Ивановича. — Меня не испугаете! Нешто этакое озорство дозволяется? Спать не даете, гульбу завели, соблазнъ! Богомо-ôльцы!.. Озорники, лодыри, гуляки!..

Я не сразу могъ сообразить, въ чемъ дѣло. Свѣтаетъ: снаружи, первые, еще разсѣянные лучи просверлили уже въ нашемъ плетнѣ круглыя горящія отверстія. Свѣтъ расплывается въ сыромъ воздухѣ, воробьи чирикаютъ подъ застрѣхами; въ углахъ темно и прохладно. Андрей Ивановичъ, босой, со всклокоченными волосами, стоитъ у сѣней, передъ входомъ въ заднюю избу и, повидимому, обличаетъ ночныхъ гулякъ. Хозяинъ, тоже босой, унимаетъ его.

— Ты вотъ что! Ты у меня въ домѣ самъ себя веди посмирнѣе.

— А ты что изъ своего дома сдѣлалъ, а?

— Не твое дѣло. Тебя пустили, ты ночуй благородно, а безпокойства дѣлать не моги.

— Что тамъ опять?—просыпаются богомольцы.

— Сапожникъ изъ городу буянитъ.

— Сапожни-ѝкъ?

— Да, въ Ивановымъ домѣ живетъ который. Такой озорникъ, бѣда! Ночью этто къ дѣвкамъ такъ шаромъ и катится, такъ и катится...

— Къ намъ на дорогѣ до такой степени приставалъ, — подымаетъ румяное лицо изъ тарантаса мѣщаночка. Теперь она въ тарантасѣ одна и имѣетъ видъ самаго невиннаго простодушія.

— Бока намять! — категорически заключаетъ хриплый и сонный басъ.

— О, штобъ васъ!—стонетъ опять Андрей Ивановичъ, ложась рядомъ со мной. — Н-ну, нар-родъ! Этакаго народу въ прочихъ государствахъ поискать... Ей-Богу... Тьфу!

— Охота вамъ, Андрей Иванычъ, во все вмѣшиваться...— говорю я, едва удерживаясь отъ смѣха...

— Карахтеръ у меня такой. Не люблю озорства.

— Вотъ и расплачивайтесь. Вамъ же и достанется...

— А что вы думаете? Ей-Богу, правда. И всегда я же въ дуракахъ остаюсь... Н-ну, однако, попадется мнѣ еще этотъ купецъ. Я ему, погодите-ка, носъ утру. Будетъ помнить...

И черезъ минуту, наклоняясь къ моему уху, онъ тихо прибавилъ:

— А ужъ вы, Галактіонычъ, въ случаѣ чего, передъ Матреной Степановной какъ-нибудь, того, не выдавайте... Ахъ, народъ же... то-есть до чего нашъ народъ несообразенъ, такъ это даже удивительно!

VIII.

День разгорался жарко. Икона тронулась опять часовъ съ десяти. Мы вышли немного впередъ, но идти было не легко. Ноги двигались съ трудомъ, всѣ члены ныли. Однако, понемногу усталость какъ будто проходила.

Кое-гдѣ небольшой лѣсокъ скрывалъ насъ своею тѣнью отъ жаркаго солнца, но большею частью по бокамъ волновалась поспѣвающая рожь. Иногда на нашу дорогу выбѣгалъ проселокъ отъ какой-нибудь ближней деревни, и на этомъ перекресткѣ стояли у маленькихъ „часовенокъ“ деревенскія иконки. Какой-нибудь сѣдой старикъ съ обнаженною головою сидѣлъ на припекѣ у блюда, покрытаго чистымъ полотенцемъ. У каждой такой часовенки икона останавливалась, служился молебенъ. Тогда вокругъ иконы дѣлалась давка. Народъ рвался къ ней, стараясь приложиться къ стеклу кіота. Сгибаясь, проходили они подъ шесты, на которыхъ икона была поставлена, давя другъ друга и тѣснясь, и тянулись къ иконѣ. Теперь, на просторѣ полей, у этихъ часовенокъ, среди раскинувшейся и порѣдѣвшей толпы, икона стала какъ будто ближе и доступнѣе. Тутъ, собственно, ее окружалъ тѣсный кружокъ настоящихъ богомольцевъ. Страждущій, болящій, немощный и скорбящій людъ охватывалъ икону живою волной, которая вздымалась подъ вліяніемъ какого-то особеннаго притяженія. Не глядя другъ на друга, не обращая вниманія на толчки, всѣ они смотрѣли въ одно мѣсто... Полупотухшіе глаза, скорченныя руки, изогнутыя спины, лица, искаженныя отъ боли и страданія—все это обращалось къ одному центру, туда, гдѣ изъ-за стекла и переплета рамы сіяла золотая риза, и голова Богоматери склонялась темнымъ пятномъ къ Младенцу. Изъ глубины кіота икона производила особенное впечатлѣніе. Солнечные лучи, проникая сквозь стекла, сверкали смягченными переливами на золотѣ ея вѣнца; отъ движенія толпы икона

слегка колебалась, переливы свѣта вспыхивали и угасали, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, и склоненная голова, казалось, шевелилась надъ взволнованною толпою. Тогда потухшіе глаза и искаженныя лица оживлялись. По всѣмъ этимъ лицамъ проходило какое-то вѣяніе, сглаживавшее всѣ различные оттѣнки страданія, подводившее ихъ подъ общее выраженіе умиленія. Я смотрѣлъ на эту картину не безъ волненія... Такая волна человѣческаго горя, такая волна человѣческаго упованія и надежды!.. И какая огромная масса однороднаго душевнаго движенія, подхватывающаго, уносящаго, смывающаго каждое отдѣльное страданіе, каждое личное горе, какъ каплю, утопающую въ океанѣ!.. Не здѣсь ли, думалось мнѣ, не въ этомъ ли могучемъ потокѣ однородныхъ человѣческихъ упованій, одной вѣры и одинаковыхъ надеждъ—источникъ этой исцѣляющей силы?..

Когда короткій молебенъ кончался и икононосцы принимались за шесты,—многіе склонялись или даже ложились на землю. Но, опять, здѣсь это было какъ-то проще, болѣе трогало и никого не пугало... Икона вздрагивала, подымалась и, плавно колыхаясь, проносилась надъ распростертыми людьми. Счастливцы, надъ которыми она проходила, вставали съ умиленными лицами.

IX.

Остановки здѣсь были очень часты, поэтому мы съ Андреемъ Ивановичемъ далеко опередили ядро богомольцевъ.

Противъ одной деревеньки, живописно раскинувшейся въ верстѣ отъ дороги, на холмикѣ, мы наткнулись на оживленную картину. Вдоль нашего пути въ нѣсколькихъ мѣстахъ были выстроены зеленые шатры, въ тѣни которыхъ стояли столы и дымились самовары. На травѣ съ одной стороны дороги сидѣли бабы съ ведрами квасу и съ хлѣбомъ, на другой—курились огоньки, надъ которыми жарились на сковородкахъ грибы. Картина импровизированнаго базара была оживленная и шумная.

— Двѣ копѣйки, двѣ копѣйки всего! Грибовъ отвѣдайте, почтенные! — весело зазывали красивыя, нарядныя молодицы.

Я усѣлся около одной изъ сковородокъ и позвалъ Андрея Ивановича.

— Не кушайте грибовъ!—сказалъ онъ мрачно и какъ будто намекая на что-то.

— А что?

— Раскольники!—крикнулъ онъ какъ-то въ сторону и отвернулся.

Я засмѣялся; но Андрей Ивановичъ пошелъ, не останавли-
ваясь, дальше. Дѣйствительно, среди этихъ красивыхъ и по-
праздничному разодѣтыхъ бабъ я не замѣтилъ того благого-
вѣйнаго ожиданія, съ какимъ встрѣчали икону въ другихъ
мѣстахъ. Онѣ весело болтали, громко пересмѣивались, зазы-
вая проходящихъ. Среди нихъ царило, повидимому, одно
только желаніе поживиться отъ этой толпы.

Отвѣдавъ невкуснаго яства, сильно отзывавшаго плохимъ
постнымъ масломъ, я тронулся въ дальнѣйшій путь и, спу-
стившись съ небольшого холма, наткнулся неожиданно на но-
вую сцену. На дорогѣ, среди кучки плутовато посмѣива-
вшихся раскольничьихъ красавицъ, Андрей Ивановичъ являлъ
новые примѣры неустрашимости. Въ сторонѣ стоялъ знакомый
уже мнѣ тарантасъ: распряженныя лошади ѣли овесъ, а хо-
зяева оживленно спорили съ Андреемъ Ивановичемъ.

— А! на парѣ вы ѣздите! — кричалъ Андрей Ивановичъ
купеческому сынку, одѣтому, какъ вчера, въ мужицкій кар-
тузъ. — Я на тебя не посмотрю, что ты ѣздишь на парѣ...
Много я вашего брата училъ...

Онъ подвигался къ противнику, такъ же, какъ вчера, под-
ставляя щеку. Одинъ изъ товарищей купчика, субъектъ въ
длиннѣйшемъ пиджакѣ и въ картузѣ съ огромнымъ козырь-
комъ, еле стоявшій на ногахъ, путаясь, заплетаясь и балан-
сируя, то и дѣло подходилъ къ Андрею Ивановичу съ воин-
ственнымъ видомъ, но каждый разъ отлеталъ далеко въ сто-
рону отъ легкихъ толчковъ послѣдняго. Мужичокъ-возница,
въ кумачной рубахѣ и касторовой шляпѣ, оказывалъ болѣе
дѣятельную помощь купцу, и потому Андрей Ивановичъ по
временамъ схватывалъ его за грудь и сильно сотрясалъ. Ку-
пецъ замахивался зонтикомъ, но ударить не рѣшался, не-
смотря на то, что Андрей Ивановичъ всячески поощрялъ его
къ этому.

— Ну, что-жъ, ударь, ударь... Я и женку-то знаю, кото-
рую ты вчера приводилъ... Егорки Михалкинскаго баба, а?..
И-на парѣ ѣздишь, форсишь!.. Безобразничать вамъ только...
Богомольцы!..

Но молодой купчикъ, видимо оробѣвшій, все только зама-
хивался своимъ зонтикомъ. Тогда, потерявъ терпѣніе и пред-
видя мое вмѣшательство, въ смыслѣ примиренія, Андрей Ива-
новичъ вдругъ далъ совершенно неожиданный исходъ своей
ярости. Кинувшись къ мужику-возницѣ, онъ схватилъ его
одною рукою за грудь, а другою потянулся къ касторовой
шляпѣ.

— Ты з-зачѣмъ своную шляпу надѣлъ, зач-чѣмъ н-надѣлъ

шляпу, а?—спрашивалъ онъ сдавленнымъ отъ ярости голосомъ и, сорвавъ ненавистную шляпу, вдругъ бросился къ купцу, быстро сшибъ съ него картузъ и сильнымъ движеніемъ нахлобучилъ ее ему на голову.

Озадаченная мина купца вызвала всеобщій хохотъ; но такъ какъ послѣ этого оскорбленія онъ всетаки только взмахнулъ своимъ зонтикомъ, то терпѣніе Андрея Ивановича окончательно истощилось. Не находя надлежащаго исхода своему боевому чувству, онъ схватилъ купца своею дюжею рукой за носъ и нѣсколько разъ потянулъ его изъ стороны въ сторону, съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія...

— Н-на парѣ ѣздите вы, безобразники, н-на-а парѣ! — приговаривалъ онъ при этомъ.

Въ это время я подоспѣлъ на мѣсто дѣйствія и не безъ труда увелъ расходившагося героя. Онъ то и дѣло вырывался у меня, подбѣгалъ къ своимъ противникамъ, швырялъ заплетавшагося обладателя пиджака на траву, сотрясалъ возницу за шиворотъ и тормошилъ купца. Наконецъ, все еще поворачиваясь, грозя кулаками и ругаясь, онъ рѣшился всетаки сойти съ холмика и разстаться съ своими врагами.

— Ахъ, Андрей Иванычъ, Андрей Иванычъ, и что вамъ только за охота драться!—сказалъ я.

— За правду помереть готовъ во всякое время!—категорически заявилъ Андрей Иванычъ въ отвѣтъ.

— Да, вѣдь, они васъ не трогали, какая-жъ тутъ правда?

— Конечно, не трогали... Да ужъ у меня такой карахтеръ. Онъ тутъ передъ гаринскими больно расфорсился, а я ему форсу поубавилъ. Потому—не безобразь!.. Купчи-йшки! Награбленнымъ форсятъ...

— Ну, хорошо,—сказалъ я, смѣясь. — А шляпа-то вамъ чѣмъ помѣшала?

— Шляпа? Это которая на Емелькѣ надѣта была, купецкая, что ли?

— Ну, да!

Глаза Андрея Ивановича еще горѣли отъ возбужденія.

— Не обязанъ Емелька эту шляпу надѣвать,—сказалъ онъ энергично и тономъ безповоротнаго убѣжденія. — Шляпа, шляпа!.. Онъ есть мужикъ, значитъ, носи картузъ... Пустяки вы, ей-Богу, говорите!.. — неожиданно разсердился Андрей Ивановичъ на меня и зашагалъ быстрѣе.

X.

Ближе къ Оранкамъ мѣстность становилась лѣсистѣе. Мы уже миновали строенія монастырскаго хутора и опять коле-

симъ межъ деревьями, слѣдуя за прихотливыми изгибами лѣсной дорожки. Наконецъ, молодые дубы и клены разступились, ржаное поле набѣжало вплоть къ опушкѣ, и передъ нами открылась небольшая полянка, съ трехъ сторонъ плотно охваченная лѣсомъ. За рожью мы увидѣли сѣрыя избы монастырской слободки, деревянную ограду, темныя деревья монастырскаго сада и весело бѣлѣющія надъ зеленью верхушки церквей. Это и была цѣль нашихъ благочестивыхъ стремленій, „монастырь на Ораномъ полѣ“, какъ его звали встарину.

Такъ какъ икона отстала, и, кромѣ того, мы шли ближайшимъ проселкомъ, то до встрѣчи у насъ было еще много времени. Въ концѣ „порядка“ мы нашли незанятую еще избу и спросили самоваръ. Андрей Ивановичъ, впрочемъ, исполняя обычай, прежде отправился въ баню, а я, утоливъ жажду, растянулся въ задней избѣ на рогожкѣ, и мгновенно меня охватилъ тяжелый сонъ сильной усталости. До меня долеталъ поднявшійся на-встрѣчу иконѣ трезвонъ, я видѣлъ Андрея Ивановича, чисто вымытаго и съ краснымъ лицомъ, слышалъ, что онъ обращался ко мнѣ со словами укоризны, обвиняя въ малодушіи. Хозяйка, стоявшая тутъ же, уговаривала оставить меня въ покоѣ.

— Ну, нѣтъ, никакъ нельзя,—волновался мой спутникъ.— Эстолько мѣста прошелъ, неужто теперича и Владычицу не встрѣтить?.. Не трогъ, я его подыму!

И онъ непремѣнно поднялъ бы меня какимъ-нибудь болѣе или менѣе жестокимъ способомъ, если бы въ это время трезвонъ, клирное пѣніе, гулъ и топотъ толпы не показали ему, что со мной онъ рискуетъ не встрѣтить икону и самъ. Онъ бросилъ мою руку и ринулся изъ избы. Въ моихъ ушахъ еще нѣкоторое время укоризненно звенѣли монастырскіе колокола, потомъ звонъ сталъ тише, и я услышалъ только ровный шумъ славнаго лѣтняго дождя, ударявшаго въ легкую деревенскую постройку. Наконецъ, нѣсколько капель, упавшихъ мнѣ прямо въ лицо съ протекавшаго потолка, разогнали мою тяжелую дремоту...

Дождь прошелъ. Солнце густыми золотыми лучами заглядывало въ мои окна. Кругомъ было тихо, и мнѣ казалось, что между труднымъ путемъ, дракой Андрея Ивановича на дорогѣ, между всѣми происшествіями этого дня и теперешнею минутой легли цѣлыя сутки. Не безъ усилія натянувши сапоги на натруженныя ноги, я вышелъ.

На нашемъ „порядкѣ“ было тихо и спокойно. Кое-гдѣ устало склонялись богомольцы, бабы сидѣли на заваленкахъ, въ открытыя окна виднѣлись компаніи за самоварами. Боль-

шинство отдыхали или были въ церкви, такъ какъ всенощная еще не отошла. За оврагомъ, на другомъ „порядкѣ“, движенія было больше. Здѣсь раскинулись палатки и навѣсы деревенской ярмарки. Напуганные дождемъ, торговцы и торговки теперь раскрывали опять свои нѣсколько промокшіе товары. Тутъ были калачницы съ бѣлымъ хлѣбомъ, квасницы съ грушевымъ квасомъ, по копѣйкѣ кружка, бакалейщики съ пряниками. Нищія старушки проходили по рядамъ, подставляя кружки Христа ради. Въ кабакѣ было шумно; на площади кучи народа встрѣчались, бесѣдовали, сходились и расходились. Бѣлыя рубахи-шушпаны мордовокъ то и дѣло мелькали среди русскихъ ситцевъ и кумачей.

Сквозь открытыя монастырскія ворота мнѣ была видна паперть церкви съ густою толпой народа. Вечернія тѣни сгущались вокругъ монастыря на лѣсной полянкѣ, очертанія предметовъ въ сыромъ воздухѣ смягчались, огни предъиконныхъ свѣчей мелькали въ глубинѣ храма, и пѣніе долетало по временамъ мягкими волнами звуковъ, примѣшиваясь къ шуму деревенскаго торга.

Всенощная отходила. Когда я вошелъ въ церковь, старый архіерей уже стоялъ у выхода, и два діакона разоблачали его, произнося установленный обрядъ. Чередъ минуту архіерея увели подъ руки, и народъ сталъ тоже расходиться.

На восточной сторонѣ двора я увидѣлъ еще одни ворота. За ними, уходя куда-то внизъ, виднѣлись въ сумеркахъ деревья сада и утопающій въ зелени куполъ часовни. Я спустился къ ней по каменнымъ ступенькамъ, меня влекло уединеніе этого угла, тихій шопотъ деревьевъ и журчаніе воды, скрытой гдѣ-то въ темнотѣ. Въ часовнѣ оказался бассейнъ съ большою чашей надъ нимъ. Шаги гулко отдавались подъ его сводами. Капли воды срывались съ чаши и звонко падали въ водоемъ одна за другой. На восточной стѣнѣ маячили очертанія какой-то большой картины; фигуры слабо выступали изъ мрака, таинственно и неясно, какъ будто носясь въ воздухѣ надъ святымъ ключомъ.

XI.

Тихій сумеречный часъ, шорохъ деревьевъ и немолчный звонъ воды—все это настраивало особеннымъ образомъ, и въ моемъ воображеніи поднялись картины прошлаго. Здѣсь, у этого ключа, съ этого самаго мѣста, гдѣ я стою теперь, нѣкогда основатель монастыря, боляринъ Глятковъ, увидѣлъ чудный огонь на Оранской горѣ...

„И егда идяше по полю, зовомому Оранскому, и вниде въ

непроходимый лѣсъ, и узрѣ на горѣ огнь возгнещенъ. И пріиде и никого же обрѣте близъ огня того отъ человѣкъ, но токмо отъ него выспрь зритъ столпъ вельми свѣтелъ, досяжущъ до небеси... День же бѣ той сумраченъ и тучи велія хождаху по воздуху, яко не токмо неба, но и солнца невозможно видѣти, и дождь исхождаше велій во весь той день".

Пораженный этимъ „видѣніемъ", такъ простодушно и такъ поэтично описаннымъ въ старинной рукописи, боляринъ Глятковъ и рѣшилъ здѣсь заложить монастырь, въ 1634 году, среди лѣсовъ, населенныхъ „поганою терюханскою мордвой". Поганая мордва, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась очень недовольна новымъ сосѣдствомъ. Монастырю пришлось вынести много превратностей, начиная съ волокиты по жалобамъ мордвы на отнятіе у нея земель. Однако болярину удалось волокиту осилить, и государевою грамотой повелѣно было „пожаловать старца Гляткова съ братіей лѣсу вдоль на версту и поперекъ тожъ отмежевать; а буде имъ надобно монастыремъ для лѣсу и дровъ въѣзжать въ мордовскіе лѣса, и имъ въѣзжать велѣть для всякаго лѣсу и дровъ опричь бортнаго дерева". Тогда поганая мордва рѣшилась на другія средства. Много разъ слышались вокругъ обители грозные крики, много разъ мордва съ „дерзостнымъ нечестіемъ" возставала на нее, и даже самъ основатель, бывшій болярпнъ Петръ, а тогда уже схимонахъ Павелъ Глятковъ палъ жертвой въ 1665 году. Ночью ворвалась мордва въ монастырь. Старецъ кинулся на колокольню, но мордва нашла его тамъ, и онъ былъ звѣрски убитъ. Его повлекли съ колокольни за ноги по ступенямъ. „Отъ ударовъ,—говоритъ составитель описанія Оранской Богородицкой пустыни,—голова была прошиблена, а отъ прошибу текла изъ нея кровь въ такомъ множествѣ, что ею обагрена была вся лѣстница". Помощи подать было некому, такъ какъ иноковъ было всего восемь человѣкъ. А кругомъ только лѣсъ окружалъ пустынь,— дремучій лѣсъ, родственный и дружественный „поганой мордвѣ", которая защищала его отъ вторженія чужой культуры... Такъ погибъ основатель пустыни.

Терпѣла обитель и еще многія напасти. Кромѣ мордвы, приходили въ пустынь и пограбляли ее „воровскіе люди", нерѣдко изъ сосѣднихъ деревень. Мордва тѣснила ее „относительно жалованной земли, съ лѣсомъ и угодьями", которые „поганые терюхана" привыкли, конечно, считать своими. Наконецъ, и отъ своихъ жалованныхъ крестьянъ терпѣла пустынь, по выраженію іеромонаха Макарія, „упорство въ повиновеніи". Упорство это доходило до того, что въ 1745 году

монастырскіе крестьяне изъ Нижегородской губерніи убѣжали, чтобы не платить положеннаго оброка, и поселились въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ. Во всѣхъ этихъ напастяхъ, кромѣ заступленія Богородицы, пустынь оберегалась также и благочестивымъ радѣніемъ благодѣтелей. Такъ, перечисливъ во вкладной грамотѣ даруемыя пустыни земли, одинъ изъ этихъ благодѣтелей скромно говоритъ: „и на той землѣ тщаніемъ моимъ многогрѣшнымъ собраны изъ бѣговъ и поселены тѣ бѣглые крестьяне оной пустыни: Петръ Алексѣевъ, у него сынъ Алексѣй, да Матѳей Алексѣевъ, да Ѳедосій Алексѣевъ, да Сидорка Тимоѳеевъ, съ женами и дѣтьми. Такожъ прошу и молю, — заключаетъ благочестивый коммиссаръ-жертвователь,—аще наведеніемъ супостата нашего впредь отъ оной обители вкладные крестьяне пожелаютъ на тое землю или въ другія мѣста бѣгать и жить, дабы ихъ ловить и за такое скотское и несмысленное дерзновеніе жестоко наказывать кнутомъ, посылать на старое ко оной обители жилище, дабы то святое мѣсто паче прославлено было, а не пусто“.

Несмотря на эти благочестивыя мѣропріятія съ ловлею людей и кнутами, пустынь существовала скудно и трудно. Видно, ни Петръ Алексѣевъ, ни Матѳей, ни Ѳедосій, ни Сидорка Тимоѳеевъ съ женами и дѣтьми, ни всѣ жертвованныя благочестивыми людьми „души“ надлежащимъ образомъ къ обители не прилежали. „Въ 1730 году, — какъ сказано въ описи монастырскаго имущества за тотъ годъ, — 4 книги четьихъ миней заложены у дворянина у Ивана Дмитріева Лѣнивцева въ семи рубляхъ съ полтиной... а заложилъ тѣ книги бывшій казначей Иларіонъ, по братскому приговору, на время, ради хлѣбной нужды...“

Въ 1764 году, по объявленіи монастырскихъ штатовъ, Оранская пустынь, что на Словенской горѣ, оставлена за штатомъ, и крестьяне, а равно и угодья у нея были отобраны. Казалось, начинанію Петра Гляткова, видѣвшаго въ тонцѣмъ снѣ будущую славу монастыря на осіянной небеснымъ свѣтомъ Словенской горѣ, приходилъ конецъ. Но именно съ этого времени, когда рабьи Сидоркины и Алешкины души были изъяты изъ-подъ монастырскаго ярма, и начинается періодъ процвѣтанія пустыни. „Единственная надежда, — говоритъ іеромонахъ-описатель, — была на чудотворную икону Божіей Матери, и надежда эта оправдалась. Въ 1771 году открылась моровая язва... Въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ цѣлыя сотни людей дѣлались жертвами преждевременной смерти... Тогда, не довольствуясь молитвами передъ святынею

нижегородскою, вспомнили о чудотворной иконѣ Оранской Богоматери, которая, по распоряженію епископа Ѳеофана Чарнуцкаго и градскаго начальства, была принесена въ Нижній, въ каѳедральный соборъ. И вотъ, во время крестнаго хода, — повѣствуетъ Макарій, — надъ Нижнимъ-Новгородомъ замѣтили, что носившіяся въ воздухѣ тонкія облака вдругъ начали собираться въ одно мѣсто и сгустились въ одно черное облако, понесшееся за Волгу. Вскорѣ послѣ этого и язва прекратилась. Въ память этого событія благодарные нижегородцы постановили приглашать икону къ себѣ ежегодно и исполнять сей обѣтъ свой „въ роды родовъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія къ обители Сидорокъ и Алешекъ, равно какъ поганыхъ терюханъ, измѣнились. Бѣгать теперь отъ монастыря не приходилось, объ угодьяхъ споры прекратились за отобраніемъ послѣднихъ. Чудотворная икона, прежде обращавшая силу свою на посрамленіе воровскихъ и разбойныхъ поползновеній окрестныхъ жителей противъ старцевъ и являвшаяся какъ бы воюющею стороной, теперь изливала свои милости, исцѣляла немощныхъ, прогоняла грозовыя тучи или призывала благодатные дожди на спаленныя нивы.

„И процвѣла есть пустыня яко кринъ". Не слышно уже болѣе въ обители тревожнаго набата, дремучій лѣсъ не вторитъ ни жалобнымъ стонамъ совлекаемаго съ колокольни старца, ни злобнымъ крикамъ терюханъ, ни святотатственнымъ окрикамъ удалыхъ воровскихъ людей, ни стонамъ монастырскихъ крѣпостныхъ, насильственно собранныхъ изъ бѣговъ... Кругомъ монастыря въ этотъ тихій вечерній часъ смолкаетъ говоръ тысячной толпы богомольцевъ; таинственно шепчутся высокія деревья монастырскаго сада, и я стою, окруженный тѣнями старины, слушая немолчный звонъ воды надъ тѣмъ самымъ ключемъ, гдѣ нѣкогда старецъ Глятковъ принадалъ въ умиленіи у подножія дикой Словенской горы...

Темнѣло быстро. Съ востока опять надвигалась туча. Выйдя изъ часовни и поднявшись на холмъ, я увидѣлъ, что ворота, въ которыя я вошелъ, заперты. Задній дворъ монастыря былъ пустъ, во дворѣ монастырской школы слышался стукъ колотушки караульщика.

— Вамъ выйти, что ли? спросилъ у меня мужичокъ, возившійся около бани.

— Да, вотъ не знаю, какъ выйти.

Онъ провелъ меня въ маленькую калитку. Пройдя вдоль старой мшистой монастырской стѣны, мы очутились на небольшомъ бугрѣ, надъ оврагомъ. Мѣсто было пустое и тихое. Простой, огромный, восьмиконечный крестъ простиралъ надъ

поляной свои плечи сурово и важно. Надъ крестомъ, затѣняя полянку еще болѣе и теряясь густолиственною головой въ вечернемъ небѣ, ровно и крѣпко шумѣло на вѣтру громадное дерево.

— Тутъ, подъ этимъ крестомъ, что міру лежитъ... и-и, безъ числа!—сказалъ мой провожатый.—Кладбища тутъ была крестьянская,—добавилъ онъ.—Потомъ, слышь, унистожили. Не понравилось архирею одному, что плачемъ мы шибко, когда коронимъ своихъ... Теперь, стало-быть, коронимся въ другомъ мѣстѣ.

Когда я вышелъ на площадь, торгъ прекратился. Торговки укладывались и покрывали на ночь товаръ. Изъ монастырскаго двора выходили послѣдніе запоздалые, быть можетъ, по кельямъ, посѣтители. Какого-то странника выталкиваютъ силой и запираютъ за нимъ ворота. Странникъ громитъ отцовъ и собираетъ около себя кучку раскольниковъ-слушателей... Около кухни трапезный послушникъ равнодушно выслушиваетъ укоры пришлыхъ изъ города нищенокъ.

— Мало, что ли, принесла вамъ Владычица изъ Нижняго? Нѣтъ у васъ для богомолокъ куска хлѣба!..

Послушникъ-хлѣбопекъ хладнокровно вытиралъ полой потное лицо.

— Вы должны просить со смиреніемъ, а вы дерзостно просите,—сказалъ онъ.

— Что я сказала? Только и сказала, что вамъ, дескать, мордовокъ своихъ, что-ль, кормить нечѣмъ?

— Ну, вотъ видишь: сама язвительныя слова говоришь, а хочешь, чтобъ тебѣ подали. Ступай, ступай!..

На площади народъ рѣдѣетъ. Только у харчевни Андрей Ивановичъ громко спорилъ съ пріѣхавшими на базаръ окрестными раскольниками.

— Врешь, не туда гнете!..—разносился рѣзкій голосъ неугомоннаго сапожника.

XII.

На слѣдующее утро я проснулся довольно поздно. Андрея Ивановича уже не было въ избѣ.

Большинство богомольцевъ уже ушли, чтобы воспользоваться для пути утреннимъ холодкомъ. За то изъ окрестныхъ деревень народу прибывало все больше. Многіе шли въ церковь, чтобы повидать архіерея, но большинство, кажется, привлекала ярмарка, вступившая во второй день (такъ называемое подторжье). Завтра, съ „отваломъ“, она должна была кончиться Въ числѣ прибывшихъ было много раскольниковъ

изъ ближнихъ къ монастырю деревень, и потому кое-гдѣ въ кружкахъ кипѣли собесѣдованія, переходившія по временамъ въ страстные споры, а иногда и въ ругательства.

— Вы почему сами себя, напримѣръ, православными считаете?—спрашиваетъ раззадоренный спорщикъ.

— А потому, — высокопарно отвѣчаетъ вопрошаемый, — что наша церковь — Христова, на правильной славѣ стоитъ во-вѣки вѣковъ.

— Никонова вѣра у васъ.

— А у васъ Дунькина!..

Я зашелъ въ церковь. Тамъ между народомъ я увидѣлъ двухъ крестьянъ, у которыхъ длинные волосы были сбриты на макушкахъ. Замѣтивъ, что я присматриваюсь къ нимъ, старикъ, мой сосѣдъ пояснилъ, наклонясь ко мнѣ:

— Раскольники это.

— Зачѣмъ же они брѣются?

— А это у нихъ повѣрье, что, значитъ, на нихъ Духъ Святой сходитъ. Такъ вотъ, чтобы легче ему взойти въ человѣка... стало-быть, волосы мѣшаютъ... Называемое это гуменце...

Раскольники стояли истово и по временамъ крестились двуперстнымъ сложеніемъ.

Икона, вынутая изъ кіота, стояла у себя, дома, на южной сторонѣ, невдалекѣ отъ архіерейскаго амвона. Надъ ней было развѣшано бѣлое полотенце; народъ, какъ всегда, толпился около нея, каждый, подходя, крестился, многіе вытирали загрязненнымъ уже полотенцемъ глаза, цѣловали икону и проходили дальше. Поставивъ передъ иконой нѣсколько свѣчей по порученію, данному незнакомыми старушками, я вышелъ.

На площади мнѣ попался на-встрѣчу Андрей Ивановичъ, быстро проходившій среди толпы. Онъ шелъ, размахивая руками, не замѣчая людей и, повидимому, занятый какою-то мыслью, которая его сильно волновала. Губы его что-то бормотали, лицо было задумчиво, сердито.

— А-а, Галактіонычъ! Я васъ ищу...

— Что такое?

— Подите-ка сюда.

Онъ отвелъ меня въ сторону. Я замѣтилъ, что онъ какъ будто сконфуженъ, точно сейчасъ выдержалъ баталію и остался побѣжденнымъ. Лицо его было въ поту, глаза растерянно косили.

— Какъ оно будетъ правильнѣе,—спросилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ, точно школьникъ, тайкомъ разспраши-

вающій у товарища невыученный урокъ,—то-есть какъ Христосъ сошелъ на землю: *вòплоти* или *воплотѝ?*..

— Ничего не понимаю.

— Ну, вотъ, какой вы, ей-Богу! Видите: ежели *вòплоти*,—стало быть голосъ ударяетъ вначалѣ, а ежели *воплотѝ*—слѣдовательно, уже силу имѣетъ въ концѣ. Вѣдь, это же разница.

— Да зачѣмъ вамъ?

— Стало-быть надо! Потому что я передъ людьми оконфуженъ. Вотъ видите какое дѣло. Стали мы тутъ говорить о вѣрѣ... Ну, и я тоже выражалъ отъ себя... Да вы не думайте: ей-Богу, все правильно говорилъ, какъ есть... А одинъ тутъ изъ раскольниковъ все мнѣ напротивъ, все напротивъ... И вдругъ этто онъ мнѣ и говоритъ: да ты что, говоритъ, споришь, а самъ еще и разговаривать съ нами не можешь. Скажи, говоритъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сошелъ на землю: *вòплоти* или *воплотѝ* *)? Ну, я подумалъ и говорю: „стало-быть, *воплотѝ*“. „Поэтому, говоритъ, ты есть невѣжа и повиненъ геенѣ огненной“... Ей-Богу, правда. А я, признаться, и самъ маленько сумнѣваюсь: правильно ли я сказалъ, потому что они—начётчики... Такъ, вотъ, вы мнѣ объясните.

— Я думаю, что всего правильнѣе: во плòти.

— Во-пл-о-ò-ти? (Андрея Ивановича очень удивила возможность еще третьей комбинаціи). А вѣдь, ей-Богу, пожалуй, вѣрно.

Онъ хлопнулъ себя по лбу и дернулся въ сторону, намѣреваясь куда-то бѣжать.

— Да я не понимаю, Андрей Иванычъ, зачѣмъ вы объ этомъ спорите? Вѣдь, въ этомъ никакой важности нѣтъ, и духъ ученія вовсе не въ удареніяхъ.

— Какъ вы говорите: духъ?

Андрей Ивановичъ остановился, готовясь не проронить ни одного слова.

— Ну, да, духъ христіанскаго ученія!.. А, вѣдь, это одно праздное словоизмышленіе, пустяки...

— Такъ, такъ,—мотнулъ Андрей Ивановичъ головой...— Духъ—разъ (онъ загнулъ одинъ палецъ), словоизмышленіе—два (онъ опять загнулъ одинъ палецъ). Еще, можетъ, что-нибудь скажете?

— Будетъ съ васъ.

— Ладно! Теперь мнѣ бы его найти; я его этимъ самымъ словомъ сейчасъ на мѣстѣ ушибу, ей-Богу!

---

*) Одинъ изъ вопросовъ вульгарной раскольничьей діалектики.

Андрей Ивановичъ возбужденно зашагалъ въ толпѣ, разыскивая глазами своего антагониста, а я провожалъ сочувственнымъ взглядомъ его не совсѣмъ-то складную фигуру. При всей его безпорядочной страстности, я зналъ, что въ немъ бродятъ, не находя исхода, искренніе и глубокіе запросы... Мнѣ было досадно, поэтому, видѣть его глубокое огорченіе отъ своей безпомощности передъ схоластической діалектикой.

Увы! могъ ли я предвидѣть въ эту минуту, что для моего сожалѣнія вскорѣ представятся гораздо болѣе основательные поводы?..

XIII.

Андрею Ивановичу нужно было зайти къ знакомому мужику въ одну изъ ближайшихъ деревень, носящую многознаменательное названіе Сивухи. Онъ звалъ меня, но я чувствовалъ усталость и хотѣлъ сберечь силы для обратнаго пути. Поэтому мы условились, что онъ пойдетъ одинъ, а я выйду, спустя нѣкоторое время, и потихоньку пойду по дорогѣ, Андрей Ивановичъ меня догонитъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Пошатавшись еще по базару, напившись чаю и расплатившись съ хозяевами, я надѣлъ свою котомку и тихонько поплелся прямою лѣсною дорогой.

Оказалось, однако, что Андрей Ивановичъ опередилъ меня. Выйдя изъ лѣсу, я вдругъ услышалъ его голосъ.

— Эй, Галактіонычъ, подите сюда!

Онъ лежалъ на травѣ, среди цѣлаго общества, у зеленаго шалаша, построеннаго подъ лѣсомъ въ сторонѣ отъ дороги. Синій дымокъ вился тонкой струйкой надъ землей, теряясь въ кустарникѣ. Надъ огонькомъ висѣлъ котелокъ, и какой-то мужикъ съ мохнатою головой, безъ шапки и босой, мѣшалъ въ котелкѣ ложкой. Другой, тоже раздѣтый, лежалъ у огня, облокотившись подбородкомъ на руки. Человѣка три въ сапогахъ и шапкахъ, видимо проѣзжіе, остановились на время. Невдалекѣ стояли нераспряженныя телѣги, а лошади щипали у кустовъ траву, обмахиваясь хвостами. Еще какой-то низенькій мужичокъ, весь сѣрый и „бѣлесый“, со свѣтлыми глазами и незначительными чертами лица, которыя хранили выраженіе постоянной недоумѣлой улыбки, сидѣлъ въ сторонѣ отъ другихъ въ телѣгѣ, то и дѣло пожимаясь отъ комаровъ и почесываясь.

Поздоровавшись, я пожелалъ узнать, зачѣмъ здѣсь шалашъ и что они дѣлаютъ въ полѣ, далеко отъ деревни.

— Бекетчики,—сказалъ лежавшій на землѣ,—значитъ,— гля бекету...

Видя, что я не совсѣмъ понялъ, другой, мѣшавшій ложкой въ котлѣ, прибавилъ:

— Гля разбою, стало быть, гля грабежу мы поставлены.

Я догадался, что это сельскій пикетъ. Снявъ котомку и положивъ ее подъ голову, я съ наслажденіемъ растянулся на сыроватой травѣ. Надъ моею головой лапчатые листья клена, насквозь пронизанные лучами солнца, качались на длинныхъ стебелькахъ, купаясь въ синемъ воздухѣ, и мнѣ казалось, что они трепещутъ отъ такого же сознательнаго наслажденія, какое въ эту минуту переполняло меня. Между тѣмъ, въ компаніи около огонька начался опять разговоръ, прерванный моимъ приходомъ. Первый началъ Андрей Ивановичъ.

— Ну, ну, говори дальше, не опасайся... Товарищъ это мой, простякъ!

— Ну, вотъ, больше ничего. А что полагаю я: не можетъ быть, значитъ, чтобы намъ провалиться, потому какъ мы при отцахъ-дѣдахъ надаваны господами и живемъ, стало быть, на отцовскомъ мѣстѣ. Потому что господа, значитъ, объ монастырѣ радѣли. Мало ли ихъ, господъ, и теперича на кладбищѣ лежитъ. Вотъ была, слышь, война севастопольска. Я мальченкой былъ, и то помню: выбѣжали мы съ ребятами за околицу, глядимъ, везутъ изъ лѣсу въ черной телѣгѣ смоляной гробъ, а въ гробу, слышь, полковникъ убитый въ монастырь ѣдетъ корониться. Да не то что полковники, тутъ и генералы лежатъ...

— Не туда гнёшь!—строго сказалъ Андрей Ивановичъ.—Ты это что же на генераловъ свернулъ? Ты о кудесникѣ доскажи. Онъ, видишь, тебѣ какое слово сказалъ. Стало-быть, ты ему и отвѣчай, а генераловъ оставь!

— Дэ-э!.. То-то вотъ...—подтвердилъ одинъ изъ проѣзжихъ мужиковъ не безъ ехидства.

Я понялъ, что опять попалъ на словопренія, и мнѣ стало ясно взаимное положеніе сторонъ. Бекетчикъ Иванъ Савинъ—мужикъ изъ подмонастырской слободки, быть можетъ, прямой потомокъ какого-нибудь Петра Алексѣева или Сидорки Тимоѳеева, которыхъ, въ старые годы, какъ мы видѣли выше, сыскивали, имали, били за „несмысленное и скотское дерзновеніе“ кнутомъ и водворяли на прежнее жилище, дабы „обитель паче прославлена была, а не пуста“... Потомки Сидорки Тимоѳеева, давно уже лежащаго подъ старымъ крестомъ со всею „силой“ похороненнаго здѣсь міра, примирились съ обителью... Но кругомъ осталось много непримирившихся... Собесѣдники Савина—безпоповцы изъ окрестныхъ деревень, возвращавшіеся на этотъ разъ съ базара. Предметъ спора—

будущая судьба „Оранаго поля“... Въ старообрядческомъ населеніи, жадно подхватывающемъ всѣ проявленія человѣческой слабости среди иноковъ обители, носится легенда, гласящая, что нѣкогда всему этому мѣсту суждено провалиться сквозь землю, какъ Содому... Люди старой вѣры угрожаютъ этимъ также и слободкѣ... Андрей Ивановичъ на сей разъ являлся въ не совсѣмъ-то подходящей ему роли посредника или предсѣдателя на этомъ полевомъ диспутѣ у „бекетнаго“ шалаша...

Иванъ Савинъ насчетъ кудесника отвѣтилъ не сразу. Я не глядѣлъ на него, но ясно представлялъ себѣ его спокойное лицо, простодушный взглядъ голубыхъ глазъ, мохнатую бѣлокурую голову и неторопливыя движенія. Онъ продолжалъ помѣшивать въ котелкѣ, и, когда заговорилъ опять, то въ его голосѣ слышалась спокойная увѣренность человѣка, не навязывающаго своихъ взглядовъ другимъ, но за то твердо убѣжденнаго въ томъ, что онъ говорилъ.

— А насчетъ кудесника такъ это вѣрно... Была, слышь, у одного монаха черная книга и по этой самой книгѣ онъ до всего доходилъ... Всю ночь, бывало, огонекъ у него въ кельѣ: мастеритъ что-то, либо эту книгу читаетъ. И сдѣлалъ онъ земное подобіе, вродѣ бы сказать шаръ земной, и тутъ тебѣ солнце, и земля, и звѣзды. Заведетъ пружину—и пойдетъ этто земля въ ходъ, и солнце тебѣ выкатывается, и луна кругъ земли ходитъ, и, стало быть, звѣзды тоже по своимъ мѣстамъ... Какъ у Бога, такъ и у него... въ аккуратъ!

— Ну, въ этомъ, я полагаю, грѣха нѣту,—сказалъ Андрей Ивановичъ,—потому это называемый глобусъ.

Я повернулъ голову, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвели эти слова городского человѣка на собесѣдниковъ. Услышавъ его приговоръ, снабженный такимъ мудренымъ словомъ, старообрядецъ глядѣлъ нѣсколько секундъ растеряннымъ взглядомъ.

— Нѣту грѣха, говоришь? въ этакомъ-то дѣлѣ?..

— То-то, сказываютъ, въ этомъ еще грѣха нѣту,—продолжалъ Савинъ,—потому что это подобіе на славу Божію, значитъ—для вразумленія человѣковъ... Ну, а вы послушайте дальше. Стало быть, сколько-то прожилъ онъ и померъ скорою смертью, безъ покаянія. Палъ у себя въ кельѣ и умеръ.

— Оно и видно, что ужъ Богъ не потерпѣлъ,—вставилъ раскольникъ.

— Ну, значитъ, какъ померъ онъ, надо было сундуки вскрывать. А замки у него такъ хитро прилажены: бились, бились—

ничего не подѣлаютъ. Вотъ и позвали, слышь, для этого дѣла нашего деревенскаго одного... Мастеръ тоже былъ на всѣ руки. Онъ и отперъ.

— Ну?

— Нехорошо, дѣйствительно!.. Въ одномъ, слышь, сундукѣ деньги, такъ пачками и лежатъ, веревочками обвязаны. Онъ, значитъ, съ иконой-то ѣзжалъ не разъ... А какъ другой открыли, такъ тутъ ужъ тьфу!.. И сказать грѣшно: лежитъ въ сундукѣ сдѣлана дѣвица, какъ быть живая...

Старообрядецъ, поднявшійся на локоть, съ горящими глазами, не вытерпѣлъ и, перебивъ разсказчика, досказалъ самъ:

— И, слышь, толкнуть эту дѣвицу подъ ложечку,—сейчасъ она срамныя слова можетъ говорить...

— Словъ-то мы, положимъ, что не слыхали,—сказалъ Савинъ.

Андрей Ивановичъ молча и сосредоточенно покачалъ головой. Ободренный его видомъ, старообрядецъ заговорилъ съ страстнымъ возбужденіемъ:

— Да, вѣдь, это, братецъ мой, что онъ говоритъ!.. Вѣдь, ужъ въявь для всѣхъ знаменіе было отъ Бога, что нельзя Ему, Батюшкѣ, больше ихняго мѣста терпѣть. Насмердѣло!

Въ котелкѣ закипѣло. Савинъ отодвинулъ котелокъ отъ огня и затѣмъ сказалъ своимъ ровнымъ голосомъ:

— Знаменіе, братецъ, понимать тоже надо, къ чему оно дается. Видите — опять это вѣрно онъ говоритъ, что было знаменіе. Стало-быть, на „порядкѣ“ у насъ, — видѣли, можетъ, часовенька махонькая стоитъ. Тутъ прежніе годы вертепъ былъ. Этто вотъ завтра, къ отвалу ярмарки, мордва соберется, видимо-невидимо. Такъ вотъ въ прежніе года, не очень давно, у нихъ въ этомъ мѣстѣ игрища была; дѣвки, бывало, хороводы водютъ, пѣсни поютъ, а парни на гармоніяхъ играютъ, въ дуды дудятъ... И все, значитъ, у самаго монастыря; конечно, нехорошо, само собой. Бывало тутъ всего... И пришла, знаешь, одинъ разъ къ игрищу этому дѣвица, сторонняя какая-то. Мордва-то вся бѣлая, а дѣвица эта въ черномъ платьѣ, только голова бѣлымъ платкомъ повязана. Вотъ пришла, стала средь игрища, стоитъ, этакъ руки вытянула, глазами въ одно мѣсто смотритъ. А чья дѣвица, неизвѣстно. Вотъ разошлась мордва съ игрища, а она стоитъ. Ночь пришла, — она все ни съ мѣста. Наконецъ, того, повѣрите ли, на зарѣ вышли наши бабы коровъ гнать... Что за диво: стоитъ дѣвица середь полянки, ровно статуй, перепугала народъ весь... Стали которые подходить, спрашиваютъ: „Что, молъ, дѣвонька? По какой причинѣ стоишь?“

Ни слова. Ну, тутъ ужъ увидѣли, что дѣло это не простое. Пріѣхалъ исправникъ Воронинъ, свели ту дѣвицу силомъ съ мѣста, и стала она послѣ того объяснять. Вышла, говоритъ, на игрищу и вдругъ этто вижу: все кругомъ провалилось... Я одна на малыимъ мѣстѣ стою и ступить мнѣ некуда... А икона, значитъ, на облакѣ въ небо поднялась...

— Ну, вотъ видите! — подхватилъ старообрядецъ. — Вѣдь, ужъ это вьявѣ обозначаетъ, что ихнему мѣсту не стоять...

Андрей Ивановичъ сосредоточенно покачалъ головой и сказалъ, обращаясь къ Ивану Савину:

— Поэтому, вижу я, ваше дѣло ай-ай плохо...

— А я такъ полагаю, — отвѣтилъ Иванъ Савинъ, — не можетъ быть, чтобы намъ провалиться. Потому ты разсуди самъ, милый человѣкъ: первое дѣло игрищу съ этихъ самыхъ поръ унистожили, отслужили на томъ мѣстѣ молебенъ съ иконой и поставили часовенку...

— Да что игрища!.. Будто въ одной игрищѣ дѣло, — перебилъ возражатель, — насмердѣло ваше мѣсто передъ Господомъ, аки Содома!..

Иванъ Савинъ снялъ совсѣмъ котелокъ съ огня, попробовалъ кашу и сказалъ другому „бекетчику“:

— Готово, дядя Силантій, пущай вотъ поостынетъ маленько. — Затѣмъ, обратясь къ собесѣднику, отвѣтилъ: — Это, братъ, ты сверхъ ума говоришь... Это неизвѣстно. Конечно, грѣшны и мы, а все за монаховъ, авось, Господь съ насъ не взыщетъ. Они особо, мы особо... потому мы развѣ монахамъ молимся? Мы Владычицѣ молимся, вотъ кому... Тоже, вѣдь, и объ васъ было знаменіе...

— Мало ли! — угрюмо сказалъ старообрядецъ и затѣмъ поднялся. — Пора и запрягать намъ.

Оба они съ товарищемъ пошли къ лошадямъ.

Бѣлесый мужичокъ, сидѣвшій въ телѣгѣ и слушавшій очень внимательно весь разговоръ, подошелъ къ огню и, почесывая руками брюхо, сказалъ, лукаво подмигивая въ сторону ушедшихъ:

— Не любятъ... Какъ про нихъ заговорили, имъ и запрягать надо...

И затѣмъ, постоявъ нѣсколько секундъ, онъ опять улыбнулся и сказалъ:

— А у насъ, слышь, еще кака-то новая вѣра прискочила. Астрицка, что ли, сказываютъ. Часовню хотятъ строить...

— А какое же, говоришь, знаменіе объ нихъ? — обратился Андрей Ивановичъ къ Савину.

— Да вотъ знаменіе тоже не малое. Ходитъ тутъ паре-

нёкъ ихній, безумный. Этто недавно цѣлую деревню спалилъ, а прежде того у насъ въ монастырѣ не въ урочное время на колокольню забился и давай звонить... Народъ весь перебулгачилъ. Просто сказать — юродивый паренёкъ этотъ. А отчего сталъ юродивый, такъ вотъ отчего. Былъ онъ у нихъ за первѣющаго начетчика и на радѣніяхъ ихнихъ замѣсто попа читалъ. Вотъ, говоритъ, однажды, — самъ, вѣдь, и разсказываетъ это, когда въ себя приходитъ, — много, говоритъ, читалъ, толковалъ отъ ума, въ перстахъ божество разбиралъ... Усталъ. Выхожу, говоритъ, на крыльцо, сталъ, говоритъ, супротивъ вѣтру, прохлаждаюсь маленько. А дѣло вечернее. На небѣ звѣзды горятъ и луна стоитъ, — свѣтло, какъ вотъ днемъ. Только, говоритъ, слышу вдругъ трещитъ что-то надъ лѣсомъ. Оглянулся туда: летитъ поверхъ лѣсу змій крылатый, а-агромаднѣйшій змій летитъ, весь пламенемъ пышетъ и трещитъ такъ, ровно бы въ трещотку... Оглянуться, говоритъ, не успѣлъ я, — ужъ онъ полнеба покрылъ и прямо на нашу деревню, да ко мнѣ, да пасть разставляетъ... Вотъ, ждутъ-пождутъ въ избѣ, а парня все нѣту. Вышли за нимъ, а онъ лежитъ пластомъ, какъ не живой. Съ тѣхъ поръ и ума рѣшился. Когда и опомнится, такъ всетаки не надолго...

— Галактіонычъ, вы не спите? — спросилъ у меня Андрей Ивановичъ.

— Нѣтъ, Андрей Иванычъ, не сплю.

— Слушаете?

— Слушаю.

Онъ помолчалъ, повидимому, ожидая отъ меня еще что-то, потомъ сказалъ (я представлялъ себѣ при этомъ его наморщенный лобъ и сосредоточенный взглядъ):

— Удивительное дѣло, право!.. Вотъ мы сколько лѣтъ въ городахъ живемъ и никакихъ чудесъ не видали. А у васъ кругомъ, куда ни повернись, чудеса... Или ужъ просты вы очень...

— Ахъ, милый! — сказалъ Иванъ Савинъ. — Нешто можно городского человѣка къ мужику примѣнить?.. Ты вотъ, скажемъ, сапожникъ. Купилъ ты товару, сшилъ сапогъ, несешь его къ барину или, будемъ говорить, къ купцу. Сейчасъ онъ смотритъ: сапогъ форсистый, товаръ хорошій, работу твою знаетъ, и спрашиваетъ онъ у тебя цѣну. Ты, къ примѣру, просишь пять рублей, онъ тебѣ — четыре. А ужъ оба вѣрно знаете, что за четыре съ полтиной сапогъ этотъ идетъ. Ежели, скажемъ, нужда тебѣ, ты опять у него же просишь. Такъ ли я говорю?

— Ну, ну!.. къ чему только ты это примѣнишь?

— А къ тому, что, значитъ, ты въ своей волѣ живешь и долженъ ты больше уважать давальцу. А мужикъ... онъ кругомъ какъ есть въ божьей волѣ ходитъ. Сейчасъ вотъ паритъ крѣпко, а изъ-за лѣсу вонъ ужъ туча глядитъ. Тебѣ это ни къ чему, только что развѣ промокнешь. А мужикъ—ужъ онъ соображаетъ, стало быть, къ чему Господь-Батюшка эту тучу приспособляетъ. Вотъ теперь для хлѣбовъ она пользительна, и мы должны Бога благодарить. А иной разъ бываетъ: хлѣба налились, вдругъ холодомъ пахнетъ, побѣжитъ-побѣжитъ градовое облако. Тутъ ужъ надо мужику ко Владычицѣ прибѣгать, икону мы подымаемъ, молимся: отвороти! И, стало-быть, ежели можетъ еще грѣхамъ нашимъ терпѣть, то заступится, пронесетъ мимо. А ежели ужъ невозможно Ей терпѣть, мы должны бѣдствовать. Такъ-то...

— И видите вы себѣ отъ иконы заступленіе?

— И-и, какъ не видать! Явственно видимъ. Давно ли было, третьяго или четвертаго году, появился червь на хлѣбахъ... И нигдѣ не было, только у насъ... что на ржи, что на просахъ и даже ленъ жралъ. Изъ себя небольшой, черный, мохнатенькій, глаза у него востренькіе, а ежели подразнишь его соломинкой, такъ онъ и вскидывается, ровно бы, сказать вамъ, змѣенышъ. Злющій червь!.. Пошелъ я съ мальченкой, съ племяшомъ, на ниву посмотрѣть. Хлыснули прутомъ по колосу, — повѣришь ли, какъ дождь, вотъ какъ дождь этого червяка посыпалось. Ну, видимъ мы такое насланіе, стало-быть, не иначе—надо икону поднимать. Подняли, прошли съ молебствіемъ, и взялась тутъ туча—а-агромная туча—и ударила на поля вѣтромъ да грозой. Что же вы думаете: вышли на утро въ поле—ни одного червя!..

— А насчетъ того, чтобы больныхъ исцѣлять... бывало ли?

— Въ прежніе года много бывало. А теперь не слышно. Въ книжкахъ вотъ писано... Значитъ, про моровую язву и потомъ насчетъ болящихъ...

— А у насъ такъ вотъ была же чуда отъ иконы, — вмѣшался бѣлесый мужичонко, — и, слышь, не въ давніе года. Стало-быть, жила въ нашемъ городу купчиха одна и дочь у той купчихи была хворая. Скрючило ее съ тринадцатаго году, ноги отняло и не стало ей росту. Все, бывало, на лежанкѣ сидитъ и, ежели на нее стороннему человѣку посмотрѣть, какъ есть малая дѣвчонка, а ужъ въ ту пору было ей по семнадцатому году. Много тоже молились онѣ, что иконъ поднимали,—все не беретъ сила!.. Почаевска, слышь, и то не могла помочи ей... Только разъ приснился той дѣвицѣ старичокъ сѣденькій: „Сходи, говоритъ, ты, скорбная дѣвица, къ Ни-

колѣ въ Н-ское село". Ну, онѣ и поѣхали. И, вѣдь, что думаете вы: положили дѣвицу на земь, принесли икону, и стала дѣвица на ноги маленько подыматься. Сама послѣ сказывала: какъ понесли икону, такъ будто отъ головы къ ногамъ ее вѣтромъ опахнуло,—значитъ, сила изошла. И съ тѣхъ поръ выпрямилась дѣвица вполнѣ и такая стала красавица!.. Пріѣхала черезъ три года въ то село съ матерью,—священникъ ее и не узналъ.—„А гдѣ же, говоритъ, болящая?" — „А это, говоритъ, я самая". За хорошаго жениха замужъ вышла, право!.. Своя лавка у него въ городу, и капиталъ хорошій... Вотъ, братцы, удивительная чуда была у насъ! — и бѣлесый мужичонко посмотрѣлъ на насъ довольными глазами.

— Конечно, бываетъ,—сказалъ Иванъ Савинъ.

— Галактіонычъ! — окликнулъ меня опять Андрей Ивановичъ.—Слыхали вы это?

— Слышалъ.

— А какъ думаете, можетъ ли это быть?

— Я думаю, что онъ не вретъ.

— Э, не туда гнёте: не вретъ!.. Съ чего ему врать-то? Денегъ за это не дадутъ... А вы скажите, въ чемъ сила самая? Скажемъ такъ: холерѣ надо уже и самой прекратиться, — тоже, вѣдь, не вѣчно ей быть... Къ тому времени приносятъ икону. Холера, значитъ, прошла — чудо!.. Ну, хорошо, и насчетъ дождя то же самое: тучу вѣтромъ пригнало. А ежели дѣвицу теперь, которая скрючивши три года, и вдругъ выпрямляетъ и вполнѣ, значитъ, дѣлаетъ изъ нея человѣка... Это какъ?

— Вѣра, Андрей Иванычъ...

Андрей Ивановичъ опять выжидающе помолчалъ.

— Вѣра, вы говорите?... То-то вотъ и есть. Э-эхъ, господа, господа!..

И Андрей Ивановичъ недовольно махнулъ рукой.

XIV.

Онъ былъ сильно не въ духѣ, и хотя вообще очень трудно было услѣдить каждый разъ причины той или другой перемѣны въ его довольно причудливомъ настроеніи, но на этотъ разъ мнѣ казалось, что я его понимаю. Разсказы Ивана Савина, его спокойный голосъ, безповоротная увѣренность и очевидная правдивость — все это произвело на горожанина сильное впечатлѣніе. Онъ невольно поддавался настроенію вѣры, чудесъ и непосредственнаго общенія съ таинственными силами природы. Между тѣмъ, во мнѣ онъ, съ обычною чуткостью нервныхъ людей, улавливалъ совершенно другое ум-

ственное настроеніе, не менѣе безповоротное,—и это мѣшало цѣльности его впечатлѣнія. Формулировать ясно свои вопросы онъ не могъ, я на его вызовы не поддавался, и потому Андрей Ивановичъ ворчалъ что-то про себя и сердито укладывался возлѣ шалаша.

— А что, Андрей Ивановичъ, не пойдемъ ли?..

— Куда вамъ торопиться!—отвѣтилъ онъ ворчливо.

Я не безъ удивленія замѣтилъ, что, обыкновенно бодрый и неутомимый, онъ поворачивался теперь лѣниво, съ нѣкоторымъ трудомъ. Вслѣдствіе этого у меня невольно мелькнуло подозрѣніе относительно какого-нибудь новаго приключенія во время посѣщенія знакомаго въ Сивухѣ.

Я не возражалъ. Мнѣ было пріятно бродить среди этихъ полей, не разсуждая и не заботясь о томъ, дойдемъ ли въ назначенное время до намѣченнаго ранѣе ночлега, или будемъ путаться ночью гдѣ попало.

Вскорѣ Андрей Ивановичъ захрапѣлъ. Бѣлесый мужичонко, ѣхавшій откуда-то издалека, запрягалъ лошадь, бекетчики, перекрестясь, усѣлись за свой котелокъ, и до меня долетали слова тихаго разговора. Сначала дѣло шло о какихъ-то двухъ съ полтиной и о новыхъ подшинахъ для купленной недавно телѣги. Но черезъ нѣкоторое время, когда листья клена, на которые я смотрѣлъ, начали расплываться и слились въ какой-то неопредѣленно-зеленый навѣсъ, охватившій меня со всѣхъ сторонъ,—изъ этихъ двухъ голосовъ выдѣлился грудной баритонъ Ивана Савина. Онъ говорилъ что-то неторопливо, долго, монотонно. Словъ я не помню, помню только, что сначала мнѣ было смѣшно, потомъ странно. Я чувствовалъ, что постепенно, по мѣрѣ того, какъ даже зеленый навѣсъ исчезаетъ отъ взгляда, я попадаю все болѣе и болѣе во власть Ивана Савина. И вдругъ я увидѣлъ какое-то странное небо, совсѣмъ не то, какое видѣлъ недавно, и странныя облака ходили по немъ, точно туманное стадо, а Андрей Ивановичъ гонялъ ихъ съ одного края на другой, размахивая гигантскими руками. Въ это время я помнилъ еще, что смотрю на все это чьими-то чужими глазами. Но потомъ все потемнѣло; гдѣ-то вдали мерцалъ одинокій огонекъ изъ кельи монаха-кудесника, потомъ полетѣлъ змій, трещавшій, какъ трещитъ пожаръ въ сухихъ постройкахъ, и, наконецъ, появилась неизвѣстная дѣвица въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ. Вслѣдъ за ея появленіемъ земля дрогнула отъ какого-то глухого далекаго удара. „Бѣда, — сказалъ я себѣ голосомъ Ивана Савина, — безпремѣнно должны мы теперича провалиться“. И тотчасъ же рѣшилъ, уже самъ отъ себя, что гораздо лучше... проснуться.

XV.

И я проснулся. Въ первую минуту я не могъ сообразить, гдѣ я и что со мною, и отчего мнѣ трудно двигаться съ мѣста... Надъ моей головой тревожно бились листья клена, но теперь они не сверкали отъ лучей солнца въ яркой синевѣ, а блѣдно рисовались на темно-свинцовомъ фонѣ. Громадная туча поднималась изъ-за лѣсу и все ширилась, тихо раскидывая по небу свои крылья. Изъ-подъ нея порывами налеталъ вѣтеръ и вдали ворчалъ громъ.

— Вставайте скорѣе, Андрей Иванычъ, надо хоть до деревни дойти.

Огонь погасъ. Бекетчики спали въ шалашѣ. Проѣзжіе уѣхали. Было поздно и надвигалась гроза. Андрей Ивановичъ проснулся, протеръ глаза и, въ свою очередь, сталъ будить какого-то мужика, лежащаго у шалаша. Должно быть, онъ подошелъ къ намъ, когда мы уже спали.

Мужичокъ заворчалъ что-то и поднялся.

— Вставай, дядя, а то промокнешь... Э, да, кажись, знакомый. Видалъ я тебя гдѣ-то...

Мужичокъ какъ-то сморгнулъ и сконфуженно отвѣтилъ:

— Да, вѣдь, ужъ нигдѣ, какъ въ Сивухѣ.

— То-то въ Сивухѣ!.. А позвольте мнѣ, почтенный, узнать, вы за что меня колотили, какая можетъ быть причина?

— Господи! — удивился я. — Андрей Иванычъ, неужели опять?...

— Засаду сдѣлали. Емелька, подлецъ, научилъ. Да еще вотъ этотъ почтенный ввязался.

— Да, вѣдь, мы,—конфузливо оправдывался мужикъ,—мы нешто отъ себя? За людьми... Какъ люди, такъ и мы... Сказываютъ: больно ужъ ты, милый, озорникъ большой...

— А ты видѣлъ, какъ я озорничалъ? — спросилъ Андрей Ивановичъ съ выраженіемъ сдержанной злобы въ голосѣ.

— Не видалъ, милый, не совру... Потому выпитчи былъ.

— Посмотрите вы на этотъ народъ: сами нажрутся, а потомъ другихъ колотятъ... На-цы-я, нечего сказать! — неожиданно для меня прибавилъ Андрей Ивановичъ съ патріотическою горечью.

— Да, вѣдь, мы что? Мы, дѣйствительно, выпитчи,—смиренно говорилъ мужикъ,—у праздника были, у сродниковъ. Ну, и... выпитчи, это вѣрно... Такъ въ этомъ бѣды нѣту, потому что мы сами себя ведемъ смирно... спимъ. А ты, сказываютъ, на ночлегѣ никому спокою не далъ... Мы, конечно,

что, а бабы жаловались: такъ, слышь, всю ночь шаромъ и катается, все одно ежъ по избѣ...

— Тьфу! — сплюнулъ Андрей Ивановичъ и, не говоря болѣе ни слова, быстро надѣлъ котомку и пошелъ по дорогѣ.

Я догналъ его и мы пошли молча. Андрей Ивановичъ видимо злился и унывалъ. Нежданно пріобрѣтенная слава, которая могла достигнуть до ушей Матрены Степановны, безпокоила его всего болѣе. Результаты сивухинскаго боя, о которомъ онъ не распространялся, тоже, вѣроятно, присоединили не мало горечи къ его настроенію. Наконецъ, туча покрыла большую половину неба и грозила ливнемъ, а до деревни было еще далеко.

— Ник-когда не пойду больше! — злобно сказалъ Андрей Ивановичъ.—И не зовите! Грѣхъ одинъ съ этимъ народомъ.— И потомъ онъ меланхолически прибавилъ: — А передъ хорошимъ человѣкомъ я вполнѣ оказался обманщикомъ.

— Это вы о комъ?—спросилъ я.

— О комъ?—извѣстно, объ Иванѣ Спиридоновичѣ, объ давальцѣ. Вѣдь, сапогамъ-то срокъ сегодня, въ аккуратъ... Чай, дожидается...

— Съ которыхъ же поръ онъ у васъ хорошимъ человѣкомъ сталъ? Давно ли вы на него сердились?

— Сердился!.. Странно вы говорите: мало ли что мы сердимся!.. Мужикъ на царя три года серчалъ, а тотъ и не зналъ. Такъ и мы. А объ Иванѣ Спиридоновичѣ я такъ обязанъ понимать, что онъ мнѣ первый благодѣтель. Когда ни приди: рупь — два со всякимъ удовольствіемъ. Конечно, послѣ того въ цѣнѣ понажметъ...

— Ну, вотъ видите!

— Ничего тутъ не видно... Нашего брата ежели не нажимать, мы совсѣмъ Бога забудемъ... А что: на лицѣ у меня синяковъ нѣтъ?

Я внимательно осмотрѣлъ лицо Андрея Ивановича и далъ успокоительный отвѣтъ.

— И на томъ спасибо! Семейному человѣку это всего хуже, — докторально объяснилъ онъ. — Семейнаго человѣка лучше ты всего оглоблей исколоти, а лица и рукой не тронь.

— Ну, ужъ...

— Чего ну? Много вы понимаете!..

Я вспомнилъ про Матрену Степановну и потому не возражалъ болѣе. Къ тому же, Андрей Ивановичъ, угнетаемый обстоятельствами и готовившійся къ „хомуту“, совершенно измѣнился. Со мной сталъ строптивъ и раздражителенъ, о

„нацыи“ говорилъ съ презрѣніемъ, за то о купечествѣ и давальцахъ отзывался въ меланхолически-почтительномъ тонѣ. Буйный демократизмъ перваго дня нашего путешествія совсѣмъ съ него схлынулъ.

Я отчасти приписывалъ это близкой грозѣ.

Туча заволокла уже небо и теперь все сгущалась и все падала книзу, опускаясь надъ полями, на которыхъ побѣлѣвшіе и поблекшіе хлѣба бились и припадали къ землѣ. На темномъ фонѣ этой тучи нѣсколько оторванныхъ клочковъ тумана, прохваченныхъ опаловыми отблесками, неслись куда-то тревожно и быстро, точно запоздалые всадники, убѣгающіе вдоль тяжелаго фронта атакующей колонны. Громъ перекатывался сердитѣе и гулче, и по временамъ яркая молнія, извиваясь зигзагами, бороздила набухшія грозою тучи.

Дорога казалась пуста. Мы обогнали на холмѣ только глухого еврея-солдата, котораго встрѣтили въ первый день. Онъ началъ разсказывать намъ о томъ, какъ онъ потерялъ платокъ и вернулся за десять верстъ, въ надеждѣ разыскать его. Кромѣ того, онъ проливалъ кровь за вѣру и отлично игралъ на бубнѣ... Все это было когда-то, въ далекомъ прошломъ, а теперь онъ глухъ, и бѣденъ, и несчастенъ... Голосъ его звучалъ въ напряженномъ воздухѣ какъ-то особенно рѣзко и однотонно. Замѣтивъ, однако, что мы мало обращаемъ на него вниманія, и, кромѣ того, несмотря на свою глухоту разслышавъ сильный громовой раскатъ, онъ вдругъ подобралъ полы своей сѣрой шинели и пустился бѣгомъ по дорогѣ.

Рожь гнулась и качалась на нивахъ, лѣсъ, синѣвшій впереди, поблѣднѣлъ, расплылся и исчезъ, по полямъ шумно стремились къ намъ на-встрѣчу колеблющіеся столбы ливня, соединявшаго небо съ землею...

— У праздника, нечего сказать!—произнесъ Андрей Ивановичъ, окидывая безнадежнымъ взглядомъ пространство, охваченное пеленой дождей и тумановъ.

Затѣмъ онъ принялся быстро укладывать въ котомку новый картузъ, между тѣмъ какъ первыя капли гулко шлепались о дорожную пыль...

Іюль 1897 г.

НА ЗАТМЕНІИ.

(Очеркъ съ натуры).

I.

Продолжительный пароходный свистокъ. Я просыпаюсь. За тонкою стѣнкой парохода вода, кинутая колесомъ на обратномъ ходу, плещетъ, стучитъ и рокочетъ. Свистокъ стонетъ сквозь этотъ шумъ, будто издалека, жалобно, протяжно и грустно.

Да, я ѣду смотрѣть затменіе въ Юрьевецъ. Пароходъ долженъ былъ придти туда въ $2^1/_2$ часа ночи. Я только недавно заснулъ и теперь ужъ надо вставать. Приходится ждать нѣсколько часовъ гдѣ-нибудь на пустой улицѣ, такъ какъ въ Юрьевцѣ гостиницъ нѣтъ.

Какова-то погода? Я гляжу изъ окна. Пароходъ уже остановился; волна, разбѣгаясь отъ бортовъ, чуть поблескиваетъ и теряется въ темнотѣ. Дальній берегъ слабо виденъ во мглѣ, небо покрыто тучами, въ окно вѣетъ сыростью,—предвѣстники не особенно благопріятные для наблюденій...

Кое-кто изъ пассажировъ подымается. Лица сонныя и не совсѣмъ довольныя. Между тѣмъ, снаружи слышно движеніе, кинуты чалки на пристань. „Готово!"—кричитъ чей-то сиплый, будто отсырѣвшій и недовольный голосъ.

Пока я собираюсь, одинъ изъ пассажировъ, по виду мелкій волжскій торговецъ, успѣлъ уже сбѣгать на пристань и вернуться на пароходъ. Онъ ѣдетъ до Рыбинска.

— Ну, что тамъ?—спрашиваетъ у него товарищъ, лежащій на скамьѣ, въ бархатномъ жилетѣ и косовороткѣ. Оба они не особенно вѣрятъ въ затменіе.

— Кто его знаетъ,—отвѣчаетъ спрошенный.—дождикъ не дождикъ, такъ что-то. А на берегу, слышь, башня видна и на башнѣ остроумъ стоитъ.

— Ну?

— Ей-Богу! Поди хоть самъ посмотри.

Ужъ нѣсколько дней въ народѣ ходятъ толки о затменіи и о томъ, что въ Нижній съѣхались астрономы, которыхъ сѣрая публика зоветъ то „остроумами“, то „астроломами“. Слова эти часто слышны теперь на Волгѣ и звучатъ частью иронически („Иностранные остроумы! Больше Бога знаютъ...“), частью даже враждебно, какъ будто поднятая ими суета и непонятныя приготовленія сами по себѣ могутъ накликать грозное явленіе. Вчера съ вечера брошюра „О солнечномъ затменіи 7 августа 1887 года“ мелькала среди простой публики. Въ ней объяснялось, что такое затменіе и почему удобно наблюдать его, между прочимъ, изъ Юрьевца. Но большинство пассажировъ третьяго, а также значительная часть второго класса относились къ ней сдержанно и даже съ оттѣнкомъ холодной вражды.

Люди же „старой вѣры“ избѣгали брать ее въ руки и предостерегали другихъ.

Я выхожу. Пристань стоитъ довольно далеко отъ берега. Съ нея кинуты жидкіе мостки, и ее качаетъ вѣтромъ, при чемъ мостки жалобно скрипятъ, визжатъ и стонутъ. Нашъ пароходъ уйдетъ дальше, между тѣмъ небольшая комната на пристани полна. Сонные, усталые и какъ будто чѣмъ-то огорченные пассажиры все прибываютъ. Снаружи, вмѣстѣ съ вѣтромъ, въ лицо вѣетъ отсырью и по временамъ моросить. Пробираетъ ознобъ.

Городишко, растянувшійся подъ горой по правому берегу, мерцаетъ кое-гдѣ то бѣлою стѣной, то слабымъ огонькомъ, то силуэтомъ высокой колокольни, поднимающейся въ мглистомъ воздухѣ ночи. Гора рисуется неопредѣленнымъ обрѣзомъ на облачномъ небѣ, покрывая весь пейзажъ угрюмою массою тѣни. На рѣкѣ, у такой же пристани, какъ наша, молчаливо стоитъ „Самолетъ“, который привезъ сюда экстреннымъ рейсомъ „ученыхъ“ изъ Нижняго, а за рѣкой, на луговой сторонѣ, догораетъ пожарище: съ вечера загорѣлся лѣсной складъ и теперь огонь, какъ бы насытившись и уставши за ночь, вьется низко надъ землей, то застилаясь дымомъ, то опять вставая острыми гребнями пламени. Дремота, ночь, плескъ рѣки, стонъ пристаней и мостковъ въ предутренней темнотѣ, отсвѣтъ пожара и ожиданіе необычайнаго событія— все это настраиваетъ воображеніе, и взглядъ мой невольно ищетъ башни, съ стоящимъ на ней „остроумомъ“ хотя, впрочемъ, я отлично понимаю, что это нелѣпость, тѣмъ болѣе, что фигура на башнѣ рѣшительно не могла бы быть видима въ такой темнотѣ. Однако, проходя по палубѣ, загроможденной

рабочими, я слышалъ тѣ же разговоры; многіе вглядывались и видѣли: стоитъ на башнѣ и чего-то караулитъ среди ночныхъ тумановъ.

Вглядѣвшись, въ свою очередь, я различаю высокій контуръ, врѣзавшійся въ небо. Сильно подозрѣваю, что это труба завода, что и оказывается справедливымъ. Мои собесѣдники вспоминаютъ, что, дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ стоитъ всѣмъ хорошо знакомый заводъ. Легенда падаетъ.

Оказывается, что пароходъ еще постоитъ за темнотой; обрадованная и озябшая публика кидается опять въ каюты. Открываютъ буфетъ, заспанные лакеи бѣгаютъ съ чайниками и подносами. На палубѣ идетъ тихій говоръ, кое-гдѣ читаютъ молитвы и обсуждаютъ признаки пришествія антихриста... Одинъ изъ этихъ признаковъ имѣетъ чисто-мѣстный характеръ. Какой-то старикъ разсказываетъ слушателямъ, что въ Юрьевецъ пріѣхалъ нѣмецъ-остроумъ и склоняетъ на свою сторону народъ. Гришка съ завода продался уже за 25 рублей...

— Да, вѣдь, это его въ караульщики наняли, къ трубамъ,— объясняетъ кто-то изъ темноты.

— Въ караульщики!.. А крестъ да поясъ зачѣмъ приказалъ снять? Какъ это поймешь?

Но, дѣйствительно, понять трудно. Среди собесѣдниковъ водворяется молчаніе.

Чрезъ нѣкоторое время я взглянулъ въ окно каюты: небо бѣлѣетъ, на немъ проступаютъ мглистыя очертанія тучъ, ползущихъ отъ сѣвера къ югу.

II.

Часъ въ четвертомъ мы сошли на берегъ и направились къ городу. Сѣрѣло, тучи не расходились. У пристаней грузными темными пятнами стояли пароходы. На нихъ не замѣтно было никакого движенія. Только нашъ начиналъ „шуровать“, выпускалъ клубы дыма и тяжело сопѣлъ, лѣниво собираясь въ ранній путь.

Берегъ былъ еще пустъ. Ночные сторожа одни смотрѣли на кучки невѣдомыхъ людей, проходившихъ вдоль береговыхъ улицъ... Смотрѣли они молчаливо, но съ какимъ-то угрюмымъ вниманіемъ. Они поставлены „для порядку“, а тутъ и въ природѣ готовится безпорядокъ, и невѣдомые люди ни вѣсть зачѣмъ спозаранку пробираются въ мирный и ни въ чемъ повинный городъ.

— Дозвольте спросить,—обратился одинъ изъ стражей къ кучкѣ молодыхъ господъ, проходившихъ впереди меня,—

нешто, къ примѣру, въ другихъ городахъ этой планиды не будетъ? На насъ однихъ Господь посылаетъ?

Господа засмѣялись и пошли дальше. Сторожъ постоялъ, посмотрѣлъ намъ вслѣдъ долго, внимательно, раздумчиво и вдругъ застучалъ трещоткой. Ему отозвались другіе, потомъ залаяли собаки. „Начальство дозволяетъ, не пустить этихъ полунощниковъ нельзя, а всетаки... поберегайся!“—вѣроятно, это именно хотѣлъ сказать юрьевчанинъ своею трещоткой, со временъ Алексѣя Михайловича, а можетъ быть еще и ранѣе предупреждавшею чутко спящій городокъ о лихой невзгодѣ, частенько-таки налетавшей по ночамъ съ матушки Волги.

И городокъ просыпается. Я нарочно свернулъ въ переулокъ, чтобы пройти по окраинѣ. Кое-гдѣ въ лачугахъ у подножія горы виднѣлись огоньки. Въ одномъ мѣстѣ слабо сіяла лампадка, и какая-то фигура то припадала къ полу, то опять подымалась, очевидно, встрѣчая день знаменія Господня молитвой. Въ двухъ-трехъ печахъ виднѣлось уже пламя.

Вотъ скрипнула одна калитка; изъ нея вышелъ древній старикъ съ большою сѣдой бородой, прислушался къ благвѣсту, посмотрѣлъ на меня, когда я проходилъ мимо, сурвымъ, внимательнымъ взглядомъ и, повернувшись лицомъ къ востоку, гдѣ еще не всходило солнце, сталъ усердно креститься.

Открылась еще калитка. Маленькая старушка торопливо выбѣжала изъ нея, шарахнулась отъ меня въ сторону и скрылась подъ темною линіей забора.

— А, Семенычъ! Ты, что ли, это?—вскорѣ услышалъ я ея придавленный голосъ. — Правда ли, нынче будто къ раней обѣднѣ пораньше ударятъ? Сказывали, до *этого* чтобъ служить... Батюшки-свѣты! Глянь-ко, Семенычъ, это кто поперѣ экую рань ходитъ?

Часть пароходной публики, вѣроятно, отъ скуки взобалась на гору. Фигуры рисуются на свѣтлѣющемъ небѣ ярко и странно. Одна, вѣроятно, стоящая много ближе другихъ на какомъ-нибудь выступѣ, кажется неестественно-громадною. Все это въ ранній часъ этого утра, передъ затменіемъ, надъ испуганнымъ городомъ производитъ какое-то рѣзкое, волшебное, небывалое впечатлѣніе...

— Носитъ ихъ, супостатовъ!—угрюмо ворчитъ старикъ.— Пріѣзжіе, надо быть...

— И то, сказывали вчерась: на четырехъ пароходахъ иностранные народы пріѣдутъ. Къ чему это, родимый, какъ понимать?

— Власть Господня, — угрюмо говоритъ Семенычъ и, не

простившись, уходитъ къ себѣ. Старуха остается одна на пустой улицѣ.

— Господи-и-и, Батюшко! — слышу я жалостный, испуганный старческій голосъ, и торопливые шаги стихаютъ гдѣ-то въ тѣни по направленію къ церкви. Мнѣ становится искренно жаль и эту старушку, и Семеныча, и весь этотъ напуганный людъ. Шутка ли, ждать черезъ часъ кончину міра! Сколько призрачныхъ страховъ носится еще въ этихъ сумеречныхъ туманахъ, такъ густо нависшихъ надъ нашею святою Русью!..

Въ окнѣ хибарки, только-что оставленной старушкой, мерцалъ огонекъ зажженной ею лампадки, и пѣтухъ хрипло въ первый разъ прокричалъ свое кукареку, чуть слышно изъ-за стѣнки.

На святой Руси пѣтухи кричатъ,
Скоро будетъ день на святой Руси...

неизвѣстно откуда всплыло въ моей памяти прелестное двустишіе давно забытаго стихотворенія, отъ котораго такъ и дышитъ утромъ и разсвѣтомъ... „Охъ, скоро-ль будетъ день на святой Руси, — подумалъ я невольно, — тотъ день, когда разсѣются призраки, недовѣріе, вражда и взаимныя недоразумѣнія между тѣми, кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо, и тѣми, кто только припадаетъ къ землѣ, а въ изслѣдованіи видитъ оскорбленіе грознаго Бога?“

III.

А вотъ и укрѣпленный лагерь „остроумовъ“.

На небольшомъ возвышеніи у берега Волги, по сосѣдству съ заводомъ, котораго высокая труба казалась намъ ранѣе башней, на скорую руку построены небольшіе балаганчики, обнесенные низкою досчатою оградой. Въ оградѣ, на выровненной и утрамбованной площадкѣ стоитъ мѣдная труба на штативѣ, вѣроятно, секстантъ, установленный по меридіану. Изъ-подъ навѣса нацѣлились въ небо телескопы разнаго вида и разныхъ размѣровъ. Все это еще закрыто кожаными чехлами и имѣетъ видъ артиллеріи въ утро передъ боемъ. А вотъ и войско. Укрывшись шинелями, спятъ нѣсколько городовыхъ и крестьянъ-караульныхъ, „согнанныхъ“ изъ деревень. Какой-то бородатый высокій мужикъ важно расхаживаетъ по площадкѣ. Это—главный караульщикъ, приставленный отъ завода, тотъ самый Гришка, который за 25 рублей согласился снять съ себя не только крестъ, но и поясъ, и такимъ образомъ пріобщился къ тайнамъ остроумовъ. Въ настоящую минуту, когда я подхожу къ этому мѣсту, онъ активно проявляетъ свою роль. Какой-то предпріимчивый

парень, прикинувшись спавшимъ за оградой, подползъ къ самой большой трубѣ, и Гришка поймалъ его подъ нею. Хотѣлъ ли онъ взглянуть въ закрытую чехломъ трубу, чтобы подглядѣть какую-нибудь невѣдомую тайну, или у него были другія, менѣе безобидныя намѣренія, но только Гришка горячился и покушался схватить его за ухо.

— Дяденька, да, вѣдь, я ничего.

— То-то ничего! Вотъ экой же дуроломъ намедни всѣ трубы свертѣлъ, полдня послѣ наставляли... Нешто можно касаться? Она, труба-те, не зря ставится.

Гришка, видимо, апеллируетъ къ публикѣ, сомкнувшейся около ограды и, быть можетъ, простоявшей здѣсь съ самаго вечера. Но публика не на его сторонѣ.

— Гдѣ ужъ зря!—вздыхаетъ кто-то.

— Не надо бы и ставить-то...

— Жили, слава-те Господи, безъ трубъ. Живы были.

Какой-то сѣрый старичишко выдѣляется изъ проходившей на фабрику кучки рабочихъ и подходитъ къ самой оградѣ.

— Здравствуй, Гришъ!

— Здравствуй.

— Караулишь?

— Караулю.

— Та-а-къ.

— Мнѣ что-ка не караулить,—вдругъ обижается Гриша,— ежели я хозяиномъ приставленъ.

— Нешто это дѣло хозяйско?

— Меня ежели приставили, я долженъ сполнять...

— Двадцать пять рублевъ, сказываютъ, дали... Не дешевенько ли, смотри! Охо-хо-хо-о...

— Ну, хоть поменьше дадутъ, и на этомъ спасибо. Да ты што?.. Что тебѣ? Небось, самого къ бочкѣ приставили, два года караулилъ.

— Бочка... Вишь, къ чему прировнялъ,—подхватываетъ кто-то въ публикѣ.

— Бочка много проще. Бочка, братъ, дѣло руськое,—язвитъ старикъ.—А это, вишь ты, штука мудреная, къ бочкѣ ее не прировняешь. Охо-хо-хо-о.

Разговоръ становится болѣе общимъ и болѣе оживленнымъ. Замѣчанія вылетаютъ изъ толпы, точно осы, все чаще, короче, язвительнѣе и крѣпче, пріобрѣтая постепенно такую выразительность, что это привлекаетъ бдительное вниманіе двухъ полицейскихъ.

— Осади, осади, отдай назадъ!—вмѣшиваются они, принимая, по долгу службы, сторону Гриши, и стѣной оттѣсняютъ

зѣвакъ. Толпа „отдаетъ назадъ“ и останавливается какъ-то пассивно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставляютъ полицейскіе. Ея настроеніе неопредѣленно. Фабричный—человѣкъ тертый. Онъ сомнѣвается, недоумѣваетъ, отчасти опасается, но свои опасенія выражаетъ только колкою насмѣшкой; ребятамъ и подросткамъ просто любопытно, а можетъ быть они уже кое-что слышали въ школѣ. Настоящій же страхъ и прямое нерасположеніе къ „ученымъ“ и „иностраннымъ народамъ“ заключились въ стѣнахъ этихъ избушекъ, по окраинамъ, гдѣ робко мерцаютъ всю ночь лампадки...

Говорили, что наканунѣ собирались было кое-кто разметать инструменты и прогнать остроумовъ, почему начальство и приняло свои мѣры.

IV.

Свѣтаетъ все болѣе. На востокѣ стоятъ почти неподвижно густыя дальнія облака, залегшія надъ горизонтомъ. Повыше плывутъ темныя, но уже не такія тяжелыя тучи, а подъ ними, клубясь и быстро скользя по направленію къ югу, несутся невысоко надъ землей отдѣльные клочки утренняго тумана. Эти три слоя облаковъ то сгущаются, заволакивая небо, то разрѣжаются, обѣщая кое-гдѣ просвѣты.

Вотъ образовалась яркая щель, точно въ стѣнѣ темнаго сарая на разсвѣтѣ; нѣсколько лучей столбами прорвались въ нее, передвинулись радіусами и потухли. Но свѣтъ отъ нихъ остался. Рѣка еще болѣе побѣлѣла, противоположный берегъ приблизился, и огонь пожара, лѣниво догоравшаго на той сторонѣ Волги, сталъ меркнуть: очевидно, за дальнею тучей всходило солнце.

Я пошелъ вдоль волжскаго берега.

Небольшіе домишки, огороды, переулки, кончавшіеся на береговыхъ пескахъ,—все это выступаетъ яснѣе въ бѣлесой утренней мглѣ. И всюду замѣтно робкое движеніе, чувствуется тревожная ночь, проведенная безъ сна. То скрипнетъ дверь, то тихо отворится калитка, то сгорбленная фигура плетется отъ дома къ дому по огородамъ. Въ одномъ мѣстѣ, на углу, прижавшись къ забору, стоятъ двѣ женщины. Одна смотритъ на востокъ слезящимися глазами и что-то тихо причитаетъ. Дряхлый старикъ, опираясь на палку, ковыляетъ изъ переулка и молча присоединяется къ этой группѣ. Всѣ взгляды обращены туда, гдѣ за меланхолическою тучей предполагается солнце.

— Ну, что, тетушка,—обращаюсь я къ плачущей,—затменія ждете?

— Охъ, не говори, родимый!.. Что и будетъ! Напуганы мы, милый, то-есть до того напуганы... Ноченьку всеё не спали.

— Чѣмъ же напуганы?

— Да все планидой этой.

Она поворачиваетъ ко мнѣ лицо, разбухшее отъ безсонницы и искаженное страхомъ. Воспаленные глаза смотрятъ съ оттѣнкомъ какой-то надежды на чужого человѣка, спокойно относящагося къ грозному явленію.

— Сказывали вотъ тоже: солнце съ другой стороны поднимется, земли будетъ трясеніе, люди не станутъ узнавать другъ дружку... А тамъ и міру скончаніе...

Она глядитъ то на меня, то на древняго старца, молчаливо стоящаго рядомъ, опираясь на посохъ. Онъ смотритъ изъ-подъ насупленныхъ бровей глубоко сидящими угрюмыми глазами, и я сильно подозрѣваю, что это именно онъ почерпнулъ эти мрачныя пророчества въ какой-нибудь древней книгѣ, въ изъѣденномъ молью кожаномъ переплетѣ. Половина пророчества не оправдалась: солнце поднимается въ обычномъ мѣстѣ. Старецъ молчитъ, и по его лицу трудно разобрать, доволенъ ли онъ, какъ и прочіе безхитростные люди, или, быть можетъ, онъ предпочелъ бы,чтобы солнце сошло съ предначертаннаго пути и міръ пошатнулся, лишь бы авторитетъ кожанаго переплета остался незыблемъ. Все время онъ стоялъ молча и затѣмъ молча же удалился, не подѣлившись болѣе ни съ кѣмъ своею дряхлою думой.

— Полно-те, — успокаиваю я напуганныхъ до истерики женщинъ,—только и будетъ, что солнце затмится.

— А потомъ... Что же, опять покажется, или ужъ... вовсе?..

— Конечно, опять покажется.

— И я думаю такъ, что пустяки говорятъ все,—замѣчаетъ другая побойчѣе. — Пленета, планета, а что жъ такое? Все отъ Бога. Богъ захочетъ — и безъ планеты погибнемъ, а не захочетъ — и съ планетой живы останемся.

— Пожалуй, и пустое все, а страшно,—слезливо говоритъ опять первая. — Вотъ и солнышко въ своемъ мѣстѣ взошло, какъ и всегда, а всетаки же... Господи-и... Сердешное ты наше-её... На зорькѣ на самой не весело подымалось, а теперь, гляди, играетъ роди-и-и-мое...

Дѣйствительно, изъ-за тучи опять слабо, точно улыбка больного, брызнуло нѣсколько золотыхъ лучей, освѣтило какія-то туманныя формы въ облакахъ и погасло. Женщины умиленно смотрятъ туда, съ выраженіемъ какой-то особенной жалости къ солнцу, точно къ близкому существу, которому грозитъ опасность. А невдалекѣ трубы и колеса стоятъ въ ожиданіи, точно приготовленія къ опасной операціи...

V.

Я углубляюсь въ улицы, сосѣднія съ площадью.

На перилахъ деревяннаго моста сидитъ бородатый и лохматый мѣщанинъ въ красной рубахѣ, задумчивый и хладнокровный. Передъ нимъ старецъ въ родѣ того, котораго я видѣлъ на берегу, съ острыми глазами, сверкающими изъ-подъ совиныхъ бровей какою-то своею, особенною, злобною думой. Онъ трясетъ бородой и говоритъ что-то сидящему на перилахъ великану, жестикулируетъ и волнуется... Такъ какъ въ это утро сразу какъ будто разрушились всѣ условныя перегородки, отдѣляющія въ обычное время знакомыхъ отъ незнакомыхъ, то я просто подхожу къ бесѣдующимъ, здороваюсь и перехожу къ злобѣ дня.

— Скоро начнется...

— Начнется? — вспыхиваетъ старикъ, точно его ужалило, и сѣдая борода трясется сильнѣе.—Чему начинаться-то? Еще, можетъ, ничего и не будетъ.

— Ну, ужъ будетъ-то — будетъ навѣрное.

— Та-акъ!.. А дозвольте спросить,—говоритъ онъ уже съ плохо сдерживаемымъ гнѣвомъ, — нешто можно вамъ власть Господню узнать? Кому это Господь-Батюшка откроетъ? Или ужъ такъ надо думать, что Господь съ вами о своемъ дѣлѣ совѣтъ держалъ?..

— Велико дѣло Господне!..—какъ-то „вообще“, груднымъ басомъ, произноситъ великанъ, глядя въ сторону.—Было, положимъ, въ пятьдесятъ первомъ году. Я мальчишкомъ былъ малыемъ, а помню. Такъ будто затемнало, даже пѣтухи стали кричать, испужалась всякая тварь. Ну, только что, дѣйствительно, тогда никто впередъ не упреждалъ. Оно и того... оно и опять отъявилось. А теперь, вишь ты... Конечно, что... затѣи все.

— Д-да! — отчеканиваетъ старецъ рѣшительно и зло. — Власть Господнюю не узнать вамъ, это ужъ вы оставьте!.. Дуракамъ говорите, пожалуйста! „Затменіе, планета!“ Такъ вотъ по вашему и будетъ...

Онъ смотритъ на берегъ, гдѣ устроены балаганы, искоса и сердито. Однако, когда я направляюсь туда, оба они слѣдуютъ за мною, хотя и небрежно, очевидно, только со злою цѣлью: посмотрѣть на глупыхъ людей, которые вѣрятъ пустякамъ... А можетъ быть, при случаѣ... Впрочемъ, команда полицейскихъ поднялась уже вся, человѣкъ десять. Они отряхнулись отъ сырости, откашливаются и оправляются, смыкаясь около батареи невѣдомыхъ инструментовъ, покрытыхъ холодною росой.

— Осади! Отдай назадъ! Осади!—произносятъ они дружно; голоса ихъ, еще отсырѣвшіе и нѣсколько хриплые, звучатъ, тѣмъ не менѣе, очень внушительно.

VI.

Къ балаганамъ подходятъ еще солдаты. Они уставляютъ ружья въ козлы и располагаются у входа за ограду. Другая полурота маршируетъ съ барабаннымъ боемъ и останавливается на берегу.

— Солдаты пришли, — шепчутъ въ толпѣ, которая теперь лѣпится по бокамъ холмика, заглядывая за ограду. Мальчишки шныряютъ въ разныхъ направленіяхъ съ безпечными, но заинтересованными лицами. Какой-то общительный немолодой господинъ раздаетъ желающимъ стеклышки, смазанныя желатиномъ (увы! оказавшіяся негодными). Въ училищѣ, служащемъ временнымъ пріютомъ для пріѣзжихъ ученыхъ, открывается окно верхняго этажа, и въ немъ появляется длинная трубка, нацѣлившаяся на небо... „Астроломы“ проходятъ одинъ за другимъ къ балагану. Старикъ-нѣмецъ несетъ инструменты, съ угрюмымъ и недоволлнымъ видомъ поглядывая на облака. Онъ ни разу не взглянулъ на толпу... Онъ пріѣхалъ издалека нарочно для этого утра, и вотъ безтолковый русскій туманъ грозитъ отнять у него ученую жатву. Профессоръ недовольно ворчитъ, пока его умные глаза пытливо пробѣгаютъ по небу.

Впрочемъ, облака рѣдѣютъ, вѣтеръ все гонитъ ихъ съ сѣвера: нижніе слои по прежнему почти неподвижно лежатъ на горизонтѣ, но второй слой двигается теперь быстрѣе, расширяя все болѣе и болѣе просвѣты. Кое-гдѣ уже синѣетъ лазурь. Клочки ночного тумана проносятся рѣже и видимо таютъ. Солнце ныряетъ, то появляясь въ вышинѣ, то прячась.

Трубы установлены, съ балагановъ сняты брезенты, ученые пробуютъ аппараты. Лица ихъ проясняются вмѣстѣ съ небомъ. Холодная увѣренность этихъ приготовленій, видимо, импонируетъ толпѣ.

— Гляди-ко, батюшки, сама вертится!..—раздается вдругъ удивленный голосъ.

Дѣйствительно, большая черная труба съ часовымъ механизмомъ, пущеннымъ въ ходъ, начинаетъ замѣтно поворачиваться на своихъ странныхъ ногахъ, точно невиданное животное изъ металла, пробужденное отъ долгаго сна. Ее останавливаютъ послѣ пробы, направляютъ на солнце и опять пускаютъ въ ходъ. Теперь она автоматически идетъ по кругу, тихо, внимательно, зорко слѣдя за солнцемъ въ его обычномъ

мглистомъ пути. Клапаны сами открываются и закрываются, зіяя матово-черными краями. Нѣмецъ опять говоритъ что-то быстро, ворчливо и непонятно, будто читаетъ лекцію, или произноситъ заклинанія.

Толпа удивленно стихаетъ.

VII.

Минутная тишина. Вдругъ раздается звонкій ударъ маятника метронома, отбивающаго секунды.

— Часы бьютъ. Должно, шесть часовъ.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать,—нѣтъ, не часы... Что такое?!.

— Началось!.. — догадывается кто-то въ толпѣ, видя, что астрономы припали къ трубамъ.

— Вотъ-те и началось, ничего нѣту,—небрежно и увѣренно произноситъ вдругъ въ заднихъ рядахъ голосъ стараго скептика, котораго я видѣлъ на мосту.

Я вынимаю свое стекло съ самодѣльною ручкой. Оно производитъ нѣкоторую ироническую сенсацію, такъ какъ бумагу, которой оно обклеено, я прилѣпилъ къ ручкѣ сургучомъ.

— Вотъ такъ машина! — говоритъ кто-то изъ моихъ сосѣдей.—За семью печатями...

Я оглядываю свой инструментъ. Дѣйствительно, печатей оказывается ровно семь — цифра въ нѣкоторомъ родѣ мистическая. Однако, некогда заниматься кабалистическими соображеніями, тѣмъ болѣе, что моя „машина“ служитъ отлично. Среди быстро пробѣгающихъ озаренныхъ облаковъ я вижу ясно очерченный солнечный кругъ. Съ правой стороны, сверху, онъ будто обрѣзанъ чуть замѣтно.

Минута молчанія.

— Ущербилось!—внятно раздается голосъ изъ толпы.

— Не толкуй пустого!—рѣзко обрываетъ старецъ.

Я нарочно подхожу къ нему и предлагаю посмотрѣть въ мое стекло. Онъ отворачивается съ отвращеніемъ.

— Старъ я, старъ въ ваши стекла глядѣть. Я его, родимое, и такъ вижу, и глазами. Вонъ оно въ своемъ видѣ.

Но вдругъ по лицу его пробѣгаетъ, точно судорога, не то испугъ, не то глубокое огорченіе.

— Господи, Іисусе Христе, Царица Небесная...

Солнце тонетъ на минуту въ широкомъ мглистомъ пятнѣ и показывается изъ облака уже значительно ущербленнымъ. Теперь уже это видно простымъ глазомъ, чему помогаетъ тонкій паръ, который все еще курится въ воздухѣ, смягчая ослѣпительный блескъ.

Тишина. Кое-гдѣ слышно нервное, тяжелое дыханіе, на фонѣ напряженнаго молчанія метрономъ отбиваетъ секунды металлическимъ звономъ, да нѣмецъ продолжаетъ говорить что-то непонятное, и его голосъ звучитъ какъ-то чуждо и странно. Я оглядываюсь. Старый скептикъ шагаетъ прочь быстрыми шагами, съ низко опущенною головой.

VIII.

Проходитъ полчаса. День сіяетъ почти все такъ же, облака закрываютъ и открываютъ солнце, теперь плывущее въ вышинѣ въ видѣ серпа. Какой-то мужичокъ „изъ Пучежа“ въѣзжаетъ на площадь, торопливо поворачиваетъ къ забору и начинаетъ выпрягать лошадь, какъ будто его внезапно застигла ночь и онъ собрался на ночлегъ. Подвязавъ лошадь къ возу, онъ растерянно смотритъ на холмъ съ инструментами, на толпу людей съ поблѣднѣвшими лицами, потомъ находитъ глазами церковь и начинаетъ креститься механически, сохраняя въ лицѣ все то же испуганно-вопросительное выраженіе.

Между тѣмъ, мальчишки и подростки, разочаровавшись въ желатинныхъ стеклахъ, убѣгаютъ домой и оттуда возвращаются съ самодѣльными, наскоро закопченными стеклами, которыхъ теперь появляется много. Среди молодежи царятъ безпечное оживленіе и любопытство. Старики вздыхаютъ, старухи какъ-то истерически ахаютъ, а кто даже вскрикиваетъ и стонетъ, точно отъ сильной боли.

День начинаетъ замѣтно блѣднѣть. Лица людей принимаютъ странный оттѣнокъ, тѣни человѣческихъ фигуръ лежатъ на землѣ блѣдныя, неясныя. Пароходъ, идущій внизъ, проплываетъ какимъ-то призракомъ. Его очертанія стали легче, потеряли опредѣленность красокъ. Количество свѣта, видимо, убываетъ; но такъ какъ нѣтъ сгущенныхъ тѣней вечера, нѣтъ игры отраженнаго на низшихъ слояхъ атмосферы свѣта, то эти сумерки кажутся необычны и странны. Пейзажъ будто расплывается въ чемъ-то; трава теряетъ зелень, горы какъ бы лишаются своей тяжелой плотности.

Однако, пока остается тонкій серповидный ободокъ солнца, все еще царитъ впечатлѣніе сильно поблѣднѣвшаго дня, и мнѣ казалось, что разсказы о темнотѣ во время затменій преувеличены. „Неужели, — думалось мнѣ, — эта остающаяся еще ничтожная искорка солнца, горящая, какъ послѣдняя, забытая свѣчка въ огромномъ мірѣ, такъ много значитъ?.. Неужели, когда она потухнетъ, вдругъ должна наступить ночь?“

Но вотъ эта искра исчезла. Она какъ-то порывисто, будто вырвавшись съ усиліемъ изъ-за темной заслонки, сверкнула еще золотымъ брызгомъ и погасла. И вмѣстѣ съ этимъ пролилась на землю густая тьма. Я уловилъ мгновеніе, когда среди сумрака набѣжала полная тѣнь. Она появилась на югѣ и точно громадное покрывало быстро пролетѣла по горамъ, по рѣкѣ, по полямъ, обмахнувъ все небесное пространство, укутала насъ и въ одно мгновеніе сомкнулась на сѣверѣ. Я стоялъ теперь внизу, на береговой отмели, и оглянулся на толпу. Въ ней царило гробовое молчаніе. Даже нѣмецъ смолкъ, и только метрономъ отбивалъ металлическіе удары. Фигуры людей сливались въ одну темную массу, а огни пожарища на той сторонѣ опять пріобрѣли прежнюю яркость...

Но это не была обыкновенная ночь. Было настолько свѣтло, что глазъ невольно искалъ серебристаго луннаго сіянія, пронизывающаго насквозь синюю тьму обычной ночи. Но нигдѣ не было сіянія, не было синевы. Казалось, тонкій, неразличимый для глаза, пепелъ разсыпался сверху надъ землей, или будто тончайшая и густая сѣтка повисла въ воздухѣ. А тамъ, гдѣ-то по бокамъ, въ верхнихъ слояхъ чувствуется озаренная воздушная даль, которая сквозитъ въ нашу тьму, смывая тѣни, лишая темноту ея формы и густоты. И надъ всею смущенною природой чудною панорамой бѣгутъ тучи, а среди нихъ происходитъ захватывающая борьба... Круглое, темное, враждебное тѣло, точно паукъ, впилось въ яркое солнце, и они несутся вмѣстѣ въ заоблачной вышинѣ. Какое-то сіяніе, льющееся измѣнчивыми переливами изъ-за темнаго щита, придаетъ зрѣлищу движеніе и жизнь, а облака еще усиливаютъ эту иллюзію своимъ тревожнымъ, безшумнымъ бѣгомъ.

— Владычице святая, Господи-Батюшко, помилуй насъ, грѣшныхъ!

И какая-то старушка набѣгаетъ на меня, торопливо спускаясь съ холма.

— Куда ты, тетка?

— Домой, родимый, домой: помирать, видно, всѣмъ, помирать съ дѣтками съ малыми...

Вдоль берега, въ сумракѣ, надвигается къ намъ какое-то темное пятно, изъ котораго слышенъ смѣшанный, все усиливающійся голосъ. Это кучка фабричныхъ. Впереди, размахивая руками, шагаетъ угрюмый атлетъ рабочій, который сидѣлъ со мной на мосту. Я иду къ нимъ по отмели на-встрѣчу.

— Нѣтъ, какъ онъ могъ узнать, вогъ что!—останавливается онъ вдругъ прямо противъ меня, повидимому, узнавая во мнѣ недавняго собесѣдника.—Говорили тогда ребята: раски-

дать надо ихнія трубы... Вишь, нацѣлились въ Бога!.. Отъ этого всей нашей странѣ можетъ гибель произойти. Шутка ли: Господь знаменіе посылаетъ, а они въ небо трубами... А какъ Онъ, Батюшко, прогнѣвается, да вдругъ сюда, въ это самое мѣсто, полыхнетъ молоньей?..

— Да, вѣдь, это сейчасъ пройдетъ,—говорю я.

— Пройдетъ, говоришь? Должны мы живы остаться?—Онъ спрашиваетъ, какъ человѣкъ, потерявшій планъ дѣйствій и тяготѣющій ко всякому рѣшительно высказываемому убѣжденію.

— Конечно, пройдетъ, и даже очень скоро.

— А какъ?

Я смотрю на часы.

— Да, должно-быть, менѣе минуты еще.

— Меньше минуты? И это узнали! Ахъ ты, Господи-Боже!..

Прошло не болѣе 15 секундъ. Всѣ мы стояли вмѣстѣ, поднявъ глаза кверху, туда, гдѣ все еще продолжалась молчаливая борьба свѣта и тьмы, какъ вдругъ вверху, съ правой стороны, вспыхнула искорка, и сразу лица моихъ собесѣдниковъ освѣтились. Такъ же внезапно, какъ прежде онъ набѣжалъ на насъ, мракъ убѣгаетъ теперь къ сѣверу. Темное покрывало взметнулось гигантскимъ взмахомъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ, пробѣжало по волнистымъ очертаніямъ облаковъ и исчезло. Свѣтъ струится теперь, послѣ темноты, еще ярче и веселѣе прежняго разливаясь побѣднымъ сіяніемъ. Теперь земля одѣлась опять въ тѣ же блѣдныя тѣни и странные цвѣта, но они производятъ другое впечатлѣніе: то было угасаніе и смерть, а теперь наступало возрожденіе...

IX.

Солнце, солнце!.. Я не подозрѣвалъ, что и на меня его новое появленіе произведетъ такое сильное, такое облегчающее, такое отрадное впечатлѣніе, близкое къ благоговѣнію, къ преклоненію, къ молитвѣ... Что это было: отзвукъ стараго, залегающаго въ далекихъ глубинахъ каждаго человѣческаго сердца преклоненія передъ источникомъ свѣта, или, проще, я почувствовалъ въ эту минуту, что этотъ первый проблескъ прогналъ прочь густо столпившіеся призраки предразсудка, предубѣжденія, вражду этой толпы?.. Мелькнулъ свѣтъ—и мы стали опять братьями... Да, не знаю, что это было, но только и мой вздохъ присоединился къ общему облегченному вздоху толпы... Мрачный великанъ стоялъ съ поднятымъ кверху лицомъ, на которомъ разливалось отраженіе рождавшагося свѣта. Онъ улыбался.

— Ахъ ты, Б-боже мой!..—повторилъ онъ уже съ другимъ,

благодушнымъ выраженіемъ.—И до чего только, братцы, народъ дошелъ. Н-ну!..

Конецъ страхамъ, конецъ озлобленію. Въ толпѣ говоръ и шумъ.

— Должны мы Господа благодарить... Дозволилъ намъ живымъ остаться, Батюшка!..

А еще хотѣли остроумовъ бить. То-то вотъ глупость...

— А развѣ правда, что хотѣли бить? — спрашиваю я, чувствуя, что теперь можно уже свободно говорить это, безъ прежней напряженной неловкости.

— Да вѣдь это что: отъ питія это, отъ винпаго. Пьяненькій мужичокъ первый и взбунтовался... Ну, да, вѣдь, ничего не вышло, слава-те Господи!

— А у насъ, братцы, мужики и безъ остроумовъ знали, что будетъ затменіе,—выступаетъ внезапно мужичокъ изъ-за Пучежа.—Ей-Богу... Потому старики учили: ежели, говорятъ, мѣсяцъ по зорямъ ходитъ, — непремѣнно къ затменію... Ну, только въ какой день—этого не знали... Это, нечего хвастать, было намъ неизвѣстно.

— А они, видишь, какъ разсчитали. Въ аккуратъ! Какъ ихній маятникъ ударилъ, тутъ и началось...

— Премудрость...

— Затѣмъ и разумъ даденъ человѣку...

— Вишь, и опять взыграло.,. Гляди, какъ разгорается.

— Содвигается тьма-то!

— Теперь сползетъ небось!

— Содвинется на сторону—и шабашъ.

— И опять радуется всякая тварь...

— Слава Христу, опять живы мы...

— А что, господа, дозвольте спросить у васъ... — благодушно подходитъ въ это время кто-то къ самой оградѣ. Но ближайшій изъ наблюдателей нетерпѣливо машетъ рукой: онъ смотритъ и считаетъ секунды.

— Не мѣшай!—останавливаютъ изъ толпы.—Чего лѣзешь,— не видишь, что ли? Еще, вѣдь, не вовсе кончилось.

— Отдай, отдай назадъ! Осади!—вполголоса, но уже безъ всякой внушительности, произносятъ городовые. Солдаты, ружья къ ногѣ, носы кверху, съ наивною неподвижностью тоже слѣдятъ за солнцемъ. Гриша, торжествующій, смѣшался съ толпой и имѣетъ такой видъ, какъ будто готовъ принимать поздравленія съ благополучнымъ окончаніемъ важнаго дѣла. Астрономическая наука пріобрѣла въ его лицѣ ревностнаго адепта. Окруженный любопытными, отъ которыхъ еще недавно слышалъ язвительныя насмѣшки, онъ теперь объясняетъ имъ что-то очень авторитетно:

— Труба... она вещь не простая. Содвинь ее, ужъ она не дѣйствуетъ. Она по звѣздѣ теперича ставится. Все одно ружейный прицѣлъ.

— Какъ можно содвинуть, вещь понятная!—ласково и какъ будто заискивающе поддакиваютъ собесѣдники.

— Тонкая вещь!

— А не грѣхъ это, братцы?—раздается сзади нерѣшительный вопросъ, оставшійся безъ отклика.

Солнце играетъ все сильнѣе; туманъ все болѣе и болѣе утончается, и уже становится трудно глядѣть невооруженнымъ глазомъ на увеличивающійся серпъ солнца. Чирикаютъ примолкшія было птицы, луговая зелень на зарѣчной сторонѣ проступаетъ все ярче, облака расцвѣчиваются... Въ настроеніи толпы недовѣріе, вражда и страхи умчались куда-то далеко вмѣстѣ съ пеленой полной тѣни, улетѣвшей въ безпредѣльное пространство...

Я ищу старика-скептика. Его нигдѣ нѣтъ. Между тѣмъ, кое-гдѣ открываются окна, до тѣхъ поръ закрытыя ставнями или тщательно задернутыя занавѣсками. Давешняя старушка робко отпираетъ свою закупоренную хибарку, высовываетъ сначала голову, оглядывается вдоль улицы, потомъ выходитъ наружу. Къ ней подбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

— Бабушка, бабушка, а я вотъ все видѣла!

— Ты зачѣмъ убѣжала, грѣховодница, когда я не приказывала тебѣ?

Но дѣвочка не слушаетъ и продолжаетъ съ веселымъ возбужденіемъ:

— Все видѣла, какъ есть. И никакихъ страстей не было. По небу стрѣлы пошли и потомъ солнышко, слышь, темнѣитъ, темнѣ-и-итъ...

— Ну?

— Ну и все потемнѣло. Задернулось вотъ и все одно... чугуннымъ листомъ. Ей-Богу правда, какъ вотъ заслонка-те передъ солнцемъ и стоитъ. А потомъ съ другой-те стороны вдругъ прыснуло и пошло выходить, и пошло тебѣ выходить, и опять разсвѣтало.

Бабушка ворчитъ что-то, но старое брюзжаніе звучитъ уступчиво и тихо, а дѣтскій голосъ звенитъ съ молодымъ торжествомъ.

Мы сидѣли уже на пароходѣ, когда послѣдній слѣдъ затменія соскользнулъ ни для кого уже незамѣтно съ просіявшаго солнечнаго диска.

Въ третьемъ классѣ въ публикѣ живо ходила по рукамъ брошюра: „О солнечномъ затменіи 7-го августа 1887 года“...

1887—92 г.

ВЪ ОБЛАЧНЫЙ ДЕНЬ.

Очеркъ.

I.

Былъ знойный лѣтній день 1892 года.

Въ высокой синевѣ тянулись причудливые клочья рыхлаго бѣлаго тумана. Въ зенитѣ они неизмѣнно замедляли ходъ и тихо таяли, какъ бы умирая отъ знойной истомы въ раскаленномъ воздухѣ. Между тѣмъ, кругомъ надъ чертой горизонта толпились, громоздясь другъ на друга, кудрявыя облака, а кое-гдѣ пали, какъ будто, синія полосы отдаленныхъ дождей. Но онѣ стояли недолго, сквозили, исчезали, чтобы пасть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и также быстро исчезнуть...

Казалось, у облачнаго неба не хватило рѣшимости и силы, чтобы пролиться на землю... Тучи набирались, надумывались, тихо развертывались и охватывали кольцомъ равнину, на которой зной царилъ всетаки во всей томительной силѣ; а солнце, начавшее склоняться къ горизонту, пронизывало косыми лучами всю эту причудливую мглистую панораму, усиливая въ ней смѣну свѣта и тѣней, придавая какую-то фантастическую жизнь молчаливому движенію въ горячемъ небѣ... Во всемъ чувствовалось ожиданіе, напряженіе, какія-то приготовленія, какая-то тяжелая борьба. Туманная рать темнѣла и сгущалась внизу, выдѣляя легкія бѣлыя облачка, которыя быстро неслись къ серединѣ неба и неизмѣнно сгорали въ зенитѣ, а земля все ждала дождя и влаги, ждала томительно и напрасно...

По тракту лѣниво прозвонилъ колокольчикъ и смолкъ. Потомъ неожиданно заболтался сильнѣе, и съ холма межъ рядами старыхъ березъ покатился въ клубкѣ бѣлой пыли тарантасъ съ порыжѣлымъ кожанымъ верхомъ, запряженный тройкой почтовыхъ лошадей. Вокругъ тарантаса моталась плотная пыль, лошадей

густо облѣпили слѣпни и овода, увязавшіеся за ними отъ самой станціи. Отъ станціи же путниковъ сопровождалъ печальный и сухой шелестъ усыхающихъ нивъ. Рожь тихо качалась, шуршала и будто жаловалась впросонкахъ на этотъ зной и на эти раздражающія туманныя грезы, залегающія на горизонтѣ обманчивыми призраками дождей...

Было скучно. Въ густой листвѣ придорожныхъ березъ шевелились порой какіе-то вздохи, а изъ села, колокольня котораго осталась назади, за холмомъ, слышался рѣдкій, надтреснутый звонъ.

— Осокинцы молебствуютъ,—сказалъ, ни къ кому не обращаясь, ямщикъ... —Бѣда вѣдь: жаръ да сухмень... Гнѣвъ Господень... Икону подняли,—что-то Господь дастъ. Эхъ вотъ, прежде попъ у нихъ былъ, Василій. Насчетъ чего прочаго не больно дохваливали, а что касающе дождя,—ну, дошлый былъ! Какъ, бывало, пройдетъ по межамъ, даромъ что пьяненькій шатается, — отколь и возьмется, братецъ мой, туча... И отколь тебѣ ни возьмется туча...

Никто не отвѣтилъ, и ямщикъ смолкъ. На межѣ, дѣйствительно, мелькали ризы сельскаго причта, почернѣвшая парча двухъ хоругвей болталась въ ясномъ воздухѣ, и пѣніе незатѣйливаго клира носилось какими-то обрывками. Раскатится густая діаконская октава и разсыплется горошкомъ гдѣ-то совсѣмъ близко, смѣшавшись съ шелестомъ ржи, между тѣмъ, какъ высокая фистула дьячка безпокойно летаетъ надъ березами и будто мечется и кого-то ищетъ, и зоветъ кого-то напрасно. Потомъ все стихнетъ, и весь пейзажъ опять безысходно томится и будто еще усиленнѣе чувствуетъ тяжесть бытія. А неподвижный воздухъ опять густо насыщенъ ожиданіемъ и смутными раздражающими грезами...

Вмѣстѣ съ пылью и слѣпнями это ощущеніе безнадежной тоски нависло, очевидно, и надъ тарантасомъ, тихо катившимся по тракту. Коренникъ лѣниво мѣсилъ ногами, пристяжки роняли морды чуть не въ самую пыль дороги, тарантасъ разслабленно дребезжалъ плохо пригнанными частями, ямщикъ, видимо, придирался къ одной пристяжкѣ, надѣляя ее по временамъ язвительными эпитетами самаго оскорбительнаго свойства.

Впрочемъ, если кто еще не вполнѣ поддался разслабляющему вліянію этого томительнаго дня, то это именно ямщикъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста и довольно невзрачный въ своемъ порыжѣломъ кафтанѣ и въ шляпенкѣ неизвѣстнаго происхожденія, неопредѣленной формы и цвѣта. Носъ у него былъ нѣсколько на бекрень, бороденка выгорѣла отъ

солнца, но глаза, синіе и глубокіе, глядѣли живо, умно и нѣсколько мечтательно...

Это была личность, популярная по тракту, и кому часто доводилось ѣздить этими мѣстами, тотъ непремѣнно замѣчалъ и помнилъ Кривоносаго Силуяна, съ его синими глазами, глубокимъ голосомъ и безконечными разсказами. Были сѣдоки, которые, пріѣзжая на станцію, спрашивали у содержателя: „А что, Силуянъ тутъ?“ — „Балагуръ, — говорили про него другіе ямщики...—Съ нимъ, конечно, сѣдоку не скучно“. За то и самъ Силуянъ любилъ сѣдока внимательнаго, бывалаго и разговорчиваго. Онъ умѣлъ говорить, но любилъ и послушать. Онъ охотно отдавалъ дорогѣ все, что накопилъ въ памяти. Но и дорога, въ свою очередь, надѣляла Силуяна такими свѣдѣніями, которыя только и можно подхватить на бойкомъ тракту отъ проѣзжаго, бывалаго и видалаго человѣка. Въ такихъ случаяхъ Силуянъ жадно прислушивался, повернувшись съ облучка назадъ, а потомъ, возвращаясь на обратной одинъ, легкой рысцей, въ сумерки или темною ночью, когда чуть видныя березы глухо шумѣли вдоль темнаго тракта,—онъ перебиралъ въ умѣ слышанное за день. А такъ какъ въ душѣ онъ поэтъ, надѣленный безпокойнымъ и подвижнымъ воображеніемъ, къ тому же темныя ночи, звонъ колокольчика и шумъ вѣтра въ березахъ отражаются по-своему на работѣ ямщицкой памяти,—то не мудрено, что уже черезъ недѣлю-другую самъ проѣзжій разсказчикъ могъ бы выслушать отъ Силуяна свой собственный разсказъ, какъ очень интересную новость... И ему не удалось бы даже убѣдить Силуяна, что это онъ, проѣзжій, самъ и разсказывалъ ему, только совсѣмъ иначе. Силуянъ повернется, посмотритъ и покачаетъ головой.

— Нѣтъ, то былъ другой, и личность другая.

И дѣйствительно, то былъ другой, потому что темныя ночи и ямщицкая память совершенно преображали человѣка, неизвѣстно откуда пріѣхавшаго и неизвѣстно куда ускакавшаго по тракту въ невѣдомый свѣтъ,—преображали до такой степени, что и фигура, и лицо, и голосъ, и самый разсказъ подвергивались особеннымъ налетомъ ямщицкой фантазіи... Такъ рождалось на А—скомъ тракту много былинъ, а такъ какъ ихъ некому было записывать, то онѣ тутъ же на тракту и умирали, если, впрочемъ, исправникъ Полежаевъ, большой любитель разсказовъ Силуяна, не повторялъ ихъ гдѣ-нибудь въ грязномъ номерѣ уѣздной гостиницы передъ скучающейуѣздной публикой...

— Да ты, Силуянъ, смотри, не все болтай зря,—говорилъ иногда исправникъ... — Какъ бы иной разъ и не того... и не нагорѣло за твои сказки...

— Убей меня Богъ, Степанъ Митричъ,—отвѣчалъ Силуянъ съ убѣжденіемъ и совершенно искренно. — Отъ проѣзжаго барина слышалъ, отъ генерала. Чай, не станетъ врать...

Вообще, много страннаго можно было услышать о бѣломъ свѣтѣ отъ ямщика Силуяна, обычно знавшаго, впрочемъ, каждый пенекъ на А—скомъ трактѣ.

II.

Теперь онъ былъ слегка раздраженъ и недоволенъ. Измѣнчивыя облака (овесъ сохнетъ!), жаръ, слѣпни, лукавство пристяжки, которая все норовитъ „обмануть“ его, но самое непріятное — молчаливые, разваренные сѣдоки... Ихъ двое: молодая дѣвушка и пожилой баринъ. Баринъ сидитъ совсѣмъ осовѣлый и клюетъ носомъ. Ямщикъ давно махнулъ на него рукой и все вниманіе обратилъ на дѣвушку. Но та сначала забилась въ уголъ тарантаса и все глядѣла въ одномъ направленіи упрямо и жадно, не видя ничего въ отдѣльности и только поглощая глазами синюю даль. Потомъ она заснула, не перемѣнивъ положенія: бѣлокурая головка безномощно моталась на жесткой кожѣ тарантаса, платокъ съ голосы съѣхалъ назадъ, волосы сбились, а на лицѣ блуждало странное выраженіе, какъ будто и во снѣ она глядитъ на что-то вдали и старается что-то угадать.

Силуяну стало жаль ее, и онъ поѣхалъ тише, но пристяжка воспользовалась его снисходительностью до такой степени нагло, что онъ не выдержалъ и рѣзко вытянулъ ее кнутомъ. Недобросовѣстный конь дернулъ сразу, тарантасъ охнулъ, и дѣвушка проснулась.

— И подлый же конь этотъ, — сказалъ ямщикъ виновато, указывая на пристяжку кнутомъ,—коренная, напримѣръ, старается, безъ облыни, а этому подлецу только бы оммануть. Вотъ, воо̀-о-тъ, во-атъ, гляди на него, на ш-шельму.

Кнутъ нѣсколько разъ взвизгнулъ въ воздухѣ и шлепнулъ по мокрымъ бокамъ коня. Послѣ этого пристяжка, казалось, поняла цѣну добродѣтели, и ямщикъ успокоился. Онъ поглядѣлъ на небо и, широко взмахнувши по воздуху кнутовищемъ, какъ бы погоняя тучи, сказалъ:

— Облака-те набираются все. Не дастъ ли Господи милости хресьянамъ... Айда, айда къ намъ, на Липоватку.

Онъ остановился съ ожиданіемъ. Теперь по настоящему сѣдокамъ слѣдовало бы спросить: „а ты самъ развѣ изъ Липоватки?“

И онъ бы тотчасъ отвѣтилъ:

— Ну! Изъ Липоватки, изъ самой! Липоватовыхъ господъ, можетъ, слыхали? Богатѣющее имѣніе было.

Да тутъ же, кстати, спросилъ бы и самъ:

— А вы чьи будете, изъ какой стороны? Не видывали мы васъ что-то, здѣшніе-то господа у насъ на примѣтѣ.

Онъ жадно насторожился, но никто ничего ему не отвѣтилъ. Господинъ по прежнему тускло глядѣлъ впередъ и тихонько потряхивался на сидѣніи („точно мѣшокъ съ мякиной", — сказалъ про себя ямщикъ), а барышня опять уставилась глазами на дальнюю рощу, грузно и сине легшую по „вершинкѣ", на фонѣ желтой нивы.

Ямщикъ досадливо поправился на облучкѣ, усѣлся плотнѣе и обратился къ березамъ, которыя что-то зашептали ему, какъ старому знакомому, будто приглашая къ бесѣдѣ съ ними, вмѣсто непривѣтливыхъ сѣдоковъ.

— И-эхъ березыньки!..—любовно протянулъ онъ нараспѣвъ, и тихая пѣсня понеслась среди мертваго жужжанія оводовъ. Онъ пѣлъ пріятной фистулой, обладавшей общимъ свойствомъ ямщицкихъ голосовъ: пѣсня звучала будто откуда-то издалека, точно вѣтеръ наносилъ ее съ поля.

И э-э-эхъ-да-э-эхъ... да Аракчеевъ господинъ...
Да Аракчее-е...

Такъ какъ лукавый пристяжной конь видимо замедлилъ ходъ, чтобы лучше слышать пѣніе хозяина, то ямщикъ опять рѣзко вытянулъ его по заду,—а пѣсня не прерывалась, будто въ самомъ дѣлѣ ее пѣлъ кто-то другой, въ сторонѣ. Она тягуче и тихо, но какъ-то особенно плотно и грустно лилась нота за нотой... Есть что-то особенное въ этихъ ямщицкихъ пѣсняхъ, которыя поются вполголоса на облучкѣ подъ топотъ копытъ и монотонное позваниваніе колокольчика. Не удаль и не тоска, — а что-то неопредѣленное, точно во снѣ встаютъ воспоминанія о прошломъ, странномъ и близкомъ душѣ, увлекательномъ и полузабытымъ... Барышня шевельнула бровями.

— Да Аракчеевъ господинъ,
Да онъ всеё дороженьку березкой усадилъ...

Воспоминаніе становилось опредѣленнѣе. Слова выходили изъ звучнаго жужжанія ясныя, съ понятнымъ смысломъ. Барышня совсѣмъ оторвала глаза отъ рощи, и господинъ переставалъ безжизненно встряхиваться на своемъ сидѣніи.

— Да онъ тебя, дороженька, березкой усадилъ...
Да всеё Рассеюшку въ раззоръ раззорилъ!..
И-э-э-эхъ, моя березынька, дороженька моя...

Послѣдній стихъ прозвенѣлъ и потерялся въ воздухѣ, покрытый явно сочувственнымъ шорохомъ березъ, шевелившихъ

на легкомъ вѣтру нависшими вѣтками. Ямщикъ, казалось, забылъ уже о сѣдокахъ, и черезъ минуту пѣсня опять тянулась, отвѣчая шороху деревьевъ:

И-й-эхъ, моя березынька, дороженька моя...
И-й эхъ, ты мать Рассеюшка, хресьянская земля...
Да-э-эхъ, Ракчеивъ нашъ, Ракчеивъ генералъ
На тую-ль на дороженьку... хресьянъ выгонялъ...
Да й-э-э-эхъ...

Шопотъ деревьевъ, шорохъ хлѣбовъ, звонъ колокольчика и опять пѣсня.

Тая ли дороженька-а-а да кровью полита!..

Вмѣстѣ съ опредѣленностью мотива опредѣлялось и выраженіе на лицахъ сѣдоковъ. Лицо молодой дѣвушки стало печально, глаза округлились. Это замѣтилъ проснувшійся господинъ и сказалъ съ неудовольствіемъ:

— Ну, ты! Что такое,—распѣлся!—говорилъ онъ слегка дребезжащимъ голосомъ, въ которомъ силилась пробиться какая-то твердая нота.

Ямщикъ невольно оглянулся. Сѣдокъ уже не встряхивался, а сидѣлъ „своей волей", нахмуривъ брови, и на лбу его ямщику только теперь рѣзко кинулась въ глаза кокарда. „Должно—начальство новое",—подумалъ Силуянъ, обрывая пѣсню, и обиженно задергалъ возжами.

Но въ головѣ его шевелились вольныя мысли.

— Ишь вѣдь, прости Господи, идолъ навязался! Не важивали мы начальниковъ, что ли? Вонъ Полежаевъ, исправникъ, или опять Талызинъ, Василь Семенычъ, даромъ што генералъ полный, а, бывало, подавай ему Силуяна, съ другимъ, говоритъ, и не поѣду...

Эти воспоминанія ободрили ямщика, и онъ прибавилъ вслухъ:

— Низвините, ваше благородіе,—пѣсня такая поется старинная, про Ракчеива, значитъ.

— То-то пѣсня,—брезгливо и какъ-то слегка въ носъ сказалъ сѣдокъ. Онъ, видимо, старался говорить строго, но твердая нота все не налаживалась...—Пѣсня! Пѣсни тоже всякія бываютъ...

Впрочемъ, лицо его опять начало расплываться, обрюзгло, и туловище опять пассивно поддалось вліянію тарантаса: господинъ опять сталъ потряхиваться, а глаза его потускнѣли. Изъ опасенія, что разговоръ, хотя нѣсколько непріятный, угаснетъ,—ямщикъ прибавилъ раздумчиво, послѣ короткой паузы:

— Ракчеивъ... Стало быть, помѣщикъ былъ въ нашей сто-

ронѣ. Годовъ, сказываютъ, со сто, а то, можетъ, и всѣхъ два-ста будетъ. Важнѣющій былъ генералъ у царицы, у Екатерины.

Господинъ слегка очнулся.

—То-то вотъ!—все еще нѣсколько соннымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.—„Два-сто“... У Екатерины... въ вашей сторонѣ! Ничего-то вы, мужики, толкомъ не знаете, а туда же, „въ раззоръ разорилъ“... Распустились!

— Пѣсня, господинъ, она, какъ сказать...—возразилъ Силуянъ,—она вѣдь изстари идетъ... Отъ народу взялась... Старинная это пѣсня... Ежели ее голосомъ настояще вывести...

— Ну-ну! Будетъ ужъ, не выводи! Слыхали.

— Какъ угодно!—Ямщикъ окончательно обидѣлся.

— Что ты это, папочка, отчего?—спросила дѣвушка. Она, казалось, не сразу вслушалась въ содержаніе разговора и только задумчиво ждала продолженія пѣсни. Когда все смолкло и продолженія не было,—она только тогда поняла причину.

— Ахъ, Леночка,—отвѣтилъ господинъ,—ты этого не можешь понять. Это не Петербургъ, и здѣсь я не могу смотрѣть на себя, какъ...

— Какъ на что?—лѣниво спросила дочь.

— Какъ... на частнаго человѣка! Пожалуйста, Лена, не вмѣшивайся въ мои... распоряженія.

— Не буду, папочка,—такъ же лѣниво обѣщала дѣвушка.

Ямщикъ излилъ свои ощущенія усиленной игрой на возжахъ и усерднымъ употребленіемъ кнута. Однако, чуткое ухо уловило кое-что въ разговорѣ. „Вишь ты,—подумалъ онъ,—начальникъ и есть. Строгъ, а, кажись, отходчивъ. Ну, да мнѣ-ка что! Наше дѣло ямщицкое!“

Опять наступила тишина и дорожное томленіе. Барышня смотрѣла вдаль, господинъ потряхивался и ритмически покачивался на сидѣніи, а глаза его, все еще открытые, стали такъ тусклы, какъ будто на нихъ насѣла пыль. Колокольчикъ бился, взвизгивалъ и подвывалъ какому-то своему неисходному горю. Потомъ онъ всѣмъ надоѣлъ, прислушался и сразу исчезъ изъ слуха и сознанія. За то въ тишинѣ полей оживало какое-то тревожное, пугливое трепетаніе, и порой чудилось, что діаконскій басъ, давно оставленный назади, опять увязался съ тучами оводовъ за тарантасомъ и все догоняетъ и сыплется по сторонамъ горошкомъ.

Но это былъ только слуховой призракъ, встававшій среди чуткой атмосферы, наэлектризованной томленіемъ и испугомъ изсыхающей земли...

III.

Въ головѣ пожилого господина бродили мысли, призрачныя, какъ эти мглистыя тучи... Обрывки прошлаго, обрывки настоящаго и туманная мгла впереди. Все это громоздилось въ головѣ, покрывало другъ друга. Общій фонъ былъ неясенъ, за то отдѣльныя мысли выступали порой такъ раздражительно ярко, что однажды онъ сказалъ громко:

— Да... вотъ... А теперь что же мы видимъ?..

— Ничего, ничего, Лена,—застыдившись, отвѣтилъ онъ тотчасъ же на вопросительный взглядъ дѣвушки. — Я думалъ... о прошломъ...

Дѣйствительно, онъ думалъ о прошломъ, и призраки его молодости тянулись къ нему невидимыми руками отъ этого истомившагося простора. Тарантасъ тихо тарахтитъ по пыльной дорогѣ, а Семенъ Аѳанасьевичъ Липоватовъ видитъ себя юнымъ помѣщикомъ... Когда н—ское дворянство, первое изъ великорусскихъ, обратилось съ извѣстнымъ адресомъ объ эмансипаціи, имя Семена Аѳанасьевича стояло подъ этимъ адресомъ. Какъ это все было... какъ бы сказать... блестяще, что ли!.. Подъемъ духа, разговоры, ожиданія, тревоги... Казалось, будто вся жизнь поворачивала куда-то на новую дорогу и гремѣла, и сверкала на этомъ поворотѣ. Почему теперь такъ не блеститъ уже ничего въ жизни? Потомъ, когда виднѣйшіе дворяне, спохватившись, начали горячую борьбу „за интересы сословія“ и подали контръ-адресъ,—имя Семена Аѳанасьевича какимъ-то образомъ очутилось и на контръ-адресѣ. Странно, — но и тутъ опять было что-то блестящее, что-то кипучее и особенное, окрашенное колоритомъ того времени...

И какого времени!.. Какой энтузіазмъ, какія рѣчи, какой пылъ, какая самоувѣренность, какія надежды! Гдѣ теперь все это,—т.-е. даже не эти факты, а этотъ особенный тонъ жизни, этотъ ароматъ бытія? Казалось, по всему лицу русской земли были разставлены какіе-то особые рефлекторы и резонаторы, придававшіе силу каждому звуку, сіяніе каждому явленію. Неужели это только молодость? Нѣтъ, старики тогда тоже становились молодыми, вотъ что удивительно... Вдругъ прославится смоленское дворянство! Вдругъ лукояновское общество сельскаго хозяйства открываетъ новые горизонты! Вотъ Семенъ Аѳанасьевичъ подписался подъ однимъ адресомъ — и его имя передается изъ края въ край, становится достояніемъ даже заграничной прессы. Блескъ, гулъ, сверканіе! Но развѣ не было блеска и въ этомъ протестѣ нотаблей про-

тивъ эмансипаціи, въ этомъ столкновеніи „знамени освобожденія“ со „старыми дворянскими традиціями“... И опять его имя становится достояніемъ прессы, и опять его привѣтствуютъ,—только уже съ другой стороны... А тамъ опять восторги и ожиданія, потомъ земство, новые суды, égalité!.. Вотъ тутъ-то, когда воспоминанія дошли до этого пункта, — у Семена Аѳанасьевича и вырвалось восклицаніе:

— Да! А теперь... Что же мы видимъ?

— Поле, папочка, и мостикъ,—ласково улыбнулась дочь...

Семенъ Аѳанасьевичъ вздохнулъ и оглянулся. Да, поле, дорога, березки, и стая воронъ кружится надъ колеблющейся рожью. Должно быть, во ржи онѣ замѣтили умирающаго зайца или подстрѣленную птицу...

А между этимъ яркимъ и далекимъ прошлымъ и этимъ уголкомъ дороги—цѣлая полоса...

Что это было, какъ было? Выкупную сдѣлку взялъ на себя старшій братъ, человѣкъ суровый и не скрывавшій своего презрѣнія къ либеральнымъ увлеченіямъ Сенички. Семенъ Аѳанасьевичъ только слышалъ о какихъ-то замѣшательствахъ и столкновеніяхъ брата съ крестьянами, потомъ все какъ-то уладилось, потомъ получены выкупные, потомъ Семенъ Аѳанасьевичъ дрался на дуэли изъ-за m-lle Стратилатовой, первой красавицы въ губерніи, дочери его сосѣда по имѣнію. Онъ былъ раненъ (легко), потомъ женился, потомъ уѣхалъ за-границу. Выкупные таяли быстро, братъ писалъ нравоученія („помни, что ты истощаешь жизненные нервы будущаго хозяйства“), и Семенъ Аѳанасьевичъ вернулся въ Петербургъ. Это было время оживленія промышленности, желѣзнодорожная горячка, хорошія дворянскія имена цѣнились и котировались бойко. Семенъ Аѳанасьевичъ опять увлекся. Засѣданія, рѣчи, надежды, сближеніе съ этими замѣчательными истинно русскими человѣками, прицѣплявшими звѣзды поверхъ синихъ кафтановъ, или прятавшими ихъ подъ окладистыми бородами, акціи, облигаціи, борьба въ собраніяхъ, обѣды и спичи, въ которыхъ Семенъ Аѳанасьевичъ обнаруживалъ недюжинный талантъ и упоительное краснорѣчіе,.. Въ результатѣ онъ два раза былъ близокъ къ обогащенію, три раза раззорялся, одинъ разъ получилъ наслѣдство (послѣ умершаго брата), и все это какъ-то пассивно, какъ будто все это дѣлали за него другіе. Да, пожалуй, оно такъ и было. „Русскіе человѣки“ выплывали,—поднимался съ ними и Семенъ Аѳанасьевичъ; русскіе человѣки утопали въ пучинѣ какого-нибудь краха, — утопалъ и Семенъ Аѳанасьевичъ. А иногда и даже чаще бывало и такъ: они выплываютъ, а Се-

меиъ Аѳанасьевичъ утопаетъ. Въ это время умерла жена, кротко выносившая всѣ увлеченія мужа. У ея роскошнаго гроба Семенъ Аѳанасьевичъ въ первый разъ почувствовалъ, какъ у него тягуче и сильно сжалось сердце, и въ первый еще разъ, оглянувшись назадъ, на свою молодую любовь, на свои клятвы и на эту исчезнувшую жизнь, которой онъ никогда уже не въ состояніи вернуть иллюзію счастья, предложилъ себѣ этотъ вопросъ, который потомъ все чаще и чаще вырывался у него какъ-то механически, порой совершенно неожиданно и нерѣдко вслухъ—въ минуты раздумья:

— А теперь... что же мы видимъ?..

Дорога, поле, шелестъ листьевъ, легкій звонъ придорожнаго телеграфа... Жизнь все болѣе тускнѣла и какъ-то даже пачкалась. Резонаторы убраны, блескъ исчезъ, и даже застольные спичи на желѣзнодорожныхъ торжествахъ потеряли былую поэзію. Онъ чувствовалъ, что жизнь начинаетъ мчаться мимо, какъ поѣздъ, на который онъ не успѣлъ вскочить во время, заболтавшись на станціи. Дѣла становились все мельче. „хорошія имена“ теряли цѣну, нужны были „хорошія связи“, а онъ какъ-то растерялъ ихъ одну за другой. Появилась сѣдина, обрюзглость... подошла старость, и Семену Аѳанасьевичу захотѣлось куда-то „домой“, для покоя и отдыха...

Въ это именно время подоспѣла новая реформа, и Семена Аѳанасьевича озарило новое откровеніе. Да, это какъ разъ то, что нужно. Пора домой, къ землѣ, къ народу, который мы слишкомъ долго оставляли въ жертву разночинныхъ проходимцевъ и хищниковъ. Семенъ Аѳанасьевичъ навелъ справки о своемъ имѣніи, о срокахъ аренды, о залогахъ, кое-кому написалъ, кое-кому напомнилъ о себѣ... И вотъ его „призвали къ новой работѣ на старомъ пепелищѣ“... Ничто не удерживало въ столицѣ, и Семенъ Аѳанасьевичъ появился въ губерніи.

Здѣсь его встрѣтили радушно. Губернаторъ пожималъ руки, губернскій предводитель обнималъ, молодежь толпилась въ его номерѣ, поглядывая на хорошенькую дочь и поздравляя отца съ „возвращеніемъ къ настоящей живой работѣ“. Семенъ Аѳанасьевичъ кланялся, благодарилъ, говорилъ, что онъ тронутъ, даже пролилъ слезу и начиналъ искренно увлекаться. Какъ старый боевой конь, онъ почувствовалъ, что тутъ гдѣ-то, вѣроятно, опять начнется какое-то оживленіе, откроются горизонты, пойдутъ обѣды и рѣчи. Но первое же собраніе въ губернаторскомъ домѣ, въ которомъ онъ принялъ участіе въ своемъ новомъ мундирѣ, — его какъ будто нѣсколько озадачило и разочаровало. Было холодно, тускло, неопредѣленно...

Здѣсь, между прочимъ, къ нему подошелъ старый, сѣдой господинъ, его сверстникъ и другъ его юности...

— Василій?

— Семенъ?

Они взялись за руки и посмотрѣли другъ другу въ глаза...

— Неужели это ты?..

— Какъ видишь.

Встрѣча выходила какая-то унылая. Первый, впрочемъ, отряхнулся Семенъ Аѳанасьевичъ. Онъ былъ человѣкъ нервный и при томъ долго жилъ въ Петербургѣ, гдѣ есть слова на всѣ случаи жизни.

— Узнаю моего Василія. Сѣдые волосы, правда. „Но и подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ кипучая вода“. Не правда ли: гдѣ благородное дѣло, тамъ и ты!

— Узнаю и тебя, ты не забылъ стиховъ...

— Итакъ, ты съ нами... Меня очень интересовалъ вопросъ, какъ ты отнесешься къ реформѣ?

Старый господинъ, повинный нѣкогда въ яркомъ либерализмѣ, отвѣтилъ уклончиво:

— Хочется всетаки хоть что-нибудь дѣлать.

— Что-нибудь! Да вѣдь тутъ работы непочатый уголъ. Не правда ли, вспоминаются молодые годы? Посмотри на эту молодежь. Въ свое время мы такъ же окружали нашихъ стариковъ. У меня кровь начинаетъ быстрѣе обращаться въ жилахъ (глаза его, дѣйствительно, начинали слегка сверкать). Ну, скажи, какіе тутъ у васъ возникаютъ проекты, вопросы...

Сѣдой господинъ смотрѣлъ устало и грустно.

— Вопросы? Какъ тебѣ сказать. Вотъ сегодня въ засѣданіи обсуждался вопросъ о смурыгинскихъ березкахъ.

— Березкахъ?

— Ну, да! Молодой земскій начальникъ Смурыгинъ для блага ввѣреннаго участка приказалъ съ первыхъ же дней обсадить березками всѣ проселочныя дороги.

— Да? Вотъ что?.. березками... А знаешь, вѣдь это хорошо. Это, конечно, не „широкія задачи“, въ этомъ нѣтъ полета, но прямая практическая польза... нельзя отрицать и этого, мой старый другъ.

— Про-се-лочныя,—пойми!—съ удивленіемъ глядя ему въ глаза, повторилъ сѣдой господинъ,—ты, кажется, забылъ совсѣмъ условія деревенской жизни.

Семенъ Аѳанасьевичъ смутился. Онъ, дѣйствительно, не вполнѣ ясно представлялъ себѣ, въ чемъ дѣло, но увѣренный тонъ стараго товарища сбилъ его съ толку.

— Про-селочныя! Да, конечно, это крайность... Но моло-

дость—всегда молодость... Вѣдь и мы увлекались въ свое время. Почему ты не хочешь признать за молодымъ поколѣніемъ?..

— Чего?

— Права на увлеченіе,..

— Да, ты вотъ о чемъ!.. Посмотри вонъ туда, у портрета... Группа молодыхъ людей, и въ центрѣ... Узнаешь ты этого господина?..

— Въ очкахъ... густые волосы съ просѣдью?..

— Да. Это извѣстный Заливной.

— А!—отвѣтилъ Семенъ Аѳанасьевичъ.— Я его лично не зналъ... это было уже послѣ меня, но какъ же, помню по газетамъ!.. Радикалъ, энтузіастъ... Вѣдь это онъ требовалъ когда-то фортепіано для школъ? Крайность, конечно, но... крайность, согласись самъ, симпатичная... И если теперь онъ внесетъ свой энтузіазмъ...

— Внесъ уже,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ.—Теперь онъ требуетъ полнаго закрытія школъ...

Семенъ Аѳанасьевичъ заморгалъ отъ неожиданности и растерянно посмотрѣлъ на пріятеля.

— Ты шутишь... Какъ же это... то-есть, я хочу вамъ сказать: какъ примирить...

— А очень просто... отсталъ ты отъ духа времени. Есть, братъ, такіе субъекты... Нашъ генералъ,— онъ у насъ большой шутникъ,—называетъ ихъ породой восторженныхъ кобелей... Видѣлъ ты, какъ порой рѣзвый кобель выходитъ съ хозяиномъ на прогулку? Хозяинъ только еще двинулся влѣво, и уже у кобеля хвостъ колечкомъ, и онъ летитъ за версту впередъ... За то—стоитъ хозяину повернуть обратно,—и кобель уже заскакиваетъ въ новомъ направленіи...

— Ха-ха! Рѣзко, но остроумно... Дѣйствительно, смѣшная крайность...

— Крайность, конечно, но вовсе не смѣшная. Земству теперь едва удается отстоять свои школы отъ рѣзваго натиска... Да, братъ, вотъ тебѣ и увлеченіе. Прежде мы смѣялись надъ фортепіано, но жизнь шла къ просвѣщенію, къ равноправію, къ законности...

— А теперь?

Василій Ивановичъ посмотрѣлъ на Семена Аѳанасьевича своимъ умнымъ и нѣсколько печальнымъ взглядомъ и отвѣтилъ задумчиво:

— И теперь жизнь... идетъ къ тому же... Но мы-то идемъ ли съ нею?.. вотъ вопросъ...

— И съ такими взглядами,—растерянно спросилъ Семенъ Аѳанасьевичъ,—ты всетаки... пошелъ?..

— Пошелъ, братъ... Двадцать лѣтъ я былъ мировымъ судьей въ своемъ участкѣ... И мнѣ не хотѣлось, чтобы тутъ же... у меня... на моей нивѣ Смурыгинъ насаждалъ свои березки, или Заливной закрывалъ мои школы...

— До этого не дойдетъ! — сказалъ Семенъ Аѳанасьевичъ горячо...

— Можетъ быть... — вяло отвѣтилъ сѣдой господинъ и отвернулся. А въ это время къ нимъ подошелъ губернаторъ и опять сталъ пожимать руки Семена Аѳанасьевича и поздравлять съ „возвращеніемъ къ землѣ, къ настоящей работѣ“... Но умные глаза генерала смотрѣли пытливо и насмѣшливо. Семенъ Аѳанасьевичъ немного робѣлъ подъ этимъ взглядомъ. Онъ чувствовалъ, что, подъ вліяніемъ разговора съ пріятелемъ юности, мысли его какъ-то разсѣялись, красивыя слова увяли, и онъ остался безъ обычнаго оружія...

И онъ чуть было не выпалилъ прямо въ лицо подошедшему:

— Да, вотъ... А теперь,—что же мы видимъ?

. . . . . .

Поле, дорога, звонъ проволоки, зной и обрывки лѣнивыхъ мыслей тянутся, какъ облака, другъ за другомъ... Путаются, сливаются. Опять прошлое, потомъ туманъ, изъ котораго выплываетъ кусокъ тракта, обсаженнаго березками. Полотно заросло травой, пыльная узкая лента какъ-то осторожно жмется то къ одной сторонѣ, то къ другой, видно, что весной здѣсь ѣзда самая горькая... И въ умѣ Семена Аѳанасьевича возникаетъ вдругъ четверостишіе стараго „земскаго поэта“:

Земство, съ насъ налоги
Ты дерешь безбожно;
Почини-жъ дороги:
Ѣздить невозможно...

Онъ долго повторяетъ стихи, подъ стукъ колесъ и потряхиваніе тарантаса. Къ этому времени тарантасъ тихонько спускается въ долъ и стучитъ по мосту, а мысль сѣдока также тихо переползаетъ дальше.

— Мостъ новый, вообще мосты, кажется, стали лучше, а всетаки! Земство, земство! Кричали, горячились. Между тѣмъ, что же изъ этого вышло?.. Мосты лучше, и только. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, все одни мосты, да мосты! Нужно что-нибудь живое. Школы еще? Народное образованіе?.. Да-а... конечно, нельзя не отдать справедливость... Но, однако... вотъ Заливной противъ школы. Это странно, разумѣется, но если хорошенько подумать... Это тоже своего рода теченіе... Что такое эта земская школа? Полузнаніе, а вѣдь въ самомъ дѣлѣ

полузнаніе хуже незнанія... Да, да, возможна и та точка зрѣнія, возможна, возможна... А кто бы могъ подумать это, когда самъ Заливной требовалъ фортепіано... Да, скучная эта дорога, когда она кончится?.. Опять мостокъ... Скоро ли станція?.. „Да, вотъ... что же изъ всего этого вышло?“

Летятъ облака, шуршатъ колеса, старый господинъ начинаетъ потряхиваться, точно мѣшокъ съ мякиной, его глаза закрываются...

Старый господинъ засыпаетъ...

IV.

Дѣвушка не спитъ, и у нея въ головѣ свои мысли.

Она—одна дочь у отца. Какъ цвѣтокъ изъ сѣмени, занесеннаго вихремъ на чуждую почву,—она какъ-то неожиданно для разсѣяннаго Семена Аѳанасьевича родилась въ швейцарскомъ отелѣ, первые годы жизни провела за-границей, потомъ попала въ отель на Малой Морской, откуда ея мать вынесли въ бѣломъ гробу, чтобы увезти на кладбище въ деревню. Послѣ этого дѣвочка росла у бабушки въ Финляндіи, и это было самое счастливое время ея жизни. За этимъ она вспоминаетъ скучные годы и казенные дортуары института, а потомъ,—такъ какъ бабушка умерла,—нѣсколько лѣтъ съ отцомъ. Это было самое тяжелое время ея жизни.

Молиться учила ее старая няня Анфиса, выносившая еще ея мать. Она складывала ей пальчики для крестнаго знамени еще тамъ, въ швейцарскомъ отелѣ; на Малой Морской она выучила ее „Богородицѣ“ и заупокойной молитвѣ по матери, которую научила любить и помнить... Въ то время, какъ подруги предавались обожанію учителей, — Лена Липоватова лелѣяла въ душѣ культъ умершей матери. Это было настоящее обожаніе, мечтательное, страстное, полное грусти и какой-то странной надежды. Она выучилась рисовать, чтобы рисовать портреты матери, она съ захватывающимъ интересомъ читала старые повѣсти и романы, гдѣ изображался бытъ того времени, когда жила ея мать, та обстановка, въ которой проходили ея молодые годы. Это были не всегда хорошіе романы, но она читала между строкъ, и на нее вѣяло съ пожелтѣвшихъ страницъ особенной поэзіей дворянской усадьбы, жизни среди полей, среди народа, добраго, покорнаго, любящаго, какъ ея старая няня... среди мечтательнаго ожиданія... И въ то самое время, когда ея отецъ собиралъ у себя нѣсколько сомнительное „блестящее“ общество,—дѣвушка забивалась съ старой няней въ дальнія комнаты и подъ жужжаніе рѣчей и тостовъ, доносившихся сквозь стѣны, — слушала

старыя сѣдыя преданія о тѣхъ годахъ, когда мать ея бѣгала по аллеямъ стараго барскаго дома, окруженная, какъ сказочная царевна, заботами нянекъ и мамокъ... У нея не было для сравненія ничего, кромѣ отелей и института, — она принадлежала къ поколѣнію, родившемуся послѣ исхода изъ Египта и не достигшему никакой обѣтованной земли, росла въ случайной обстановкѣ, совершенно лишенная въ дѣйствительности того, что мы называемой „средой". Мудрено ли, что она создавала себѣ среду въ юномъ воображеніи изъ обрывковъ воспоминаній о матери, получаемыхъ отъ старой няни.

Молодость романтична... А что можетъ быть романтичнѣе исчезнувшей старины, которая была настоящимъ для нашихъ матерей и отцовъ. Дѣвушка жадно слушала, какъ шамкали старыя нянины губы о ея красавицѣ-мамѣ, которую унесли въ бѣломъ гробу изъ противнаго петербургскаго отеля въ родную деревню... И прошлое вставало передъ ней съ какой-то манящей прелестью, то прошлое, когда въ усадьбахъ выростали заколдованныя царевны, ждавшія своихъ героевъ, когда въ нихъ жили блестящіе господа, когда они съѣзжались въ прекрасныхъ домахъ, окруженныхъ парками... Въ паркахъ звонко гудятъ рога, появляются и исчезаютъ блестящія тѣни, сверкаютъ глаза... Любятъ, страдаютъ, вздыхаютъ, дерутся на дуэляхъ (какъ нѣкогда отецъ... когда онъ былъ совсѣмъ другимъ). Порой ей казалось, что она видитъ все это: такъ живо дѣйствовали эти разсказы... Бѣлая стѣна дома, темная, мечтательная зелень деревьевъ, по которымъ любовно скользятъ серебристые лучи мѣсяца, красноватые снопы свѣта изъ оконъ, причудливая балюстрада балкона, заглушенные звуки штраусовскаго вальса. Дверь открывается, въ фантастическомъ двойномъ освѣщеніи появляется „она", ея мама, а можетъ быть... и она сама... Она глубоко вдыхаетъ въ себя ароматный воздухъ ночи, а около нея сидитъ ея избранникъ, такой, какимъ проѣзжій живописецъ изобразилъ отца на юномъ портретѣ масляными красками... Мечтательные глаза, мягкіе усы колечкомъ, стройный станъ, и что-то фантастическое перекинуто черезъ лѣвое плечо.

Лена очень обрадовалась, узнавъ, что теперь подошла новая реформа, и ея отца зовутъ опять туда, гдѣ родилась, гдѣ жила, гдѣ любила ея мать, гдѣ она лежитъ въ могилѣ... Лена думала, что она тоже будетъ жить тамъ и послѣ долгихъ лѣтъ, въ которыхъ, какъ въ синей мрѣющей дали, мелькало что-то таинственное, какъ облако, яркое, какъ зарница, — ляжетъ рядомъ съ матерью. Она дала слово умиравшей на

Пескахъ нянѣ, что непремѣнно привезетъ горсточку родной земли на ея могилу на Волковомъ кладбищѣ.

Въ это время въ Петербургѣ давали драму, въ которой чуткій къ современнымъ вѣяніямъ драматургъ вывелъ новаго героя—„молодого земскаго начальника“. Надъ драмой смѣялись, но Лена пріѣхала домой въ опьяненіи. Герой пріѣзжаетъ изъ нѣдръ деревни, чтобы отыскать въ Петербургѣ правду для обиженнаго „народа“. Они были крѣпостные его отцовъ, холодный суровый законъ противъ нихъ,—но онъ, благородный сынъ благородныхъ родителей, повинуясь лишь указаніямъ благороднаго сердца, поклялся защитить ихъ во что бы то ни стало отъ суроваго закона, которымъ всегда пользуются дурные люди. Съ этою цѣлью онъ обиваетъ пороги „высокопоставленныхъ лицъ“, ходитъ по канцеляріямъ, заводитъ нужныя знакомства и даже въ бальной залѣ, подъ звуки оркестра, выдѣлывая ногами изящныя пà кадрили и красиво перегибая тонкій станъ въ изящномъ фракѣ, онъ говоритъ „ей“, уже любимой, о нихъ, о бѣдномъ, добромъ, страдающемъ народѣ...

Она вернулась домой влюбленная. Въ кого? Конечно, не въ актера, исполнявшаго благородную роль, а въ свою мечту объ этомъ героѣ, воплотившемъ для нея все то неясное, что рисовалось ей назади, въ этомъ романическомъ прошломъ. И когда ея кузенъ, либералъ и скептикъ, позволилъ себѣ посмѣяться надъ пьесой и надъ романтическими мечтами Лены, она спорила долго, горячо, чуть не до слезъ.

— Вы не знаете,—закончила она.—Самъ народъ думаетъ такъ же... Жаль, что вы не знали мою няню...

И вотъ, она съ отцомъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ его задержали какія-то хлопоты по утвержденію въ должности и еще что-то такое непріятное въ банкѣ. Грязный номеръ грязной гостиницы, скука и непонятные разговоры. Порой къ отцу собирались его старые знакомые, порой приходили новые сослуживцы, толковали о статьяхъ, о положеніи, о размѣрѣ правъ и обязанностей, о жалованіи и разъѣздныхъ, о смурыгинскихъ березкахъ. О послѣднихъ говорили такъ много, что Лена заинтересовалась самимъ Смурыгинымъ. Впрочемъ, она была разочарована, когда отецъ представилъ ей „нашего молодого дѣятеля“. Онъ былъ тощъ, со впалыми щеками и впалой грудью, съ тонкими ногами, которыми все какъ-то сучилъ, даже стоя на мѣстѣ. За обѣдомъ онъ сказалъ рѣчь, которую началъ, обращаясь къ Семену Аѳанасьевичу, словами:

— Ма-адое поколѣніе, Семенъ Аѳанасьевичъ...

Онъ говорилъ еще что-то, потомъ чокался съ Леной, но она

отвѣтила ему съ непонятной для нея самой холодностью. Какъ будто этотъ господинъ претендовалъ на что-то такое, чего Лена инстинктивно ему не уступала. „Нѣтъ, навѣрное, тамъ, на мѣстѣ, найдутся еще другіе... Они окружатъ ея отца, они будутъ всѣ вмѣстѣ совѣтоваться, какъ помочь доброму народу, какъ защитить его отъ суроваго закона и злыхъ людей... И папа никогда уже не будетъ возвращаться домой усталый и немного неприличный, какъ это бывало послѣ этихъ противныхъ „дѣловыхъ обѣдовъ“ и ужиновъ въ петербургскихъ ресторанахъ.

И вотъ она ѣдетъ и жадно вглядывается въ даль и ищетъ: гдѣ же эти таинственные „усадьбы“ и парки, гдѣ эта обѣтованная земля, на которой воочію предстанетъ передъ ней мечта ея жизни... Поля, колокольчикъ, порой засинѣетъ лѣсокъ, облака двигаются безшумно съ какой-то важной думой, и отецъ, вздрагивая, спрашиваетъ:

— Да. А теперь—что же мы видимъ?..

V.

Дорогѣ, казалось, не будетъ конца. Лошади больше махали головами по сторонамъ, чѣмъ бѣжали впередъ. Солнце сильно склонилось, но жаръ не унимался. Земля была точно недавно вытопленная печь. Колокольчикъ то начиналъ биться подъ дугой, какъ бѣшеный и потерявшій всякое терпѣніе, то лишь взвизгивалъ и шипѣлъ. На небѣ продолжалось молчаливое передвиженіе облаковъ, по землѣ пробѣгали неуловимыя тѣни.

Тарантасъ взобрался на пригорокъ, скатился съ него, застучалъ колесами по гулкому мостику. Теперь у самой дороги, взрытой до горизонта, какъ бархатъ, лежалъ черный паръ. Недопаханныя, лишь кое-гдѣ зеленѣли еще узкія полоски. Одна изъ нихъ подходила къ дорогѣ, но и она становилась все уже: на ней вихлялись за сохами двѣ сѣрыя, лохматыя и запыленныя мужицкія фигуры. Одинъ изъ пахарей удалялся, наискосокъ отъ тракта, другой подходилъ къ проселку, лицомъ къ нашимъ путникамъ. Его лошадь, надсаживаясь, дотягивала борозду, а пахарь внимательно поглядывалъ впередъ.

Вдругъ лошадь стала выходить изъ борозды: прямо передъ ея мордой оказалось небольшое, тощее, очевидно, недавно посаженное деревцо, съ верхушкой, уже на половину увядшей. Пахарь дернулъ возжой, придержалъ соху, деревцо втянулось подъ гужъ, изогнулось, попробовало вынырнуть межъ оглоблей и вдругъ сиротливо свалилось, подрѣзанное желѣзомъ. Еще около сажени тянулось оно, зацѣпившись вѣткой,

наконецъ, осталось на пыльной пашнѣ. Мужикъ оттолкнулъ его лаптемъ и сталъ вытряхивать лемехъ.

Силуянъ, съ любопытствомъ глядѣвшій на все это, придержалъ лошадей.

— Ты что-жъ это, дядя... больно смѣло ее выволокъ? — сказалъ онъ съ какой-то особенной нотой въ голосѣ. — Ай отмѣнили?

Мужикъ поднялъ кверху красное потное лицо и усмѣхнулся... Но, увидѣвъ на проѣзжемъ баринѣ кокарду, сталъ вдругъ серьезенъ и задергалъ лошадь, не давъ ей щипнуть былинку у дороги... Вдоль проселка лежали, вывернутые сохой, березовые саженцы... Только пять-шесть еще сиротливо стояли, наклонясь и увядая...

Силуянъ вынулъ изъ кармана кисетъ и, скручивая цыгарку изъ газетной бумаги, сказалъ какъ бы про себя, качая головой:

— Отмѣнили, видно... А вѣдь что склёпки-то было... Не приведи Господи...

— Обрадовались... дураки!—проворчалъ Семенъ Аѳанасьевичъ съ неудовольствіемъ.—Ну, поѣзжай, что ли.

— Что это, папочка? — спросила Лена, удивленная тѣмъ, что отецъ и ямщикъ говорятъ объ этой нѣмой сценѣ, какъ о чемъ-то понятномъ для обоихъ. Сама она не умѣла читать эту огромную книгу съ синею далью, съ летучими тѣнями облаковъ, съ разноцвѣтными лоскутами полей, по которымъ тамъ и сямъ ползали люди и животныя... Крикъ вороны, щебетанье жаворонка, шорохъ березъ, медленное движеніе облаковъ, надрывающіяся на пашнѣ лошади, мужики съ потными лицами, въ грязныхъ рубахахъ, земля, чернѣющая слѣдомъ за сохой, безпомощно падающія деревца—все это сливалось для нея въ общій фонъ, все казалось одинаково на своемъ мѣстѣ, навѣвая только какія-то смутныя ощущенія, но не мысли...

— Оно, скажемъ такъ, ваше благородіе,—говорилъ ямщикъ, обмусоливая свою цыгарку,—оно вѣдь и дуракамъ своего-то жалко...

— Что это, папочка?—спросила опять Лена, вглядываясь, какъ мужикъ повернулъ соху и сталъ удаляться, ведя новую борозду по другому краю полосы. Новое деревцо, уже наклонившееся къ землѣ, попало подъ желѣзо, судорожно метнулось, задрожало и тихо свалилось на пашню...

— Это...—отвѣтилъ Семенъ Аѳанасьевичъ на вопросъ дочери,—тѣ самыя... ну, что въ городѣ говорили: смурыгинскія березки.

— Такъ точно, барышня,—пояснилъ и ямщикъ, равнодушно чиркая спичкой по облучку.

Лена съ интересомъ оглянулась на полосу пара. Въ городѣ ей надоѣли разговоры объ этихъ березкахъ, о томъ, имѣлъ или не имѣлъ права Смурыгинъ садить ихъ по дорогамъ, правильно ли поступило какое-то присутствіе, отмѣнивъ его распоряженіе... Теперь всѣ эти отвлеченные разговоры приняли осязательную форму: черная полоса, рядъ срѣзанныхъ березокъ, фигуры пахарей, съ какимъ-то ожесточеніемъ выворачивающихъ неповинныя деревца, и насмѣшливое злорадство въ голосѣ ямщика.

Ленѣ стало жаль и деревьевъ, и молодого Смурыгина, котораго она видѣла въ послѣдній разъ нѣсколько сконфуженнымъ.

— Зачѣмъ же они это дѣлаютъ?—спросила она въ недоумѣніи.

— А потому,—пояснилъ увѣренно Силуянъ, собирая возжи,—что никакъ невозможно. Выходитъ—нѣтъ такого закону... Законъ, значитъ, милая барышня, на хресьянскую сторону потянулъ...

Семену Аѳанасьевичу не понравилось что-то въ словахъ ямщика, и онъ сказалъ съ непонятнымъ Ленѣ раздраженіемъ:

— За-аконъ! То-оже законы разбирать стали? Вотъ ты про Аракчеева пѣлъ... Онъ бы вамъ показалъ законы.

— Вѣрно!—одобрительно сказалъ ямщикъ...—Тотъ сурьезный былъ...

— То-то, сурьезный!.. Съ вами, подлецами, иначе и нельзя...

— Ахъ, папочка!—сказала Лена укоризненно. Ей не нравился этотъ тонъ: въ Петербургѣ она никогда не слышала отъ отца ничего подобнаго, наоборотъ, онъ былъ истинный джентльменъ въ обращеніи съ „низшими“. Но онъ легко перенималъ, и она подумала съ неудовольствіемъ, что онъ вывезъ этотъ тонъ изъ города, отъ этихъ господъ, съ которыми велъ частыя бесѣды. Конечно, съ березками мужики поступаютъ нехорошо. Но вѣдь это только по невѣжеству... Имъ надо растолковать... Вообще, тамъ въ Петербургѣ она иначе представляла себѣ будущія отношенія къ „доброму народу“, и тотъ „мѣстный колоритъ“, который пріобрѣла такъ скоро рѣчь ея отца, рѣзалъ ея чуткое ухо.

— Прости, Леночка, но... я не могу говорить объ этомъ спокойно,—сказалъ Семенъ Аѳанасьевичъ и, понижая голосъ, прибавилъ:—Ну, онъ, конечно, увлекся... Укажи, сдѣлай молодому человѣку дружеское замѣчаніе... На это есть предводители... Но нельзя же такъ... ронять авторитетъ власти... Разъ уже сдѣлано...

И, опять повысивъ голосъ, явно для ямщика, онъ сказалъ съ новымъ раздраженіемъ:

— Зимой самъ же б-болванъ поѣдетъ пьяный съ базара, въ мятель... такъ, по крайней мѣрѣ, не собьется куда-нибудь въ оврагъ.

— Зимой, ваше благородіе, этто не ѣздіютъ, — спокойно отвѣтилъ Силуянъ.—Зимой другая у нихъ дорога живетъ, прямикомъ черезъ рѣку.

Семенъ Аѳанасьевичъ заморгалъ глазами, какъ всегда, когда бывалъ въ затрудненіи, но Ленѣ стало обидно за отца, и она не хотѣла сдаться.

— Ну, хорошо,—сказала она.—Что же имъ всетаки помѣшали деревья? Разъ они ужъ посажены.

— Посадишь, милая барышня! Тутъ что грѣха-то было, не приведи Богъ! Старшинъ по семи денъ каталажилъ, а старостовъ этихъ и не есть числа...

На лицѣ Лены выразилось напряженіе, а Силуянъ, придержавъ лошадей, указалъ на узенькую ленту проселка, казавшагося бѣлой полоской на матовой чернотѣ пара.

— Э-э-вона,—сказалъ онъ своимъ пѣвучимъ голосомъ,— во-онъ куда она, матушка дорожка-те, вдарила во всю тебѣ степь.

Брови дѣвушки поднялись еще выше.

— Ну, такъ что же всетаки?..

— Да вѣдь земли-то, ты подумай, сколько подъ ее нужно. А вѣдь она, земля-те, хрестьянину дороже всего. Клади хоть по саженкѣ, да длиннику эвона. Вѣдь она, дорога, не гляди на нее... встанетъ, до неба достанетъ!.. Такъ-то. Да еще деревина-те въ силу взойдетъ, — опять корнемъ распялится. Обходи ее сохой!.. Да нѣшто это мыслимо...

— Папочка?—полувопросомъ кинула дѣвушка, но отецъ не отвѣтилъ.

— Такъ отчего же они ему не сказали?

— Чего это?

— Да вотъ, что ты говоришь... Они бы такъ и сказали Смурыгину...

— Какъ, поди, не сказывали! Да вишь,—онъ все за бороду...

— Папочка!

Старый господинъ сидѣлъ съ закрытыми глазами. Лошади немного припустили съ горки, тарантасъ покатился быстрѣе, и опять за нимъ увязался клубъ бѣлой пыли, въ которомъ толклись овода, и опять потянулась пустота, томленіе, зной... Старый господинъ вскорѣ дѣйствительно заснулъ.

VI.

— Далеко ли еще, ямщикъ?

— Верстовъ еще съ десятокъ будетъ.

— А дождемъ насъ не промочитъ?

— Дай-то Господи! Солнышко-то, вишь, въ хмару садиться хочетъ... Прогнѣвался Господь на православныхъ. Прошлый-те годъ измаялся народишко, бѣда! А нонѣ, гляди, еще хуже будетъ. Хлѣбъ горитъ. Вотъ кабы помиловалъ Господь,—да нѣтъ, только дразнитъ... Ходятъ тучи, слоняются по небу, а что толку.

Онъ поглядѣлъ кругомъ и вдругъ, снявъ шапку, перекрестился.

— Кажись, въ нашей сторонѣ пало ужъ... Умолили, видно... Э-э-вонъ, гляди, потемнѣло... Въ аккуратъ надъ Липоваткой придется...

Силуянъ не замѣтилъ, какъ лицо дѣвушки вспыхнуло и опять поблѣднѣло.

— Липоватка?.. тамъ?..—спросила она.—И ты оттуда?..

— Оттеда... Липоватовскіе мы, господскіе были...

Широкимъ жестомъ онъ взмахнулъ кнутовищемъ, какъ бы охватывая взмахомъ весь видимый просторъ, и сказалъ:

— Въ старые-те годы этто все—помѣщичье было. Что видишь поле, что видишь лѣса и луга, все было ихнее... Бестужевы—въ Бестужевкѣ, Кроли—въ Анучинѣ, Липоватовы на Липоваткѣ, Егоровъ на Осиновкѣ, Мѣдигорскій въ Елховкѣ...

Лена съ удивленіемъ оглянулась кругомъ... Пѣвучій голосъ ямщика мгновенно населилъ этотъ пустой просторъ цѣлымъ роемъ знакомыхъ ей съ дѣтства именъ. И Кроли, и Анучины, и Мѣдигорскіе—все это жило въ разсказахъ няни, всѣ эти имена она знала по семейнымъ преданіямъ, видѣла ихъ портреты, знала ихъ характеры и семейныя отношенія. Гдѣ же они? На равнинѣ гдѣ-то далеко бѣлѣла усадьба, гдѣ-то еще чернѣла деревенька, казавшаяся просто кучкой темныхъ пятенъ, синѣли остатки вырубленныхъ рощъ... Было тихо и пусто, но ей казалось, что эта чуткая пустота оживаетъ, что вотъ сейчасъ Кроли поѣдутъ въ Липоватку и Бестужевы въ Анучино и встрѣтятся ей на дорогѣ, веселые, оживленные, радостные... Но она протирала глаза и не могла понять,—гдѣ же все это затерялось въ этомъ молчаливомъ просторѣ...

— А ты... Елену Степановну зналъ?—тихо и какъ-то застѣнчиво спросила она.

— Это младшаго-то барина, Семена Аѳанасьевича, жену? Помнимъ. Красавица была, царствіе небесное... Померла.

Давно. Вотъ ужъ жалости было, какъ на деревню ее привезли... Бабы, что есть, голосомъ голосили..

У Лены на глазахъ показались слезы. Вотъ то, чего она ждала, прозвучало, наконецъ, въ словахъ простого, добраго человѣка! У нея на мгновеніе захватило горло, и только черезъ минуту, справившись съ волненіемъ, она спросила застѣнчиво и тихо, чтобы не разбудить отца:

— Значитъ, они... хорошіе были? И вамъ было хорошо?.

Ямщикъ помолчалъ, ласково погладилъ кнутомъ коренника и отвѣтилъ:

— Господа ничего... что-жъ господа... извѣстно... Бурмистры, вотъ шибко примучивали!

— При-мучивали?—спросила Лена, пораженная неожиданнымъ выраженіемъ.

— И-и, бѣда! не дай Богъ, какъ мучили.

Онъ слегка повернулся, свободно отпустилъ возжи и задумчиво, какъ будто не обращаясь къ Ленѣ и отдаваясь воспоминаніямъ, заговорилъ своимъ выразительнымъ, слегка растроганнымъ голосомъ:

— Женщина, напримѣръ, тетка, у меня была, безмужняя, вдова. Мужъ у ней, значитъ, померъ, скончался. А ребятъ полна изба. Встанетъ, бывало, до свѣту Божьяго,—гдѣ еще зорька не теплится... А лѣтняя-то зоря, сама знаешь, какая! Бьется, бѣдная, бьется съ ребятами, а гдѣ же управиться... За другими-те и не поспѣетъ.

— Куда не поспѣетъ?—простодушно спросила Лена.

— А на барщину... Значитъ, на господъ работали... Царь Александра Николаевичъ уничтожилъ. Вотъ хорошо: запоздаетъ она, а ужъ нарядчикъ и запримѣтилъ... докладываетъ бурмистру... „Поч-чему такое? А?..“—Да я, ваше степенство, съ ребятами. Неуправка у меня...—„Ла-адно, съ ребятами. Становись. Эй, сюда двое!“ И сейчасъ, милая ты моя барышня, откуль не возьмись, два нарядчика. И сейчасъ имъ, нарядчикамъ, по палкѣ въ руки, по хар-рошей. Дать ей, говоритъ, десять... или скажемъ, двадцать...

— Папочка,—раздался тихій голосъ, какъ будто искавшій защиты.

Силуянъ оглянулся.

— Спитъ, не трогъ. Дѣло старое. Ну, хорошо—дать ей двадцать. Сейчасъ она, милая моя, стоитъ; одинъ нарядчикъ съ одной стороны, другой, напримѣръ, по другую сторону и накладываютъ ей между спины наотмашь.

Онъ неторопливо поднялъ кнутъ и показалъ Ленѣ кнутовище.

— Между спины-те рубцы вотъ въ это кнутовище. Ну, ступай теперь, милая, становись въ череду, работай, жни.

— Жни?—машинально повторила дѣвушка и безпомощно оглянулась кругомъ. У дороги опять шептала рожь, и томительная печаль, нависшая надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ, казалось, получала свой особенный смыслъ и значеніе... Эти поля видѣли это... Лена глубоко и тяжело вздохнула, какъ человѣкъ, который хочетъ проснуться отъ начинающагося кошмара.

Ямщикъ услышалъ вздохъ и, повернувшись, поглядѣлъ сочувственно на блѣдное лицо дѣвушки. Ему захотѣлось ее утѣшить. А такъ какъ онъ былъ поэтъ, то чувствовалъ, что это въ его власти.

— Постой, что я тебѣ скажу. Терпѣли православные, вѣрно, что терпѣли. Такъ вѣдь Господь-то Батюшка, онъ-то вѣдь не терпѣлъ этой пакости! На немилостивыхъ-те людей у него, барышня моя, есть сдѣланной адъ-тартаръ...

Онъ взмахнулъ рукой, проваливая немилостивца въ тартаръ, но лошади поняли иначе это движеніе, и пристяжка первая рванулась такъ нервно, что чуть не оборвала постромки. Тарантасъ дрогнулъ, въ лицо дѣвушки пахнулъ поднявшійся вѣтеръ, пробѣжавшій надъ поблѣднѣвшими полями.

— Гляди, потемнѣло,—сказалъ Силуянъ,—никакъ въ самомъ дѣлѣ дождь идти хочетъ къ вечеру. Вишь, и солнца не стало, а все паритъ, ровно въ печи... Ну, мил-лые... иди ровнѣй! Раб-ботай...

Тарантасъ встряхнулся, заболталъ колокольчикъ, лошадиныя спины заскакали живѣе. Между тѣмъ, на небѣ, казалось, дѣйствительно что-то надумано. На горизонтѣ все потемнѣло, солнце низко купалось въ тучахъ, красное, чуть видное, зенитъ угасалъ, и туманы взбирались все смѣлѣе и выше. Шептали березы, шуршали тощіе хлѣба, гдѣ-то въ листвѣ каркала одинокая ворона.

Дѣвушка сидѣла задумчивая и поблѣднѣвшая. Она не могла хорошо разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, но ее неудержимо тянуло къ разговору. Силуянъ, какъ это тоже часто бываетъ у поэтовъ, почувствовалъ какимъ-то инстинктомъ, что онъ имѣетъ успѣхъ: лицо у него стало увѣренное и довольное. Онъ замедлилъ ходъ тройки и повернулся опять.

— Прокатилъ бы я тебя, милая барышня,—мѣсто ровное, да папашка-те у насъ спитъ. Вишь, разомлѣлъ.

Онъ какъ-то оскорбительно фыркнулъ на спящаго. Фигура и голосъ его показались Ленѣ непріятными и наглыми. Но

черезъ короткое время она вспомнила, какъ была тронута его разсказомъ о похоронахъ матери, и ей захотѣлось вернуть это мелькнувшее впечатлѣніе.

— А что же она... тетушка твоя, господамъ не жаловалась?

Ямщикъ лукаво покачалъ головой.

— Да, вишь они, господа-те, въ етажѣ жили, высоко...

— Въ этажѣ?

— То-то въ етажѣ. Людишки-те толкутся внизу, онъ и не видитъ... А можетъ, и видитъ. Хитрые они тоже, господишки-те.

Онъ засмѣялся, какъ показалось Ленѣ, довольно противно, въ бороду, и покачалъ головой въ скверной шляпенкѣ.

— Хит-рые?—переспросила дѣвушка упавшимъ голосомъ.

— Хи-итрые! Что ты думаешь,—отвѣтилъ Силуянъ простодушно. Онъ чувствовалъ, что овладѣлъ слушательницей, и, соотвѣтственно съ этимъ, въ немъ самомъ выросло вдохновеніе былинщика...

— Послушай, милая барышня,—заговорилъ онъ послѣ короткаго молчанія.—Я тебѣ сни-схо-дительно разскажу, какое у насъ дѣло вышло... Стало-быть, передъ волей это было, не въ долгихъ годахъ,—триденную барщину издѣлали: три дни чтобы на барина работать, три дни на себя, воскресное дѣло—Господу Богу. Хошь—молись, хошь—кверху брюхомъ лежи... Вотъ, милая ты моя, хорошо. Значитъ, люди по всѣмъ мѣстамъ такъ по три дня и работаютъ. А насъ въ Липоваткѣ все по четыре дня гоняютъ... Гоняютъ, милая ты моя, да мучатъ... Бурмистры да нарядчики... дохнуть не даютъ...

„...Говорилъ я тебѣ, ай нѣтъ про Деминыхъ? Два брата были: варвары, тираны, немилостивцы, хррапоидолы! И, стало быть, за тиранство за свое получали отъ господъ всякое удовольствіе. Дѣти на барщину не ходятъ, да еще по два тягла мужиковъ на нихъ, на варваровъ, радѣли... Помирать аспидамъ не надо. Ну, и старались. Семенъ это—который женщину въ два кнута тиранилъ. Другой братъ, Василій, тотъ больше по лошадиному дѣлу докучалъ. Выгонитъ зимой или осенью молотить въ три часа, да до самаго вечера все молотимъ. Объ себѣ не столь тужили, сколь много лошадьми убивались. Вотъ возьмешь соломки ей, да тутъ же и присыплешь. Сейчасъ увидитъ нарядчикъ—къ Васькѣ Демину... Тотъ тебѣ двадцать...

„...Ну, хорошо. А село наше, знаешь, на большой дорогѣ, на Саровской, идутъ богомольцы Богу молиться,—все мимо насъ. Зайдутъ въ поле или на ригу посмотрѣть, только головами качаютъ. Потому что—странній человѣкъ по свѣту ходитъ, понимаешь ты, знаетъ всякую штуку. Жалѣли насъ,

конечно. Что такое,—въ прочихъ мѣстахъ, напримѣръ, одинъ законъ, у васъ другой. Ну, молъ, потерпите. Скоро этому дѣлу конецъ видится. А мы, милая барышня, что коняга заморенная, которая, напримѣръ, изъ борозды не выходитъ, не могли вѣрить: пустяки, молъ, все, дѣло это вѣковѣчное, и дѣтямъ терпѣть же надо... Ну, только братану моему, Николаю Перцеву, да еще Ивану Егорову и западн тѣ людскія рѣчи прямо на сердце. Вотъ, милая, одинъ разъ... выгнали по три дня на барщину, по четвертому гонютъ, да ранымъ рано, до солнечнаго восходу. А братанъ съ Егоровымъ, какъ вышли въ поле, стали посередь міру и говорятъ: стой, міряна, никто за работу не берись, смотри, что будетъ... Ну, міръ сталъ, нарядчики туда-сюда, никто ничѣмъ... всѣ сгрудились, стоятъ въ сумеркахъ; и расходиться не расходятся, и работать не работаютъ,—какъ вотъ все равно стадо передъ грозой... Слышишь, милая, какое дѣло?"

Напоминаніе было лишне. Дѣвушка слушала съ затаеннымъ дыханіемъ, и въ ея воображеніи, подъ вліяніемъ этого выразительнаго грудного голоса, рисовалась картина: на такихъ же широкихъ поляхъ, въ темнотѣ, передъ разсвѣтомъ, стоятъ кучки людей и ждутъ чего-то. Она еще не знаетъ чего, но чувствуетъ, что ждутъ они какой-то правды, которая не имѣетъ ничего общаго съ міромъ ея мечтаній...

— Слышу,—отвѣтила она тихо...

— Ну, стоятъ... Что, молъ, будетъ?.. Какъ тутъ стало и солнышко подыматься... Показалось изъ-за лѣсу... Всѣ глядятъ: что же, молъ, еще?.. А братанъ мой, Перцевъ Николай, да Егоровъ Иванъ вышли, покрестились на свѣтъ Божій и говорятъ: „Смотрите, молъ, міряна: вотъ солнышко всему хрещеному міру засіяло, какъ, напримѣръ, прочимъ селамъ съ деревнями, такъ и нашей Липоваткѣ... Такъ ли, молъ, міряна?" Ну, всѣ, конечно, говорятъ: такъ! Это есть справедливо! — „Почему же такое для всѣхъ законъ триденная барщина, а насъ все по старому гонятъ". Да какъ гаркнетъ вдругъ: „Не ходи, міряна, въ нашу съ Иванъ Егоровымъ голову,—не ходи на четыреденку!" Міряна поглядѣли на солнышко, а ужъ оно, милое, и вовсе изъ-за лѣсу выходитъ. „Ка-быть, говорятъ, Перцева да Иванъ Егорова правда. Всѣмъ солнышко Божіе свѣтитъ, всѣмъ и законъ дается". Вотъ какъ солнышко-те все выкатилось, міръ, знаешь, и качнулся. Не идемъ на четыреденну барщину. Айда по своимъ полосамъ! Нарядчики туда-сюда! „Что вы, міряна, бунтуете, что бунтуете?" А то и бунтуемъ, что нѣтъ вамъ закону! Ну, сейчасъ нарядчики къ бурмистрамъ, бурмистры къ барину,

такъ и такъ. Перцевъ да Егоровъ народъ взбулгачили. „Падать ихъ сюда, па-адлецовъ эдакихъ!“

Лена вздрогнула. Дребезжащій, хотя и высокомѣрный тонъ, какимъ была произнесена послѣдняя фраза, не оставлялъ сомнѣнія, кому принадлежалъ этотъ голосъ, хотя она слышала его только разъ, въ Петербургѣ, незадолго до смерти дяди.

— Ну, взяли моего братана съ Иваномъ, скрутили хорошимъ манеромъ, да на поселеніе... Вотъ-те и солнышко! Конечно, стало быть, и пошло у насъ по старому, и не стали мы странниковъ даже и слушать... Только черезъ годъ ли, два ли, приходитъ отъ братана письмо. Что же ты думаешь: требоваетъ къ себѣ на поселеніе законную супругу. Это, говоритъ, у васъ Сибирь, а не здѣсь. Я, говоритъ, владаю себѣ, напримѣръ, землей, сколь вспашу, лѣсъ, что вырубилъ, мое! Коси, куда сама коса пойдетъ. Посылайте мнѣ, говоритъ, сюда законную супругу Евдокею, и вотъ шлю, напримѣрно, столько-то бумажекъ. Тутъ ужъ, что у насъ подѣялось, и сказать тебѣ не могу. Качнулся тутъ міръ опять: не идемъ, да не идемъ на четыреденку. Всѣхъ на царское поселеніе отправляй, къ Перцеву! Ну, уговаривали, молодой баринъ пріѣзжалъ, Семенъ Аѳанасьевичъ...

Лена со страхомъ оглянулась на отца. Онъ спалъ, прислонившись къ сидѣнію.

— Чудной!—усмѣхнулся Силуянъ.—Вышелъ на крылецъ, поклонился на всѣ стороны. „Я, говоритъ, православные, во всякое время, говоритъ. Я за васъ, говоритъ, и бумагу подписалъ, а что касающее этого дѣла,—не могу. Старшій братъ у меня...“ Такъ ни съ чѣмъ и отчалилъ. Ну, да мы всетаки отбились... Вотъ, видишь ты, милая барышня, Господь-то чего удумалъ. Они, значитъ, такъ полагали: пропалъ Перцевъ, а Перцевъ-то во! Жену вытребовалъ... А вотъ вороги-те наши извелись... Пришла, значитъ, воля, народу свѣтъ открылся, а Демина Семена параликъ расшибъ, налетной. Все одно—вихорь!.. Другого брата Василія, который насчетъ лошадей тиранилъ, лошади же и прикончили. Пошелъ съ базару пьяный, да вотъ никакъ здѣсь же на этой дорогѣ упалъ, уснулъ. Народъ идетъ, пѣсни поютъ, праздничное дѣло веселое. Кто лежитъ? Васька Деминъ лежитъ. Не трогъ, лежитъ. Ну, приходитъ вечеръ. И приходитъ, милая ты моя, вечеръ,—откуда тутъ ни возьмись, вонъ съ пригорочка, съ этого трри—трройки! Летятъ, все одно тотъ же вихорь. И вѣдь подумай ты себѣ: лошадь, она вѣдь тварь разумная,—человѣка обѣгаетъ. А тутъ, гляди ты, на него пррям-ма! Копытомъ въ голову, рразъ! Колесомъ кованымъ па м-мордѣ.

Разбили, раздребезжили,—умчались. Вотъ смотри же ты, пожалуйста: отъ лошадей идолъ самъ себѣ получилъ дурную смерть на дорогѣ, объ вечерней порѣ. А ночью-те буря, да вѣтеръ, да стонъ тебѣ, да свистъ. И-и! Что было. А на утро пошелъ народъ, глядитъ: лежитъ Васька, демоны и душу вынули. Стали спрашивать, стали сыскивать, чьи да чьи тройки? И троекъ такихъ тыщу верстъ на примѣтѣ не бывало. Поняла ты эту причину?.. И сѣмя поганое тоже опять извелось... Н-но, дьяволы!..

Онъ тряхнулъ возжами, но какъ-то такъ, что лошади нисколько не прибавили шагу. А самъ опять повернулся и, указывая кнутомъ вдаль, гдѣ подъ лѣсомъ бѣлѣли зданія чьей-то усадьбы, сказалъ:

— Э-вонъ, Осиновка... Перфильева барина была когда-то... Ну, немилостивецъ тоже былъ... У этого у живого животъ лопнулъ.

Лена встрепенулась. Подавленная печальными видами и мрачными разсказами, она вдругъ какъ бы очнулась отъ гипноза:

— Про какого Перфильева ты говоришь? Ивана Павловича?

— Вѣрчо... Онъ самый!

— Ну, значитъ, неправда,—волнуясь, заговорила Лена.— И, значитъ, все ты неправду говоришь.

— Убей меня Богъ... Кого хошь спроси...

— И неправда... и не клянись... Я сама Перфильева помню, и ничего этого не было, и умеръ онъ просто отъ тифа... И было это не очень давно...

Лена говорила горячо и съ такимъ убѣжденіемъ, что Силуянъ невольно покорился. Онъ съ нѣкоторой досадой подхлеснулъ пристяжку и потомъ спросилъ:

— А гдѣ его хоронили, когда вы знаете?

— А хоронили въ имѣніи.

— Ну, вѣрно.

Онъ грустно помолчалъ и сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Ну, стало быть, у мертваго у него животъ расперло, вотъ какъ, милая: у мертваго. Это вѣрно!

Лена безпомощно откинулась на подушку. Она была глубоко оскорблена и обижена, и ей хотѣлось плакать. Она еще не сознавала ясно, что у нея такъ болитъ и какія опустошенія произошли въ стройномъ мірѣ ея фантазій. Ей казалось только, что она оскорблена за отца, за дядю, за фамильярность, съ какой ямщикъ отзывался о спящемъ, наконецъ, за ту возмутительную ложь, на которой она его поймала...

И ей показалось, что самая природа насупилась и загру-

стила еще больше. Черта между землей и небомъ потемнѣла, поля лежали синія, затянутыя мглой, а бѣлыя прежде облака— теперь отдѣлялись отъ тучъ какія-то рыжія или опаловыя, и на нихъ умирали послѣдніе отблески дня, чтобы уступить молчаливой ночи... Они тихо скучивались, вздымались, громоздились въ возрастающемъ безпорядкѣ и тревогѣ... Кое-гдѣ, какъ будто въ изнеможеніи, шевельнулись еще столбами послѣдніе лучи солнца и угасли, закрытые туманными массами, поднявшимися до самаго зенита. Мглистыя тучи колебались, мѣняя очертанія, живыя, измѣнчивыя, зловѣщія...

И вдругъ, откуда-то издали, отрывисто и глухо раскатился громъ.

Ямщикъ остановилъ лошадей, сволокъ свою шляпенку и перекрестился. Лошади стригли ушами, отдѣльныя тренканія колокольчика боязливо и жалостно тонули въ ближней лощинѣ, стая воронъ молчаливо пронеслась надъ березками тракта, и Лена глядѣла, какъ черныя точки слились съ низкою тучей. На поблѣднѣвшей зелени, на потускнѣвшихъ очертаніяхъ полей легъ отпечатокъ общаго испуга и ожиданія... Семенъ Аѳанасьевичъ сидѣлъ съ открытыми глазами, какъ будто вовсе не спалъ, но ни Лена, ни ямщикъ этого не замѣтили. Тройка опять тронула по дорогѣ. Слѣпни и овода исчезли. Сѣдокъ опять закрылъ глаза.

Въ расколыхавшемся воображеніи Силуяна пробѣгали образы, на которые пала теперь угрюмая и мрачная тѣнь этого вечера, смѣнявшаго томительный день, и онъ не хотѣлъ упустить изъ своей власти внимательную слушательницу.

— Ну, хорошо, — сказалъ онъ, не поворачиваясь:—а съ подъ Илеваго заводу барина, Панкратова, слыхали?

Ленѣ было знакомо и это имя. Въ богатой семейной хроникѣ, кроторую она заучила отъ няни, была—правда, на дальнемъ планѣ—и эта фигура. Панкратовъ приходился дальней родней по матери, и Лена слышала о немъ отъ отца и отъ няни. Хотя няня, тоже поэтъ въ душѣ, клала на все самыя мягкія краски, выдѣляя лишь свѣтлые образы дорогого ея крѣпостническому сердцу прошлаго, но и въ ея передачѣ эта фигура рисовалась нѣкоторой тѣнью... Панкратовъ былъ когда-то замѣтнымъ въ столицѣ красавцемъ, изъ тѣхъ, которымъ, по странной игрѣ судьбы, не везетъ, не смотря на всѣ внѣшніе шансы, именно у женщинъ. Въ Петербургѣ невѣста отказала ему передъ самой свадьбой, чтобы выйти потомъ за самаго заурядпаго фата. Тогда онъ уѣхалъ въ деревню и здѣсь, частью по любви, частью изъ гордости и мести, женился на крестьянкѣ-красавицѣ, своей крѣпостной. Черезъ

два года она измѣнила ему съ доѣзжачимъ... Онъ хотѣлъ убить обоихъ, но нашелъ въ себѣ силы простить ее, а доѣзжачаго только отдалъ въ рекруты. Неблагодарная красавица, не выдержавъ и года послѣ этого, убѣжала съ ремонтеромъ... Тогда Панкратовъ возненавидѣлъ людей, сталъ мизантропомъ и всю свою нѣжность отдалъ животнымъ. Передъ эмансипаціей у него было какое-то бурное столкновеніе съ крестьянами, сущности котораго Лена не знала, и администрація прибѣгала къ практиковавшемуся тогда выселенію изъ имѣнія до окончанія выкупа. Тогда онъ совсѣмъ оставилъ Россію и умеръ старымъ мизантропомъ въ Ментонѣ. Лена видѣла его портретъ: лицо, какъ у муміи, и черные, горящіе какимъ-то особеннымъ блескомъ глаза. Она прощала ему человѣконенавистническое выраженіе этихъ глазъ. „У него было нѣжное сердце, оскорбленное людьми,—говорила она,—и онъ много страдалъ“.

— Онъ очень любилъ животныхъ,—сказала она на вопросъ ямщика.

— Вотъ, вотъ. Удивительное дѣло: животную тварь любилъ, а людей тиранилъ.

— Люди сдѣлали ему много зла,—сказала Лена мягко.

— Люди? Нѣтъ, люди ничего. Жена сбѣжала, это вѣрно. Крестьянку взялъ, крѣпостную, а она, значитъ, съ офицеромъ укатила. Правда, съ этихъ поръ озвѣрѣлъ. „Я, говоритъ, ее изъ низкости вывелъ... Когда такъ, говоритъ, то я всему ея племю себя покажу. Хуже собакъ мнѣ мужики теперь...“ Ну и вѣрно, что хуже собакъ сдѣлалъ. Псарню построилъ вродѣ господскаго дома. И которыя были у него самыя любимыя десять сукъ, и принесутъ, напримѣрно, щенятъ, и сейчасъ онъ раздаетъ ихъ по крѣпостнымъ женщинамъ. Которая, понимаешь, принесла ребеночка и имѣетъ въ грудяхъ молоко,— сейчасъ ей собачары приносятъ щененка, стало быть, для воспитанія...

— Неправда! — вскрикнула Лена, точно ужаленная.

— Убей меня Богъ,— равнодушно вставилъ ямщикъ и опять обратился къ разсказу. — Ты вотъ послушай, что дальше-то, какъ Господь-Батюшка распорядился: черезъ этого человѣка всѣмъ православнымъ воля вышла... Вотъ былъ у этого барина крѣпостной человѣкъ на оброкѣ, Алексѣемъ звали. Ужъ вотъ былъ мужикъ разумный, да красивый, да удачливый, просто по всей вотчинѣ молодецъ первѣйшій. И имѣлъ у себя молодую жену. Онъ-то красивъ да пригожъ, а она и того лучше, — поищи этакихъ двухъ по всему свѣту бѣлому, анъ и не сыщешь. Имуществомъ тоже Богъ не оби-

дѣлъ: изъ хорошихъ семей оба, достаточные. Ну, только и имѣлъ этотъ Алексѣй въ себѣ маленичко гордость. Вотъ приходитъ ему, Алексѣю, въ дальній извозъ итить, а жена у него остается на сносяхъ. Дѣлать нечего. Идетъ онъ съ извозомъ, знаешь, по степѣ. Идутъ, ночное дѣло, возы скрынятъ, обозчики, разный народъ, со всѣхъ, можетъ, мѣстъ, рядомъ идутъ да промежду себя разговоръ ведутъ. Извѣстно,—дѣло дорожное, какъ и мы вотъ сейчасъ: гдѣ какіе, напримѣрно, народы проживаютъ, гдѣ какой обиходъ, ну и все такое прочее. А онъ, Алексѣй, идетъ съ возами, все молчитъ, что туча. Вотъ у него другіе и спрашиваютъ: „Ты это что же, молодецъ, въ товарищахъ идешь, а съ нами, товарищами, разговаривать не хочешь. Аль самъ объ себѣ высоко понимаешь, а нами брезгуешь?..“ — „Нѣтъ, говоритъ, товарищи милые, самъ я объ себѣ не высоко понимаю и вами, товарищами, не брезгаю. А то я, говоритъ, невеселъ по степѣ иду, что дома жену оставилъ, а помѣщикъ у насъ больно лютъ. Бьютъ, колотятъ, только душу не вынимаютъ. Ну, да это все ничего, до меня бы не касающее, а что вотъ завелъ дурную моду — щенятъ женскими грудями воспитывать“. Вотъ и стали тѣ люди, по степѣ идучи, то дѣло обсуживать. А въ степѣ-то, знаешь, всѣ вольные люди: который у себя дома, можетъ, и крѣпостной, и тотъ въ степѣ вольнымъ казакомъ объявляется. Попадается, конечно, и служивый народъ, отставные солдаты. Вотъ и говорятъ тѣ люди Алексѣю: „Дураки, видно, въ вашей деревнѣ живутъ. Этого и закону-то, покуль свѣтъ стоитъ, не бывало, чтобы животную тварь женскимъ молокомъ воспитывать. Этого и Господь не можетъ терпѣть, такъ можетъ ли барскій законъ стать выше Божьяго?“

„Вотъ и западн опять тѣ рѣчи Алексѣю. Идетъ съ обозомъ, дорога подъ нимъ горитъ, а самъ все думаетъ: нѣтъ закону, да и нѣтъ закону! Хорошо! Пріѣзжаетъ, ночное дѣло, домой, жена его не встрѣчаетъ, огня не вздуваетъ, темно въ избѣ, какъ въ могилѣ. Входитъ въ избу, младенецъ у него въ зыбкѣ плачетъ, а въ углу щеняты скучатъ. — Эт-то что такое? — „А это, жена говоритъ, сына Богъ далъ“. — А въ углу что?—„А въ углу щеняты, самъ понимаешь...“ — Ты-то понимаешь ли сама! Я этого терпѣть не могу! Давай собачатъ сюда! — Взялъ одного въ руку, другого въ другую, примялъ, да опять положилъ на мѣстѣ. — Ну, говоритъ, молись Богу за свой грѣхъ великій, да бери младенца. Вишь, онъ у тебя въ зыбкѣ кричитъ.

„А на утро нарядчики приходятъ, собачары: „Анна, —

показывай щенятъ, здоровы ли они у тебя!“ — Да они молъ, съ чегой-то поколѣли. — „Какъ, оба?“ — Оба, молъ, и поколѣли. — „Что за причина? Ну, дѣло не наше, барину доложимъ“. А тутъ Алексѣй въ избу входитъ: „Что вамъ надо? Зачѣмъ пришли? Гдѣ законъ? Ребенокъ въ зыбкѣ кричи, а щенятъ у женщины груди сосутъ. Прочь изъ избы, чтобы мнѣ васъ, собачаровъ, и не видать!“ — А ты, Алексѣй, — собачаръ ему говоритъ, — больно-то не кричи. Не отъ себя пришли, барину доложимъ. — Ну, конечно, пошли, господину и обсказали. Что же ты думаешь: велитъ онъ сейчасъ тѣхъ щенятъ на холсты положить, какъ упокойниковъ. Принесли ихъ на холстахъ, — ощупалъ, — „убиты, говоритъ, злодѣемъ твари невинныя“. И заплакалъ. Потомъ позвалъ собачьихъ поваровъ, велитъ для псарни овсянку готовить покруче. Все, бывало, такъ: овсянку готовили для всей псарни, ведеръ на сорокъ и болѣе; овсянку сготовятъ, станутъ собакъ кормить, а онъ тутъ же въ стулу сидитъ, смотритъ, да изъ своихъ рукъ подкармливаетъ. Вотъ и на тотъ разъ, сѣлъ у котла, щенятъ на холстахъ рядомъ положилъ. „Позвать Алексѣя!“ Пришелъ Алексѣй. — „Видишь, говоритъ, невинно убіенныхъ?“ — Вижу, молъ. Да что жъ, баринъ, на человѣка и то причина бываетъ, не то что на тварь животную. — „Ты имъ конецъ сдѣлалъ, варваръ?“ — Я имъ конца не дѣлалъ, а что вотъ вы не по закону поступаете. Ребенокъ, хоть и мужицкое дите, все у Бога человѣческая душа считается. И долженъ онъ въ зыбкѣ лежать, а вы у бабы груди псиной пакостите... Передохни они всѣ у васъ. И то народъ глупъ: всѣхъ бы передавить надо! — Какъ онъ эти слова сказалъ... снялся, милая ты моя, баринъ Панкратовъ со стула...

Онъ повернулся весь на козлахъ и впился своими глубокими глазами въ испуганные глаза дѣвушки... Она чувствовала какой-то надвигающійся ужасъ и хотѣла бы защититься отъ него, но была безсильна...

— Снялся онъ со стула, да ка-акъ толкнетъ этого Алексѣя въ грудь... Упалъ тотъ навзничь, да пряма... голубушка ты моя! Барышня милая! Прямо головой-те... въ котелъ...

— Ну? — вся вздрогнувъ, спросила Лена.

— Да что! Пикнуть не успѣлъ... Кинулись собачары, вытащили... весь обварился... Пошелъ по собачарамъ шумъ, пошла по дворнѣ булга. А одинъ собачаръ тому Алексѣю братъ былъ... Кинулся въ хоромы, схватилъ ружье... Баринъ къ дворнѣ, а уже дворня, понимаешь, волками смотритъ. Вскипѣло холопье сердце...

. . . . . .

— Папочка! — послышался надтреснутый, слабый голосъ Лены. Семенъ Аѳанасьевичъ очнулся и съ удивленіемъ взглянулъ на дочь.

— Папа, — со слезами въ голосѣ заговорила дѣвушка, — вѣдь онъ, Панкратовъ, въ Ментонѣ умеръ? Вѣдь это... вѣдь это все неправда... Вотъ онъ говоритъ: убили его... и онъ самъ...

Семенъ Аѳанасьевичъ вдругъ накинулся на ямщика:

— Что ты тутъ наболталъ, па-адлецъ! Вотъ погоди, вотъ я тебѣ покажу болтовню. Поѣзжай скорѣй, ска-атина!

Ямщикъ, удивленный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, подобралъ возжи, и опять лѣвая пристяжка первая почувствовала на себѣ перемѣну въ его настроеніи.

Тарантасъ задребезжалъ и быстро покатился по потемнѣвшему тракту. Колокольчикъ залился не на шутку, пристяжки изогнули головы, какъ змѣйки, березки убѣгали назадъ одна за другой, а между вѣтвей виднѣлись по сторонамъ тѣ же поля, тѣ же тучи... Кой-гдѣ въ сумеркахъ зажигались дальніе огоньки...

Лена ничего не думала. Отецъ видѣлъ только ея блѣдное лицо и большіе глаза...

VII.

Къ станціи они подкатили во всю мочь. Ямщикъ въ эти полчаса обдумалъ все происшедшее и теперь старался угодить разгнѣванному барину. „Видишь вотъ, угодить хотѣлъ а она и нажалуйся“, — съ горечью думалъ онъ про Лену. Со стукомъ и звономъ тарантасъ подлетѣлъ къ полосатому столбу, на которомъ висѣлъ зажженый фонарь, и лихо остановился на всемъ скаку.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, — сказалъ Силуянъ подобострастно, соскочивъ съ козелъ.

Станція была освѣщена, а окна открыты. Въ окна виднѣлся самоваръ, какой-то военный надѣвалъ шинель и собирался: у крыльца его ждала тройка.

Лена прошла сначала въ комнату хозяйки. Когда она вошла съ красными глазами въ станціонную комнату, — ей прежде всего бросилась невзрачная фигура мужика, стоявшаго у порога. Онъ былъ низокъ ростомъ, съ короткими кривыми ногами, въ старомъ армячишкѣ. Онъ въ замѣшательствѣ отряхалъ отъ пыли свою шляпенку и переминался съ ноги на ногу. Семенъ Аѳанасьевичъ нервно ходилъ по комнатѣ, военный господинъ сурово молчалъ, укоризненно глядя на

мужика. При входѣ Лены, военный поднялся съ мѣста и бойко щелкнулъ шпорами. Это былъ бравый мужчина, съ густыми торчащими волосами и прекрасными баками, искусно раздѣленными на двѣ части. Онъ еще разъ разгладилъ ихъ обѣими руками и, держа пальцами концы бакеновъ, низко поклонился:

— Честь имѣю представиться. Исправникъ Полежаевъ. Очень сожалѣю, что этотъ каналья ямщикъ доставилъ вамъ огорченіе, хотя признаюсь... не знаю, чѣмъ могу... Власть Семена Аѳанасьевича... тутъ роль исправника прекращается... Если могу такъ выразиться...

Лена съ удивленіемъ посмотрѣла на него, потомъ на мужика у порога. Неужели это онъ, этотъ ничтожный мужичонка довелъ ее чуть не до кошмара, неужели это у него такой выразительный, сильный, могучій голосъ... И эти мрачные разсказы... неужели тоже его?

— Ахъ нѣтъ, ничего, — застѣнчиво и торопливо заговорила она, понявъ сразу смыслъ этой сцены. — Папочка, ради Бога... Не надо, не надо...

Исправникъ окинулъ ее умнымъ взглядомъ. Онъ вообще довольно холодно встрѣтилъ новаго „начальника“ и держался сдержанно. Поэтому онъ воспользовался настроеніемъ Лены.

— Ваше желаніе — законъ... А ты, сказочникъ, пошелъ вонъ, да смотри у меня въ другой разъ!.. Теперь позвольте васъ оставить, меня ожидаетъ тутъ важное дѣло... Имѣю честь откланяться.

Черезъ минуту Лена смотрѣла въ открытое окно, какъ исправникъ усѣлся, при чемъ какая-то темная небольшая фигура противно сустилась около тарантаса. Лошади взяли съ мѣста, и тарантасъ покатился между рядами березъ въ томъ направленіи, откуда только-что пріѣхали наши путники. Скоро онъ превратился въ темную точку, и только меланхолическій звонъ колокольчика какъ будто перекликался все, подавая голосъ издали, изъ темноты, на освѣщенную станцію.

А въ вышинѣ все ходили тучи, въ темнотѣ пробравшіяся кверху и занявшія все небо... Но дождя все не было, чувствовалось только медленное передвиженіе, тревожная суета и все то же безсиліе. Порой только вспыхивала синеватая зарница, падая на уходящую вдаль дорогу съ рядами блѣдныхъ березъ... Одна изъ такихъ зарницъ освѣтила невдалекѣ старый запущенный садъ, густая зелень котораго будто грезила о чемъ-то въ тишинѣ этого загадочнаго вечера, въ виду надвигающейся грозы. Надъ зеленью возвышался только мезонинъ стараго, оброшеннаго дома. Короткая вспышка еще

разъ освѣтила провалившуюся крышу, изломанную рѣшетку балкона и открытую, можетъ быть, давно сорванную съ петель дверь мезонина.

Лена отчего-то вдругъ вздрогнула и отвернулась. Подойдя къ отцу, она обняла его и припала головой ему на плечо.

— Папа! Папочка! Ничего нѣтъ... ничего, ничего этого нѣтъ.

— Ты устала, Лена.

Семенъ Аѳанасьевичъ глядѣлъ растерянно и печально.

Хозяйка внесла свѣжій самоваръ и закрыла окно.

1891 г.

НА ВОЛГѢ.

I.

Выйдя на палубу бѣжавшаго вверхъ парохода, Дмитрій Парфентьевичъ вздохнулъ полной грудью.

День кончался, солнце висѣло надъ лѣсистой горой. Картина рѣки была величава и спокойна. Гдѣ-то далеко свистѣлъ пароходъ, бѣляна разсѣлась на стрежнѣ широко и грузно и, казалось, не движется, точно сонная купчиха. На плотахъ зажигались огоньки костровъ,—плотовщики варили себѣ ужинъ. Двѣ небольшія барки, сцѣпившись бортъ о бортъ и поставленныя наискось къ теченію, шли сплавомъ, чуть-чуть покачиваясь надъ зеркальною гладью рѣки, и подъ ними, зыблясь и колыхаясь, повисло ихъ отраженіе въ синѣющей глубинѣ. Когда струя отъ парохода, широко разбѣжавшись, коснулась этого отраженія, оно вдругъ изломалось и разлетѣлось. Казалось, что зеркало разбилось внезапно, и долго шевелились и сверкали его осколки.

— Хорошо, Груня?..—сказалъ Дмитрій Парфентьевичъ, садясь рядомъ съ дочерью.

— Да,—коротко отвѣтила она.

Дѣвушка была одѣта въ темное. Надвинутый на лобъ скитскій платокъ покрывалъ тѣнью блѣдное молодое лицо; большіе глаза глядѣли мечтательно и задумчиво.

— Главное дѣло, благодать и спокой... — сказалъ опять Дмитрій Парфентьевичъ нравоучительно.

Его жизнь тоже склонялась къ закату, и ему казалось, что ничего не можетъ быть лучше спокойствія при угасающемъ днѣ...

Только спокойствіе и молитва послѣ грѣшной суеты и утомленія... Не дай Богъ новыхъ желаній, храни Богъ отъ новаго искушенія.

— А? Груня?..—взглянулъ Дмитрій Парфентьевичъ на дочь, спрашивая о собственныхъ мысляхъ.

— Да,—отвѣтила дѣвушка, но взоръ ея, мечтательно убѣгавшій туда, гдѣ золотилась рѣчная даль, и горы тихо закутывались синеватою мглою, казалось, искалъ чего-то другого.

Публика на палубѣ была настроена такъ же тихо. Кое-гдѣ слышались отдѣльные разговоры, кое-кто собирался пить чай у столиковъ.

На кормѣ виднѣлась кучка татаръ. Они ѣхали изъ Астрахани, возвращаясь домой. Это былъ старикъ-патріархъ съ тремя сыновьями. Четвертаго, любимца, похоронили въ чужомъ городѣ. Невѣдомо съ чего захворалъ Ахметзянъ, похворалъ съ недѣлю и померъ.

„Все въ волѣ Аллаха“, говорило суровое лицо старика, по ему предстояло еще сообщить матери о смерти любимаго сына...

А кругомъ все дышало тишиной и миромъ, и горы праваго берега уплывали одна за другой и, казалось, засыпали вдали, закутываясь синею дымкой.

II.

Невдалекѣ отъ Дмитрія Парфентьевича, частью на скамьѣ у столика, частью на палубѣ, на узлахъ расположилась куча пассажировъ.

Тутъ было нѣсколько плотовыхъ бурлаковъ съ Унжи, какая-то толстая и добродушная мѣщанка, старикъ, тоже повидимому изъ мелкихъ мѣщанъ. Центромъ кучки въ данную минуту служилъ пароходный лакей третьяго класса, молодой еще парень, одѣтый въ потертый и засаленный сюртукъ, на лѣвомъ борту котораго болтался жетонъ съ надписью „№ 2“. Черезъ плечо у него висѣла салфетка, которою онъ съ одинаковымъ успѣхомъ вытиралъ и залитые столы, и стаканы. Онъ только что пронесъ по палубѣ подносъ съ приборами, широко разставляя локти врозь и глядя въ одно время и передъ собой, и подъ ноги. Поставивъ подносъ на столикъ и отряхнувъ вокругъ него пыль салфеткой, онъ направился къ упомянутой кучкѣ своихъ земляковъ, сѣлъ на кончикъ скамьи и прямо приступилъ къ начатому ранѣе разговору.

— На этотъ случай я вотъ что скажу,—произнесъ онъ вполнѣ увѣреннымъ тономъ:—я кулакомъ перекрещусь, и то дѣйствуетъ. Да, вотъ такъ: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. И то, все равно, дѣйствуетъ. Вы какъ думали?

И онъ оглянулся на своихъ слушателей, какъ человѣкъ, предложившій на разрѣшеніе остроумную загадку.

— Кулакомъ, говоришь?—въ изумленіи переспросилъ одинъ изъ унженскихъ мужиковъ.

— Да, кулакомъ!

Слушатели помотали головами съ видомъ сомнѣнія и укоризны. Мѣщанинъ строго обратился къ парню:

— Н-ну, ужъ это оставь! Ужъ это ты заговорилъ свыше Бога...

— Что такое?

— А то, что напримѣръ тебѣ, дур-раку-у, такъ дозволено, чтобы кулакомъ крестное знаменіе творить. Не можетъ быть. Это никогда не дѣйствуетъ.

— Анъ, дѣйствуетъ!

Парень окинулъ слушателей радостно сіяющимъ взглядомъ и только что хотѣлъ дать рѣшеніе загадки, какъ отъ одного изъ столовъ послышался нетерпѣливый стукъ ложки по стакану.

Парня точно подкинуло пружиной. Въ одно мгновеніе онъ былъ уже на другомъ концѣ палубы, схватывалъ чайники, бѣгалъ къ машинѣ и обратно, уставлялъ, отряхивалъ, опять бѣгалъ внизъ, приносилъ заказанное и извивался вокругъ столовъ, а между тѣмъ, начатый имъ, разговоръ продолжался среди озадаченной публики.

— Ну, это онъ сверхъ ума!—сказалъ мѣщанинъ.

— Отъ глупаго разума,—съ сожалѣніемъ прибавила старуха.

— Навралъ малый, что говорить!

— Какъ это можетъ быть, чтобы кулакомъ... Это никогда не дѣйствуетъ...

Общее мнѣніе, повидимому, окончательно установилось.

— Неправильно,—слышится нѣсколько голосовъ вдругъ:— это озорство, больше ничего...

— Какъ можно!..

Кто тебѣ этакое позволилъ?

— Озорство и есть...

— А вы вотъ послушайте,—подхватываетъ парень, внезапно вынырнувшій изъ люка,—можетъ и не озорство выйдетъ... Тепериче былъ у насъ на фабрикѣ, на суконной, гдѣ я жилъ, парень одинъ. Такъ ему, этому парню, машиной всю пятерню такъ и отхватило: разъ! и кончено! Ни одного пальца! А рука-то правая... Вотъ теперь и думайте: какъ тому парню быть, ежели у него одна култышка осталась...

Публика озадачена.

Вотъ ты куда гнешь?

— Ишь ты, задача... А вѣдь это, братцы, какъ же?.. Вѣдь ужъ если ему—парню-то этому самому—лѣвой рукой креститься...

— Что ты, что ты,—замахалъ рукой мѣщанинъ,—нѣшто лѣвой рукой возможно... Это вѣдь сатанѣ...

— Ну, а правой какъ ты тутъ персты сложишь... Одна култышка!..

— Вотъ то-то и есть...

Задача пріобрѣла мгновенно популярность. Ближайшіе пассажиры прислушивались, дальніе вставали и подходили къ говорившимъ. Даже молодой купчикъ, очень авторитетно бесѣдовавшій о политикѣ за чайнымъ столикомъ съ какимъ-то толстымъ господиномъ, удостоилъ обратить благосклонное вниманіе на затѣйливую задачу. Онъ постучалъ ложечкой и поманилъ парня.

— Эй, услужающій. Сколько съ насъ?.. э-э-э... тово... Какъ ты это говоришь: култышкой?

— Такъ мы себѣ, ваше здоровье,—промежду себя... До васъ не касающее...

— Нѣтъ, а ловко, не правда ли?—обратился купчикъ къ толстому господину.

Толстый господинъ отвѣчалъ невнятно, потому что справлялся въ это время съ бутербродомъ.

Одни татары сидѣли на кормѣ, не принимая участія въ общемъ разговорѣ. Они молчали или изрѣдка перекидывались короткими замѣчаніями на родномъ языкѣ.

III.

Дмитрій Парфентьевичъ насторожился, какъ боевой конь при звукахъ трубы. Груня не отрывала глазъ отъ дальней перспективы горъ и рѣки, но легко можно было догадаться, что она уже ея не видитъ. Не поворачивая головы, она внимательно слушала то, что говорили сосѣди.

Дмитрій Парфентьевичъ искоса поглядѣлъ на нее. Прежде когда-то она непремѣнно обратилась бы къ нему съ довѣрчивымъ вопросомъ: какъ же, тятенька, это? Но теперь ей какъ будто не было дѣла до мнѣнія отца.

Онъ подождалъ, но она не спрашивала, только ея большіе глаза съ видимымъ сочувствіемъ перенеслись на эту кучу темныхъ, недоумѣвающихъ людей, потерявшихся отъ такого пустого преткновенія въ дѣлѣ вѣры...

Тогда онъ поднялся и подошелъ къ разговаривающимъ. Его крупная сухая фигура, вся какъ-то сурово-чистая, въ платьѣ стариннаго покроя, сразу обратила на себя общее вниманіе.

— Сомнѣваетесь?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, господинъ купецъ. Потому что, видите ли... Вотъ малый говоритъ: кулакомъ кститься могу.

— Слыхалъ, не разсказывай! малый у васъ—дуракъ!

— То-то вотъ...—робко прошепталъ кто-то:—всѣ мы темные...

— Это вѣрно... темные вы. А ежели разсудить, какъ слѣдуетъ, по руководству истинныхъ наставниковъ, то здѣсь удивительнаго нѣтъ нисколько.

Куча слушателей сразу увеличилась. Теперь уже всѣ заинтересовались высокимъ старикомъ со спокойными и величаво-суровыми манерами. Дмитрій Парфентьевичъ не смутился отъ всеобщаго вниманія. Ему не впервой. Одна только слушательница интересовала его во всей этой толпѣ—это его начетчица, его непокорная молельщица Груня. Онъ по своему любилъ дочь, и его суровое сердце надрывалось отъ ея неустанныхъ сомнѣній, отъ ея тоскующаго взгляда. Онъ страстно желалъ ей благодатнаго успокоенія, къ которому такъ близко уже было его собственное сердце. Но ея непокорство поднимало въ его строгой душѣ цѣлую бурю сдержанной ярости, которая боролась съ любовью и уже привыкла ее побѣждать.

Груня сидѣла одна на своемъ мѣстѣ, неподвижная и сдержанно-внимательная.

— Вотъ послушайте,—доносился до нея увѣренный и жесткій голосъ отца. — Вотъ есть какой правильный крестъ, и этому кресту мы держимся во спасеніе.

Двуперстное сложеніе поднялось надъ головами слушателей.

— Раскольникъ,—пронеслось въ толпѣ. Два-три человѣка изъ купцовъ, очевидно, охотники до религіозныхъ состязаній, уже проталкивались впередъ, прислушиваясь къ неожиданной проповѣди.

— Мы не раскольники,—продолжалъ Дмитрій Парфентьевичъ,—и исповѣдуемъ правую вѣру. Этому кресту вѣрили святые отцы и патріархи. Такъ научаетъ и святой Ѳеодоритъ.

Онъ еще выше поднялъ руку съ двумя сложенными перстами.

— Большой палецъ теперичe пригни къ мизинному и безымянному. Стало быть въ ознаменованіе святыя Троицы. Три лица во едино. Два пальца подыми кверху: божество и человѣчество—два естества. И еще Ѳеодоритъ научаетъ: приклони мало одинъ палецъ, средній. Значитъ—человѣчество передъ божествомъ преклонилося. Вотъ.

— Погоди!—вмѣшался одинъ изъ пробившихся впередъ купцовъ.—А св. Кириллъ, тотъ опять иначе говоритъ.

— Св. Кириллъ говоритъ то же самое. Только оба пальца велитъ держать прямо.

— Стало быть, уже выходитъ разность.

— Погоди, твое степенство, не то говоришь... Не мѣшай...— остановили возражателя.—Дай кончить... Какъ же вотъ на счетъ култышки-то, купецъ?

— Вотъ-вотъ... это главное дѣло.

— А на этотъ счетъ вотъ какъ: ежели ему оторвало пальцы, онъ тутъ невиновенъ. Значитъ, такъ попустилъ Господь, Его воля! А безъ крестнаго знамени человѣку жить невозможно. Безъ крестнаго знамени онъ хуже вотъ поганца этого, татарина. Стало быть обязанъ онъ креститься... правой рукой...

— Ну?..

— А персты,—закончилъ Дмитрій Парфентьевичъ съ разстановкой:—персты слагать мысленно, по указанію святыхъ отецъ и патріарховъ...

Въ толпѣ пронесся вздохъ облегченія и радости.

— Ай да купецъ, спасибо!

— Разсудилъ...

— Что ужъ тутъ: просто разжевалъ да въ ротъ положилъ.

— Мысленно!.. Вотъ это вѣрно!

— Какъ не вѣрно! Мысленно,—больше ничего!

— Этакъ-то вотъ, небось, подѣйствуетъ...

Дмитрій Парфентьевичъ оглянулся на дочь... Что ему эти одобренія, что эти похвалы чужихъ и темныхъ людей! А она, его дочка, опять смотрѣла прямо передъ собой, и на ея лицѣ виднѣлось равнодушіе, какъ будто отецъ сказалъ то, что ей давно было извѣстно, и что потеряло всякую силу надъ ея смятенной и усталой душой...

Брови старика сдвинулись, и въ голосѣ зазвучала угроза.

— А ежели кто и мысленные персты сложитъ щепотью—и то неправильно... Щепотникъ осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ... Проклятъ въ сей жизни и не имѣетъ части въ будущей.

Эти жестокія, злыя слова, упавшія внезапно въ только что успокоившуюся толпу, сразу измѣнили ея настроеніе.

Она заволновалась, зашумѣла, раскололась. Какой-то черноглазый и черноволосый торговецъ, упорно молчавшій до сихъ поръ, теперь стукнулъ кулакомъ по столу и сказалъ, сверкая своими глубокими, изступленными глазами:

— Вѣрно! Въ проклятой щепоти Кика-бѣсъ со всею преисподнею.

— Нѣтъ, погоди! — заговорили церковные,—не ругайтесь истинному кресту! Сами вы зачѣмъ раздѣляете три ипостаса, ан-на-ѳемы?!. Троица-то вотъ она: въ троеперстіи...

— Гдѣ у васъ первые-то персты?

— Ты, купецъ, сто пятое слово читалъ ли?

— Читалъ: сто пятое слово о свѣтопреставленіи.

Дмитрій Парфентьевичъ стоялъ въ срединѣ, не потерявшійся и спокойный. Только каждый разъ, когда онъ отвѣчалъ кому-нибудь изъ нападавшихъ, онъ пронизывалъ его взглядомъ упорнымъ и злымъ...

А пароходъ, размѣренно шлепая колесами и разбивая синюю гладь рѣки, все дальше уносилъ эту кучку ожесточенно спорившихъ людей, и глинистые обрывы нагорнаго берега отражали смятенные голоса...

Но вотъ крутая гора, скрывавшая поворотъ, отступила назадъ, и впереди опять открылась широкая даль. Солнце краснымъ шаромъ повисло уже надъ самой водой, а съ востока, будто легкими взмахами вечернихъ тѣней, бѣжали по лугамъ сумерки, догоняя пароходъ и все замѣтнѣе налегая на Волгу.

IV.

Молчаливая кучка татаръ вдругъ поднялась съ своихъ мѣстъ на кормѣ и ровной походкой направилась на край верхней палубы къ кожухамъ. Тамъ они сняли халаты и разостлали ихъ на полу. Затѣмъ, скинувъ туфли, они благоговѣйно ступили на халаты. Отблескъ заката заигралъ на строгихъ татарскихъ лицахъ. Ихъ рослыя фигуры рѣзко выступали на свѣтломъ, похолодѣвшемъ небѣ.

— Молятся...—тихо сказалъ кто-то, и нѣсколько человѣкъ, отдѣлившись отъ спорящихъ, приблизились къ периламъ.

За ними послѣдовали другіе. Споры стали стихать.

Татары стояли съ закрытыми глазами, высоко поднявъ брови и будто возносясь мыслью туда, гдѣ въ вышинѣ угасали послѣдніе лучи дневного свѣта. По временамъ они разжимали сложенныя подъ грудью руки, прикладывали ихъ къ колѣнямъ, и тогда головы въ бараньихъ шапкахъ низко, низко опускались. Затѣмъ они поднимались опять, протягивая къ свѣту распростертыя ладони.

И губы басурманъ шептали слова невѣдомой и непонятной молитвы...

— Тоже вотъ...—сказалъ какой-то мужикъ и замолкъ нерѣшительно, не досказавъ своей мысли.

— Свой обрядъ тоже сполняютъ,—поддержалъ другой.

— Да, молятся тоже...

Всѣ татары припали вдругъ къ полу, прикасаясь челами къ палубѣ, и затѣмъ быстро поднялись. Трое молодыхъ взяли свои халаты и туфли и опять прошли на прежнее мѣсто на кормѣ. Старикъ остался одинъ. Онъ сѣлъ, поджавъ подъ себя

ноги, и губы его шевелились, а на красивомъ лицѣ съ сѣдой бородой было странное и трогательное выраженіе глубокаго страданья, смягченнаго благоговѣніемъ передъ высшей волею. Рука его быстро перебирала четки.

— Видишь ты... И четки тоже.

— Радѣтельный старичекъ...

— Объ сынѣ онъ это... Сынъ у него въ Астрахани померъ,—пояснилъ купецъ, ѣхавшій снизу вмѣстѣ съ татарами.

— Охъ-хо-хо...—философски вздохнулъ кто-то. — Всякому человѣку хочется спастися. Ни одному не хочется погибнуть, какой бы ни былъ, хошь, скажемъ, и татаринъ...

Теперь уже трудно было разглядѣть, кто говоритъ. Всѣ лица сливались, только отдѣльная фигура молящагося старика виднѣлась на краю кожуха надъ водой. Онъ тихо покачивался взадъ и впередъ.

— Тятя!—раздался вдругъ тихій голосъ.

Это Груня позвала отца.

— Что тебѣ, дочка?

Дѣвушка смолкла на мгновеніе, продолжая глядѣть въ сторону молящагося иновѣрца, и затѣмъ ея молодой, но уже надтреснутый голосъ отчетливо прозвучалъ въ тишинѣ:

— Какъ же теперь... какъ надо думать, дойдетъ ли вотъ эта молитва?

Груня говорила тихо, но ее слышали всѣ; казалось, будто легкій вѣтеръ промчался вдругъ по палубѣ, и не въ одной душѣ отозвался вопросъ блѣдной дѣвушки: дойдетъ ли?

Всѣ молчали... Глаза невольно подымались кверху, какъ бы стараясь уловить среди синевы вечерняго неба невидимый полетъ чужой и непонятной, но исполненной живого чувства, молитвы...

— Какъ, чай, не дойти?..—опять какъ-то нерѣшительно мягко произноситъ добродушный мужичій голосъ.—Чай, тоже не кому другому молится. Все Богу же.

— Все Ему, Батюшкѣ. Видишь, на небо смотритъ.

— Охъ, кто знаетъ, кто знаетъ...

— Трудное дѣло—пути-то Господни...

На носу заскрипѣлъ блокъ, фонарь золотой звѣздой взлетѣлъ на верхушку мачты; волна плескалась гдѣ-то глубоко въ сумракѣ, отдаленный свистокъ чуть виднаго парохода тихо прозвенѣлъ надъ засыпающей рѣкой. Въ небѣ одна за другой зажигались яркія звѣзды, и синяя ночь безшумно неслась надъ лугами, горами и оврагами Волги.

И казалось, земля печально спрашиваетъ о чемъ-то, а небо молчитъ, исполненное спокойствія и тайны...

1889.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ.

Современная самозванщина.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

— Прочитать газетный листъ,—сказалъ, если не ошибаюсь, Щедринъ, — все равно что полчаса поговорить съ сумасшедшимъ.

Пишущій эти строки самъ не мало работалъ и продолжаетъ работать въ газетахъ, и, разумѣется, я цитирую этотъ суровопреувеличенный отзывъ отнюдь не въ укоръ моимъ собратьямъ.

Нужно, однако, сказать, что въ отзывѣ сатирика есть доля истины. Дѣло не въ томъ, умно или глупо ведется самая газета, а въ томъ, что она вынуждаетъ читателя разбросать вниманіе между десятками разнородныхъ фактовъ, несоизмѣримыхъ и не связанныхъ никакою внутреннею связью. Великосвѣтская свадьба, мрачное убійство, соображенія о денежной реформѣ, результаты скачекъ, засоренная городская труба, вымираніе сибирскихъ инородцевъ, бѣгство кассира, политика трансваальскихъ буровъ... Попробуйте полчаса безъ перерыва глядѣть на пеструю смѣну калейдоскопа, и вы почувствуете, что у васъ разбаливается голова, стучитъ въ вискахъ и глаза застилаетъ туманомъ. Такъ же приблизительно должна дѣйствовать на умъ и на чувство пестрая смѣна явленій, мелькающихъ въ печатномъ калейдоскопѣ, называемомъ газетой.

Но все же жизнь, которая въ ней отражается, движется извѣстными глубокими началами, и въ ней, какъ въ колеблющемся океанѣ, внимательный и чуткій наблюдатель способенъ уловить и нѣкоторый ритмъ, и основную болѣе или менѣе глубокую ноту. Поэтому на широкой поверхности прессы, охватившей уже огромное пространство нашего отечества, далеко не все случайно. Корреспондентъ, берущійся за перо въ какомъ-нибудь глухомъ городишкѣ, часто побуждается къ этому

непосредственнымъ ощущеніемъ той или другой, общей глухимъ угламъ боли. И частое повтореніе одного и того же мотива въ разныхъ мѣстахъ указываетъ на его распространенность и значеніе.

Вотъ почему въ этой тучѣ газетъ, ежедневно появляющихся утромъ, чтобы къ вечеру погибнуть, подобно бабочкамъ-поденкамъ,—далеко не все заслуживаетъ полнаго забвенія. Несомнѣнно въ этомъ ненужномъ уже листѣ были факты, извѣстія, отмѣтки, разбросанныя черты типическихъ явленій, которыя можно бы схватить и удержать съ большою пользой... Сами по себѣ они скользнули незамѣтно, въ лучшемъ случаѣ всколыхнувъ на время мысль или чувство читателя. Но, накладываясь одно на другое, суммируясь въ своей однородности, — эти черты пріобрѣтаютъ порой глубокое и не мимолетное значеніе.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдя за прессой, главнымъ образомъ провинціальной, я старался, насколько это доступно единичнымъ усиліямъ и при томъ не исключительно этимъ дѣломъ занятаго человѣка, — отбирать и классифицировать часть газетнаго матеріала въ извѣстномъ порядкѣ. Въ предлагаемыхъ очеркахъ я пытаюсь теперь набросать въ общихъ контурахъ нѣсколько типическихъ явленій, сложившихся изъ этого матеріала. Здѣсь я беру явленіе, которое не могло не броситься въ глаза даже не особенно внимательному читателю. Я говорю о случаяхъ то и дѣло повторяющагося у насъ самозванства и хлестаковщины всякаго рода.

Самыя мрачныя страницы нашей исторіи и одно изъ геніальныхъ произведеній родной литературы связаны съ самозванствомъ. Намъ кажется, что это не случайно. Свирѣпая фигура Пугачова, до сихъ поръ еще осѣненная мрачнымъ нимбомъ жестокихъ воспоминаній, возбуждающихъ невольную дрожь, и добродушный Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, геніально лгущій подъ хохотъ всего театра, — самозванный царь и самозванный ревизоръ по недоразумѣнію, — это два крайнихъ олицетворенія одного и того же мотива... При томъ мотива самобытнаго, чисто русскаго, нигдѣ уже въ такой степени, съ такой распространенностью и силой не встрѣчающагося въ Европѣ.

Страхъ и *суевѣріе*—вотъ два основныхъ элемента, изъ которыхъ выростаетъ это явленіе. Суевѣріе религіозное и порожденныя имъ чувства угнетенія и страха дѣлаютъ религію свѣта и надежды религіей непонятной грозы и неожиданныхъ казней. Суевѣріе гражданское заставляетъ робко преклоняться не передъ закономъ и правомъ, точно ограждающими чело-

вѣческое существованіе, а передъ всякимъ, кто владѣетъ тайной хотя бы и самозванной власти.

Колдунъ и ябедникъ — изстари знакомые русской жизни типы. Одинъ знаетъ волшебное слово, приводящее въ движеніе таинственныя силы потусторонняго міра; другой владѣетъ такимъ же волшебнымъ словомъ, навлекающимъ не менѣе таинственную грозу власти. Отсутствіе критики и свободнаго изслѣдованія въ обѣихъ областяхъ порождаютъ почву, на которой и происходитъ смѣшеніе настоящей религіи и настоящаго права съ явленіями присвоенія религіозной и гражданской власти разными самозванцами.

Вотъ почему въ настоящихъ очеркахъ я ставлю рядомъ самозванцевъ „духовнаго прозванія“ и „самозванцевъ вѣдомства гражданскаго“, какъ явленія одного порядка.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Самозванцы духовнаго прозванія.

„Въ мѣстечкѣ Константиновкѣ, Бахмутскаго у., на-дняхъ вечеромъ въ домъ мѣстнаго купца Нафталова явились три вымогателя, замаскированные... святыми! Выдавая себя за людей „не отъ міра сего“, они просили у хозяина денегъ... Набожный хозяинъ повѣрилъ „видѣнію“ и поспѣшилъ вручить 1000 руб.“

(*Изъ газ. „Свѣтъ“, февр. 1898 г.*)

I.

I. Мнимые сборщики, странники, калики перехожіе.

Основной, кидающейся прежде всего въ глаза причиной явленія, о которомъ мы говоримъ, порой закрывающей остальныя его особенности, является корысть. Поэтому впереди этой рати духовныхъ самозванцевъ выступаютъ многочисленные сборщики, аѳонскіе келліоты, подвижники, мнимые посланцы іерусалимскаго патріарха. Черномазые, загорѣлые, вида иностраннаго — жителей „Палестины или земли греческой“, происхожденія довольно таинственнаго, съ еще болѣе загадочнымъ прошлымъ, порой прямо уголовнаго характера, они внушаютъ народу чувство робкаго почтенія и широко пользуются своимъ гипнотическимъ вліяніемъ. Характерно при этомъ, что самая экзотичность порой этихъ фигуръ, ихъ нерусское происхожденіе и странный говоръ содѣй-

ствуютъ необычайному успѣху въ простодушной и пугливой средѣ.

Въ 90-хъ годахъ одно время газеты много занимались личностью нѣкоего Никодимуса, „батюшки Никодимушки“, въ дѣйствительности носившаго фамилію не то Константина-Оглу, не то Кеворка Иванова. Это черномазый субъектъ, въ клобукѣ и рясѣ, съ красивыми волнистыми волосами и бородой, съ выразительными черными глазами, фигура живописная и яркая, неотразимо дѣйствующая на нервныхъ дебелыхъ купчихъ и благочестивыхъ старушекъ. Выдавалъ онъ себя то за аѳонскаго, то за іерусалимскаго монаха, странствующаго съ благословенія самого іерусалимскаго патріарха. Сколько извѣстно, онъ подвизался преимущественно въ столицахъ: для деревни слишкомъ важная и великолѣпная фигура. Былъ давно на замѣчаніи полиціи, но его выручали вліятельные кліенты и кліентки. Уже въ 1892 году былъ задержанъ за мошенничество, самозванство и подлоги, подъ именемъ Кеворка Иванова. Однако, — говорится въ одной газетной замѣткѣ,—обаяніе его было такъ сильно, что вскорѣ же нашелся благодѣтель, взявшій іерусалимскаго батюшку на поруки. „Батюшка“, разумѣется, немедленно скрылся, перенеся свою дѣятельность въ Бѣлокаменную.

Москва его совершенно не удовлетворила. Черта — нелишенная значительнаго бытового интереса: этотъ несомнѣнно очень компетентный наблюдатель въ своихъ отзывахъ о Москвѣ и Петербургѣ совершенно расходится со всѣмъ, что намъ было извѣстно о знаменитомъ „Замоскворѣчьи“. По его отзывамъ, въ Москвѣ стало гораздо хуже прежняго, тогда какъ наоборотъ въ Петербургѣ еще не перевелись „богомольныя старушки“, охотно привѣчающія странниковъ. Съ этимъ парадоксомъ мы еще встрѣтимся послѣ. Во всякомъ случаѣ въ Москвѣ батюшка Никодимушка отощалъ и предпочелъ вернуться въ Петербургъ, несмотря на опасную извѣстность въ полиціи. Первое время ему дѣйствительно повезло. Черезъ нѣсколько дней онъ успѣлъ уже отправить болѣе 100 рублей своей возлюбленной въ Москву, и на рукахъ у него было много цѣнныхъ даровъ, когда онъ наткнулся на несчастную случайность.

Кромѣ купеческихъ домовъ, онъ посѣщалъ также фабрики и заводы на окраинахъ. Гдѣ-то у Смоленскаго кладбища благочестивый Никодимушка постучался къ огороднику. Огородника этого онъ не зналъ, но ему было извѣстно, что это человѣкъ очень озабоченный спасеніемъ души. Поэтому онъ постучалъ къ нему съ довѣріемъ и привѣтомъ: „міръ дому

сему". Оказалось, что какъ разъ около этого времени у хозяина побывалъ уже нѣкій старецъ изъ Іерусалима, успѣвшій слишкомъ ужъ грубо обмануть его, и огородникъ находился въ періодѣ раздумья и сомнѣній. Услыхавъ, что новый пришелецъ явился тоже изъ Іерусалима, озлобленный огородникъ ничто же сумняся сволокъ его въ участокъ. А тамъ его встрѣтили, какъ стараго, давно жданнаго знакомаго, и (на время, конечно) карьера Никодимуса потерпѣла крушеніе *).

Эпизодъ съ Никодимушкой оживилъ вниманіе къ самозванцамъ этого рода, и на столбцахъ газетъ то и дѣло стали появляться живописныя фигуры того же типа. Такъ, въ селахъ Заславльскаго уѣзда въ декабрѣ того же 1894 года появился субъектъ тоже восточнаго склада, называвшій себя священникомъ изъ Назарета. Онъ собиралъ „на поминовеніе о здравіи и упокоѣ, по таксѣ". До какой степени многимъ кажется соблазнительнымъ поминовеніе въ самомъ Назаретѣ, видно изъ того, что, напримѣръ, одна крестьянка отдала 60 рублей; столько же отдалъ и ея братъ. Назаретскаго гостя принимали очень радушно, „но вотъ теперь (заключаетъ корреспондентъ) разнесся слухъ, что священника этого преслѣдуютъ, какъ самозванца" („Волгарь", 17 дек. 1894).

Въ с. Липцахъ, Харьковскаго уѣзда, въ началѣ поста (1894 года) прошелъ слухъ, что по сосѣднимъ селамъ ходитъ нѣсколько аѳонскихъ монаховъ. Жители съ нетерпѣніемъ ждали ихъ, чтобы внести свою лепту, хотя болѣе интеллигентная часть и относилась недовѣрчиво къ подлинности ихъ званія. Монахи пришли; это оказались оборванцы съ испитыми физіономіями, могущими внушить что угодно, только не уваженіе... Тѣмъ не менѣе, пожертвованія поступали обильно, бабы чуть не толпами шли за благословеніемъ. Одинъ изъ лжемонаховъ показывалъ выжженный на рукѣ крестъ; мужики благоговѣйно крестились и клали въ эту руку кто сколько могъ. Такъ прошло дней 5, послѣ чего „монахи" не выдержали и закутили во всю. Составленъ былъ протоколъ, и дѣло поступило къ земскому начальнику, который приговорилъ ихъ въ тюрьму („Орл. Вѣстн.", № 92, 1894).

Въ іюлѣ 1895 г. писали о двухъ самозванцахъ-сборщикахъ, ходившихъ по Воронежу. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ длинную рясу; приходя въ домъ, они клали на столъ крестъ и разсказывали, что прибыли изъ Іерусалима и собираютъ на бѣдный монастырь, разрушенный турками. На другой день сборщики неизвѣстно куда скрылись, но предварительно про-

*) „Новости", апр. 1894.

пьянствовали на собранныя деньги до глубокой ночи („Нижегородская Почта“, 1895, № 3).

Въ сентябрѣ того же года, два монаха бродили въ Ливнахъ. Набравъ подаяній въ должномъ количествѣ,—отцы тоже вздумали попировать, и въ это время ихъ накрыла полиція. Мнимые монахи оказались персидскими подданными; въ сообществѣ съ ними находилась крестьянская дѣвица изъ Ливенскаго уѣзда, на которой одинъ „монахъ“ обѣщалъ жениться. Составленъ, разумѣется, протоколъ, но въ ту же ночь оба монаха успѣли скрыться („Волгарь“, 12 сент. 1895).

Извѣстій этого рода такое множество, что нѣтъ никакой возможности исчерпать ихъ до конца. Къ тому же они чрезвычайно однообразны: появляются, молятся, вздыхаютъ, разсказываютъ всякую небывальщину, а затѣмъ, закончивъ операцію въ данномъ мѣстѣ, цинично распоясываются и устраиваютъ оргіи, чтобы опять идти дальше и опять встрѣтить то же легковѣріе и простоту. „Съ лица святъ мужъ, а на дѣлѣ вскую шаташеся“—говоритъ давно извѣстная русская поговорка. И идутъ эти вскую шатающіеся люди, идутъ въ подрясникахъ и мурмолкахъ, съ веригами, съ клюками, съ шелепугами, порой съ даромъ пророчествъ и исцѣленій, но всего чаще съ подложными сборными книжками... Точно стая саранчи, налетаютъ они на „святую Русь“ и изъ Персіи, и изъ Палестины, и изъ Турціи, подымаются, наконецъ, изъ собственныхъ нѣдръ нашей жизни, устремляясь на эксплоатацію легковѣрія и искренняго, но непросвѣщеннаго религіознаго чувства. Газеты то и дѣло—вновь и вновь напоминаютъ объ этомъ явленіи. Въ томъ же году по Козелецкому уѣзду бродитъ ободранный „проповѣдникъ Максимъ“, бывшій полковой дьячокъ, прогнанный изъ полка за пьянство, и разноситъ мрачныя пророчества, вознаграждая себя за благочестіе беззастѣнчивыми кутежами въ кабакахъ и трактирахъ. — „Се азъ глаголю вамъ о семъ человѣкѣ, — злобно кидаетъ онъ толпѣ, завидѣвъ среди слушателей интеллигентную фигуру,—яко сей человѣкъ есть самолюбецъ и горделивецъ“ *). Вотъ петербургскаго червоннаго валета московская полиція арестуетъ въ благочестивомъ замоскворѣцкомъ домѣ въ то самое время, когда, облачившись въ епитрахиль, червонный валетъ совершаетъ кощунственную требу **). Вотъ появляется въ глубинѣ Сибири знаменитый странникъ Антоній, „устроитель храмовъ“, и направляется къ столицѣ, предшествуемый молвой. Вотъ, наконецъ, газеты вспоминаютъ

*) „Нижег. Лист.“, № 188.
**) Тамъ же, № 171.

характерный эпизодъ изъ прошлаго, когда сами аѳонскіе келліоты сдѣлались жертвой самозванческаго обмана: „Въ іюлѣ 1890 года нѣкое лицо, выдававшее себя за князя Гедройца, посѣтило Аѳонскую гору, гдѣ всюду показывалось въ камергерскомъ мундирѣ, съ многочисленными орденами (больше иностранными); князя сопровождалъ, въ качествѣ личнаго секретаря, весьма извѣстный (подлогомъ „тибетскаго евангелія“) господинъ, выдававшій своего патрона за лицо, командированное изъ С.-Петербурга оберъ-прокуроромъ св. синода. При этомъ секретарь его сіятельства выманивалъ деньги у многихъ келліотовъ, якобы за хлопоты по дѣламъ ихъ киновій передъ власть имущими въ Россіи“ *).

До какой степени явленіе это широко распространено, показываетъ масса циркуляровъ и воззваній, которыми власти считаютъ нужнымъ предупредить о немъ населеніе. „Неоднократно замѣчается,—писалъ, напр., въ 1894 году смоленскій полиціймейстеръ,—что въ городѣ появляются *персидскіе подданные*, выдающіе себя за грековъ изъ Стараго Іерусалима, которые вымогаютъ у обывателей разными мошенническими путями деньги и устраиваютъ затѣмъ оргіи. Предлагается таковыхъ лицъ немедленно забирать и привлекать къ отвѣтственности“ („Смолен. Вѣстн.“, № 146, 1894 г.). Нѣсколько разъ уже въ газетахъ публиковались извѣщенія отъ министра внутр. дѣлъ и св. синода, направленныя противъ этого зла. „Министромъ внутр. дѣлъ, — читали мы въ газетахъ (въ іюлѣ 1894 года),—было уже сдѣлано распоряженіе, чтобы полицейскія власти, въ случаѣ появленія *какихъ бы то ни было* сборщиковъ на св. мѣста Палестины, — предавали бы этихъ лицъ судебнымъ властямъ для поступленія по закону“.

Въ томъ же году газетами цитировалось интересное сообщеніе об.-прокурора св. синода, гласившее, что „въ Россію ежегодно прибываетъ значительное число *персидскихъ подданныхъ*, преимущественно уроженцевъ Урміи, именующихъ себя лицами духовнаго сана правосл. исповѣданія, тогда какъ, по отзыву нашего консула въ Азеръ-байджанѣ, въ дѣйствительности въ Азеръ-байджанской провинціи нѣтъ ни одного православнаго (всѣ они принадлежатъ къ такъ назыв. несторіанскому вѣроисповѣданію)... Большею частію они выдаютъ себя за посланныхъ *іерусалимскимъ патріархомъ* для сбора на Гробъ Господень, показываютъ ящики, на которыхъ имѣются печати, будто бы патріаршія; продаютъ образки или предлагаютъ поставить у Гроба Господня „годовую свѣчу“ и т. д. „Появляясь вторично у крестьянъ, сдѣлавшихъ болѣе

*) Объ этомъ въ свое время сообщалось въ „Гражданинѣ“ (1893, № 9).

или менѣе значительные взносы, — привозятъ имъ (поддѣльныя, разумѣется) благодарственныя письма“ и при этомъ стараются выманить вновь. Въ иныхъ мѣстахъ эти персидскіе самозванцы, по свидѣтельству цитируемаго сообщенія, *позволяютъ себѣ даже причащать православныхъ.*

Деревня газетъ не читаетъ, съ полиціей сборщики во многихъ мѣстахъ, повидимому, умѣютъ ладить, да и усмотрѣть ихъ всякій разъ полиціи трудно. И идетъ по старому эта черная рать, облагающая обильными данями наше легковѣріе и невѣжество. „Изъ дошедшихъ до министерства свѣдѣній, — читаемъ въ офиціальномъ сообщеніи, — усматривается, что, не смотря на прежнія распоряженія, случаи злоупотребленій по сбору пожертвованій въ пользу іерусалимскаго патріарха продолжаются. Вслѣдствіе этого департаментъ полиціи... сообщаетъ, что единственнымъ уполномоченнымъ іерусалимскаго патріарха въ Россіи состоитъ архимандритъ Арсеній, и другихъ повѣренныхъ отъ Гроба Господня въ Россіи нѣтъ“ (цитирую изъ „Смоленскаго В-ка“, 1895, № 81). А оберъ-прокуроръ св. синода извѣщаетъ съ своей стороны, что самъ іерусалимскій патріархъ обращался черезъ своего представителя къ духовному начальству съ просьбой принять мѣры противъ самозванныхъ сборщиковъ, которые, по его словамъ, „съ прежнихъ успѣхомъ вымогаютъ у простолюдиновъ деньги и цѣнныя вещи посредствомъ обмановъ, сплошь и рядомъ сопровождаемыхъ святотатственными и кощунственными поступками“ („Сам. Газ.“, 1895, 18 іюня).

II.

Аѳонскіе келліоты.

Но особенной настойчивостью и даже дерзостію отличается это нашествіе на русскую простоту со стороны нѣкоторыхъ „святыхъ отецъ“, населяющихъ осіянную издревле таинственной благодатью Аѳонскую гору.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, не получалъ этихъ писемъ? Описывая бѣдственное состояніе скитовъ и келлій, а также нужды спасающихся въ нихъ скитниковъ, авторы просятъ помочь имъ присылкою денегъ, а также сообщить адреса извѣстныхъ своею благотворительностью лицъ, предпосылая при этомъ, конечно, благословеніе св. аѳонской горы. При каждомъ такомъ письмѣ особо прилагается изображеніе Божьей Матери. Въ концѣ письма всегда излагается такса, или же, по выраженію „аѳонскихъ писателей“, чинъ поминовенія; здѣсь обозначается, за какое время поминовенія сколько требуется высылать

денегъ. Въ заключеніе всего прилагается съ печатнымъ адресомъ конвертъ для посылки денегъ и писемъ.

Письма эти порой производятъ истинно потрясающее впечатлѣніе. Вдругъ ни съ того ни съ сего, какая-нибудь малоизвѣстная даже въ своемъ глухомъ городкѣ старушка или простая крестьянка получаютъ привѣтъ и благословеніе съ далекой, таинственной въ своей отдаленности „святой горы“! „У насъ, — писали „Волгарю“ изъ Емагашской волости, Васильскаго уѣзда,—все получаются „восточныя корреспонденціи“ изъ разныхъ келій и обителей Аѳонской горы“... Черемисы при полученіи этихъ писемъ (адресованныхъ съ точнымъ обозначеніемъ уѣзда, волости, деревни и даже скромнаго черемисскаго имени) приходятъ, разумѣется, въ умиленіе, приписывая это обстоятельство чуть ли не сверхъестественной прозорливости аѳонскихъ старцевъ,—и стараются поскорѣе выслать деньги (вложивъ ихъ въ готовый конвертъ)... Нѣкоторые не довольствуются даже и этимъ: считая сборъ для святыхъ старцевъ богоугоднымъ дѣломъ, они ходятъ по деревнямъ съ „аѳонскими письмами“, собираютъ пожертвованія и добросовѣстно отсылаютъ ихъ „на Аѳонъ“. Корреспондентъ самъ встрѣтилъ такого сборщика-добровольца. Онъ зналъ также женщину-келейницу, которая одна набрала и отослала 200 рублей („Волгарь“, 1895, № 78).

Если не ошибаюсь, первый обратилъ общее вниманіе на этотъ походъ святогорскихъ скитниковъ „Сельскій Вѣстникъ“. Въ 1888 году эта газета, которая въ первое время своего существованія была дѣйствительно полезнымъ и безтенденціознымъ органомъ просвѣщенія, заговорила о незаконности присылаемыхъ въ Россію въ громадномъ количествѣ воззваній келліотовъ. Статья произвела впечатлѣніе. Такъ какъ келліоты приглашали посылать пожертвованія черезъ своихъ „довѣренныхъ“, жившихъ въ Одессѣ, то, по распоряженію правительства, было произведено разслѣдованіе. При этомъ было обнаружено восемь такихъ „довѣренныхъ“. Это были: отставной унтеръ-офицеръ Иванъ Зязинъ, крестьянинъ Гавріилъ Шаповаловъ, унтеръ-офицеръ Афанасій Поповъ, крестьянинъ Михаилъ Балашовъ, ефрейторъ запаса арміи Архипъ Коленко, крестьяне Емельянъ Леонтьевъ и Иванъ Домашевъ и отставной урядникъ войска Донского, Иванъ Кульгачевъ. Въ квартирахъ у нихъ были найдены цѣлые склады литографированныхъ воззваній, печати и т. п. принадлежности. *Нѣкоторые изъ нихъ жили съ любовницами*, нѣкоторые были пострижены въ монашество и носили другія имена, какъ принявшіе „аѳонскій чинъ“. Съ половины 1886 г. по іюль 1888 г. ими

было собрано *89,693 р.* Слѣдователями, помимо этого, было отобрано 27,372 р. *).

Это, однако, не прекратило нашествія. Въ послѣднее время,— писали въ „Приазовскомъ Краѣ“, — передъ праздниками поступила масса писемъ (болѣе 200) изъ Константинополя, отъ какого-то отца Матѳія съ братіею для разсылки по земской почтѣ. Всѣ они литографированныя, и во всѣхъ невѣдомый отецъ Матѳій Воронковъ, поздравляя съ праздникомъ, повѣствуетъ о бѣдственномъ положеніи своей обители и приглашаетъ къ пожертвованіямъ „отъ своего усердія“. Въ концѣ приложена и „такса чинопоминовенія“. За 30 рублей отецъ Матѳій поминаетъ васъ вѣчно и ежедневно; за 15 тоже вѣчно, но лишь разъ въ недѣлю, за 5 рублей—по разу въ годъ и т. д. Полиціей эти письма задержаны, такъ какъ обнаружено, что въ Константинополѣ организована цѣлая шайка, которая разсылаетъ во всѣ концы Россіи такія письма, расписывая въ нихъ бѣдственное положеніе несуществующихъ (?) обителей. Въ важнѣйшихъ городахъ Россіи у этой шайки имѣются агенты, собирающіе точные адреса и отправляющіе ихъ въ „главное бюро“.

Интересно при этомъ, что предпріимчивый отецъ Матѳій Воронковъ, недовольный разоблаченіемъ сборщицкихъ махинацій, вступаетъ въ полемику съ разоблачителями, т. е. съ министромъ внутр. дѣлъ и оберъ-прокуроромъ св. синода. Въ Астрахани (по сообщенію „Астрах. Листка“) получена масса писемъ отца Матѳія, „съ перепечатками изъ одной константинопольской газеты, наполненными самыми дерзкими выходками противъ лицъ, предостерегающихъ легковѣрныхъ людей отъ этихъ келліотовъ“. Газетѣ доставленъ одинъ экземпляръ, обнаруживающій далеко не монашескіе чувства и аппетиты („Волгарь“, 1895, № 114). Конечно, эта полемика одной Астраханью навѣрное не ограничилась.

Съ цѣлью контролировать эту „финансовую дѣятельность“ аѳонскихъ монаховъ синодъ распорядился, чтобы всѣ пожертвованія направлялись черезъ его хозяйственное управленіе. Келліоты продолжаютъ и послѣ этого разсылать благочестивыя воззванія. Въ нихъ есть все то же: увѣренія (съ текстами) о „чрезвычайной силѣ поминовенія усопшихъ“ вообще и въ особенности на Аѳонѣ, подробные прейсъ-куранты съ расцѣнками и объявленія о возможности уплаты съ разсрочкой. Но къ этому прибавляется покорная просьба: „деньги черезъ синодъ не высылать, такъ какъ мы ихъ не

*) „Нов. Вр.“; „Ниж. Лист.“, 1904 г., № 15.

получаемъ. Посылайте прямо по почтѣ". Особенно остроумное письмо этого рода было оглашено въ 1900 году въ „Сынѣ Отечества" (№ 36). Исходило оно отъ келліотовъ „Пустынной обители Введенія во храмъ" и предупреждало благочестивыхъ жертвователей, чтобы они свои пожертвованія черезъ синодъ не направляли, „такъ какъ для Св. Сѵнода дѣло передачи пожертвованій оказалось крайне обременительнымъ (!), о чемъ было напечатано отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Сѵнодѣ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" въ 1896 г. № 7. Такъ соизволилъ распорядиться Св. Сѵнодъ, а посему просимъ Васъ послать свои пожертвованія прямо къ намъ, по прилагаемому при семъ адресу... Въ случаѣ же, если при сдачѣ на почту денежныхъ писемъ чиновники почтовыхъ учрежденій по какимъ-либо недоразумѣніямъ не пожелаютъ принять отъ Васъ писемъ только потому, что они адресованы непосредственно въ нашу обитель, то покорнѣйше просимъ увѣдомить насъ отдѣльнымъ письмомъ, по какой именно причинѣ почтовый чиновникъ отказалъ... Всякое уклоненіе отъ обязанностей почтовыхъ чиновниковъ даетъ полное право обращаться на нихъ съ жалобою главному начальству, какъ мы уже дѣлали, и виновные были подвержены къ отвѣтственности".

Въ послѣдующіе годы, когда пересылка пожертвованій по почтѣ встрѣчала все болѣе препятствій, — ловкіе старцы стали командировать въ Россію нарочитыхъ агентовъ, которые производятъ сборъ на мѣстахъ, прибѣгая къ различнымъ, порой очень остроумнымъ пріемамъ. Для воздѣйствія на воображеніе жертвователя они разсылали копіи съ писемъ Іоанна Кронштадтскаго, рекламныя біографіи „святыхъ старцевъ", написанныя и напечатанныя по ихъ же заказу, и т. д. Ихъ агенты лично собираютъ заказы то на „поминовеніе души", то на „вѣчную лампаду", то на „неугасимую свѣчу". Одинъ изъ аѳонскихъ монаховъ, — писалъ корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей" изъ села Велико-Михайловки, Курской губ.,— получивъ здѣсь года два тому назадъ заказы на неугасимую свѣчу (25 руб.),—недавно написалъ своей заказчицѣ, приблизительно, слѣдующее:

— „Тухнетъ твоя, бабушка, неугасимая свѣча. Охъ, много грѣховъ на нашей совѣсти, и свѣтъ-то нашъ ужъ не угоденъ Богу. Поддержи колеблющееся пламя твоей неугасимой свѣчи".

Старушка—въ великомъ горѣ, что и свѣча-то ея не угодна Богу, собрала послѣдніе свои гроши и отправила на поддержаніе готоваго уже потухнуть пламени другіе 25 руб. *)...

---

*) „С.-Петербургскія Вѣд.", 29 іюня 1903 г., № 174.

Другой сборщикъ, какой-то іеромонахъ Парфеній, тоже письменно извѣщаетъ благочестивыхъ жертвователей о чудѣ, доказывающемъ воочію благодатную силу пожертвованій: одинъ жертвователь усумнился и заколебался. Тогда на вѣсы была положена часть просфоры, а на другую чашку клали золотые. Оказалось, что кусочекъ просфоры перетянулъ 500 червонцевъ. Десять писемъ съ извѣщеніемъ объ этомъ „чудѣ“ присланы были крестьянамъ села Ириновки, Сарат. уѣзда, съ энергическимъ запрещеніемъ пересылать деньги черезъ синодъ *). Въ 1908 году въ Одессѣ обнаружена цѣлая организація аферистовъ, разсылавшихъ печатныя воззванія о пожертвованіяхъ для аѳонскаго монастыря. Организація дѣлилась на три партіи, оперировавшія въ различныхъ частяхъ города и получавшія изъ различныхъ мѣстностей обильнѣйшія пожертвованія деньгами, вещами и холстомъ. Накрытые полиціей аферисты доказывали, что всѣ они—послушники аѳонскаго монастыря и командированы настоятелемъ собирать пожертвованія. Въ ихъ квартирахъ найдены огромныя суммы, цѣнности, предметы роскоши, порнографическія открытки и книги, бутылки изъ-подъ водки и т. п. Одинъ изъ участниковъ организаціи успѣлъ даже пріобрѣсти себѣ въ Одессѣ громадный домъ.

Впослѣдствіи оказалось, что всѣ эти „аферисты“—дѣйствительно аѳонскіе монахи. Одинъ изъ нихъ, Авксентій Добровольскій, успѣлъ доказать, что онъ старшій послушникъ пустыни аѳонскаго монастыря св. великомученика Артемія, командированный настоятелемъ монастыря іеромонахомъ Аѳанасіемъ **).

Борьба эта ведется и далѣе сборщиками не безъ успѣха. Такъ, въ „Новомъ Времени“ сообщалось о задержаніи въ Одессѣ полиціей монаха Ниѳонта, при которомъ было найдено 119.000 рублей... Доставленный въ участокъ монахъ предложилъ приставу „пожертвовать 10.000 въ пользу раненыхъ воиновъ, съ условіемъ, что объ остальныхъ деньгахъ не будетъ сообщено мѣстному архіерею“ („Нов. Вр.“, 15 мая 1904 г.), а въ 1903 году хозяйственный департаментъ синода дополнилъ напечатанный ранѣе списокъ „неблагонадежныхъ“ сборщиковъ, на имя которыхъ пожертвованія не отсылаются по назначенію, и въ 1909 году вновь повторилъ этотъ списокъ. Такими „завѣдомо неблагонадежными“ келейниками признаны: Варлаамъ Чернышевъ, старецъ келіи „трехъ святителей“; Мон-

*) „Нижегородскій Листокъ“, 12 апр. 1902 г., № 99.
**) „Рѣчь“, 22 ноября 1908 г., № 285.

сей Буренинъ, старецъ келіи „Рождество Богородицы“; іеромонахъ Иннокентій, старецъ келіи св. Іоанна Предтечи; іеромонахъ Литвиненковъ, старецъ келіи „Возложеніе пояса Божіей Матери“ (есть, значитъ, и такія святыни!); Семенъ Чеботаревъ, старецъ келіи „Иверской Божіей Матери“; Герасимъ, старецъ келіи „Казанской Божіей Матери“...

И, наконецъ, нашъ старый знакомый, строптивый полемистъ Матвѣй Воронковъ, старецъ келіи „Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы“ *)! Почтенный о. Матѳій имѣлъ бы основаніе праздновать пятнадцатилѣтіе со времени перваго синодскаго разоблаченія по его адресу.

III.

Спросъ на чудеса. Чудо въ селѣ Ревезени. Жигулевскіе старцы.

Однако, всѣ эти урмійцы, персы, турецкіе греки, патріаршіе послы и келліоты, раскинувшіе свои хитрыя мрежи на обывательское и главнымъ образомъ крестьянское легковѣріе—далеко еще не самые вредные изъ тѣхъ людей „духовнаго прозванія“, которыхъ задача—эксплоатація темнаго религіознаго чувства.

За ними идетъ гораздо болѣе серьезный и вредный отрядъ самозванныхъ чудотворцевъ. Келліоты и „патріаршіе посланцы“ со своими ящиками, печатями и книжками посягаютъ прямо и непосредственно на мѣдяки и кредитки. „Чудотворцы“, не довольствуясь непосредственными результатами, сѣютъ еще новыя сѣмена невѣжества и суевѣрій. Мрачные слухи и толки, изувѣрскія выдумки, омрачающія простые умы и темныя души,—вылетаютъ отъ нихъ цѣлыми стаями, точно вороны, покрывающіе свѣтъ солнца и каркающіе надъ „святою“, но все еще очень темною Русью.

Въ 1890 году довелось мнѣ идти вмѣстѣ съ богомольцами изъ Саровскаго монастыря въ Понетаевскій южной частью Нижегородской губерніи. Шли мы сначала втроемъ. Мои спутники плелись издалека, обошли много мѣстъ, разыскивая такую святыню, которая подѣйствовала бы именно на ихъ недуги. У одного была „поясничная скорбь“ („схватывало“), у другого „болѣло нутро“. Что именно болѣло, онъ и самъ не зналъ, но только лютое, глубокое страданіе горѣло въ глубинѣ его впалыхъ глазъ.

Шли они тихо и вели печальную бесѣду. Ходятъ они уже долго, свѣту исходили много. Одинъ былъ въ Соловкахъ, оттуда перебрался на югъ матушки Рассеи, въ Новый-Аѳонъ.

*) „Русск. Вѣд.“, 25 мая 1903 г., и „Орл. Вѣстн.“, 29 мая 1909 г.

Да еще не прямо, а черезъ Херсонъ, идя все берегомъ моря, вдоль изогнутой линіи Крыма и Кавказскимъ побережьемъ. Дорогой его все „схватывало“, и онъ отлеживался на камняхъ, да въ татарскихъ сакляхъ... „Спасибо, — нехристи, а тоже Бога помнятъ“...

Нигдѣ не помогло: не услышали молитву Соловецкіе угодники, не подѣйствовало нисколько въ Новомъ-Аѳонѣ. Серафиму Саровскому ставилъ свѣчи, заказывалъ молебны и „панафиды“ въ Дивѣевѣ и въ Саровѣ. Тоже, видно, не можетъ угодникъ помочь противъ этой болѣзни.

Оба мои спутника были увѣрены, что гдѣ-то на Руси, обильной святынями, есть и такая икона, которая сниметъ съ нихъ недуги. Надо только „потрафить“, потому что одна „владычица“ отлично дѣйствуетъ противъ грыжи, но совершенно безсильна противъ „нутра“, другая снимаетъ „присуху“ или порчу, и т. д. Вотъ они шли дорогой, дѣлились своими соображеньями, куда имъ еще направить стопы, какая изъ многочисленныхъ „владычицъ“ можетъ подѣйствовать. Попутно они собирали свѣдѣнія отъ встрѣчныхъ людей.

Въ это время насъ догналъ мужикъ, который бодро шелъ той же дорогой. Его дѣло было „легкое“. Это былъ поклонникъ изъ ближняго села. Онъ далъ въ какомъ-то житейскомъ случаѣ обѣтъ Серафиму Саровскому; угодникъ помогъ ему, и теперь онъ отдалъ свой долгъ: поставилъ свѣчу и отслужилъ молебенъ. Прислушавшись къ скорбнымъ рѣчамъ двухъ спутниковъ, онъ остановился на дорогѣ и сказалъ:

— Стой, братцы! Говорите „слава Богу“. Богъ меня къ вамъ послалъ. Теперь идти вамъ недалеко.

И онъ разсказалъ слѣдующую чудесную исторію. Есть въ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, село Ревезень. И есть въ томъ селѣ, въ рощѣ, часовенка, а у часовенки бьетъ изъ-подъ земли ключикъ. Вода въ томъ ключикѣ чистая, какъ слеза, и въ самую жару холодная, какъ ледъ. И у той часовенки вотъ уже много лѣтъ является святой старецъ, отшельникъ, дающій благословеніе народу. Есть гдѣ-то у того старца и пещера, но никто и никогда ее не видалъ. Роща невелика, черезъ рощу пролегаетъ овражекъ. Исходили ту рощу окрестные жители вдоль и поперекъ, но пещеру не видали. Появляется старецъ въ ночное время изъ рощи, благословляетъ и возлагаетъ руки, совѣтуетъ и исцѣляетъ. Потомъ прикажетъ пасть ницъ и молиться. А когда люди отмолятся, подымутъ глаза,—старца ужъ нѣтъ.

Чего же лучше! Надо идти туда. Ежели старецъ самъ не исцѣлитъ, то навѣрное укажетъ такую икону, которая имѣетъ

силу противъ этихъ болѣзней. Общеніе съ старцемъ имѣетъ келейница Устинья. Разыскать ее въ селѣ нетрудно. Дать ей „по силѣ возможности“, она вечеромъ поведетъ на ключъ къ часовнѣ. Поставитъ человѣка на колѣни, сама уйдетъ. Человѣкъ стоитъ на колѣняхъ, молится. Кругомъ лѣсъ шепчетъ, да ключикъ журчитъ. И вдругъ чувствуетъ человѣкъ,—кто-то возложилъ ему руку на голову... Много уже было чудесъ отъ невѣдомаго угодника.

Это было такъ поразительно, что вся наша маленькая группа остановилась на пыльной дорогѣ и слушала, какъ зачарованная, разсказъ о близкомъ и осязаемомъ „чудѣ“. И я тоже. Разсказъ былъ простъ и ясенъ. Разсказчикъ очевидно старался дать людямъ благожелательный совѣтъ: зачѣмъ имъ въ самомъ дѣлѣ ходить наугадъ, когда спасеніе такъ близко: въ Ревезени...

Богомольцы приняли совѣтъ съ благодарностью. Они спросили, далеко ли будетъ то село Ревезень, какой волости и какъ туда пролегла дорога, на какія деревни и села? Затѣмъ, при первомъ же проселкѣ, убѣгавшемъ съ нашей дороги въ нужную имъ сторону, оба немощные поклонились намъ, пожелавъ счастливаго пути „со Господомъ“, а сами побрели проселочкомъ искать села Ревезени, ручья, часовенки и чуда.

Я смотрѣлъ имъ вслѣдъ, и меня сильно потянуло за ними. Но мнѣ стало стыдно. Мой маршрутъ былъ составленъ, и неужели я отступлю отъ него лишь затѣмъ, чтобы лишній разъ убѣдиться, что прохожіе на дорогахъ разсказываютъ всякія бредни. И я пошелъ своей дорогой на Понетаевку.

А черезъ нѣкоторое время въ мѣстной нижегородской газетѣ появилось слѣдующее сообщеніе *).

Близъ села Ревезени стоитъ часовня, гдѣ въ продолженіе цѣлыхъ 30 лѣтъ (!) являлся схимникъ... Посредницей между народомъ и схимникомъ была нѣкая Устинья Балакирева, она же Бѣсова. Съ нѣкоторыхъ поръ, однако, старецъ и его чудесныя появленія возбудили подозрѣніе въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе „свободныхъ умахъ“ Ревезени. Къ числу сомнѣвающихся,—пишетъ корреспондентъ,—принадлежалъ и крестьянинъ с. Ревезени Иванъ Сергѣевъ Наддаевъ, давно искавшій случая провѣрить свои сомнѣнія.

И вотъ, однажды увидѣлъ онъ, что подъ вечеръ мимо его избы проѣхала Устинья Балакирева, съ двумя неизвѣстными женщинами, по направленію къ Лопаринской часовнѣ. „Значитъ, сегодня ночью появится народу схимникъ“—сообразилъ

*) „Волгарь“, 1891, № 150.

Наддаевъ и, захвативъ съ собою еще двухъ скептиковъ, Блажнова и Маіорова (навѣрное учились въ „земской школѣ“), отправился съ ними къ той же Лопаринской часовнѣ. Въ то время, какъ они подошли къ мѣсту, схимника окружало уже болѣе 20 человѣкъ крестьянъ, принимавшихъ отъ старца благословеніе, стоя на колѣняхъ. Когда схимникъ, кончивъ свое дѣло, хотѣлъ уходить, къ нему подошли Наддаевъ, Блажновъ и Маіоровъ съ просьбой показать имъ его пещеру. Схимникъ отвѣтилъ, что для этого имъ необходимо предварительно поститься 40 дней и ночей.—„Гдѣ ужъ намъ столько времени поститься. Люди мы немощные, покажи теперь“, — присталъ Блажновъ. Схимникъ молча пошелъ въ лѣсъ, но Блажновъ съ товарищами, да еще кое-кто изъ крестьянъ не отставали. Они долго бродили по лѣсу (ночью), пока не свалились въ оврагъ. Когда они выбрались оттуда, — старецъ, уставшій отъ ходьбы, легъ на землю, а Маіоровъ случайно наткнулся въ кустахъ на женскую шубу, которую крестьяне признали принадлежащей Устиньѣ. Тогда подозрѣнія, конечно, усилились, стали просить старца вызвать Устинью, и, наконецъ, Блажновъ, осмѣлившись, приподнялъ скуфью на головѣ отшельника. Подъ скуфьей оказались женскіе волосы, и черезъ минуту передъ крестьянами предстала Устинья съ бородой изо льна!

Финалъ этой исторіи разыгрался на судѣ, въ гор. Княгининѣ. Судъ призналъ Устинью Иванову Балакиреву виновной въ томъ, что она съ корыстною цѣлью выдавала себя за схимника, употребляя для обмана предметы христіанскаго богослуженія. Приговоръ—8 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и церковное покаяніе. Обманъ длился много лѣтъ, и Балакирева успѣла за это время скопить изрядное состояніе.

Когда я читалъ этотъ прозаическій финалъ ревезенскаго чуда, — мнѣ вспомнилась истомившаяся отъ зноя дорога, солнце, палящее желтыя нивы, синяя полоса саровскихъ лѣсовъ на горизонтѣ и обожженныя солнцемъ фигуры болящихъ, жадно внимавшія вѣсти о близкомъ избавленіи... Что унесли они съ ревезенскаго ключика, и долго ли еще ходить имъ по бѣлому свѣту отъ чуда къ чуду?..

А чудесъ на святой Руси еще много. Есть на Волгѣ мѣсто, называемое Жигулями. Волга течетъ здѣсь, какъ въ трубѣ, между горами, покрытыми лѣсомъ, и когда-то это мѣсто славилось разбоями. Начиная отъ Сторожевого кургана подъ Ставрополемъ и кончая Царевымъ курганомъ недалеко отъ Самары, — каждая гора и каждый оврагъ носятъ названія какого-нибудь атамана, и всѣ Жигули обвѣяны разбойными

преданіями. А извѣстно, — гдѣ грѣхъ, тамъ и покаяніе. Поэтому мнѣ разсказывали волжскіе капитаны въ 90-хъ годахъ, будто въ жигулевскихъ буеракахъ еще и тогда можно было наткнуться на одинокіе огоньки въ глубинѣ пещеръ и увидѣть старцевъ, стоящихъ на молитвѣ. Только это будто бы уже послѣдніе, которыхъ еще не прибралъ Господь, „лѣтъ по сту и болѣе“.

Кромѣ того, я слышалъ много разъ, что съ плывущихъ по волжскому стрежню межъ Жигулями плотовъ и барокъ часто видятъ древнихъ старцевъ, которые выходятъ изъ ущелій, разстилаютъ на берегу бѣлые платы и кланяются. Съ барокъ и плотовъ отряжаютъ лодки; тогда старцы уходятъ въ лѣсъ, а бурлаки кладутъ на бѣлые платы подаяніе: хлѣбъ и мѣдныя деньги на лампадное масло.

Въ 1899 году я проплылъ межъ Жигулей въ лодкѣ, бродилъ по ущельямъ и разспрашивалъ мѣстныхъ жителей. Одинъ изъ лѣсниковъ, служащихъ въ имѣніи гр. Орлова-Давыдова, разсказалъ мнѣ объ этихъ „тайнахъ“ жигулевскихъ ущелій. По его словамъ, въ Жигуляхъ дѣйствительно до сихъ поръ по временамъ полиція и лѣсная стража натыкаются на землянки, въ которыхъ скрываются „безпаспортные“, а старцы, стоящіе на берегу, выходятъ изъ черемисскаго села, и для нихъ это является постояннымъ промысломъ.

Теперь можетъ быть все это перевелось уже окончательно, но въ 1895 году даже въ городѣ Самарѣ на Жигулевскія горы, синѣющія полоской на горизонтѣ, многіе смотрѣли съ чувствомъ нѣкотораго благоговѣнія. Между прочимъ забрелъ съ этихъ горъ и одинъ изъ „отшельниковъ“.

Это былъ нѣкій Инчинъ, дѣтина лѣтъ 38, не менѣе 10 вершковъ ростомъ, здоровый и крѣпкій. Озябшій и совершенно босой — онъ пришелъ на кухню самарской обывательницы Шарыхиной и разсказалъ кухаркѣ Татьянѣ Соболевой, что онъ отшельникъ изъ-за Волги, что уже 15 лѣтъ онъ живетъ въ пещерѣ со старцемъ Савельемъ, которому теперь ровно 130 лѣтъ отъ роду.

Пещера та ископана глубиной 200 саженъ, и живутъ они въ ней зиму и лѣто безъ одежи, а старецъ Савелій, кромѣ того, во славу Господню, носитъ еще на ногахъ „желѣзныя калоши“ въ $1^1/_2$ пуда вѣсомъ каждая калоша; да и весь старецъ Савелій обмотанъ желѣзными цѣпями. Кухарка Соболева, разумѣется, прослезилась и дала отшельнику нѣсколько аршинъ полотна (постилать на берегу) да на масло 30 коп. На кухнѣ стали собираться еще женщины, которыя тоже давали „на масло“. Потомъ босой отшельникъ попалъ въ бѣлую половину, къ самой Шарыхиной, гдѣ опять при-

нялъ даяніе. А вечеромъ благочестивая Соболева, увидѣла пустынника въ сообществѣ пустынницы въ кабакѣ, очень весело проводившихъ время. Потомъ—участокъ и судъ. На судѣ, когда негодующая Соболева разсказывала о старцѣ 130 лѣтъ, носящемъ калоши въ $1^1/_2$ пуда, въ камерѣ мирового судьи стоялъ хохотъ. Смѣялась публика, смѣялся судья, смѣялся даже и самъ отшельникъ, который, весело улыбаясь, ушелъ изъ камеры въ тюрьму („Самарская Газета", № 262, 1895 г.).

Такъ перевелись чудесные старцы въ Жигуляхъ. Но на Руси повидимому они еще очень живучи. Народъ вѣритъ въ возможность и близость чудесъ, жадно ихъ ищетъ... А гдѣ есть такой сильный спросъ, тамъ, понятно, является и предложеніе.

IV.

Босоногіе странники. Юродивые, пророки и чудотворцы.

Въ неисчислимомъ людскомъ потокѣ, круглый годъ переливающемся по дорогамъ, ведущимъ къ монастырямъ и чудотворнымъ иконамъ,—слѣдуетъ различать три замѣтныхъ группы.

Это, во 1-хъ, „поклонники", крестьяне или мѣщане изъ ближайшихъ къ монастырямъ деревень и городовъ, идущіе на поклоненіе своей мѣстно чтимой иконѣ, въ перемежкахъ между работами. Далѣе—это „богомольцы", бредущіе издалека и порой переходящіе изъ монастыря въ монастырь по обѣту или для избавленія отъ болѣзней. Наконецъ—это „странники", всю свою жизнь мѣряющіе дороги, очень плохо принимаемые въ монастыряхъ, братія которыхъ всегда косится на этихъ „полудуховныхъ" бродягъ, въ мурмолкахъ и подрясникахъ, какъ будто намекающихъ въ глазахъ толпы на принадлежность къ монашескому званію; въ сущности они чувствуютъ глухую вражду къ настоящимъ монастырскимъ обитателямъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ сами они монастырскіе изгнанники, тщетно старающіеся вновь попасть въ спокойную келію, а порой искренно разочарованные въ монастырской жизни и не умѣющіе приспособиться „къ міру".

Эта среда представляетъ уже очень глубокое бытовое явленіе, и, конечно, русскую дорогу, особенно лѣтомъ, долго еще будетъ трудно представить себѣ безъ живописной фигуры такого странника, бредущаго въ мурмолкѣ, съ посохомъ, въ длинномъ подрясникѣ, вдоль тракта или проселкомъ между созрѣвающими хлѣбами. Лѣтомъ они бродятъ изъ монастыря въ монастырь, при чемъ монастырскіе „отцы гостинники" зорко наблюдаютъ, чтобы „шатающіе" не заживались болѣе 3-хъ дней на даровой трапезѣ. Въ привольныхъ саровскихъ

лѣсахъ лѣтомъ заводятся цѣлые таборы „странниковъ“ и „странницъ“, проводящихъ время болѣе или менѣе беззаботно за счетъ легковѣрія окрестныхъ жителей и богомольцевъ. Осень выгоняетъ ихъ оттуда искать на зиму пріюта въ городскихъ притонахъ—и тогда дороги около крупныхъ монастырей усѣяны ихъ жалкими озябшими фигурами. „Точно осенній листъ по вѣтру,—такъ ихъ несетъ въ сентябрѣ изъ лѣсу“—образно и съ сожалѣніемъ въ голосѣ говорила мнѣ благодушная дивѣевская инокиня, сознававшая, что это жизнь очень грѣховная, но и очень несчастная...

Народъ любитъ, по старой памяти, эту бродячую, но бывалую голь, и на этой почвѣ выростаютъ еще удивительные типы.

Въ дер. Ѳедоровкѣ, Лаишевскаго уѣзда, среди деревенскихъ обывателей есть нѣкто Гаврила Михеичевъ,—пишетъ корреспондентъ „Волжскаго Вѣстн.“ (№ 138, 1894).—Въ лѣтнее время это просто торговецъ на базарѣ въ с. Алексѣевскомъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ торговцевъ. Но у него есть особый талантъ, которымъ онъ пользуется зимой. Онъ умѣетъ, *не простуживаясь, ходить босымъ по снѣгу*. И вотъ, съ наступленіемъ холодовъ онъ отправляется въ одеждѣ странника, босой, по деревнямъ. Тамъ, подъ видомъ старца, не то съ Аѳона, не то съ другихъ святыхъ мѣстъ—читаетъ крестьянамъ какую-то книжку, поетъ каноны и молитвы и т. д. Темный людъ надѣляетъ его чѣмъ можетъ, а съ наступленіемъ весны Михеичевъ возвращается къ семьѣ, сортируетъ добычу и въ первую же пятницу выступаетъ опять въ качествѣ торговца на базарѣ. Талантъ, разумѣется, дается не всякому. Пробовалъ Михеичевъ „пріучить къ своему дѣлу“ своего односельца, но тотъ простудился и умеръ. Уговаривалъ другихъ,—дѣло, молъ, нетрудное, а прибыльное („даже и пачпорта святому человѣку не требуется“. Какой тутъ пачпортъ, ежели человѣкъ босой по снѣгу ходитъ!). Но болѣе охотниковъ не сыскалось.

Не сыскалось впрочемъ только въ Ѳедоровкѣ. Въ разныхъ другихъ мѣстахъ это искусство процвѣтаетъ съ большимъ успѣхомъ. Въ 1901 году въ Смоленскѣ, напримѣръ, появился рабъ Божій Аѳанасій, выдававшій себя за посланника отца Іоанна Кронштадтскаго. Онъ тоже ходилъ по снѣгу босой и изъ полученныхъ денегъ одѣлялъ нищихъ. Этого достаточно, чтобы простые люди повѣрили его святости. Пожертвованья льются рѣкой. На видъ это здоровенный мужчина, лѣтъ 35, съ полными щеками и бѣгающими глазами; волосы носитъ длинные, одѣтъ въ солдатскую шинель. Босикомъ по снѣгу

ходитъ съ 6-ти лѣтъ. По его словамъ, было ему сонное видѣніе: „крестъ и евангеліе“. Объ этомъ онъ разсказалъ Іоанну Кронштадтскому, который и благословилъ его на подвигъ: ходить босикомъ и учить народъ (!). Выдержавъ предварительно сорокадневный постъ, Аѳанасій поступилъ въ число посланниковъ о. Іоанна. Таковыхъ у о. Іоанна семь. Они ходятъ по Россіи и отъ времени до времени являются въ Кронштадтъ съ отчетами *).

Такой же подвижникъ босого хожденія появился въ 1905 году въ ст. Курганной, Кубанской области. По документу онъ— житель с. Темнолѣсскаго, Майкопскаго отдѣла. Одѣтый въ рубище, едва прикрывающее тѣло, съ длинными космами волосъ и въ веригахъ, онъ ходитъ босой въ трескучій морозъ и наводитъ благоговѣйный трепетъ, особенно на женщинъ. Многія видѣли вокругъ головы „Микиты“ сіяніе въ видѣ „рай дуги“ (радуги). Нерѣдко при появленіи на улицѣ „святого“ женщины падаютъ ницъ и цѣлуютъ его ноги. Между прочимъ, его спеціальность—излѣченіе отъ безплодія. Стоитъ „Микитѣ“ пошептать надъ женщиной, чтобы она „понесла“. По всѣмъ признакамъ — большой плутъ. Между прочимъ— онъ грамотенъ, но безъ зазрѣнія совѣсти увѣряетъ, будто нигдѣ не учился, а даръ грамоты получилъ отъ Божіей Матери.

— Когда мнѣ данъ былъ Христомъ даръ хожденія необутыми стопами въ морозъ по снѣгу,—говоритъ онъ,—то душа моя скорбѣла, что не умудренъ грамотѣ и не могу „честь“ слово Божіе. И горько, и много я плакалъ и просилъ „со слезами и воздыханіемъ“ умудрить меня „честь“ книги. Вотъ разъ стою передъ храмомъ, молясь за весь крещеный міръ, и на молитвѣ уснулъ. Вдругъ вижу сіяніе необыкновенное, и является мнѣ сама Царица Небесная, даетъ мнѣ книгу и говоритъ: „чти, Микита, рабе мой“.

— Не могу чести, Госпоже Богородице, говорю съ скорбнымъ сердцемъ, ибо не умудрилъ меня Господь.

— Господь не умудрилъ, такъ я приказую. Чти!

— И открылись грѣшныя очи мои и возумѣлъ я читать,— вретъ далѣе Никита,—съ тѣхъ поръ и грамотнымъ сталъ.

Бабы умиляются и плачутъ...

Иногда на Микиту находитъ вдохновеніе и онъ начинаетъ „пророчествовать“, но говоритъ запутанно и непонятно **).

Какъ видите, это типъ, принимающій на себя видъ „юро-

---

*) „Юж. Об.“, 9 февр. 1901 г.
**) „Спб. Вѣд.“, 10 февраля 1905 г.

диваго“, знакомаго нашей старинѣ и идеализированнаго исторической поэзіей. Рѣдкая старинная повѣсть, романъ или драма обходились безъ юродиваго, устами котораго вѣщаетъ таинственная глубина народной мудрости. Если вѣрить поэтамъ—древняя Русь благоговѣйно внимала этимъ загадочнымъ словесамъ, раздававшимся по селамъ, на дорогахъ, а иногда гремѣвшимъ на-встрѣчу царямъ на площадяхъ столицы, подъ торжественный звонъ колоколовъ...

Теперь, конечно, не такъ ужъ легко встрѣтить истиннаго юродиваго на свободѣ. Современная Русь находитъ для нихъ мѣста въ домахъ для умалишенныхъ, но все же порой мелькаетъ этотъ типъ и на рубежѣ XX-го столѣтія. Одинъ изъ такихъ пережитковъ старины былъ задержанъ въ 1901-мъ году въ Москвѣ, гдѣ онъ тотчасъ же обратилъ на себя бдительное вниманіе полиціи своимъ страннымъ видомъ и одѣяніемъ. Между прочимъ на головѣ у него была огромная шапка казачьяго покроя. Въ участкѣ онъ назвался крестьяниномъ Курской губ. Иваномъ Погорѣлымъ, а насчетъ занятія объяснилъ прямо, что спеціально занимается „юродствомъ“, чѣмъ и добываетъ, переходя изъ города въ городъ, средства къ жизни. При осмотрѣ оказалось, во-первыхъ, что шапка этого странника представляетъ изъ себя цѣлый складъ провизіи и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, необходимыхъ для изготовленія горячей пищи гдѣ-нибудь въ полѣ или у дороги (вѣсъ ея достигалъ около пуда!). А во-вторыхъ, на тѣлѣ странника оказались тяжелыя вериги, отъ которыхъ образовались незаживающія раны... По его словамъ, онъ съ дѣтства былъ подверженъ обморокамъ. Немного странно, что на все время военной службы обмороки эти прошли, а потомъ опять возобновились. Поэтому онъ началъ странствовать по монастырямъ и во время этихъ скитаній встрѣтился съ какимъ-то странникомъ, который носилъ монашеское одѣяніе и былъ извѣстенъ подъ именемъ „Сергія Тифлисскаго“. Послѣдній, очевидно человѣкъ проницательный, опытнымъ глазомъ опредѣлилъ призваніе раба божія Ивана Погорѣлаго. Получивъ отъ сего Сергія „благословеніе на юродствованіе“, Погорѣлый надѣлъ вериги и съ тѣхъ поръ добросовѣстно исполняетъ свое предназначеніе, приспособивъ шапку къ надобностямъ своего бродячаго образа жизни *).

Свидѣтельствовавшій Погорѣлаго врачъ призналъ его ненормальнымъ. Онъ былъ выпущенъ на свободу, при чемъ начальство зачѣмъ-то конфисковало не только вериги,—что по-

*) „Южное Обозр.“, 27 сент. 1901 г.

жалуй понятно, — но и приспособленную для дорожныхъ удобствъ шапку!

Это, конечно, своего рода праведникъ среди тучи юродствующихъ проходимцевъ. Главою онъ, повидимому, дѣйствительно скорбенъ и тифлисскій прозорливецъ опредѣлилъ совершенно вѣрно, что ни на что болѣе сей Иванушка не годится, какъ только для того, чтобы носить вериги и удивлять православный народъ вѣсомъ и размѣрами своей шапки. Никакой дальнѣйшей иниціативы и никакого личнаго творчества онъ не проявлялъ, довольствуясь пассивнымъ сборомъ подаяній.

Есть, конечно, и еще такіе юродивые простецы. Въ дальнѣйшемъ мы еще познакомимся съ однимъ изъ такихъ представителей таинственной народной мудрости. Но гораздо чаще привлекаютъ на себя вниманіе люди болѣе простого типа, вземлющіе на себя званіе юродивыхъ прорицателей самозванно. „Нашъ городъ (Корчева) издавна служитъ пріютомъ всевозможныхъ блаженненькихъ и прочаго вида дармоѣдовъ“,— такъ сурово и раздраженно характеризовалъ, напримѣръ, своихъ земляковъ корреспондентъ „Сына Отечества“ (3 ноября 1898 г.). „Съ нѣкотораго времени,—продолжаетъ онъ,—у насъ появились двое „юродивыхъ“. Одинъ въ какомъ-то длинномъ-предлинномъ одѣяніи, а другой въ одномъ „исподнемъ“ бѣльѣ.

Замѣчательно при этомъ, что обаяніе карачевскихъ юродивыхъ нисколько не уменьшалось отъ того обстоятельства, что они напивались въ лоскъ на глазахъ у жертвователей. Это вообще старинная привилегія юродивыхъ, и въ этомъ часто тоже усматривается какой-то скрытый и возвышенный смыслъ.

Въ 1901 году въ „Самарской Газетѣ“ писали о слѣдующемъ случаѣ: два босяка, носившіе выразительныя клички „Петьки Бури“ и „Петьки Цирка“, надѣли монашескія одѣянія, достали откуда-то вериги и въ такомъ видѣ стали посѣщать „самарскихъ крупчатниковъ“, напоминая имъ о грѣхахъ, о возможной кончинѣ міра и о томъ, что подаяніе можетъ сильно облегчить для нихъ будущую отвѣтственность. Почтенные крупчатники оказались очень воспріимчивыми къ божественнымъ глаголамъ. „Буря“ съ „Циркомъ“ работали отлично и плоды своихъ трудовъ отдавали на храненіе мѣстному торговцу на берегу Волги. Пронюхавшая объ этомъ предпріятіи полиція, при обыскѣ, нашла въ своеобразномъ банкѣ 950 рублей, которые оказались принадлежащими праведнымъ „Бурѣ“ и „Цирку“ („Сам. Газ.“, 10 сент. 1901 г.).

Такими полуюмористическими происшествіями отъ времени до времени оживляется въ общемъ довольно мрачная кар-

тина этихъ пророчествъ, проповѣдей и прорицаній. Особенно благодарная тема для нихъ — близкое „скончаніе міра“. Въ концѣ 1894 года, въ Новомъ-Куванѣ, Бугульминскаго уѣзда, появился странникъ, возвѣщавшій близкое свѣтопреставленіе. Онъ носилъ съ собой ящикъ (панораму), гдѣ освѣщенныя восковой свѣчкой потрясающія картины страшнаго суда являлись передъ испуганными зрителями... Получивъ лепту, странникъ уносилъ конецъ міра дальше („Сам. Газ.“, 1895, № 9).

Такой же пророкъ собиралъ въ 1901 году обильную жатву въ Карачевскомъ уѣздѣ. „Въ село Мѣловое, — писалъ корреспондентъ „Нижег. Листка“ (12 окт. 1901 г.), — пришелъ какой-то молодой человѣкъ, увѣшанный желѣзными и деревянными крестиками. Онъ сразу же объявилъ себя „посланникомъ небесъ“, предсказывалъ скорый конецъ міра и совершалъ чудеса... на картахъ, на стаканѣ воды и т. д. Простодушные сельчане, никогда не бывавшіе въ циркахъ, были поражены „сверхъестественными явленіями“. Собравъ обильную дань, чудотворецъ благословилъ толпу и удалился — гремя и звеня крестиками и напѣвая гнусавымъ голосомъ: „Волною морскою скрывше издревле“...

„Такъ, — прибавляетъ корреспондентъ, — „посланникъ небесъ“ обошелъ всѣ окрестныя деревни и всюду пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ“.

Однако, общій тонъ пророческаго самозванства этого типа далеко не такой юмористическій и сравнительно благодушный. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ корреспондентъ „Черноморскаго Побережья“ прибытіе въ Новый-Аѳонъ „схимника Серафима блаженнаго“. Почтенный подвижникъ прибылъ къ празднику Покрова, когда народъ тысячами собирается на богомолье. „Въ рубищѣ, босикомъ, съ растрепанными длинными волосами и всклокоченной бородой, обвѣшанный крестами и цѣлымъ ассортиментомъ таинственныхъ амулетовъ, схимонахъ повергалъ въ полное умиленіе простодушныхъ богомолокъ. На немъ висѣла рука, „когда-то заушавшая Христа“ (настоящая сушеная человѣческая рука), лѣстница, по которой восходили для снятія Спасителя со креста, платокъ съ головы Божіей Матери, лоскутъ пелены съ гроба Господня и многое другое“.

И вдругъ общее вниманіе привлекли крики какой-то женщины, громко молившей „блаженнаго“ объ исцѣленіи. Появившійся откуда-то странникъ тоже ходатайствовалъ передъ „схимникомъ“ объ исцѣленіи болящей, одержимой бѣсами. „Блаженный“ подошелъ къ женщинѣ и сталъ читать заклинанія, приказывая бѣсу выйти изъ больной. Заклинанія возы-

мѣли дѣйствіе неожиданное: въ женщинѣ оказались цѣлыхъ два бѣса, которые и изгнаны изъ нея съ позоромъ въ присутствіи огромной толпы. Часть присутствующихъ богомольцевъ кинулась на колѣни, а затѣмъ, по приглашенію странника, — посыпались пожертвованія... Схимонахъ Серафимъ началъ раздавать свои карточки (какъ фокусники раздаютъ свои рекламы)...

Чудо очень заинтересовало ново-аѳонскаго урядника, повидимому человѣка довольно расторопнаго, который „усомнился", не только въ подлинности чудесъ, но еще болѣе въ томъ, какъ взглянетъ на эти самовольныя чудеса его начальство. Тронуть святого тотчасъ же онъ не рѣшился, боясь наэлектризованной толпы, но ночью схимонахъ, странникъ и исцѣленная женщина были разысканы и приглашены къ допросу. Это оказалась одна компанія. „Исцѣленная" женщина заявила, что вообще она здорова, но бѣсы залѣзаютъ въ нее каждый разъ при посѣщеніи монастырей. „Дома же хоть 10 лѣтъ просиди, они ее не трогаютъ". Странникъ оказался простымъ подручнымъ, а у самого „схимонаха" найдено много заготовленныхъ чудесъ, въ томъ числѣ просфоры съ запеченными въ нихъ золотыми. Кромѣ того при немъ оказалось клише для портрета съ разрѣшительною подписью: „Печ. дозв. Апрѣля 11 дня 1905 г. Цензоръ ректоръ Виѳ. Дух. семинаріи прот. А. Бѣляевъ. Тип. Св.-Тр. Серг. Лавры".

На слѣдующій день корреспондентъ присутствовалъ при отправленіи „блаженнаго Серафима" и его сообщника подъ конвоемъ въ Гудауты. Юркіе, какъ мыши, глаза „схимонаха" были прикрыты синими очками. Оба арестованные чувствовали себя довольно увѣренно и видимо не были озабочены своей участію. Пара рослыхъ, сытыхъ монастырскихъ лошадей весело рванула съ мѣста линейку, послушникъ въ кучерскомъ кафтанѣ со скуфейкой на головѣ лихо подобралъ возжи, и чудотворецъ со своей свитой быстро скрылся изъ глазъ *).

Въ 1897 году „самозванный пророкъ" появился въ Рогачевскомъ уѣздѣ (Могил. губ.). Онъ именовалъ себя „смиреннымъ старцемъ Самуиломъ, священникомъ новаго священства"... Нацѣпивъ на себя кресты, онъ ходилъ по деревнямъ, служилъ молебны и панихиды и по временамъ тоже „юродствовалъ": топталъ иконы, плевалъ на нихъ, и это ему сходило съ рукъ. Кромѣ того, онъ еще ревизовалъ церковноприходскія школы грамоты! Это интересное извѣстіе заимство-

*) „Черном. Побережье", 13 окт. 1905 г.

вано изъ офиціальнаго источника: оно перепечатано изъ „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ *).

Въ мартѣ 1902 въ Екатеринославскомъ окр. судѣ судили „юродиваго“ Михаила Бакуревича. „Одѣтый въ какое-то рубище,—писали по этому поводу въ „Екатериносл. Листкѣ“,—онъ полуобнажилъ свою грудь, и на ней виднѣлась частая сѣть изъ толстыхъ желѣзныхъ, вдавленныхъ въ тѣло прутьевъ. Тяжелый желѣзный крестъ рельефно выдѣлялся изъ этого панцыря; ноги его до ступней были совершенно обнажены и густо обмотаны веревками, также сильно врѣзавшимися въ тѣло. Присяжные, однако, послѣ минутнаго совѣщанія признали его виновнымъ въ кражѣ **).

Не останавливаясь подробно на множествѣ подобныхъ примѣровъ, упомяну еще вскользь о появленіи „великаго подвижника Митрофанія“ около села Кочержинецъ (не знаю какой губерніи), который принялся рыть пещеры и пытался основать „скитъ“. Онъ оказался крестьяниномъ села Кочержинецъ Митрофаномъ Колѣнчукомъ и промышлялъ исцѣленьями ***).

Въ февралѣ 1903 года въ подворье Полоцкаго женскаго монастыря, въ 3-хъ верстахъ по Петербургскому шоссе, заявился неизвѣстный монахъ, который, не представивъ никакого удостовѣренія о личности, присвоилъ себѣ власть надъ подворьемъ и вскорѣ же привлекъ цѣлыя толпы поклонниковъ. На вопросъ о званіи, предложенный полиціей, къ которой обратилась завѣдывавшая подворьемъ монахиня,—онъ отвѣтилъ, что онъ „миссіонеръ, епископъ Тихонъ съ Сахалина“ и кромѣ того—„ангелъ Божій“ ****). Свои права онъ повидимому основывалъ на томъ, что ему была извѣстна тайна, отдававшая въ его владѣніе сердца простодушной толпы.

И такъ далѣе, и такъ далѣе! Онъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,—въ Москвѣ и въ Рогачевѣ, въ Новомъ-Аѳонѣ и въ Петербургѣ на-встрѣчу этому смѣлому бытовому шарлатанству идетъ слѣпое довѣріе... являются чудесныя знаменія...

Самая земля пещеръ, вырытыхъ какимъ-нибудь „Коленчукомъ Митрофаніемъ“, творитъ исцѣленія даже послѣ того, какъ сами чудотворцы уже сидятъ въ кутузкахъ, а надъ пещерами многіе видятъ огненные столбы, подымающіеся къ небу...

---

*) Перепечатано въ „Нижег. Листкѣ“, 18 іюня 1898 г.
**) „Екатерин. Листокъ“, мартъ 1912 г.
***) „Ниж. Лист.“, 25 янв. 1902 г.
****) „Ниж. Лист.“, № 43, 13 февр. 1903 г.

V.

„Пустосвятъ Кривуша“.—„Монашеская шайка“.—„Душитель Ѳедотушка“.

И хорошо еще, если эти воистину блудящіе огни знаменуютъ только пустое шарлатанство, руководимое корыстью и стяжаніемъ. Въ 1894 году въ V отдѣленіи кіевскаго окружнаго суда судился нѣкто Николай Кривуша. Жизнеописаніе его чрезвычайно интересно. Это сынъ нотаріуса мѣстечка Добрянки, Черниг. губ. Учился онъ въ черниговской, а затѣмъ въ кіевской гимназіи, потомъ самовольно ушелъ изъ гимназіи и три года скитался неизвѣстно гдѣ. Потомъ вернулся и поступилъ въ духовную семинарію, гдѣ обращалъ на себя вниманіе не только набожностью, но и прямо ханжествомъ. Впослѣдствіи одинъ игуменъ, одинъ іеродіаконъ и одинъ миссіонеръ засвидѣтельствовали, что набожность эта „была напускная“, но это именно впослѣдствіи, когда обнаружились уголовныя художества Кривуши. А въ періодѣ своего ханжества „пустосвятъ“ Кривуша пользовался благосклоннымъ вниманіемъ и покровительствомъ. Одно время онъ жилъ даже у извѣстнаго миссіонера Скворцова и имѣлъ, значитъ, случай пользоваться его назидательными бесѣдами.

Съ 1894 года онъ сталъ заниматься кражами. При задержаніяхъ онъ говорилъ о какомъ-то „благотворительномъ сборѣ“, называлъ себя царемъ іудейскимъ, геніемъ, духомъ брамина, вообще несъ такую околесицу на религіозной почвѣ, что его по 18 дѣламъ о кражахъ признали невмѣняемымъ. Но затѣмъ онъ попался уже въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ: за то время, пока онъ судился и ханжествовалъ, онъ успѣлъ совершить нѣсколько покушеній на убійство и даже одно убійство (казака Лебедева). Оказалось, что это замѣчательный симулянтъ, чрезвычайно ловко устраивавшій свои дѣла на почвѣ ханжества и суевѣрія.

Въ 1898 году въ Подольской губ. работала шайка разбойниковъ, которую въ народѣ называли монашеской, такъ какъ участники являлись и подъ видомъ монаховъ. Когда послѣ одного нападенія на винную лавку нѣкоторые члены шайки были захвачены партіей рабочихъ, то на мѣсто дѣйствія вдругъ явился монахъ, который пытался освободить захваченныхъ, пользуясь обаяніемъ духовной власти. Рабочіе, однако, не вняли его проповѣди и присоединили „монаха“-къ арестованнымъ; при этомъ онъ ранилъ трехъ человѣкъ изъ револьвера *).

*) „Ниж. Лист.“, 17 іюля 1898 г., № 193.

Въ 1900 году неизвѣстный, занимавшійся (въ Клинскомъ уѣздѣ Моск. губ.) изгнаніемъ бѣсовъ и отчитываніемъ, тоже ранилъ при арестѣ урядника и убилъ управляющаго фабрикой Камкина. При обыскѣ котомка его оказалась наполненной книгами духовнаго содержанія, библіями, акафистами и т. п. Есть предположеніе, что убійца душевно-больной,—хотя свидѣтели крестьяне разсказывали объ его изумительной предпріимчивости и находчивости *).

Минуя разные случаи этого рода, мы перейдемъ къ потрясающей трагедіи, разыгравшейся около Верхотурья, Пермской губ.

Въ 12-ти или 13-ти верстахъ отъ города жилъ въ своей кельѣ монахъ Ѳеодотъ. Откуда онъ появился—никто не зналъ. Не знали его происхожденія и его прошлаго также и въ Верхотурскомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ принятъ послушникомъ лѣтъ 12—15 назадъ. Одна изъ мѣстныхъ купчихъ построила ему келью, гдѣ онъ лѣтъ 10 назадъ и поселился, „спасаясь“ въ уединеніи, „затворяясь“ на цѣлыя недѣли и не сообщаясь съ грѣшнымъ міромъ. Въ окрестностяхъ скоро заговорили о новомъ праведникѣ и прозорливцѣ. Говорили о тяжкихъ веригахъ, которыя носитъ Ѳедотушка, о дикихъ звѣряхъ, приходящихъ, чтобы раздѣлить съ нимъ трапезу.

Уже съ 1905 года Ѳедотушку посѣщаютъ сотни паломниковъ, преимущественно женщинъ. На женщинъ онъ оказывалъ повидимому совершенно особенное вліяніе и выбиралъ для этого преимущественно молодыхъ и красивыхъ. Самъ онъ носилъ званіе старца, но въ дѣйствительности ему было лѣтъ около 40.

Прежде, чѣмъ допустить къ себѣ новоприходящихъ, онъ подвергалъ ихъ особому искусу: нужно было вымыться въ банѣ, затѣмъ пріучаться спать въ гробу. Ѳедотъ при этомъ служилъ молебны, панихиды, читалъ священныя книги.

— Бросьте мірскую суету,—проповѣдывалъ онъ,—бѣгите отъ соблазновъ въ пустыню, какъ я.

Уже въ 1905 году къ отшельнику собирается множество народа, особенно женщинъ. Нѣкоторыхъ сразу же такъ потрясали эти проповѣди, что онѣ дали обѣтъ навѣки разстаться съ грѣшнымъ міромъ и доживать вѣкъ въ угрюмыхъ верхотурскихъ лѣсахъ при святомъ старцѣ... Около Ѳедотушки образовался скитъ.

Въ числѣ первыхъ послѣдовательницъ была вдова Фаина Смирнова, четыре дѣвушки и одна замужняя женщина. Затѣмъ къ нимъ присоединялись и другія.

---

*) „Сынъ Отеч.“, 9 февр. 1900 г.

Нѣкоторыхъ Ѳедотъ посвятилъ въ іеромонахини, при чемъ посвященія эти онъ совершалъ въ архіерейскихъ одеждахъ и митрѣ. При этомъ онъ замѣнялъ женскія имена мужскими. Такъ, Вдовина была названа отцомъ Паисіемъ, дѣвица Ельчина—о. Алексѣемъ... Эти іеромонахини-„старицы“ цѣлый день служили богомолкамъ молебны, „панихидки“ и т. д.

Такъ тянулись годы. Скитъ жилъ своею тихою таинственною жизнью среди лѣса.

Весной 1906 года Ѳедотъ началъ строить новую болѣе обширную келью, при чемъ плотникъ Анисимъ, выполнявшій эту работу, получилъ своеобразный заказъ: прозорливецъ приказалъ къ прежнимъ гробамъ, въ которыхъ спали посвящаемыя скитницы,—прибавить еще три новыхъ.

— Зачѣмъ тебѣ, отче, нужны эти гробы?—спросилъ плотникъ.

— Мѣсяца черезъ два умретъ братъ Петръ,—отвѣтилъ Ѳедотъ.—Да вотъ и братъ Ефимъ проживетъ недолго,—кивнулъ онъ на стоявшаго вблизи монаха, Ефима Вострякова. Братомъ Петромъ звалась келейница Параскева, а Ефимъ Востряковъ былъ единственный мужчина въ скиту, кромѣ самого Ѳеодота.

Прозорливецъ предсказалъ вѣрно. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Ѳедотушка дѣйствительно похоронилъ „брата Петра“. Онъ одѣлъ Параскеву Черезову въ новыя одежды и увелъ куда-то. Больше ее уже не видали. Въ 1906 году исчезъ изъ скита Ефимъ Востряковъ.

А жизнь въ лѣсномъ скиту шла все такъ же, и никому не казалась странной предусмотрительность Ѳедота, заранѣе заготовлявшаго гробы для живыхъ еще людей. Все объяснялось прозорливостью и чудомъ. Когда спрашивали Ѳедота, куда онъ увелъ Вострякова, онъ отвѣчалъ:

— Не ваше дѣло знать это. Такъ велѣла Царица Небесная.—И въ тотъ же день онъ надѣлъ на Фаину Смирнову скуфью, подрясникъ и кипарисовый крестъ и назвалъ ее Іоанномъ.

Такъ же, какъ Востряковъ, и еще ранѣе Аксупова, исчезла еще Надежда Кормыханова. Это была замужняя женщина; мужъ у нея служилъ на Дальнемъ Востокѣ. Около этого времени Кормыхановъ вернулся со службы и, не найдя жены, бросился искать ее въ Верхотурье. Здѣсь у него почему-то явилось подозрѣніе, что его жену убилъ Ѳедотушка. Повидимому, въ народѣ уже ходили эти темные слухи, и мрачная „тайна“ обители просачивалась сквозь стѣны лѣсного скита. Можетъ быть, казались странными и прозорливость старца,

и внезапныя исчезновенія, и жуткое настроеніе въ обители; но все это сдерживалось привычнымъ благоговѣніемъ передъ скитомъ, митрами, благодатью, привычной темнотой и подавленностью умовъ и душъ. Какъ бы то ни было, около скита начались розыски... Ѳедотушка почуялъ это и въ началѣ сентября 1906 г. оставивъ скитъ, тронулся вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ женщинами на новыя, еще болѣе глухія мѣста. Розыски длились девять мѣсяцевъ и въ концѣ концовъ найдены четыре трупа: три женскихъ и одинъ мужской... Ѳедотъ арестованъ въ Кушвѣ, и въ февралѣ 1908 года въ Верхотурьѣ передъ судомъ присяжныхъ предсталъ этотъ загадочный человѣкъ,—съ лицомъ фанатика и порывистыми движеніями... Врачебная экспертиза признала его вполнѣ вмѣняемымъ. Судъ совершился по формѣ, и Ѳедотъ ушелъ на 15 лѣтъ въ каторгу *). Молва объясняла преступленіе Ѳедота извращеннымъ сладострастіемъ: онъ будто бы убивалъ женщинъ, когда онѣ ему надоѣдали. Но,—говоритъ корреспондентъ „Руси",—судебное слѣдствіе не дало фактовъ въ подтвержденіе этой молвы, и вся эта трагедія такъ и сошла подъ покровомъ странной неразгаданной тайны. Даже корреспонденціи изъ далекаго Верхотурья приходили неполныя и смутныя. Въ одной изъ нихъ, какъ-то вскользь, упоминается объ одномъ замѣчательномъ эпизодѣ изъ дѣла. „Посвящая въ монашество" Фаину Смирнову (въ тотъ самый день, когда ночью должно было исполниться предсказаніе относительно Вострякова), Ѳедотъ надѣлъ на нее кипарисовый крестикъ и скуфью и сказалъ ей:

— Теперь ты безгрѣшна!

— Теперь, значитъ, и умереть можно, — сказала молодая женщина въ экстазѣ.

— Когда примешь схиму, тогда можно и умереть **).

Очевидно, слишкомъ простыя объясненія тутъ едва ли умѣстны. Нѣкоторыя газеты называли Ѳедота бѣглымъ каторжникомъ съ Сахалина, но и это повидимому не подтвердилось. Очевидно, этотъ странный человѣкъ, предупреждавшій свои жертвы о близкой смерти и доводившій ихъ до экстатическаго ожиданія этой смерти — обладалъ тайной какого-то обаянія, особенною властью надъ темной женской душой. Была ли тутъ чувственность? Если бы даже и такъ, то все-таки, будь дѣло освѣщено, какъ оно заслуживало, быть можетъ мы поняли бы

*) Кромѣ убійствъ, онъ признанъ виновнымъ въ похищеніи церковныхъ сосудовъ.

**) „Р. Вѣд." 10 авг. 1907 г., „Кіевскія Вѣсти" 25 февраля 1908 г., „Русь" февр. 1908 г., „Нижег. Лист." 16 февр. 1908 г.

многое изъ этой области. И между прочимъ ту странную близость, которая часто существуетъ между самыми недвусмысленными эротическими похожденьями такихъ „святыхъ“ и сохраненьемъ въ то же время ихъ религіознаго обаянія и власти надъ преданной женской душой...

Есть эта странная гипнотическая сила и во многихъ другихъ случаяхъ, хотя и не отмѣченныхъ такимъ ужасомъ...

VI.

Странникъ Антоній.

Въ началѣ 1894 года мы имѣли случай прочитать во многихъ газетахъ, что изъ глубины Сибири шествуетъ нѣкоторый странникъ о. Антоній, считающій своею миссіей водрузить колоколъ, и не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а именно въ гор. Кронштадтѣ, и будто бы самый сборъ на этотъ колоколъ производится съ непосредственнаго благословенія отца Іоанна.

Послѣдній обратился въ газеты съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„М. Г. Въ виду появившихся статей о странникѣ Антоніѣ, въ которыхъ упоминается и мое имя, покорнѣйше прошу помѣстить мое нижеслѣдующее заявленіе: странника Антонія я только однажды посѣтилъ, потому что ѣзжу ко всѣмъ, кто меня призываетъ для молитвы, но жизнь его мнѣ неизвѣстна. *Ни ему и никому другому я никогда не поручалъ дѣлать сборовъ отъ моего имени* или доставлять какихъ бы то ни было пожертвованій. Прошу покорнѣйше на будущее время не связывать мое имя съ дѣятельностію странника Антонія, мнѣ вообще неизвѣстнаго, и не помѣщать въ своихъ статьяхъ какихъ-то моихъ разговоровъ о немъ, которые передаются неточно и могутъ вводить въ заблужденіе читающихъ“ (цит. изъ „Русск. Вѣд.“ 1894 г., № 83).

Письмо это, разоблачившее самозванство странника Антонія,—отнюдь, однако, не помѣшало успѣху послѣдняго. Это было время, когда слава отца Іоанна нѣсколько померкла, и та самая мелкая уличная петербургская пресса, которая еще недавно прославляла Іоанна Кронштадтскаго и старалась на перебой ежедневно поставлять извѣстья о новыхъ чудесахъ, якобы имъ творимыхъ,—теперь, какъ бы въ противовѣсъ ему, выдвигала новое свѣтило. На страницахъ этой прессы сообщались заранѣе самыя фантастическія подробности біографіи о. Антонія, подробности его путешестія пѣшкомъ изъ глубины Сибири, его подвиговъ, и наконецъ разумѣется — „силы его

молитвы". Нужно сказать вообще, что дѣятельность этихъ газетъ, направлявшихъ своихъ юркихъ полуграмотныхъ репортеровъ на поиски чудесъ и исцѣленій, способна была вызвать на самыя мрачныя размышленія о пользѣ изобрѣтенія Гутенберга. „За послѣднее время, — писалъ въ 1894 году „Сынъ Отечества",—фабрикація репортерскихъ отчетовъ, съ разными прикрасами и фантастическими описаніями чудесъ, усилилась. Подобныя статьи писались не на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, а лишь по разсказамъ сомнительнаго поведенія бродяжекъ, странниковъ и странницъ" (цит. изъ Вечерняго Листка „Волгаря", 19—20 апр. 1894). „Какое счастіе,—писалъ по этому же поводу одинъ провинціальный фельетонистъ, — что въ древней Руси не было газетъ. Можно представить себѣ, что это было бы, если бы у Никиты Пустосвята былъ еще вдобавокъ свой „органъ", который бы прославлялъ его дѣянія, а нѣсколько десятковъ репортеровъ бѣгали бы за нимъ по пятамъ и—по десяти копѣекъ за строчку—воспѣвали бы каждый шагъ, который онъ дѣлаетъ своими босыми ногами".

Можно было бы, разумѣется, очень много сказать на эту тему,—но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Никитѣ Пустосвяту, именуемому странникомъ Антоніемъ, дѣйствительно посчастливилось имѣть свои собственные „органы" и что нѣсколько десятковъ репортеровъ дѣйствительно бѣгали за нимъ и воспѣвали каждый шагъ, который онъ дѣлалъ своими босыми ногами. Это заставило остальную прессу обратить довольно суровое вниманіе на загадочную особу такъ шумно выступавшаго странника и, благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ возможность возстановить передъ читателемъ нѣкоторыя черты этого единственнаго въ своемъ родѣ эпизода.

Прежде всего два слова о самой личности.—„По Россіи,—писали „Одесскія Новости" въ 1894 году,—давно уже расхаживаетъ сибирскій крестьянинъ Антоній Исаевъ Петровъ. Ходитъ онъ босой, въ длинномъ черномъ подрясникѣ, подъ которымъ на груди носитъ запертые на мѣдный замочекъ желѣзные пояса и цѣпи. Въ рукахъ у него большая дубина, на верху облитая свинцомъ, съ изображеніемъ креста. Интересная черточка: „при немъ находятся всегда *нѣсколько экземпляровъ газетъ*, гдѣ описаны его благодѣянія, нѣсколько телеграммъ, якобы отъ о. Іоанна Кронштадтскаго, а въ дѣйствительности фиктивныхъ, нѣсколько фотографическихъ карточекъ, на которыхъ этотъ странникъ снятъ въ различныхъ геройскихъ позахъ... Самъ онъ здоровый дѣтина, 42 лѣтъ, глуповатый, а въ особенности прикидывающійся такимъ, когда

ему предлагаютъ вопросы, по какому праву онъ преподаетъ благословеніе мірянамъ“ (цит. изъ „Волжскаго Вѣстника“, № 110, 3 мая 1894 г.).

Мелкая пресса столицы сразу насторожилась. Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить, чья рука покровительствовала дебютамъ странника и его быстро создававшейся извѣстности... Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что газеты, вліятельныя въ Гостиномъ дворѣ, создали Антонію громкую рекламу. Они сообщали о каждомъ его шагѣ, о прибытіи въ каждый попутный городъ, наконецъ о томъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ. „До этого сенсаціоннаго событія (читаемъ въ „Русской Жизни“ отъ 7 апр. 1894 г).—одинъ петербургскій спеціальный органъ современныхъ чудотворцевъ и уличныхъ скандаловъ изо дня въ день оповѣщалъ о старцѣ, подогрѣвая интересъ къ нему въ специфическихъ слояхъ публики“. Поэтому Антонія встрѣтили также корреспонденты другихъ газетъ.

При этомъ оказалось, что старецъ прибылъ въ столицу совсѣмъ не апостольскими стопами, какъ объ этомъ оповѣщали до тѣхъ поръ, а самымъ благополучнымъ образомъ по желѣзной дорогѣ... Остановился сей знаменитый человѣкъ на углу Невскаго и Полтавской улицы, въ д. Дрябина, куда сейчасъ же нахлынула толпа народа, встрѣтившая старца съ обнаженными головами. Это еще далеко не старый человѣкъ, одѣтый въ потертой одеждѣ, босой. Лицо его худое и истомленное, глаза блуждающіе... Его ждала карета, въ которой онъ тотчасъ же отправился сначала на водочный заводъ г. Петрова, а затѣмъ въ д. № 42 по Загородному проспекту“.

Въ листкѣ, о которомъ упоминалось выше, сообщалось между прочимъ, что новоявленнаго старца „развозитъ г-жа З-ая, живущая на Николаевской улицѣ“. — „Но тамъ же, — прибавляетъ авторъ замѣтки въ „Русской Жизни“, — живетъ и г-жа Зайцевская“. Послѣдняя же, какъ это всѣмъ было извѣстно, „развозила“ также и отца Іоанна, и къ ней много лѣтъ обращались желающіе видѣть Кронштадтскаго чудотворца. Въ послѣднее время она уже не вывозила отца Іоанна, и изъ этого люди, знавшіе внутреннюю жизнь своеобразнаго кронштадтскаго мірка того времени, — дѣлали свои заключенія...

3-го и 4-го апрѣля „старецъ“ провелъ въ Кронштадтѣ, гдѣ остановился въ одномъ изъ домовъ, спеціально принимающемъ многочисленныхъ кронштадтскихъ паломниковъ. Это былъ особенный спеціально кронштадтскій промыселъ. Въ 1895 году „Новое Время“ цитировало напримѣръ оригинальное объявленіе изъ Кронштадта, въ которомъ нѣкто г. Пельдсъ извѣщалъ гг. пріѣзжающихъ въ Кронштадтъ и желающихъ имѣть

„свободный доступъ“ для свиданія съ о. Іоанномъ, что въ его, г. Пельдса, меблированныхъ комнатахъ „батюшка бываетъ почти ежедневно“ и что онъ, г. Пельдсъ, „принимаетъ горячее усердіе, чтобы посѣтители его меблированныхъ комнатъ не засиживались и видались бы съ о. Іоанномъ возможно скорѣе“*).

3-го и 4-го апрѣля у одного изъ такихъ домовъ стояла громадная толпа народа, не расходившаяся до глубокой ночи. У воротъ, при входѣ, стояли хозяинъ съ хозяйкой,—стража весьма бдительная,—пропускавшая лишь тѣхъ, кто оставлялъ нѣчто въ пожимаемой рукѣ. Это днемъ. Вечеромъ и ночью допускались всѣ за входную плату — 30 коп. съ человѣка. Корридоръ сажень 10 длиной и шириной аршина въ 2,—былъ биткомъ набитъ народомъ. Говоръ, плачъ дѣтей сливались вмѣстѣ, давка была страшная, въ корридорахъ темно, толпа подавалась впередъ очень тихо, по мѣрѣ того, какъ св. старецъ отпускалъ переднихъ счастливцевъ... Корридоръ былъ съ заворотомъ—и въ концѣ его корреспондентъ,—описавшій эту сцену,—увидѣлъ новоявленнаго святого. „Мы добрались наконецъ,—продолжаетъ онъ, — до цѣли. Впереди меня было всего нѣсколько человѣкъ.

— Батюшка, отецъ Антоній, мужъ мой Василій пьянствуетъ и тиранитъ меня,—говоритъ какая-то женщина.

— Укроти, Господи, строптивость раба Божія Василія. Да будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей, иди съ миромъ.—При этомъ онъ взялъ голову женщины обѣими руками, коснулся своимъ лбомъ до ея лба и такимъ образомъ сдѣлалъ крестообразное движеніе“. Далѣе слѣдовала мать съ больнымъ ребенкомъ, за ней какой-то грѣшникъ, которому старецъ рекомендовалъ отправиться въ монастырь. Наконецъ, подошелъ къ старцу корреспондентъ.

— Да будетъ вамъ по вѣрѣ вашей, — напутствовалъ старецъ и его, удостоивъ поцѣловать корреспондента въ високъ.

Корреспондентъ отмѣчаетъ при этомъ интересную подробность. Въ обыкновенное время у такихъ квартиръ можно видѣть по десятку, по два человѣкъ, ожидающихъ проѣзда о. Іоанна. Другіе, способные шибко бѣгать, выслѣживаютъ его экипажъ на пути и стараются ухватиться за него на бѣгу. Отъ нихъ избавляются, бросая на мостовую мелкія деньги. Всѣ кидаются искать ихъ, происходитъ свалка, ругань, пинки. Изъ слѣдующихъ улицъ и переулковъ выбѣгаютъ новые охотники и т. д. Въ тотъ вечеръ, когда Кронштадтъ былъ отвоеванъ странникомъ Антоніемъ, отецъ Іоаннъ

*) Цит. изъ „Волжск. В-ка“ 1895 г., № 191.

проѣхалъ мимо два раза. „И дивное дѣло,—прибавляетъ корреспондентъ,—за „батюшкой“ пробѣжала только одна женщина; у подъѣздовъ домовъ для богомольцевъ никого не было,—всѣ были около того дома, гдѣ былъ странникъ Антоній“ („Р. Жизнь“, № 96, 1894 г.).

Какъ видите, невѣдомый Антоній выросъ во всероссійскую фигуру. Его обаяніе въ это время было такъ велико, что стоило ему придти въ домъ, положить руку на голову человѣка, и за нимъ шли, бросая семьи (тамъ же). Это уже не злосчастный Михеичевъ, ходящій по снѣгу босикомъ, лишь для того, чтобы потомъ скромно стушеваться на базарѣ въ селѣ Алексѣевскомъ. Это—всероссійская знаменитость, о которой трубятъ газеты, къ которой переходитъ хоть на нѣсколько дней поклоненіе толпы. Я очень хорошо понимаю, конечно, что въ этой простодушной толпѣ были не однѣ истерическія кронштадтскія богомолки іоаннитки, что въ лицѣ многихъ простодушныхъ поклонниковъ и поклонницъ она искренно несла страннику свои горести и печали. Я говорю въ настоящей статьѣ лишь о той сторонѣ, на которой находятся „святые отцы Антоніи и Никодимусы“. А въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній и колебаній быть не можетъ.

Вскорѣ же въ „Гражданинѣ“ появилось письмо изъ Сибири, сообщавшее правду относительно „моднаго странника“. Авторъ — простой деревенскій обыватель, односельчанинъ „странника“. Жилъ онъ со странникомъ бокъ-о-бокъ и многіе годы знаетъ его за лядащаго мужичонку, даже нечистаго на руку (sic). Пьянствовалъ онъ у нихъ, бродяжничалъ, путался съ „солдатками“; авторъ приложилъ даже фотографію, гдѣ оный странникъ снятъ въ сообществѣ двухъ „жрицъ любви“. И вдругъ этотъ непутевый и ничего не стоющій человѣкъ объявляется жертвователемъ и цѣлителемъ, предметомъ восторженныхъ статей столичной газеты... „Недоумѣваемъ,—восклицаетъ удивленный обыватель,—и какъ быть не знаемъ. Разрѣшите и научите!“ *).

Еще черезъ нѣкоторое время, уже въ 1898 году въ газетѣ „Сибирь“ появилось подробное письмо г-на Н. Е. Пятковскаго, который имѣлъ случай видѣть этого знаменитаго странника у себя дома, по возвращеніи изъ торжественнаго посѣщенія столицъ, которое сдѣлало его имя всероссійски извѣстнымъ.

„17 сентября 1895 года,—пишетъ г. Пятковскій,—мнѣ случайно пришлось быть въ с. Колесниковскомъ, Ялутор. окр.

---

*) „Гражданинъ“. Цит. изъ „Волжск. В-ка“, 24 апр. 1894 г., № 101.

Здѣсь было особенное оживленіе, мели улицы, около церкви ставились березки. Ожидали странника Антонія, который задумалъ послѣ долгихъ странствованій посѣтить родину и несъ въ даръ мѣстной церкви икону. Часовъ въ 8 вечера къ церкви подъѣхалъ на взмыленныхъ лошадяхъ священникъ и объявилъ собравшейся огромной толпѣ народа, что Антонъ Исаевичъ идетъ въ 3—4 верстахъ отъ села. Причтъ облачился въ свѣтлыя ризы, раздался звонъ колоколовъ и духовенство двинулось за село на-встрѣчу св. иконѣ. Въ это время по дорогѣ изъ Бигилинскаго съ горы показались сотни огней и слышалось пѣніе. Встрѣча вышла торжественная, и народъ, въ простотѣ своей, думалъ, что все это дѣлалось исключительно для „отца Антонія". Послѣдній шелъ впереди толпы въ веригахъ и съ полупудовой тростью. Послѣ встрѣчи онъ направился въ домъ священника, гдѣ принялъ скромную трапезу... Потомъ началось повѣствованіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя Автоній испытывалъ во время путешествія по св. мѣстамъ. Онъ иллюстрировалъ свой разсказъ имѣющимися у него въ огромномъ количествѣ фотографіями, на которыхъ странникъ изображенъ молящимся на Іорданѣ съ масличной вѣтвью или колѣнопреклоненнымъ на каменистой почвѣ Ливана. Въ то же время бывшій съ Антоніемъ почтенный старичекъ, съ орденомъ въ петлицѣ, рекомендовавшійся церковнымъ старостой Кронштадтскаго Андреевскаго собора, читалъ въ подтвержденіе выдержки изъ „Кронштадтскаго Вѣстника" и др. газетъ, гдѣ подробно писалось о странствованіи Антонія и тѣхъ чествованіяхъ, которыя часто выпадали на его долю. Номера газетъ и фотографіи тутъ же раздавались желающимъ на память. Были показаны и прочитаны письма къ Антонію патріарха іерусалимскаго, многихъ русскихъ архіереевъ, о. Іоанна Кронштадтскаго, бархатную рясу съ плеча котораго онъ носилъ въ знакъ дружбы. Послѣ, когда о. Іоаннъ печатно опровергъ всякую солидарность съ этимъ беззастѣнчивымъ обманщикомъ, Антоній уже не упоминалъ о немъ въ разговорѣ. Таково было первое знакомство г-на Пятковскаго съ знаменитымъ старцемъ. Г-нъ Пятковскій продолжалъ жить въ тѣхъ мѣстахъ и сообщаетъ читателямъ біографію и дальнѣйшую эволюцію прославленнаго „угодника".

Антонъ Исаевъ Петровъ родился въ 1850 году, въ бѣдной семьѣ крестьянина села Колесниковскаго, Ялуторовскаго округа. Хлѣба Петровы сѣяли немного, и подспорьемъ въ хозяйствѣ служилъ извозный промыселъ. Этимъ занимался и Антонъ. Отъ природы онъ былъ парень веселый, любилъ погулять и

потому всегда былъ радъ хотя на короткое время исчезнуть съ глазъ строгаго старика отца. На волѣ Антонъ расходился во всю ширь. Въ дорогѣ онъ не просыпался отъ пьянства.

Конечно, тотъ скудный заработокъ, который онъ получалъ отъ извоза, не могъ удовлетворить его, и Антонъ началъ *поворовывать*. Спознался съ поселщиками (ссыльными) и цыганами. Мужики увидали, что парень началъ „баловать". На одной кражѣ его прослѣдили и представили въ волость; тамъ дали ему 20 розогъ. Но это его не остепенило: вскорѣ онъ былъ замѣченъ въ дерзкой кражѣ, и односельцы рѣшили удалить его по приговору общества. Тогда Антошка вдругъ исчезъ.

Гдѣ онъ пропадалъ въ этотъ періодъ жизни — никто не зналъ, только спустя нѣсколько лѣтъ пришла въ волость бумага о томъ, нѣтъ ли препятствій на увольненіе въ бійскіе мѣщане кр. Антона Исаева Петрова. Односельцы охотно воспользовались случаемъ избавиться отъ „Антошки-вора" и выдали увольнительное свидѣтельство.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и вдругъ разносится слухъ, что въ с. Колесниково ѣдетъ Антошка. Но это былъ уже не прежній воришка и плутъ, а благообразный, степенный „странникъ Антоній". До своего родного села онъ доѣхалъ въ отличномъ 200-рублевомъ тарантасѣ, на тройкѣ собственныхъ лошадей. Съ нимъ сидѣла молодая красивая женщина „монахиня сестра Анна", какъ ее рекомендовалъ онъ, въ дѣйствительности же дѣвица Пермской губ. Анна Ефимовна Кокшина. При въѣздѣ въ село Антоній вышелъ изъ экипажа, поклонился въ землю, на всѣ четыре стороны народу и направился на кладбище. Огромная толпа не вѣрила, что передъ нею ихъ прежній Антошка, и съ любопытствомъ послѣдовала за нимъ. На кладбищѣ Антоній нашелъ могилу своего отца, палъ на нее и часа полтора рыдалъ, не подымаясь съ земли.

„О ты, доброе сердце народное! — восклицаетъ г-нъ Пятковскій при описаніи этой сцены.—Въ одно мгновеніе былъ забытъ порочный Антошка, и съ родительской могилы всталъ „святой человѣкъ", трудничекъ Божій, странникъ Антоній. Народъ плакалъ вмѣстѣ съ лицемѣромъ и не понималъ, какъ онъ зло смѣется надъ его чувствомъ". Облегчивъ свое горе слезами, Антоній объявилъ крестьянамъ, что теперь онъ, какъ некрасовскій Власъ, посвятилъ свою жизнь для сбора пожертвованій на постройку церквей. Распахнувъ шелковую рясу, онъ показалъ на свои вериги, которыя носитъ, и, узнавъ, что крестьяне озабочены постройкою новой церкви,

тутъ же далъ имъ обѣщаніе выстроить въ с. Колесниковскомъ каменную церковь на свой счетъ. Онъ просилъ отъ прихожанъ лишь „небольшой помощи“: доставить на мѣсто постройки безплатно по 10 возовъ песку съ каждаго члена прихода отъ 15-лѣтняго возраста, по 5 тысячъ готоваго кирпича и по 3 воза дровъ для обжиганія кирпича и кромѣ того еще проработать 3 дня на постройкѣ. Всѣ единогласно рѣшили начать богоугодное дѣло, постановили приговоръ и вручили его Антонію. Послѣдній энергично принялся за дѣло, и въ самое горячее время — августъ-октябрь — крестьяне, бросивъ свою работу, возили матеріалъ на постройку. Никто не подозрѣвалъ сначала, что Антоній строилъ церковь на деньги, собранныя отъ жертвователей, и что каждый рабочій день безплатно трудящагося для храма Божія крестьянина онъ записывалъ и ставилъ въ счетъ жертвователямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне почувствовали всю тяжесть принятаго на себя обязательства. Несмотря на наступленіе зимняго времени, Антоній продолжалъ дѣло и неумолимо гналъ крестьянъ на работу, угрожая въ противномъ случаѣ приговоромъ. Только тогда, наконецъ, и вздохнули мужики, когда Антонію, очевидно, надоѣло прикидываться святошею и онъ опять пустился во вся тяжкая. Начали замѣчать, что Антоній, какъ будто, потягиваетъ водочку. Однажды услыхали въ его квартирѣ шумъ, и сбѣжавшійся народъ увидѣлъ, что тотъ бьетъ, „какъ скотину“, „сестру Анну“. Хотѣли заступиться, но Антоній припугнулъ крѣпкимъ словомъ. Окровавленная и избитая Анна какъ-то вырвалась изъ рукъ своего сожителя и убѣжала. Однимъ словомъ передъ односельцами опять былъ тотъ же Антошка, сбросившій личину, которой успѣлъ обмануть чуть не половину Россіи. Въ какую-нибудь недѣлю Антоній въ безпробудномъ пьянствѣ надѣлалъ цѣлую серію дебошей: избилъ подрядчика, колотилъ рабочихъ, приставалъ съ разными мерзостями къ работавшимъ на постройкѣ женщинамъ. Въ заключеніе епархіальный архитекторъ, осмотрѣвъ зданіе, доведенное до сводовъ, нашелъ, что одна стѣна уже дала трещины и вообще зданіе угрожаетъ паденіемъ. Церковь осталась недостроенной.

Въ одну прескверную осеннюю ночь Антоній скрылся, не заплативъ подрядчику Макарову *563 р.* и кирпичникамъ свыше *600 рублей*. Однако, весною слѣдующаго года Антоній снова явился въ наши края (вѣроятно послѣ какого-нибудь новаго похода). Денегъ онъ, какъ это было замѣтно, имѣлъ мало, но жизнь повелъ снова веселую. Начались *опять кутежи съ коньякомъ и др. заморскими винами*. Вскорѣ на ст.

Макушино пришелъ ему огромный транспортъ *колоколовъ, церковной утвари и строительнаго матеріала.*

Сначала онъ пользовался всетаки престижемъ знаменитости и своихъ „кронштадтскихъ и петербургскихъ связей“. Но вскорѣ и это было исчерпано. Даже его доносы потеряли силу. „Теперь,—говоритъ въ заключеніе г. Пятковскій,—онъ уже не мистифицируетъ на счетъ „монахини сестры Анны“, а, катаясь съ ней по селу въ обнимку, называетъ ее „своей Аннушкой“, или „Анюткой“, смотря по расположенію. Набираетъ школьниковъ и, напоивъ ихъ до пьяна, заставляетъ пѣть: „радуйся, Антоніе“, и вообще творитъ совершенно откровенныя безобразія“ *)...

Такимъ образомъ странникъ Антоній сошелъ со всероссійской сцены. Вершиной его славы слѣдуетъ считать тотъ день, когда онъ босой, въ веригахъ, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ „поднятіи колокола“ въ одномъ изъ флотскихъ экипажей. Духовенство въ торжественныхъ облаченіяхъ, моряки въ парадныхъ мундирахъ, строй матросовъ, хоругви, звонъ колоколовъ... И еще болѣе громкій звонъ газетъ, оповѣщавшій на всю Россію о торжествѣ юродствующаго шарлатана...

Послѣ этого имя странника Антонія исчезаетъ съ газетныхъ столбцовъ, но еще долго въ Кронштадтѣ не улеглось движеніе, поднятое „волшебной сказкой“, тѣмъ болѣе, что и ранѣе этотъ городъ былъ центромъ, привлекавшимъ и простодушную довѣрчивость, и изувѣрское пустосвятство, и сознательный обманъ... Въ газетѣ „Кронштадтскій Вѣстникъ“, офиціозномъ органѣ морского министерства, писали въ томъ же 1894 году:

„Вмѣсто отсутствующаго странника Антонія, у насъ появился какой-то новый, съ цѣлымъ хвостомъ ханжествующихъ богомолокъ и богомольцевъ. Онъ ходитъ босикомъ, въ шелковомъ зеленомъ халатѣ... Надо полагать,—прибавляетъ газета,—что если этотъ халатникъ пуститъ пыль въ глаза легковѣрному народу разсказами или баснями о какомъ-нибудь многотрудномъ путешествіи своемъ на карачкахъ отъ „чудова къ юдову“, то онъ пойдетъ далеко“ **).

---

*) „Сибирь“. Цит. изъ „Нижег. Листка“, 13 янв. 1898 г., № 12.

**) Цит. изъ „Волгаря“, 17 сент. 1894 г. Надо замѣтить, вообще, что „Кронш. Вѣстникъ“ относился чрезвычайно сдержанно и отрицательно ко многому, что происходило въ Кронштадтѣ въ связи съ нездоровой обстановкой „богомольчества“ и странничества. Но и этой газетѣ пришлось печатать отчеты о торжествѣ странника Антонія, водружавшаго колоколъ. Сопровождавшій странника „мундирный старичокъ“ имѣлъ возможность ссылаться на эту газету.

„Кронштадтъ кишитъ странниками,—писали въ „Русской Жизни“,—наиболѣе извѣстны изъ нихъ братья Иларіонъ, Іаковъ, Іоаннъ и Вася трясоголовый, а также сестры Ириша и Матреша... Братъ Іаковъ изгонялъ бѣса изъ больной такъ, что она впала въ безпамятство. За больную вступилась прислуга, но юродивый докончилъ свое дѣло и затѣмъ спокойно спросилъ: за мной еще не пришли? Прозорливецъ угадалъ: за нимъ какъ разъ пришли, чтобы взять его въ участокъ“ (изъ „Волж. В-ка“, 1894, № 133).

Вообще то, что творилось въ то время въ Кронштадтѣ, а отчасти и въ Петербургѣ,—напоминало какой-то кошмарно-фантастическій бредъ... Между прочимъ по улицамъ Кронштадта ходили, среди бѣлаго дня, на глазахъ у полиціи, самозванныя Богородицы, въ сопровожденіи отрядовъ „богомолокъ“, со свѣчами въ рукахъ, съ пѣніемъ кощунственныхъ гимновъ и т. д.

Затѣмъ, разумѣется, Кронштадтъ, притянувшій къ себѣ всю эту рать, отдавалъ ее обратно провинціи,—и мы то и дѣло встрѣчали въ газетахъ извѣстія о появленіи новоявленныхъ „святыхъ“ и подражателей знаменитаго Антонія, или мнимыхъ, а порой и дѣйствительныхъ посланцовъ о. Іоанна, эксплоатировавшихъ его популярность. Въ Ростовѣ-на-Дону, крестьянинъ Андрей, торговавшій въ разносъ ленточками и тесьмами, въ одно утро надѣлъ на себя вериги, желѣзный колпакъ, взялъ въ руки тяжелый желѣзный посохъ и началъ ходить по уѣзду, собирая приношенія. Съ этихъ поръ онъ сталъ „Андрюша желѣзный колпачекъ“, „Божій человѣкъ“, и его портретъ въ странническихъ доспѣхахъ красуется на вывѣскѣ мѣстной фотографіи на лучшей улицѣ Ростова. Примѣръ Андрея показался соблазнительнымъ портному Алексѣю Гладкову, который бросилъ иголку и объявилъ себя врачевателемъ („Волжск. Вѣстн.“, 1894 г., 12 мая).

Въ гор. Гжатскъ вернулся изъ Кронштадта мѣстный крестьянинъ, Иванъ Васильевъ. Здѣсь онъ объявилъ, что „пріѣхалъ сюда по благословенію о. Іоанна Кронштадтскаго“. Впрочемъ, въ Гжатскѣ „нашли его дѣятельность неумѣстной“, и поэтому Васильевъ переселился въ село Рождество, въ 12 верстахъ отъ Гжатска, и здѣсь занялся „исцѣленіями“. Лѣчитъ онъ „осѣненіями“. Слава его ростетъ, и въ лѣсочкѣ, гдѣ онъ поселился, основалось даже нѣчто въ родѣ скита („Смоленск. Вѣстникъ“, 1895, № 159).

И т. д. и т. д. Я не стану утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ случаевъ, указывающихъ на то, какъ искрами разлетается по Россіи это странное движеніе, отбрасывающее

насъ сразу въ глубину прошлыхъ вѣковъ. Сознательный обманъ съ одной стороны, темная вѣра съ другой,—таково основное содержаніе явленія, которое прошло передъ читателемъ въ этомъ рядѣ характерныхъ фигуръ въ „потертыхъ подрясникахъ“, босыхъ, съ веригами и желѣзными цѣпями на тѣлѣ, съ пудовыми клюками въ рукахъ.

И такъ странно смотрѣть на все это. Точно поднялись изъ могилъ старые юродивые, пошли опять по Руси пустосвяты, только еще на этотъ разъ прибѣгающіе къ газетной рекламѣ и фотографическимъ иллюстраціямъ, усиливающимъ значеніе кладбищенскаго карканья и мрачныхъ предсказаній.

VII.

Петя болящій..

Я знаю, конечно, что пустосвятствомъ и грубымъ самозванствомъ не исчерпывается явленіе, которое я здѣсь пытаюсь изобразить далеко не полно и лишь бѣглыми чертами. Конечно порой въ этой темной оболочкѣ можно встрѣтить младенчески чистое сердце—для этого стоитъ только вспомнить чудесный разсказъ Г. И. Успенскаго, въ которомъ онъ такъ живо изображаетъ юродиваго и тѣ чувства, которыя онъ будилъ въ дѣтскихъ душахъ. Все это не мѣшаетъ, однако, признавать явленіе въ общемъ — глубоко отрицательнымъ и даже прямо опаснымъ. Чистое сердце, — въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствительно чисто, — не устраняетъ вреда отъ застоявшейся, темной мысли.

Есть, конечно, много указаній этого рода въ томъ матеріалѣ, которымъ я пользуюсь для настоящаго моего очерка. Я возьму только одинъ примѣръ. Это нѣкто Петя, слѣпой начетчикъ и толкователь Священнаго писанія въ селѣ Хрящевкѣ, Ставропольскаго уѣзда. „Представьте себѣ,—пишетъ о немъ корреспондентъ „Самарскаго Вѣстника“, — высокаго, тонкаго, какъ жердь, бѣловолосаго парня, одѣтаго во все бѣлое. Прибавьте къ этому грубый голосъ, рѣзкіе и нервные жесты слѣпца—и передъ вами портретъ Пети, современнаго мужицкаго подвижника и учителя“...

Судьба Пети—довольно трагична: деревня какъ будто собрала воедино всѣ горестныя случайности и невзгоды, осаждающія крестьянскую жизнь отъ младыхъ ногтей, и всѣ ихъ излила на злополучнаго Петю. Во-первыхъ за свои странности и неопредѣленныя порыванія къ чему-то высшему и невѣдомому окружающимъ—его били и вѣроятно забивали. Затѣмъ два раза его кусали бѣшеныя собаки, разъ укусила

змѣя, разъ свиньи прокусили животъ, „такъ что кишки были наружу“,—наконецъ онъ ослѣпъ. И однако, не смотря на все это, онъ вышелъ живъ изъ этого убійственнаго дѣтства и вынесъ изъ него свою собственную, безсмысленными горестями вскормленную философію!

Петя начитанъ или вѣрнѣе „наслышанъ“ и съ большой охотой и еще большей смѣлостью берется объяснять хрящевцамъ Священное писаніе. Хрящевцы, надо замѣтить, извѣстны своей любовью къ чтенію и толкованію божественнаго и готовы слушать Петю всѣ вечера напролетъ. Но Боже мой,—восклицаетъ корреспондентъ,—что это за толкованія! Слышалъ напримѣръ Петя, что въ писаніи сказано о Христѣ: „пришелъ въ униженіи“ — и вотъ онъ выводитъ, что Христосъ былъ маленькаго роста: „меньше всѣхъ апостоловъ“.

Въ этомъ родѣ и другія его объясненія. Съ особенной любовью останавливается онъ на мрачныхъ и темныхъ комментаріяхъ, относящихся къ грозному пришествію антихриста. Петя почти всегда говоритъ притчами. Мысли въ образахъ, высказанныя аллегорически, сначала поражаютъ воображеніе слушателя, а затѣмъ уже Петя пытается овладѣть и его умомъ. Оказывается изъ Петиныхъ толкованій, что всѣ мы беззаботно ходимъ среди опасностей, что каждый нашъ шагъ, невѣдомо для насъ, ведетъ къ гибели, что каждое наше самое повидимому невинное движеніе обставлено антихристовыми „прелестными“ сѣтями и злобными хитростями. Жестокая и темная Петина философія казнитъ васъ не въ мѣру завѣдомой и сознанной вами вины, — а на основаніяхъ чисто формальныхъ... Тайными стопами ходитъ антихристъ по свѣту и налагаетъ свои печати. Вотъ, вы коснулись предмета съ такой печатью, даже не зная о ея присутствіи, и дѣло ваше уже проиграно, и вамъ уготована уже геенна огненная на вѣчныя времена! Петинъ Богъ не хочетъ слушать вашихъ оправданій. Въ его глазахъ для наличности грѣха нѣтъ нужды въ злой волѣ.

Съ этой точки зрѣнія весь міръ полонъ ловушекъ, и всюду васъ сторожитъ погибель. „Слышалъ я,—говоритъ, напримѣръ, слѣпой толкователь, — слышалъ я отъ старыхъ людей, которые читали въ старинныхъ книгахъ: будетъ такое время, — вташутъ въ домъ красную собаку, станетъ она ревѣть. Вокругъ собаки — бѣлые кутята, хвостъ крючкомъ. Хозяева погладятъ, погладятъ ихъ, а они разозлятся, разорвутся, ихъ и выкинутъ въ окошко“. Это аллегорія. А вотъ ея истолкованіе. Красная собака — самоваръ; кутята — чайныя чашки, которыя хозяева могутъ, перетирая, разбить, а потомъ выки-

нуть. Какъ дѣтская загадка для упражненія ума, это, конечно, очень наивно. Но Петя прибавляетъ къ этому жестокія толкованія, дѣлающія изъ „красной собаки“ знаменіе антихристова пришествія; оно и видно: „самоваръ каждую недѣлю чистите, а иконъ и двухъ разъ въ годъ не хотите облагообразить“. Антихристъ самоваромъ отвлекъ отъ Бога („Самарскій Вѣстникъ“, 1895 г., № 126).

Разумѣется, это только очень бѣглый и неполный портретъ, но по этимъ чертамъ, мнѣ кажется, нетрудно дорисовать себѣ остальное. Этотъ деревенскій страдалецъ, чистый сердцемъ и темный головою — истинный представитель застоявшейся мудрости прошлыхъ вѣковъ, мудрости, отрицающей всю нашу съ вами жизнь, отъ самыхъ основъ ея и до послѣднихъ потребностей. „А ситцы тѣ французскіе собачьей кровью крашены“—шипитъ некрасовская старушка, ставя въ связь исчезновеніе домотканки и появленіе французскихъ ситцевъ— съ стихійными невзгодами. Это смѣшно, но не въ такой степени, какъ кажется сначала.

Безъ всякаго сомнѣнія, было бы жестокой клеветой — отождествлять мудрость Пети съ мудростью народной. Да и что такое эта „народная мудрость“? Народъ не есть что-либо единое, и его „мудрость“ есть комплексъ идей необыкновенно сложный, однимъ концомъ примыкающій къ нашему міровоззрѣнію и нашимъ умственнымъ запросамъ, другимъ — теряющійся въ темномъ сумракѣ древнѣйшихъ вѣковъ. Сотни ежедневно оглашаемыхъ фактовъ свидѣтельствуютъ о стремленіи народа къ книгѣ, къ образованію, къ раціональной школѣ, это съ одной стороны. Съ другой — развѣ мы, культурные, читающіе и даже пишущіе классы не выдѣлили изъ своей среды цѣлой группы, почти цѣлаго общественнаго теченія, которое проповѣдуетъ прелесть невѣжества.

Такимъ образомъ, вопросъ совсѣмъ не въ качественномъ различіи какихъ-то двухъ специфическихъ мудростей, — вопросъ въ различной возможности удовлетворять естественному стремленію къ познанію міра, вложенному въ каждую человѣческую душу, составляющему несомнѣнно ея высшую „божественную“ долю, освобождающему ее постепенно отъ страха передъ безсмысленными силами природы, очищающему самыя религіозныя вѣрованія народа. Съ этой точки зрѣнія представляется чистѣйшимъ недоразумѣніемъ идеализація мистической Петиной и всякой иной—„странической“, отшельнической, скитнической философіи,—отъ которой были не вполнѣ свободны даже прогрессивныя теченія нашей литературы. Я думаю, что это—недоразумѣніе даже и для теченій консервативныхъ.

Не надо забывать, что въ сущности между самымъ ярымъ „раціоналистомъ“ и самымъ ярымъ ретроградомъ во вкусѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ разстояніе гораздо меньше, чѣмъ между обоими и Петей! Я увѣренъ, что если бы была какая-нибудь возможность свести когда-нибудь Петю и кн. Мещерскаго, такъ чтобы послѣдній хоть на минуту призналъ въ Петѣ не только „лѣниваго субъекта“, имѣющаго неодолимую потребность въ поркѣ, а человѣка, у котораго есть и другіе запросы и свои собственныя мысли,—то оба всетаки вскорѣ отступили бы другъ отъ друга съ нѣкоторымъ ужасомъ. До такой степени князь, не смотря на проповѣдь невѣжества, показался бы Петѣ свободомыслящимъ, до такой степени Петя показался бы князю „отсталымъ“... И дѣйствительно, въ лицѣ этихъ Петей и Микитушекъ, въ лицѣ странниковъ Антоніевъ и ихъ даже чистыхъ сердцемъ послѣдователей,—передъ нами выворачивается такая „глубина“ невѣжества и темнаго изувѣрства, въ которой залежались тина и отстой временъ, почти до-историческихъ. Нѣтъ такого, самаго „консервативнаго“, но всетаки „современнаго“ государственнаго и общественнаго уклада, который бы Петя сознательно могъ признать соотвѣтствующимъ своимъ идеаламъ. И нѣтъ такого государственнаго порядка, который бы могъ безопасно довѣриться космогоническимъ и соціологическимъ представленіямъ Пети, если бы они стали дѣйствительно и фактически „народной мудростью“...

Мы переживаемъ теперь знаменательную, переходную эпоху нашей народно-общественной жизни. Отъ многовѣковой опеки народъ призывается все настойчивѣе къ самостоятельной дѣятельности, требующей сознательнаго примѣненія къ новымъ правовымъ, экономическимъ и культурнымъ условіямъ жизни. А всякая переходная эпоха отмѣчается всегда глубокими, часто незамѣтными на первый взглядъ, колебаніями и противурѣчіями. Вотъ чѣмъ объясняется это совершенно неожиданное на рубежѣ двухъ столѣтій обостреніе вопросовъ о пользѣ или вредѣ просвѣщенія, о полезности или безнравственности порки, которые такъ занимаютъ печать въ девяностыхъ годахъ. Въ литературѣ аксіомы вновь становятся вопросами, а параллельно въ народной массѣ тревожно встаютъ и заявляютъ о себѣ пережитки старыхъ временъ, до тѣхъ поръ покоившіеся спокойно въ нетронутой глубинѣ. Мнѣ кажется, что это совпаденіе не случайно, какъ не случайно быстрое движеніе облаковъ и одновременная зыбь на океанѣ. Совокупность жизненныхъ условій данной минуты, скорѣе улавливаемая настроеніемъ, чѣмъ сознаваемая мыслью,—заставляла столичныхъ публицистовъ, „волнуясь и спѣша“, нападать на

земскую школу, эту скромную представительницу свѣтскаго образованія,—и она же вызвала странника Антонія изъ далекихъ тобольскихъ дебрей, вынесла его на самую вершину всероссійской извѣстности и породила тьму его послѣдователей въ разныхъ углахъ нашего обширнаго отечества. Въ деревенской глуши наивный философъ „Петя-болящій“ разсуждаетъ объ орудіи антихриста самоварѣ, а въ то же время философъ „Московскихъ Вѣдомостей“ К. Н. Леонтьевъ писалъ о вредѣ грамотности и зловредности желѣзныхъ дорогъ. Разница лишь въ томъ, что господа Леонтьевы продолжали путешествовать со всѣми удобствами, предоставляемыми вагономъ перваго класса, въ то самое время, когда множество простодушныхъ „болящихъ“ плелись пѣшкомъ, отлеживаясь на камняхъ, когда ихъ „схватывало“... И на ихъ упованія, на ихъ „исканія чуда“, на ихъ разочарованія глядѣли равнодушно поощрительные глаза идеализаторовъ ихъ „святого“, но жалкаго и темнаго невѣжества...

Мы глубоко вѣримъ, конечно, въ здравый смыслъ и проснувшіяся трезвыя стремленія народа къ образованію и свѣту. Но... съ этимъ нельзя торопиться достаточно. Всюду, гдѣ общественный барометръ падаетъ почему-либо слишкомъ быстро и горизонтъ заволакивается тучами, — мы видимъ, какъ изъ взволнованнаго народнаго моря проглядываетъ внезапно все еще слишкомъ сильная кошмарная „мудрость“ доисторическихъ временъ. Тѣ самые люди, въ которыхъ обыкновенно мы видѣли трезвую терпимость и даже порыванія впередъ— внезапно становятся доступны темнымъ голосамъ старины и изувѣрства. Выходитъ такъ, что въ спокойное время народъ склоненъ учиться и думать вмѣстѣ съ нами; но въ тревожныя мгновенія своей жизни онъ чувствуетъ вмѣстѣ съ Петей и склоняетъ встревоженный слухъ къ шипѣнію старицъ и мнимыхъ странниковъ, нашептывающихъ ему о зловредности „ученыхъ докторовъ“ и о заразѣ, пускаемой по вѣтру изъ культурной среды въ среду народную.

Газеты то и дѣло несутъ намъ извѣстія о частныхъ вспышкахъ поразительнаго суевѣрія. Въ холерное время мы имѣли случай наблюдать это въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что даже на страницахъ „Гражданина“ раздавались нервно-торопливые призывы къ „просвѣщенію массы“, а на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ можно было встрѣтить пожеланія, чтобы народъ съ его „чистой вѣрой“ хоть немного „повѣрилъ и въ микробу“... Но уроки помнятся недолго: пока не видно зарево пожара, — люди склонны забывать пользу страховой преміи. И мы вновь безпечно ожидаемъ минуты, когда го-

ризонтъ покроется тучами, и тревога всколеблетъ опять глубокіе слои темной народной массы. Тогда опять мы увидимъ, какіе еще уродливые кошмары живутъ въ этой глубинѣ, а въ лицѣ чистыхъ сердцемъ Петей и Микитушекъ встаетъ передъ нами полное отрицаніе самыхъ основъ современной общественности...

А тамъ, за „чистыми сердцемъ“ тянутся вереницы совсѣмъ не чистыхъ Михеичевыхъ и Инчиныхъ, старцевъ въ калошахъ по 1½ пуда, старцевъ съ клюками и веригами, всѣхъ этихъ самозванцевъ духовнаго прозванія, жадно высматривающихъ, гдѣ вода помутнѣе, а невѣжество глубже.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Самозванцы гражданскаго вѣдомства.

I.

Пережитки царственнаго самозванства.

— Знаешь ли ты, матушка, кому ты подаешь напиться?—спросилъ Пугачовъ.— Я императоръ Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ, и ты тоже!—отвѣтила крестьянка.—Нонѣ ужъ трое были, все-то Петры Ѳедорычи... Испей, батюшка, испей себѣ на здоровье. *(Эпизодъ изъ временъ пугачовщины).*

Въ предъидущихъ очеркахъ я пытался провести передъ читателемъ галлерею „самозванцевъ духовнаго прозванія“, эксплоатирующихъ глубокое религіозное невѣжество русскаго народа.

Но, кромѣ суевѣрія религіознаго, существуетъ также гражданское суевѣріе, населяющее воображеніе безправнаго русскаго человѣка извращенными представленьями о власти, объ ея сущности и о реальныхъ предѣлахъ ея въ современномъ общественномъ строѣ. По разнымъ причинамъ историческаго и политическаго свойства, это „гражданское суевѣріе“ не менѣе сильно въ нашемъ народѣ, чѣмъ суевѣріе религіозное. И призраки, порождаемые имъ, не менѣе удивительны и фантастичны, чѣмъ явленія самозванныхъ Богородицъ на улицахъ Кронштадта.

Извѣстно, что Россія вообще страна самозванцевъ, и нигдѣ, ни въ какой другой, по крайней мѣрѣ европейской странѣ

„чужое имя“ не проносилось такими грозами и ураганами, не потрясало въ такой степени всю жизнь, до самыхъ ея основаній. Нашъ Лжедимитрій, если не ошибаюсь, былъ первымъ царемъ „чужимъ именемъ“ послѣ египетскаго Камбиза. Пугачову не удалось захватить тронъ, однако, несомнѣнно, что престолъ Екатерины сильно колебался все время, пока на Уралѣ, Камѣ, Волгѣ носился призракъ ея несчастнаго супруга, убитаго Орловымъ при самомъ вступленіи ея на престолъ.

Эти двое были, однако, не единственными самозванцами, присваивавшими царственныя имена и протягивавшими мозолистыя руки къ россійской коронѣ. Извѣстно, что однихъ названныхъ Димитріевъ было цѣлыхъ трое. Изъ могилы убитаго въ Угличѣ ребенка всталъ, призракомъ, рекомый Отрепьевъ. Изъ его коронованной тѣни возникали новые призраки... То же было и съ Пугачовымъ: у него былъ предшественникъ Богомоловъ. Во время могущества Пугачова, въ разгаръ движенія—личность этого самозванца какъ бы раскололась на множество осколковъ, и каждый изъ нихъ жилъ, дѣйствовалъ и расправлялся именемъ того же Петра Ѳедоровича. Это была цѣлая шайка мелкихъ „Пугачей“, рождавшаяся изъ смуты и носившаяся надъ смятенною страной, пока главный Пугачъ, средоточіе этой раздробленной личности, не былъ схваченъ и казненъ всенародно на московской площади. Даже и послѣ этого въ низовыхъ степяхъ прокинулась еще разъ грозная тѣнь, въ лицѣ казака Заметайлы. Но это была лишь жалкая пародія на удалаго Емельяна, и съ этихъ поръ русское самозванство мельчаетъ, какъ бы понижается чиномъ.

Правда, еще въ 1793 году въ селѣ Пельзенскомъ, Черниговской губ., а затѣмъ въ селѣ Высокомъ появился человѣкъ, объявившій себя наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ. Но это было нѣчто робкое, неувѣренное и жалкое. Неизвѣстный сначала заявилъ только, что онъ „обѣдалъ въ Херсонѣ вмѣстѣ съ Государемъ“, а затѣмъ сталъ заводить разговоры о подушныхъ, давалъ обѣщанія и, наконецъ, „открылся“, что онъ есть самъ Наслѣдникъ. Оказался онъ сыномъ пономаря изъ казаковъ села Жуковки, Черниговской губерніи. Рано оставивъ родительскій домъ, онъ поступилъ въ Содневскій монастырь, а затѣмъ, подобно Григорью Отрепьеву, переходилъ границу и шатался по разнымъ мѣстамъ.

Дѣлу сначала было придано важное значеніе, и самозванца рѣшено казнить смертью. Но затѣмъ приговоръ былъ смягченъ (вырвать ноздри и сослать въ Сибирь), и въ концѣ

концовъ высшая власть признала, что всѣ эти фантазіи 18-лѣтняго Григорья Зайцева представляютъ одно пустое и отнюдь не опасное „вранье“ *).

Бывали и еще мелкія исторіи того же рода. Такъ, въ 1815 году, въ городѣ Арзамасѣ, на Нижнемъ базарѣ къ возницѣ священника села Пешелани подошелъ неизвѣстный въ солдатской шинели, по виду похожій на офицера и попросилъ свезти его въ Нижній. Переночевавъ въ Пешелани у священника, незнакомецъ, вмѣсто Нижняго, велѣлъ везти себя въ дер. Князевку, имѣніе вдовы подпоручика Жемайловой. Г-жа Жемайлова, увидя неожиданно вошедшаго къ ней солдата, испугалась и спросила:

— Что тебѣ надо?

Незнакомецъ обидѣлся.

— Я, сударыня, не солдатъ, — сказалъ онъ помѣщицѣ строго,—а поручикъ и сынъ Императрицы Екатерины II. И пріѣхалъ сюда не зря, а посланъ изъ Петербурга отъ вдовствующей Императрицы Государыни Маріи Ѳедоровны, дабы оповѣстить помѣщичьихъ крестьянъ, что они будутъ казенные. Черезъ три дня я изъ Нижняго привезу бумагу и объявлю актомъ.

Оказался онъ отставнымъ солдатомъ лейбъ-гренадерскаго полка Николаемъ Тарасовымъ Степановымъ, происходившимъ, какъ и предъидущій самозванецъ, — изъ церковниковъ. По окончаніи срока военной службы—нанялся было въ управляющіе къ нижегородскому помѣщику Баженову. Но должность эта ему не понравилась, и онъ 16 мая уѣхалъ въ Арзамасъ, гдѣ нанялъ извощика Абрамова и вознамѣрился „*объявить себя ревизоромъ*“.

Такимъ образомъ,—Степановъ является какъ бы первой ласточкой того ревизорскаго самозванства, которое процвѣтаетъ до нашихъ дней. Но „званіе“ выбрано имъ по старой памяти очень неосторожно, и приговоръ былъ очень строгъ. Постановлено: Николая Тарасова, за оскорбленіе ея императорскаго величества въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Екатерины II, „что онъ якобы есть незаконно-рожденный ею сынъ; за оболганіе ея императорское величество государыню императрицу Марію Ѳедоровну, что онъ ею посланъ нарочито изъ С.-Петербурга для извѣщенія помѣщичьихъ крестьянъ о бытіи имъ казенными... за утайку своего прозванія и напослѣдокъ за разглашеніе вольности помѣщичьихъ

---

*) Сообщено въ „Истор. Общ-вѣ Нестора Лѣтописца“ г-мъ И. Е. де-Витте. „Юж. Обозр.“, 12 дек. 1900 г.

крестьянъ, учиня наказаніе кнутомъ, вырѣзавъ ноздри до кости и поставя на лбу и щекахъ литерные знаки, сослать вѣчно въ каторжную работу“ *).

Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губ., появился въ 1840 году самозванный „великій князь Константинъ“. Появился онъ въ мѣстности, населенной частью русскими крестьянами-старообрядцами, частью же вотяками. Ростомъ онъ былъ высокъ, корпусомъ широкъ и сутуловатъ, волосомъ и бакенбардами „изъ рыже русый“. На лѣвой рукѣ у него не было указательнаго пальца до сустава, „что онъ, показывая народу, выставлялъ явнымъ доказательствомъ важнаго своего происхожденія“ (!) Съ нимъ странствовала крестьянская дѣвица Акулина Васильева, которая на допросѣ заявила, что она не смѣла уйти „изъ уваженія къ высокой его особѣ“, тѣмъ болѣе, что самъ онъ грозилъ „за малѣйшее ослушаніе сказнить ее смертью“. Лестно ей было также, что, куда бы они ни являлись, „то обитатели собирались и толпами ходили за ними“ **).

Дальнѣйшая участь этого самозванца неизвѣстна.

Мы знаемъ также весьма распространенную легенду о томъ, что Императоръ Александръ I не умеръ въ Таганрогѣ, какъ это объявлено въ свое время и записано въ исторіи, а подмѣнилъ себя мертвымъ солдатомъ, и самъ отправился странствовать въ убогомъ видѣ. Въ 1836 году около Красноуфимска появился таинственный человѣкъ, скрывавшій свое званіе и производившій загадочное впечатлѣніе. Онъ наказанъ плетьми и сосланъ за бродяжество, а впослѣдствіи въ Сибири привлекъ общее вниманіе подвижничествомъ и странной тайной, окружавшей его прошлое. Носились слухи, что это никто иной, какъ скрывшійся изъ Таганрога Императоръ Александръ I. До какой степени было живуче еще въ концѣ девятнадцатаго вѣка легендарное представленіе о царяхъ, скитающихся подъ видомъ странниковъ по своему царству,— и при томъ живуче не только въ простонародіи, но и въ просвѣщенныхъ классахъ,—показываетъ то обстоятельство, что даже историкъ Шильдеръ серьезно обсуждалъ эту гипотезу въ своемъ сочиненіи объ Александрѣ Благословенномъ (т. IV, стр. 446—447).

Въ 1900 году въ мѣстечкѣ Лысой-Горѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, появился неизвѣстный человѣкъ, который поселился въ крестьянской избѣ и сначала притворился нѣмымъ. Крестьяне обращали вниманіе на

---

*) „Русскій Архивъ“, май 1898 г. Статья П. Юдина.
**) „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“, май 1900 г.

то, что онъ много писалъ, много читалъ, часто умывался и спать не могъ иначе, какъ на пуховой подушкѣ. Все это внушало крестьянамъ идею, что передъ ними—особа какого-то высшаго ранга. Однажды въ избу набралась крестьянская молодежь и одна изъ дѣвушекъ, говоря по молдавански,—назвала неизвѣстнаго мужикомъ. „Нѣмой“ вспыхнулъ, страшно вспылилъ и, замахнувшись на дѣвушку, неожиданно пріобрѣлъ даръ слова:

— Какъ ты смѣешь грубить?—крикнулъ онъ.—Да знаешь ли ты, кто я? Я—царскій наслѣдникъ, вел. князь Михаилъ!

Этотъ эпизодъ произвелъ на крестьянъ ошеломляющее дѣйствіе. Когда на занимаемую имъ квартиру явился урядникъ, то самозванецъ былъ уже окруженъ толпой, готовой горой постоять за мнимаго наслѣдника, а проходимецъ накинулся на урядника, грозя побить его. Въ концѣ концовъ его, конечно, арестовали *).

Это было въ 1900 году, послѣднемъ году XIX-го столѣтія. А въ первомъ же году двадцатаго вѣка въ Челябинскомъ уѣздѣ появилась странница-богомолка, выдавшая себя за святую и совершавшая передъ собиравшимся къ ней народомъ молебствія. Когда ее арестовали и препровождали этапомъ въ Челябинскъ,—Лежнева въ селѣ Кочердынскомъ внезапно объявила, что она не простая странница, а царица Марія Ѳедоровна. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по селу, и къ Лежневой тотчасъ же собралась толпа легковѣрнаго народа, которому она торжественно заявила о своемъ высокомъ званіи, обѣщая облегченіе отъ всякихъ тяготъ („недоимки всѣ будутъ сложены, а подати пойдутъ по 20 копѣекъ съ души“). Попытки сотскихъ продолжать этапный путь—были отстранены: жители села не выдали „царицу-вдовицу“; они стояли толпой на колѣняхъ, а она пѣла молебны, кропила ихъ водой и надѣляла обѣщаньями. Затѣмъ въ сопровожденіи толпы она направилась въ сосѣднюю деревню Журандину. Былъ праздничный день, но народъ бросалъ пьянство и разгулъ, новыми толпами собираясь къ Лежневой. Загадочная странница, выведя народъ въ поле, разсказывала среди колѣнопреклоненной толпы, что она уже 24 года странствуетъ въ простомъ и низкомъ званіи по лицу русской земли, приглядываясь къ народной нуждѣ и горю, къ неправдамъ и притѣсненіямъ всякаго начальства. Народъ плакалъ, молился и вѣрилъ...

Когда дѣло дошло до суда, то еще до судебнаго засѣда-

---

*) Газ. „Югъ“. Цит. изъ „Нижегор. Листка“, 23 янв. 1901 г.

нія, по предложенію прокурора, Лежнева была подвергнута врачебно-психіатрической экспертизѣ; царица-вдовица оказалась форменной сумасшедшей; дѣло прекращено, а сама Лежнева помѣщена въ домъ умалишенныхъ въ Уфѣ *). Но—кто знаетъ, быть можетъ, среди жителей села Кочердынскаго и деревни Журандиной и теперь еще простыя души вздыхаютъ о чудесно проявившейся странницѣ-царицѣ, которая узнала всю народную нужду и за это схвачена всевластнымъ чиновничествомъ...

II.

Человѣкъ безъ происхожденія и люди съ „чужими личностями".

Несмотря на эти примѣры,—теперь всетаки очевидно, что время царственныхъ призраковъ прошло. Суевѣрное, полумистическое представленіе простого народа о царяхъ, находящихся въ плѣну у чиновничества, стремящихся вырваться изъ этого плѣна и для этого тайно посылающихъ въ народъ своихъ эмиссаровъ, уже сильно подорвано. Легенда не вполнѣ умерла, но она неспособна уже вызвать глубокія и широкія движенія народной души, спаять въ одно цѣлое, слить въ замѣтный потокъ народныя стремленья. Современное самозванство спустилось съ этихъ вершинъ, и его лѣтописцу приходится имѣть дѣло съ болѣе мелкими фигурами, не простирающими своего честолюбія такъ высоко.

Въ 1895 году почти всѣ газеты печатали отчеты о дѣлѣ самозваннаго врача — Карпухина-Покровскаго, обратившаго на себя вниманіе ловкостію, а также нѣкоторымъ романическимъ оттѣнкомъ своихъ похожденій. Нужно сказать, что дѣла этого рода, окрашенныя иногда менѣе, а иногда и болѣе ярко, — возникаютъ у насъ то и дѣло, и я не стану останавливаться на всѣхъ подробностяхъ процесса. Возьму лишь нѣкоторыя наиболѣе, по моему, существенныя черты этого эпизода изъ области повседневнаго мелкаго самозванства.

Начать съ того, что происхожденіе Покровскаго-Карпухина окружено съ самаго начала нѣкоторой таинственностью. Мы можемъ лишь отмѣтить, что мальчикъ груднымъ младенцемъ отданъ былъ изъ воспитательнаго дома псаломщику, 12 лѣтъ опять взятъ отъ псаломщика и помѣщенъ въ типографію Клейна въ Москвѣ. Впрочемъ, самъ Карпухинъ отрицаетъ и эти неясныя черты своего происхожденія, ссылаясь (кажется, довольно убѣдительно) на несовпаденіе сроковъ

*) „Южн. Обозрѣніе", 17 ноября 1901 г.

этой біографіи съ своимъ возрастомъ. Однимъ словомъ, передъ нами человѣкъ, не имѣющій возможности установить точно „происхожденіе своей личности“, что, какъ извѣстно изъ многихъ примѣровъ, равносильно порой полному „неимѣнію личности“... Для поправленія коренныхъ недочетовъ по этой части, Карпухинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію общества села Бужарова, съ которымъ, повидимому, у него нѣтъ никакихъ иныхъ связей.

Можетъ быть, всѣ эти обстоятельства разъясняютъ до извѣстной степени развившуюся впослѣдствіи въ Карпухинѣ склонность къ присвоенію „личностей“, ему не принадлежащихъ. Какъ бы то ни было, первоначальное отсутствіе всякой фамиліи и опредѣленнаго званія онъ постарался вознаградить даже съ избыткомъ: въ теченіе своей 33-лѣтней жизни онъ именовался Голубковымъ, Водановымъ, Вадицкимъ, Карпухинымъ, Орловымъ и Смирновымъ, снабдивъ себя, въ соотвѣтствующемъ изобиліи, также и недостававшими ему самому вполнѣ опредѣленными „видами“ и документами.

Дальнѣйшія подробности такъ печально начавшейся жизни— имѣютъ характеръ возмутительный и мало располагающій къ снисхожденію. Изъ дѣла видно, что 3 ноября 1894 года въ Одессу прибылъ субъектъ, назвавшійся военнымъ врачемъ шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, Влад. Александровичемъ Покровскимъ. Это былъ человѣкъ молодой (32 л.), повидимому красивый, располагающій и даже обаятельный. Вскорѣ онъ завязалъ знакомство съ дѣвицей Александрой Андреевной Тренцовой, жившей съ матерью въ собственномъ домѣ по Институтской улицѣ. Уже 6 ноября онъ ей сдѣлалъ предложеніе, которое было благосклонно принято и самой Тренцовой и ея семьей, а 13 ноября было совершено бракосочетаніе, при чемъ Покровскій уѣзжалъ на недѣлю и привезъ всѣ нужные документы.

Повидимому, молодая женщина была счастлива. Мужъ былъ любезенъ, отличался религіозностью, „высказывалъ свои взгляды на нравственность и честность“, но вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялъ нѣкоторую недовѣрчивость къ окружающимъ, крайнюю нервность и... часто плакалъ.

Любопытная черточка. Въ этотъ періодъ своей жизни, „Покровскій“ узналъ, что жена ихъ дворника не есть его законная жена. Немедленно же онъ посылаетъ въ полицію фантастическій доносъ, въ которомъ излагаетъ выдуманную исторію самозванства. По провѣркѣ впослѣдствіи оказалось, что ни одна черта этого доноса не подтвердилась по отноше-

нію къ другимъ. Но за то... это была точная исторія самого Покровскаго, вплоть до подложнаго наслѣдства...

Покровскій говорилъ на судѣ, что на Тренцовой онъ женился „по любви“, хотѣлъ исправиться и вести честный образъ жизни. Человѣческая природа сложна—и кто знаетъ, можетъ быть, это правда... можетъ быть, этотъ уже затравленный жизнію, часто плакавшій человѣкъ дѣйствительно любилъ, дѣйствительно желалъ остановить свои скитанія на той „личности“, въ оболочкѣ которой оказался въ данное время... Можетъ быть, онъ привязался также и къ личности „врача Покровскаго“, котораго представлялъ себѣ именно солиднымъ, набожнымъ, сочиняющимъ благонамѣренные доносы на безнравственныхъ людей... Но... имѣть нѣсколько личностей, — это положеніе такого рода, что не даетъ человѣку возможности остановиться на одной. И вотъ Покровскій начинаетъ вдругъ безпокойно метаться, придумываетъ фантастическое наслѣдство, которое только-что приписалъ другому лицу, уѣзжаетъ куда-то, пріѣзжаетъ вновь и вновь уѣзжаетъ, захвативъ съ собой жену...

Повидимому, ему дѣйствительно не такъ легко разстаться съ той полосой жизни, которая выпала на долю врача Покровскаго, иначе, конечно, ничего не стоило бы сразу же бросить жену на произволъ судьбы и принять какое-нибудь новое званіе. Но онъ этого не дѣлаетъ... Онъ пытается еще наладить что-то..

Молодая женщина, ничего не подозрѣвая, безпечно ѣдетъ за „наслѣдствомъ“. Они останавливаются въ Воронежѣ, для поклоненія мощамъ св. Митрофанія,—„на что Покровская выразила свое согласіе, зная религіозные взгляды своего мужа“. Покровскій накупаетъ образковъ и крестиковъ, вечеромъ они осматриваютъ городъ, а на утро мужъ будитъ жену и зоветъ ее къ ранней обѣднѣ. Жена не можетъ угоняться за нимъ въ религіозномъ усердіи и потому остается въ номерѣ.

Черезъ 2 часа она замѣчаетъ жандарма, о чемъ-то разспрашивающаго у швейцара, глядя въ ихъ окна... Она, конечно, не придаетъ этому значенія... Около 8 часовъ супругъ возвращается въ номеръ, чтобы принести женѣ просфору отъ ранней обѣдни, а въ 9 опять уходитъ куда-то и... исчезаетъ совсѣмъ. Подозрѣнія, справки — и передъ бѣдной Тренцовой раскрывается печальная истина... А въ сентябрѣ полиція уже задерживаетъ въ Славянскѣ военнаго врача Анатолія Смирнова, который пытался выманить 200 рублей у нѣкоего Киселева, подъ предлогомъ сватовства къ его дочери. Это „новая личность“ все того же Карпухина, испытавшая новое

превращеніе и начинающая „новую жизнь“... За нимъ уже нѣсколько такихъ „личностей“ и нѣсколько жизней, воспитательный домъ, воспитаніе у псаломщика, типографія, фельдшерство, тюрьма, быть можетъ, любовь и тоска невольнаго побѣга отъ этой любви, отъ возможнаго довольства. Передъ нимъ—скамья подсудимыхъ и нѣсколько уголовныхъ процессовъ...

Я не знаю, какова дальнѣйшая судьба этого „безличнаго“ и въ то же время многоликаго несчастливца, носящагося по свѣту въ своеобразныхъ поискахъ чужихъ личностей и попыткахъ многообразныхъ воплощеній,—но то, что мы узнали до сихъ поръ, рисуетъ очень ясными чертами фигуру, совмѣщающую въ себѣ типическія черты цѣлаго вида такихъ же самозванныхъ несчастливцевъ, которыхъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ фантастическихъ условій нашей дѣйствительности, судьба лишила „собственной личности“, какъ извѣстный герой Андерсеновской сказки былъ лишенъ собственной тѣни. „Лишенные правъ состоянія“, обездоленные, имѣющіе основаніе скрывать свое происхожденіе,—носятся они по житейскому морю, жадно высматривая первую возможность воплощенія въ томъ или другомъ видѣ. И, разумѣется, всѣ эти посягательства на „непринадлежащее званіе“ направляются кверху, къ такому внѣшнему званію, которое уже само по себѣ даетъ личности силу, значеніе и... возможность нѣкоторой наживы...

Замѣчательно, съ какой чуткостію вся эта мелкая стая скромныхъ самозванцевъ кидается на всякое сколько-нибудь замѣтное имя, летитъ на всякое выдающееся общественное движеніе и событіе.

Во время голода въ Нижнемъ производятся общественныя работы. Объ нихъ много говорятъ въ обществѣ, пишутъ въ газетахъ, — и вотъ по нимъ уже важно расхаживаетъ мѣщанинъ Хинелевъ. На этотъ случай онъ совлекъ съ себя свою мѣщанскую личность и именуется дворяниномъ Корольковымъ. „Для большой авторитетности своего самозванства,— какъ было сказано въ „Волгарѣ“ (1893, № 288),—онъ носитъ фуражку министерства народнаго просвѣщенія, съ кокардой, хотя самъ не можетъ грамотно написать адресъ“. Интересно, что когда околоточный Прохоровъ, по возникшимъ сомнѣніямъ въ личности, пригласилъ „дворянина Королькова“ въ участокъ, то послѣдній очень гордо выложилъ, вмѣсто паспорта, цѣлую массу „записокъ отъ княгинь, князей, инженеровъ и присяжныхъ повѣренныхъ“. Это оказалось очень внушительно, и скромная „личность“ околоточнаго Прохорова почувствовала

себя подавленной. Онъ уже готовъ былъ смиренно извиниться передъ дворяниномъ Корольковымъ и просить прощенія, но... въ это время изъ-за спины дворянина Королькова неожиданно выглянула собственная мѣщанская личность обрадованнаго Хинелева, который смиренно поклонился и сказалъ подобострастно:

— Покорно благодарю, ваше высокоблагородіе.

Тогда личность околоточнаго вновь воспрянула, и г. Корольковъ былъ препровожденъ въ кутузку вмѣстѣ съ записками.

„Современный кризисъ сельскаго хозяйства", злоба дня девяностыхъ годовъ—заставилъ ходить по Казани почтеннаго, но разорившагося князя, въ которомъ мы узнаемъ опять того же мѣщанина Хинелева *). Какой-то князь Чичинадзе—мелькнулъ и исчезъ изъ Ярославля, оставивъ послѣ себя рядъ туманныхъ загадокъ на долю ярославской полиціи. Мы помнимъ самозваннаго Надсона,—какого-то блѣднаго человѣка, въ подрясникѣ (!), съ длинными волосами, появлявшагося въ окрестностяхъ Кіева, въ то время, когда читающая Россія съ участіемъ слѣдила за трагедіей этой молодой угасающей жизни. Въ 1894 году въ Яранскѣ задержанъ самозванецъ „разсказчикъ И. Ф. Горбуновъ" **), въ 1899 году обнаруженъ странный писатель, составившій себѣ даже нѣкоторую извѣстность подъ видомъ бывшаго офицера турецкой службы, Кази-Бека Атукаева. Онъ писалъ разсказы изъ турецкаго быта, издалъ книжку „Черкесскихъ разсказовъ" и т. д. Но въ концѣ концовъ оказалось, что онъ просто Гершъ Этингеръ, дезертировавшій въ 1891 году и никогда въ Турціи не бывавшій ***). Быстрая извѣстность Максима Горькаго вызвала на свѣтъ его двойника, который привлекалъ вниманіе херсонской публики въ то время, какъ Горькій былъ въ другомъ мѣстѣ. Былъ самозванный Потапенко, въ 1909 году въ Варшавѣ чествовали банкетомъ самозваннаго Дорошевича, въ послѣдній голодъ 1912 года по Волгѣ разъѣжалъ самозванный Короленко, въ Ташкентѣ проявился А. М. Ѳедоровъ и т. д. Въ 1905 году въ районѣ Пречистенской части задержанъ высланный изъ Москвы крестьянинъ Степанъ Алексѣевъ, выдававшій себя среди народа за извѣстнаго адвоката Плевако. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ настоящій Плевако, но нарочно переодѣвается въ простое платье, чтобы народъ его не чуждался и чтобы простые люди могли извлечь пользу изъ его

*) „Волжскій В-къ", 1895 г., № 60.
**) „Волгарь", 28 янв. 1894.
***) „Сам. Газ.", 6 апр. 1899.

юридическихъ познаній“ *). Изобрѣтеніе прививки бѣшенства и сибирской язвы—отразилось въ нашемъ Владикавказѣ появленіемъ какого-то ловкаго субъекта, именовавшаго себя „ассистентомъ знаменитаго Пастера“. Онъ ѣздитъ по селеніямъ и станицамъ Терской области, появляясь даже въ городахъ—и дѣлаетъ „прививки по способу Пастера“ отъ всякихъ болѣзней. Во Владикавказѣ этому самозванцу „пригрозили“ полиціей и тюрьмой, и онъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты „Каспій“, — направился въ Ставропольскую губернію и Кубанскую область **).

А въ 1903 году тотъ же Ростовъ на Дону осчастливленъ прибытіемъ „сына знаменитаго профессора Мечникова“, который объявилъ себя спеціалистомъ по нервнымъ болѣзнямъ. Онъ оказался послѣдовательно Николаемъ Ивановичемъ, Иваномъ Николаевичемъ и въ концѣ концовъ „мнимымъ студентомъ“ Черевановымъ ***). Въ одно время, тоже въ 90-хъ годахъ значительную популярность въ провинціи пріобрѣли командируемые отъ времени до времени летучіе окулистическіе отряды. И вотъ, въ Кіевской и Полтавской губерніи уже орудуетъ какой-то самозванецъ въ „своеобразномъ мундирѣ съ желтыми нашивками на воротникѣ и такой же ленточкой черезъ плечо“. Онъ привлекаетъ сразу много чающихъ исцѣленія, чѣмъ-то мажетъ глаза, что-то впрыскиваетъ, даже рѣжетъ вѣки и черезъ нѣсколько дней скрывается, при чемъ „личность его остается невыясненной. Говорятъ, — прибавляетъ корреспондентъ,—что этотъ Хлестаковъ—изъ персидскихъ подданныхъ“.

Не успѣли широко распространиться извѣстія о предстоявшей переписи, какъ уже „Томскій Листокъ“ сообщаетъ о появленіи какого-то субъекта, который ходитъ по домамъ съ тетрадкой и переписываетъ, „по особому порученію“, въ виду будущей общей переписи — говѣвшихъ и неговѣвшихъ. Съ послѣднихъ, разумѣется, онъ взимаетъ отъ 10—20 копѣекъ, каждый разъ занося это акуратнѣйшимъ образомъ въ тетрадку. „Самозваннаго статистика, — прибавляетъ корреспондентъ,— полиція взяла подъ свое попеченіе“ ****).

Есть и самозванные „ученые“. Одно время много говорили у насъ объ экспедиціяхъ Пржевальскаго и его преемниковъ. Въ одной изъ этихъ экспедицій участвовалъ молодой ученый, К. И. Богдановичъ. И вотъ, въ Бѣлостокѣ, Гродненской губерніи, устраивается 25 августа 1893 г. литературный вечеръ,

*) „Нижегор. Лист.“, 1896, № 66.
**) „Нов. Врем.“ 1893, № 6056.
***) „Волжскій В—къ“ 30 мая 1896.
****) „Нижег. Лист.“ № 196 (1904?).

на которомъ „членъ географическаго общества Г. Н. Богдановичъ“ знакомитъ публику съ результатами своихъ путешествій по Россіи и, главнымъ образомъ, по Сибири. „Изъ словъ лектора видно,—почтительно сообщаетъ корреспондентъ „Виленскаго Вѣстника“,—что онъ началъ свое путешествіе съ губерній Екатеринославской, Херсонской и Курской“ (?!). Далѣе сообщается, что „губерніи эти произвели на молодого ученаго не особенно пріятное впечатлѣніе: земли въ нихъ мало, а народу много“. Справедливо усматривая въ этомъ одну изъ причинъ переселеній, — молодой ученый сообщилъ затѣмъ о самихъ переселенцахъ свѣдѣнія, извѣстныя каждому, кто читаетъ газеты, — и, наконецъ, „разсказалъ нѣсколько сценъ изъ народнаго и малороссійскаго быта (?), подмѣченныхъ имъ во время путешествія. Разсказы были выполнены артистически“. Корреспондентъ не можетъ не выразить глубокой благодарности г. полиціймейстеру, „который принялъ въ устройствѣ вечера живое участіе, поручивъ полиціи продажу билетовъ“. Наоборотъ, бѣлостокская интеллигенція,—отмѣчаетъ онъ съ горькой ироніей,—отнеслась къ молодому ученому совершенно равнодушно.

Черезъ нѣкоторое время такія же извѣстія появились изъ другихъ городовъ, а затѣмъ послѣдовало и разоблаченіе: г. Богдановичъ оказался просто какимъ-то невѣжественнымъ самозванцемъ, воспользовавшимся извѣстностью своего однофамильца и легковѣріемъ гг. полиціймейстеровъ и публики.

Въ 1903 году предпріимчивый самозванецъ организовалъ даже цѣлую „конную научную экспедицію“ во Владикавказѣ. Она такъ и называлась: „научная конная экспедиція д-ра Б—скаго“. Въ составъ экспедиціи входили, между прочимъ, горный инженеръ Шолоховъ, гг. Аносовъ и Видинцевъ. Экспедиція выступила изъ Владикавказа, но вскорѣ ея участники покинули своего руководителя и вернулись обратно. Причиной распаденія экспедиціи послужило „самозванство Б—скаго, который оказался не ученымъ и не докторомъ, а отставнымъ фельдшеромъ саратовской земской больницы“. Роль „ученаго“ онъ игралъ повидимому довольно искусно, но вскорѣ обнаружилось, что онъ не умѣетъ даже просто оріентироваться въ географической картѣ... Участники вернулись, затративъ на организацію экспедиціи до 30 тысячъ рублей, данныхъ г-мъ Аносовымъ *).

Имѣетъ своихъ самозванцевъ и пресловутое обрусѣніе окраинъ. Въ 1894 году судился въ Вильнѣ старшій дѣлопроизводитель канцеляріи генералъ-губернатора, статскій со-

*) „Южн. Обозр.“, 20 авг. 1903 г.

вѣтникъ Николай Ивановичъ Самойло, по обвиненію въ подложномъ присвоеніи званій и орденовъ. Въ 1885 году поступилъ на службу, „по вѣскимъ дамскимъ рекомендаціямъ“, блестящій молодой человѣкъ, кандидатъ двухъ факультетовъ, кавалеръ русскихъ и иностранныхъ орденовъ. Черезъ короткое время блестящій молодой человѣкъ оперился настолько, что предъявилъ къ казнѣ требованіе о возмѣщеніи передержанныхъ якобы имъ десятковъ тысячъ рублей при сооруженіи какого-то храма и сталъ искать судебнымъ порядкомъ съ г. Берга, издателя „Русск. Вѣстника“, 30 тысячъ „комиссіи“ за содѣйствіе при покупкѣ послѣднимъ имѣнія „Звѣринецъ“ княгини Гогенлоэ. Вскорѣ, однако, стали ходить о немъ сенсаціонные слухи—и, въ концѣ концовъ, ловкій дѣлецъ оказался самозванцемъ: и два факультета, и ордена оказались фантастическимъ подлогомъ, а дѣйствительность доставила лишь справку о судимости за мошенничество, по которому, впрочемъ, онъ былъ оправданъ. Виленскій судъ приговорилъ его къ лишенію особыхъ правъ и ссылкѣ въ Архангельскую губ. на 2 года *).

Надо думать, что на „обрусительной“ почвѣ имѣютъ особую силу „вѣскія дамскія рекомендаціи“ и у Самойло оказались подражатели. Въ 1905 году въ газетахъ сообщалось, что „въ Варшавѣ правитель канцеляріи оказался бѣглымъ каторжникомъ“. На это послѣдовало офиціальное опроверженіе г-на Варшавскаго губернатора, ген. Мартынова (6 авг. 1905 года, за № 3273), въ которомъ г. губернаторъ сообщаетъ, что бѣглымъ каторжникомъ оказался, „не правитель моей канцеляріи, а бывшій правитель Петроковскаго губернатора“ **).

Въ 1901 году обнаружился на той же обрусительной почвѣ самозванецъ Коссацкій; онъ тоже „по рекомендаціи одной дамы“ былъ опредѣленъ на службу, провелъ на службѣ много лѣтъ, при чемъ всѣ его бумаги оказались поддѣльными ***).

Въ 1910 году князь Мещерскій разсказалъ любопытную исторію нѣкоего Л., правителя дѣлъ одного виднаго петербургскаго учрежденія, который ревизовалъ другихъ, но въ то же время навлекъ ревизію собственными поступками какъ разъ того же рода, которые призванъ былъ искоренять. При этомъ возникли сомнѣнія въ его самоличности, такъ какъ хотя онъ и служилъ 10 лѣтъ, но его документовъ въ вѣдомствѣ не имѣлось. Они были замѣнены сильной протекціей... ****)

---

*) „Р. Ж.“, 1894, № 111.

**) „Южная Россія“, 27 авг. 1905.

***) „Южн. Обозр.“ 27 окт. 1901 г. и „Русск. Вѣд.“ 23 окт. того же года.

****) „Гражданинъ“. Цит. изъ „Совр. Слова“, 11 окт. 1910.

III.

Безкорыстное самозванство. Мой знакомый самозванный сыщикъ.

Въ громадномъ количествѣ такихъ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ обманомъ, имѣющимъ въ виду корысть. Несомнѣнно, однако, что объясненіе одной лишь корыстью далеко не исчерпываетъ явленія въ его сущности. Оно имѣетъ свою, болѣе сложную и при томъ двухстороннюю психологію.

Прежде всего есть самозванство, совершенно несвязанное съ вымогательствомъ. Въ Орлѣ по Ситниковской ул. нѣсколько лѣтъ проживалъ, напримѣръ, отставной полковникъ Н. Н. Ивановъ, постоянно ходившій въ военной тужуркѣ съ георгіевской петлицей. Жизнь онъ велъ респектабельную, газеты получалъ черезъ первую полицейскую часть (привозилъ казакъ), умѣлъ держать себя, „очень мило платилъ деньги въ театрахъ и клубахъ". Когда эта вполнѣ приличная фигура появлялась на улицахъ, то военные чины и городовые почтительно отдавали честь. Къ этому „подполковникъ" былъ очень требователенъ. Оказалось, что этотъ респектабельный военный господинъ до своей почетной отставки былъ... лакеемъ тульскаго предводителя дворянства *)!

Въ томъ же году въ Уфѣ молодой человѣкъ въ формѣ акцизнаго контролера производилъ въ разныхъ мѣстахъ досмотры, при чемъ часто обращался къ содѣйствію полиціи. Оказался онъ тоже самозванцемъ, сыномъ виднаго въ служебной іерархіи лица, не нуждавшимся въ средствахъ. На вопросъ, что заставило его совершить преступленіе, онъ отвѣтилъ: „Нравится. Да у меня еще нѣсколько дѣлъ у судебнаго слѣдователя въ Перми" **).

Въ 1910 году деревенскій парень Смоковенко надѣлъ папаху, привѣсилъ маску (!) (дѣло было на Рождествѣ) и явился въ 12 часовъ въ село Разумовку (Черниг. губ.), заявивъ, что онъ стражникъ и агентъ сыскного отдѣленія (маска очевидно подчеркивала званіе *тайнаго* агента). Потребовавъ къ себѣ обходъ, онъ произвелъ во многихъ домахъ форменные обыски... Въ дѣйствіяхъ Смоковенко не было никакихъ признаковъ корысти, и присяжные его оправдали ***).

Въ гор. Таращѣ, Кіевской губ., въ сент. 1908 года появился „помощникъ инспектора конно-полицейской стражи", одѣтый

*) „Нов. Вр.", 9 февр. 1898.
**) „Сам. Газ.", 24 марта 1898.
***) „Кіевскія Вѣсти", 22 окт. 1910.

въ синюю куртку съ погонами и эксельбантами, съ нѣсколькими георгіями на груди. Онъ обревизовалъ книги отряда, осмотрѣлъ винтовки, одежду и т. д. и затѣмъ, съ большимъ знаніемъ дѣла и увлеченіемъ произвелъ манежную ѣзду... Ни о какихъ посягательствахъ на взятки корреспондентъ не сообщаетъ. Арестованный за самозванство, онъ оказался бывшимъ земскимъ стражникомъ *). Онъ часто выполнялъ чужія команды, и ему захотѣлось хоть разъ покомандовать самому.

Всякій разъ, когда я думаю о побужденіяхъ этой злополучной и вредной самозванной мелкоты, стараюсь представить себѣ мотивы „присвоенія чужой личности"—мнѣ приходитъ на память одно, довольно близкое знакомство въ этой области.

Въ 1893 году въ Нижнемъ-Новгородѣ въ мою комнату тихо вошелъ человѣкъ высокаго роста, худой и блѣдный, съ робко страдающимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ. Онъ былъ одѣтъ бѣдно, но съ видимымъ стараніемъ сохранить нѣкоторое приличіе, и, войдя, заговорилъ такъ тихо и застѣнчиво, что начала его рѣчи я не разслышалъ совершенно...

— Безъ мѣста 6 мѣсяцевъ... семейство... средствъ никакихъ-съ, все изъ сундука, да изъ сундука-съ... теперь ужъ и въ сундукѣ ничего-съ. Вопли, знаете ли, невинныхъ младенцевъ положительно надрываютъ душу...

Это упоминаніе о невинныхъ младенцахъ, хотя и сдѣланное въ столь витіеватой формѣ,—отзывалось такой глубокой тоской, звучавшей въ голосѣ и глядѣвшей изъ тусклыхъ, затуманенныхъ глазъ незнакомца, — что я съ невольнымъ участіемъ посмотрѣлъ на него, отрываясь отъ работы, которою былъ занятъ въ это время. Лицо просителя было довольно пріятно, хотя носило видимые слѣды какихъ-то не вполнѣ обыкновенныхъ житейскихъ невзгодъ, а на лбу, надъ глазомъ обращала вниманіе глубокая впадина, рождавшая невольную идею объ ударѣ тупымъ орудіемъ или о неудачномъ покушеніи на самоубійство посредствомъ выстрѣла въ упоръ. Онъ гдѣ-то служилъ въ казенномъ учрежденіи, потомъ въ частномъ, пострадалъ „вслѣдствіе человѣческой злобы и собственно за правду", — теперь бѣдствуетъ нестерпимо и не можетъ уже болѣе выносить воплей своего неповиннаго семейства.

Я далъ ему кое какую работу у себя на дому. Являлся онъ аккуратно, непремѣнно съ задняго хода, не позволяя себѣ прибѣгать къ звонку, робко и застѣнчиво раздѣвался въ кухнѣ, прокрадывался затѣмъ въ отведенную для работы комнату какъ-то на цыпочкахъ, стараясь, чтобы его никто не

*) „Кіевскія Вѣсти", 6 сент. 1908.

замѣтилъ. Во всѣхъ его манерахъ сквозило желаніе—стушеваться, исчезнуть гдѣ-нибудь въ уголкѣ; всѣ его пріемы были проникнуты чѣмъ-то, что я не могу назвать иначе, какъ „стыдомъ собственнаго существованія“. Это совершенно особенное ощущеніе, которое, кажется, чаще всего наблюдается у насъ, русскихъ. Послѣдняя степень смиренія, если хотите, полное уничтоженіе собственной личности. Всякій разъ, когда я думаю о несчастномъ человѣкѣ, дерзновенно принявшемъ на себя званіе царя Петра Ѳедоровича и потрясшемъ Россію смятеніемъ и ужасомъ,—я невольно вспоминаю о томъ, какъ тщательно этотъ человѣкъ, державшій въ своей рукѣ громы и смерть — долженъ былъ скрывать отъ приближенныхъ свою спину, навсегда исполосованную кровавыми рубцами плетей во время прусскаго похода...

Однако, возвращаюсь къ моему новому знакомому.

Выдающейся чертой его, которую я долженъ подчеркнуть особенно, являлась чрезвычайная щепетильность и совѣстливость. Онъ просилъ у меня только работы, избѣгалъ просить денегъ, старался, даже когда я предлагалъ ему самъ, брать какъ можно меньше подъ будущую работу, и лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ рѣшался, послѣ мучительныхъ колебаній—сказать о томъ, что младенцы сидятъ опять въ нетопленной квартирѣ. Вообще, корыстныя черты, повидимому, совершенно отсутствовали въ его характерѣ.

Работалъ онъ усидчиво и чрезвычайно добросовѣстно, но съ весьма незначительнымъ успѣхомъ. Проходя, бывало, по своему корридору, я видѣлъ порой въ стеклянную дверь его длинную и тощую фигуру съ головой, склоненной на лѣвое плечо, пока рука выводила красивыя строки. Такъ, должно быть, писалъ гоголевскій Акакій Акакіевичъ. Къ сожалѣнію, однако, всякое несовсѣмъ разборчивое слово моей рукописи принимало подъ его перомъ какія-то необыкновенныя, совершенно фантастическія окончанія, лишавшія самое слово всякаго смысла. Въ такихъ случаяхъ, онъ конфузился, извинялся и страдалъ безконечно, не смотря на то, что я безъ церемоніи зачеркивалъ ошибку и писалъ вверху нужное окончаніе, успокаивая его писарскую щепетильность. Казалось, онъ боялся хотя бы въ одной буквѣ или знакѣ препинанія проявить подобіе иниціативы.

Наконецъ, мнѣ удалось устроить его на постоянную работу на заводѣ, которымъ управлялъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Мой знакомый былъ имъ доволенъ, сослуживцы тоже. Онъ былъ аккуратенъ, исполнителенъ, и только въ отношеніяхъ къ рабочимъ проявлялъ нѣкоторую излишнюю стро-

гость и, пожалуй, держалъ себя слишкомъ высокомѣрно. При встрѣчахъ онъ увѣрялъ меня, что совершенно доволенъ. „И младенцы, знаете ли, отдохнули-съ!“ Приходилось вѣрить на слово, и я былъ радъ видѣть довольнаго человѣка. Въ наше время это такая рѣдкость!

Но вотъ, въ Нижнемъ стали въ 1904 г. готовиться къ предстоящей выставкѣ. Между прочимъ на одной изъ нижегородскихъ улицъ появилась вывѣска „N-ское сыскное отдѣленіе“, и мѣстная газета стала сообщать о разныхъ, болѣе или менѣе ловкихъ открытіяхъ и подвигахъ мѣстныхъ Лекоковъ. Вслѣдствіе этого, а также и другихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ столь явное выступленіе полицейскаго учрежденія „по образцу столицъ“, въ городѣ стали говорить о немъ, оно стало до извѣстной степени „злобою дня“.

Въ одинъ прекрасный день я прочиталъ въ мѣстной газетѣ, что въ одной изъ гостинницъ арестованъ полиціей господинъ, присвоившій себѣ знаніе „тайнаго агента“. Произошло это при обстоятельствахъ довольно оригинальныхъ: потомственный дворянинъ И—въ, — писали въ газетѣ, — подойдя къ столу, за которымъ сидѣли въ трактирѣ гг. А., Б. и В., безъ всякой церемоніи налилъ себѣ изъ ихъ графина рюмку водки и выпилъ ее. Когда же удивленные собесѣдники спросили у него объ основаніяхъ столь смѣлаго посягательства, то „потомственный дворянинъ“ сталъ имъ грозить, называя себя агентомъ тайной полиціи. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, и очень можетъ быть, что компанія признала бы себя удовлетворенной объясненіемъ, если бы, случайно, тутъ же не присутствовалъ настоящій агентъ, который арестовалъ самозванца.

Я сначала не обратилъ на эту замѣтку никакого вниманія. Но черезъ нѣсколько дней газета сообщила опять, что извѣстный уже читателямъ, „потомственный дворянинъ“ не унимается: онъ разъѣзжаетъ на лихачахъ, денегъ не платитъ, а при требованіи уплаты, ведетъ себя необыкновенно высокомѣрно, ссылаясь все на то же свое почетное званіе сыщика. Одно изъ такихъ приключеній кончилось нѣкоторымъ шумомъ на улицѣ, при чемъ городовой сначала сильно колебался въ своихъ поступкахъ, опасаясь затронуть могущественную особу, но въ концѣ концовъ дѣло всетаки завершилось протоколомъ и привлеченіемъ къ мировому за присвоеніе „ненадлежащаго званія“...

На рождествѣ ко мнѣ явился опять мой скромный писецъ. Я подумалъ, что продолжительное „довольство“ вернуло ему самоуваженіе и что онъ явился ко мнѣ въ качествѣ празд-

ничнаго гостя съ визитомъ. Но уже со второго взгляда я убѣдился, что надъ нимъ что-то стряслось: углы губъ опять горько опустились книзу, глаза робко бѣгали или сосредоточенно уставлялись въ пространство; вообще все въ немъ являло человѣка, вновь вступившаго на тропу бѣдствій и житейскихъ невзгодъ. Отозвавъ меня въ кабинетъ и тамъ упорно отказавшись принять предложенный ему стулъ, путаясь и сбиваясь, онъ сообщилъ мнѣ, что опять бѣдствуетъ безъ мѣста, опять „несправедливо утѣсняемъ“ злыми людьми,— и опять не въ силахъ вынести вопли невинныхъ младенцевъ. Тутъ меня внезапно осѣнила горестная догадка:

— Это вы судились у мирового за самозванство?

— Я-съ,— потупился онъ, и краска залила его лицо, а впадина на лбу стала совсѣмъ багровой.— Только это совершенная, можно сказать, неправда. Повѣрьте-съ... несправедливо оклеветанъ...

Отъ моего знакомаго, которому онъ былъ рекомендованъ, я узналъ, что съ нѣкоторыхъ поръ мой protegé сталъ пить, при чемъ держалъ себя очень назойливо и высокомѣрно, пьяный не только не скрывался, но лѣзъ на глаза заводскому начальству и начиналъ горделивые разговоры, такъ что, наконецъ, однажды его силой удалили изъ помѣщенія.

Новое поступленіе на службу оказалось послѣ этого невозможнымъ. Однако И—овъ не желалъ признать этой печальной истины, приходилъ въ контору, упирался, чуть не цѣлуя руки, потомъ подалъ жалобу за оскорбленіе его дворянской чести, потомъ опять приходилъ извиняться и во всѣхъ этихъ фазисахъ своего отчаяннаго настроенія угнеталъ и меня непрестанными посѣщеніями и просьбами о заступничествѣ (денегъ опять самъ не попросилъ ни разу). При этомъ порой въ его взглядѣ мерцали опять то стыдъ собственнаго существованія, то какое-то озлобленное и настойчивое высокомѣріе. И опять „вопли неповинныхъ младенцевъ“ видимо смертельной тоской угнетали его истоптанную и измотавшуюся душу... Потомъ я узналъ, что это уже не первый случай съ И—вымъ, что его жизнь въ Нижнемъ есть непрерывная цѣпь бѣдствій, составленная изъ этихъ противоположныхъ звеньевъ: то полное уничиженіе, то внезапные подъемы, состоящіе изъ опьяненія спиртными напитками и еще болѣе — самозванственными фантазіями разныхъ видовъ и формъ.

Случайная встрѣча съ этимъ горемыкой объяснила мнѣ до извѣстной степени психологію русскаго самозванства. Теперь, послѣ знакомства съ И—вымъ, для меня получаетъ особенное значеніе и его „стыдъ собственнаго существованія“, пе-

ріоды его горькой жизни, и высокомѣрное отношеніе его къ рабочимъ, и многое, многое другое. Я невольно вспоминаю нервность и слезы злополучнаго Покровскаго-Карпухина, и то, что онъ вышелъ изъ воспитательнаго дома, „безъ всякаго происхожденія“, безъ всякихъ „правъ состоянія“; вспоминается мнѣ и униженіе Ивана Александровича Хлестакова передъ Осипомъ и передъ слугой въ гостинницѣ, и поротая спина Емельки Пугачова, и то, что онъ бѣгалъ на Вѣтку, чтобы пріобрѣсти себѣ „право приписки“, передъ тѣмъ, какъ заявить право на россійское царство, и скромное званіе темнаго послушника, даже разстриги, которое Гришка Отрепьевъ мѣняетъ на престолъ Годунова. Страшная горечь, жгучая боль попранной личности приводитъ и несчастнаго Поприщина къ убѣжденію, что онъ никто иной, какъ искомый наслѣдникъ испанскаго престола. Такую же жгучую „боль личности“, затоптанной, униженной и оскорбленной, видимъ мы въ разсказѣ Достоевскаго „Двойникъ“,—гдѣ эта личность, наконецъ, съ отчаянія, отъ нестерпимаго сознанія своей ничтожности, раздваивается, какъ бы распадается на двѣ половины: утѣснителя и гонителя съ одной стороны,—утѣсняемаго и гонимаго — съ другой... Нѣтъ, одними корыстными мотивами заурядныхъ мошенниковъ не исчерпывается явленіе, которое я пытаюсь здѣсь анализировать; и въ примѣрахъ, занесенныхъ въ газетную лѣтопись или на страницы исторіи, и въ цѣльныхъ образахъ, данныхъ намъ художниками,—проявляется одна и та же болѣзнь, глубокая и распространенная,—тяжкая болѣзнь „русской личности“, ищущей внѣшней опоры, легко отъ себя отрѣшающейся и такъ жадно стремящейся къ чужимъ сильнымъ личностямъ и положеніямъ. Доведенная до послѣдней степени униженія, извѣдавшая всю жгучую горечь „стыда собственнаго существованія“, припертая къ стѣнѣ самаго уже послѣдняго отчаянія, — тутъ-то именно душа россійскаго Поприщина внезапно отрѣшается отъ себя, выскакиваетъ, какъ затравленная лисица въ сказкѣ, изъ собственной шкуры. Еще недавно извивавшійся въ пыли, въ глубокомъ сознаніи собственнаго безсилія,—онъ вдругъ съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ подымаетъ голову, сдвигаетъ брови и, гордо озирая окружающихъ, спрашиваетъ:

— Кто я по здѣшнему мѣсту! Вѣдомо ли вамъ, несчастнымъ, обреченнымъ на трепетъ, что я тотъ самый, передъ кѣмъ именно вы и повинны трепету!..

И послѣ этого судьба такого русскаго человѣка складывается уже въ зависимости отъ случайностей и внѣшнихъ обстоятельствъ. Бѣдняга Поприщинъ, какъ и герой Достоев-

скаго, попадаетъ въ сумасшедшую палату, растрига Отрепьевъ дѣлаетъ карьеру, въ дѣйствительность которой, повидимому, могъ бы повѣрить только сумасшедшій, а затѣмъ падаетъ съ этой высоты на копья стрѣльцовъ. Емельянъ Пугачовъ скромно пробирается лѣсами съ польской Вѣтки на Волгу, гдѣ ему разрѣшили приписаться къ дворцовой волости и пріобрѣсти такимъ образомъ „права крестьянскаго состоянія". Но его какой-то рокъ сводитъ съ яицкими раскольниками на Иргизѣ. Между тѣмъ, на Яикѣ незадолго до этого вольные казаки всѣмъ кругомъ валялись въ грязи передъ генераломъ Череповымъ, который, въ опьяненіи своей минутной ревизорской власти, приказалъ стрѣлять въ лежавшую толпу *). Казаки поднялись и сказали: „Кто мы! Вольные казаки! Мы изъ грязи сдѣлаемъ князя" **). И, доставъ для Емельки штаны и рубаху,— посадили на коня, — и создалась мрачная Пугачовская самозванщина... Емелька, тщательно скрывая поротую спину, грозой пронесся по Яику, по уральскимъ предгорьямъ, разорилъ Казань, перекинулся пожаромъ черезъ Волгу... И всюду на его пути въ крѣпостной безличной средѣ — его самозванная личность вставала въ тысячахъ отраженій изъ крѣпостного праха, пока этотъ ураганъ не замеръ въ безлюдьи низовыхъ степей. Емелька, вмѣсто Москвы, попадаетъ въ клѣтку, гдѣ его дразнятъ офицеры и сержанты съ привязанными косами, и гдѣ онъ, бѣдный Поприщинъ такъ малодушно плачетъ и такъ глупо надѣется на прощеніе...

IV.

Самозванческая мелкота.

Да, разумѣется, теперь самозванство измельчало, и, конечно, это есть результатъ нѣкотораго подъема русской личности. Пугачовыхъ и Лжедимитріевъ дѣлала среда, а среда теперь измѣнилась. Паденіе крѣпостного права, потомъ земство, школа, газета и книга, наконецъ, хотѣлось бы думать,— подъемъ смиренной русской души, какъ результатъ новѣйшей, въ періодѣ реформъ, русской исторіи, — все это уже препятствуетъ грандіозно-дикому размаху, находившему просторъ въ безмолвной пустынѣ дореформенной Россіи. Теперь россійскому самозванцу уже не потрясти всего государствен-

*) Дубровинъ. „Все войско пало на землю, но Череповъ не отмѣнилъ приказанія стрѣлять... Когда драгуны выстрѣлили кверху, то Череповъ велѣлъ повторить залпъ, при чемъ трое убито, а шестеро ранены" („Пугачовъ и его сообщники", т. I, стр. 19).

**) Слова казака Мясникова, Зарубину.

наго организма, его мечты размѣнялись, пошли враздробь. Но все же мелкіе черви самозванства точатъ еще нашу жизнь по всей поверхности, то и дѣло привлекая вниманіе и заставляя глубоко задуматься о причинахъ устойчивости этой чисто-русской болѣзни. Въ глубинѣ дальнихъ уѣздовъ земледѣльческой полосы, не знающей отхожихъ промысловъ и потому болѣе отсталой, — живутъ и нынѣ самыя фантастическія представленія о нашемъ государственномъ строѣ, не уступающія по своей нелѣпости дикимъ измышленіямъ извѣстнаго уже читателямъ деревенскаго мудреца Пети *) о знаменіяхъ антихриста. Петя — даже въ самоварѣ усматриваетъ явные признаки „антихристова пришествія", — а простодушная деревня въ любой форменной фуражкѣ или желтой пуговицѣ любого проходимца — готова усмотрѣть примѣты „власти" и безропотно подчиниться любому ея требованію.

На почвѣ юридическаго суевѣрія деревни орудуютъ самозванные землемѣры и адвокаты. По словамъ „Енисейскаго Листка", напримѣръ, ссыльный Колумбѣйко распустилъ слухъ, что онъ братъ сенатора и потому исхлопатываетъ мужикамъ полное сложеніе податей. Въ виду этого на сходѣ въ Усть-Кеми рѣшено собрать Колумбѣйкѣ по 80 коп. съ души" **). „Въ Сорокскомъ уѣздѣ, — писали „Одесскому Листку" (1894 г., октябрь),—нѣкій З—ій, воспользовавшись замѣшательствомъ въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ монастырю, перебралъ у мужиковъ свыше 2.000 рублей. При арестованіи его мужики оказали сопротивленіе, причемъ потребовалась помощь войска... Вмѣстѣ съ нимъ арестовано около 20 поселянъ ***).

Въ 1895 году въ селѣ Перекопномъ, Самарск. губ., Николаевскаго уѣзда, появился субъектъ, именовавшійся „адвокатомъ отъ Краснаго креста" и увѣрявшій крестьянъ, что онъ посланъ Краснымъ крестомъ, чтобы защищать всѣхъ обижаемыхъ и оскорбляемыхъ. Оказалось, что это мѣщанинъ города Николаевска, по фамиліи Андреевъ. Онъ обращался однажды за пособіемъ въ Общество Краснаго креста и получилъ отказъ. Извѣщеніе объ отказѣ прислано на бланкѣ со штемпелемъ Краснаго креста,—и вотъ, пишетъ корреспондентъ „Самарскаго Вѣстника", „Андреевъ блюдетъ этотъ бланкъ, какъ зѣницу ока, показывая его тѣмъ неграмотнымъ мужи-

---

*) См. предъидущій очеркъ: „Самозванцы духовнаго прозванія".
**) „Сам. Газ.", 1895. № 165.
***) „Од. Листокъ". „Волгарь" 1894, окт.

камъ, которые дерзаютъ сомнѣваться, что онъ дѣйствительно посланъ отъ Краснаго креста. Разумѣется, при видѣ эффектнаго бланка, сомнѣніе исчезаетъ—и вотъ у воротъ Андреева стоитъ иной разъ больше мужицкихъ подводъ, чѣмъ въ базарный день у больницы". О дѣйствительныхъ познаніяхъ этого защитника угнетенныхъ можно судить потому, что жалобу, напр., на неправильную сдачу въ солдаты онъ настрочилъ... въ святѣйшій синодъ *).

„Въ селѣ Знаменкахъ (Семеновскаго у., Нижегородской губ.) случился пожаръ въ кабакѣ. Причиной пожара молва считала поджогъ, произведенный конкуррентами кабатчика. И вотъ, въ село прибыла какая-то слѣдственная комиссія, торжественно открывшая здѣсь не слѣдственное, а прямо судебное засѣданіе. Собрали народъ, виновный былъ допрошенъ, немедленно подвергнутъ предварительному аресту и осужденъ въ каторгу на 20 лѣтъ. Народъ слушалъ и удивлялся быстротѣ и строгости приговора. Когда же судъ былъ конченъ, то судьи сняли съ себя фантастическіе доспѣхи—и все оказалось грубѣйшей шуткой. „Каково только было подсудимому,—спрашиваетъ корреспондентъ, и прибавляетъ:—я представляю себѣ его положеніе, воображаю ту обстановку, тѣ условія, при которыхъ возможны подобные обманы, и мнѣ становится грустно" **).

Въ 1907 году въ Духовщинѣ появился субъектъ въ формѣ чиновника и заявилъ, что мужики переплачиваютъ податей на три милліона рублей. Поэтому Царь батюшка жалуетъ своимъ мужикамъ (т.-е. вѣроятно удѣльнымъ?) по двѣ четверти ржи на душу. Квитанціи на полученіе изъ земской управы „царской ржи" находятся у него и онъ выдаетъ ихъ по внесеніи 30 копѣекъ. Квитанціи брались наперебой... Вскорѣ такой же „чиновникъ" появился также въ Кубаровской волости, но тутъ онъ „былъ снисходительнѣе" и бралъ всего по 20 к. ***).

Въ 1905 г. въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ въ дер. Суховоло явился тоже молодой человѣкъ въ форменной фуражкѣ, приказалъ старостѣ созвать сходъ и на сходѣ объявилъ, что 15 мая будетъ общая разверстка земли, въ такомъ размѣрѣ, чтобы хватило на каждую душу ****).

Разумѣется, можно было впередъ предсказать, что введеніе института земскихъ начальниковъ не можетъ остаться безъ соотвѣтствующаго отраженія въ области самозванства, и дѣйствительно передо мной нѣсколько примѣровъ этого рода.

---

*) „Волгарь", 1894, окт.
**) „Волгарь", № 117, 1895 г.
***) „Смол. В-къ", 9 дек. 1907 г.
****) „Русск. Вѣд.", 16 мая 1905 г.

Въ 1894 году Мелитополь и нѣкоторыя его окрестности посѣтилъ, по словамъ „Новостей дня“, нѣкій Хлестаковъ, заказавшій предварительно бланки земскаго начальника, съ которыми прежде всего отправился въ с. Ѳедоровку, гдѣ сдѣлалъ ревизію въ сельскомъ правленіи *).

Въ томъ же году въ Симбирскѣ господинъ въ красномъ околышѣ, именовавшій себя земскимъ начальникомъ Бабинцевымъ, заявилъ, что его обокрали на пароходѣ. „Разумѣется, для г. земскаго начальника, да еще въ такомъ положеніи, сдѣлано было все необходимое“. Но впослѣдствіи оказалось, что неизвѣстный красный околышъ прикрываетъ забубенную головушку запаснаго поручика Карла-Георга-Теодора-Юлія фонъ-Терке, котораго, „для лучшаго удостовѣренія личности“, отправили въ Самару по этапу **).

Въ 1895 году въ Мценскомъ уѣздѣ мнимый земскій начальникъ проявился во время свадебнаго пиршества. Это былъ, повидимому, человѣкъ добродушный. Въ бѣломъ кителѣ и соломенной шляпѣ, въ сопровожденіи трехъ такихъ же молодцовъ, онъ ходилъ по деревнѣ, что-то записывалъ въ книжку и всѣмъ мужикамъ обѣщалъ награды. „Самозванецъ не догадался, однако, высѣчь хоть одного мужика, и попался въ руки полиціи“—не безъ юмора прибавляетъ корреспондентъ***).

А вотъ случай, который, даже въ нашей жизни, насыщенной фантастическими курьезами всякаго рода, можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ...

По Волгѣ, ночью шелъ внизъ по теченію пароходъ, какъ вдругъ раздалась команда: „стопъ машина“, и пароходъ остановился. Къ нему пристала лодка съ тремя пассажирами. Лодка была „путейскаго вѣдомства“: въ ней находился маячный сторожъ (обязанность котораго слѣдить за маячными огнями, обставляющими фарватеръ) и два пассажира. Въ рукахъ одного изъ нихъ былъ красный фонарь. Маячный сторожъ успѣлъ шепнуть командѣ, что привезенные имъ два незнакомца—„тайные агенты“. Послѣ этого сторожъ отчалилъ и его лодочка исчезла въ темнотѣ, а „тайные агенты“ вошли въ залъ I-го класса, куда къ нимъ немедленно явился командиръ парохода, предложившій закуску, чай и лучшую изъ каютъ I-го класса. Незнакомцы все это приняли благосклонно.

Командира парохода не смутило то обстоятельство, что оба „агента“ имѣютъ чрезвычайно непрезентабельный видъ. Наоборотъ, это лишь утвердило его въ мысли, что агенты именно

*) Съ этимъ самозванцемъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи.
**) „Самарскій Вѣстникъ“, № 180, 1894 г.
***) „Орловскій Вѣстникъ“, 1895. „Нижегор. Лист.“, № 337.

тайные, имѣющіе особыя основанія скрывать свое настоящее званіе. Предполагалось, что они командированы, въ какихъ-то особо важныхъ видахъ, секретно провѣрить коммуникаціонные порядки на Волгѣ. Не доѣзжая за 150 верстъ до Саратова,—агенты нашли нужнымъ оставить пароходъ, на которомъ ѣхали съ такими удобствами, и пересѣсть... на казенный. На этомъ казенномъ пароходѣ („вѣроятно отданномъ въ ихъ распоряженіе"—прибавляетъ корреспондентъ) они и прибыли въ Саратовъ. Все время, конечно, они не отказывали себѣ въ обильныхъ возліяніяхъ, и въ Саратовъ явились сильно на-веселѣ. Это не помѣшало имъ „обревизовать" какого-то путейскаго чина, и они уже намѣревались отправиться на казенномъ пароходѣ дальше, но... тутъ вышла нѣкоторая непріятная случайность: ревизоры подрались и подняли такую возню, которая потребовала сторонняго вмѣшательства...

Драка привлекла на казенный пароходъ пристава 2-й части гор. Саратова, который, какъ человѣкъ не путейскаго вѣдомства и, значитъ, не подверженный ревизорскому гипнозу,— „сразу же" опредѣлилъ, что эти оборванные драчуны простые самозванцы. Онъ подошелъ къ нимъ и зычно крикнулъ: „смир-р-но!". Тогда старшій агентъ, оказавшійся отставнымъ солдатомъ, тотчасъ же вытянулся во фронтъ (вспомните злополучнаго Киселева-Королько!)... По провѣркѣ оказалось, что— „главный агентъ"—просто на просто бѣглый солдатъ Гурійскаго полка, а его помощникъ — какой-то забулдыга-мѣщанинъ. Только тогда,—прибавляетъ корреспондентъ, — „всѣмъ стало ясно по физіономіи „главнаго агента" и по его голымъ ногамъ (!), что онъ не могъ быть истиннымъ ревизоромъ".

Эта исторія появилась первоначально въ „Самарской Газетѣ". Затѣмъ ее перепечатало „Новое Время" *), и наконецъ, послѣ того, какъ въ „Русскомъ Богатствѣ" появилась моя статья, — этотъ изумительный эпизодъ „изъ путейской жизни" облетѣлъ чуть не всѣ газеты. Я ждалъ, что эта широкая огласка вызоветъ опроверженіе... Но опроверженія не послѣдовало. Путейское вѣдомство глубокимъ молчаньемъ подтвердило реальность повидимому совершенно фантастическаго эпизода.

Казалось бы званіе „сыщика" по существу далеко не „почетное". Но зависимость русскаго человѣка отъ внѣсудебныхъ расправъ всякаго рода дѣлаетъ эту профессію очень вліятельнымъ факторомъ русской жизни и окружаетъ ее почти мистическимъ страхомъ. Въ тревожные 70-ые годы газеты отмѣ-

*) См. „Новое Время", 4 ноября 1892 г.. № 6014.

чали появленіе цѣлыхъ самозванныхъ коммиссій, являвшихся съ формальными обысками и выемками, преимущественно въ богатыя семьи, послѣ чего исчезали порой довольно крупныя суммы. Затѣмъ случаи этого рода стали рѣже, но все же мой знакомый И—овъ является далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ. Такъ, въ 1890 году даже въ первопрестольной Москвѣ дѣйствовалъ нѣкто Дынниковъ, подходившій къ постовымъ городовымъ и требовавшій ихъ содѣйствія для внезапной провѣрки паспортовъ въ томъ или другомъ домѣ. Въ августѣ его засталъ за этимъ занятіемъ околоточный, случайно узнавшій въ этомъ „тайномъ агентѣ“ своего бывшаго школьнаго товарища, уже разъ судившагося за присвоеніе званія акцизнаго въ сумскомъ окружномъ судѣ („Русскія Вѣдомости“, 1890, № 272). Въ 1889 году по Нижегородской губ. разъѣзжали два самозванца, въ жандармской формѣ, подъ предлогомъ командировки по части „фальшивой монеты“. Въ нѣсколькихъ деревняхъ они произвели обыски при понятыхъ и отобрали у богатыхъ мужиковъ всѣ наличныя кредитки, обѣщая вернуть ихъ послѣ провѣрки. Разумѣется, и деньги, и жандармы исчезли. И т. д. и т. д. Въ началѣ XX вѣка, по разнымъ условіямъ нашей современности, самозванство этого рода въ соединеніи съ провокаціей и экспропріаціями выросло въ такихъ размѣрахъ, что для отчета о немъ понадобилось бы особое изслѣдованіе.

„Акцизная дѣятельность“ принадлежитъ повидимому къ роду занятій тоже довольно привлекательныхъ для самозванцевъ. Въ 1894 году, 17 мая, передъ городскимъ судьей гор. Самары предсталъ нѣкій отставной унтеръ-офицеръ Орловъ-Давыдовъ. Онъ разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, якобы сыскивая тайнымъ образомъ важныя преступленія, и, поселяя въ обывателѣ тревогу таинственностію и неопредѣленностію своихъ полномочій, собиралъ, повидимому, дань натурой. Въ качествѣ сыщика онъ былъ уже въ Оренбургѣ, гдѣ успѣлъ ввести въ заблужденіе даже полицію.

Въ мартѣ 1894 г. „Кіевлянинъ“ сообщалъ о курьезныхъ подвигахъ нѣкоего крестьянина Б., который изготовилъ себѣ изъ дерева довольно внушительныхъ размѣровъ печать съ надписью „Тайный акцизный чиновникъ г. Сквиры“. Эту печать онъ приложилъ къ виду о своей личности, при чемъ имъ же самимъ была сфабрикована такая бумажонка: „Въ виду учрежденія тайныхъ акцизныхъ чиновниковъ съ цѣлью слѣдить за законною и правильною продажею питей и товаровъ въ лавкахъ, по надлежащимъ документамъ, выдано сіе NN, въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо изъ торговцевъ закон-

ныхъ требованій, для привлеченія ихъ къ отвѣтственности". Остальное, разумѣется, понятно *),

Въ 1899 году, въ Балту прибылъ прилично одѣтый господинъ въ фуражкѣ вѣдомства министерства финансовъ и прямо съ вокзала отправился ревизовать мелочныя лавочки. Выдавая квитанціи о взысканіи сбора, онъ подписывался „Контролеръ-ревизоръ Трепчевскій". Когда его арестовали („одному изъ торговцевъ онъ показался подозрительнымъ"), то онъ воскликнулъ:

— Ахъ,—всего только часъ удалось быть Хлестаковымъ!" **).

V.

Судебное вѣдомство. „Мировой судья Баранъ".

Есть (увы!) также и самозванцы судебнаго вѣдомства. Такъ въ 1893 году сынъ отст. фельдфебеля Каширинъ, пришивъ къ своему пиджаку, самой обыкновенной формы, мѣдныя пуговицы отъ мундира ученика реальнаго училища и запасшись нѣсколькими бланками окружнаго суда (гдѣ онъ прежде служилъ писцомъ), отправился, въ сопровожденіи самарскаго мѣщанина Василія Коновалова, на хуторъ крестьянина Бутырина объявлять послѣднему рѣшеніе самарскаго окружнаго суда по гражданскому иску къ нему нѣкоего Пудовкина. Каширинъ назвался членомъ суда Силецкимъ, Коноваловъ—его секретаремъ, при чемъ они предъявили и соотвѣтствующіе документы. Бутыринъ, пригласивъ „членовъ" въ избу, предложилъ согрѣть самоварчикъ, но Силецкій потребовалъ „чего-нибудь погорячѣе" и затѣмъ предложилъ Бутырину расписаться въ полученіи копіи, а чиновникамъ поднести благодарность. Бутыринъ не хотѣлъ было подписываться, но чиновникъ затопалъ ногами, и онъ подписался; что же касается благодарности, то злополучный Бутыринъ, какъ самъ говорилъ на судѣ, обѣщалъ и вознамѣрился дать утромъ 50 рублей. Нѣкоторое сомнѣніе вызвала въ немъ небольшая величина печати на бумагѣ (бумага была припечатана двугривеннымъ), и онъ робко спросилъ:

— Что это, ваше высокопревосходительство, печать-то какая маленькая?

Членъ суда опять затопалъ ногами и сказалъ:

— Такая выросла, молчать!—Но затѣмъ онъ снизошелъ до объясненія:

---

*) „Волжскій В-къ", 1894 г., № 88.
**) „Сынъ Отеч.", 29 марта 1899 г.

— Это судя по дѣлу: къ большому дѣлу большая и печать, а къ маленькому дѣлу и печать маленькая!

Но Бутырина продолжало томить сомнѣніе, которое на судѣ онъ формулировалъ слѣдующимъ простодушнымъ образомъ:

— Брало меня раздумье... Какъ же такъ: членъ, видится, не очень важный, а требуетъ столько водки и денегъ... да и печать маленькая.—Въ результатѣ этихъ размышленій Бутыринъ пошелъ посовѣтоваться съ урядникомъ, который и арестовалъ обоихъ чиновниковъ. Хотя Каширинъ и утверждалъ, что „сдѣлали они все это для шутки и ради большаго гостепріимства со стороны Бутырина“, но самарскій окружный судъ приговорилъ обоихъ къ 8-мѣсячному тюремному заключенію*).

Репортеръ „Самарской Газеты“ отмѣчаетъ, что въ томъ мѣстѣ показаній обманутаго Бутырина, которое касалось большой и маленькой печати, въ публикѣ и даже среди присяжныхъ раздался такой сильный смѣхъ, что предсѣдатель (вѣроятно, тоже съ трудомъ сохраняя серьезный видъ) прибѣгъ къ звонку и увѣщаніямъ. Однако, при этомъ невольно приходятъ въ голову вопросы: развѣ дѣло происходило не въ той самой Самарѣ, мимо которой такъ еще недавно плыли по своей „тайной ревизіи“ два бѣглыхъ оборванца, въ лучшей каютѣ перваго класса и даже на казенномъ пароходѣ? Развѣ въ залѣ, на скамьяхъ присяжныхъ, даже за судейскимъ столомъ сидѣли не тѣ же русскіе люди, которые не сегодня, такъ завтра очутятся въ такомъ же положеніи?

Вотъ напримѣръ въ маѣ того же года губернскій городъ Томскъ осчастливленъ посѣщеніемъ высокаго гостя, прокурора петербургской судебной палаты, князя Ширинскаго-Шихматова. Его сіятельство изволилъ слѣдовать отъ той же Самары, гдѣ такъ смѣялись надъ Бутыринымъ, до Челябинска въ I классѣ, разумѣется, безплатно. Въ Челябинскѣ начальникъ движенія Зап.-Сиб.-ж. дороги, инженеръ Павловскій опять выдалъ князю безплатный билетъ на проѣздъ до Омска, откуда уже онъ ѣхалъ съ какимъ-то еще инженеромъ до Кривощекова въ отдѣльномъ купэ. Въ Кривощековѣ князь жестоко распекъ мѣстную полицію въ лицѣ земскаго засѣдателя, послѣ чего безъ труда попалъ на казенный пароходъ, на которомъ благополучно прибылъ въ городъ Томскъ. Здѣсь, остановившись въ Европейской гостиницѣ, онъ немедленно же потребовалъ къ себѣ по телефону мѣстнаго полиціймейстера, собственно лишь затѣмъ, чтобы послѣдній не вздумалъ устраивать ему какія-нибудь торжественныя встрѣчи и не докладывалъ объ его пріѣздѣ губернатору.

*) „Сам. Газ.“, 1895, № 10.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что мѣстныя газеты очень скупятся на бо̀льшія подробности, которыя, безъ сомнѣнія, очень оживили бы это краткое и сухое изложеніе томскаго эпизода.

Теперь мы можемъ рисовать лишь въ воображеніи испуганную фигуру томскаго Сквозника-Дмухановскаго, ошеломленнаго неожиданнымъ появленіемъ такой важной особы.

Послѣ этого князь изволилъ посѣтить университетъ, расписался въ книгѣ почетныхъ посѣтителей и принялъ годовой отчетъ. Затѣмъ онъ изволилъ быть на пожарѣ за Истокомъ, гдѣ далъ 5 рублей на чай „молодцамъ пожарнымъ". Вообще князь велъ себя, какъ подобаетъ особѣ, пріѣхавшей въ даровомъ купэ I-го класса и желающей сохранить почетное полу-инкогнито, пока... все это не закончилось въ тюрьмѣ. Оказалось, что князь Ширинскій-Шихматовъ, пріѣхавшій въ Томскъ, не существуетъ. А существуетъ мѣщанинъ Александръ Мауринъ, получившій проходное свидѣтельство изъ Владиміра до Златоуста, куда онъ обязанъ былъ слѣдовать на жительство послѣ отбытія заключенія въ арестантскихъ ротахъ *). Мауринъ повидимому человѣкъ опытный, изучившій психологію русскаго человѣка даже на высшихъ ступеняхъ общественнаго положенія, и онъ рѣшилъ, что „князю Ширинскому-Шихматову" предложатъ непремѣнно даровое купэ, на которое онъ имѣетъ такое же право, какъ и Александръ Мауринъ... И онъ не ошибся...

Въ 1893 году въ Бугульмѣ появился „судебный слѣдователь", требовавшій на базарѣ отъ мужиковъ „раскрытія всего, что творится незаконнаго въ ихъ селѣ" **). Въ 1897 году нѣкій Мирончукъ, съ сообщникомъ, одѣвшись въ форму министерства земледѣлія, объѣхали много мѣстъ Волынской губ., выдавая себя за ревизоровъ различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и судебнаго ***). Въ 1907 году въ Ленкорани самозванный прокуроръ обыскалъ и обобралъ всѣ найденныя деньги у административно заключенныхъ въ участкѣ крестьянъ ****). Но самое замѣчательное явленіе этого рода представляетъ дѣятельность крестьянина Августа Барана, въ теченіи мѣсяца безпрепятственно, хотя и самозванно исполнявшаго функціи мирового судьи!

Дѣло это возникло по заявленію дворянина Константина Борвицкаго, поданному 2 сентября 1896 г. приставу 3 стана

---

*) „Сиб. Листокъ", № 46. „Русск. Вѣд.", № 171.
**) „Волгарь", 3 апр. 1893 г.
***) „Волынь", 31 іюля 1909 г.
****) „Вѣстн. Волыни", 11 янв. 1908 г.

Прилукскаго уѣзда, въ которомъ указывалось, что въ с. Туровкѣ лакей помѣщицы Екатерины Фрицъ—Августъ Баранъ, объявилъ себя мировымъ судьей 8 участка, устроилъ въ экономическомъ флигелѣ присутственную камеру, разбираетъ дѣла между рабочими и постановляетъ приговоры по указу Его Императорскаго Величества, которые вслѣдъ за объявленіемъ приводитъ къ немедленному исполненію, присуждая однихъ къ тѣлесному наказанію, а другихъ къ лишенію свободы. Полицейскимъ дознаніемъ заявленныя обстоятельства вполнѣ подтвердились, и Августъ Баранъ былъ преданъ суду по обвиненію въ самовольномъ присвоеніи судебной власти, пользуясь которой онъ причинилъ истязаніе разнымъ лицамъ.

Это поразительное заявленіе г-на Борвицкаго вполнѣ подтвердилось. Опрошенные на предварительномъ слѣдствіи многочисленные свидѣтели, изъ которыхъ большая часть еще сохраняла на тѣлѣ слѣды приговоровъ самозваннаго судьи, удостовѣрили, что въ августѣ 1896 года Баранъ устроилъ въ одномъ изъ флигелей экономическаго двора г-жи Фрицъ камеру и, объявивъ, что онъ занимаетъ должность мирового судьи 8 участка, приступилъ къ разбору дѣлъ. Въ камерѣ у него находился столъ съ письменными принадлежностями, какой-то толстой книгой и колокольчикъ, а на стѣнѣ висѣлъ портретъ Государя Императора. Засѣданія происходили по вечерамъ отъ 10 до 12-ти часовъ. Стороны вызывались повѣстками, которыя писалъ по приказанію Барана мальчикъ Аѳанасій Паливода, а вручалъ ихъ рабочій Іосифъ Мищенко, называвшійся судебнымъ приставомъ. При явкѣ вызываемыхъ Баранъ объявлялъ засѣданіе открытымъ и послѣ неистоваго трезвона колокольчикомъ приступалъ къ допросу потерпѣвшихъ, обвиняемыхъ и свидѣтелей, послѣ чего снималъ со стѣны портретъ Государя и, держа его въ рукахъ, объявлялъ приговоръ: по указу Его Императорскаго Величества я, мировой судья 8 участка, Прилукскаго уѣзда, на основаніи 46—51 и 42 статьи приговорилъ такого-то или такую-то къ столькимъ-то ударамъ розогъ, или къ аресту, или къ тому и другому. Розги онъ обыкновенно назначалъ отъ 25 до 40 ударовъ; арестъ опредѣлялся отъ 3 до 7 дней и помѣщеніемъ для арестуемыхъ служилъ ледникъ, называвшійся „холодной“; но иногда осужденные приговаривались къ тюремному заключенію и тогда ихъ запирали въ погребъ.

Приговоры приводились въ исполненіе немедленно, и для исполненія ихъ назначены были экономическіе рабочіе Ефимъ Мирошкинъ и Акимъ Маляръ, которые носили названіе „катовъ“. Если кто изъ вызываемыхъ къ судьѣ не шелъ добро-

вольно, тѣхъ тащилъ силою Ефимъ Мирошкинъ, а если кто изъ осужденныхъ сопротивлялся и не желалъ подчиниться приговору, тому связывали руки и ноги и сѣкли или запирали подъ арестъ.

Все это свидѣтели подтвердили и на судѣ. Такъ Кириллъ Руденко, казакъ 25 лѣтъ отъ роду, получивъ отъ „судьи" повѣстку явиться свидѣтелемъ по какому-то дѣлу, не явился къ означенному сроку; тогда Баранъ вызвалъ его повѣсткой вторично уже какъ обвиняемаго, и приговорилъ къ 20 поклонамъ „съ крючкомъ" (приговоренный къ этому виду наказанія долженъ былъ дѣлать поклоны, приподымая каждый разъ правую ногу кверху). Когда же Руденко заявилъ намѣреніе обжаловать приговоръ, то Баранъ постановилъ второй приговоръ, которымъ присудилъ обвиняемаго „за дерзкое поведеніе" къ 45 розгамъ и къ десятидневному аресту, что и было, не смотря на сопротивленіе осужденнаго, тутъ же приведено въ исполненіе.

На вопросы многочисленнымъ жертвамъ этого соломонова правосудія, отчего они не жаловались, — потерпѣвшіе объясняли, что боялись Барана, который пользовался въ экономіи большою властью и дѣлалъ все, что хотѣлъ,—самъ управляющій былъ отъ него въ зависимости. То же подтвердилъ и заявитель о преступленіи дворянинъ Борвицкій, служившій въ экономіи приказчикомъ; на протестъ его противъ творимыхъ Бараномъ безобразій владѣлица объявила, что не его дѣло вмѣшиваться, и пригрозила „холодной".

Подсудимый—сорокапятилѣтній „красавецъ мужчина" геркулесовскаго сложенія. На вопросъ предсѣдателя о родѣ занятій отвѣтилъ: „служу лакеемъ", но держитъ себя по джентльмэнски; отвѣтамъ предпосылаетъ: „считаю долгомъ заявить", а вопросы свидѣтелю предлагаетъ въ самой деликатной формѣ: „позвольте васъ спросить", „не изволите ли припомнить".

Присяжные были исключительно крестьяне и казаки. А простой русскій человѣкъ вообще не достаточно чутокъ къ личному достоинству и за лишнимъ случаемъ оскорбленія и даже истязанія не гонится. Августъ Баранъ признанъ виновнымъ лишь въ присвоеніи судейскаго званія, и лубенскій окр. судъ приговорилъ его къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы *).

---

*) „Сам. Газ.", 5 ноября 1897 г.

VI.

Врачи, инженеры. Школьные ревизоры. Люди экстраординарныхъ званій. Самозванки-женщины.

Значительный контингентъ самозванцевъ даетъ, какъ это ни странно, профессія врачей. Повидимому власть надъ здоровьемъ человѣка и ученый авторитетъ влечетъ людей, склонныхъ къ знахарству. Но пожалуй самое значительное количество случаевъ самозванства (если не считать тайной и явной полиціи въ послѣдніе годы) выпадаетъ на долю профессіи инженерной. Есть, повидимому, какія-то традиціонныя стороны въ дѣятельности казенныхъ путейцевъ всякаго рода, о которыхъ говорилъ еще Щедринъ, и которыя съ одной стороны влекутъ къ ней господъ „ревизоровъ", съ другой подготовляютъ этимъ „ревизорамъ" почву нѣкоторой робости и довѣрія, доходящаго до... феерической „волжской ревизіи".

Уже въ самый послѣдній годъ цѣлый рядъ гг. самозванныхъ инженеровъ появляется въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1901 году въ Рыбинскѣ дѣйствовалъ инженеръ Горчаковъ, назвалъ себя „начальникомъ 6-й дистанціи по постройкѣ С.-Петербургско-Вятской ж. д." и тотчасъ же заказалъ себѣ штемпелей разныхъ начальствующихъ лицъ *). Въ томъ же году на Берестовскихъ копяхъ и въ другихъ мѣстахъ рудной полосы производилъ ревизію самозванный „членъ горнаго управленія южной Россіи" **). Въ навигацію 1903 года на волжскихъ пароходахъ орудовалъ „таксаторъ-техникъ министерства путей сообщенія Д. В. Притвицъ". Всюду его встрѣчали съ подобающимъ почетомъ, но погубила его „неаккуратность" въ уплатѣ по счетамъ. На пароходѣ „Григорій" вмѣсто уплаты онъ написалъ: „настоящій счетъ на сумму 6 р. 35 коп. утверждаю", и предложилъ получить деньги въ „казанской конторѣ пароходства бр. Каменскихъ". Оффиціантъ оказался настойчивѣе обыкновеннаго и... техника путей сообщенія арестовали ***).

Самозванные инженеры—народъ по большей части молодой, довольно блестящій, умѣющій пустить пыль въ глаза, имѣющій успѣхъ въ обществѣ, особенно у дамъ. Къ обаянію ревизорскаго званія они прибавляютъ еще обаяніе какого-нибудь громкаго имени (фонъ-Роопъ, Горчаковъ, Реймерсъ). Апломбъ и „свѣтскія манеры" открываютъ имъ легкій кредитъ. О

*) „Сѣв. Край", 10 ноября 1901 г.
**) „Приаз. Край", 15 іюня 1901 г.
***) „Нижег. Л.", 10 сент. 1903 г.

своемъ пріѣздѣ они предварительно даютъ телеграммы („приготовить отдѣльный вагонъ I-го класса“). На станціи являются въ сопровожденіи дамъ, ведутъ себя очень развязно и заявляютъ о томъ, что они „въ дорогѣ поиздержались“, съ такимъ безпечно величавымъ видомъ, что какой-нибудь начальникъ станціи торопливо собираетъ 50 рублей и подаетъ ихъ съ извиненіемъ, что „больше денегъ въ кассѣ нѣтъ“ *). Порой такой инженеръ возбуждаетъ среди дамскаго общества матримоніальныя надежды и даже готовъ, при случаѣ, вступать въ законные браки. Такъ, мѣщанинъ Загорянскій, получившій образованіе въ какой-то заводской школѣ, отлично разыгралъ роль горнаго инженера (Реймерса) и свѣтскаго льва. Впослѣдствіи спеціалисты удивлялись тому, какъ онъ ловко умѣлъ въ ихъ средѣ маскировать отсутствіе спеціальныхъ знаній. Его дѣятельность охватила обширный районъ: Саратовъ, Пермь, Казань, Варшава... Кончилось дѣло тѣмъ, что инженеръ Реймерсъ женился на молодой невѣстѣ съ приданымъ, тогда какъ мѣщанинъ Загорянскій былъ уже женатъ **).

Мы минуемъ еще много случаевъ этого рода. Скромныя земскія школы посѣщаютъ гг. самозванные инспектора народныхъ училищъ, церковно-приходскія—чиновники святѣйшаго синода (а иной разъ, какъ мы видѣли, даже юродивые ревизоры-странники). На волостныя правленія дѣлаютъ набѣги ревизоры, опустошающіе кассы на томъ основаніи, что старшины обязаны „немедленно“ сдавать наличность въ казначейства. Преклоненіе передъ титуломъ и громкой фамиліей вызываетъ цѣлыя тучи разныхъ молодыхъ людей, выманивающихъ съ большимъ апломбомъ деньги у легковѣрной толпы. На этой почвѣ создаются цѣлыя карьеры и порой настоящія знаменитости (вродѣ корнета Савина). Есть самозванцы, спеціальность которыхъ—патріотизмъ, религіозность и благотворительность. Такихъ воистину тьма. Мы упомянемъ здѣсь о яркой фигурѣ самозваннаго его превосходительства, благотворительнаго генерала Дудышкина, друга Грингмута, protegé „патріотической“ Москвы, который въ теченіе 15 лѣтъ, поощряемый рекламными статьями „Моск. Вѣдомостей“, разъѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ съ гербами, принималъ въ Скерневицахъ „чествованія“, отъ 38 Тобольскаго полка и собиралъ обильныя пожертвованія на патріотическія и религіозныя цѣли. 25 янв. 1906 г. *коллежскій регистраторъ* Дудышкинъ приговоренъ (за примѣненіемъ манифеста) къ ли-

*) „Гол. Волыни“, 25 февр. 1901 г. Похожденія самозв. Михайлова.
**) „Ниж. Лист.“, 29 дек. 1904 г.

шенію правъ и тюремному заключенію на 5 мѣсяцевъ и 10 дней *).

Порой „присваиваемыя“ званія носятъ совсѣмъ фантастическій характеръ: въ 1903 году въ Гроднѣ и Ковнѣ „наводилъ страхъ на обывателей“ чиновникъ 5-го разряда петерб. почтамта, сынъ городового ковенской полиціи, именовавшій себя „фельдъегеремъ, командированнымъ въ Лазенковскій дворецъ“ **). Взимаютъ дани съ обывательскаго легковѣрія даже „секретари румынскаго посольства“ ***) и „принцы Орлеанскіе“... А въ 1899 году близъ Чимкента появился человѣкъ съ титуломъ уже совершенно фантастическимъ. Это былъ якобы „крестникъ Государя Императора“, подписывавшійся такъ: „Его Императорское Высочество, тютюлярный совѣтникъ, полный генералъ Илья Николаевичъ Рожковъ“. Онъ оказался... китайцемъ ****)!..

Намъ остается еще упомянуть о сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ самозванками являются женщины. Прежде всего есть нѣсколько случаевъ специфически женскаго самозванства—„присвоеніе непринадлежащаго пола“. Женщина принимаетъ званіе мужчины, какъ преимущество и своего рода привилегію. Вотъ одинъ примѣръ этого рода, оглашенный „Петерб. Вѣдомостями“ въ 1895 году, въ корреспонденціи изъ Тамбова: Въ мѣстномъ уѣздномъ съѣздѣ предстала передъ судомъ 22-хъ-лѣтняя красивая женщина-крестьянка... Судьба ея—типичная судьба милліоновъ. 18-ти лѣтъ она была выдана замужъ за богатаго крестьянина, ни физически, ни нравственно не годнаго къ супружеской жизни, и жила съ нимъ 4 года, перенося отъ него и его семьи всевозможныя издѣвательства и притѣсненія. Она много разъ просила дать ей отдѣльный паспортъ и, наконецъ, убѣжала, переодѣвшись въ мужское платье, чтобы обмануть розыски. Послѣ этого она занимается мужскими работами, ѣздитъ верхомъ, носитъ имя Максимки. Чтобы еще лучше разыграть свою роль, она затѣваетъ даже сватовство въ дер. Ольшанкѣ. Но боязнь быть узнанной преслѣдуетъ ее неотступно. Тогда, узнавъ, что нѣкоторыя уголовныя преступленія даютъ (увы! только другой сторонѣ) поводъ для расторженія брака, злополучная самозванка совершаетъ кражу, съ цѣлью попасть въ тюрьму. Для этого она угоняетъ изъ деревни Ольшанки лошадь и продаетъ ее на ближнемъ базарѣ за демонстративно дешевую цѣну;

*) „Русь“, 27 янв. 1906 г.
**) „Сѣв. Край“, 24 ноября 1903 г.
***) „Ниж. Лист.“, 3 дек. 1897 г.
****) „Сам. Газ.“, 1899 г., № 107.

при первыхъ же вопросахъ сознается въ кражѣ и проситъ отвести ее въ тюрьму. Къ великому ея разочарованію съѣздъ призналъ ее по суду оправданной, разрушивъ такимъ образомъ ея надежды на два непринадлежащихъ ей званія: во 1-хъ, званіе мужчины, во 2-хъ, арестантки, лишенной правъ состоянія! Да, горькая это доля, доля женщины въ русской деревнѣ.

Такихъ случаевъ мелькнуло нѣсколько. Въ одномъ изъ нихъ, имѣвшемъ мѣсто въ Полтавѣ, дѣвушка, переодѣтая мужчиной, принадлежала къ семьѣ, вообще склонной къ самозванству. Братъ ея, нѣкто Р—ій, пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность. Онъ именовался то „военнымъ врачомъ", то профессоромъ Казанскаго университета, то (даже!) сыномъ эмира Бухарскаго *)!

Изрѣдка, правда, попадаются случаи корыстнаго самозванства простѣйшаго рода, въ которыхъ тоже замѣшаны женщины, но такіе случаи рѣдки. Женщина въ самозванствѣ является чаще всего въ качествѣ жертвы, а если играетъ въ немъ активную роль, то предпочитаетъ область религіозную: мы видѣли примѣры самозванныхъ пророчицъ и богородицъ, но почти не встрѣчали высокихъ персонъ или хотя бы „самозванныхъ женъ важныхъ чиновниковъ", которыя бы пользовались высокимъ званіемъ въ цѣляхъ корысти или власти.

VII.

Раменскій, замѣчательнѣйшій изъ современныхъ самозванцевъ.

Теперь еще одно послѣднее сказаніе о талантливѣйшемъ представителѣ этой россійской профессіи, обревизовавшемъ въ разное время двѣ губерніи и безчисленное количество учрежденій, и мы можемъ подвести итоги нашей разнообразной коллекціи.

Передъ нами—молодой человѣкъ лѣтъ 30, изящный, красивый, съ прекрасными манерами. По словамъ одного изъ корреспондентовъ, онъ отлично говоритъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ и даже на нѣкоторыхъ азіятскихъ. Въ одномъ отчетѣ онъ называется студентомъ, но вообще первоначальная его біографія не выяснена, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ источникахъ, которыми я располагаю. Конецъ 1893 и начало 1894 года застаетъ этого изящнаго молодого человѣка въ самомъ бѣдственномъ положеніи на дорогѣ изъ Симферополя къ Мелитополю. Онъ бредетъ пѣшкомъ, увязая то въ грязи,

*) „Нижег. Лист.", 31 окт. 1910 г.

то въ снѣгу. У него уже есть прошлое: судился въ Севастополѣ, подлежалъ суду въ Полтавѣ, извѣстенъ публикѣ, читающей газеты, тѣмъ, что произвелъ ревизію Лозово-Севастопольской, Екатерининской, Фастовской и Ростово-Владикавказской жел. дорогъ подъ именемъ товарища-директора медицинскаго департамента г. Шевича; затѣмъ ревизовалъ съ неменьшимъ успѣхомъ карантины Чернаго моря, затѣмъ тщательно осмотрѣлъ сахарные заводы чуть ли не пяти губерній южнаго края, ревизовалъ монастыри Харьковской и Черниговской епархій подъ именемъ товарища-прокурора святѣйшаго синода, а также конные заводы Бессарабской губерніи, еще подъ чьимъ-то именемъ. Теперь, послѣ столь обширной и, какъ онъ утверждалъ впослѣдствіи, даже не безполезной дѣятельности, — молодой человѣкъ готовится къ новымъ трудамъ.

Въ Мелитополѣ, безъ денегъ и знакомства, онъ прежде всего отправляется въ 2 типографіи, гдѣ, подъ предлогомъ будущаго заказа, получаетъ образцы бланковъ земскаго начальника и еще разныхъ учрежденій, въ томъ числѣ даже общества взаимнаго кредита. Съ этими бланками онъ чувствуетъ себя уже совершенно вооруженнымъ, нанимаетъ лошадей и отправляется въ уѣздъ.

Пріѣхавъ въ село Шульговку, онъ выдаетъ извозчику, вмѣсто платы, талонъ на бланкѣ общества взаимнаго кредита. Вытребовавъ затѣмъ къ себѣ сельскія власти, онъ называетъ себя членомъ губернскаго правленія гр. Толстымъ; очень сердится, ревизуетъ книги, приказываетъ величать себя сіятельствомъ и требуетъ на-завтра четверку лучшихъ лошадей. Ночь онъ провелъ у священника, очаровалъ его своей веселостью и любезнымъ обхожденіемъ, а на утро отправился въ с. Ѳедоровку, предварительно запасшись прекрасной шубой хозяина, такъ какъ было довольно холодно.

По дорогѣ онъ остановился на Тащенакскихъ хуторахъ, гдѣ открылъ свою главную квартиру и откуда дѣлалъ весьма доходныя экскурсіи по окрестнымъ помѣщикамъ-нѣмцамъ. Онъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ и г. Шредера, и г. Фризена, и г. Реймера, и г. Мартинса. Здѣсь онъ—чиновникъ губернскаго правленія, разъѣзжающій для сбора новаго „дополнительнаго сбора“ за рабочихъ, установленнаго въ размѣрѣ 1 р. 80 к. съ человѣка, и, кромѣ того, обязанъ также собрать штрафныя деньги по 7 рублей, за отсутствіе у нанимателей „новыхъ договорныхъ листковъ“. Общій результатъ объѣзда гг. землевладѣльцевъ нѣмецкаго происхожденія въ этой мѣстности достигъ цифры въ 310 рублей. Кромѣ того,

въ экономіи г. Шредера онъ узналъ о существованіи учителя штундиста, котораго приказалъ „удалить въ 24 часа и предать въ руки жандармской власти“. Только полное отсутствіе полицейскихъ заставило его отсрочить грозную мѣру впредь до присылки изъ города „особаго предписанія“. За то поселянамъ-собственникамъ, какъ людямъ вполнѣ благонамѣреннымъ, онъ счелъ возможнымъ выдать на бланкахъ городской управы „вѣчные паспорты“, подписавъ ихъ: „за голову— графъ Толстой“. Ямщикъ опять получилъ щедрую плату талонами на бланкахъ взаимнаго кредита, послѣ чего, на четверкѣ съ колокольчикомъ, въ поповской теплой шубѣ, строгое несправедливое начальство прослѣдовало съ Тащенакскихъ хуторовъ въ с. Ѳедоровку.

Здѣсь послѣдовала новая строжайшая ревизія, и староста попалъ подъ арестъ за разныя упущенія, въ томъ числѣ за держаніе у себя общественныхъ денегъ, свыше 200 руб. Поправляя этотъ безпорядокъ, графъ Толстой оставилъ въ волостномъ правленіи только 20 р., а остальные изволилъ принять на храненіе лично... Новый талонъ отъ общества взаимнаго кредита, новая четверка лошадей, и графъ направляется въ новую деревню, носящую многознаменательное и заманчивое имя: слобода „Терпѣніе“. Однако, по дорогѣ къ этому „Терпѣнію“, въ припадкѣ благоразумія и довольный результатами первой ревизіи, графъ Толстой рѣшаетъ не искушать болѣе судьбу въ этихъ мѣстахъ и сворачиваетъ къ ближайшей станціи жел. дороги. Пассажирскаго поѣзда ждать долго, но это не бѣда. Здѣсь онъ уже врачъ, а врачамъ можно ѣздить и на товарныхъ. Молодой человѣкъ исчезаетъ съ ближайшимъ товарнымъ поѣздомъ.

Когда же, долгое время спустя, къ станціи пріѣхали, по слѣдамъ графа-ревизора, полицейскія пласти Мелитопольскаго уѣзда, то они нашли лишь, невдалекѣ отъ полотна жел. дороги, связку еще не использованныхъ бланковъ (не исключая и общества взаимнаго кредита), а также строгое предписаніе объ арестѣ тащенакскаго учителя, за подписью: „Чиновникъ губернскаго правленія графъ Толстой“. Самъ же самозванецъ въ это время уже „перекинулся“ въ Астраханскую губернію, гдѣ открылъ кампанію съ новыми силами.

Въ предѣлахъ этой губерніи появляется нѣкто, именующій себя графомъ Гендриковымъ. Онъ выдаетъ себя то ревизоромъ, то „экстренно командированной высокой особой для закупки киргизскихъ лошадей“. Его престижъ поддерживается непрестанно на должной высотѣ, во 1-хъ, строгостью по отношенію къ мелкимъ „властямъ“, во 2-хъ, пріемомъ прошеній и резо-

люціями на нихъ, но еще болѣе великолѣпными барскими манерами. Было, между прочимъ, замѣчено, что проѣзжій графъ въ дорогѣ умывается одеколономъ. Какому-то уряднику и даже становому графъ милостиво разрѣшилъ шестимѣсячный отпускъ, другого обласкалъ и обѣщалъ повысить въ должности. Одинъ изъ случайныхъ спутниковъ самозванца былъ введенъ въ недоумѣніе столь широкими предѣлами власти. На это, однако, графъ таинственно замѣтилъ собесѣднику, что, въ сущности, онъ ѣдетъ управлять губерніей (такъ какъ настоящій губернаторъ уже не вернется), но пока считаетъ излишнимъ открываться,—чтобы такимъ образомъ лучше ознакомиться съ состояніемъ „ввѣреннаго ему края". Спутникъ, какъ оказалось впослѣдствіи, всетаки продолжалъ колебаться,—но тутъ ему пришлось встрѣтиться съ недоумѣніемъ уже съ другой стороны: передъ графомъ, дѣйствительно, все трепетало, графа, дѣйствительно, встрѣчали въ селахъ чуть не съ колокольнымъ звономъ. „Даже по пріѣздѣ въ города,—мѣста, какъ можно было думать, лучше укрѣпленныя противъ самозванца,—графъ на глазахъ у сомнѣвающагося—оставался окруженнымъ тѣмъ же почетомъ" *).

16 марта самозванецъ появился въ Черномъ-Яру. Въ его подорожной значилось уже, что онъ „гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества графъ Владиміръ Владиміровичъ Гендриковъ". „Само собою разумѣется,—говоритъ корреспондентъ „Волжскаго Вѣстника", у котораго мы заимствуемъ нижеслѣдующій эпизодъ **), — что появленіе такой „особы" въ захолустномъ Черномъ-Ярѣ вызвало цѣлую сенсацію", и черноярскій исправникъ, по заведенному порядку, тотчасъ же извѣстилъ о предстоящемъ проѣздѣ исправника енотаевскаго, который и приготовился къ подобающей встрѣчѣ. Графъ любезно принимаетъ приглашеніе ужинать въ домѣ исправника. За ужиномъ его сіятельство не удержался и сталъ нѣсколько заговариваться. И точь въ точь, какъ у Гоголя,—въ головѣ г. исправника страхъ борется съ сомнѣніемъ: если тутъ хоть половина правды,—и то Господи помилуй! Исправникъ рѣшается проводить графа Гендрикова до Астрахани, гдѣ очередь для мучительныхъ сомнѣній падаетъ на долю астраханскаго полиціймейстера.

Въ Астрахани рѣшились спросить у графа видъ. Самозванецъ пытался сначала ограничиться подорожной на имя „гофмейстера двора Его Императорскаго Величества графа Гендрикова". Когда, однако, приставъ, по полученію полиціймей-

*) „Волжскій Вѣстникъ", 1894, № 85.
**) „Волгарь", 3 апр. 1894, № 76.

стера, рѣшился настойчиво потребовать самый паспортъ (представляю себѣ въ это время душевное настроеніе г-на пристава),—то паспортъ былъ предъявленъ. По странному недоразумѣнію, въ немъ графъ Гендриковъ именовался „отставнымъ штабъ-ротмистромъ графомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Толстымъ“. Не смотря на столь недвусмысленные признаки самозванства,—задержать важную особу не рѣшаются: пошли запросы въ Симферополь и другія мѣста, а самозванецъ успѣлъ еще разъ скрыться *). Я очень хорошо помню глубокій интересъ, который онъ возбуждалъ въ это время въ поволжской прессѣ. Появится, обревизуетъ, уѣдетъ. Власти спохватываются, а самозванецъ уже въ другомъ мѣстѣ, опять ревизуетъ, опять пушитъ и опять взимаетъ „въ установленномъ порядкѣ“. Я помню, какъ, послѣ ревизіи въ какомъ-то небольшомъ городѣ, кажется, Черномъ-Яру,—извѣстный въ Поволжьи фельетонистъ, г. Миролюбовъ, писалъ: „есть основаніе предполагать, что самозванецъ, преслѣдуемый по пятамъ, перебросился за Волгу и кинулся къ Узенямъ“... Пристава Книшинъ и Кожеловскій нагнали его гдѣ-то въ уѣздѣ.

Судили самозванца въ Симферополѣ, вѣроятно, по мѣсту совершенія первыхъ подвиговъ, изъ которыхъ мы здѣсь не перечислили и половины. Онъ призналъ себя виновнымъ во всемъ, но, тѣмъ не менѣе, просилъ произвести судебное слѣдствіе, вѣроятно, въ интересахъ исторической точности. Передъ судомъ прошелъ цѣлый рядъ потерпѣвшихъ: „должностныя лица, деревенскіе грамотеи, писаря, священники, типографы, нѣмцы-помѣщики. Всѣ они,—восклицаетъ корреспондентъ „Волгаря“,—дали себя одурачить молодому человѣку, у котораго не оказалось даже вида на жительство“.

Теперь они развернули передъ судомъ, изумляясь сами, обычную картину россійскаго ослѣпленія передъ фантомомъ „сильной власти“. Тащенакскій почто-содержатель показалъ, что, когда онъ потребовалъ прогонный листъ, то графъ обругалъ его,—послѣ чего онъ, разумѣется, успокоился: вѣдь совершенно такъ же ругали его и самыя настоящія власти. Впрочемъ, на сей разъ графъ смилостивились, „снисходя къ его бѣдственному положенію“, и обѣщали тысячу рублей на обзаведеніе хорошими лошадьми.

— И далъ вамъ деньги? — спрашиваетъ товарищъ прокурора.

— Талонъ выдали на бланкѣ общества взаимнаго кредита и сказали: ѣзжай въ общественный банкъ, тамъ получишь деньги.

*) „Волгарь“, 1894, № 76.

— Показали вы этотъ талонъ въ банкѣ?

Свидѣтель (со вздохомъ):

— Показывалъ.

— А говорилъ вамъ графъ: „Я Толстой, хоть и тонкій“?

— Говорили-съ, а я отвѣчаю: „Ничего, ваше сіятельство, вы еще молоды, погодя растолстѣете“.

Изъ свидѣтелей землевладѣльцевъ одинъ только ничего не заплатилъ графу; послѣдній угрожалъ, называлъ себя даже вице-губернаторомъ, но герой устоялъ. Впрочемъ, онъ былъ нѣмецъ, и имя его Гомеръ.

Многіе предъявили выданные имъ графомъ болѣе или менѣе удобные и льготные документы, оригинальный текстъ которыхъ ранѣе не обратилъ ничьего вниманія. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Дано сіе Василію Ивановичу Мартенсу отъ купеческой городской управы въ томъ, что ему, Мартенсу, изъ менонитовъ, разрѣшается проживать всюду, *гдѣ евреямъ жить дозволено*. За голову—графъ Толстой“.

Свое послѣднее слово къ присяжнымъ подсудимый, по словамъ отчетовъ, произнесъ тихо, кратко и плавно. Онъ говорилъ о томъ, что выстрадалъ въ одиночномъ заключеніи, какъ онъ пробирался пѣшкомъ изъ Симферополя, какъ при этомъ бѣдствовалъ... „Я продалъ кольцо—говорилъ онъ не безъ драматизма...—Вы догадываетесь, что это кольцо было обручальное“. „Одинокій, оторванный отъ близкихъ и родныхъ, безпомощный, усталый, тутъ-то я вспомнилъ, господа присяжные, о существованіи въ мелитопольскомъ уѣздѣ упомянутыхъ землевладѣльцевъ-нѣмцевъ... Что значитъ для нихъ эти нѣсколько рублей“ *)...

Газеты очень сурово характеризовали злополучнаго ревизора. Его рѣчь на судѣ репортеры снабдили язвительными комментаріями, его душевныя свойства они рисуютъ самыми мрачными красками, каждую его неудачу въ трудной борьбѣ съ очнувшейся полиціей сопровождаютъ восклицаніями удовольствія. Гг. судебные репортеры вообще—народъ скептическій и строгій. „Разсказываютъ еще, — пишетъ одинъ изъ нихъ,—что „графъ“ ссылается будто бы на свою болѣзнь—манію величія, находящую на него отъ времени до времени. Болѣзнь же,—иронически прибавляетъ репортеръ,—и есть причина всего настряпаннаго имъ. Такъ, во время посѣтившаго меня болѣзненнаго припадка,—говорилъ будто бы „графъ“,—я и обревизовалъ севастопольскую желѣзную дорогу. Хотя я и былъ накрытъ, но нѣтъ худа безъ добра: послѣ моей ревизіи

*) „Волгарь“, 1894, № 98.

назначили настоящую и открыли много злоупотребленій. Вотъ теперь моя болѣзнь прошла, и я уже не чувствую себя ни графомъ, ни гофмейстеромъ, ни ревизоромъ, а тѣмъ, что я есть". „Не мудрено почувствовать это, — язвительно комментируетъ авторъ прекрасной, впрочемъ, и очень обстоятельной корреспонденціи,—такъ какъ мнимый графъ переведенъ уже изъ камеры въ тюрьму".

„Присяжные признали его виновнымъ; приговоромъ суда сынъ надворнаго совѣтника Владиміръ Владиміровичъ Раменскій лишенъ особыхъ правъ и сосланъ въ Пермскую губернію на 2 года".

Однако, если вы полагаете, что на этомъ карьера геніальнѣйшаго изъ ревизоровъ кончена,—то вы сильно ошибаетесь. Ему предстояло еще появиться нѣсколько разъ на аренѣ всероссійской извѣстности при самыхъ удивительныхъ обстоятельствахъ. Повѣритъ ли, напримѣръ, читатель, что уже приговоренный, сосланный подъ надзоръ полиціи, не кончивъ срока ссылки,—Раменскій обревизуетъ еще четыре уѣзда? А между тѣмъ, это такъ именно и случилось.

„Графъ Толстой-Гендриковъ (пишутъ въ „Вятскомъ Краѣ" изъ Сарапульскаго уѣзда, близкаго къ Пермской губерніи) осчастливилъ и нашъ уѣздъ своей ревизіей". Случилось это слѣдующимъ образомъ. Во 1-хъ, Раменскій двѣ недѣли пилъ безъ просыпу, послѣ чего съ нимъ случился припадокъ mania grandiosa (на этотъ разъ уже болѣзнь не отрицается). Въ такомъ настроеніи, среди бѣлаго дня онъ выѣхалъ изъ Кунгура (мѣста своей ссылки), „на глазахъ у всей почтенной кунгурской полиціи (?), на парѣ почтовыхъ лошадей и по очереди обревизовалъ, въ качествѣ инспектора какого-то фантастическаго вѣдомства, разныя учрежденія, начиная съ волостныхъ правленій и кончая чуть ли не рѣчной полиціей и лѣснымъ вѣдомствомъ. Обревизовавъ, такимъ образомъ, по очереди кунгурскій, осинскій и оханскій уѣзды, ревизоръ нашелъ, что дальнѣйшаго вниманія эта губернія не заслуживаетъ (очевидно,—саркастически прибавляетъ корреспондентъ, — что прекрасные пути сообщенія Пермской губерніи не подъ силу даже такому рьяному ревизору, какъ г. Раменскій). Итакъ, покончивъ съ Пермской губерніей, ревизоръ направился въ смежный сарапульскій уѣздъ. Проѣхавъ его почти насквозь и собравъ по дорогѣ съ селеній Осотово и Котово надлежащую дань, г. инспекторъ, по стеченію для него несчастныхъ обстоятельствъ, былъ задержанъ въ с. Колесниковѣ" *).

*) „Вятскій Край", 23 сент. 1895 г.

Передъ самымъ задержаніемъ онъ принялъ значительную дозу морфія и кристаллизованной карболовой кислоты. Только благодаря энергическимъ усиліямъ каракулинскаго земскаго врача, знаменитый ревизоръ возвращенъ къ жизни, но для насъ, всетаки, этотъ послѣдній эпизодъ освѣщаетъ ту глубину адской тоски, которая царила въ душѣ этого талантливаго героя, повидимому, столь веселой комедіи.

Теперь представьте только себѣ по возможности ясно эту бѣшеную скачку полусумасшедшаго маніака власти, представьте также эти безотвѣтные четыре уѣзда, лежащіе передъ нимъ въ беззащитной готовности принять его съ почетомъ и данью, и вы, быть можетъ, согласитесь со мной, что это явленіе глубоко-знаменательное, дающее и понынѣ еще живой матеріалъ не для одной лишь комедіи, а и для мрачной трагедіи нашихъ нравовъ.

Дальнѣйшая карьера Раменскаго полна еще многими удачами и превратностями совершенно въ томъ же родѣ. 1896 г. застаетъ его въ Казанской психіатрической лечебницѣ, гдѣ его признали психически ненормальнымъ. Въ 1897 году онъ посѣщаетъ гор. Василь въ качествѣ „ревизора по медицинской части". При этомъ повторяются безсмертныя сцены изъ Гоголевскаго „Ревизора", начиная съ предупрежденія о пріѣздѣ и кончая проводами *). Въ томъ же году пассажировъ парохода Тырышкина „Иванъ" очаровываетъ молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти въ форменномъ сюртукѣ съ погонами, съ золотымъ галуномъ и розетками орденовъ. Это „докторъ медицины Владиміръ Владиміровичъ Каменскій, врачъ для командировокъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ". Цѣль его поѣздки — „ревизія всѣхъ врачебныхъ учрежденій и врачей Россійской имперіи". Отецъ его — членъ Государственнаго Совѣта и бывшій директоръ департамента полиціи, братъ — генералъ-лейтенантъ... При этомъ корреспондентъ отмѣчаетъ, что блестящій молодой человѣкъ—морфинистъ **).

Въ томъ же 1897 году Каменскій-Раменскій исполняетъ и при томъ съ большимъ успѣхомъ роль „доктора медицины" въ Осѣ, гдѣ „пріобрѣтаетъ славу отличнаго врача... Называютъ нѣсколько случаевъ, гдѣ онъ буквально отнимаетъ жертву у смерти" — сообщаетъ корреспондентъ „Нижегор. Листка". Но уже вначалѣ 1898 года онъ опять разоблаченъ, арестованъ, и корреспондентъ посѣщаетъ его въ больницѣ. Теперь онъ — „несчастнѣйшее существо. Мучимый губитель-

*) „Ниж. Лист.", 29 іюля 1896 г.
**) „Ниж. Лист.", 23 іюля 1897 г.

нымъ недугомъ, онъ прибѣгаетъ къ морфію очень часто: для него ежедневно выписывается доза морфія, способная убить 5—6 человѣкъ. У него было воспаленіе легкихъ, теперь отекъ ногъ". Корреспондентъ посѣтилъ его въ больницѣ и засталъ знаменитаго самозванца согнувшимся надъ клубками шерсти и шелка. Онъ вышивалъ ковры. „Побуждаемый жаждой непрестанной дѣятельности, онъ прибѣгъ къ занятію, которому его съ дѣтства научила гувернантка" *).

Корреспондентъ прибавляетъ, что Раменскій въ этомъ положеніи внушаетъ большое сочувствіе.

Здѣсь на время газетныя извѣстія о Раменскомъ смолкаютъ.

Въ 1899 или 1900 году я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что въ своихъ очеркахъ въ „Русскомъ Богатствѣ" я его понялъ только отчасти. Онъ указываетъ очень много случаевъ, когда онъ дѣйствовалъ совершенно безкорыстно, а въ своемъ самозванствѣ видитъ дѣло жизни и миссію, на которую истратилъ собственныя средства. Въ обревизованныхъ имъ 86-ти сахарныхъ заводахъ онъ устроилъ больницы и улучшилъ бытъ рабочихъ, на жел. дорогахъ всюду уничтожилъ землянки на карьерахъ, гдѣ рабочіе десятками мерли отъ тифа, и замѣнилъ ихъ товарными вагонами, *что съ того времени и дѣлается*, и вообще раскрылъ множество вопіющихъ злоупотребленій. Въ заключеніе онъ прилагалъ стихи. Стихи оказались плохи и сильно отзывались подражаніемъ Надсону. Но... указанія на нѣкоторую пользу, принесенную его смѣлыми ревизіями, повидимому нужно считать правдой. И это даетъ еще одну, быть можетъ самую характерную черту этой исторіи: многолѣтнія злоупотребленія терпѣлись и процвѣтали до смѣлаго налета самозванца-ревизора!

Къ величайшему моему сожалѣнію, я не успѣлъ, по разнымъ обстоятельствамъ, отвѣтить своевременно на это письмо. А затѣмъ этого страннаго и необыкновеннаго человѣка подхватила какая-то новая волна.

Подошли смутные годы русской жизни, съ войной и ея послѣдствіями. И вотъ, изъ Харбина приходитъ удивительное извѣстіе: въ этомъ городѣ арестованъ незнакомецъ, у котораго при обыскѣ найдено $4^1/_2$ милліона въ акціяхъ разныхъ обществъ, „которыя признаны неподдѣльными". Назвался онъ фамиліей Анненскаго. Пріѣхавъ въ Харбинъ съ женой, онъ сдѣлалъ офиціальные визиты, въ томъ числѣ къ

*) „Ниж. Лист.", 8 января 1898 г.

мѣстному жандармскому начальнику, которому сообщилъ, что онъ командированъ изъ Петербурга для наблюденія за нѣсколькими лицами, принадлежащими къ боевымъ организаціямъ, и просилъ не отказать въ содѣйствіи. Черезъ нѣсколько дней „супруги Анненскіе“ уѣхали въ Куанченцзы, гдѣ ихъ и арестовали. При арестѣ найдены три чемодана, наполненные цѣнными бумагами. Анненскій назвался личнымъ секретаремъ Столыпина, „которому послалъ шифрованную телеграмму“...

Впослѣдствіи дѣло разъяснилось: бумаги были настоящія, но общества, ихъ выпустившія, давно умерли. Раменскій (это опять былъ онъ), повидимому вмѣстѣ съ какой-то организаціей, составилъ коллекцію „мертвыхъ бумагъ“, которыя вѣроятно старался сбыть, какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ сбывалъ мертвыя души. Попутно онъ, по старой памяти, ревизуетъ жел. дороги, переселенческіе пункты и пограничныя заставы.

Вскорѣ получилось извѣстіе, что карьера замѣчательнаго ревизора навсегда прервана—смертію!

VIII.

Самозванцы въ литературѣ: Поприщинъ, Хлестаковъ и Голядкинъ. Психологія самозванцевъ.

Теперь, читатель, подведемъ итоги.

Исторія дала намъ Дмитрія Самозванца и Емельяна Пугачова, а за ними, въ туманѣ прошлаго, въ пыли приказныхъ архивовъ, въ отрывкахъ поволжскихъ преданій теряются второ- и третьестепеннныя фигуры всѣхъ этихъ Богомоловыхъ и Пугачовыхъ копій, которыя являлись предтечами или эпигонами крупнаго историческаго движенія. Современность доставляетъ намъ всю эту, какъ видите, неисчислимую стаю Хинелевыхъ, Покровскихъ, Раменскихъ и безчисленнаго количества имъ подобныхъ, ихъ же имена ты Господи вѣси. „Сколько ихъ и что ихъ гонитъ“—невольно возникаетъ тревожный вопросъ, когда, ошеломленный, созерцаешь въ общемъ сборѣ эту почти невѣроятную коллекцію русскихъ оборотней, стремящихся совлечь съ себя собственную личность, собственныя „права состоянія“ и облечься въ чужую личность, въ чужое имя и въ непринадлежащее званіе... Ближайшее знакомство съ нѣкоторыми изъ этихъ оборотней, а также художественные образы, данные литературой, позволяютъ отчасти отвѣтить на этотъ вопросъ.

„Ну, посмотри ты на себя, подумай только, что ты!—Вѣдь ты нуль, болѣе ничего!—говоритъ бѣдному Поприщину началь-

никъ отдѣленія...—Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо“ *)... И Поприщинъ навѣрное долго глядѣлъ въ зеркало, и много, много горькихъ мыслей, самыхъ уничижающихъ, проникнутыхъ горечью и стыдомъ собственнаго существованія, прошло въ головѣ бѣднаго титулярнаго совѣтника прежде, чѣмъ онъ, на удивленіе тому же начальнику отдѣленія и всѣмъ остальнымъ титулярнымъ совѣтникамъ,—расчеркнулся на рапортѣ: Фердинандъ VIII!

Глядѣлся въ зеркало и Голядкинъ, Яковъ Петровичъ, герой разсказа Достоевскаго „Двойникъ“, прежде чѣмъ сѣсть въ голубую карету и, съ ливрейнымъ лакеемъ на запяткахъ, отправиться съ визитами по статскимъ совѣтникамъ и генераламъ. А до этого сколько муки и жгучихъ сомнѣній, сколько стыда собственнаго существованія, сколько самоотрицанія! Вотъ, напримѣръ, встрѣча съ Андреемъ Филипповичемъ, который узнаетъ сидящаго въ голубой каретѣ титулярнаго совѣтника изъ собственной канцеляріи. „Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться невозможно,—покраснѣлъ до ушей. Поклониться или нѣтъ, отозваться или нѣтъ? Признаться или нѣтъ?—думалъ въ невыносимой тоскѣ нашъ герой,—*или прикинуться, что не я*, а кто-то другой, разительно схожій со мною, и смотрѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. *Именно не я,—не я, да и только!*—говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая въ то же время шляпу передъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ.—„Я, я ничего,—шепталъ онъ черезъ силу,—я я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, не я да и только“.

И все это оттого, что въ званіи титулярнаго совѣтника Голядкина, который, какъ и Поприщинъ, чувствуетъ себя „нулемъ и больше ничего“,—сидятъ уже два человѣка, Одинъ, одержимый стыдомъ собственнаго существованія до предѣловъ самой жгучей тоски и отчаянія, напрасно мечтающій о томъ, что *и онъ, какъ всѣ*, что и въ немъ такая же человѣческая личность, но въ сущности всегда готовый отказаться отъ нея, „не быть, провалиться сквозь землю“,—съузить до невозможнаго кругъ своего бытія, и другой, уже зарождающійся въ этомъ ничтожествѣ, какъ прямая ему противоположность, имѣющій „странную претензію и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснять другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ сими другими своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ“. Душа этого человѣка начинаетъ раскачиваться, какъ маятникъ,

---

*) Гоголь. „Записки сумасшедшаго“.

между двумя исконными полюсами русской жизни, произволомъ съ одной стороны, безправіемъ съ другой. Середины, которая знаетъ свои права и не претендуетъ на чужія, той середины, которая называется „гражданствомъ“, нѣтъ еще на убогомъ просторѣ нашей родины...

И вотъ, начинается эта специфическая болѣзнь русской души...

Докторъ медицины и хирургіи Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ ставитъ свой діагнозъ: онъ полагаетъ, что Якову Петровичу нужны только развлеченія: „ну, тамъ, друзей и знакомыхъ посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать, равномѣрно держаться веселой компаніи“, и тогда дѣло можно поправить. Но Яковъ Петровичъ съ глубокой тоской сознаетъ, что этотъ докторъ „глупъ, крайне глупъ, глупъ, какъ бревно“. Ибо ему, Якову Петровичу, недостаетъ не бутылки, не развлеченій, не веселой компаніи. Ему недостаетъ чего-то бо̀льшаго: онъ ощущаетъ мучительно и глубоко отсутствіе собственной личности. Онъ, правда, пытается обмануть себя, утѣшаетъ себя, что „онъ какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ у всѣхъ... Что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ и что, наконецъ, у него есть Петрушка“... „Я себѣ особо и, сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу... Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу“.

Вы видите, съ какой страшной тоской мечется потерявшійся человѣкъ, чтобы разыскать признаки своей личности, съ обычными свойствами личностей, „какъ у всѣхъ“. У него и квартира, у него даже Петрушка, онъ можетъ ѣздить въ театръ, онъ пріѣхалъ сюда въ голубой каретѣ, онъ даже и гулять ходитъ... И всетаки сознаніе, что онъ „не какъ всѣ“, страшно угнетаетъ злополучнаго Поприщина-Голядкина „до послѣдней степени агоніи“. Онъ даже къ доктору поднялся съ страшными колебаніями и сомнѣніями: имѣетъ ли онъ право безпокоить Крестьяна Ивановича своей ничтожной особой. „Такъ ли, впрочемъ, будетъ все это? Прилично ли будетъ? Кстати ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же? — продолжаетъ онъ, переводя духъ и сдерживая біенія своего сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ“. И онъ желаетъ „убѣжать отъ себя, даже и совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться“...

Эта страшная тоска, сопровождающая потерю личности,— гонитъ бѣднаго Голядкина и въ голубую карету, въ которой онъ старается, однако, сдѣлать видъ, что это *не онъ*, и къ доктору, который рекомендуетъ ему глупую бутылку, и на вечеръ

къ статскому совѣтнику Олсуфію Ивановичу Берендѣеву, откуда его выводятъ съ уничтожающимъ позоромъ... Въ героѣ Достоевскаго мы имѣемъ замѣчательно полный образъ этой болѣзни личности, которую смѣло можно признать нашей національной болѣзнью. Болѣе благодушный юморъ Гоголя беретъ Поприщина въ періодѣ уже начинающагося великолѣпія. Нуль уже пересталъ быть нулемъ въ собственномъ мнѣніи, когда мы знакомимся съ Поприщинымъ. Онъ уже и французовъ собирается пересѣчь поголовно, и за генеральской дочкой довольно рѣшительно волочится. Онъ уже прошелъ тотъ періодъ глубокой тоски, когда еще не полученъ отвѣтъ на вопросъ: „отчего я только титулярный совѣтникъ, и съ какой стати я титулярный совѣтникъ“. Онъ уже отвѣтилъ себѣ: „Можетъ быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только кажусь себѣ титулярнымъ совѣтникомъ... Можетъ быть, я самъ не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ бывало по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а просто какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ—и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его! Когда изъ мужика, да вдругъ выходитъ этакое, — что же изъ дворянина можетъ выйти!“ Однимъ словомъ,—Поприщинъ слишкомъ уже сіяетъ великолѣпіемъ, чтобы видѣть на немъ тотъ унизительный и разъѣдающій душевный процессъ, которымъ страдаетъ „человѣкъ-нуль“. Онъ самозванецъ простѣйшаго типа, изъ нуля превращающійся въ Фердинанда VIII и объявляющій о томъ всенародно.

Герой Достоевскаго гораздо сложнѣе. Съ обычной своей безпощадностью суровый поэтъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ заставляетъ насъ присутствовать при всѣхъ мучительнѣйшихъ стадіяхъ этого процесса, когда послѣдняя степень униженія, стыдъ собственнаго существованія разъѣдаетъ и поглощаетъ живого, чувствующаго, барахтающагося человѣка. Исторія усложняется еще совершенно исключительнымъ мотивомъ: какъ натура, лишенная всякой непосредственности, Голядкинъ и въ самозванствѣ не можетъ быть цѣльнымъ: изболѣвшая личность раскалывается на двѣ. Самозванцемъ является не весь Яковъ Петровичъ, а только его мечтающая, заносящаяся половина. Яковъ Петровичъ старшій, Яковъ Петровичъ добродѣтельный, весьма осуждаетъ самозванство Якова Петровича младшаго, безнравственнаго и неблагонамѣреннаго. „Самозванство, сударь вы мой, — говоритъ онъ своему двойнику, — самозванство и безстыдство не къ добру приводитъ, а до петли доводитъ. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой, взялъ самозван-

ствомъ, обманувъ слѣпой народъ, да и то не надолго"... „Самозванецъ, сударь вы мой, человѣкъ, того, безполезный и пользы отечеству не приносящій". Но зловредная половина Якова Петровича, отколовшаяся отъ него самаго,—не слушаетъ этихъ резоновъ, а за нерѣшительность и недѣятельность характера мститъ злополучному титулярному совѣтнику самымъ ужаснымъ образомъ. Самозванный фантомъ, выросшій въ глубинѣ загнанной и затоптанной личности, прежде всего обрушивается на собственную душу злополучнаго человѣка. Присвоивъ себѣ всѣ черты, дающія силу и значеніе личности въ канцелярской средѣ, — „двойникъ" вытѣсняетъ самого Якова Петровича съ его дороги, „изъ круга его бытья", совершенно и безъ остатка поглощаетъ его личность. Среди этого кошмара, въ жгучемъ бреду безумныхъ ночей, наполненныхъ борьбою съ призракомъ, выросшимъ изъ самой глубины затоптанной личности, титулярный совѣтникъ переживаетъ тоску „послѣдней степени агоніи", въ которой истаиваетъ и умираетъ его сознаніе...

Съ внѣшней и, пожалуй, съ общественной стороны Хлестаковъ всего полнѣе воплощаетъ исторію нашихъ современныхъ самозванцевъ: пріѣхалъ, обревизовалъ, получилъ со всего одураченнаго города „дополнительные сборы", устроилъ апоѳеозъ россійской дурашливости, а самъ весело заливается на отличнѣйшей тройкѣ и сочиняетъ письма къ другу Тряпичкину. Вотъ почему—во всѣхъ приводившихся выше газетныхъ выдержкахъ, репортеры всего чаще упоминаютъ имя Хлестакова: „Новый Хлестаковъ", „Хлестаковъ въ юбкѣ", „Хлестаковъ на фастовской желѣзной дорогѣ", „Хлестаковъ въ Астрахани". По этой же причинѣ газетные репортеры такъ сурово, можно даже сказать — такъ страстно относятся къ „самозваннымъ ревизорамъ", преслѣдуя ихъ самыми язвительными оборотами своего стиля, не допуская даже и мысли о какомъ бы то ни было искреннемъ движеніи ихъ души, о какомъ бы то ни было ихъ собственномъ страданіи, о какой бы то ни было болѣзни, разстройствѣ, аффектѣ. Какая, помилуйте, болѣзнь у беззаботнаго Хлестакова, производящаго комедіи ревизорства по россійскимъ градамъ и весямъ! Прибавьте затѣмъ, что всѣ эти Раменскіе, Покровскіе и Хинелевы всегда „въ дорогѣ случайно поиздержались" и взимаютъ „дополнительные сборы" — и образъ веселаго, безпечнаго и при томъ довольно хищнаго эксплоататора чужой глупости, повидимому, готовъ вполнѣ.

Мы видѣли, однако, что дѣйствительность значительно сложнѣе. Нервность, набожность и безпричинныя слезы Кар-

пухина-Покровскаго, покушеніе на самоубійство геніальнѣйшаго изъ ревизоровъ Раменскаго-Гендрикова-Толстого, исполненная бѣдствій жизнь, проблематическое происхожденіе, болѣе чѣмъ вѣроятная „тоска, близкая къ агоніи“ всѣхъ этихъ въ сущности весьма злополучныхъ субъектовъ,—заставляютъ насъ искать ихъ психологію гораздо ближе къ сложному душевному состоянію Голядкина, чѣмъ къ простому настроенію веселаго и хищнаго Хлестакова *).

Болѣзнь русской личности, ея слабость, неопредѣленность предѣловъ, „занимаемыхъ, по выраженію Голядкина, ея бытіемъ“, легкость, съ какой она и изъ этого круга вытѣсняется,—вотъ, кажется, основная черта болѣзни самозванства въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее здѣсь разсматривали, исключивъ простѣйшіе случаи элементарнаго мошенничества. Выражаясь извнѣ въ „присвоеніи непринадлежащаго званія“ и „подлогѣ документовъ“, внутри она знаменуется значительной расшатанностію нервной системы, нерѣдко жгучей и разъѣдающей болью души, отравленной сознаніемъ личнаго ничтожества и легко впадающей въ самую фантастическую реакцію, достигающую (у Раменскаго) предѣловъ маніи величія.

Въ разсказѣ Достоевскаго этотъ ядъ, отравляющій многія русскія души, данъ въ ужасающе-концентрированномъ видѣ: онъ убиваетъ человѣка на глазахъ, быстро и безповоротно. Въ жизни, разумѣется, мы видимъ его дѣйствіе въ различныхъ, смягченныхъ или осложненныхъ формахъ. Рефлектирующій и совершенно слабый Голядкинъ изнываетъ уже прямо въ болѣзни раздвоенія личности,—одиноко, какъ червякъ на пыльной дорогѣ. Болѣе дѣятельныя и сильныя натуры Карпухиныхъ и Раменскихъ, не дошедшихъ до этого крайняго предѣла психоза, — заставляютъ ихъ метаться по свѣту, испытывать самыя диковинныя приключенія, доставлять массу хлопотъ начальству и обывателямъ. Но они отравлены тѣмъ же ядомъ. Это Голядкины съ темпераментомъ Поприщина, достаточно еще здравомыслящіе для того, чтобы въ Россіи не посягать на испанскій престолъ и довольствоваться болѣе сообразнымъ съ географическимъ положеніемъ страны званіемъ князя, графа, губернатора или, наконецъ, „тайнаго агента“...

Однако, если фигуры Поприщина и особенно Голядкина

---

*) На неуравновѣшенность и ненормальность есть множество указаній въ газетной литературѣ о самозванцахъ. Много разъ она признавалась и судомъ. Примѣры: самозванецъ акцизный Заевъ въ Нижнемъ, Петренко въ томъ же Нижнемъ, „князь Грузинскій“ въ Симферополѣ и многіе другіе.

всего полнѣе рисуютъ передъ нами типическую психологію современнаго россійскаго „самозванца гражданскаго вѣдомства“, отразившаго на себѣ и тѣни крѣпостного права въ прошломъ, и параграфы паспортнаго устава, и табели о рангахъ въ настоящемъ, — то геніальная комедія Гоголя, безъ сомнѣнія, до сихъ поръ еще остается совершенно живымъ выраженіемъ общественной стороны „самозванства“ и въ этомъ смыслѣ является истинно національной комедіей нашихъ нравовъ. Голядкинъ сгораетъ въ одиночествѣ, Поприщинъ тоже быстро попадаетъ въ домъ сумасшедшихъ. И только одинъ веселый, самоувѣренный, жизнерадостный Хлестаковъ, хотя и пассивно, хотя и случайно, выноситъ самозванство на арену общественной дѣятельности, показываетъ намъ его, какъ общественную силу. И мы видимъ, что его исторія въ тысячахъ живыхъ снимковъ повторяется ежегодно, ежемѣсячно, чуть не еженедѣльно по всему лицу русской земли, не смотря на то, что наша страна ушла болѣе чѣмъ на полстолѣтія отъ перваго появленія Сквозника-Дмухановскаго и Хлестакова передъ смѣющимися зрителями. Да, болѣе полустолѣтія мудрый городничій обращается къ намъ, русскимъ людямъ, со своимъ: „чему смѣетесь, надъ собой смѣетесь“—и нужно сказать, обращается все съ тѣмъ же правомъ.

Дѣло въ томъ, что двѣ стороны этой медали связаны очень тѣсно: гдѣ есть „ревизоры“, тамъ, очевидно, есть и ревизуемые, а это значитъ, что ядъ, отравляющій Голядкиныхъ и Поприщиныхъ, разлитъ въ нашей атмосферѣ, что имъ отравлены и мы съ вами, читатель, и наши съ вами добрые знакомые. Мы смѣемся въ театрѣ, а въ это время за нами уже стоитъ свой Раменскій, готовый обревизовать насъ въ свою очередь. Инженеръ Павловскій, быть можетъ, самъ смѣялся надъ эпизодомъ съ двумя босяками-самозванцами въ самарскомъ судѣ, когда везъ въ даровомъ купэ самозванца князя Ширинскаго-Шихматова. Мѣщанинъ Хинелевъ изгибается передъ околоточнымъ Прохоровымъ, забывъ, что онъ „потомственный дворянинъ Королько“; но личность околоточнаго Прохорова только-что умалялась и изгибалась при видѣ однѣхъ только визитныхъ карточекъ „графинь, князей и адвокатовъ“. Раменскаго судятъ, и, навѣрное, многіе хохочутъ въ судѣ, но еще недавно г. полиціймейстеръ угощалъ его обѣдами... и потребовать „законное удостовѣреніе личности“ не рѣшился самъ, а послалъ съ опаснымъ порученіемъ частнаго пристава. И приставъ, исполняя эту свою законную обязанность, вѣроятно дрожалъ и говорилъ: „А-ва-ва-ва“...—какъ гоголевскій городничій, не смотря на то, что онъ въ кругѣ своего

офиціальнаго бытія персона для многихъ тоже не маловажная. Не поразительно ли, что даже тогда, когда мнимый Гендриковъ предъявляетъ подложный паспортъ мнимаго штабъ-ротмистра Толстого,—обаяніе мнимаго гофмейстерскаго званія все еще такъ велико, что самозванцу даютъ уѣхать изъ города, и лишь послѣ этого начинается чисто фантастическая погоня по уѣздамъ. За нимъ гоняются, о немъ пишутъ въ газетахъ, а онъ несется впередъ и все ревизуетъ и ревизуетъ—злополучный Фердинандъ VIII злополучныхъ россійскихъ титулярныхъ совѣтниковъ Голядкиныхъ...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Что же съ этимъ дѣлать?

Увы! Я боюсь уподобиться доктору медицины и хирургіи Крестьяну Ивановичу Рутеншпицу и многимъ современнымъ Крестьянамъ Ивановичамъ Рутеншпицамъ, полагающимъ, что въ совѣтахъ „бывать“ или „не бывать врагомъ бутылки“ и тому подобныхъ отдѣльныхъ панацеяхъ лежитъ полное исцѣленіе отъ застарѣлой болѣзни несчастнаго россійскаго Голядкина. Поэтому я не стану вдаваться въ вопросы общественной терапіи и, поставивъ посильный діагнозъ этой глубокой и двусторонней болѣзни русской личности,—остановлю вниманіе читателя на одной лишь общественной чертѣ даннаго явленія.

Мы видѣли, что, съ одной стороны, „кругъ бытія“ бѣднаго Голядкина является совершенно неопредѣленнымъ, и онъ всегда можетъ быть изъ него вытѣсненъ. Съ другой стороны, когда у того же Голядкина хватитъ рѣшимости Поприщина и практичности Хлестакова или Раменскаго,—то онъ оказывается немедленно въ другомъ неопредѣленномъ, но уже фантастически, почти волшебно расширенномъ кругѣ. Прежде онъ не зналъ предѣловъ своего права, теперь сразу исчезаютъ предѣлы права чужого...

Эта неопредѣленность происхожденія и предѣловъ власти, которой облекается Хлестаковъ и Поприщинъ во второмъ періодѣ своего существованія, составляетъ основную общественную черту явленія, сопровождающую его и въ исторіи, и въ современной дѣйствительности. Уже правительства Елизаветы и Екатерины—особенно послѣ пугачовскаго бунта—сознавали страшную опасность, которую злоупотребленіе властью со стороны мелкихъ ея агентовъ вносило въ безправную среду. Оно изобрѣтало формы бумагъ, въ которыхъ строго воспрещались всякія излишества власти: „А будучи тебѣ въ той присяжной должности,—писали тогда въ „доѣздныхъ листахъ“

и всякихъ инструкціяхъ,—поступать по указамъ и никому никакихъ обидъ, притѣсненій и приметокъ не чинить и взяткамъ не касатца, подъ опасеніемъ жестокаго по законамъ истязанія". Въ билетахъ, выдаваемыхъ судопромышленникамъ, очень точно опредѣлялись предѣлы правъ разныхъ властей и прописывались по адресу послѣднихъ угрозы „неотмѣннаго по законамъ штрафованія". Разумѣется, бумага оставалась только бумагой, отдаленныя угрозы не пугали тогдашнихъ приказныхъ, и злоупотребленія властью со стороны разныхъ командъ породили на матушкѣ Волгѣ особый видъ чисто бытового самозванства, вполнѣ органически слившагося съ разбоемъ.

Кому не извѣстенъ знаменитый крикъ „Сарынь на кичку", теперь въ литературныхъ воспоминаніяхъ принявшій романтическій характеръ окрика поволжской вольницы. Мы знаемъ, что стоило раздаться этому окрику съ „легкой лодочки" или стружка, и огромные караваны грузныхъ барокъ отдавались на волю теченія, судорабочіе и бурлаки кидались на носъ судна и смиренно лежали тамъ, пока удальцы распоряжались съ хозяевами и водоливами-приказчиками, откупавшимися данью. Эти барки, плывущія по стрежню, мимо волжскихъ буераковъ, порой мимо селъ и деревень, глядѣвшихъ съ высоты береговыхъ обрывовъ, представляли тогда очень характерное зрѣлище: толпа русскихъ людей лежитъ ничкомъ, а небольшая кучка такихъ же русскихъ людей самовластно распоряжается ихъ судьбой и имуществомъ. Величайшая трусость и низость, величайшая дерзость и смѣлость почти сказочная — обѣ противоположности сведены вмѣстѣ въ этой картинѣ, типической для матушки-Волги прошлаго вѣка.

И замѣчательно, что бурлакъ, сегодня покорно лежащій на кичкѣ, можетъ быть, еще недавно самъ подъѣзжалъ въ легкой лодочкѣ съ тѣмъ же властнымъ крикомъ. Гдѣ же объясненіе страннаго противурѣчія?

Исторически объясненіе просто. „Сарынь на кичку" было не волшебное заклинаніе, а простая команда, состоявшая изъ двухъ опредѣленныхъ словъ: „сарынь"—по татарски значитъ „ребята", кичка — носовая, передняя часть судна. „Сарынь на кичку!"—означало требованіе, чтобы „ребята" — низшая судовая команда—вышли на носъ судна и тамъ легли, не вмѣшиваясь въ то, что будетъ происходить. Одинъ старый волгарь объяснилъ мнѣ, что съ этой формулой обращались не одни разбойники, но и многоразличныя команды, являвшіяся для провѣрки „указныхъ пашпортовъ" и опасавшіяся сопротивленія безпашпортнаго судового сброда. Это объясняетъ

многое. Въ 1895 году въ поволжскихъ газетахъ печатались чрезвычайно любопытныя воспоминанія поволжанина старожила. Онъ говоритъ, между прочимъ, что большіе караваны всего менѣе опасались разбойничьихъ нападеній на пустынныхъ плёсахъ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, такъ какъ противъ открытаго нападенія у нихъ были пушки. Истинная опасность грозила всегда невдалекѣ отъ городовъ и пристаней, такъ какъ здѣсь разбойники являлись часто подъ видомъ начальства. „Разбои, — по словамъ этого старожила,— происходили самымъ заурядным образомъ. Пристаетъ лодка, влѣзаютъ на расшиву люди, требуютъ хозяина или приказчика, идутъ къ казенкѣ и говорятъ, что они пришли съ обыскомъ. Атаманъ съ пуговицами, есаулъ съ бумагою, у гребцовъ ружья... Не пустить на барку боязно, думаютъ и въ самомъ дѣлѣ начальство“*)... А пустишь—окажутся разбойники.

Порой впрочемъ и начальство бывало не лучше разбойниковъ. Гр. Толстой, поволжскій писатель 40-хъ годовъ (семеновскій помѣщикъ), сообщалъ въ свою очередь, что мелкія „гардкотныя команды“, устроенныя Екатериной для охраненія береговъ, являлись иногда подъ видомъ разбойниковъ (т. е. принимали самозванно непринадлежащее званіе). И вотъ почему былъ особенно страшенъ крикъ „сарынь на кичку“, и вотъ чѣмъ объясняется его чисто магическая сила. Русскій человѣкъ при этомъ окликѣ оказывался въ самомъ неопредѣленномъ положеніи: подъѣзжаетъ ли въ косной лодочкѣ подлинное начальство, или удалые разбойнички, переодѣтые начальствомъ, или наконецъ... начальство, переодѣтое разбойниками! Тѣмъ болѣе, что и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ результаты оказывались тѣ же: разговоръ въ казенкѣ съ „водоливами“ и незаконные поборы...

Теперь я попрошу читателя вернуться къ одной чертѣ изъ области вышеприведенныхъ примѣровъ, къ тому моменту взаимныхъ отношеній между мелитопольскимъ ямщикомъ и мелитопольскимъ „ревизоромъ“, когда ямщикъ подходитъ къ „графу“ съ просьбой показать „прогонный листъ“, опредѣляющій эти отношенія „на законномъ основаніи“. Не кажется ли вамъ, что это эпизодъ почти центральный въ нашей комедіи: если ямщикъ настоитъ на своемъ правѣ,—похожденія Раменскаго кончены, ему не придется ни ревизовать, ни безпокоить высшее начальство нѣсколькихъ уѣздовъ и даже губерній, такъ какъ маленькій человѣкъ своимъ законнымъ

*) „Волжскій Вѣстникъ“, 1895 г., № 22. Взято изъ разсказовъ старика Барышникова, написанныхъ еще въ 1851 году.

требованіемъ разоблачитъ его самозванство въ самомъ началѣ. Но... Раменскій закричалъ и затопалъ — и маленькій русскій человѣкъ отступился...

Не смѣйтесь надъ маленькимъ русскимъ человѣкомъ, потому что онъ можетъ отвѣтить вамъ такъ же, какъ отвѣтила простодушная старуха въ эпизодѣ, который я поставилъ эпиграфомъ къ настоящему очерку:

— Ахъ, батюшка, нынче были трое и... и всѣ только топали на законное требованіе маленькаго русскаго человѣка. И вотъ почему маленькому русскому человѣку не остается ничего болѣе, какъ сказать, подобно той же старухѣ:

— Какъ, и ты тоже? Ну, поѣзжай, батюшка, поѣзжай себѣ на здоровье!..

Да, я боюсь уподобиться почтенному Крестьяну Ивановичу Рутеншпицу Достоевскаго и многимъ современнымъ Рутеншпицамъ, но, даже рискуя этимъ уподобленіемъ, не могу отказаться отъ указанія на одну общественно-гигіеническую мѣру. Мнѣ кажется, именно, что—вооружить самаго хотя бы простого и маленькаго русскаго человѣка законными средствами противъ всякаго „незаконнаго требованія“, откуда бы оно на него ни налетало, — значило бы весьма значительно подорвать язву россійскаго самозванства,—такъ какъ, повидимому, совершенно ясно, что самозванцу нѣтъ никакой надобности предъявлять требованія законныя.

Но до этого повидимому еще далеко.

Послѣ тяжкихъ уроковъ послѣднихъ лѣтъ, послѣ видимости „россійской конституціи“ пересматривая эти очерки, написанные еще въ 1895 году, — я оказался вынужденнымъ сдѣлать въ нихъ очень много дополненій, такъ какъ явленіе это, не ослабѣвая, проводило истекшее столѣтіе и вступило въ 20-й вѣкъ. Порой эти дополненія представляли матеріалъ, пожалуй, еще болѣе яркій.

Это можно сказать особенно относительно того самозванства, которое эксплоатируетъ религіозное суевѣріе... Суевѣріе гражданское кое-гдѣ уже дрогнуло, и незаконныя притязанія даже и подлинной власти все чаще натыкаются на противодѣйствія. Но—достаточно припомнить эволюцію іоаннитства, пошлую и крикливую буффонаду Иліодора, поддержанную покровительствомъ иныхъ іерарховъ, загадочное обаяніе Распутина и его до сихъ поръ еще не вполнѣ освѣщенную личность, чтобы въ памяти опять встали и философія темнаго, хотя и чистаго сердцемъ „Пети“, и цѣлыя вереницы совсѣмъ уже нечистыхъ Антоніевъ, Михеичевыхъ и Инчиныхъ, старцевъ въ „калошахъ по 1½ пуда“, старцевъ съ клюками и

веригами... всѣхъ этихъ самозванцевъ духовнаго прозванія, мрачными и жадными глазами высматривающихъ, гдѣ вода помутнѣе и невѣжество глубже... При этомъ читатель, быть можетъ, припомнитъ наблюденіе весьма компетентнаго въ дѣлахъ этого рода отца Никодимуса, иначе Кеворка Иванова, указавшаго еще въ 1890-хъ годахъ на то, что Петербургъ представляетъ для людей его типа почву, гораздо болѣе благопріятную, чѣмъ Москва. И дѣйствительно мы видимъ, что всѣ эти странники Антоніи тянутся отовсюду къ младшей столицѣ, и она, въ свою очередь, черезъ головы культурной Россіи протягиваетъ руку на-встрѣчу темнымъ кошмарамъ, встающимъ изъ глубины уходящаго прошлаго...

Надо думать, что это—передъ разсвѣтомъ... Извѣстно, что передъ разсвѣтомъ тьма всегда становится гуще...

1896 *).

---

*) Статья написана въ 1896 году. Впослѣдствіи внесены нѣкоторыя дополненія.

ВЪ ХОЛЕРНЫЙ ГОДЪ.

(Бытовой очеркъ*).

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Холерные порядки и безпорядки.

„...Обязанности Мымрецова состояли въ томъ, чтобы, во-первыхъ, „*тащить*“, а во-вторыхъ, „*не пущать*“. Тащилъ онъ обыкновенно туда, куда рѣшительно не хотѣли попасть, а не пускалъ туда, куда этого смертельно желали“.

(Гл. Успенскій. „Будка“).

I.

Навѣрное, читатели не забыли еще солнечнаго затменія 1887 года.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ солнце было омрачено; на двадцать минутъ для многихъ мѣстностей Россіи водворилась полная тьма.

Газеты очень много занимались этимъ явленіемъ, преиму-

*) Предлагаемые читателю два бытовые очерка имѣютъ свою исторію. Въ 1893 году по приглашенію „Русской Мысли“, я вмѣстѣ съ Николаемъ Ѳедоровичемъ Анненскимъ согласился вести обозрѣніе провинціальной жизни. Для начала мы выбрали только что миновавшее холерное бѣдствіе, на фонѣ котораго разыгрались памятные безпорядки, охватившіе низовое Поволжье. Оба мы были согласны въ томъ, что холерные бунты были вызваны не однимъ суевѣріемъ народа, но и излишней склонностью къ принудительной „изоляціи и дезинфекціи“ (тоже своего рода суевѣріемъ), а также обычными проявленіями сильной, но слишкомъ самонадѣянной власти. Тема для того времени щекотливая, и статья погибла „по независящимъ обстоятельствамъ“. Въ первоначальномъ видѣ статья была одна. Впослѣдствіи, уже въ 1900-хъ годахъ я обработалъ вторую часть отдѣльно и въ такомъ видѣ, съ нѣкоторыми дополненіями, она появилась въ „Русскомъ Богатствѣ“. Этимъ и объясняется нѣкоторая разница въ тонѣ этихъ очерковъ. Въ 1900-хъ годахъ и тема потеряла первоначальную остроту, и не приходилось считаться съ невозможными условіями цензуры 90-хъ годовъ.

щественно съ астрономической его стороны. Однако, среди подробныхъ описаній небывалаго происшествія въ небесныхъ сферахъ, хотя и вскользь, хотя и мимолетно, было также отмѣчено отношеніе народа какъ къ самому явленію, такъ и къ намъ, интеллигентнымъ людямъ, которые осмѣливались его предсказывать и наблюдать.

Случай привелъ насъ въ это время въ небольшой и глухой раскольничій городишко. Я помню, меня особенно поразила тогда одна мысль, которая теперь вспоминается невольно.

Передъ разсвѣтомъ, среди ночной темноты, я ходилъ по глухимъ улицамъ и замѣтилъ, что городъ, особенно его окраины, не спалъ. Въ окнахъ виднѣлись лампадки, кое-гдѣ люди стояли у иконъ и молились. Оказалось, что населеніе окраинъ ждало въ это утро свѣтопреставленія.

Да, ни болѣе, ни менѣе! Я стоялъ среди этого заколдованнаго мірка, слушалъ кое-гдѣ испуганныя рѣчи, видѣлъ кое-гдѣ непритворныя слезы и сердечное сокрушеніе. Подумайте только о настроеніи людей, съ полнымъ убѣжденіемъ, совершенно искренно вѣрующихъ въ возможность того, что черезъ часъ или два міръ дрогнетъ въ своихъ основаніяхъ и все живущее исчезнетъ въ первобытномъ хаосѣ. Внушите себѣ хоть на время эту идею, и вы поймете очень многое въ народномъ настроеніи. Если бы хоть на одно мгновеніе вы могли проникнуться этимъ мрачнымъ ожиданіемъ, то и у васъ, вѣроятно, появились бы на глазахъ слезы, въ лицѣ испугъ, въ душѣ смятеніе, и, пожалуй, даже вы ощутили бы ту же вражду къ какимъ-то дерзкимъ, невѣдомымъ людямъ, которые наѣхали Богъ вѣсть откуда въ вашъ городокъ и невѣдомо зачѣмъ уставили свои трубы на восходящее солнце... Затѣмъ, чтобы дерзкими взглядами оскорбить великую тайну, скрытую отъ простого, Богомъ даннаго глаза человѣческаго, или, быть можетъ, даже, чтобы содѣйствовать неизвѣстному темному началу, возставшему противъ свѣта...

Да, я помню, что въ то туманное утро я пережилъ впервые еще съ такою поразительною ясностью особенное жуткое чувство, происходящее отъ близости этихъ двухъ столь далекихъ другъ отъ друга и такъ близко поставленныхъ умонастроеній... И оба искренни... Значитъ...

Ну, да, конечно, значитъ, оба по-своему правы.

Затменіе длилось не долго, оно происходило высоко, на небѣ, ничѣмъ или почти ничѣмъ не задѣвая непосредственно земныхъ интересовъ. Около мѣста наблюденій, гдѣ стояли инструменты наблюдателей-астрономовъ, были поставлены

отряды полиціи и два-три взвода солдатъ, но имъ не пришлось дѣйствовать. Отчасти газеты, брошюры, предварительные толки, грамота и школа внесли въ описанное настроеніе моментъ благотворнаго *сомнѣнія*, которое ослабило непосредственность и силу темнаго якобы благочестія. Съ другой стороны, полная тьма длилась не долго. Едва угнетенное и мрачно напрягавшееся ожиданіе достигло высшей точки,—какъ опять брызнула золотая искра свѣта, и страхъ улетѣлъ. Настроеніе разомъ измѣнилось и нерасположеніе къ ученымъ наблюдателямъ смѣнилось удивленіемъ: „До чего только народъ доходитъ. Удивительно!“ Я никогда не думалъ, что и въ моей душѣ эта первая искра встрѣтитъ также живое чувство почти благоговѣнія... А между тѣмъ это было именно такъ: она разсѣяла вражду и отчужденіе, она дѣлала меня опять своимъ человѣкомъ, соотечественникомъ и собратомъ этой взволнованной, напуганной и омраченной толпы...

У насъ давно уже толкуютъ о розни между народомъ и интеллигенціей, но, право, именно тѣ, кто болѣе всѣхъ толкуетъ объ этомъ, едва ли сознаютъ всю глубину и важность этого факта, едва ли съ полною ясностью ощущаютъ его, едва ли стараются отдать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ эта рознь.

Въ платьѣ, въ рѣчи, въ манерахъ и политическомъ образѣ жизни?..

Нѣтъ, въ основахъ міровоззрѣнія. Кто хочетъ ясно представить себѣ эту рознь, пусть ищетъ ее, между прочимъ и прежде всего, въ „трехъ китахъ“. Человѣкъ, знающій, что солнце стоитъ, а земля вертится, и человѣкъ, полагающій, что кто-то рукой выводитъ на небо солнце,—человѣкъ, давно понявшій, что эти „зòри“ (звѣзды по-народному)—цѣлые міры, вращающіеся въ стройномъ порядкѣ, и человѣкъ, который полагаетъ, что громъ раздается изъ-подъ колесницы пророка Ильи,—это два глубоко различные человѣческіе ума. Въ отдѣльныхъ случаяхъ вы, конечно, часто не замѣтите этой разницы, и вамъ покажется, что она не имѣетъ значенія. Но соберите двѣ толпы, одну сплошь состоящую изъ первыхъ, другую—изъ вторыхъ, поставьте ихъ въ условія, которыя способны привести толпу въ движеніе, и вы увидите, что онѣ отзовутся совершенно различно. Какъ ни ничтожно измѣненіе въ каждомъ отдѣльномъ умѣ, но всѣ эти молекулярныя перемѣны, сложившись вмѣстѣ, дадутъ огромную коллективную силу. Вспомните, что молекулярныя движенія въ микроскопическихъ частицахъ воды разрываютъ чугунныя бомбы, разламываютъ гранитныя скалы.

Теперь пришлось вспомнить объ этомъ по поводу холеры.

Холера—не затменіе, она происходитъ на землѣ, она длится мѣсяцы, при ней намъ, нечестивымъ наблюдателямъ, не приходилось ограничиваться одними наблюденіями. Намъ пришлось не только узнавать, но и бороться съ тѣмъ, что̀ народъ признавалъ волею Божіей, пришлось считаться не только съ его взглядами, но съ его домашнимъ бытомъ, съ его самыми интимными привычками, съ его пріемами борьбы передъ лицомъ смертельной опасности и самой смерти...

II.

Къ сожалѣнію, провинціальная пресса, изъ которой приходится теперь заимствовать матеріалы для характеристики недавняго народнаго настроенія, и теперь доставляетъ данныя по этому предмету далеко не въ изобиліи. Мы узнаемъ о случившихся фактахъ, имѣемъ дѣло съ внѣшними, самыми рѣзкими порой проявленіями, со сценами насилій, волненій, усмиреній и суда; подкладка же этихъ явленій (по обстоятельствамъ отъ печати независящимъ) отмѣчается неполно, неясно и слабо.

Постараемся, однако, собрать нѣкоторыя разбросанныя черты изъ этой области.

Прежде всего, приходится отмѣтить фактъ огромнаго значенія. Холера пришла вслѣдъ за голодомъ. Годъ неурожая, зима, полная лишеній, казенная ссуда, связанная съ этимъ зависимость отъ сторонней помощи, неувѣренность и тоска,—все это должно было наложить свою печать на народное настроеніе. Голодъ былъ не всюду, но фактъ голода въ двадцати губерніяхъ не могъ, конечно, не отозваться тревожными отголосками по всей Россіи. Вспомнимъ хотя бы о томъ, что Астрахань и низовья Волги были переполнены пришлыми рабочими, въ томъ числѣ изъ голоднаго района. Они принесли туда свѣжія еще воспоминанія объ ужасной зимѣ и веснѣ, и съ этими воспоминаніями шли на-встрѣчу новой гостьѣ.

Обратите вниманіе хотя бы на слѣдующую замѣтку, брошенную вскользь, кажется, „Астраханскимъ Вѣстникомъ“: „*Любопытный фактъ*,—говорится въ этой газетѣ:—въ полицейскіе участки все чаще и чаще начинаютъ доставляться страдающіе психическимъ разстройствомъ. По отзывамъ свѣдущихъ лицъ, такого наплыва умалишенныхъ въ прежніе годы не наблюдалось. *Большинство этого рода больныхъ принадлежатъ къ числу иногороднихъ лицъ, попавшихъ въ Астрахань волею судебъ*. По профессіямъ, главнымъ образомъ, *чернорабочіе* и *прислуга*. По бѣгломъ освидѣтельствованіи чрезъ городовыхъ врачей, больные отправляются въ домъ умалишенныхъ“.

Замѣтка относится къ Астрахани, но „пришлыя лица“ наводняли не одну Астрахань и всюду они несли съ собой расшатанные, угнетенные или возбужденные нервы. Всѣ эти толпы народа, которыя весна привела въ движеніе за поисками хлѣба и работы, въ массѣ представляли людей глубоко потрясенныхъ, истомленныхъ и несчастныхъ...

И вдругъ до нихъ доносятся слухи: господа *предсказываютъ* вдобавокъ ко всему холеру.

И тотчасъ же, какъ и передъ затменіемъ, является вопросъ: *откуда они узнали?* Человѣку, который представляетъ себѣ вселенную, какъ стройное цѣлое, гдѣ среди безконечнаго величія царствуетъ законосообразность и порядокъ, легко понять, что три свѣтила могутъ стать на одной линіи и что въ этомъ нѣтъ ничего угрожающаго или опаснаго. Человѣку, знающему, сколько безконечно малыхъ организмовъ носится въ воздухѣ и плаваетъ въ водѣ, понятно, что въ сухомъ вѣтрѣ изъ знойной Индіи, въ ясной атмосферѣ можетъ носиться смерть къ лицѣ невидимаго безконечно малаго врага. Но народъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія и теперь, когда передъ его истомленною душой выдвигаютъ новую грозу, которой еще нѣтъ, онъ не понимаетъ: „откуда господа узнали?“ Узнать, по его мнѣнію, „волю Божію“ нельзя, значитъ—это или выдумка, или... зависитъ отъ самихъ пророковъ.

Таково психологическое основаніе нелѣпой формулы: „холера выдумана, народъ умираетъ отъ докторовъ“, которая облетѣла всю Россію. Фактъ, исполненный самаго печальнаго и рокового значенія: въ XIX вѣкѣ одна часть русскихъ людей заподозрила другую въ коварной выдумкѣ, прикрывающей намѣреніе — огульныхъ, массовыхъ и систематическихъ убійствъ.

III.

Остановимся нѣсколько на внутреннемъ значеніи этого факта.

Всякая идея является несомнѣнно движущею силой. Но идеи бываютъ разныя. „Жиды Христа распяли и потому подлежатъ мести до конца вѣка“,—если хотите, это тоже идея, и мы видѣли не разъ ея дѣйствіе. И, однако, довольно 20 минутъ спокойнаго разговора, чтобы въ отдѣльномъ добросовѣстномъ умѣ пошатнуть ея основаніе. Вы напомните, что Христосъ самъ былъ еврей, что евреи первые дошли до идеи единобожія, что они разнесли по всему міру свѣтъ христіанства, что, наконецъ, никто не отвѣчаетъ за предковъ. И вотъ, эта сорная трава, разросшаяся на поверхности народной

мысли, вырвана и, быть можетъ, на ея мѣстѣ пустила уже корни новая идея—истинно-христіанскаго братства и терпимости.

Это уже идея другого типа. Насаждается и культивируется она съ гораздо большимъ трудомъ, какъ и многія сложныя истины, недоступныя непосредственному воспріятію, которыя призваны замѣнить простые предразсудки. Для нихъ нужны трудъ и время, и не всякое время для нихъ благопріятно. Въ 90-хъ годахъ у насъ широко распространялась мысль „о вредѣ полузнанія", какъ будто знаніе есть что-либо замкнутое въ себѣ и законченное, что можно дѣлить на части или чѣмъ можно когда бы то ни было и кому бы то ни было обладать во всей полнотѣ. Многіе боятся, наконецъ, что народная вѣра можетъ поколебаться отъ первыхъ же прикосновеній истины о Божьемъ мірѣ. Когда же наступаютъ тревожные періоды, тогда мы спохватываемся, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно. Дикія, сорныя идеи, разросшіяся, какъ бурьянъ, на нетронутой нивѣ, обладаютъ живучестью. Дѣйствіе ихъ не глубоко, но за то охватываетъ страшныя массы. Когда люди темны, несчастны, когда ихъ волнуетъ что-либо, въ чемъ они не отдаютъ себѣ яснаго отчета, тогда краткія, сильныя въ своей нелѣпой простотѣ и односложности сорныя идеи отзываются разомъ во всѣхъ темныхъ сердцахъ. „Жиды распяли Христа",—и толпа уже ищетъ глазами „распинателя". „Доктора морятъ народъ",—и уже трудно разсказывать о бациллахъ и запятыхъ...

IV.

Невольная жалость и глубокая грусть охватываютъ наблюдателя при видѣ наивныхъ пріемовъ, которые выдвигаетъ народная среда на-встрѣчу близкому уже и явно для всѣхъ надвинувшемуся бѣдствію, когда его уже нельзя отрицать. „Ингуши, наприм.,—пишетъ кавказскій корреспондентъ газ. „Каспій",—въ огражденіе своихъ селеній и себя лично отъ холеры, устраиваютъ таинственныя процессіи по подземнымъ галлереямъ. Для этого вырываются два колодца, соединяемые подземнымъ ходомъ. У того и другого колодца муллы читаютъ священный коранъ, а правовѣрные одинъ за другимъ спускаются въ одинъ изъ колодцевъ, проходятъ по тѣсной подземной галлереѣ въ другой, при чемъ по пути каждый проходящій отплевывается во всѣ стороны. Вышедшій такимъ образомъ на поверхность земли становится, по мѣстному повѣрью, какъ бы застрахованнымъ отъ холеры.

„Жители Малой Кабарды устраиваютъ процессіи вокругъ

селеній съ пѣніемъ стиховъ изъ корана. Въ сел. Абаевомъ имѣла мѣсто процессія слѣдующаго рода. Выбраны были два почетныхъ обывателя, изъ которыхъ одинъ вооружился шашкой, а другой взялъ въ руки бычачью кожу, на которой правовѣрные совершаютъ свой обычный намазъ. Эти лица, въ сопровожденіи громадной толпы, обошли селеніе; впереди шелъ воинъ съ шашкой, грозно размахивая ею въ пустомъ пространствѣ; товарищъ несъ за нимъ бычачью кожу въ видѣ священнаго знамени. Мѣстное повѣрье гласитъ, что холера не можетъ перейти извнѣ черту, по которой прошла описанная процессія".

Въ нѣкоторыхъ станицахъ по рѣкѣ Малкѣ въ глухую полночь вы могли бы встрѣтить въ поляхъ и на дорогахъ процессіи изъ дѣвушекъ въ одномъ бѣльѣ, съ распущенными волосами, и 9 парней въ такихъ же костюмахъ, вооруженныхъ граблями, вилами, кочергами и дубинами, съ цѣлью избить первое встрѣчное существо, такъ какъ, по ихъ повѣрью, холера входитъ въ станицу по ночамъ въ видѣ какой-нибудь твари земной. Говорятъ, что станичныя власти своевременно приняли мѣры къ тому, чтобы не допустить процессію къ какой-нибудь встрѣчѣ, которая могла окончиться очень печально для запоздавшаго путника.

„Верстахъ въ четырехъ отъ Нижняго-Новгорода,—пишетъ корреспондентъ „Новостей Дня",—находится деревушка Кузнечиха. Въ концѣ іюля въ Кузнечихѣ заболѣлъ одинъ крестьянинъ подозрительною по настоящему времени болѣзнью, и его отправили въ больницу. Испуганные жители рѣшились избавиться отъ лихой болѣзни и задумали попытать старинный, практиковавшійся въ такихъ случаяхъ способъ. Около полуночи всѣ жители Кузнечихи собрались на околицѣ и всѣ въ бѣлыхъ длинныхъ повязкахъ и разстегнутыхъ одеждахъ. И когда на церкви сосѣдняго села Высокаго пробило двѣнадцать часовъ, толпа впряглась въ соху, и началось шествіе. Впереди шла молодая дѣвушка, съ растрепанными волосами и съ кадильницей въ рукахъ. Она бормотала какія-то заклинанія и кадила передъ иконой стариннаго письма, которую несли вслѣдъ за ней двѣ бабы. За иконой нѣсколько женщинъ тащили соху, а за сохой слѣдовала густая толпа народа. Процессія, съ тихимъ заунывнымъ пѣніемъ молитвъ, обошла вокругъ всей Кузнечихи, послѣ чего всѣ разошлись по домамъ, увѣренные вполнѣ, что избавились отъ опасности".

А вотъ обрядности, совершаемыя чувашами Белебеевскаго у., Уфимской губ., по требованію стариковъ, сильно еще приверженныхъ къ языческой старинѣ. Все населеніе

чувашской деревни, по общинному уговору, вымылось въ банѣ и одѣлось въ чистое праздничное платье. Мужчины, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, поставленныхъ съ заряженными ружьями по околицамъ, остались дома, а замужнія женщины и дѣвушки вышли за деревню. Туда же былъ привезенъ и плугъ (сабанъ). Нѣсколько дѣвушекъ и замужнихъ (преимущественно первенцы) впряглись въ этотъ плугъ и стали проводить борозду вокругъ своего селенія. Другія женщины шли впереди плуга, плясали и пѣли пѣсни, въ которыхъ выражали, главнымъ образомъ, слѣдующія мысли и желанія: „Уйди ты, бѣда, на сто саженъ выше, на сто саженъ ниже и на сто саженъ въ стороны отъ нашего селенія!“ У околицъ это шествіе, сопровождавшееся неистовымъ визгомъ женщинъ, останавливалось, и находившійся въ засадѣ мужчина дѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья, вѣруя, что испугаетъ и отгонитъ этимъ отъ селенія незваную гостью („Волжскій Вѣстникъ“).

Духоборы села Славянскаго, Елизаветпольскаго уѣзда, обратились за средствами чуть не ко временамъ идолопоклонничества. Они развели треніемъ двухъ полѣнъ „живой огонь“ и, стучась въ полночь въ двери обывателей, стали предлагать имъ потушить старый огонь и брать у нихъ „новый, такъ какъ старый зараженъ“.

Такихъ фактовъ можно бы привести очень много, но мы ограничимся приведенными выше. Они взяты изъ разныхъ концовъ нашего обширнаго отечества и, однако, поражаютъ своимъ сходствомъ. И на рѣкѣ Малкѣ, и подъ Нижнимъ, и у черемисъ, и у ингушей, и по всему лицу земли Русской сохранилась, столь тщательно оберегаемая людьми извѣстнаго лагеря, „невинность ума и сердца“, побуждающая, передъ лицомъ общаго бѣдствія, обращаться къ обычаямъ сѣдой старины, бродить въ бѣлыхъ рубахахъ по темнымъ дорогамъ и бездорожьямъ и въ каждомъ встрѣчномъ существѣ искать врага и призракъ смерти. Къ чему порой ведетъ эта „невинность“, показываетъ отчасти и слѣдующій фактъ, заимствуемый нами изъ „Приазовскаго Края“:

„Проѣзжая изъ Ѳедоровки мимо одного изъ поселковъ Ѳедоровской же волости, верстахъ въ 45 отъ Екатеринодара, священникъ ст. Абинской, архитекторъ Ф. и старшина той же волости г. Трипалитовъ замѣтили пожаръ, — горѣлъ хлѣбъ вблизи поселка. Они остановились, и старшина отправился на мѣсто пожара, а священникъ съ архитекторомъ Филипповымъ послѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Пройдя нѣкоторое разстояніе, они услышали крикъ и замѣтили, — дѣло

происходило въ 10 час. вечера,—двигавшуюся по направленію къ нимъ толпу. Быстро подойдя къ нимъ, поселяне остановили ихъ и спросили: не врачи ли они? Г. Филипповъ назвалъ себя, священникъ также, но толпа, очевидно, не повѣрила имъ, заподозрила, что священникъ—переодѣтый врачъ, и немедленно окружила каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и принялась истязать г. Филиппова. Поселяне связали ему руки, одинъ изъ парней бросилъ въ него дубиной, другой ударилъ полѣномъ въ голову. Вообще, неизвѣстно, чѣмъ это могло бы кончиться, если бы случайно подоспѣвшій священникъ станицы Абинской и ихъ же благочинный не усовѣстилъ буяновъ, и они развязали руки г. Филиппову.

„Съ большимъ трудомъ, преслѣдуемые (всетаки?) выстрѣлами, добрались пѣшкомъ священникъ съ г. Филипповымъ до переправы на ст. Марьинскую. Здѣсь г. Филипповъ встрѣтилъ своего извозчика, на которомъ прискакалъ къ парому подрядчикъ по постройкѣ дамбъ по лѣвую сторону Кубани, котораго также преслѣдовали верховые поселяне, и онъ спрятался въ домѣ паромщицы. Храбрая женщина встрѣтила выстрѣлами изъ револьвера непрошенныхъ гостей, добиравшихся до подрядчика. Испытавъ въ этомъ неудачу, поселяне хотѣли бросить въ воду извозчика, но подоспѣвшій съ г. Филипповымъ священникъ вырвали его изъ рукъ буяновъ, перешли на паромъ и очутились въ безопасномъ мѣстѣ. Оттуда они направились въ ст. Марьинскую и на другой день прибыли въ Екатеринодаръ“.

V.

Слухи самые нелѣпые, толки самые оскорбительные для нашего „національнаго самолюбія“ носились тучами. Главнымъ образомъ неслись они съ низовьевъ Волги, отъ Каспійскаго моря и Астрахани. Казалось, передъ заразой, впереди ея, вѣтеръ гналъ эту тучу нелѣпыхъ толковъ, которые затѣмъ разлетались, жужжа надъ всею Русью, какъ ядовитыя мухи.

Борьба съ этими слухами, съ „превратными толкованіями, злонамѣренно распускаемыми въ народѣ“, какъ у насъ принято выражаться по традиціи, составляетъ характернѣйшую страничку данной минуты. Остановимся на нѣкоторыхъ пріемахъ борьбы съ ними въ эти тревожные мѣсяцы. И прежде всего намъ приходится обратиться къ Нижегородскому краю.

Нижегородскому краю въ этомъ году повезло хоть въ одномъ отношеніи: какъ продовольственная, такъ и противухолерная

дѣятельность въ Нижнемъ сказалась чрезвычайно выпукло и ярко. Можно сказать много и за, и противъ практиковавшихся въ Нижнемъ-Новгородѣ пріемовъ, но мимо Нижняго наблюдателю пройти трудно. Все, что только намѣчается и робко проглядываетъ на свѣтъ въ нашей довольно-таки безпорядочной современности, здѣсь съ рѣзкою послѣдовательностью досказано до конца и освѣщается широко примѣняемою гласностью.

Поэтому и мы остановимся, прежде всего, на мѣрахъ борьбы съ превратными толками, практиковавшихся въ Нижнемъ.

Еще въ самомъ началѣ эпидеми (11 іюля) въ мѣстной газетѣ („Волгарь") были напечатаны два приказа генерала Баранова. Въ первомъ говорилось, между прочимъ: „Если, Боже упаси, гдѣ-нибудь, пользуясь глупостью и легковѣріемъ темныхъ людей, кому-нибудь удастся нарушить порядокъ, я возстановлю его находящеюся въ моемъ распоряженіи военною силой, *зачинщиковъ и подстрекателей повѣшу немедленно на мѣстѣ*, а участники жестоко, на глазахъ у всѣхъ, будутъ наказаны. Знающіе меня повѣрятъ, что я исполню обѣщаніе".

Приказъ этотъ получаетъ особенное освѣщеніе отъ прибавленія къ нему въ томъ же нумерѣ другого:

„Сегодня ночью на пріемномъ пунктѣ Сибирской пристани, въ легкій досчатый баракъ, служащій мѣстомъ отдыха монахинь... брошенъ большой камень. Ударъ былъ такъ силенъ, что одна изъ досокъ сорвана съ гвоздей и вылетѣла оконная рама. Бездѣльникъ, пользуясь темнотою ночи, успѣлъ скрыться въ кустахъ Баранцева озера. Я радъ этому, потому что до отдачи вышепомѣщеннаго предостереженія я *нѣсколько затрудненъ* (!) былъ бы повѣшеніемъ негодяя на мѣстѣ преступленія и пришлось бы примѣнить къ нему слишкомъ мягкую мѣру. *Съ завтрашняго же дня я буду считать себя свободнымъ отъ всякаго стѣсненія*".

Въ печати уже говорилось объ этомъ приказѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Мы только отмѣтимъ характерную черту: генералъ Барановъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ до извѣстной степени (нѣсколько) лишь тѣмъ, что онъ лично не успѣлъ напечатать приказа ранѣе, и неизвѣстный, кинувшій камень, не былъ предупрежденъ о намѣреніяхъ г. нижегородскаго губернатора до своего поступка. Что же касается закона, который даже въ военное время требуетъ непремѣнно суда передъ казнью, то, повидимому, онъ ни въ какой мѣрѣ не подаетъ повода къ какимъ бы то ни было стѣсненіямъ.

Этотъ безпримѣрный приказъ остался единственнымъ въ

своемъ родѣ. Теченіе, имѣющее своихъ защитниковъ въ извѣстной части прессы,—которое хотятъ почему-то называть „силою власти“, хотя оно лучше бы характеризовалось словами „безсиліе закона“,—здѣсь сказалось уже, повидимому, съ послѣдовательностью слишкомъ смѣлою. Другіе пріемы, практиковавшіеся въ томъ же Нижнемъ, нашли за то большое сочувствіе и откликъ, стали гораздо болѣе популярны. Такова, прежде всего, исторія невольнаго санитара Китаева. Въ газетѣ „Волгарь“ (7 іюля, № 155) мы читаемъ:

„4 числа, вечеромъ, задержанъ нижегородскій мѣщанинъ домовладѣлецъ Китаевъ, который, въ присутствіи значительнаго числа рабочихъ, говорилъ, что холеры никакой нѣтъ и что ее выдумали врачи, зарывающіе въ землю живыхъ. При этомъ Китаевъ позволилъ себѣ высказать угрозы по адресу врачей и мѣстной администраціи, прибавивъ, что если бы нашлось еще 7 человѣкъ такихъ, какъ онъ, то о холерѣ и рѣчи бы не было... Дабы дать возможность Китаеву видѣть холерныхъ больныхъ, ухаживать за ними и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто изъ такихъ больныхъ не былъ погребенъ заживо, я призналъ полезнымъ, не подвергая виновнаго никакому наказанію, назначить его на одинъ мѣсяцъ въ составъ санитарныхъ служителей плавучаго госпиталя, устроеннаго на случай холерныхъ заболѣваній. Китаевъ уже водворенъ въ госпиталѣ (5 іюля)“.

Другая мѣстная, спеціально ярмарочная газета, „Нижегородская Почта“, въ которой всѣ мѣропріятія ген. Баранова находили всегда страстныхъ приверженцевъ и комментаторовъ, говоритъ, между прочимъ, что „извѣстный приказъ о Китаевѣ дышалъ юморомъ“, и затѣмъ вспоминаетъ о знаменитыхъ воззваніяхъ Ростопчина. Можно что̀ угодно думать о послѣднихъ, хотя бы, напримѣръ, о знаменитомъ „я пріѣду назадъ къ обѣду... сдѣлаемъ, додѣлаемъ, злодѣевъ отдѣлаемъ“ и объ ихъ практическомъ значеніи. Несомнѣнно, однако, что сближеніе до извѣстной степени вѣрно... Къ сожалѣнію, такіе приказы никогда еще не причислялись къ роду „юмористической литературы“ и мы не можемъ отрѣшиться отъ вопросовъ объ ихъ законности, во-первыхъ, и цѣлесообразности — во-вторыхъ. Что касается перваго, то отвѣтъ не подлежитъ спору. *Такого* закона не существуетъ. Стоитъ, однако, прослѣдить исторію Китаева дальше, хотя бы по той же газетѣ, чтобы увидѣть, какъ опасны эти самостоятельныя экскурсіи въ область „доморощенныхъ“ уголовныхъ наказаній.

Прежде всего, что было бы, если бы Китаевъ заразился и умеръ въ первые же дни? Этого, къ счастію, не случилось, но... если бы! Вѣдь, это, всетаки, такъ возможно, особенно

при наличности страха, вызваннаго подневольною службой въ опасномъ мѣстѣ. Была ли бы этимъ достигнута главная цѣль, или, наоборотъ, результаты получились бы совершенно противуположные?

Повторяемъ, этого не случилось. Судьба сохранила Китаева какъ будто нарочно для того, чтобы экспериментъ могъ быть доведенъ до конца. Китаевъ сталъ знаменитостью, въ особенности, когда, уже освобожденный, явился въ засѣданіе благотворительной холерной коммиссіи и объявилъ, что онъ опять идетъ въ баракъ, уже добровольно. Обѣ нижегородскія газеты въ трогательныхъ выраженіяхъ изображали эту сцену. Китаевъ кланялся въ ноги, благодарилъ за науку и прослезился. Китаева обнимали, Китаева лобызали, жали Китаеву руки и писали о Китаевѣ въ газетахъ. Весь эпизодъ прошелъ въ томъ особенномъ патріархальномъ жанрѣ, который теперь опять входитъ въ моду. Благодѣтельная строгость съ одной стороны, и смиренное уничиженіе съ другой, съ лобызаніемъ наказующей десницы. „Китаевъ, — писала та же „Нижегородская Почта“, служащая точнымъ отголоскомъ и истолкователемъ этого настроенія, — симпатичнѣйшій герой дня... онъ заставляетъ преклоняться передъ скромнымъ величіемъ своего подвига... это богатая натура, всегда способная къ самопожертвованію, это русскій человѣкъ, это русская земля...“

Все это писалось 15 іюля. Увы, 25 іюля „русская земля“ въ лицѣ Китаева опять очутилась въ кутузкѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ судить по глухому сообщенію той же газеты: „Китаевъ,—читаемъ мы въ ней,—напроказилъ снова... ему пора *посидѣть*... Странное существо русскій человѣкъ: не то его на пьедесталъ, не то его въ кутузку!“

Свѣтъ нижегородской гласности, освѣщавшій во всѣхъ подробностяхъ первыя фазы этой чисто-нижегородской эпопеи, на этомъ мѣстѣ меркнетъ, и мы не знаемъ точно ея дальнѣйшаго теченія. Одинъ изъ врачей, бывшій въ Нижнемъ, передавалъ намъ только, что Китаевъ явился въ баракъ не одинъ, а въ сопровожденіи 7 или 10 человѣкъ подозрительныхъ добровольцевъ, сгоравшихъ такимъ же самопожертвованіемъ, какъ и онъ самъ. Ихъ не приняли; явилось подозрѣніе, что это какъ разъ тѣ самые „7 человѣкъ, такихъ какъ онъ“, которые ему были нужны раньше для уничтоженія холеры...

Къ сожалѣнію, опытъ не ограничился Китаевымъ. 12 іюля въ холерный баракъ былъ препровожденъ мѣщанинъ города Балахны Лукьянычевъ, говорившій, „въ присутствіи многихъ лицъ,

многія безсмысленныя выдумки о порядкахъ въ холерныхъ госпиталяхъ и объ обращеніи тамъ съ больными". Дальнѣйшая исторія этого невольнаго санитара менѣе извѣстна. Приказъ о немъ напечатанъ 12 іюля, о срокѣ выхода его ничего нигдѣ не говорилось, а такъ какъ въ мѣстныхъ газетахъ („Волгарь" № 179) упомянуто въ числѣ умершихъ имя и отчество Лукьянычева (Ѳедоръ Тимоѳеевъ), безъ указанія мѣста приписки, званія и фамиліи, то по городу и на ярмаркѣ носились слухи, что этотъ невольный санитаръ дѣйствительно „въ административномъ порядкѣ" умеръ. Мы желали бы, чтобы это оказалось ошибкой, и упоминаемъ объ этомъ отчасти для того, чтобы вызвать точное опроверженіе или подтвержденіе этого слуха... Невозможнаго въ немъ, однако, нѣтъ ничего.

Въ другихъ случаяхъ къ этой формѣ наказанія въ Нижнемъ, сколько можемъ судить изъ мѣстныхъ газетъ, уже не прибѣгали, довольствуясь дѣйствительно „жестокими", какъ говорится въ приказѣ, наказаніями (100 и 150 ударовъ розогъ), въ той же мѣрѣ не предусмотрѣнными ни общими законами, ни дѣйствующимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ „положеніемъ объ усиленной охранѣ" *).

Нельзя не обратить вниманія да одну сторону этого явленія: совершенно естественно, что оно вызываетъ подражаніе и, прежде всего, въ подчиненныхъ. Въ газетѣ „Волгарь" (№ 169) мы уже безъ особеннаго удивленія читаемъ слѣдующее: „13 іюля въ Павлово прибылъ вновь назначенный исправникъ г. Ржевскій, немедленно обратившій всю свою энергію на подготовительныя мѣры противъ холеры, послѣдствій которой можно опасаться только именно здѣсь". Далѣе корреспондентъ, съ восторгомъ нѣсколько наивнымъ, разсказываетъ о томъ, какъ г. Ржевскимъ „*ночью* были собраны земскій начальникъ, волостной старшина и другіе", какъ по селу Павлову былъ расклеенъ „приказъ" (опять толки), какъ „въ унывающее населеніе г. исправникъ вдохнулъ новыя силы", какъ, наконецъ, онъ самъ для ободренія больныхъ лично „принималъ сильно-дѣйствующія средства (каломель)". Все это, конечно, очень похвально, жаль только, что корреспонденція заканчивается слѣдующими двумя „анекдотами": у одного торговца хлѣбомъ были найдены *два пирога съ тухлою начинкой*. Торговецъ былъ посаженъ въ кутузку до тѣхъ

---

*) Такъ былъ наказанъ лысковскій санитаръ Усовъ. Условія и обстановка наказанія тоже представляютъ какое-то переживаніе древняго періода нашей исторіи.

поръ, *пока не съѣстъ самъ оба пирога;* онъ съѣлъ ихъ и былъ освобожденъ, убѣдившись въ необходимости печь пироги со свѣжею начинкой. Одного волостного писаря, неправильно увѣдомившаго о холерѣ, когда была естественная (?) смерть, г. исправникъ повелъ въ бараки показывать холеру (?!), но по его особой трусости отпустилъ его съ дороги".

Мы тщательно просмотрѣли дальнѣйшіе №№ нижегородской газеты въ слабой, правда, надеждѣ найти опроверженіе хоть этого сообщенія. Опроверженія не было.

Какъ видите, тутъ не замѣтно уже ни капли остроумія — заставлять въ холерное время ѣсть пироги съ тухлою начинкой или читать клиническія лекціи писарямъ! За то слишкомъ замѣтно плохое подражаніе Нижнему. Что же, однако, будетъ, если горбатовскіе урядники станутъ подражать господину горбатовскому исправнику и, вмѣсто указаній закона, примутъ въ руководство исключительно наличные запасы собственнаго остроумія? Не слишкомъ ли ужъ юмористична станетъ наша бѣдная провинціальная жизнь?

Къ этимъ, быть можетъ, слишкомъ даже яркимъ эпизодамъ остается прибавить немного: отдача въ невольные санитары нашла откликъ въ далекой Сибири. „Четверо лечившихъ холерныхъ больныхъ обложеніемъ мокрыми тряпками и нагрубившихъ участковому врачу,—пишутъ „Сибирскому Вѣстнику" изъ Омска,—отданы, по распоряженію губернатора, служителями въ холерную больницу, а *мѣщанинъ* (изъятый по закону отъ тѣлеснаго наказанія, замѣтимъ отъ себя) Францъ Домбровскій за оскорбленіе врача и ложные толки схваченъ полиціей и *высѣченъ розгами*, о чемъ въ назиданіе (?!) объявлено по городу расклеенными афишами" („Сибирскій Вѣстникъ", № 100).

Затѣмъ, сѣченіе довольно усердно примѣняется въ Орлѣ (губернаторъ недавно переведенъ изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ онъ былъ вице-губернаторомъ). Въ „Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" объявлены приказы, изъ которыхъ видно, что крестьянинъ Ливенскаго уѣзда Іона Степановъ Шутовъ и запасный рядовой Мценскаго уѣзда Тимоѳей Деминъ подвергнуты „строгому тѣлесному наказанію" 4 августа... Какъ видите, здѣсь не опредѣлено даже число ударовъ и краткая формула „строгое наказаніе" такъ и отзывается не просто добрыми старыми, а добрѣйшими старѣйшими временами, когда постановлялось просто: „бить батоги нещадно". Дальше, тому же наказанію подвергнутъ уже *мѣщанинъ* Бодровъ за то, что позволилъ себѣ сорвать вывѣшенное на дворѣ мѣщанина Петрищева объявленіе губернскаго правленія, при чемъ

дерзко глумился надъ составителями объявленія и надъ санитарными мѣрами. За таковыя дѣянія Бодровъ получилъ 50 ударовъ. Интересенъ еще приказъ (въ № 237 „Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“), которымъ крестьянинъ Болховскаго уѣзда Филиппъ Горыльниковъ, заключенный предварительно въ тюрьму, предавался затѣмъ суду „по 37 ст. устава о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями“.

А вотъ еще извѣстіе, напечатанное въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“, которое мы, впрочемъ, заимствуемъ изъ „Кіевскаго Слова“ (8 сентября, № 1670): „Два болховскіе *купца*, живущіе въ уѣздѣ—Захаровъ и Сидоровъ, подвергнуты мѣстнымъ *земскимъ начальникомъ*, за неисполненіе санитарныхъ требованій, *довольно чувствительнымъ наказаніямъ*“. Что значатъ „довольно чувствительныя наказанія“, которымъ *купцовъ* счелъ себя въ правѣ подвергнуть г. земскій начальникъ,—это старается пояснить „Кіевское Слово“, прибавляя отъ себя, что „*Сидоровъ и Сидорова коза* въ извѣстномъ смыслѣ достигли равенства“... Остроуміе, надо сказать, довольно печальнаго свойства. Однако, неужто, въ самомъ дѣлѣ, дошло уже до этого? Да, поневолѣ придется сказать въ этомъ случаѣ, что сила подражанія велика... Что же касается силы закона, то о ней никакъ нельзя сказать того же.

Въ Кіевѣ мѣры, принимаемыя противъ „слуховъ и толковъ“, хотя тоже были довольно суровы, но, повидимому, отличались нѣсколько бо̀льшимъ спокойствіемъ и однообразіемъ и не выходили изъ предѣловъ, отведенныхъ положеніемъ усиленной охраны. По городамъ и селамъ Кіевской губерніи расклеено обязательное постановленіе, по которому „за распространеніе злонамѣренныхъ слуховъ о мѣропріятіяхъ власти и санитарныхъ учрежденій по предупрежденію и пресѣченію холерной эпидеміи, гласное осужденіе дѣйствій тѣхъ же властей, оказаніе имъ явнаго неуваженія или сопротивленія, а также за выраженіе угрозъ, хотя бы заочно, по отношенію къ лицамъ, облеченнымъ обязанностью служить дѣлу помощи, виновные подвергаются аресту до 3 мѣс.“ („Одесскія Новости“, №2380).

Въ „Кіевскомъ Словѣ“ (№№ 1667 и 1673) встрѣчаемъ приказы кіевскаго губернатора, которыми крестьяне: Слупскій, Панасюкъ и Ковальчукъ („приведшіе въ большое смущеніе женщинъ села Юрковецъ“), мѣщанинъ Остапцовъ, отст. солдатъ Яковъ Кривуля, крестьяне Зайченко, Костенко, Тыртычный, Макаренко, Дахно, Черный и Науменко приговорены въ разное время къ аресту, на различные сроки, въ общей сложности составляющіе сумму въ 21 мѣсяцъ (по 53 дня на человѣка).

Такія же мѣры примѣнялись въ Казани.

Въ „Екатеринославскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ“ встрѣчаемъ распоряженіе о высылкѣ этапнымъ порядкомъ на родину крестьянина Тверской губерніи Трофимова, а изъ „Саратовскаго Дневника“ (№ 192) узнаемъ, что „нѣсколькимъ лицамъ предложено оставить Астрахань“. Вѣроятно, въ связи съ этимъ находится краткое и нѣсколько загадочное сообщеніе „Астраханскаго Листка“ (3 сентября, № 191) слѣдующаго содержанія:

„Постановленіемъ губернскаго правленія отъ 27 августа купецъ Н. И. Артемьевъ имѣетъ быть подвергнутъ административной высылкѣ въ Енотаевскъ на неопредѣленный срокъ“. И далѣе, „вслѣдствіе отношенія г. начальника губерніи г. городскому головѣ, купецъ Н. И. Артемьевъ устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ думы“. Какъ причины высылки, такъ и вопросъ, отъ кого исходитъ это распоряженіе, въ газетахъ остались невыясненными.

Этимъ, безъ сомнѣнія, далеко не полнымъ перечнемъ мы закончимъ обозрѣніе административныхъ мѣръ, направленныхъ къ прекращенію ходившихъ въ народѣ толковъ и слуховъ въ теченіе послѣднихъ недѣль. Слухи эти проникали всюду. Надо думать, однако, что въ другихъ мѣстахъ къ нимъ относились спокойнѣе и считали достаточными болѣе простыя и болѣе законныя мѣры обычнаго времени... И, навѣрное, съ неменьшимъ успѣхомъ...

VI.

Нужно отмѣтить, однако, и другую сторону дѣятельности той же нижегородской администраціи.

Въ томъ же № нижегородской газеты, гдѣ помѣщенъ приказъ объ отдачѣ Китаева въ баракъ, въ невольные санитары, мы читаемъ другое офиціальное обращеніе къ населенію, отмѣченное инымъ характеромъ: *Для чего построены бараки и холерныя больницы.* Повторивъ вкратцѣ указанія на пріемы первоначальной помощи заболѣвшимъ на дому и на необходимость тотчасъ же обратиться къ врачу, г. нижегородскій губернаторъ продолжаетъ:

„Но что дѣлать тѣмъ, у кого нѣтъ своего жилья, какъ быть съ проѣзжими и приходящими, которыхъ болѣзнь можетъ захватить на чужой сторонѣ, въ пути, за кѣмъ некому ухаживать, у кого нѣтъ даже пристанища? Кто пуститъ къ себѣ такого больного, кто рѣшится ухаживать за чужимъ человѣкомъ, не боясь заразы? Что дѣлать, наконецъ, съ людьми, живущими въ артеляхъ? Товарищи уйдутъ на работу, а боль-

ной можетъ умереть одинъ, безъ помощи. Кромѣ того, отъ него могутъ заразиться другіе и разнести болѣзнь. Этого нельзя допускать, и потому для такихъ больныхъ построены и строятся особые бараки и временныя больницы, при которыхъ находятся доктора и прислуга. Въ этихъ баракахъ бездомные больные находятъ пріютъ, уходъ и леченіе".

Объяснивъ, такимъ образомъ, назначеніе бараковъ, г. губернаторъ ставитъ вопросъ уже совершенно опредѣленно:

„И такъ,—продолжаетъ онъ,—въ баракахъ и временныхъ больницахъ помѣщаются: 1) заболѣвающіе холерой на пароходахъ и баржахъ; 2) проѣзжающіе и проходящіе дорогою люди, которыхъ болѣзнь застигнетъ въ пути; 3) заболѣвшіе въ такихъ артеляхъ, гдѣ не можетъ быть домашняго ухода и гдѣ можетъ заразиться много людей; наконецъ, изъ мѣстныхъ жителей тѣ больные, которые *пожелаютъ сами* (курсивъ подлинника) или которыхъ доставятъ родственники для леченія и ухода... По выздоровленіи больные будутъ выпускаемы въ новомъ бѣльѣ и необходимой одеждѣ. Больные другими болѣзнями, а не холерой, отнюдь въ бараки помѣщаемы не будутъ... *Усопшіе будутъ отпѣваемы въ открытыхъ гробахъ, по истеченіи 24 часовъ*; имена скончавшихся будутъ выставляться на доскахъ у пристани рѣчной полиціи *и указанъ будетъ часъ обряда для доставленія роднымъ возможности присутствовать при отпѣваніи близкихъ.* Усопшіе, принадлежащіе къ православному вѣроисповѣданію, *будутъ предаваемы землѣ при соблюденіи всѣхъ обрядовъ православной церкви;* покойники другихъ вѣроисповѣданій будутъ похоронены *каждый по обряду его вѣры*".

Если не ошибаемся, этимъ объявленіемъ впервые съ такою опредѣленностью и ясностью ставился и рѣшался этотъ важный вопросъ, до сихъ поръ вызывающій еще многія колебанія и нерѣшимость. Никто *насильно въ бараки доставляться не будетъ*,—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, смерть отъ холеры и въ баракѣ признавалась въ глазахъ народа такою же „честною смертью", какъ и всякая другая, что, быть можетъ, еще важнѣе.

Всѣ знающіе дѣло люди, съ кѣмъ намъ доводилось говорить объ этомъ предметѣ, свидѣтельствуютъ единогласно, что это ясное и категорическое заявленіе произвело самое успокоительное дѣйствіе, а точное и гласное примѣненіе его довершило это впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если у народа есть свои суевѣрія, то и у насъ есть тоже свои. Крайности увлеченія „изоляціей", „дезинфекціей" и предосторожностями отъ зараженія, этотъ своего рода санитарный фетишизмъ,

преклоненіе передъ „карболкой“ во что бы то ни стало—въ своемъ бездушіи стоитъ порою любого, самаго темнаго народнаго колдовства *). Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ теченіе всего времени умершіе отъ холеры въ баракахъ отпѣвались съ открытыми лицами **), на островъ, гдѣ стояли бараки, допускались близкіе больнымъ и даже сторонніе люди; здѣсь не было и рѣчи о черныхъ фургонахъ съ бѣлыми надписями „холера“, мрачно сновавшими въ началѣ эпидеміи по Астрахани, никто даже не говорилъ о какихъ-то „клещахъ“ и „крючьяхъ“, которыми будто подымались заболѣвшіе на улицахъ, или о томъ, что въ бараки таскаютъ здоровыхъ. Улицы имѣли обычный видъ, городовые не чувствовали себя призванными заглядывать въ лица прохожихъ, спрашивать васъ о причинахъ вашей задумчивости, справляться о состояніи вашего разсудка и т. д. Съ холеры и съ холерныхъ бараковъ сразу былъ снятъ этотъ устрашающій покровъ, который на каждаго больного ложился какимъ-то проклятіемъ, сразу отчуждая его отъ всѣхъ его близкихъ, отъ родныхъ, отъ сочувственнаго взгляда, и обрекалъ его на какую-то „собачью“ смерть, безъ „могилы и креста“, безъ похороннаго обряда, безъ прощанія... Болѣзнь оставалась, страшная по прежнему, но устрашающая обстановка, этотъ удивительный осколокъ старинныхъ суевѣрій, отпадалъ совершенно.

Опытъ показалъ, что это отнюдь не способствовало распространенію болѣзни. Наоборотъ, это водворяло спокойствіе, ставило преграды „превратнымъ толкамъ“ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ всѣ угрозы висѣлицами и сѣченія розгами. Публика, разъѣзжавшаяся съ ярмарки, увезла съ собой изъ Нижняго много юмористическихъ разсказовъ о томъ, какъ въ бараки „просились“ притворно-больные холерой, и мы имѣли случай читать нѣсколько такихъ анекдотовъ въ газетахъ. Въ разсказахъ этихъ встрѣчалось порой не мало комическихъ штриховъ, но, во всякомъ случаѣ, это гораздо лучше астраханскихъ и иныхъ трагедій съ мрачными и ни къ чему ненужными атрибутами. Можно ли сомнѣваться, которымъ изъ двухъ указанныхъ выше пріемовъ вызвана эта перемѣна? Угрозами ли висѣлицы какому-то

---

*) До какихъ курьезовъ можетъ доходить это преклоненіе передъ „дезинфекціей“, видно изъ того, что, наприм., въ Мелитополѣ фактически закрыли бани, предложивъ банщикамъ вывозить использованную воду въ мѣсто свалки нечистотъ за городъ. Было даже предложено городовымъ врачомъ, „для обезвреженія мыльной воды, перекипячивать ее вновь“ („Крымскій Вѣстникъ“, № 182).

**) Разумѣется, при этомъ были приняты разумныя мѣры дезинфекціи.

„негодяю“, бросившему камень (для котораго, кажется, слишкомъ ужъ много чести сознавать, что изъ-за него отмѣняются даже дѣйствующіе законы), — угрозами, которыя внушаютъ всѣмъ преувеличенное представленіе объ опасностяхъ, требующихъ пріостановки нормальнаго порядка,—или же этимъ примѣромъ спокойнаго отношенія къ страшной болѣзни, которое въ свою очередь внушаетъ спокойствіе толпѣ?

Нашъ народъ во многихъ отношеніяхъ живетъ прошлымъ. Вспомнимъ еще разъ описанныя выше волшебныя церемоніи, почти одинаковыя у ингушей, у духоборцевъ, у жителей нижегородской деревни Кузнечихи, въ станицахъ Кубани и у чувашъ. Какъ приходитъ народъ къ необходимости спускаться въ подземелья, зажигать огни, бродить съ факелами вокругъ деревень въ глухую полночь? Думаете ли вы, что это нѣчто постоянно присущее нашему народу, что любой житель деревни впередъ могъ бы сказать, что именно они будутъ дѣлать въ этомъ случаѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Не нужно особенной силы воображенія, чтобы представить себѣ ясно, какъ возникаютъ въ деревняхъ эти однообразные пріемы. Растерянная, испуганная толпа ищетъ средства борьбы ощупью, и, отчужденная, недовѣрчивая къ „господамъ“ съ ихъ непонятною и не менѣе для народа „волшебною“ наукой, обращается къ какой-нибудь удрученной годами древней Макридѣ или престарѣлому начетчику, хранителямъ наивной премудрости предковъ. И вотъ въ старомъ умѣ начинаютъ шевелиться древнія воспоминанія. Холера, чума бываютъ не часто. Древніе старцы еще, быть можетъ, несмысленными юношами или дѣтьми присутствовали при томъ, какъ ихъ отцы прибѣгали къ своимъ Макридамъ. И встаетъ въ дряхломъ умѣ полузабытая картина, съ глухою ночью, огнями, освѣщавшими бѣлыя фигуры, съ сохою, которою вели борозду, съ какими-то выдохшимися обрывками языческаго обряда и давно брошенной языческой молитвы... И то, что умерло тысячу лѣтъ назадъ, оживаетъ, какъ привидѣніе, въ минуту народной невзгоды.

Но если такъ живучи эти тысячелѣтнія воспоминанія, то воспоминанія болѣе близкія о больницахъ блаженной памяти „приказовъ общественнаго призрѣнія“, о пріемахъ дореформенной медицины, конечно, еще свѣжи и живы, какъ новорожденные младенцы. Кто, положа руку на сердце, скажетъ, что боязнь больницы, столь сильная въ простомъ русскомъ человѣкѣ, не имѣетъ самаго реальнаго основанія въ недавнемъ еще прошломъ? А если бы кто сказалъ это, то намъ такъ легко привести признаніе врачей о томъ, что еще лѣтъ де-

сять назадъ въ нѣкоторыхъ даже столичныхъ больницахъ всякая болѣзнь съ неизбѣжностью закона переходила непремѣнно въ тифъ *).

Мы читаемъ газеты, мы знали сразу, съ самаго начала, какія именно мѣры приняты на случай холеры, какъ устраиваются бараки, сколько куда назначено врачей, фельдшеровъ и студентовъ. Но отъ народа, не читающаго газетъ и не знающаго современнаго положенія этого дѣла,—на какомъ основаніи можемъ мы требовать, чтобы онъ отрѣшился отъ традиціоннаго взгляда и, разставаясь съ домомъ, съ родными, съ уходомъ родной и любящей руки, шелъ умирать въ неизвѣстное мѣсто, надъ которымъ тяготѣютъ воспоминанія, совершенно реальныя для недавнихъ временъ?

И, вдобавокъ, какъ ни тяжела болѣзнь, какъ ни страшна „мотуха“ (народное названіе холеры), русскій человѣкъ, право, не такъ ужъ боится смерти. Но онъ придаетъ огромное значеніе самому процессу смерти. Ему нужно, чтобъ она совершалась съ торжественностью, соотвѣтствующею важности момента, ему нужно, чтобъ его отпѣли, проводили, попрощались съ нимъ передъ могилой. Только тогда онъ чувствуетъ, что умираетъ, какъ человѣкъ, какъ умирали его отцы и дѣды, а не „дохнетъ“, какъ безсловесное животное. Только въ этихъ условіяхъ онъ чувствуетъ себя готовымъ въ безвѣстный путь и отправляется въ него съ тѣмъ стоическимъ спокойствіемъ, которое отмѣтили наши лучшіе писатели.

Въ городѣ Майкопѣ возникло слѣдующее очень характерное пререканіе между городскимъ головой и духовенствомъ: „Городской голова города Майкопа,—пишутъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, — обратился къ мѣстному протоіерею отцу Соколову съ просьбой, чтобы онъ, какъ благочинный, запретилъ подвѣдомому духовенству напутствовать больныхъ и хоронить умершихъ отъ холеры, мотивируя свое ходатайство тѣмъ обстоятельствомъ, что этимъ своимъ дѣйствіемъ духовенство будто бы само развиваетъ и распространяетъ холеру въ городѣ. Голова телеграфировалъ объ этомъ въ Ставрополь къ епископу Евгенію, кокорый отвѣтилъ, что голова не вправѣ предъявлять такихъ требованій. *Голова прислалъ въ консисторію офиціальную бумагу съ представленіемъ при ней*

*) Интересна въ этомъ отношеніи еще одна небольшая черточка: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Волгѣ, въ числѣ „старинныхъ“ народныхъ средствъ противъ холеры, употреблялся деготь въ смѣси съ медомъ. Изъ архивныхъ воспоминаній о холерѣ 1848 года видно, что въ то время смѣсь дегтя съ медомъ рекомендовалась населенію отъ медицинскаго департамента! Теперь мы готовы разсматривать и его, какъ темное *народное* суевѣріе!..

протокола засѣданія городской думы, на каковомъ засѣданіи и было постановлено, чтобы воспретить духовенству напутствованіе больныхъ и погребеніе умершихъ".

Газета „Волынь" (№ 167), изъ которой мы цитируемъ этотъ фактъ, называетъ его „поразительно дикимъ и очень скверным", заподозрѣвая какъ будто религіозныя чувства майкопскаго муниципалитета. Мы, съ своей стороны, увѣрены, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о чемъ-либо подобномъ. Тутъ только съ полною послѣдовательностью сказалась суевѣрная боязнь передъ холерой: *все должно уступить передъ „изоляціей и дезинфекціей"*.

Безъ сомнѣнія, майкопскіе муниципалы неправы. Далеко не все отступаетъ передъ санитарными требованіями, и чѣмъ больше будетъ пощажено въ обществѣ интимныхъ чувствъ и законныхъ привычекъ, чѣмъ меньше будетъ нарушено обычныхъ, законныхъ нормъ, тѣмъ лучше. Холера прошла или, во всякомъ случаѣ, дала намъ продолжительный роздыхъ, и теперь, когда наступаетъ время для подведенія итоговъ, приходится сознаться, что она стоила очень дорого во многихъ отношеніяхъ. Въ томъ же („часто упоминаемомъ", какъ писалось въ старинныхъ бумагахъ) Нижнемъ-Новгородѣ, по краткому отчету, недавно появившемуся въ мѣстной газетѣ, затрачено около 516,000 руб. Больше полумилліона,—это, конечно, очень дорого, „по рублю на бациллу",—говорятъ шутники не объ одномъ, впрочемъ, Нижнемъ *). Намъ кажется, однако, что еще большею цѣной пришлось бы оцѣнить ту ломку правовыхъ нормъ, тотъ подрывъ чувства законности, которые хотя и не такъ осязательно, однако, глубоко проникали за это время въ наше и безъ того слабое въ этомъ отношеніи общество. Но есть области, соприкасающіяся съ такими интимными сторонами человѣческой жизни и смерти, нарушеніе которыхъ не поддается уже никакой оцѣнкѣ, на свободу которыхъ нельзя посягать ни при какихъ условіяхъ, съ которыми должна считаться всякая „дезинфекція". Таковъ, между прочимъ, и майкопскій случай, но эту точку зрѣнія слѣдуетъ расширить и провести до возможныхъ предѣловъ. Разумная осторожность какъ въ отношеніи къ возможности

---

*) „Возможно ли, — спрашиваетъ, напримѣръ, „Сторонній зритель" въ газетѣ „Каспій",—чтобы, считая въ среднемъ 12 больныхъ, на содержаніе ихъ вышло 690 р. въ мѣсяцъ (какъ это случилось въ Балаханахъ)? Или чтобы карболка, стоющая въ Баку 5 р. за пудъ, при перевозкѣ ея въ Балаханы обходилась въ 15 рублей!" Къ сожалѣнію, приходится сказать, что и эти, и тысячи другихъ чудесъ въ этомъ родѣ, навѣрное, весьма возможны...

физическаго зараженія, съ одной стороны, такъ и—съ другой—къ законнымъ бытовымъ формамъ, къ убѣжденіямъ и задушевнымъ привычкамъ народа,—вотъ руководящая нить, протянувшаяся въ обѣ стороны, забвеніе которой почти всегда и неизмѣнно приноситъ больше косвеннаго вреда, чѣмъ прямой пользы. Мы глубоко увѣрены, что если бы на далекихъ низовьяхъ Волги сразу же была принята основная мысль, проведенная въ циркулярахъ г. нижегородскаго губернатора, то мы, навѣрное, не были бы свидѣтелями мрачныхъ сценъ, разыгравшихся въ тѣхъ мѣстахъ.

Просматривая отчеты о засѣданіяхъ комиссій, проектирующихъ общія системы борьбы съ холерой въ разныхъ мѣстахъ, мы видимъ значительное колебаніе по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать обязательнымъ немедленную отдачу больныхъ въ бараки. „Вопросъ о томъ, можетъ ли быть и при какихъ условіяхъ допускаемо оставленіе заболѣвшихъ холерою для леченія на дому,—читаемъ мы, напримѣръ, въ столичныхъ газетахъ,—обсуждался, по предложенію градоначальника генерала В. В. фонъ-Валя, особымъ присутствіемъ при врачебномъ управленіи столицы, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ помощника с.-петербургскаго градоначальника И. Н. Турчанинова. *По мнѣнію присутствія, должно быть принято за общее правило всѣхъ холерныхъ больныхъ немедленно направлять въ больницы.* Но такъ какъ бываютъ случаи, когда сами больные или ихъ близкіе непремѣнно желаютъ, чтобы заболѣвшій продолжалъ леченіе на дому, то присутствіе признало необходимымъ установить особыя правила“.

Мы не станемъ перечислять здѣсь этихъ правилъ, скажемъ только, что условія, требуемыя присутствіемъ, могутъ быть примѣняемы развѣ только въ семьяхъ сравнительно богатыхъ, вообще значительно выше средней зажиточности. Правда, скученность и особыя условія столичной жизни играютъ тутъ значительную роль, однако скученность имѣла также мѣсто на Нижегородской ярмаркѣ и, однако, опытъ блестяще подтвердилъ правильность вышеуказанной точки зрѣнія, принятой въ Нижнемъ. Тѣмъ болѣе, что послѣдовательное проведеніе строгаго надзора далеко не всегда выполнимо и предполагается только въ теоріи. Вспомнимъ о существовавшихъ нѣкогда запрещеніяхъ курить на улицахъ. Было замѣчено, что съ тѣхъ поръ, какъ эти запрещенія отмѣнены, пожары отъ папиросъ въ городахъ почти неизвѣстны, потому что никто не скрываетъ второпяхъ закуренной папиросы. Легко допустить, и, я думаю, врачи-практики подтвердятъ

это, что въ бараки больные охотнѣе и въ большемъ количествѣ доставляются тамъ, гдѣ гдѣ ихъ не тащили силой.

„Когда, въ началѣ іюня, на берегу Волги, подъ горой вблизи отъ большой пристани принялись строить баракъ (цитируемъ частное письмо), то въ населеніи это сооруженіе было встрѣчено чрезвычайно враждебно. На улицахъ, у кабака и на базарѣ толковали громко, что въ баракъ никто не пойдетъ, что баракъ надо разнести по бревнышку, и, право, невольно вѣрилось въ возможность какой-нибудь дикой выходки, при видѣ сверкающихъ глазъ и сжимавшихся кулаковъ. Дачники помышляли о переѣздѣ въ другія, болѣе спокойныя мѣста.

„Теперь холерный баракъ какъ-то слился съ окружающимъ пейзажемъ, а холерная баржонка съ желтымъ флагомъ качается у берега такъ спокойно, какъ будто она прижилась тутъ окончательно. Вражды къ бараку и врачамъ совсѣмъ нѣтъ, толки затихли. Въ ожиданіи „привоза“ (случаи не особенно частые) новаго больного съ парохода или близкихъ деревень сторожъ мирно спитъ на кормѣ, а деревенскія бабы давно уже пытаются эксплоатировать мостки этой баржи, какъ мѣсто, весьма удобное для стирки бѣлья. Проснувшись, сторожъ ихъ непремѣнно прогонитъ. Всетаки, непорядокъ,— мѣсто казенное.

„И все это измѣнилось въ столь благополучномъ смыслѣ съ тѣхъ поръ, какъ населенію было объявлено положительно, что изъ домовъ никого не станутъ брать насильно. Недавно былъ случай, когда, наоборотъ, насильно пришлось удалять псевдо-холернаго добровольца. Старый служака, бездомный и уставшій отъ скитальческой жизни, водворился здѣсь на правахъ якобы холернаго, и санитарамъ стоило не малаго труда удалить его съ помощью урядника“.

А вотъ, кстати, и еще характерная картинка изъ того же письма:

„Много тревоги произвелъ въ населеніи слухъ, что колодцы уже отравлены. Ночью въ окно къ какой-то старухѣ постучались двое мужчинъ, „въ бѣлыхъ картузахъ“ (что считается здѣсь признакомъ дачника), спросили: „Гдѣ тутъ у васъ колодцы?“—и скрылись, не дождавшись отвѣта. Такъ какъ это повторялось нѣсколько разъ, то, догадавшись, зачѣмъ таинственнымъ незнакомцамъ нужны колодцы, жители собрали сходъ, кододцы закрыли, съ приложеніемъ печатей старосты, и теперь бабы ходятъ по воду къ родникамъ въ сосѣднюю деревню (около версты). Нужно ли прибавлять, что это не усилило расположенія аборигеновъ къ намъ, интеллигентнымъ несчастливцамъ, носящимъ бѣлыя фуражки и загнаннымъ въ

эти безпокойныя мѣста злополучною судьбой и исканіемъ „спокойствія на лонѣ природы“? На насъ косились, а подъ вечеръ провожали подозрительными взглядами... Черезъ нѣсколько дней странная легенда получаетъ неожиданно совершенно реальное объясненіе: пойманы два „отравителя“ въ бѣлыхъ фуражкахъ, которыми оказались двое мѣстныхъ лоботрясовъ-подростковъ, пугавшихъ старухъ отъ скуки. Сначала ихъ хотѣли было представить по начальству, но потомъ побоялись и пожалѣли: а ну, какъ ихъ за это озорничество повѣсятъ,—времена строгія!.. Ограничились келейнымъ внушеніемъ, а легенда продолжаетъ гулять, переходя, конечно, отъ села къ селу, отъ деревни къ деревнѣ“.

Какую услугу могло бы оказать и въ этомъ, и въ тысячѣ другихъ случаевъ простое гласное разбирательство! Мы привели эти выдержки именно потому, что онѣ ярко иллюстрируютъ сравнительное значеніе обоихъ пріемовъ, имѣвшихъ мѣсто въ одной и той же губерніи, по распоряженію одного и того же лица: генерала Н. М. Баранова.

VII.

Въ огромной массѣ отрывочнаго, пестраго и безсистемнаго матеріала, доставленнаго газетами за послѣднія только недѣли холернаго періода, мы встрѣчаемъ не мало и фактовъ „отраднаго свойства“. Правда, къ значительному большинству сообщеній этого рода приходится относиться съ невольною осторожностью. Печать забираетъ силу, ее начинаютъ цѣнить и въ провинціи... И это, увы, сказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что многіе очень „цѣнятъ“ печатныя восхваленія. Кромѣ того, невольно приподнятое настроеніе вырабатываетъ какой-то особенный жаргонъ. Мы не слышимъ уже о дѣятельности врача, а непремѣнно о „самоотверженной дѣятельности“, не встрѣчаемъ просто административныхъ мѣръ, а непремѣнно „энергичныя мѣры“ и тоже „самоотверженныя мѣры“. Однимъ словомъ, никакое дѣло не ходитъ теперь безъ пышныхъ эпитетовъ, и если самое простое исполненіе самой простой обязанности, сколько-нибудь соприкосновенной къ холерѣ, назвать просто по имени, то многіе, пожалуй, обидятся *).

Это обстоятельство подмѣчено и другими наблюдателями провинціальной жизни. „Въ то время, — пишетъ „Сторонній зритель“ въ фельетонѣ газеты „Каспій“ (№ 193),—когда вы въ рѣдкой изъ газетъ, даже столичныхъ, не читаете объ

*) Въ № 169 „Волгаря“ объявлена печатная благодарность г-на нижегородскаго губернатора прапорщику морской артиллеріи В. И. Главацкому за „быстрое устройство сигнальныхъ фонарей и флаговъ“.

ужасномъ санитарномъ состояніи нашихъ городовъ, о нераспорядительности городскихъ думъ и о разнаго рода неурядицахъ, происходящихъ въ силу множества причинъ общихъ и частныхъ, „Терскія Вѣдомости“ пишутъ: „Благодаря станичному атаману и фельдшерамъ, у насъ небывалая чистота и порядокъ. Благодаря внушеніямъ атамана, станичное населеніе лишено было суевѣрнаго страха. Съ появленіемъ болѣзни, не малую пользу приносилъ и мѣстный учитель, и фельдшера трудились по мѣрѣ силъ своихъ, и можно надѣяться, что общество оцѣнитъ это и не преминетъ *увеличить имъ содержаніе*“. „Впрочемъ, если бы мы пожелали,—продолжаетъ фельетонистъ,—подвести итоги идолопоклонства, то пришлось бы поставить на видъ и не такого рода невинные и весьма прозрачные курьезы“.

Все это вынуждаетъ къ осторожности въ оцѣнкѣ „свѣтлыхъ явленій“, по крайней мѣрѣ, теперь, пока не миновала еще указанная выше склонность къ неизмѣнно-высокому стилю. Мы ограничимся лишь указаніемъ на фактъ общаго характера и огромнаго значенія: въ большинствѣ мѣстностей, постигнутыхъ холернымъ бѣдствіемъ, населеніе сравнительно быстро примѣнялось къ анти-холернымъ порядкамъ, несмотря на тревожные слухи, тучей заносившіеся съ низовьевъ Волги. Изъ этого видно, конечно, что здравый смыслъ народа способенъ усваивать значеніе *фактовъ*, гдѣ эти факты дѣйствительно противупоставляются мрачнымъ легендамъ.

Въ № 3999 „Южнаго Края“ помѣщено обстоятельное письмо изъ Сумскаго уѣзда. „Съ первыхъ чиселъ минувшаго іюля,—говоритъ авторъ письма,—земство образовало три санитарныхъ отряда, состоящихъ каждый изъ врача, трехъ фельдшеровъ и трехъ санитаровъ. Эти отряды начали свой объѣздъ. Пріѣдутъ въ село или деревню, осмотрятъ избы, дворы, кабаки, колодцы, и начинается чистка и дезинфекція. Работа кипитъ на селѣ. Навозъ вывозится на поля, колодцы чистятся, избы моются и заново бѣлятся. Сами крестьяне охотно отводятъ избы подъ холерныя больнички, заготовляютъ лошадей для медицинскаго персонала, кабаки приводятся въ опрятность. Въ управу то и дѣло летятъ отъ санитарныхъ отрядовъ карточки съ лаконическимъ извѣщеніемъ, что „все сдѣлано, никакихъ актовъ нѣтъ, и отрядъ выѣзжаетъ дальше“. Въ какихъ-нибудь 10—15 дней уѣзда не узнать. Всюду опрятность, чистота, и все подтянулось“.

„Въ с. Ворожбѣ заняли избу подъ временную больницу. Крестьянинъ, у котораго нанята изба, живетъ рядомъ въ другой своей же избѣ. Во дворѣ у него колодецъ. „Я,—говоритъ

онъ, — никого изъ больнички не пущу брать воду, а купите кадушку, поставьте у воротъ и каждое утро мы наполнимъ ее водою, а вы берите воду сами“ (это потому, что докторъ разъяснилъ легкость зараженія черезъ воду). Когда въ деревнѣ Ульяновкѣ заболѣлъ казакъ Курмакъ, вернувшійся съ Дону, у котораго появились судороги, *то сейчасъ же собравшіеся крестьяне обмыли его, дезинфицировали, старое его бѣлье и верхнюю одежду сожгли, а взамѣнъ того натащили ему кто рубахъ, кто верхнее платье, и препроводили въ больницу.* Казакъ выздоровѣлъ... Но въ чемъ же, — спрашиваетъ въ заключеніе авторъ,—кроется причина здравыхъ житейско-гигіеническихъ понятій и поразительнаго послушанія здѣшняго простолюдина? Отвѣтъ ясенъ. Въ правильной постановкѣ земской медицины и народной школы, на что земство не жалѣло средствъ.

И тутъ же корреспондентъ вспоминаетъ: „А сколько изъ-за этого было шума!“

Въ „Донской Пчелѣ“, издающейся въ Ростовѣ-на-Дону, мы находимъ не менѣе обстоятельную статью, посвященную тому же предмету, озаглавленную: *Холера и затемерницкіе нравы.* „Когда впервые появились смертельные случаи отъ холеры, въ поселеніи стали циркулировать слухи, что доктора морятъ больныхъ какими-то порошками. Рьянѣе всѣхъ бросались на эти слухи бабы и разносили ихъ изъ устъ въ уста, изъ двора во дворъ, съ значительными прикрасами собственной фантазіи. Какъ заболѣвшіе, такъ и здоровые, но ожидавшіе той же участи, твердо рѣшились лучше умереть отъ „гнѣва Божьяго“, чѣмъ отъ докторскихъ „порошковъ“... Врачу М. Ѳ. Крассу, прибывшему сюда почти въ разгаръ эпидеміи, мало кому знакомому и чуть не въ каждомъ домѣ встрѣчавшему отпоръ, приходилось очень трудно. *Вотъ тутъ-то оказала благотворное вліяніе дѣятельность мѣстныхъ попечителей, какъ людей, уже извѣстныхъ своимъ односельчанамъ.* Во многіе дома врачъ былъ допускаемъ только благодаря участію попечителя, а въ нѣкоторыхъ—*попечителямъ приходилось даже принимать на себя и леченіе больного, такъ какъ врача ни за что не рѣшались принимать*“.

Вы видите здѣсь всѣ данныя для такъ называемыхъ „холерныхъ безпорядковъ“: и суевѣріе, и толки, и раздраженіе противъ врачей, и упорство. Въ одномъ случаѣ, когда авторъ письма, самъ, очевидно, бывшій санитарнымъ попечителемъ, вошелъ во дворъ, гдѣ былъ больной крестьянинъ, то „на дворъ выскочили двѣ бабы, мать и жена больного, съ расширенными глазами и сжатыми кулаками, очевидно, вообра-

зивъ, что пришелъ докторъ. Однако, увидавъ знакомаго человѣка, тотчасъ же смутились и пустили его, прося помочь больному".

Что при такихъ условіяхъ оставалось дѣлать врачу? Очевидно, предстояло два исхода: увидѣть въ первомъ же такомъ случаѣ вредное упорство и возстановлять авторитетъ науки при помощи полиціи. Дальнѣйшее извѣстно: вмѣсто борьбы съ холерой, борьба съ холерными и ихъ близкими, между тѣмъ какъ врачу едва хватаетъ времени и на то, чтобы подать помощь тамъ, гдѣ его пускаютъ и даже просятъ. Въ данномъ случаѣ дѣло пошло иначе: врачъ предоставилъ, не заботясь о „возстановленіи авторитета", выполнять свои распоряженія санитарному попечителю, твердо настаивая на необходимости дезинфекціи всюду, гдѣ было возможно, но въ крайнихъ отдѣльныхъ случаяхъ отступая даже и отъ этихъ требованій, а затѣмъ старался дѣлать свое дѣло и давать возможность населенію видѣть результаты.

И населеніе начало сдаваться само. Нѣсколько случаевъ, рѣзко оттѣнявшихъ пользу санитарныхъ мѣръ и изоляціи больныхъ, довершили дѣло. Въ одномъ домѣ были спасены такимъ образомъ двое дѣтей; и случай этотъ, — говоритъ авторъ корреспонденціи,—„до того поколебалъ рутинныя воззрѣнія родителей, что тѣ, отбросивъ всякую непріязнь къ врачу и аптечнымъ снадобьямъ, встрѣчали и провожали насъ всегда съ поклонами и привѣтствіями. Теперь они уже съ глубокою вѣрой прибѣгали къ помощи и совѣтамъ врача, дорожа каждымъ его словомъ".

Въ концѣ-концовъ, врача въ цѣломъ околоткѣ встрѣчали на улицѣ съ привѣтствіями и поклонами, чуть не въ каждый домъ стали просить его *къ скрываемымъ прежде больнымъ*, а въ пріемный покой стало собираться столько больныхъ, въ большинствѣ одержимыхъ поносами, предшествующими острымъ припадкамъ холеры, что не было возможности записывать въ книгу амбулаторныхъ. Вѣсть о докторѣ, которому вполнѣ можно вѣрить, разнеслась даже за предѣлы двухъ участковъ въ Затемерницкомъ поселеніи.

Здѣсь,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—приведены лишь нѣкоторые, болѣе выдающіеся, факты, но сколько было мелкихъ, не менѣе характерныхъ, гдѣ врачу приходилось брать на себя роль лектора передъ окружавшею его толпою: объяснять свойства болѣзни, причины зараженія ею, важное значеніе дезинфекціи и роль каждаго изъ медикаментовъ въ отдѣльности, приходилось умолять родныхъ согласиться давать ледъ больнымъ или предварительно самому принимать тѣ порошки,

которые назначались больнымъ, чтобы разсѣять подозрѣнія въ смертельномъ дѣйствіи порошковъ... „Такихъ случаевъ,— кончаетъ корреспондентъ,—разнообразныхъ, мелкихъ, но характеристичныхъ, было очень много“.

Общіе результаты всего этого сказались, по словамъ „Темерничанина“, въ томъ, что въ Затемерницкомъ поселеніи уже съ послѣднихъ чиселъ іюля не было случаевъ холеры, благодаря быстро развившемуся довѣрію къ врачамъ и строго (въ особомъ смыслѣ) проведенной дезинфекціи, тогда какъ въ сосѣднемъ же городѣ и по хуторамъ холера продолжала уносить свои жертвы...

VIII.

Примѣры затемерницкихъ поселеній далеко не единичны, но читать о нихъ приходится рѣдко. А бьющіе въ глаза примѣры народной темноты, суевѣрія, невѣжества гораздо чаще отмѣчаются прессой. Понятно, что у культурнаго читателя складывается невольно одностороннее представленіе. Читая обо всѣхъ этихъ „раціональныхъ мѣрахъ борьбы съ эпидеміями“, о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ,—мы невольно начинаемъ воображать, что „разумъ и порядокъ“ съ нашей стороны являются общимъ правиломъ. И по общему же правилу народъ отвѣчаетъ на эти попеченія суевѣріемъ, дикостью и буйствомъ...

Это большая несправедливость. Мы вѣдь тоже часть русскаго народа, плоть отъ его плоти и кость отъ его костей. Наша жизнь течетъ не только параллельно съ его жизнью. Она переплелась съ нею тысячью нитей, и всегда его грѣхи и его ошибки неразрывно связаны съ нашими. Народная темнота, невѣжество и предразсудки — только почва, на которой посѣвъ взращивается реальными фактами, исходящими порой не отъ народа...

Холера, какъ извѣстно, пришла за огромнымъ, небывалымъ еще по размѣрамъ голодомъ 1891—2 года.

Это бѣдствіе тоже сопровождалось обычными у насъ, на Руси, явленіями: недовѣріемъ народа къ такъ называемымъ правящимъ и культурнымъ классамъ и мрачными легендами. Одна изъ этихъ „голодныхъ“ легендъ, распространенная очень широко, гласила, между прочимъ, что тѣ добровольцы изъ общества, которые несли народу не казенную, а вольную помощь на средства, собранныя изъ частныхъ пожертвованій, посланы никѣмъ инымъ, какъ антихристомъ. Реакціонная печать съ большимъ злорадствомъ подхватила тогда эту глупую бабью сказку: сначала по отношенію къ Толстому, а затѣмъ и относительно другихъ представителей „интеллигенціи“ съ

ихъ необязательной и нечиновничьей помощью, — она сочувственно перепечатывалась и „Московскими Вѣдомостями“, и „Гражданиномъ“... Лично мнѣ пришлось сталкиваться въ деревняхъ Лукояновскаго уѣзда съ тѣми же подозрѣніями, которыя пускались въ ходъ людьми древляго склада и темнаго умонастроенія и поддерживались преимущественно старухами. И, однако, нигдѣ, ни разу эта мрачная сказка не пошла дальше заугольнаго шипѣнія и вздоховъ. Всюду она падала передъ очевидностью: въ вольныхъ столовыхъ давали хлѣбъ, а не камень, и никого туда не гнали насильно. И вотъ, въ очеркахъ голоднаго года мнѣ пришлось отмѣтить, что тѣ самые люди, которые изобрѣтали или повторяли легенду объ антихристовой печати,—приводили своихъ дѣтей въ столовыя и сами просили внести ихъ въ списки. Такъ жизненный фактъ побѣждалъ изувѣрныя теоріи.

Совершенно иная судьба постигла легенду холерную. Еще болѣе дикая, еще болѣе нелѣпая,—она была направлена противъ культурныхъ работниковъ, которые шли къ народу на помощь съ истиннымъ самоотверженіемъ, съ опасностью жизни... И въ то время, какъ „голодныя легенды“ безсильно стихали передъ очевидностью помощи, встрѣтивъ послѣдній пріютъ на страницахъ отсталой печати, — легенда холерная сгустилась въ темную тучу, облеклась въ плоть и кровь и, поднявшись въ низовьяхъ Волги, промчалась мрачнымъ ураганомъ кверху, захвативъ Астрахань, Дубовку, Царицынъ, Саратовъ... И всюду лилась кровь,—сначала врачей и медицинскаго персонала, а затѣмъ и жестоко „усмиряемаго“ народа.

Въ слѣдующемъ очеркѣ я пытаюсь выяснить условія, которыя дали этому кошмару силу и значеніе реальнаго факта...

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Карантинъ на девяти-футовомъ рейдѣ.

I.

Какъ извѣстно, слухи о холерѣ носились давно. Газеты указывали на то, что она свила себѣ гнѣздо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пограничной Персіи, но, какъ это бываетъ обыкновенно, на слухи не обращали особеннаго вниманія... Пока все было „благополучно“ въ предѣлахъ Россіи, — о возможности холеры велась лишь безплодная секретная переписка въ нѣдрахъ различныхъ канцелярій...

Но вотъ, слухи стали превращаться въ настоящую и близкую угрозу. Холера уже появилась у самой границы, холерные случаи, еще тщательно скрываемые мѣстными начальствами, уже обнаружились въ прикаспійскихъ степяхъ.

Тогда начались „приготовленія“. Приготовленія на нашемъ бюрократическомъ языкѣ это значитъ: проявленіе административной энергіи въ видѣ циркуляровъ, предписаній, негласныхъ совѣщаній чиновниковъ, выработка таинственныхъ мѣропріятій, которыя должны настигнуть обывателя болѣе или менѣе врасплохъ. Это значитъ, что гг. врачебные инспектора шлютъ предписаніе врачамъ городовымъ и уѣзднымъ, тѣ кидаются къ полиціи, полиція во дворы обывателей, обросшіе горами навоза. Сыплются протоколы и штрафы, а надъ всѣмъ этимъ властно гремятъ и рокочутъ приказы гг. губернаторовъ и спеціально командированныхъ высшихъ медицинскихъ чиновниковъ „съ особыми полномочіями“. Но такъ какъ, разумѣется, приказывать всегда легче, чѣмъ исполнять приказы, то и выходитъ обыкновенно, что господа губернаторы, медицинскіе чины съ особыми полномочіями, врачебные инспектора и полицейскіе пристава „развиваютъ огромную энергію“, за которой никакъ не могутъ поспѣть никакія обывательскія старанія. Обывателя казнятъ и мировые судьи, и газеты, а административная энергія выступаетъ въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ... И никому какъ-то не приходитъ въ голову, что вѣдь и для проявленія этой энергіи предоставлялось обширное поле дѣйствій въ болѣе спокойное время... Но тогда она дремала вмѣстѣ съ обывательской доморощенной санитаріей...

Такъ какъ на этотъ разъ холера шла изъ Персіи, то на господъ губернаторовъ бакинскаго и астраханскаго пала почетная обязанность встрѣтить опасную гостью и не допустить ее въ предѣлы Россіи.

И господа губернаторы приступили „во всеоружіи власти“ къ исполненію отвѣтственной миссіи. Къ сожалѣнію, о Баку мы имѣемъ не особенно полныя извѣстія. Какъ наиболѣе интересную черту героической борьбы бакинской администраціи съ холерой, газеты того времени отмѣтили, — будто бакинскій губернаторъ (г. Рогге) прежде всего счелъ цѣлесообразнымъ удалиться на нѣкоторую почтительную дистанцію въ горы, откуда, повидимому, можно было лучше обозрѣвать поле предстоявшей борьбы.

О приготовленіяхъ къ этой борьбѣ города Астрахани мы имѣемъ нѣсколько болѣе подробныя извѣстія. Прежде всего были приготовлены очень эффектныя повозки. Къ сожалѣнію, для исторіи не осталось фотографическихъ снимковъ этихъ

замѣчательныхъ сооруженій. Компетентные свидѣтели сообщали, что они имѣли форму большихъ ящиковъ, отчасти напоминавшихъ телѣжки для ловли бродячихъ собакъ, только значительно больше. Онѣ были выкрашены черной краской, по которой бѣлыми буквами виднѣлась ободряющая надпись: „холера". Впослѣдствіи врачебный инспекторъ, г. Краевичъ, сообщалъ въ своемъ отчетѣ, что „сдѣланные гор. управленіемъ экипажи вызвали открытое неудовольствіе со стороны обывателей" *).

Это—болѣе чѣмъ вѣроятно. Но тогда возникаетъ вопросъ: почему г. Краевичъ, видный членъ административной комиссіи, взявшей всецѣло въ свои руки верховное распоряженіе противохолерной борьбой въ г. Астрахани,—не произнесъ своей компетентной критики ранѣе? Что замѣчательные экипажи были построены на городскія средства,—это совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что городское управленіе не имѣло „своего" самостоятельнаго голоса въ этихъ дѣлахъ, и что гласные, въ какомъ-нибудь отношеніи противодѣйствовавшіе или не соглашавшіеся съ намѣреніями администраціи, немедленно попадали въ „неблагонадежные" и выдворялись административнымъ порядкомъ изъ города. „Нѣсколькимъ лицамъ предложено оставить Астрахань", — читали мы въ то время въ „Саратовскомъ Дневникѣ" **), а въ мѣстной газетѣ „Астраханскій Листокъ", хорошо освѣдомленной и выходившей подъ цензурой мѣстной же администраціи, — появилось слѣдующее нѣсколько загадочное извѣстіе: „Постановленіемъ губернскаго правленія отъ 27 августа, купецъ Н. И. Артемьевъ имѣетъ быть подвергнутъ административной высылкѣ въ Енотаевскъ на неопредѣленный срокъ". И далѣе: „вслѣдствіе отношенія г. начальника губерніи г. городскому головѣ, купецъ Н. И. Артемьевъ устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ думы" ***).

Мы, разумѣется, ничего не знаемъ ни о преступленіяхъ купца Н. И. Артемьева, ни о томъ, одинъ ли онъ изъ гласныхъ думы (и земства) почувствовалъ на себѣ всю силу астраханскаго губернскаго правленія и г-на астраханскаго губернатора. Очень можетъ быть, что эту же участь уже ранѣе испытали и другіе строптивые представители самоуправленія, которыхъ имена утонули въ общей формулѣ: „нѣсколькимъ лицамъ предложено оставить городъ"... Намъ важно одно: тамъ, гдѣ администрація *можетъ* примѣнять

*) „Астрах. Листокъ", № 191.
**) 1892, № 192.
***) „Астрах. Л.", 3 сентября 1892, 191.

такія мѣры и гдѣ она ихъ *дѣйствительно примѣняла*,—думу можно винить развѣ въ слишкомъ пассивномъ подчиненіи административному произволу. Но за этой, важной, правда, и тяжелой оговоркой, необходимо также признать, что отвѣтственность за всѣ дальнѣйшія предпріятія на отвоеванныхъ у самоуправленія позиціяхъ ложится уже цѣликомъ на одну администрацію... Управа стала ея исполнительнымъ органомъ, а не органомъ самоуправленія, и заготовленныя этой покорной управой „повозки“, очевидно, вполнѣ отвѣчали требованіямъ начальства...

Какъ бы то ни было,—аппараты для ловли больныхъ были заблаговременно готовы, и обывателю приходилось впередъ утѣшаться мыслью, что, случись съ нимъ на улицѣ дурно,—его ждетъ уже „приличное помѣщеніе“...

Дальнѣйшія мѣры вполнѣ соотвѣтствовали этому эффектному началу. Тотъ же, цитированный уже нами выше медицинскій инспекторъ, г. Краевичъ, сообщалъ въ своемъ интересномъ докладѣ, что уже въ 1890 году были большія основанія ожидать появленія холеры изъ Персіи, и по этому поводу въ тайникахъ канцелярій уже два года велась переписка, и даже намѣчались пункты для врачебно-санитарнаго надзора. Разумѣется, всѣ эти переговоры административныхъ инстанцій велись наисекретнѣйшимъ образомъ: холера разсматривалась, какъ предстоящее нашествіе иноплеменныхъ, а мѣры борьбы съ нею охранялись отъ преждевременнаго оглашенія, какъ охраняются отъ нескромныхъ взоровъ дипломатическая переписка или планы минныхъ загражденій. Все это до обывателя какъ бы и не относилось и должно было непремѣнно застигнуть его съ извѣстной внезапностью и врасплохъ.

И все это, разумѣется, повело къ тому, что въ два года ровно ничего путнаго не было сдѣлано, и все пришлось начинать сначала, когда (26 мая) начальникъ Закаспійской области телеграфировалъ, что болѣзнь появилась въ аулѣ у ст. Каука, Закаспійской жел. дороги, и что въ Узунъ-Ада установленъ трехдневный карантинъ. Кромѣ того, сообщалось также, что товары изъ персидскаго гор. Мехшеда, наиболѣе пораженнаго холерой, направляются, въ обходъ карантинныхъ пунктовъ на русской границѣ, прямо въ Асхабадъ, откуда зараза легко могла быть занесена и въ Астраханскую губернію *).

Итакъ, диспозиція была ясна: холера грозила изъ Персіи,

*) Отчетъ медиц. инсп. Д. Д. Краевича. „Астрах. Вѣстникъ“, № 925.

„почему и слѣдовало встрѣчать ее съ этой стороны посредствомъ „обсерваціи, изоляціи и дезинфекціи“. Г. астраханскій губернаторъ (Тевяшевъ), черезъ пять дней по полученіи этого извѣстія (и вѣроятно, послѣ конфиденціальнаго совѣщанія съ г. Краевичемъ и другими чиновниками)—призвалъ къ себѣ доктора Арустамова и возложилъ на него исполненіе своихъ плановъ, снабдивъ, разумѣется, соотвѣтствующей инструкціей...

Докторъ Арустамовъ долженъ былъ отправиться немедленно на передовыя позиціи, въ Каспійское море, съ цѣлью *во что бы то ни стало задержать* персидскую холеру и „не пущать“ ее въ гор. Астрахань...

II.

У Глѣба Ивановича Успенскаго въ его „Очеркахъ переходнаго времени“ (гл. XI) есть очень яркое описаніе своеобразнаго мѣстечка, которое на географическихъ картахъ носитъ странное, „нежилое“, если можно такъ выразиться, названіе: „*Девять футъ*“.

„Подъѣзжая къ этому мѣстечку ночью,—говоритъ авторъ,—уже за десять—пятнадцать верстъ начинаешь замѣчать какую-то массу едва мерцающихъ и скученныхъ въ одномъ мѣстѣ огней. Скоро пароходъ вступаетъ въ водяную улицу, обставленную точь въ точь, какъ на Невскомъ, съ обѣихъ сторонъ фонарями, укрѣпленными на вѣхахъ въ якоря... Къ огнямъ фонарей начинаютъ прибавляться огни судовъ... и вотъ, наконецъ, пароходъ останавливается въ самой серединѣ огромнаго каравана всевозможнаго вида и названія судовъ... Это и есть *Девять футъ*“.

Еще дальше въ морѣ стоитъ другой такой же плавучій городокъ, носящій названіе *Двѣнадцати футъ*. Расположенъ онъ въ 70—80 верстъ отъ Астрахани, на взморьѣ, гдѣ струи великой Волги сливаются съ солеными волнами Каспія. Здѣсь идетъ перегрузка изъ глубоко сидящихъ морскихъ судовъ (если товаръ идетъ въ Астрахань) въ мелко-сидящія рѣчныя, и наоборотъ,—здѣсь же волжскія суда перегружаютъ свою кладь на морскія суда, отправляющіяся въ море, по всему побережью Россіи и Персіи...

Сюда-то и былъ командированъ астраханскимъ губернаторомъ Тевяшевымъ докторъ Арустамовъ, съ цѣлью встрѣтить и задержать здѣсь холеру, какъ задерживаютъ пограничную контрабанду. Для этой цѣли доктору Арустамову было приказано устроить немедленно обсерваціонные пункты и карантинъ, т. е. „учредить плавучую больницу, бактеріологическій

кабинетъ, дезинфекціонную камеру, аптечку для больныхъ и пассажировъ". Предписаніе это было получено докторомъ Арустамовымъ 3 іюня, и уже черезъ пять дней онъ исполнилъ предписаніе, водворившись со своимъ небольшимъ отрядомъ на „Девяти" и „Двѣнадцати футахъ", на разстояніи 70 верстъ отъ Астрахани и въ 30 верстахъ по ближайшему направленію отъ берега, по сосѣдству съ мысомъ, носящимъ зловѣщее названіе „Могильный бугоръ". На этомъ мысу былъ устроенъ баракъ и дезинфекціонная камера. Что это былъ за отрядъ и насколько онъ соотвѣтствовалъ важности задачи, видно изъ того, что „даже въ самое горячее время весь медицинскій персоналъ (на трехъ пунктахъ!) состоялъ изъ врачей: Коханова, Воробьева, Опотовича и самого д-ра Арустамова. Изъ этихъ лицъ врачъ Опотовичъ занялъ „Могильный бугоръ", докторъ Воробьевъ обосновался на „Двѣнадцати футахъ" съ однимъ фельдшеромъ. Было еще двое (!) санитаровъ, одна повивальная бабка и одинъ поваръ для больницы. Ни сидѣлокъ, ни прачекъ, ни санитарныхъ фельдшеровъ вовсе не было *).

Таковъ былъ авангардъ, выдвинутый энергичнымъ распоряженіемъ г-на астраханскаго губернатора въ море для того, чтобы задержать холеру и не допустить ея въ устья Волги. Послѣ этого господинъ Тевяшевъ и астраханская администрація повидимому успокоились: безъ сомнѣнія, „бумага", которая по этому поводу была послана въ Петербургъ, имѣла очень приличный видъ. Далеко въ морѣ уже ждетъ эпидемію цѣлый отрядъ, выдвинутый попечительнымъ начальствомъ, съ бактеріологическими станціями, съ санитарами, съ поваромъ, даже съ повивальною бабкой, и главное—съ строжайшими инструкціями: задержать холеру и подвергнуть ее „обсерваціи, изоляціи и дезинфекціи"... А пока превосходная бумага шла изъ астраханской канцеляріи въ канцеляріи петербургскія, „единственная карантинная пристань" на „Девяти футахъ" покачивалась на морскихъ волнахъ, въ ожиданіи исполненія своей, поистинѣ исторической, миссіи.

Ждать пришлось недолго. На дальнемъ горизонтѣ показывался дымокъ за дымкомъ. Это шли пароходы изъ Баку и изъ Персіи съ товарами для нижегородской ярмарки. Они сначала останавливались на „Двѣнадцати футахъ", гдѣ, вѣроятно, подвергались первоначальному досмотру, потомъ переходили къ главному карантину на „Девяти футахъ", гдѣ уже должны были получать свидѣтельства на пропускъ въ Астрахань, если на нихъ все обстояло благополучно.

---

*) Докладъ д-ра Арустамова обществу врачей. „Астрах. Вѣстникъ", № 929.

Такъ какъ, согласно инструкціямъ, холера должна была придти изъ Персіи, то вниманіе наблюдателей естественно и было направлено на персидскіе пароходы. Оказалось, однако, обстоятельство неожиданное и даже странное: „суда, шедшія изъ Персіи, за все время не доставили санитарно-обсерваціонной станціи ни одного больного“, рѣшительно обманувъ ожиданія и диспозиціи начальства. Что же касается до судовъ, приходившихъ изъ Баку, то тутъ по диспозиціямъ все, наоборотъ, должно было бы обстоять вполнѣ благополучно, такъ какъ городъ Баку самъ по оффиціальнымъ даннымъ долженъ былъ очищать, обсервировать и дезинфицировать зараженныя суда, шедшія изъ Персіи черезъ его пристань. Въ виду этого и согласно инструкціи,—всѣ суда, приходившія изъ Баку подъ русскимъ и персидскимъ флагами, пропускались на законнѣйшемъ основаніи и спокойно исчезали въ мглистыхъ устьяхъ Волги, по направленію къ Астрахани.

Оказалось, однако, что и здѣсь ожиданія инструкціи были обмануты: къ тому времени въ Баку уже съ начала іюня умирали отъ холеры, въ городѣ начиналась паника и спѣшные массовые побѣги, но бакинская администрація (руководимая г. Рогге съ кавказскихъ вершинъ?) еще не признавала „подозрительныя заболѣванія“ холерными, очевидно, предпочитая, чтобы „во ввѣренномъ краѣ“, для утѣшенія высшаго начальства, какъ можно дольше все обстояло благополучно.

И вотъ, 9 іюня изъ Баку, въ качествѣ „вполнѣ по холерѣ благополучнаго“, вышелъ пароходъ „Александръ“, который и прибылъ 12-го къ „Девяти футамъ“. На немъ было пассажировъ: 126 мужчинъ, 73 женщины и 66 дѣтей,—всего, значитъ, 265 человѣкъ. Изъ нихъ одинъ (шестилѣтній ребенокъ) скончался въ морѣ, съ несомнѣнными признаками холеры, а нѣсколько человѣкъ были въ безнадежномъ состояніи. „Если бы не это обстоятельство,—говорилъ впослѣдствіи докторъ Арустамовъ въ своемъ докладѣ обществу врачей,—то санитарная станція, согласно данныхъ ей инструкцій, должна была пропустить этотъ пароходъ *безъ обсерваціи и дезинфекціи*“. Теперь пароходъ былъ задержанъ. Къ 14 іюня число умершихъ на немъ дошло до пяти. Къ 15-му на девяти-футовую плавучую больницу было доставлено еще 4 больныхъ съ ясными признаками азіатской холеры... Слѣдовательно, „Александръ“ привезъ (изъ оффиціально благополучнаго гор. Баку) на „Двѣнадцати-футовой рейдъ“ девять холерныхъ и сомнительныхъ больныхъ, изъ коихъ 5 умерло уже къ 16-му іюня. Затѣмъ, 13 іюня прибылъ изъ Баку другой пароходъ „Цесаревичъ Александръ“, сдавшій въ Петровскѣ двухъ больныхъ холерой,

и послѣ этого „число пароходовъ и зараженныхъ пассажировъ оттуда все увеличивалось“...

Такимъ образомъ, маленькій сторожевой отрядъ очутился лицомъ къ лицу съ ожидаемымъ непріятелемъ, подоспѣвшимъ, однако, совсѣмъ не съ той стороны, съ какой его ожидали. Изъ зараженной Персіи пароходы продолжали приходить здоровые, изъ благополучныхъ владѣній бдительнаго губернатора Рогге они то и дѣло подвозили умирающихъ. Врагъ былъ уже тутъ и, что всего хуже,—онъ успѣлъ уже совершить обходное движеніе и проникъ въ Астрахань...

14-го іюня былъ констатированъ несомнѣнный случай холернаго заболѣванія въ городѣ *). Откуда бы ни проникла болѣзнь,—проѣхала ли она съ отличными рекомендаціями на бакинскихъ пароходахъ еще до начала обсерваціи, или пробралась сухимъ путемъ,—во всякомъ случаѣ, съ этихъ поръ роль доктора Арустамова, повидимому, была кончена... И главное — было очевидно, что задача обсерваціи на „Девяти футахъ“ далеко превышала средства отряда. Но все это съ точки зрѣнія существа дѣла, а докторъ Арустамовъ обязывался смотрѣть также и съ точки зрѣнія инструкціи. По предписанію онъ былъ присланъ, по предписанію задержалъ 265 человѣкъ на одномъ пароходѣ и столько же, вѣроятно, на другомъ, по предписанію же только и могъ прекратить эти операціи, допустивъ истомленныхъ людей въ Астрахань, гдѣ, конечно, было больше возможности справиться съ задачей...

Но такого предписанія не было, и потому „обсервація“ продолжалась (до 3 іюля) съ такой неуклонностью, которая способна повергнуть всякаго сторонняго наблюдателя въ глубочайшее изумленіе передъ необычайной энергіей исполнителей... Еще нѣсколько дней, и съ каждымъ дымкомъ, появлявшимся на южномъ горизонтѣ,—бѣдствіе росло, число задержанныхъ увеличивалось. „Появились наливныя шкуны, на которыхъ были сотни пассажировъ, бѣжавшихъ изъ Баку“. Это было безпорядочное бѣгство населенія, напуганнаго внезапностью появленія болѣзни и, думаемъ также,—таинственностью угрожавшихъ обывателю „административныхъ воздѣйствій“. Люди заболѣвали и умирали въ дорогѣ, а между тѣмъ, „на всѣхъ прибывавшихъ судахъ не было не только врача, но даже фельдшера и аптечки“ **).

Что же, съ своей стороны, предлагалъ больнымъ отрядъ

---

*) „Астраханскій Вѣстникъ“, 18 сентября 1902 г., № 933.

**) Докладъ д-ра Арустамова. „Астрах. Вѣстникъ“, № 929.

на „Девяти футахъ“? Мы уже видѣли: три врача (на трехъ пунктахъ), поваръ, два фельдшера и... повивальная бабка. „Обстановка больницы,—по словамъ самого доктора Арустамова,—была такова: *кромѣ 10 кроватей, больше ничего не имѣлось.* Бѣлья для больныхъ не хватало, не было стульчаковъ, гидропультовъ, клеенчатыхъ халатовъ, резиновыхъ галошъ и... гробовъ“... *).

Иначе сказать,—не было ничего, что нужно для больныхъ и умирающихъ, а была одна мымрецовская инструкція: „тащить“ больныхъ на обсервацію и „не пущать“ ихъ въ Астрахань... Это ясное приказаніе высшей астраханской администраціи маленькій „санитарный“ отрядъ выполнилъ образцово: съ своими ничтожными средствами онъ далъ сигналъ, и на „водномъ Невскомъ проспектѣ“ (употребляю выраженіе Г. И. Успенскаго) движеніе было остановлено, какъ останавливается оно на настоящемъ Невскомъ проспектѣ по мановенію подчаска. Пароходы переставали дымить, спускали якоря... И вотъ у карантинной пристани покорно, смиренно, безъ ропота ошвартовались сотни судовъ. За время обсерваціи были задержаны на Каспійскомъ взморьѣ ни много, ни мало... 263 (двѣсти шестьдесятъ три!) парохода и 214 (двѣсти четырнадцать!) баржей. „По минимальному разсчету,—писалъ докторъ Арустамовъ въ своемъ докладѣ,—на *Девяти футахъ* скопилось (одновременно!) до десяти тысячъ человѣкъ“... И, сообщивъ эти поразительные цифры, докторъ Арустамовъ ставитъ вопросъ:

„*Чѣмъ только питались эти люди?!*“...

. . . . . .

III.

Да, это вопросъ, отъ котораго у свѣжаго человѣка волосы подымаются дыбомъ... „Какъ чѣмъ питались?—спроситъ, навѣрное, читатель,—да развѣ, давая приказы объ остановкѣ карамановъ въ морѣ, астраханская администрація не подумала заранѣе, что задержанные будутъ нуждаться въ пищѣ?“

Именно такъ: астраханская административная комиссія, во главѣ съ губернаторомъ г. Тевяшевымъ, составляя свои строгія инструкціи, имѣла въ виду только холеру, которую слѣдовало „задержать“ совершенно такъ, какъ задерживаютъ неодушевленную контрабанду, но совсѣмъ не имѣла въ виду живыхъ людей и ихъ потребностей. Среди этого десятка тысячъ людей, остановленныхъ въ морѣ для „*обсерваціи, изо-*

*) Тамъ же.

ляціи и дезинфекціи", — находились *подозрительные и неблагонадежные* по холерѣ личности... Ну, значитъ, ихъ и надлежало подвергнуть медицинскому аресту, для чего имѣлись 10 кроватей, поваръ и повивальная бабка. Что же касается здоровыхъ, то для нихъ не было приготовлено даже хлѣба и, что еще важнѣе, — воды! А кругомъ было соленое море!

„Санитарная станція, — гласитъ краснорѣчивый докладъ доктора Арустамова, — по мѣрѣ возможности (!) доставляла провіантъ. Къ концу обсерваціи (только къ концу!) нѣкоторыя пароходныя общества стали подвозить провизію для своихъ пассажировъ... Но это,—эпически прибавляетъ докладчикъ,—*была лишь капля въ морѣ*". При этомъ еще „буфетчики и судовая команда на пароходѣ, пользуясь тяжелымъ положеніемъ пассажировъ, безсовѣстно эксплуатировали послѣднихъ". *Только тотъ*,—продолжаетъ этотъ замѣчательный докладъ,—*кто присутствовалъ при ужасныхъ сценахъ плача, жалобъ и проклятій здоровыхъ пассажировъ, находившихся вмѣстѣ съ больными и разлагающимися трупами* (!!)—только тотъ можетъ имѣть понятіе о томъ, какое благодѣяніе оказывали быстрая и тщательная дезинфекція людей и вещей на „Могильномъ бугрѣ" и устроенные тамъ бараки"...

Докторъ Арустамовъ очевидно настоящій оптимистъ... Конецъ этого періода, неожиданно прославляющій *благодѣянія* быстрой дезинфекціи, для которой задержано 10 тысячъ людей безъ воды и пищи,—признаемся откровенно,—ни мало не убѣждаетъ насъ въ томъ, что эта дезинфекція представляла для кого бы то ни было благодѣяніе, а не ужасающее бюрократическое преступленіе. „Другая же больница, — продолжаетъ докладчикъ,—была устроена только къ 20 іюня, почему въ плавучей больницѣ *стали накопляться больные и мертвые*". Часть труповъ Арустамовъ съ своими помощниками свозилъ на берегъ (30 верстъ!) и хоронилъ своими средствами, а больныхъ, въ числѣ 45 человѣкъ, и 17 труповъ отправилъ съ 19-го на 20-ое іюня на Благословенный промыселъ.

Между тѣмъ, съ утра и до поздней ночи, одни за другими, подходили суда къ санитарной станціи за свидѣтельствами. И большая часть привозила больныхъ и умирающихъ, или люди заболѣвали во время стоянки, что, разумѣется, при описанныхъ условіяхъ должно было идти въ усиленной степени...

При этомъ справедливость требуетъ отмѣтить, что личный составъ отряда дѣлалъ настоящія чудеса. „Въ продолженіе десяти дней медицинскій персоналъ (мы видѣли—какой) рабо-

талъ безъ отдыха и сна". „Кругомъ станціи стояла масса судовъ съ тысячами пассажировъ. Необходимо было снимать трупы, возможно скорѣе свозить ихъ на берегъ и предавать землѣ", тѣмъ болѣе, что „много труповъ привозилось съ моря уже разложившимися", а земля была на разстояніи 30—40 верстъ отъ станціи. „Берега настолько мелководны, что даже на лодкахъ нельзя было приставать къ нимъ. *Больныхъ и трупы нужно было переносить на рукахъ*, по колѣно въ водѣ" *)...

Далѣе: „необходимо было самимъ врачамъ снимать больныхъ со шкунъ въ больницу, ибо команда шкунъ и пассажиры отказывались помогать въ этихъ случаяхъ. Нужно было самимъ врачамъ снимать платье съ больныхъ, омывать ихъ, переодѣвать и переносить въ палаты, гдѣ больные лежали на сѣнѣ (въ мѣшкахъ), тѣсно другъ около друга; надо было ежеминутно обеззараживать изверженія больныхъ. По причинѣ такой неурядицы, одинъ фельдшеръ, Земскій, умеръ отъ холеры"...

Вотъ каково было положеніе вещей, изображенное докторомъ Арустамовымъ, главнымъ дѣятелемъ Девяти-футовой обсерваціи, и вотъ, при какихъ условіяхъ передовой санитарный пикетъ встрѣтилъ холеру въ Каспійскомъ морѣ передъ Астраханью. А вѣдь это и была *первая встрѣча*, которая опредѣлила очень многое въ дальнѣйшемъ.

Разумѣется, поведеніе доктора Арустамова и всего этого передового отряда, если смотрѣть на нихъ, какъ на исполнителей выработанныхъ астраханскимъ губернаторомъ инструкцій,—стоитъ выше всякихъ похвалъ. Впослѣдствіи мы читали, въ связи съ этой холерной кампаніей, много приказовъ о наградахъ и благодарностяхъ, начиная съ гг. губернаторовъ и кончая упомянутыхъ уже прапорщикомъ морской артиллеріи В. И. Гловацкимъ, котораго Н. М. Барановъ печатно благодарилъ „за быстрое изготовленіе фонарей и флаговъ". О награжденіи или хотя бы благодарности доктору Арустамову мы ничего не помнимъ. А между тѣмъ, когда всѣ фонари разобьются и истреплются всѣ флаги, — имена доктора Арустамова съ товарищами должны перейти въ бытовую исторію русской общественности, какъ примѣръ истиннаго героизма, который, однако, на службѣ у безсмысленныхъ чиновничьихъ усмотрѣній, оказался не только безплоднымъ, но прямо гибельнымъ и вреднымъ.

---

*) „Докладъ". Тамъ же.

IV.

Къ сожалѣнію, эта послѣдняя оцѣнка совершенно неоспорима. Отрядъ исполнилъ свою задачу (т. е. выполнилъ инструкцію) съ истиннымъ, а не мишурнымъ героизмомъ, но было бы, вѣроятно, гораздо лучше, если бы на мѣстѣ этихъ упорныхъ людей, сумѣвшихъ задержать сотни судовъ и десятки тысячъ людей у временного городка въ открытомъ морѣ, безъ воды и хлѣба, при наличности десяти кроватей, двухъ санитаровъ, акушерки и повара,—если бы на ихъ мѣстѣ явились люди малодушные, которые сбѣжали бы передъ этой тучей отчаянія и смерти, и явились бы къ г. астраханскому губернатору съ докладомъ, что его инструкція нелѣпа и неисполнима, и что мымрецовская формула „тащить и не пущать“ не есть лучшее средство борьбы съ эпидеміей... Что было бы тогда?.. Астрахань, волей-неволей, вынуждена была бы принимать больныхъ у себя (какъ это и случилось послѣ 3 іюля), сдавать ихъ въ свои больницы, хоронить на своей землѣ... Тогда „казенное благополучіе“ Астрахани прекратилось бы днями десятью раньше, — и только... Но за то можно сказать навѣрно, что не было бы многаго, гораздо болѣе мрачнаго, что зародилось впервые на „Девяти футахъ“.

А родилась тамъ (для меня это несомнѣнно), или во всякомъ случаѣ, *тамъ приняла значеніе очевидности, облеклась плотью позорная и кровавая легенда,—что врачамъ приказано морить народъ подъ предлогомъ холеры.*

„Чѣмъ эти люди питались?“—спрашивалъ, какъ мы видѣли, докторъ Арустамовъ, и самъ же отвѣчалъ, что всѣ старанія станціи въ этомъ отношеніи были только „капля въ морѣ“,— то-есть въ морѣ искусственно созданнаго голода и жажды... Что должны были испытывать жертвы этой бездушной и слѣпой якобы санитарной канцелярщины, которая произвела скопленіе тысячъ людей въ самой ужасной обстановкѣ, которая держала живыхъ людей вмѣстѣ съ разлагающимися трупами, и къ бѣдствіямъ, порожденнымъ холерой, прибавила бѣдствія, порожденныя безсмысленнымъ распоряженіемъ. Одинъ капитанъ зевекинскаго парохода передавалъ моему брату, какъ очевидецъ, что пароходныя команды продавали *стаканъ воды по 20 копѣекъ* — тѣмъ, разумѣется, кто могъ платить эту цѣну.

А кто не могъ?.. И такихъ были именно тысячи...

И еще одна подробность, которую докторъ Арустамовъ не внесъ въ свой докладъ, но которую я, живя и разъѣзжая въ то время по холернымъ районамъ Приволжья, слышалъ отъ

многихъ въ устной передачѣ. Въ одинъ изъ дней этого ужаснаго томленія, когда, даже по словамъ самого докладчика, на задержанныхъ пароходахъ происходили сцены въ родѣ дантова ада, на горизонтѣ со стороны Астрахани показался дымокъ... Бѣжалъ казенный пароходикъ, который сразу привлекъ вниманіе и возбудилъ въ истомленныхъ сердцахъ радостныя надежды: навѣрное, это везутъ изъ Астрахани припасы, а можетъ быть, даже приказъ снять этотъ жестокій и нелѣпый арестъ баржей и пароходовъ въ открытомъ морѣ. Сотни глазъ жадно всматривались въ выроставшее темное пятнышко съ казеннымъ флагомъ... Но, когда пароходъ присталъ къ карантину, то оказалось, что на немъ не было ни запасовъ прѣсной воды, ни хлѣба для арестованныхъ... Вмѣсто всего этого пароходъ привезъ... гробы...

Мы, люди, нѣсколько знакомые съ бюрократическими порядками, можемъ дать „трезвое“ объясненіе этому явленію. Въ самомъ дѣлѣ, оно такъ понятно: мы уже видѣли, что докторъ Арустамовъ указывалъ въ своемъ докладѣ на отсутствіе „гидропультовъ, клеенчатыхъ халатовъ, резиновыхъ галошъ и—гробовъ“... Мы, увѣрены, конечно, что въ своихъ донесеніяхъ по начальству онъ не забылъ и объ отсутствіи воды и хлѣба. Но... „административная комиссія“ ближе всего, конечно, приняла къ сердцу то, что касалось *дезинфекціи и изоляціи*, вообще,—что непосредственно касалось преслѣдуемой болѣзни. Забота о здоровыхъ—выходила за предѣлы ея компетенціи. Послѣдовало, разумѣется, соотвѣтствующее распоряженіе, кто-нибудь, быть можетъ, получилъ даже благодарность „за быстрое изготовленіе гробовъ“, какъ прапорщикъ морской артиллеріи Гловацкій—за фонари и флаги. И вотъ, заботливое начальство спѣшитъ порадовать свой передовой отрядъ... Гробы, дѣйствительно, необходимы, такъ какъ въ это время доктора на своихъ плечахъ выносили въ лодки трупы, завернутые одними простынями, и везли ихъ для похоронъ къ Могильному бугру... Кто же могъ предвидѣть обстоятельства, при которыхъ этотъ полезный подарокъ появится передъ глазами истомленной толпы, и тотъ логическій выводъ, который она сдѣлаетъ?

А выводъ, который она сдѣлала, былъ необыкновенно простъ: приказано уморить еще столько людей, сколько прислано гробовъ... А тамъ—можетъ быть, помилуютъ, а можетъ подошлютъ еще...

Одинъ изъ корреспондентовъ столичныхъ газетъ, описывая нѣкоторые эпизоды этого „сидѣнія“,—высказывалъ удивленіе, что толпа не расправилась съ докторомъ Арустамовымъ такъ,

какъ впослѣдствіи расправлялась съ другими. Объясненіе этого факта довольно просто: во-первыхъ, толпа была въ непривычной обстановкѣ, на разрозненныхъ судахъ; а во-вторыхъ, по разсказамъ очевидцевъ, докторъ Арустамовъ импонировалъ необыкновеннымъ мужествомъ и самоотверженіемъ, съ которымъ исполнялъ свою нелѣпую „изоляціонную“ миссію. Толпа прощала своему санитарному тюремщику, видя, что этотъ человѣкъ является самъ первой жертвой какого-то таинственнаго и непонятнаго „приказа“. Но что приказъ состоялъ въ томъ, чтобы переморить въ морѣ возможно больше людей,—въ этомъ темная и изстрадавшаяся толпа не сомнѣвалась.

И вотъ, на „Девяти футахъ“, въ открытомъ морѣ на палубахъ арестованныхъ санитарной полиціей пароходовъ, назрѣвали мрачныя событія... Призракъ, родившійся изъ невѣжества, тьмы, страданія и обычнаго произвола — облекался здѣсь живою плотью и кровью...

V.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня этого злополучнаго года мнѣ пришлось ѣхать по Волгѣ къ Саратову. Плыли мы на прекрасномъ большомъ пароходѣ, не видѣвшемъ еще ни одного холернаго случая. Вообще, заботами администраціи и цензуры общественное спокойствіе въ то время еще довольно успѣшно ограждалось отъ точныхъ извѣстій о холерѣ; слухи о ней доходили до общества, но мало его тревожили: они ходили два года, какъ отголоски чего-то еще далекаго, быть можетъ, не имѣющаго реальнаго значенія, а точныя извѣстія газетамъ печатать воспрещалось. Можно было только заимствовать изъ „Правительственнаго Вѣстника“. Но правительственный органъ молчалъ... Значитъ, все еще обстояло на Руси благополучно.

Былъ вечеръ. Въ большой каютѣ второго класса, освѣщенной электричествомъ, сидѣло веселое общество и въ томъ числѣ очень общительный и милый помощникъ капитана. А въ открытыя двери и окна глядѣла теплая, ласковая ночь, во тьмѣ которой неясно проплывали очертанія береговыхъ возвышенностей.

Пароходъ подходилъ къ Вольску, и въ открытую дверь виднѣлась уже кучка огней, казавшаяся намъ какимъ-то спутаннымъ созвѣздіемъ. Но помощникъ капитана вглядѣлся въ это созвѣздіе, и на его лицѣ появилось выраженіе недоумѣнія и нѣкотораго безпокойства. Онъ подошелъ къ двери и крикнулъ вахтеннаго.

— Посмотри-ка,—сказалъ онъ матросу:—вѣдь это у пристани стоитъ наша „Вѣра“ *).

— Такъ точно,—отвѣтилъ матросъ.

Мы всѣ не могли понять ни того, какъ они узнаютъ свою „Вѣру“ въ этомъ безпорядочномъ созвѣздіи огоньковъ, ни того, почему это ихъ обоихъ видимо безпокоитъ. Но для волгарей рѣка была точно открытая книга, въ которой они читали свободно.

— Плохо, господа,—сказалъ помощникъ капитана на наши разспросы.—„Вѣра“ шла книзу и по росписанію должна быть въ Астрахани. Ее вернули, примѣрно, изъ Царицына — значитъ...

— Что же именно?..

— Значитъ, что въ Астрахани холера!..

И это оказалось правдой. Когда нашъ пароходъ тихо причалилъ къ борту стоявшей у пристани „Вѣры“, то уже всюду, въ каютахъ и на палубахъ, говорили, что въ Астрахани эпидемія въ разгарѣ, и люди умираютъ сотнями. Многіе пассажиры роптали даже на то, что мы такъ безпечно пристаемъ къ борту опаснаго парохода.

Я съ однимъ изъ знакомыхъ перешелъ по кинутымъ мосткамъ на „Вѣру“, чтобы разспросить очевидцевъ... На нижней палубѣ, въ такъ называемомъ четвертомъ классѣ, въ повалку лежали мужики-рабочіе. Это были люди съ землистыми лицами, съ выраженіемъ угрюмымъ и печальнымъ. Когда намъ приходилось порой переступать черезъ нихъ,—они не двигались и только провожали насъ недружелюбными взглядами; кое-гдѣ раздавалось сердитое ворчаніе... Не было слышно ни пѣсенъ, ни шутокъ, ни гармоніи, ни обычныхъ волжскихъ разговоровъ. Какое-то тяжелое настроеніе нависло надъ этой толпой. Я приписалъ это тому, что эти люди недавно пережили голодъ; на низовьяхъ Волги они искали обычнаго заработка и теперь возвращались оттуда въ мрачномъ разочарованіи.

Большинство пассажировъ верхняго этажа, т. е. второго и третьяго классовъ, ѣхали только отъ Царицына и Саратова, и потому не могли намъ сообщить ничего интереснаго. Одно было несомнѣнно: низовья уже были захвачены эпидеміей.

— Вотъ этотъ господинъ ѣдетъ изъ Баку, — спросите у него,—посовѣтовалъ намъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Господинъ, на котораго намъ указали, стоялъ на кормѣ и, облокотясь на перила, смотрѣлъ на темную рѣку. Видъ у него

---

*) Не могу теперь поручиться за точность названія.

былъ тоже задумчивый и угнетенный, и онъ не особенно дружелюбно повернулся ко мнѣ, когда я, извинившись, предложилъ ему свои вопросы.

— Да, все правда,—отвѣтилъ онъ неохотно...—Все правда: холера въ Баку и Астрахани. Я ѣду изъ Баку... выдержалъ карантинъ на „Девяти футахъ“.

И вдругъ, повернувшись совсѣмъ, такъ что электрическая лампочка освѣтила его блѣдное лицо, онъ спросилъ:

— Видѣли внизу... на палубѣ?..

— Бурлаковъ?

— Да... Они тоже выдержали карантинъ. Это первая партія выпущенныхъ съ „Девяти футъ“... Первыя ласточки. Погодите,— двинутся еще остальные...

И онъ въ общихъ чертахъ разсказалъ мнѣ все то, что болѣе подробно и точно изложено выше. Говорилъ онъ съ перерывами, неохотно, не особенно связно, какъ человѣкъ, не оправившійся отъ тяжкаго угнетенія. Но выводъ изъ разсказа былъ совершенно опредѣленный: онъ предсказывалъ неизбѣжные безпорядки, по мѣрѣ того, какъ эти тысячи народа двинутся изъ карантиновъ, кверху, по Волгѣ...

Я пробылъ дня три въ Саратовѣ, гдѣ тоже начиналась холера и уже назрѣвали близкія событія... Затѣмъ я вернулся въ Нижній, и еще дня черезъ два съ низовыми пароходами пришли извѣстія о холерѣ и холерныхъ безпорядкахъ въ Астрахани, въ Дубовкѣ, въ Царицынѣ и въ Саратовѣ... Убивали санитаровъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо на глазахъ у господъ губернаторовъ. Въ Саратовѣ губернаторъ въ самую критическую минуту уѣхалъ изъ города, и когда пришлось призвать войска, то не было ни его, ни полиціймейстера. Войска были приглашены низшимъ полицейскимъ чиномъ (фактъ, установленный судомъ и оглашенный въ газетахъ). Тѣмъ не менѣе, войска всетаки были призваны, и опять полилась кровь, на этотъ разъ кровь повѣрившей дикой легендѣ и усмиряемой войсками толпы, которая должна была впослѣдствіи расплачиваться еще передъ военнымъ судомъ...

Сказка, правда, старая, повторявшаяся не разъ. Но вѣдь много, среди искусственно поддерживаемой тьмы, бродитъ по свѣту старыхъ сказокъ, которыя, какъ легенда объ антихристовой помощи во время голода, рождаются въ изувѣрныхъ умахъ, повторяются съ недоумѣніемъ и зарождающейся уже въ народѣ критикой, и падаютъ въ безсиліи передъ всякой попыткой культурной работы... Но холерная легенда, наоборотъ, получила видимое подтвержденіе на карантинѣ „Девяти

футъ“. Тамъ она облеклась плотью и кровью и двинулась старымъ историческимъ путемъ: прослѣдите послѣдовательность возникновенія холерныхъ бунтовъ, и вы увидите, какъ они захватывали одинъ городъ за другимъ снизу вверхъ. Какъ будто кто-то идетъ по великой рѣкѣ и зажигаетъ на ней пожаръ за пожаромъ. И дѣйствительно, это шли толпы истомленныхъ людей, разсказывавшихъ всюду *самую настоящую правду* о томъ, что было съ ними на карантинахъ въ Каспійскомъ морѣ...

Въ селѣ Работкахъ (большая приволжская лѣсная пристань) я встрѣтилъ знакомаго водолива съ остановившагося у пристани каравана. Это былъ необразованный, но разумный и пріятный человѣкъ, который недавно женился на вполнѣ грамотной и читавшей книги горожанкѣ. Я былъ увѣренъ, что здѣсь я встрѣчу трезвое отношеніе къ событіямъ. Къ моему удивленію, водоливъ былъ тоже во власти дикой легенды...

— Правда!—говорилъ онъ съ упрямой энергіей. — Господинъ!.. Владиміръ Галактіоновичъ!.. Вѣрьте моей совѣсти, потому что я самъ это видѣлъ.

И онъ опять разсказалъ мнѣ о томъ, какъ на „Девяти футахъ“ держали людей безъ воды и припасовъ, здоровыхъ вмѣстѣ съ больными, живыхъ съ разлагающимися трупами, а вмѣсто хлѣба, въ самую страшную минуту, прислали гробы...

— Что же это значитъ?.. Кому нужно? для чего?.. Какъ по вашему?

Мнѣ стоило большого труда объяснить ему и другимъ, что это была благонамѣренная „обсервація, изоляція и дезинфекція“, а не адское желаніе морить народъ... Что чудовищнаго приказа морить людей ни откуда не было и быть не могло, а были только циркуляры о безпрекословномъ повиновеніи неограниченной власти господъ губернаторовъ. Ну, а господа губернаторы, и вообще чиновники, въ особенности облеченные экстренными полномочіями, имѣютъ въ виду прежде всего непремѣнно переловить всѣхъ больныхъ, изолировать ихъ (то-есть попросту арестовать) и затѣмъ уже облагодѣтельствовать по силѣ возможности лѣченіемъ и дезинфекціей. Бѣда только въ томъ, что весь механизмъ, находящійся въ ихъ распоряженіи, отлично приспособленъ для уловленія и арестованія больного и здороваго человѣчества, но очень плохъ для леченія и уже совсѣмъ не имѣетъ въ виду другихъ потребностей живого человѣка, въ особенности человѣка простого званія, не всегда располагающаго „карманными“ деньгами. Отъ этого происходитъ нѣкоторое прискорбное несоотвѣтствіе: ловятъ больныхъ и въ одиночку, и массами

отлично... Ну, а лечатъ плохо, кормить же иной разъ совсѣмъ забываютъ... И отъ этого чиновничьи заботы становятся порой хуже и грознѣе самой эпидеміи.

Но „невѣжественная толпа“ этого не понимаетъ, не хочетъ относиться спокойно къ „маленькимъ недостаткамъ механизма“ и кидается на докторовъ и санитаровъ, какъ на ближайшихъ исполнителей чиновничьей программы.

VI.

Я не имѣлъ въ виду писать полную исторію того времени, и ограничиваю свои воспоминанія наиболѣе, по моему мнѣнію, яркими и опредѣляющими его эпизодами. Будущему историку не трудно доказать, что всюду въ большей или меньшей степени повторялись тѣ же мотивы: всюду администрація брала дѣло въ свои руки, высылала возражателей и недовольныхъ, приглашала „покорныхъ“ гласныхъ и врачей лишь въ качествѣ слѣпыхъ исполнителей и затѣмъ принудительно осуществляла „указанія науки“ чисто полицейскими мѣрами, совершенно не считаясь съ самыми ясными и законными требованіями жизни. Стоило врачамъ въ Самарѣ и Саратовѣ указать на то, что квасъ нужно варить изъ кипяченой воды,—какъ всѣ квасныя посудины на пристаняхъ внезапно, точно бурей, опрокинуты полиціей, и тысячи бурлаковъ вынуждены были пить грязную воду прямо изъ волжскихъ затоновъ, какъ будто она была кипяченая. И всюду, гдѣ строился холерный баракъ,—передъ населеніемъ вставалъ призракъ принудительнаго, при содѣйствіи полиціи, водворенія въ это учрежденіе даже сомнительно больныхъ и заболѣвшихъ другою болѣзнью...

Результаты всѣмъ еще памятны: въ Астрахани, въ Дубовкѣ, въ Царицынѣ, въ Саратовѣ, не считая мелкихъ городовъ и поселковъ, населеніе жгло холерные больницы и бараки. Въ одномъ мѣстѣ фельдшера облили керосиномъ и зажгли, докторовъ и сидѣлокъ убивали, въ Саратовѣ убили реалиста Немурова, который заступился за санитара...

Потомъ начался судъ... Въ виду „важности обстоятельствъ“, это былъ судъ военный, и въ одной Астрахани онъ приговорилъ: 20 человѣкъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, 22 человѣка—въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, одного—на 20 лѣтъ, двухъ—на 12 и 33 человѣка—къ меньшимъ наказаніямъ *).

---

*) „Гражданинъ“, 1893 г., № 7. Смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой.

И, какъ всегда въ такихъ случахъ,—двери суда были тщательно закрыты отъ гласности. Почему? Потому, конечно, что передъ судомъ должны были предстать дѣйствія господъ „высшихъ губернскихъ администраторовъ“, а это могло уронить ихъ престижъ. Одной изъ гибельнѣйшихъ сторонъ нашего бюрократическаго строя является полное отсутствіе обобщающаго и контролирующаго аппарата. Судъ играетъ эту роль во всѣхъ странахъ. Но у насъ поучительныя черты изъ дѣятельности гг. губернаторовъ астраханскаго, бакинскаго и саратовскаго прошли въ закрытомъ помѣщеніи и только смутными отголосками проникли въ общество... А затѣмъ, все это было сдано въ архивъ, и никому не пришло въ голову свести на очную ставку хотя бы данныя, добытыя судебнымъ слѣдствіемъ, съ донесеніями самихъ господъ губернаторовъ.

А гг. губернаторы, разумѣется, торопились установить свою собственную точку зрѣнія: и въ страшныхъ размѣрахъ, которые приняла эпидемія, и въ холерныхъ бунтахъ оказались виновными всѣ факторы мѣстной жизни, кромѣ того, который присвоилъ себѣ наибольшую власть, а, значитъ, принялъ и наибольшую отвѣтственность за послѣдствія... У насъ вышло, что власть принадлежала администраціи, а отвѣтственность предоставлялась общественнымъ учрежденіямъ. Какъ только холера ослабѣла, народъ пересталъ умирать и волноваться, а бунтовщики были разсажены по тюрьмамъ,—такъ господа губернаторы немедленно пустили въ ходъ свое властное обвинительное краснорѣчіе. Едва ли слѣдуетъ удивляться, что самыми строгими судьями явились при этомъ губернаторы Бакинской и Астраханской губерній...

Г. Рогге (вернувшійся изъ горныхъ мѣстностей?) тотчасъ же сдѣлалъ гласное („пропечатанное“ въ газетахъ) внушеніе врачамъ, которые, по его мнѣнію, не были на высотѣ положенія (если г. Рогге дѣйствительно былъ въ горахъ, то немудрено, что онъ чувствовалъ себя гораздо выше!), а г. Тевяшевъ въ Астрахани отчиталъ гласныхъ думы. „Его превосходительство, — почтительно сообщалось въ хроникѣ мѣстныхъ газетъ,—сказалъ, между прочимъ, что онъ не принялъ гласныхъ въ тотъ разъ, когда, послѣ бунта, они пожаловали выразить свое сочувствіе (удивительные люди!), — потому что они не оправдали надеждъ, возлагавшихся на нихъ во время бунта: не рѣшились идти повліять на толпу“... Правда, исторія не говоритъ о томъ, чтобы и самъ г. губернаторъ на это рѣшился, а астраханскіе жители говорили совсѣмъ другое, но это, повидимому, нисколько не вліяло на величавый тонъ

губернаторской рѣчи. „Не умолчу, — сказалъ далѣе его превосходительство,—что нѣкоторыя лица изъ торговаго сословія позволили себѣ неумѣстные и неблаговременные разговоры. А въ послѣднихъ надо быть очень осторожными...“ *).

Невольно возникаетъ вопросъ: не были ли эти лица свидѣтелями того, что происходило на „Девяти-футовомъ рейдѣ“, и не говорили ли они объ истинномъ значеніи и послѣдствіяхъ такой „обсерваціи“?..

Наконецъ, даже бакинскій врачебный инспекторъ, докторъ Алексѣевъ, единственный изъ врачей облеченный административной властью, выразилъ суровое осужденіе городскому самоуправленію. По его отзыву,—„городское самоуправленіе, какъ всегда (?!), обнаружило свою полную несостоятельность“ **).

Оставалась еще для правильной оцѣнки событій газетная гласность. Газеты, правда, дали не мало матеріала для будущей исторіи этого періода. Было даже одно короткое время, когда казалось, что мѣстныя газеты скажутъ *все* объ этомъ замѣчательномъ и мрачномъ эпизодѣ, и что послѣ этого останется только подвести для всѣхъ очевидные итоги. Дѣло въ томъ, что между Астраханью и Баку начались нѣкоторые взаимные счеты по вопросу, — кто повиненъ въ „незадержаніи“ холеры... Врачебный инспекторъ Краевичъ заявилъ категорически, что гор. Баку не исполнилъ своего долга передъ отечествомъ и пропускалъ персидскія суда безъ обсерваціи. И это было напечатано въ астраханскихъ газетахъ ***). Тогда и въ бакинскомъ органѣ съ благословенія цензуры стали появляться замѣтки, разоблачавшія нѣкоторыя стороны изъ дѣятельности администраціи астраханской. Благодаря такимъ благопріятнымъ для гласности обстоятельствамъ, которыми судьба изрѣдка балуетъ провинціальные органы, — картина начинала понемногу выясняться, и можетъ быть, выяснилась бы до конца совершенная непригодность чиновничьей гегемоніи въ такихъ вопросахъ, если бы это цензурное междоусобіе не было прекращено на половинѣ.

И когда, послѣ этого я, въ качествѣ скромнаго бытописателя провинціальной жизни, сдѣлалъ попытку свести (въ „Русской Мысли“) въ одну картину весь этотъ (цензурный) матеріалъ,—то московская цензура, какъ уже сказано, вырѣзала мою статью изъ журнала.

---

*) „Астрах. Листокъ“, № 193.

**) „Астрах. Листокъ“, № 194. Здѣсь же приводится въ осужденіе городу постройка извѣстныхъ „фургоновъ“.

***) „Астрах. Вѣстникъ“, 13 сент. 1902.

Вѣроятно, такая же участь постигла не мало другихъ статей о томъ же предметѣ, и послѣ этого ничто уже не могло нарушить общаго оптимистическаго колорита губернаторскихъ самооцѣнокъ. Общество, конечно, знало ихъ дѣйствительную стоимость, но когда подошло время „административныхъ“ итоговъ, то все Поволожье съ удивленіемъ узнало о... многочисленныхъ наградахъ.

Награждены съ одинаковой благосклонностью и бакинскій губернаторъ г. Рогге, котораго Астрахань обвиняла въ небреженіи интересами отечества, и астраханскій г. Тевяшевъ, устроившій трагедію на „Девяти футахъ“, и саратовскій кн. Мещерскій, котораго не могли разыскать въ городѣ въ самую критическую минуту, когда требовались его распоряженія... И, въ концѣ концовъ, образцовая кампанія 1892 года была возведена въ систему,—въ видѣ устава 11 августа 1903 года, отдавшаго дѣло борьбы съ эпидеміями въ руки администраціи... Родился онъ, какъ мы видѣли, на „Девяти-футовомъ рейдѣ“, подъ „стоны и проклятія“ задержанныхъ для обсерваціи голодавшихъ людей, окрѣпъ вмѣстѣ съ холерной легендой подъ крики озвѣрѣлой толпы, убивавшей врачей, и окончательно отдалъ обывателя и его представителей въ распоряженіе „административныхъ комиссій“...

Докторъ Арустамовъ награжденъ не былъ. Даже, кажется, наоборотъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ отчета о любопытнымъ засѣданіи астраханскаго общества врачей (10 сент. 1902 г.), на которомъ доктору Арустамову пришлось оправдываться противъ обвиненій г. Краевича, будто это онъ пропустилъ холеру въ Астрахань, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженіи двухъ фельдшеровъ, повара и акушерку. Когда во время преній выяснилась вся поразительная исторія девяти-футовой обсерваціи, то г-на Краевича и тутъ не оставила бюрократическая самоувѣренность. Виновата всетаки не администрація... Со стороны астраханской администраціи, по его словамъ, вся эта борьба была лишь „*результатомъ человѣколюбія*“, такъ какъ она могла бы въ это дѣло и не вмѣшиваться. Что же касается до инструкцій, данныхъ доктору Арустанову, то, по словамъ г-на Краевича, онъ ихъ просто не понялъ: администрація имѣла въ виду пунктъ только „обсерваціонный“, а въ результатѣ онъ оказался „карантиннымъ“. На вопросы изумленныхъ врачей, какая разница этихъ двухъ терминовъ и что въ сущности долженъ былъ дѣлать докторъ Арустамовъ, если бы правильно понялъ инструкцію, — г-нъ Краевичъ отвѣтилъ, не обинуясь, что онъ долженъ былъ снимать больныхъ, а наро-

ходы отправлять обратно въ Баку для тщательней дезинфекціи *).

Въ этой замѣчательной программѣ, очевидно, оживали традиціи дореформенныхъ становыхъ, взаимно перебрасывавшихъ мертвыя тѣла черезъ границу своихъ становъ. Но такъ какъ и бакинское начальство могло стать на ту же точку зрѣнія (пароходы изъ Баку вышли оффиціально благополучными), то въ воображеніи невольно встаетъ совершенно фантастическая картина: если бы докторъ Арустамовъ правильно понялъ мудрую инструкцію, то въ водахъ Каспія, между Баку и „Девяти-футовымъ рейдомъ“ появилась бы цѣлая флотилія легендарнаго Летучаго Голландца, осужденная, во имя инструкціи, на безконечную изоляцію въ открытомъ морѣ. И всѣ тѣ сцены Дантова ада, которыя описалъ докторъ Арустамовъ, хотя и происходили бы въ еще болѣе сильной степени, но за то... это было бы за предѣлами Астраханской губерніи, на нейтральномъ морскомъ просторѣ...

Можетъ быть, это и было бы настоящимъ торжествомъ обсерваціи, изоляціи и дезинфекціи, такъ какъ черезъ нѣкоторое время оставалось бы только потопить или сжечь безпріютныя суда, на которыхъ болѣзнь прекратилась бы „за отсутствіемъ матеріала“...

VII.

Въ августѣ 1892 года эпидемія начала стихать.

„На дняхъ,—писали въ газетѣ „Каспій“,—отпущено (изъ холерныхъ бараковъ) около 200 человѣкъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ сопровождаютъ родные. Эти выпуски произвели большую сенсацію въ городѣ и положительно можно сказать производятъ благотворное и успокоительное впечатлѣніе на жителей. Простой народъ, особенно женщины, при видѣ ихъ, крестясь, творятъ молитву, сопровождая любопытнымъ взоромъ выздоровѣвшихъ, большинство которыхъ—изъ чернорабочаго класса. Такъ какъ бывшая на нихъ одежда уничтожена, то въ больницѣ имъ выданы новыя ситцевыя рубашки, штаны и фуражки, а на ноги лапти, чѣмъ они и обращаютъ общее вниманіе проходящей по улицѣ публики“.

Въ другой замѣткѣ той же газеты говорится:

„Холера ослабла. Въ воскресенье, въ 4 часа дня, на общемъ городскомъ кладбищѣ было совершено настоятелемъ Николаевскаго собора о. Юницкимъ, совмѣстно со всѣмъ го-

*) „Астрах. Листокъ“, № 930. Тамъ же замѣчательныя слова о человѣколюбіи: „Астраханская администрація вовсе не была обязана усиленно работать, а если и работала, то изъ человѣколюбія, а не на основаніи закона“.

родскимъ духовенствомъ, общее отпѣваніе умершихъ отъ холерной эпидеміи. Послѣ окончанія отпѣванія родственники и знакомые умершихъ разсѣялись по всему кладбищу, отыскивая родныя могилы, на которыхъ вскорѣ явились цвѣты. Кладбище опустѣло только къ вечеру"...

Отъ этой картины, даже въ сухой репортерской передачѣ вѣетъ тихою грустью и нашимъ русскимъ смиреніемъ. Но все же при чтеніи ея приходитъ невольная мысль, что съ такого отношенія къ населенію, охваченному болѣзнью и страхомъ, слѣдовало начать... Тогда, быть можетъ, многое было бы иначе.

Но къ несчастью, на-встрѣчу суевѣрію народа двинулось другое суевѣріе: излишняя вѣра въ силу „изоляціи и дезинфекціи", передъ которыми должно уступить все. У народа требовали пассивнаго подчиненія и довѣрія... Но... было ли оно заслужено?

Къ сожалѣнію,—то, что было на „Девяти футахъ", собрало лишь, какъ въ фокусѣ, всю неурядицу, царившую во многихъ мѣстахъ Россіи и во истину суевѣрную панику, охватившую не одно простонародье.

Такъ, администрація города Симбирска, во имя пресловутой „изоляціи", объявила этотъ городъ абсолютно отдѣленнымъ отъ остальной Россіи. Здѣсь васъ просто спрашивали на пристаняхъ—откуда вы слѣдуете, и изгоняли безъ дальней церемоніи, безъ всякой даже изоляціи и карантиновъ, находя, что это гораздо проще. Допускали только своихъ, изъ недальнихъ мѣстъ. Въ это время одинъ купецъ получилъ извѣстье, что его жена заболѣла холерой именно въ Симбирскѣ. Мужъ, конечно, тотчасъ же ѣдетъ туда, но съ пристани его обращаютъ вспять, не принимая никакихъ резоновъ... Онъ впрочемъ догадался доѣхать на пароходѣ до Тетюшъ и оттуда сухимъ путемъ проѣхалъ безпрепятственно. Черезъ недѣлю послѣ этого мудраго приказа пріѣздъ въ Симбирскъ съ Волги совсѣмъ прекратился. Здоровые и больные ѣхали черезъ Тетюши, а оттуда „на долгихъ" подъѣзжали къ тому же Симбирску, развозя возможную заразу по уѣзду...

Вотъ еще бѣглыя замѣтки изъ другихъ мѣстъ. Въ Самарской губерніи сильно развилась эпидемія, благодаря халатности земской управы... „Не было ни врачей,—писалъ корреспондентъ „Русской Жизни",—ни фельдшеровъ, ни фельдшерицъ, не было даже студентовъ-медиковъ и не было запасено достаточно дезинфекціонныхъ средствъ..." „По деревнямъ *были разосланы санитары, подборъ которыхъ былъ крайне неудаченъ: многіе были взяты прямо изъ трущобнаго міра...*"

Въ Баку „во время самой эпидеміи противъ многихъ уволенныхъ уже санитаровъ и другихъ служащихъ возбуждены *уголовныя преслѣдованія* за утайку денегъ, отобранныхъ этими дѣятелями у больныхъ холерою“ („Каспій“, № 193).

Въ Кокандѣ построили заблаговременно бараки, но... когда холерныхъ больныхъ стали свозить со всѣхъ концовъ (и навѣрное принудительно?), въ баракахъ *не оказалось ни коекъ, ни прислуги*. Лекарствъ въ городѣ тоже очень мало“ („Окраина“, № 93).

Въ Саратовской губерніи, — между врачами Аткарскаго уѣзда возникла полемика, „тайный смыслъ которой,—по словамъ одного изъ врачей, — знаетъ весь городъ, въ особенности тѣ, кому приходилось лежать въ городскомъ холерномъ баракѣ“. По мѣткой характеристикѣ г. аткарскаго исправника,—„если положить пять человѣкъ холерныхъ, то они будутъ другъ другу бл... въ лицо“ („Сарат. Дневникъ“, № 182).

И народъ долженъ былъ съ довѣріемъ отдавать своихъ отцовъ, женъ, дѣтей въ такіе бараки, онъ былъ обязанъ довѣрять ихъ жизнь даже такимъ санитарамъ...

И за отсутствіе этого довѣрія, послѣ „картинъ дантова ада“ на 9-ти футахъ его судили не одни только оффиціальные суды, а еще и судъ „общественнаго мнѣнія“.

„*Они* такъ недавно еще носились по улицамъ, какъ демоны разрушенія, уничтожая все на своемъ пути, безчинствуя и наводя на насъ ужасъ. Теперь *они* сидятъ по тюрьмамъ и ждутъ праведнаго возмездія... Пойдемъ же спокойно въ оперу, хотя, правда, поютъ въ ней довольно скверно“.

Это буквальная выдержка изъ одной приволжской газеты послѣ-холернаго времени. Увы, даже въ газетѣ „Каспій“, оказавшей много услугъ гласности разоблаченіемъ,—правда не бакинскихъ, а только астраханскихъ порядковъ, — писали уже 19 августа:

„На-дняхъ въ клубѣ состоялся экспромптомъ танцовальный вечеръ, на которомъ было очень весело, и всѣхъ заинтересовала какая-то пріѣзжая красавица. Эту красавицу, какъ я слышалъ, выписали изъ Т., вслѣдствіе нефтяного кризиза, на компанейскихъ началахъ. Хорошо бы, если бы хоть на этихъ началахъ выписать еще какихъ-нибудь дамъ, а то по саду бѣгаютъ, подбирая хвосты, какія-то *куропатки*“ *).

Очевидно мѣстная жизнь входила въ свои права и отраженіе ея, печать, тоже „переходила къ очереднымъ дѣламъ“.

---

*) „Каспій“, 12 авг. 1892 г.

P. S. Нѣсколько непріятныхъ минутъ пережила администрація многихъ поволжскихъ городовъ, въ виду предстоявшаго военнаго суда. Предполагали, что онъ долженъ вскрыть многое, что могло бы освѣтить оборотную сторону медали. И впослѣдствіи говорили, что онъ дѣйствительно вскрылъ многое... Но процессъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ...

1893 г.

Оглавленіе

III тома.

стр.

Слѣпой музыкантъ. *(Этюдъ)* 3
Смиренные. *(Деревенскій пейзажъ)* 119
Старый звонарь. *(Весенняя идиллія)* 139
Рѣка играетъ. *(Эскизы изъ дорожнаго альбома)* 144
За иконой. 170
На затменіи. *(Очеркъ съ натуры)* 213
Въ облачный день. *(Очеркъ)* 229
На Волгѣ. 263

Бытовые очерки.

Современная самозванщина.
Вмѣсто вступленія. 271
Очеркъ первый. **Самозванцы духовнаго прозванія** 273
I. Мнимые сборщики, странники, калики перехожіе . . . —
II. Аѳонскіе келліоты 278
III. Спросъ на чудеса. Чудо въ селѣ Ревезени. Жигулевскіе старцы. 283
IV. Босоногіе странники. Юродивые, пророки и чудотворцы 288
V. „Пустосвятъ Кривуша“. „Монашеская шайка“. „Душитель Ѳедотушка“. 296
VI. Странникъ Антоній 300
VII. Петя болящій. 310
Очеркъ второй. **Самозванцы гражданскаго вѣдомства** 315
I. Пережитки царственнаго самозванства . . . . . —
II. Человѣкъ безъ происхожденія и люди съ „чужими личностями“. 320
III. Безкорыстное самозванство. Мой знакомый самозванный сыщикъ. 328
IV. Самозванческая мелкота. 334
V. Судебное вѣдомство. „Мировой судья Баранъ“. 340

VI. Врачи, инженеры. Школьные ревизоры. Люди экстраординарныхъ званій. Самозванки-женщины 345
VII. Раменскій, замѣчательнѣйшій изъ современныхъ самозванцевъ. 348
VIII. Самозванцы въ литературѣ: Поприщинъ, Хлестаковъ и Голядкинъ. Психологія самозванцевъ 357
Заключеніе. 364

Въ холерный годъ.

Очеркъ первый. Холерные порядки и безпорядки 369
Очеркъ второй. Карантинъ на девяти-футовомъ рейдѣ 397

LR
K8467

489676
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Полное собраніе сочиненій.
v.3.
[Translit: Polnoe sobranie sochineny]

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET